

802-11
225

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ и ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

№5-6

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

— — — — —
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1838.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1858 года, Мая 15 дня.

Цензоръ *И. Корсаковъ.*
Цензоръ *А. Крыловъ.*

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕБЕСНЫЙ СВОДЪ.

Торжественный шатеръ изъ железной твердыни
Поникъ таинственно надъ дольною землей,
Нерукотворный храмъ, гдѣ трепетной душой,
Сынъ праха чувствуетъ наивысшій свѣтъ!

Какъ поразительнъ святой геронимъ,
Довѣчно на твоей начертанный скрижали!
Въ немъ мысль сокрытую глаза мои узнали —
И я благоговѣль, колѣни преклонивъ...

Величественный сводъ плѣнительной лазури,
Чьей чудной красотой онъ дивно такъ цвѣтетъ,
Когда онъ ополченъ перуномъ, грозный сводъ?
Чей взоръ сверкаетъ тамъ, сквозь ризу гнѣвной бури?

Кто въ немъ такъ странно, такъ могуче отраженъ?
Чѣмъ для очей земныхъ высь горня одѣта?
Не отраженъ ли ты невидимаго свѣта,
Въ кристаллѣ воздуха, негнѣнный небосклонъ?

Гдѣ, утаенное въ тебѣ, твое начало?
Гдѣ заключенъ конецъ въ семь сводѣ голубомъ?
Хранилище вѣковъ, не въ лонѣ ли твоемъ
Чудесь премудрости высокое зеркало?

И все объемишь ты — весь свѣтлый мѣръ твой тропь:
Куда главу мою отъ звѣздъ твоихъ укрою?
Повсюду зримою и ясной пеленою
Твой неизмѣнный кровъ вездѣ равно склоненъ.

О, не дерзай стремить, съ надмѣннымъ помышленьемъ,
Ты свой мятежный взоръ въ сей неба океанъ!
Тамъ для очей твоихъ разстелется туманъ,
И изнеможетъ прахъ, постигнуть онѣмнѣемъ!

А. БАННИ ОВЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ФАУСТА ГЕТЕ.

Сцена условій.

(СТУДЕНТСКАЯ КОМНАТА.)

=

ФАУСТЪ И МЕФСТОФЕЛЬ.

ФАУСТЪ.

Кто тамъ? Войди! Кто тамъ опять
Случится?

МЕФСТОФЕЛЬ.

Я.

ФАУСТЪ.

Войди!

МЕФСТОФЕЛЬ.

Я трижды жду отвѣта.

ФАУСТЪ.

Войди же, говорятъ.

МЕФСТОФЕЛЬ.

Люблю за это!

Чтобы тоску тебѣ поразогнуть,
Я, какъ дворянчикъ, наряжусь,
И въ шелковомъ плащѣ, весь галуномъ обшить,
Тебѣ услуги предложить явлюсь.
Кафтанъ мой красный золотомъ горить,
Перо на шляпѣ есть, и шпага подъ полой,
По модѣ я причесавъ и одѣтъ,
И чтобъ узнать, каковъ на дѣлѣ свѣтъ,
Совѣтую тебѣ последовать за мною.

ФАУСТЪ.

Что ни падѣль бы я, мнѣ радости не знать;
Другой кафтанъ монхъ не облегчитъ страданій:
Я слишкомъ старъ, чтобъ только мнѣ играть,
И слишкомъ молодъ я, чтобъ не имѣть желаній.
Что можеть свѣтъ, что можеть онъ мнѣ дать?

«Отказывай себя, люби свои страданья» —
 Вотъ что внушаетъ намъ день каждый при свиданьи!
 Вотъ пѣсня вѣчная, что всякій разъ
 Съ утра до вечера намъ въ уши напѣваютъ,
 Что сильнѣмъ голосомъ всѣмъ людямъ, каждый часъ,
 Безъ-умолку собою часы напоминаютъ.
 Настаетъ день, и для того приходъ
 Съ предубѣжденіемъ заранѣ я встрѣчаю,
 И плакать радъ, за тѣмъ что знаю —
 Грядущій онъ — я знаю напередъ
 Онъ не исполнитъ мнѣ ни одного желанья;
 Последнее — и то съ собою унесетъ,
 И только гаярствомъ обидный, при прощаньи,
 Онъ радость каждую въ зародышѣ убьетъ.
 Когда же почи тѣнь глаза мои смыкается,
 Съ болѣзнію, съ тоской на ложе я лягу,
 Успокоенія и тути не нахожу:
 Какъ мальчика, меня тяжелы сны пугаютъ.
 Мой Богъ, всегда со мною сущій, Онъ во мнѣ
 Глубоко начерталъ свое благоволеніе,
 И Онъ же, силъ моихъ владыка, Онъ извнѣ
 Не подавъ мнѣ досель десницы утѣшенья,
 Такъ вотъ, вотъ почему болить душа моя,
 Мнѣ ненавистна жизнь и жажду смерти я.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, все же смерть не другъ, не гость желанный.

ФАУСТЪ.

Блаженъ, блаженъ, кого она нежданно
 Въ объятіяхъ любовной обрѣтеть;
 Блаженъ, чью голову въпкомъ побѣднымъ
 Она въ побѣднѣй часъ внезапно обовьетъ!
 О, если бѣ я предъ Промысломъ неисповѣднымъ
 Въ пылу восторга, могъ душею опочить!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А помнится, той ночью кто-то
 Поморщился, когда пришлося испить
 Немножко кислага.

ФАУСТЪ.

Куда тебѣ охота

Шпіономъ быть!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Хоть не всевъдуцъ я,

А знаю кое-что.

ФАУСТЪ.

И если про меня —

Надъ бездною, мнѣ сладкій гласъ напомнилъ
 Давно знакомый звукъ отрадно прозвучалъ,
 Остаткомъ юныхъ чувствъ меня исполнилъ
 И памятью о дняхъ былыхъ очаровалъ.
 Такъ, въ этотъ часъ, клянѣ все оболщенья свѣта,
 И все, чѣмъ жизнь намъ съ молодю мила,
 Чѣмъ ницета ее обманчиво одѣта,
 И день, когда она низпослана была!
 Будь проклято, и чувствъ и мыслей ослышенье,
 И ложный блескъ, и чары смѣлыхъ думъ!
 Будь проклято къ высокому стремленью,
 И все, чѣмъ льститъ себя себялюбивый умъ!
 Проклятѣ тебѣ, минута упоенья,
 Когда твой призракъ намъ безсмертѣе сулитъ,
 Когда онъ намъ, въ мечтахъ, иль въ сновидѣннѣхъ,
 О нашемъ имени и славъ говоритъ!
 Клянѣ, чѣмъ дѣти насъ и чѣмъ жена прельщаетъ,
 И все что радуешь, и часъ когда мамонъ
 За злато насъ на подвигъ вызываетъ,
 Или для радости зоветъ на ложе онъ!
 Денницы лучъ, и грозды винограда,
 Восторгъ любви, чувствъ доблестныхъ отрада,
 Надежда, умъ — я вамъ проклятыя шлю,
 И проклинаю все, что дышитъ наслажденнѣмъ,
 Я прежде всѣхъ тебя, о глуное терпенье,
 Проклятію тебя трикратно предаю!

ХОРЪ ДУХОВЪ (исвидѣлю).

О горе! О горе!

Его раздробилъ

Рукою могучей,

Его ты разбилъ!

Самнмъ нолубогомъ

Онъ въ прахъ обращенъ —

Сей мнр твой чудесный,

Въ развалинахъ онъ!
Мы съ горемъ уносимъ
Остатки съ собой!
Тоскуемъ и плачемъ
Надъ рано погибшей
Его красотой!

Прекраснѣе, могуще
Создай себѣ другой,
И этотъ миръ въ душѣ своей
Носи всегда съ собой.

Свободный на поприщѣ новомъ
Желанья твои разовьются
И новыя чудныя пѣсни
На радостный зовъ отзовутся!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мои дружки,
Мои малютки,
Сюда бѣгутъ!
О лучшихъ дняхъ,
О новомъ счастьѣ
Они поютъ,
И на веселье,
Изъ міра скуки
И тяжкихъ думъ,
Гдѣ вянетъ сила
И чахнетъ умъ,
На новоселье
Тебя зовутъ!
И что за умный,
Благоразумный —
Совѣтъ даютъ!

Ты перестань съ тоской, какъ съ коршуномъ, играть!
Она убьетъ. Живешь въ разладѣ съ вѣкомъ,
Когда послѣдній шухъ даетъ тебѣ понять,
Что ты съ людьми и былъ и будешь человѣкомъ.
Но успокойся, я не изъ такихъ,
Чтобы тебя разнять съ толпою.

Не знателѣ родомъ я, не изъ числа большихъ,
Но ежели поладить ты со мною,
Чтобъ заодно и дѣйствовать и жить,
То ты найдешь во мнѣ товарища и друга,
И даже я тогда, ужъ такъ и быть,
Какъ всенижайшій рабъ, къ твоимъ услугамъ.

ФАУСТЪ.

А за безчестье что, осмѣлюсь я спросить?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, стѣдить ли объ этомъ говорить!
Успѣемъ — время терпится.

ФАУСТЪ.

Нѣтъ, любезный!

Изъ милости просить смѣшно и безполезно.
Чортъ ничего намъ даромъ не даетъ;
Не долго до бѣды съ такимъ слугою.
Онъ эгоистъ большой, и напередъ
Намъ не мѣшало бы условиться съ тобою.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Пока мы здѣсь, я для тебя обязанъ жить,
Твое предупреждать малѣйшее желанье;
Зато ужъ, если тамъ сойдемся — при свиданьи,
Ты долженъ въ очередь мнѣ тѣмъ же отслужить.

ФАУСТЪ.

Ты этотъ миръ — его сперва разбей!
А тамъ что будетъ... Радости моей
Источникъ здѣсь — онъ изъ земли исходитъ,
И это солнце здѣсь, на мой печальный путь,
На горести мои свой чудный свѣтъ наводитъ.
Когда утрачу ихъ, тогда что хочешь будь!
Сомнѣнья не возмущусь отнынѣ —
Что намъ завѣщано въ невѣдомой пустынь:
Тамъ вѣчная ли тма, или вѣчный свѣтъ,
Тамъ ждетъ ли насъ любовь и ненависть, или пѣть...

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такъ стало намъ бы только согласиться?
Съ такими мыслями успѣхъ еще вѣрнѣй:
О, далъ бы я тебѣ попробовать вещей,
Такихъ, что и во снѣ другому не приснится!

Флаустъ.

Что, бѣдный чортъ, что можешь ты мнѣ дать?
Твоимъ ли челоуѣкъ уступить обольщеньямъ,
И можешь ли тебѣ подобный постигать,
Чего желаетъ онъ въ возвышенномъ стремленьи?
Ну, чѣмъ бы ты меня порадовать хотѣлъ?
Любовницей, такой, что мнѣ, пожалуй, скажешь:
«Люблю» — а между тѣмъ на третяго укажешь?
Иль золотомъ, такимъ, что лучше бъ не имѣть?
Випомъ и яствами? Любезный мой! все это,
Изъ рукъ твоихъ — фальшивая монета,
Игра, въ которую все деньги вынимаю!
Ужъ коль на то пошло, мнѣ дерево давай,
Такое, чтобъ оно у корня пропало,
А между тѣмъ, что день, то новый плодъ давало.

Меѣстофель.

Такимъ сокровищемъ всегда могу служить —
На столько-то меня бы стало.
Нѣтъ, мой почтенный другъ, чтобъ о вещахъ судить,
Извѣдать ихъ сперва бы не мѣшало!

Флаустъ.

Когда успѣешь ты обворожить меня
Самодовольствіемъ, утѣхой, наслажденьемъ,
И въ радости моей сознаюсь я,
И я, обманутый, приду въ самозабвенье,
Тогда не только жизнь — я все тебѣ отдамъ!
Держу закладъ....

Меѣстофель.

Идешь!

Флаустъ.

И по рукамъ!

Пускай въ то самое мгновенье,
Когда услышишь ты хоть разъ,
Что я скажу: «помеди, часъ,
Прекрасенъ ты, постой» — мое паденье
Пускай свершится — часъ мой бьетъ...
Окончится твое служенье,
И черная за мной придетъ....

Меѣстофель.

Подумай — я не позабуду....

Флаустъ.

Обдуманно, любезный мой, давно.
Бѣдный я отъ того не буду:
Тебѣ служить, или другому — все равно!
Каковъ я есть — я рабъ, а, право,
И такъ и этакъ — чортъ одинъ —
Кто бъ ни былъ онъ — мой господинъ,
И стало полное на то имѣешь право.
Такъ я сегодня же искусства моего
Образчикъ покажу, и это безъ отсрочки,
За докторскимъ столомъ, но до того
На жизнь, на смерть, въ залогъ, прошу хотя дѣв строчки.

Флаустъ.

Педантъ! чтобъ я тебѣ расписку дамъ?
Или ты мужа правды не знавалъ?
Иль слова честнаго тебѣ такъ мало?
Природа надъ собой, природа не властна,
Все двигалъ впередъ, не движется ль она —
И обязательство меня чтобъ удержишь?
Но слово, другъ — отъ юности оно
Залогомъ лучшаго чего-то намъ дано.
Мечта, но въ ней чудесное значенье...
Блаженъ, кто съ вѣрою въ душъ ее носилъ,
Кто словомъ дорожилъ, кто слову вѣренье былъ,
Онъ не расклется... Да, пуще привидѣнья,
Бонмса мы бумаги и чернилъ;
Пугаютъ насъ печать, сургучъ и скръпя;
Но это, милый чортъ, ужъ до того нелѣпо,
Что самъ же ты и назначай,
И какъ и чѣмъ писать: перомъ, рѣзцомъ иль мѣломъ?
Пергаментъ, мраморъ, сталь — любое выбирай,
Приказывай, и самъ распорядься дѣломъ.

Меѣстофель.

Не слишкомъ то красно, и, такъ сказать,
Витѣвато, ты изволишь разсуждать.
Когда бъ на то клочка бумажки стало,
Да крови капли двѣ, чтобъ имя подписать....

ФАУСТЪ.

Вотъ этого еще не доставало!
Смѣшно подумать... Ну, а впрочемъ, такъ и быть —
Чтобы тебѣ вполнѣ сегодня угодить,
На пошлость я готовъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Въ крови, любезный, что-то
Особенное есть.

ФАУСТЪ.

Вотъ новая забота!

Да ты пойми: тебѣ я обещалъ
Не болѣе, какъ то, чего я самъ желалъ,
И стало тутъ не можетъ быть сомнѣній.
Отвергъ меня мой добрый гений,
Природа недоступна для меня,
Затерявъ путь любви и размышленья,
И надоѣло мнѣ, какъ школьнику, ученье.
Теперь я самъ дивлюся на себя:
Бывало мнѣ чудесное мечталось
И я, Богъ вѣсть, чего хочу,
А на повѣрку оказалось,
Что я тебѣ, мой демонъ, по плечу.
Такъ пусть же въ нѣдрахъ чувственныхъ, тѣлесныхъ насла-
жденій

Остынетъ пылъ моихъ страстей;
Въ невѣдомой волшебной снѣи
Я жду чудесъ отъ мудрости твоей;
Потомъ веди меня по колеѣ всесвѣтной
Событій, выдумокъ и новостей газетныхъ;
Ударимся во все, съ печалью пополамъ,
Подъ часъ и радости доступны будутъ намъ:
Прямой дѣлецъ усталости не знаетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Всѣ средства и пути для васъ равны,
Да, кто порядокъ вамъ и мѣру выбираетъ?
Сегодня здѣсь, а завтра тамъ — властны
По волю вы гулять и веселиться;
Къ услугамъ все, что подъ рукой случится, —
Во здравіе и ѣшь и пей,
Бери, хватай, лови — и только не робѣй.

(Послѣ ответа Фауста.)

На жизнь глядишь ты съ настоящей точки,
Да, жизнь то ваша коротка,
Почтенный мой! Лови ее, пока
Не разлетѣлась на кусочки.
И развѣ людямъ суждено
Гадать о томъ, что имъ дапо
Какъ достойнѣе прямое?
По мнѣ, такъ все равно, какое —
Не спрашивай же, какъ, и что и почему?
Согласенъ, чортъ возьми! пускай по твоему
Рука и голова твоя, твоими
Останутся всегда; да если я
Четверку рысаконъ спроворю для себя,
Такъ развѣ силы ихъ не будутъ и моими?
Ну, соколы! Въ коляску ихъ запретъ
И всюду полетѣть стрѣлою,
Какъ будто бы шестнадцатъ ногъ
Ты вдругъ почувлять надъ собою!
Скорѣ къ дѣлу! Думы прочь!
Разсчетливый, по мнѣ, точь въ точь,
Ни дать ни взять — голодная скотина,
Что лѣпшій на лугу муравчатомъ пасеть:
Ее мутить и кружить чертовщина,
А вокругъ нея трава шелковая растетъ.

ФАУСТЪ.

Къ чему жъ ведетъ твоя наука?
Скажи, съ чего же мы начнемъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Съ того, что тотчасъ же отсюда мы уйдемъ.
Съ мальчишками возиться, что за скука!
Сосѣду предоставь. Глупцовъ учить
Не то ли, что солону молотить?
И это ль жизнь? Да, это просто мука!
Ты согласишься: вѣдь то, что стоило бы знать,
Того ты имъ не можешь передать?
Чему жъ они тутъ могутъ научиться?
И стоять ли? А, вотъ одинъ ужъ и стучится.

ФАУСТЪ.

Принять его сегодня не могу....

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не хочешь ли тебя я помогу?
 А на меня ты можешь положиться.
 Отъ самого утра приема ждешь бѣднякъ;
 Не лѣзя же отпустить его безъ утѣшенья!
 Дай мантию свою и докторскій калпакъ,
 А между тѣмъ готовься къ отправленью.

(Надвѣваетъ калпакъ и мантию Фауста.)

Костюмъ къ лицу. А остальное носму.

Ты предоставь искусству и уму.

(Фаустъ уходитъ. Входитъ ученикъ.)

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

РИМЪ. *

Отрывокъ изъ поэмы «Корюланъ».

Была страна подъ небесами,
 Была великая страна —
 Страна чудесь.... Но времена
 Враждуютъ странно съ чудесами!...
 Былъ градъ, любимый градъ боговъ,
 Но ужъ давно предметы міра
 Освободились отъ кумира
 Племень, народовъ и вѣковъ....
 Онъ палъ — сперва какъ левъ свободный,
 Потомъ какъ воинъ благородный,
 Потомъ какъ рабъ!... Съ лица земли
 Онъ не исчезъ отъ укоризны,

* Одно изъ послѣднихъ стихотвореній поэта, столь безвременно нами утраченнаго....

Но — душень воздухъ той отчизны,
 Гдѣ славу предковъ погребли!
 И — жертва общаго презрѣнья,
 Съ тѣхъ поръ, на мѣсть преступленья,
 Онъ, какъ измученный злодѣй,
 Обезображенный страдаемъ,
 Лежитъ, покрытый поруганьемъ,
 Въ виду безжалостныхъ людей.
 Безъ утѣшенья и безъ силы,
 Лишенный чувствъ и оборонъ,
 Какъ лобызаніемъ Даллы
 Обезоруженный Самсонъ,
 Онъ недвижимъ во снѣ глубокомъ —
 И Филистимская вражда
 Стоитъ въ веселіи жестокомъ
 Надъ ложемъ смерти и стыда...
 И загла надъ нимъ сурово
 Непроницаемая мгла —
 И долго чернаго покрова
 Не спонитъ день съ его чепа...
 И что жъ? — не будетъ листъ увядшій
 Цвѣсти опять между вѣтвей?
 И горній духъ, однажды падшій,
 Не воскреситъ минувшихъ дней?

и

Онъ спитъ.... Но кто не видѣлъ бури,
 Когда, свирѣпа и грозна,
 Она, какъ черная волна,
 Мрачитъ и топчетъ блескъ лазури?...
 О, такъ на лонѣ тишины,
 Надъ этой вѣчною могилой
 Кумира славной старины,
 Летають, вьются, съ чудной силой,
 Бьлаго тлѣстные сны!
 Такъ благодѣтная десница

Всегда таинственной судьбы
Еще хранить твои столпы,
О Римъ, всемирная столица!
И какъ бездѣтная орлица,
Она витаетъ надъ тобой,
И грустно ей разстаться съ славой,
Съ своей погибшею державой,
Теперь -- забвенною рабой!!...

И между тѣмъ, какъ сонъ печальной
Тебя сурово тяготить,
Она улыбкою прощальной
Съ тобой безмолвно говорить --
И рой видный, то прекрасныхъ,
Подобно утренней звездѣ,
То величавыхъ, то ужасныхъ,
Странный порока въ паготъ,
Тебя лелеетъ безирерывно,
Какъ мать любимое дитя;
Иль, свѣжей памятью шутя,
Наводитъ страхъ и ужасъ дивной
На трупъ холодный и пѣмой
Твоей гордыни роковой.

ш.

И въ влажномъ облакъ тумана
Рисуешь оныя передъ тобой
Перстомъ волшебнымъ некромана,
И твой воинственный разбой,
И безпокойное гражданство,
И духъ безумныхъ мятежей,
И кровь сограждакъ, и тиранство
Среди народныхъ площадей!
Фабриций, Регулъ, триумвиръ,
Трибуны, консулы, порфиры,
Въ громахъ и прежней красотѣ,

Борясь съ свирѣпыми вѣками,
Встають — и пышными рядами,
Мелькая ярко въ темноту,
Приносятъ дань твоей мечтѣ....
И видишь живо ты — миллионы
Своихъ народовъ и рабовъ,
Свои когорты, легіоны,
Подъ тѣною тысячъ орловъ,
И океанъ, обремененный
Громадой черныхъ кораблей,
И мѣръ колѣнопреклоненный
Предъ Капитоліей твоей,
И все, и все, что обожали
Съ глухимъ проклятемъ племена,
Что безусловно освящали
Своимъ полетомъ времена!...
Все видишь ты -- и изнуренный
Ужасной мукой Прометей --
Ты, будто вновь одушевленный
Картиной славы прежнихъ дней,
Ты, можетъ быть, въ тоску безсильной,
Желаешь быстро перервать
Твой сонъ лукавый, сонъ могильной,
И съ новой яростью возстать!...
Но -- безотрадная надежда!...
Прошли года, пройдутъ года,
И смертью скованныя вѣжды
Не разомкнутся никогда!....

г.

Ты палъ, ты умеръ для потомства!
Ты -- груда камней для земли,
Съзвиря зла и ввроломства
Твои оплоты потрясли!
Нѣтъ Рима, нѣтъ — и невозвратно!
И съ полуопущенной тишиной
Одна лишь тѣнь его превратно
Дрожитъ надъ Тибрскою волной!....

Исчезли цирки, пантеоны,
 Дворцы Нерона и сенать,
 И императорскіе троны,
 И апархическій бузатъ!...
 И тамъ, на площади пародной,
 Гдѣ, въ буйномъ гнѣвѣ трепеца,
 Взывалъ Антоній благородный
 Къ друзьямъ кроваваго плаща,
 Гдѣ защитилъ народъ свободный
 Своихъ тирановъ отъ мечей,
 И наконецъ, окровавленный,
 Склонился выей изуревной
 Подъ иго хитрыхъ палачей — *
 Тамъ тихо все.... Умолкли битвы....
 Лишь вѣкъ, или два тому назадъ,
 Бывало, теплила молитвы
 То мѣсто громко огласять,
 Когда въ угодность Каіаѣвъ, **
 При звукъ бубновъ и роговъ,
 Въ великолѣпномъ *автодафе*
 Сжигали злыхъ еретиковъ.....

v.

Теперь же въ Ромуловой сферѣ
 Костры живые не трещатъ....
 За то прекрасно *Misereere*
 Поетъ плачливый кастратъ....
 И -- если спаринку угодно
 Нятье услужливыхъ друзей --
 Его супругу благородно
 Проводитъ ловкій чичизбей....

1834.

А. ПОЛЕЖАЕВЪ.

* Триумфировъ.

** Подъ именемъ Каіаѣвъ здѣсь разумѣется верховный инквизиторъ.

РИМСКІЕ ВѢНЦЫ.

=

Римъ благороднымъ сынамъ, отличавшимся чѣмъ-то примѣр-
 нымъ,

Жаловалъ въ память *вѣнцы!* Пятеро было вѣнцевъ.
 Кто, вослѣдъ за врагомъ, на валъ укрѣпленнаго стана,
 Въ приступѣ первый взлетѣлъ — только бы Римлянинъ
 былъ —

Тотъ и стяжалъ вѣнецъ золотой, на подобіе вала:
 Эта награда *вѣнцельмъ лагернымъ* дровею звалась.
 Кто, по званію сопольчанъ, на стѣну вражьяго града
 Первый взошелъ, будь *гастантъ*, *приципъ* или *триарій*,
 тому

Также вѣнецъ золотой, похожій на стѣну съ зубцами;
 Этой наградѣ дано имя *стѣннаго вѣнца*.
 Кто на вражій корабль, гарпагономъ зацѣпленный, первый
 Съ Римской триремы прыгнулъ, братьевъ къ побѣдѣ
 влеча —

Также былъ дапъ и тому золотой, корабельному посу
 (Рострамъ) подобный вѣнецъ, названный въ Римѣ *морскимъ*.
 Эти награды изъ рукъ вожда давались достойнымъ;
 Три золотые вѣнца консулъ вручалъ съ похвалою.
 Трое вѣнцевъ золотыхъ за отважное первенство въ битвѣ —
 Золотомъ только до *той* степени Римъ награждалъ!
 Чтѣ же тому, кто жизнь гражданина на битвенномъ полѣ
 Спасъ, гдѣ въ тотъ еще день видѣлся вражескій станъ?
 Спасъ пораженемъ врага, грозившаго смертию Квириту?
 Жизнь гражданина свята — златомъ ее не цѣнитъ!

Такъ и нельзя того награждать вещественно; можно
 Только символа цѣной подвигъ подобный честить.
 Въ древности дубъ человѣку давалъ все нужное; есть родъ
 Дуба, названье ему *illex* *; онъ зеленъ всегда.
 Римъ готовить вѣнецъ изъ листьевъ почетнаго древа;

* Падубъ.

Эту награду дает Римъ не изъ консульскихъ рукъ!
 То *гражданскій вѣнецъ!* Спасенный спасителя долженъ
 Имъ всепородно, въ виду войска, на славу въпечатъ!
 Ставя его во вторые отцы снмъ обрядомъ священнымъ,
 Сына обязанность онъ долженъ принять на себя.
 Дома хранятся вѣнцы золотые, какъ пѣкал утварь;
 Но дубовый вѣнецъ можетъ съ главы не сходить.
 Въ циркъ, или въ театръ войдетъ — и подыметь собрание
 народа —

Встануть съ почтеньемъ предъ нимъ даже сенаторы все!
 Будъ онъ почетный трофеей хоть незнатнаго — все-таки

Этотъ дубовый вѣнецъ подымъ сенатора състь!
 Дивный вѣнецъ! ужели тебя и просте и быше
 Есть награда еще въ Римѣ возвышенномъ? Есть!

Римская рать вдалась въ тѣсинны, увидѣла цѣлью
 Горь льсистыхъ, а тамъ вражее войско вокругъ,
 Гибель грозитъ, спасенія нѣтъ! Опрометчивый консулъ
 Въ ужасъ: онъ погубилъ эту прекрасную рать!
 Мрачно глядятъ легіоны, молчать. Въ безмолвіи общемъ
 Голосъ одинъ прозвучалъ.... вспрянулъ трибунъ войсковой:
 «Консулъ! смотри: высочайшій хребетъ не занять врагами!
 Глуши враги! Мы еще вырвемъ войско свое!
 Дай ты мнѣ *одного* легіона гастатовъ и принцевъ —
 Ту высоту я займу, съ той высоты удержу
 Всѣ движенія врага! Межъ тѣмъ легіоновъ отхлѣ
 Ты уведи — а насъ нашимъ мечамъ предоставь!» —
 Занявъ онъ ту высоту, поды снмъ Римскаго счастья.
 Врагъ изумленъ и смущенъ — Римская рать отошла!
 «Жаль намъ героств своихъ!» говорило спасенное войско.
 «Въ этотъ моментъ за насъ гибнуть трибунъ и отрядъ»
 Другъ раздался трубы и *бужинны* гремящія звуки....
 Децій пробился! Онъ живъ! Цѣль и отрядъ — онъ цѣлъ!
 Консула станъ закинулъ; спасителя цѣлаго войска
 Рать награждаетъ сама — *славнымъ осаднымъ вѣнцемъ!*
 Станъ *осажденъ* быть нуждой и погибельно ливной, а Децій
 Выручилъ! Чтѣ же ему? Просто вѣнецъ *травяной*.
 Онъ изъ травы тѣхъ мѣстъ, гдѣ свершилось спасеніе войска:

Въ этомъ дарѣ простомъ свѣтитъ торжественный смыслъ!
 Дертъ подносился тому, за кѣмъ признавали побѣду —
 Вѣстотъ и землю ту этотъ символъ отдавалъ,
 Право господства надъ ней и въ ней, погребенія право —
 Жизнь на ней будь долга, легкокъ поды нею будь сонъ!
 Высшей заслугой дана простѣйшая въ мѣрѣ награда —
 Римъ полубога вѣнцемъ ставилъ дерзновыи вѣнецъ!
 Честь *травяного* вѣнца возносила героя до неба —
 Какъ же тебя не любить, чудный, единственный Римъ!*

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

ОТРИНУТЫЙ ПОЭТЪ.

Ахъ! онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
 Уже не любить, какъ одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена...

А. Пушкинъ.

Когда любви непризнанной мученья,
 Поэтъ отринутый почувствуетъ въ крови —
 Онъ проклянетъ минувшія волненья,
 Восторги бурные любви!

* *Лазерный вѣнецъ* — corona castrensis; *стальной* — corona muralis; *морской* — corona navalis, или rostralis; *гражданскій* — corona civica, и *осадный* — corona obsidionalis, или graminea. *Гастаты* — Histati, *Принцы* — Principes и *Триари* — Triarii — были рядовые 1-ой, 2-ой и 3-ей линій боевого порядка. *Травяной* — tritremis — галера. *Бужинка* — buccina — родъ тромбона.

Уразуметь онъ тщету всего земнаго,

И лишь тогда душой постигнуть овь,
Что въ свѣтъ нѣтъ прекраснаго, святаго,
Что все возвышенное — сонъ!

И горестна ему утрата всѣхъ желаній,

Надеждъ несбывшихся обманъ,

И поневоле жаль покнущихъ мечтаний,

Первоначальныхъ сердца ранъ.

Но скорбь высокую онъ на сердцѣ схоронитъ,
Не вынесетъ ее онъ міру на показъ;

Отчальнемъ своимъ себя онъ не уронитъ,

Предательской слезы не выронитъ изъ глазъ.

Напротивъ! Призоветъ онъ на уста улыбку,

И радостный придетъ на выставку людей,

И на струнѣ, всегда ему послушной, гибкой,
Онъ заблещитъ про радость прошлыхъ дней.

И пѣсь его, разгульная, хмельная,

Морочитъ прелестью арлеонагъ невѣждъ,

И звукамъ радостнымъ внимаю;

Они не зрятъ утраченныхъ надеждъ,

Они не зрятъ, какъ въ мукахъ изнывалъ,

Онъ молить смерть коснуться жаркихъ вѣждъ!

Онъ славить имъ и женщинъ и веселье,

А самъ прискорбною, далекою мечтой,

Безпечной радости безумное похмелье,

Онъ вспоминаетъ той порой.

И тяжки для него души воспоминанья!

Былаго свитокъ испещривъ,

Но въ немъ онъ не найдетъ отраднаго мечтанья; —

Онъ былъ посмѣшищемъ!.... Онъ навѣкъ посрамленъ!....

Онъ жертвовалъ любви часами вдохновенья,

Насильственно отторгнутыхъ отъ сна,

И чистой радости была душа полна,

Какъ въ грезахъ онъ писалъ небесное видѣнье,

И было то видѣнье — она! —

Она — вездѣ она! Его стихи звучали,

Хоть мелькомъ обратитъ вниманье красоты;

Онъ чрезъ нее узналъ сердечныя печали,

Онъ ей дарилъ заветныя мечты,

Онъ пѣлъ ей!... Для ней онъ жаждалъ славы!

Онъ былъ рабомъ всепреданнымъ любви,

И ревность онъ узналъ — губящею отравой,

Она текла, какъ лѣдъ, въ его крови.

И все прошло — сонъ чудный мнилъ онъ!

Зачѣмъ-же вспоминать минувшаго обманъ?

Кто съ радостью однажды распрощался,

Тотъ дописалъ свой жизненный романъ —

Но до конца онъ вытерпитъ всѣ муки,

И предъ бездушною, насмѣшливою толпой,

Онъ рѣзвые еще исторгнетъ звуки —

Не измѣнитъ себя, ни словомъ, ни слезой!

Онъ тотъ-же для толпы! Онъ пытку чувствъ скрываетъ

На дѣнь испытанной, стоической души.

И если слезы онъ порою проливаетъ,

То проливаетъ ихъ украдкой, въ тиши.

Онъ тотъ-же для толпы! Веселый, не надмѣнный,

Какъ прежде, какъ всегда, безпечно онъ поетъ,

Но въ тишинѣ почей, колыбельно-революционный,

Онъ молится, да смерть скорѣе позойдетъ,

Да, укротитъ она тяжелыя волненья,

Да, усмиритъ она безумную любовь,

И на крылахъ послушныхъ вдохновенья,

Мечтой летитъ къ минувшему онъ вновь....

К. СУШКОВЪ.

ТУДА!

=

Вотъ всходить мѣсяць надъ Данною,
Горитъ знакомая звѣзда:
Тѣ-жъ звѣзды, мѣсяць надъ Невою....
Туда, туда, туда!

Гдѣ крестъ надъ урной, вокругъ могилы,
Въ травѣ песнятой пѣть слѣда,
Гдѣ не былъ гость давно у милой....
Туда, туда, туда!

Тамъ ждетъ меня моя родная,
Тамъ я желанный гость всегда,
Тамъ въ гробъ -- жизнь, любовь святая....
Туда, туда, туда!

В. ФИЛИМОНОВЪ.

КНИПАРИСЬ.

=

Надъ забытою могилкой,
Одинокій стражъ гробовъ,
И печально и уныло
Зеленія межъ крестовъ,
Другъ, товарищъ замогильный,
Онъ стоитъ, какъ на часахъ,
Бережетъ онъ черепъ пыльный,
Сторожитъ зарытый прахъ,
И въ тоску своей, уныло,
Шепчетъ мнѣ объ небесахъ --

С. СТРОМИЛОВЪ.

ПРОЗА.

—

ВИЗАНТІЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

(Отрѣзки изъ «Цареградской Билы X-го вѣка».)

—

I.

Женщина въ Древнемъ Мірѣ не была тѣмъ, чѣмъ явилась она въ мірѣ Новомъ. «Прекрасная статуя подъ властью мужчины» — такъ опредѣлялъ Греческую женщину какой-то неучтивый Греческій философъ. А что говорилъ о женщинахъ премудрый Платонъ? Боюсь повторить. Странная участь: быть предметомъ любви, обожанія, пѣсень поэтовъ, и въ то же время быть лишеною всѣхъ правъ, всѣхъ преимуществъ мужчины; оставаться запертою въ особомъ отдѣленіи дома; никогда не появляться въ народѣ; не участвовать даже въ общественномъ молении. Вы смотрите на изящныя произведенія валянія и живописи Грековъ и Римлянъ, на ихъ статуи и картины, изображающія *Киприды* и *Психей*, но — знаете-ли, чьи изображенія видите вы? Знаменитыхъ Нинонь-Ланкло Греціи — Лансъ, Фригъ, Таисъ, Аспазій, Ласееній. Гречанки жили невидимыя въ домахъ своихъ; никогда дерзкій взоръ художника не уст-

ремлялся на благородную, скромную Гречанку, мать семейства, или дочь честнаго гражданина. Воспитанная въ гинекей подь властью матери, она тихонько переходила въ гинекей мужа, и воспитывала дочерей своихъ, приготовляя въ нихъ рабынь, или невольницъ будущимъ мужьямъ. Отець рѣшалъ участь дѣтей, не спрашивая, ни согласія дочери, ни воли матери.

И этого мало. Почиталъ жепъ необходимою для оставленія послѣ себя потомства, Грекъ и Римлянинъ скучалъ дома, въ обществѣ жены и дочерей, и жилъ на площади, въ театрѣ, въ циркѣ, на полѣ битвы. Домашней жизни у него не было — исключенія и мѣщанъ Аѳинскихъ и Римскихъ въ сторону. Пригласивъ друзей на великолѣпный пиръ, праздновалъ съ ними, звеня чашами и фѣалами, хозяинъ приглашалъ къ себѣ и женщинъ, для болѣе роскоши бесѣды и разгуляя, но это были прелестницы, танцовщицы, плясуньи, пѣвицы Аѳинскія, Римскія. Шумъ такого пира не могъ достигать до уединеннаго гинекей, гдѣ укрывалась жена хозяина, гдѣ находились его дочери. «Я отдаю другимъ мимолетное, вѣншее наслажденіе, но тебѣ принадлежатъ мое сердце и моя душа» — говорилъ мужъ жепъ.

Не знаю, довольны-ли были жепы Грековъ и Римлянъ такимъ раздѣленіемъ духовнаго и тѣлеснаго. Но знаете-ли, чего не доставало въ мірѣ Древнихъ? *Люби*. Да, любви не знали они; имъ была известна одна чувствениал, грубая сторона ея. Иногда воображеніе поэтовъ искало отдыха послѣ шумныхъ оргій, избѣгая Аркадію, населяя ихъ женскими существами, милыми, у которыхъ любовь составляла всю жизнь, подѣлуй былъ наградою за жертвованіе жизнью, но существенность Греціи не по-

ходила на Аркадію. Она была населена только статуями женщинъ, которыя, подь именами Венеры, Діаны, Флоры, Юноны, украшали сады, портнки, домы, храмы Грековъ, но истинной «женщины» не было въ Греціи. Грозное, дикое впаденіе Новаго міра, хлынувшее изъ Германіи, и образовавшее потомъ *рыцарство*, возвратило женщинамъ права, природою имъ предназначенныя, согрѣло міръ любовью, сдѣлало изъ женщины чловѣка — болѣе — что-то болѣе, нежели чловѣка — *далу*, съ именемъ которой рыцарь соединялъ какую-то благочестивую идею, восклицая: «*Возъ и дала мю!*» Тогда создались не бездушныя Аркадскія пастушки, которыя безпрестанно цѣлуются, вдыхаютъ, влобляются на изумрудномъ дужку, измѣняютъ въ тѣнистой рощицѣ, умраютъ послѣ монолога въ стихахъ — пѣть! создались высокіе идеалы любви счастливой и несчастной, и всегда безсмертно, неугасимо горящей въ душахъ, переносимой за предѣлы гроба, любви, которой мало самой вѣчности.... Женщина рѣшительница битвъ турнира, женщина, съ именемъ которой соединяется вдохновеніе поэта, имя которой произноситъ воинъ, идя въ опасности битвы.... Какъ бѣдна послѣ того жизнь и поэзія Грековъ, какъ жалка и груба вакхическая любовь въ ихъ поэзіи — какъ глушы и ничтожны Гомеровы Елены и Виргиліевы Лавиніи подлѣ созданный поэзіи, появившейся съ тѣхъ поръ, когда женщина появилась въ мірѣ въ своемъ полномъ достоинствѣ чловѣка!

Впрочемъ, въ Греціи и Римѣ такъ давны были заведенные обычаи, что женщины къ нимъ привыкли. Музульманка умереть, но не сниметъ покрывала съ лица своего. Греческая женщина ни за что не захотѣла-бы подвергнуться позору открытой жизни —

лвляться въ обществѣ между мужчинами, танцовать, пѣть, говорить, какъ наши дамы: она обезславила-бы себя. Такаѧ жизнь была предоставлена только прелестницамъ Греческимъ и Римскимъ. Тысячи, десятки тысячъ прелестницъ всякаго рода населяли знатнѣйшіе города Греціи и Рима. Гораздо прежде времени Августа, богачи Греческіе и Римскіе не щадили ни денегъ, ни времени для этихъ безславныхъ и обожасмыхъ всѣми созданій. Великолѣпныя дома и сады, веселые пиры, роскошь въ уборахъ, кокетство и развратъ — все было у нихъ, все окружало ихъ, все было истощено ими, и къ туалету ихъ, на пиры и веселья ихъ, лвлались знатнѣйшіе вельможи, избранное юношество, поэты, философы, ораторы. Въ будуарѣ Лансы и Аспазіи, вы могли встрѣтить Сократа и Діогена, Перикла и Арнстофа на, Исократа и Никія.

Это вело за собою слѣдствія самыя несчастныя. Дошло до того, что молодой щеголь Римскій, женатый и неженатый, не былъ щеголемъ настоящимъ, если не было у него на содержаніи какой нибудь красавицы, и если онъ не проматывался на эту красавицу. Такія женщины вмѣшивались въ дѣла государственныя, и при развращеніи правовъ, примѣрахъ Юлій, Мессавинъ и Агриппинъ, такія женщины рѣшали всѣ дѣла, нерѣдко возсѣдали на тронахъ Императоровъ. Законное супружество упало въ общемъ мнѣніи — сграшались связывать себя женою, и не стыдясь говорили въ Римскомъ Сенатѣ: «Римляне! надобно однако жъ жениться — нѣчего дѣлать! Какъ ни тягостно наложить на себя цѣпи супружества, но необходимость имѣть законныхъ дѣтей связываетъ насъ и заставляетъ жениться.»

И все это перешло въ Царьградъ, и еще болѣе обезобразилось въ Царьградъ, потому что и въ

Римъ, въ послѣднее время, жены получили болѣе свободы, и — если только въ половину повѣрите вы Лукіану и Ювеналу — довольно — вы не захотите жениться на Римлянкѣ. Прелестницы Цареградскія перемѣнились наконецъ съ честными женщинами до такой степени, что трудно было различать ихъ, и различать дѣтей, рожденныхъ отъ жены и отъ наложницы. Законы оставались строгими, какъ во времена первобытнаго Рима, оставались и цензоры; но — что такое законы, если ихъ не исполняютъ? Паутина, какъ говаривали во времена Солона — маленькая мушка въ ней путается и вязнетъ, а большая муха разрываетъ ее и улетаетъ свободно. А цензоры? Чиновники, получающіе жалованье, подобно другимъ чиновникамъ. Страннѣе всего было, что при свободѣ, даже излишней, старинное устройство женскихъ отдѣленій, или *гинекеевъ*, оставалось прежнее, и приличія общественной жизни оставались прежнія. Даже допустить женщинамъ ходить въ церкви для моленія, ихъ отгораживали въ особомъ отдѣленіи, и мужчина не могъ войти въ это отдѣленіе. Слѣживая всякіе обычаи, Греціи и Рима, Скиіи и Востока, знатные люди завели у себя эвнуховъ, а между тѣмъ за половину наслѣдствъ производилась тяжба, потому что родственники безпрестанно доказывали незаконность рожденія дѣтей; а между тѣмъ — половина Императрицъ Цареградскихъ были возводимы на престолъ Константина изъ танцовщицъ, пѣвицъ, фиглярковъ, прелестницъ, которыя обезславили-бы собою гинекеи самаго простаго гражданина!

Гинекеи Цареградскіе отличались особеннымъ великолѣпіемъ, какъ будто въ вознагражденіе женщинамъ за скуку ихъ отдѣленія. Это были кѣтки, но золотыя кѣтки. Роскошь истощала въ нихъ всѣ спо-

собы наслажденія — зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе услаждаемы были золотомъ, мраморомъ, драгоценными каменьями въ уборахъ, благовошными куреніями, рѣдкими, пахучими растеніями и цвѣтами, плодами и яствами, преснищавшими самую утонченную гастрономію Гречанокъ; толпа невольницъ окружала повелительницу гинекея, плясала, пѣла вокругъ нея, и мужъ плясалъ подъ ея дудку, едва только вступалъ въ святилище гинекея.

Можете вообразить послѣ сего, каковъ былъ гинекей Императрицы Цареградской, въ чертогахъ Влахерны и Вукалона! Говорили, что сама роскошная Θεодора, супруга Юстиніанова, не превосходила въ роскоши и великолѣпнн Θεοφανія, супруги великолѣпнаго до безумія Романа, вышедшей по смерти его за Никифора. Это былъ отдѣльный, обширный дворецъ, соединившійся съ главнымъ дворцомъ безконечными переходами. Золото, мраморъ, порфиръ.... Но я боюсь наскучить своими описаніями....

Черезъ недѣлю послѣ происшествія въ домъ Аеанаса, которое мы рассказали читателямъ, бурный осенній день отяготѣлъ надъ Царьградомъ. Поить Эвксинскій стеналь, какъ раненый левъ; волны его свирѣпо хлестали о берега; небо занавѣсилось тучами и облаками; то шумѣлъ порывистый дождь, то снѣгъ, явленіе рѣдкое на берегахъ Босфора, падалъ изъ облаковъ и крутился въ вихряхъ; не одинъ корабль погибъ въ этотъ день, уже въ виду Царьграда, уже совершивъ путь изъ какой нибудь отдаленной Туле, отъ береговъ Африки, или перерѣзавъ быстрымъ бѣгомъ своимъ все протяженіе моря Средиземнаго.

Но буря, волненіе природы, бунтъ стихій страшны только тому, кто блуждаетъ въ это время по

волнамъ моря, или бредеть безпомощнымъ, безкровнымъ странникомъ по землѣ. Напротивъ, еще пріятнѣе наслаждаться тишиною, роскошью тихаго убѣжища, когда буря воетъ извнѣ, и дождь и снѣгъ стучатся въ окна.

Наступалъ вечеръ. Въ великолѣпномъ будуарѣ Θεοφανія, день замѣнялся множествомъ свѣгильниковъ. Этотъ будуаръ не походилъ на обыкновенную комнату Греческую: онъ былъ убранъ на Восточный образецъ, съ пуховыми диванами, съ балдахинными занавѣсами, со всею роскошью Азіи. Сама Θεοφανія казалась не великолѣпною, важною Императрицею Греческою, но какою-то одалискою Восточною. Она только что выпшла изъ своей роскошной ванны, была еще полудѣта, и льшиво нѣжилась на диванѣ. Рядъ невольницъ, Арапокъ, Славянокъ, Турчанокъ, Аравитянокъ, столлъ въ отдаленіи; нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ музыкальные инструменты, въ рабскомъ молчаніи ожидал, не велятъ-ли Императрица пѣть, играть, плясать. Съ другой стороны находились приближенныя женщины Императрицы. Въ двери заглядывали невольники, ожидал, не велятъ-ли принести драгоценныхъ плодовъ, закусокъ, вареньевъ. А она что дѣлала?

Въ легкой, лазуреваго цвѣта тюникѣ, облокотясь на мягкую подушку, Θεοφανія наклонилась къ двумъ невольницамъ: одна изъ нихъ держала въ рукахъ золотую чашу, съ розовою, душистою водою; у другой въ рукахъ было золотое блюдо, и на немъ лежало множество нитокъ крупнаго жемчугу. Θεοφανія брала нитку за ниткою, срывала съ нитокъ жемчугъ и опускала въ розовую воду. Перлы катились по ея бѣлымъ рукамъ — Θεοφανія мыла ихъ въ водѣ. Это была одна изъ любимыхъ забавъ ея,

и говорятъ, что до сихъ поръ роскошныя Султанши Восточныя любятъ особенно это занятіе, и множество стиховъ было доннынъ написано, тысячи сравненій придуманы поэтами на эту забаву. Поэты уподобляютъ прелестныя, розовыя пальчики красавиць, перебирающіе въ водѣ жемчугъ — розовымъ облакамъ весны, изъ которыхъ сыплются перлы росы на розы и лилеи.... Перебирая въ водѣ жемчугъ, Теофанія разсыпала его потомъ на зеленый бархатный коверъ, и одна изъ невольницъ немедленно низала изъ него ожерелья.

— Ахъ! какъ это скучно! — сказала Теофанія, отталкивая чашу и блюдо, и небрежно склоняясь на диванъ. — Переберите его вы.... Возьмите прочь....

Невольницы сѣли подлѣ дивана на парчевыхъ скамеечкахъ, и продолжали мыть и низать перлы.

— Который часъ? — спросила Теофанія у одной изъ приближенныхъ своихъ.

Почтительно подошла эта приближенна къ какой-то великолѣпно украшенной, небольшой машинѣ, присланной нѣкогда въ подарокъ отъ Халифа Императору Греческому. Посредствомъ скрытаго механизма, каждый часъ выпадалъ тутъ изъ глобуса, унизаннаго разноцвѣтными камнями, золотой шарикъ въ серебряную чашку, и означалъ раздѣленіе дня и ночи на часы. Нынѣшнихъ нашихъ часовъ тогда еще не знали.

Теофанія не вслушалась въ отвѣтъ своей прислужницы. Задумчиво сидѣла она, и перебирала вышитый золотомъ край лазуревой туники своей. Казалось, что не одна скука тревожила ее; тайное, скрытное что-то мучило Теофанію, и она не могла найти услажденія ни въ забавахъ, ни въ работливствѣ своихъ невольницъ. Она сердилась, смѣялась, за-

думывалась — но время, будто свинцовый грузъ, тяжело лежало на груди ея; безпрестанно спрашивала она: который часъ?

— Вынесите эту проклятую вазу, съ этимъ гадкимъ Индійскимъ куреньемъ! — вскричала Теофанія, указывая на серебряную курильницу, откуда вѣяло ароматами, купленными на весь алмаза — у меня разболѣлась голова отъ этого чада! — Невольницы бросились выносить курильницу.

— Говори мнѣ что нибудь, Пульхерія! — сказала потомъ Теофанія одной изъ прислужницъ, растягиваясь на диванѣ. — Твое дѣло развеселять меня умными разговорами.

«Великая повелительница! что прикажешь мнѣ, послушной рабѣ своей, говорить?»

— Ври что нибудь, глупое созданье!

«Если-бы я была мудреѣ Платона и Сократа, и тогда не достало-бы было всего ума моего для изреченія чего-либо достойнаго вниманія твоего, мудрая Императрица. Не прикажешь-ли что нибудь прочесть? — Пульхерія была чтецомъ Императрицы.

— Ахъ! это надобно мнѣ пуцц.... пуцце супружеской вѣрности — примолвила Теофанія про себя тихо, усмѣхнувшись. Да, кстати о любви — эй! Зюлейка!

Молодая, прелестная Аравитянка подошла къ Теофаніи, преклонила колѣни, и обратила на нее свои пламенные глаза.

— Спой мнѣ ту пѣсню о любви, которую ты вчера пѣла.

Аравитянка взяла теорбу, настроила ее, и какъ безчувственный автоматъ начала играть и пѣть. Ея наружность составляла странную противоположность съ словами пѣсни.

«Видалъ-ли ты долины Счастливой Аравіи, видалъ-

ли шатры сыновъ Аравіи, какъ небесныя облака, усѣявшія золото степей своею бѣлизною? Тамъ свободно, тамъ вольно дышитъ сынъ Аравіи!

«Видалъ-ли ты пески сыпучіе Аравійскіе, когда вихрь подьѣмлетъ на нихъ облака песчаныя, и вольно и буйно вѣетъ и несетъ эти облака по поднебесью, спускаетъ на землю, мчитъ снова подъ небеса? Такъ вольно, такъ дико мчится сынъ Аравіи на летучемъ бѣгунѣ своемъ: онъ не на небѣ, онъ не на землѣ — онъ летитъ на сынѣ вихрей между землею и небомъ.

«Видалъ-ли ты солнце Аравійское, щитъ небесный, водный по небесамъ незримому рукою небснаго ангела, раскаленный и пламенный?»

— Видалъ я Аравійскіе шатры и бѣгуну Аравійскихъ, облака небесныя и пески земныя, и солнце Аравійское, горящее, палающее.

«Знаешь-ли, что раздолыбе шатра, буйнѣ вихря, пламенибе солнца Аравійскаго? Это любовь Аравитянской дѣвы!»

«О, прекрасна дѣва Аравіи, когда въ сумракѣ вечера ждетъ витяя, и прислушивается къ топоту коня его; буйна и бѣшена страсть ея, когда она завидуетъ звѣздамъ, очамъ неба, видящимъ ея милаго друга, котораго не видитъ она за горами и долинами; пламенна ея объятія, когда она прижимаетъ его къ сердцу своему во мракѣ роскошной ночи....

— Ты поешь, какъ неживленная статуя — вскричала Теофанія съ досадою.

На глазахъ Аравитянки навернулись слезы. «Отъ чего вчера пѣла ты эту пѣсню такъ хорошо?»

— Такъ — мнѣ пѣлось хорошо.

«Глупаа! А теперь отъ чего поешь такъ дурно?»

— Такъ — мнѣ поется дурно.

«Говори, я тебѣ приказываю!»

Казалось, что вся дикая гордость вольной Аравитянки оживила Зюлейку. Она сверкнула очами и отвѣчала: «Ты велишь мнѣ пѣть, когда-бы я хотѣла молчать; ты велишь мнѣ пѣть о моей Аравіи, а я сижу въ твоихъ каменныхъ чертогахъ, я раба твоа, я — свободная дочь степей Аравійскихъ въ прежнес время! Вчера привидѣлись онѣ мнѣ во снѣ; въ мечтѣ ночи прилетѣлъ ко мнѣ вольный духъ моей отчизны и перенесъ меня туда, подъ шатры отчизны моей, и я проснулась такъ радостно, и я пѣла такъ весело!».... — Самыиъ отвѣтъ ни сколько не разсердилъ Теофанія.

«Зюлейка! ты любила когда нибудь?»

Аравитянка закрыла глаза руками, потомъ приложила руки къ груди своей, и казалось, хотѣла задушить отвѣтъ у своего сердца. — «Да,» сказала она — «я любила, любила прекраснаго Фариса Аравійскаго.... Не спрашивай меня, Государыня, не требуй отъ меня пѣсень моихъ объ Аравіи и объ любви Аравійской! Могу-ли передавать эти пѣсни на нашемъ бѣдномъ языкѣ? Вашъ языкъ столчее болото, а языкъ отчизны мой гнѣвное море, когда его пѣнить и волнуетъ буря, и волны его просятся въ раскаленные молніей облака небесныя, и сыплютъ на берега перлы и кораллы, и камни самоцвѣтные!»

— Развѣ у насъ въ Греціи не знаютъ любви, Зюлейка? Развѣ наши юные Греки хуже вашихъ Аравитянь?

«Ваши юные Греки, Государыня?» — Зюлейка усмѣхнулась. — «Ваша любовь Греческая? Послушай разсказа моего, Государыня.»

— Сядь тутъ, Зюлейка. — Теофанія протянула руку Зюлейкѣ въ знакъ милости.

Быль славян витезь Абу - Малекъ между всѣми Аравійскими витязями. Никто не бросаль копыя далѣ его, никто не опережалъ на бѣгу коня его, никого не любилъ такъ пламенно дѣвы Аравіи. И вдругъ сосцы печали упоили Малека; возлегъ онъ на грудь скорби, былъ какъ камень, опаленный зноемъ среди песковъ Аравіи; онъ сдѣлался порогомъ храма любви: онъ увидѣлъ Лейлу, и тѣнь безумія закрыла солнце ума его. Онъ бѣжалъ въ пустыни, и говорилъ съ вѣтрами пустынь: *я люблю Лейлу!*

«Повѣсть о Малекъ сдѣлалась перломъ бесѣды. Такъ никто еще не любилъ — говорили старцы; такъ не умѣемъ мы любить — говорили юноши; такъ никто не любитъ насъ — говорили дѣвы. Эмиръ, щедро надѣленный богатствами и богатый щедростью, услышалъ повѣсть о Малекъ. Онъ ссудилъ Малека золотомъ участія; онъ самъ пилъ нѣкогда горечь рамуки и тѣя плоды отчаянія любви. «Бѣги, какъ звукъ скорый; приведи ко мнѣ ту, которая сожгла сердце Малека огнемъ очей своихъ.» — «А ты бѣги, какъ вихрь быстрый; приведи ко мнѣ изъ пустыни того, кто сдѣлался царемъ любви, кто вымѣнялъ любовь на умъ свой!»

«И предстала предъ Эмира утренняя звѣзда красоты, Лейла, въ блескъ своихъ прелестей; предстало и солнце любви, Малекъ, во тмѣ своего отчаянія; безуміе глядѣло изъ глазъ его; печаль одѣвала его своими крыльями; Аравійскій тернъ расчесывалъ его волосы; песокъ пустыни прикрывалъ его очи во время ночей.

«О ты, заблуждѣнный въ долинахъ скорби! знай: Лейла любитъ тебя — я отдаю тебѣ Лейлу, и съ нею богатства и почести!» — Такъ говорилъ Эмиръ. «Юноша! я люблю тебя, и если-бы я была ца-

рицею всей Аравіи, я отдала-бы тебѣ Аравію съ сердцемъ моимъ.» — Такъ говорила дѣва.

«О Эмиръ благодѣтельный! мнѣ не надобна Лейла!

«О ты, перло перль, роза розъ! я не хочу обладать тобою!

«Къ чему мнѣ богатства и почести безъ Лейлы? Къ чему богатства и почести съ Лейлою?» — Такъ говорилъ Малекъ.

— Заклинаю тебя прахомъ отца твоего: скажи, или ты не любишь Лейлы? Почему-же съ тощаго коня скорби не хочешь ты пересѣсть на лихаго бѣгуна радости, гулять въ садахъ любви и насадить рай на землѣ?

«Великодушный Эмиръ! можетъ-ли пылинка приблизиться къ солнцу? Мнѣ обладать Лейлою, когда любовь моя есть дерзость презрѣннаго духа, смѣло взглянувшего на вѣчный тронъ Алла? Мнѣ обладать Лейлою, когда всей жизни моей недостаточно заплатить за одно дерзновеніе — любить ее?

«Такъ говорилъ Малекъ, и снова бѣжалъ въ пустыни, и говорилъ вѣтрамъ пустыни: *я люблю Лейлу!* И навсегда повѣсть о любви его осталась цѣпью бесѣды. Такъ никто еще не любилъ — говорили старцы; такъ не умѣемъ любить мы — говорили юноши; такъ никто не любитъ насъ — говорили дѣвы.»

Ееофанія захохотала громко, и развеселилась отъ пламеннаго разсказа Зюлейки. Съ изумленіемъ смотрѣла на нее юная Аравитянка.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, такъ не умѣютъ любить у насъ, въ Греціи! — вскричала Ееофанія — и признаюсь — я благодарна нашимъ Грекамъ, что они не похожи на вашихъ Аравитянъ! Если бы они бѣгали по пустынямъ.....

«У васъ и пустынь нѣтъ» — сказала съ презрѣніемъ Зюлейка — «кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили нѣкогда люди, и гдѣ заустыніе залегло теперь развалинами и кладбищами. У васъ нѣгдѣ и вѣтру разгуляться: вездѣ отравить его тлетворное дыханіе человѣческо....»

— Чему ты смѣешься, Феонія? — спросила Феонія у одной изъ Гречанокъ.

«Государыня! раба твоя смѣется тому, что и у насъ въ Греціи также любили когда-то. Есть и теперь, говорятъ, гдѣ-то каменный утесъ надъ моремъ, и съ него бросались тѣ, кто былъ несчастливъ отъ любви. Говорятъ, что прежде на этомъ утесѣ протолкаться было невозможно.

— А теперь?

«Теперь немногіе знаютъ дорогу къ этому утесу, и она такъ заросла крапивою и терномъ, что если бы кто и хотѣлъ придти на этотъ утесъ, то не проберется по дурной дорогѣ.

— Стало быть теперь менѣе людей несчастливыхъ въ любви?

«Не смѣю противорѣчить тебѣ, Государыня.»

— Говори.

«Осмѣливаюсь думать, что теперь у насъ любятъ иначе, и если позволишь, я разскажу тебѣ, повѣлительница, какъ любятъ въ наше время.

— Говори.

Феона начала разсказъ:

«Сказываютъ, что когда-то, давно или недавно, право, не знаю, въ одномъ большомъ городѣ, помнится, Эфесѣ — жили шесть красавцевъ и три красавицы. Шесть красавцевъ влюбились въ этихъ трехъ красавицъ, и влюбились, получше Зюлейкина Малека: они рѣшились на дѣло гораздо страшнѣе бѣгання по пустынямъ и разговариванья съ

вѣтрами, а именно — они рѣшились жениться на красавицахъ, хоть старинная пословица увѣряла ихъ, будто красивая жена, что морская волна — и спать, такъ не вѣрь ей.»

Всѣ засмѣялись. «Мнѣ кажется, что ты сердита на свое зеркало, Феона, и потому сердилась на красавицъ» — сказала Феонія. — «Впрочемъ, кривой носъ твой даетъ тебѣ полное право....»

Новый смѣхъ. Феона поморщилась и отвѣчала: «Можетъ быть, Государыня, но если-бы я была мужчина и вздумала жениться, то выбрала бы самое меньшее зло: жену не молодую и не красавицу.

— Продолжай.

«Но, какъ шестерымъ на трехъ жениться нельзя, хоть это, право, было бы не худо, то наши красавицы рѣшились кинуть жеребій, кинули — вышло тремъ, а трое принуждены были оставаться безъ женъ. Счастливы избранные предложили красавицамъ руки и сердца, и вскорѣ сдѣлались счастливыми супругами. Остальные трое сильно печалились; только одинъ изъ нихъ, у котораго всегда было, что называется *παρρησια* *διαθεσις* (присутствіе ума), скоро утѣшился, началъ уговаривать товарницей, и успѣлъ увѣрить ихъ, что имъ досталась лучшая доля. «Кто препятствуетъ, кто запрещаетъ намъ любить этихъ красавицъ?» говорилъ онъ. «Кто препятствуетъ и красавицамъ этимъ любить насъ? Если у проклятыхъ Мусульмановъ бываетъ по десяти женъ, за то у насъ не запрещено обожать десяти любовницъ, и — право, друзья, выгода на нашей сторонѣ! Не вѣрь коню, лодкѣ и женѣ — пословица не лжетъ.

— Ты, вѣрно, на себѣ испытала это, Феона? Не

правда-ли? — спросила Теофанія смѣясь. Разсказъ Теоны чрезвычайно забавлялъ ее.

«Великая повелительница! я разсказываю такъ, какъ слышала. Умный красавецъ утѣшал своихъ товарищей, и когда тѣ указывали на счастливыхъ товарищей женатыхъ, говорилъ имъ, что у счастья крылья орлиныя, а нравъ женскій: сейчасъ только на мѣстѣ — вздумало, вспорхнуло и улетѣло. Веко-рѣ такъ и случилось. Трое неженатыхъ красавцевъ ходили къ женатымъ, и такъ любовались счастьемъ ихъ, что видно сглазили своихъ прежнихъ товарищей. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, счастливые супруги занемогли, и сперва умеръ одинъ, потомъ другой, потомъ и третій. Но, вотъ какалъ была бѣда: они умерли — что же съ ними дѣлать? Ихъ не воротить. Да, красавицы, жены ихъ, были неутѣшны — плакали, кричали, посыпали пепломъ головы, одѣлись въ самое печальное платье, и всего этого казалось имъ мало: воздвигли онѣ мужьямъ своимъ великолѣпныя гробницы, и такіе дали страшныя обѣты, что въ цѣломъ городѣ только и говорили объ этихъ добродѣтельныхъ супругахъ.

«Одна изъ нихъ велѣла вырвать себѣ болванъ деревянный, такъ похожій на ея мужа — ну! точно живой, и душой и тѣломъ — и день и ночь плакала она и обнимала милый свой болванъ.

«Другая не довольствовалася болваномъ, но хотѣла сохранить своего супруга, если не живаго, такъ хоть мертваго: велѣла набальзамировать его тѣло и безпрестанно плакала надъ нимъ.

«Третья и этимъ не довольствовалася — нѣтъ! она оставила домъ свой, поселилась близъ гробницы мужа, построила подлѣ нея маленькую келью, обвела гробницу потокомъ воды, и поклонялась, что

пока будетъ течь эта вода кругомъ гробницы, она не перестанетъ плакать.

«Такъ и пошли дѣла. Услышали обо всемъ этомъ три неженатые красавца; жаль имъ стало бѣдныхъ вдовъ; рѣшились она пойти и постараться ихъ утѣшить. Пришли къ первой — она не пустила ихъ къ себѣ; пришли къ другой — она отказалась ихъ видѣть; пришли къ третьей — она, сквозь окошечко своей кельи, разбранила ихъ, и сказала, что если еще разъ придутъ они, то она встрѣтитъ ихъ палкою.

Видите-ли, великая владычица, какъ любить у насъ въ Греціи? Не по-Арабски!»

— Неужели твоя глупая сказка вся тутъ?

«Нѣтъ! если прикажете, я разскажу и окончаніе, но, посмотрите, какъ сердятся многія, особливо Зюлейка! Если бы не правда была, то не колола-бы глазъ.»

Теофанія захохотала. «Положимъ, что такъ, но, продолжай.»

— Этакъ нравъ у женщинъ! — говорилъ одинъ красавецъ. — Пока были у нихъ мужья живы, онѣ были къ намъ ласковы, а какъ мужья умерли, онѣ не глядятъ на насъ. Видно сильна была любовь ихъ, что и насъ любили онѣ ради мужей своихъ. — Слыхалъ я — примолвилъ другой — будто любовь женщинъ походить на росу небесную: жива до перваго солнышка — взойдетъ солнышко и роса высыхаетъ. — Да, и что вздумалось намъ итти всѣмъ троимъ вмѣстѣ? — сказалъ третій. — Утѣшать идти, такъ надобно одному быть, и не завидно-ли будетъ нашимъ вдовушкамъ, если къ одной приходять трое, а двумъ другимъ и по одному не достается! Раздѣлимтесь, товарищи: кинемъ жеребій, кому которую утѣшать достанется. — Кинули жеребій и

отправились. — Кто пришел? — спросила неутышная вдова, та, у которой боль вырзана деревянный болванъ — «Я.» — Зачѣмъ же ты пришел? — «Утышать тебя, прекрасная подруга друга моего.» — Меня утышать? Какое мнѣ утышеніе! Вся моя утыха смотрѣть на изображеніе моего покойнаго мужа любезнаго, и — плакать! — Да, чѣмъ смотрѣть на деревяннаго болвана, лучше посмотри на меня: вѣдь я очень похожа на твоего мужа — точь въ точь покойникъ!» — Неужели? А я въ горести моей и забыла объ этомъ. — Вдова отворила окошко, посмотрѣла на утышителя, въ самомъ дѣлѣ нашла въ немъ сходство съ покойникомъ, и долго плакали они вмѣстѣ и разговаривали. На другой день показалось имъ, что лучше плакать въ комнатѣ, нежели въ окошко на улицу, гдѣ всякій прохожій видитъ ихъ неутышныя слезы, а вѣдь люди такіе злорѣчивые..... На третій день они ужъ не плакали, а только сидѣли передъ каминомъ и горевали. Не знаю, холодно что-ли стало имъ, каминъ надобно было растопить получше; сухихъ дровъ не случилось — до того-ли было этой бѣдной вдовѣ — думать о дровахъ! — «Ахъ! если-бы каминъ растопить.» — сказалъ утышитель — «да, жаль, дровъ-то нѣтъ. — «А вотъ, кстати, болванъ моего милаго покойника — какое доброе, сухое дерево — точно самъ покойникъ мой! Онъ такой былъ добрый, что конечно порадуетя, если и по смерти на чтонибудь пригодится.» Взяли бѣднаго болвана вдовушка съ утышителемъ, раскололи его, и растопили имъ каминъ.

Между тѣмъ другой утышитель старался утышить другую бѣдную вдову. Въ первый день она и въ домъ его не пустила; на другой день впустила, да только все плакала; на третій не плакала она —

засидѣлась что-то съ утышителемъ — заговорила. Вдругъ утышитель началъ жаловаться на сильную боль въ животѣ. Вдова встревожилась. Какъ пособить? — «Ахъ! какъ жаль — заторопился я итти изъ дома, и забылъ дома носъ свой! — Какой носъ? — «Такой носъ, который у меня всегда въ запасъ: одинъ Халдейскій лекарь продалъ мнѣ человѣческій носъ, и велѣлъ, когда заболитъ у меня животъ, прикладывать къ больному мѣсту этотъ носъ, и боль проходитъ.» — Неужели правда? — «Правда, и мало-ли чудеса въ мірѣ!» — Да, развѣ это какойнибудь заколдованный носъ? — «Нѣтъ, просто носъ, какъ все носы. Ахъ! если бы у тебя былъ какойнибудь лишній носъ»..... — Жаль мнѣ тебя, да только у меня, кромѣ моего носа, другаго нѣтъ, а этого не хочется мнѣ отрѣзать. — «Да, вотъ, кстати: твой покойникъ у тебя въ домѣ, и носъ у него цѣль?» — Кажется, и такой еще длинный. — «Нельзя-ли отрѣзать у него и отдагъ мнѣ? Онъ такой былъ добрый — при жизни позволилъ водить себя за носъ, и такъ любилъ меня, что вѣрно не откажется послѣ смерти ссудить меня своимъ носомъ. Вѣдь ему все равно, съ носомъ и безъ носа, а если л умру, что ему за радость?» — Въ самомъ дѣлѣ! — Вдова побжала, отрѣзала у покойника носъ, и покойникъ не разсердился, а утышитель вылечился. Послѣ этого вдова подумала: «Теперь не сердится мой покойный мужъ, что у него носа нѣтъ, но не вздумалъ бы потомъ разсердиться за это» — и велѣла она его похоронить.

Черезъ три дня сошлись двое товарищей, спрашиваютъ другъ у друга: «Что твоя вдова? Утышилась-ли?» — Да. — «А твоя?» — И моя не груститъ. — Они рассказали другъ другу свои похождения, посмѣялись, и пошли посмотрѣть, что дѣ-

лаеть их третій товарищъ? Его застали они у третьей неутѣшной вдовы, и что же дѣлали вдова и товарищъ двухъ красавицъ? Отводили ручеекъ, которымъ обведена была гробница. Изволите припомнить, что вдова обывалась до тѣхъ поръ плакать, пока ручеекъ течъ будетъ вокругъ гробницы. — Вы смѣтаетесь, Государыня? А все это сущая правда; по крайней мѣрѣ, очень на правду походить.

«Благодарна тебѣ за твою правду, только не советую рассказывать при мужчинахъ этой правды. Они и безъ того такъ смѣются надъ легковѣрjemъ женщинъ, готовыхъ вѣрить всякому утѣшителю.....»

— Пусть только дослушаютъ они окончаніе моего рассказа, такъ перестанутъ смѣяться.

«Еще окончаніе?»

— Въ трехъ словахъ: утѣшителямъ очень повравилось утѣшать молодыхъ неутѣшныхъ вдовъ, и они рѣшились всегда утѣшать ихъ. Словомъ, трое красавицъ женились на трехъ красавицахъ вдовахъ. Каждый изъ нихъ думалъ: «Ужъ если я умру, и послѣ меня вдовой останется жена моя — вѣрно, никто не утѣшитъ ея, и она умретъ съ горя.....»

Сказка, которую рассказала Феона, считалась однимъ изъ остроумнѣйшихъ рассказовъ Греческой Словесности того времени, Словесности, которая послѣ Гомера, Анакреона, Сафы и Теоокрита, щеголяла Аоннодорами, Никодимами Иракійскими, Досіадами, Музеями. Не удивительно, что эта сказка чрезвычайно понравилась Теофанію, а послѣ этого, какъ было не любоваться этою сказкою ея подчиненнымъ!

Но Теофанія снова задумалась; казалась, по крайней мѣрѣ, разсѣянною..... И было отъ чего!

Премудрый Соломонъ давно говорилъ: «О сынъ

мой! не внимай злой женѣ: медь каплетъ отъ усть ея, и временно услаждаетъ гортань твою, но горьче желчи будетъ онъ тебѣ, и паче меча изощреннаго. Ночами безумія приблизишься ты съ нею къ погибели. Бѣги отъ нея — не приближайся къ дверямъ дома ея, да не предастъ другимъ живота твоего и житія твоего немилостивымъ; да не насытитъ ся иные твоею крѣпостию, и трудъ твой, да перейдетъ въ чужіе дома.....»

Становилось поздно. Среди веселыхъ рассказовъ и разговоровъ вошелъ нѣмой черный невольникъ, преклонилъ колѣни предъ Теофанією, и она ужаснулась, какъ будто, когда увидѣла изуродованное природою и людьми созданіе, карлика, искривленнаго и безобразнаго.

И ужасное душевное волненіе, казалось, терзаетъ Теофанію. Она поблѣдѣла, закрыла глаза рукою, какъ будто боялась страшнаго привидѣнія. Поспѣшно встала она съ дивана, и ходила скоро и безпорядочно по своему роскошному будуару. Никто ничего не смѣлъ сказать — никто не смѣлъ посмотреть на Теофанію. Но былъ нѣкто, смѣло глядѣвшій на нее въ это время — не зримый, но видимый.....

О совесть, совесть! неумолимый стражъ человѣка, неусыпающій на бархатныхъ подушкахъ, не заглушаемый веселою пѣснью! Какъ червь, подгниваешь ты зданія, воздвигаемыя порокомъ и страстями..... Неумолимая Немезида! все погибнетъ передъ волею человѣка, погибнетъ добродѣтель и стыдъ — не гибнешь одна ты! Змѣей сосешь ты грудь преступленія; гробовымъ червемъ стучишь въ уши порока; соннымъ видѣніемъ терзаешь его, когда онъ думаетъ успокоиться на ложѣ своемъ; въ ядъ превращаешь ты драгоцѣнное вино, которымъ

тушить онъ пламень, пожирающій душу его, и какъ часто кровавою головою погибшей жертвы представлялись злодѣю дорогия лѣтвы, и полеть журавлей обличалъ преступника!

Но Теофанія укрѣпилась. Она уже такъ закалена была въ буйныхъ страстяхъ своихъ, она такъ далеко перешла за тотъ порогъ, подлѣ котораго сидитъ и плачетъ робкое Раскалнѣе, что возвратъ былъ ей невозможенъ.

Нѣтъ, нѣтъ! всегда возможенъ онъ, какъ возможно милосердіе и помилованіе Божіе! Оно братъ, оно другъ твой, это Раскалнѣе, примиритель съ Богомъ!

— Довольно. Благодарю васъ. Вы можете удалиться! — сказала Теофанія своимъ приближеннымъ и невольницамъ. Всѣ преклонились передъ нею и удалились медленно. Комната опустѣла. Карликъ все еще стоялъ на колыняхъ, преклонивъ голову. Теофанія дала знакъ рукою. Уродецъ, ожидавшій се-го знака, мгновенно поднялся и пошелъ — и еще разъ остановила его Теофанія.

— Неужели и теперь, опять испытать мнѣ должно,» думала она, «испытать, что испытала я въ ужасный день смерти Романа? Какъ! Эта глупая робость не исчезла въ теченіе семи лѣтъ? И опять это страшилище, которое преслѣдовало меня столько времени, будетъ меня преслѣдовать? Опять этотъ стонъ, это хрипящее умирающаго, все, что чудилось мнѣ тогда, столько времени, опять все это будетъ мнѣ чудиться?»

— Ужасно! Еще есть время.... Одно слово мое, и онъ спасенъ, и погибнетъ злодѣйство.... Ему погибнуть? Погибнуть Цимисхію, прекрасному, мужественному Цимисхію! Если-бы можно было воротить.... Говори умъ, говори мнѣ сердце мое!

Безумная! къ Богу должна была прибѣгнуть ты

— молитвы требовать отъ души твоей, а не покорныхъ совѣтовъ отъ своего предателя сердца!

«Зачѣмъ, Цимисхій, увлекъ ты меня съ собою? За чѣмъ потребовалъ ты преступленія, какъ залога любви моей?»

Она махнула рукою. Карликъ исчезъ.

— Совершено! — невольно вскричала Теофанія; ноги ея дрожали; она не могла стоять, и въ безсиліи упала на диванъ.

« Неужели этого не простить мнѣ милосердѣй, премногомилостивѣй Господь! Да, я клянусь, что отнынѣ жизнь моя посвящена будетъ милосердію, призрѣнію страннѣхъ, помощи сирымъ и вдовицамъ. Я сооружу, воздвигну церковь на диво вѣкамъ, во имя Богоматери, Всѣхъ Скорбящихъ Радости; украсю ее золотомъ и серебромъ, дорогими камнями и мусією; перекою мои украшенія въ утвари священныя; подлѣ церкви будетъ больница, общая обитель благочестивыхъ невѣстъ Христовыхъ... Черезъ нѣсколько лѣтъ я оставлю тронъ Цареградскій, постригусь, посвящу слезамъ и молитвѣ остальные дни мои, пойду пѣшкомъ въ Іерусалимъ... Господь меня помилуетъ!

Ужасный порывъ вѣтра заревѣлъ мимо оконъ бу-дуара; снѣгъ и дождь хлынули въ окна, и буря завывала, какъ будто дьяволы смѣялись вдалекѣ надъ словами Теофаніи.

Въ страхъ, крѣпко зажала она глаза руками, и съ крикомъ испуга и ужаса упала на подушки дивана. Мягкая бархатная подушка показала ей раскаленнымъ адскимъ желѣзомъ.

Бѣдная владычица Цареграда! если бы въ эту минуту горестная какала нибудь вдовица, у которой нѣтъ крова въ часъ этой свирѣпой бури, у которой нѣтъ куска хлѣба для плачущихъ сиротъ ея,

которую отталкиваетъ отъ дверей рука жестокосердаго богача — если бы эта печальная страдальца могла въ эту минуту заглянуть въ твое сердце.... она не промѣнялась бы съ тобою на твою часть....

— Никифоръ! я иду къ тебѣ! Ангель хранитель мой! предводи моими стопами! — воскликнула Теофанія, встала, и едва держась на ногахъ, опираясь на диванъ, хотѣла идти. Но голова ея кружилась — въ глазахъ ея было темно. Со страхомъ глядѣла она вокругъ себя.

— Гдѣ-же всѣ онѣ? — шептала Теофанія. Зачѣмъ всѣ онѣ оставили меня? Или я отравляю дыханіемъ моимъ самый воздухъ, такъ, что всѣ бѣгутъ отъ меня?... Я одна....

«Ты не одна, божественная Теофанія» — сказалъ кто-то тихо и привѣтливо.

Съ изумленіемъ оборотилась Теофанія. Передъ нею стоялъ Цимисхій.

Пока Теофанія была одна, съ своего незримою, грозною совѣстью — она была челоѣкъ, женщина, бѣдная, кающаяся грѣшница, но едва другой явился къ ней — въ Теофаніи исчезла грѣшница, женщина, исчезъ челоѣкъ: она была могущая повелительница всего, что ее окружало; всякій, кто приближался къ ней, былъ ниже ея, былъ ея подданный, подвластный ей — онъ былъ челоѣкъ, а она царица, владычица Царяграда. Ни передъ кѣмъ не могла она открыть души своей, ни передъ кѣмъ не захотѣла-бы она унизиться, являясь челоѣкомъ, подобнымъ другому — она была владычица Царяграда....

И — что дѣлаетъ долговременная привычка власти и могущества! Теофанія, на которую страшно было взглянуть за нѣсколько мгновений — такъ

блѣдно, какъ смерть, было лицо ея — казалась теперь спокойною; лицо ея оживилось; румянецъ появился на ея щекахъ; глаза ея приняли привычное выраженіе гордости и неприступнаго величія. Спокойно съѣла она на диванѣ, и роскошно облокотилась на подушки, такъ, что цегольская лазуревая туника живописно обвивалась прекраснѣйшій станъ ея; бѣлая рука, какъ будто невзначай, выставилась до половины изъ рукава, и ножка видна была, старательно обутая въ красныя сандалии. Царица смѣнила въ Теофаніи женщину — кокетка преступницу.

Неисчислимы пути и тропинки зла, по которымъ влечетъ оно челоѣка, едва челоѣкъ поддастся ему — бездны порока прикрыты цвѣтами страстей; василиски и аспиды чувства скрываются въ мягкой муравѣ обольщеній.

Но всякаго другаго, а не Цимисхія, могло обмануть притворное спокойствіе Теофаніи, не Цимисхія, возросшаго среди крамоль двора Цареградскаго, испытаннаго въ страстяхъ — онъ высказалъ-бы Теофаніи то, чего сама она подозрѣвать не могла.

— Если и нѣтъ меня здѣсь, могущественная владычица Царяграда и всего Востока! — продолжалъ Цимисхій — сердце мое всегда лежитъ у ногъ твоихъ, и духъ мой всегда блюдетъ, да не прикоснется ни какое зло къ твоей очаровательной особѣ!

«Благодарю, Іоаннъ Цимисхій, но думаю, что не время теперь хвалить красоту мою.

— Всегда время удивляться ей, и никогда не изберемъ времени достойно восхвалить ее, владычица сердце!»

Теофанія молчала. «Не забудемъ однако жъ, что время есть вещь дорогая и невозвратимая. — Благоволишь-ли немедленно вручить мнѣ ключъ отъ

тайныхъ выходовъ къ приморью до твоей опочивальни, великаа властительница?

— Развѣ надобенъ уже онъ?

«Развѣ еще не надобенъ онъ? должна спросить ты, владычица Цимисхія, если только дорожишь твоею жизнью и моею жизнью. Буря закрыла извнѣ всѣ мои приготовленія; шумъ пира и веселья заглушить всѣ опасенія во дворцѣ.

— Веселья, Цимисхій?

«Неужели, божественная Теофанія забыла, что сегодня вечеромъ назначенъ торжественный пиръ для Булгарскихъ Царевенъ, и что все ожидаетъ только одного слова царицы для начала? Произнеси это слово, и чертоги Вукалеонскіе огласятся кликами и пѣснями радости.

— Пиръ? Сегодня? Ахъ! я и забыла объ немъ.... И Цимисхій будетъ на этомъ пирѣ?

«Повелительница мол опять забываетъ, что мнѣ не позволено являться въ чертоги Вукалеонскіе безъ особеннаго приказанія недовѣрчиваго ея супруга, тирана Греція, который трепещетъ и боится мухи, и не довѣряетъ самой крѣпкой стражѣ дворца своего.

— Онъ имѣетъ право не довѣрять.... Его окружаютъ злодѣйство и измѣна....

«Государыня!»

— Пиръ въ чертогахъ Вукалеона.... А между тѣмъ, гдѣ будешь, что будешь ты дѣлать, Цимисхій?... Трепещу....

«О чемъ-же, могущая повелительница? Да, и нельзя не трепетать, если только вспомнимъ, какъ ужасно въ такую ночь, какова нынѣшняя, плыть черезъ Босфоръ на легкой ладѣ, укрывалась отъ всѣхъ взоръ, когда въ глазахъ плавателя гибнутъ корабли, разбиваемые бурейю — какъ ужасно идти сквозь

тройную стражу, приблизиться къ логовищу льва, войти въ него, ввести отважныхъ товарищей, и мстить ему за неволю, за своенравную жестокость, съ какою обходится онъ съ своего супругою, съ тою высокою особою, которая возвела его, ничтожнаго раба своего, на престоль Царяграда....

— Цимисхій! не оскорбляй Никифора, не отнимай у него чести и славы, если отнимаешь престоль и жизнь! Зачѣмъ прикрывать бездну преступленія, даже и не передъ людьми, но предъ самимъ собою....

«Повинуюсь безмолвно, и — не угодно-ли тебѣ, великая повелительница, отдать мнѣ ключъ?

Теофанія оставалась неподвижною.

— Я понимаю теперь, могущая повелительница, и вижу ясно, что должно мнѣ дѣлать; вижу, что сердце женщины, какъ и слѣдуетъ быть ея нѣжному сердцу, мягко, какъ воскъ; понимаю, что сердце женщины, подобно воску, принимаетъ всѣ впечатлѣнія. И въ такомъ случаѣ, дѣло мужчины, дѣло того, кому женщина вручаетъ судьбу свою, сохранять ее отъ всѣхъ сомнѣній, отъ всѣхъ впечатлѣній, которыя могутъ разрушить ея собственное счастье, и, можетъ быть, счастье миллионовъ людей, если она, подобно божественной Теофаніи, повелительница обширнаго государства....

«Цимисхій! едва только допустила я тебѣ малое преимущество, уже ты дерзашь говорить со мною голосомъ повелителя, уже я предвижу въ тебѣ будущаго тирана....

— Нѣтъ, великая повелительница, нѣтъ! Смотри, какъ поступаетъ тотъ, кого подозреваешь ты въ желаніи, въ дерзкомъ намѣреніи — быть горделивымъ повелителемъ....

Онъ преклонилъ колѣно, и благоговѣнно поцѣло-

валь край одежды Θεοφανіа. Казалось, что это по-льстило гордости Θεοφανіа. Она смотрѣла на Цимисхіа такъ величаво, такъ величественно.....

— Благоволи-же вручить мнѣ ключъ — сказала Цимисхій твердымъ голосомъ.

«Ты непреклоненъ, Цимисхій!

— Неужели тебѣ угодно еще колебаться въ нашемъ предпріятіи, великая повелительница? Развѣ для себя иду я на тысячи опасностей, вхожу въ эти чертоги, гдѣ стѣны подглядываютъ, гдѣ двери подслушиваютъ, гдѣ мечъ готовъ упасть на мою голову, на каждомъ шагу моемъ! Не для того-ли, чтобы возвратить свободу богоподобной Θεοφανіа, чтобы избавить ее отъ ига тяжкаго, отъ ея ненавистнаго супруга, чтобы снова возвратитъ ей достоинство единственной самовластительницы, исхищенное изъ рукъ ея своеволіемъ вельможъ, прихотью народа, замыслами гордаго Никифора — не для того-ли только иду я на смерть, гибель, позоръ?

«Позоръ!.... О Цимисхій! а если совершится все по твоему желанію.... не позоръ, но кровь, какъ ядъ палатій, запятнаетъ насъ....

— Или ты думаешь, что возвратъ еще возможенъ, великая повелительница?

«Для тебя — нѣтъ.... Я это чувствую.

— Справедливо. Для меня — нѣтъ! Если теперь я долженъ буду воротиться къ товарищамъ, безъ ключа отъ тайнаго выхода — черезъ часть они лягутъ съ моею головою къ Никифору. Ты вѣрно, слыхала имена ихъ, великая владычица, знаешь отчасти по дѣламъ: одинъ изъ нихъ, Михаилъ Вурзъ, тотъ самый, который посланъ былъ отъ Іосифа Постельничаго въ Тарсійскій лагерь ко мнѣ, когда Іосифъ готовилъ гибель Никифору; онъ перенилъ,

перегрызъ свои кандалы, и бѣжалъ изъ темницы. Другой, Левъ Песіодидъ, который былъ въ заговорѣ Маріана и Пасхалия. Третій, эвнухъ Антиповеодоръ, тотъ, когорый.....

«Остановись, Цимисхій!»

— Тотъ, который подалъ покойному Императору Роману, бывшему твоему супругу, стаканъ прохладительнаго питья, когда онъ утомился въ игрѣ мячемъ....

„Боже! это чудовище.... Онъ живъ!....

— Я хотѣлъ только объяснить, великая властительница, что можетъ быть, и тебѣ уже невозможно отступить отъ нашего предпріятія. Стоитъ Антиповеодору произнести одно слово, если я не ляжусь къ нему черезъ часть, и тогда.....

Быстро отвязала Θεοфаніа ключъ, который былъ у нея на поясѣ, и отдала его Цимисхію.

Нѣсколько мгновений смотрѣлъ онъ на этотъ ключъ, какъ будто наслаждался видомъ его.

— Онъ отопретъ тебѣ, великая повелительница, дверь къ свободѣ и счастію, къ престолу, подлѣ котораго стану я съ мечемъ моимъ, какъ твой послѣдній рабъ, готовый пролить за тебя послѣднюю каплю крови....

«Крови!» произнесла Θεοфаніа, содрогался, и съ трепетомъ смотритъ на ключъ. — «Въ адъ отопретъ онъ дверь мнѣ и тебѣ, Цимисхій!

— Адъ покажется мнѣ раемъ, если ты раздѣлишь его со мною, божественная Θεοфаніа!

Мутными глазами смотрѣла Θεοфаніа на роковой ключъ. «Съ него каплетъ кровь — онъ горитъ пламенемъ!» воскликнула она, указывая на ключъ.

— О, нѣтъ! — насмѣшливо отвѣчалъ Цимисхій. Кровь можно смыть съ него слезами покаянія — и въ слезахъ раскаянія передъ Господомъ, предъ

Нимъ-же не оправдятся ни одинъ грѣшникъ, потухнетъ самое адское пламя....

Поспѣшно спряталъ онъ ключъ, завернулся въ епанчу свою, и снова преклонилъ колѣно предъ Теофаніею.

«Такъ завтра преклонятся предъ тобою, самовластительницею Царяграда и Востока, колѣни милліоновъ! Участь Никифора неотвратима. Мы все погибнемъ, если не предупредимъ его гибелью предстолщаго бѣдствія. Народъ раздраженъ; войско волнуется и ропщетъ; казнь государственная истощена ненасытною жадностью его родственниковъ, а богатство народное его непостижимымъ корыстолюбіемъ. Завтра можетъ вспыхнуть мятежь....

— Жизнь его будетъ пощажена! Клянись мнѣ, Цимисхій!

«Охотно, великая владычица, но жаль, что прежде я не зналъ этого, и не предупредилъ товарищей.... Впрочемъ, жизнь человѣческая всегда и вообще казалась мнѣ излишнею тягостью для многихъ.... Но крайней мѣрѣ, если судить по наружности, до сихъ поръ жизнь не слишкомъ веселитъ Никифора — онъ такъ угрюмо смотритъ на нее.....

Шорохъ шаговъ раздался въ ближайшей комнатѣ. Теофанія ужаснулась — даже Цимисхій смутился. Поспѣшно вскопчилъ онъ и хотѣлъ убѣжать въ потайную дверь, закрытую занавѣсами, роскошно раскинутыми по стѣнѣ. Но Цимисхій не успѣлъ исполнить своего намѣренія, и нѣмой карликъ въбѣжалъ уже въ это время въ комнату; со страхомъ дѣлалъ онъ какіе-то знаки Теофаніи.

— Несчастный! что ты хочешь объяснить! Никифоръ? Теперь, въ это время? Что значить такое нечаянное посѣщеніе? — проговорила въ полголоса Теофанія, вскакивая съ своего дивана.

«Великая повелительница! если я обмануть» — скоро прошептала ей Цимисхій — «горе обманщику! — Еще на одно мгновеніе» — продолжалъ онъ, крѣпко держа Теофанію за руку, когда она силсилась удалиться отъ него — «на одно мгновеніе: этотъ въроломный обманщикъ долженъ знать, что тотъ, кто бросается между львомъ и тигромъ, когда они устремляются другъ на друга — тотъ погибнетъ первый».... Онъ распахнулъ епанчу свою, и указалъ Теофаніи на два кинжала, заткнутые за его поясомъ.

— Клянусь тебѣ, Цимисхій.... Удались, бѣги....

«Я давно знакомъ со смертью.... Бѣжать? Затѣмъ, чтобы наткнуться на ножъ подставленнаго убійцы. Я — останусь здѣсь!» — Онъ обнажилъ одинъ изъ своихъ кинжаловъ.

Уже слышна была тяжелая походка Никифора. Цимисхій бросился за занавѣсъ, и скрылся въ немъ. Теофанія устремила неподвижные глаза свои на то мѣсто, гдѣ стоялъ онъ. Его нельзя было замѣтить. Теофанія отдохнула. Никифоръ входилъ въ комнату. Низко преклонилась передъ нимъ Теофанія, скрывая странное смущеніе подъ видомъ скромной покорности. Никифоръ остановился, смотрѣлъ на нее, будто любуясь ея красотою.

«Теофанія!» сказала онъ — «прошу твоего прощенія, если мой нечаянный приходъ встревожилъ тебя. Слѣд, моя достойная, милая супруга, успокойся.»

Теофанія почтительно сѣла на диванъ, и подлѣ нея помѣстился Никифоръ. «Удивляюсь», сказалъ онъ, стараясь смягчить грубый голосъ свой — «удивляюсь, что вижу тебя неотдѣтою, когда уже такъ близокъ часъ начала торжества, и ты должна явиться во всемъ величій, приличномъ супругѣ властителя Царяградскаго.... Ты кажешься смущенною? Ты здѣсь одна....»

— Одна, Государь! — съ ужасомъ отвѣчала Теофанія.

«Да, я разумью, что съ тобой нѣтъ никого изъ твоихъ приближенныхъ, ни одной невольницы — а не другое чтонибудь!» — Никифоръ улыбнулся.

— Я... я... — хотѣла сказать что-то Теофанія, и не могла ничего выговорить.

«Какъ прекрасна, какъ прелестна ты, Теофанія, въ этомъ нарядѣ!» сказалъ Никифоръ, цѣлуя руку ея. «Тебя изумляютъ, можетъ быть, слова мои, но я такъ радъ, такъ доволенъ — я хотѣлъ раздѣлить съ тобою радость мою, и благодарить тебя....»

— Радость, великій супругъ мой? Благодарить меня?

«Да, да, я хотѣлъ поговорить съ тобою о Цимисхій.

Шорохъ послышался въ комнатѣ. Никифоръ небрежно оглянулся кругомъ, и оборотился спиною къ той стѣнѣ, гдѣ скрывался Цимисхій. Тихо, украдкою оборотила бѣглый взоръ свой Теофанія къ мѣсту его убѣжища, и увидѣла Цимисхія. Забывшись, выставился онъ изъ-за занавѣса, и — кинжалъ видѣнь былъ въ рукѣ его. Теофанія окаменѣла на мѣстѣ.

Только пять шаговъ раздѣляли Никифора отъ Цимисхія, пять шаговъ отдѣляли Никифора отъ его могилы, а онъ безопасно сидѣлъ подлѣ Теофаніи, не думая, не зная о своей участи. И подлѣ него была она, обольстительная Сирена, готовая предать его мечу убійцы. Одно слово могло открыть Цимисхія, но съ этимъ словомъ Никифоръ задохся-бы въ крови своей.... Ужасное состояніе!

Да, порокъ и преступленіе знаютъ адъ и до смерти, знаютъ его еще скитался на здѣшней землѣ, постигаютъ мученія и скорби, ожидающія грѣш-

ника за предѣлами гроба.... Зачѣмъ не умбютъ они объяснить этого ада заживо другимъ? Зачѣмъ не всегда его чувствуютъ?

— Я хотѣлъ поговорить съ тобою о Цимисхій — продолжалъ Никифоръ. — Какихъ скорбей избавился-бы я, если-бы зналъ прежде этого благороднаго, великодушнаго человѣка!

Теофанія съ изумленіемъ смотрѣла на Никифора, и не понимала, что значать слова его. Хитрое испытаніе, или....

— Недовѣрчивость есть недостатокъ во всякомъ человѣкѣ — продолжалъ Никифоръ — такъ, какъ и излишняя довѣрчивость. Но въ человѣкѣ моего вѣсокаго сана — недовѣрчивость пороку. Сознаюсь въ этомъ, и признаю, что великодушіе должно быть всегдашнею добродѣтелью властителей. Я почиталъ Юанна человѣкомъ, запятаннымъ злобою и пороками.....

Говоря это, Никифоръ употребилъ Аттическое выраженіе: *μικθεις άμασιν και κονησι* (замаранный кровью и грязью) — и Теофанія невольно повторила эти слова.

— Да — сказалъ Никифоръ — я думалъ такъ, и теперь стыжусь своей недовѣрчивости. Знаешь-ли, что Цимисхій спасъ жизнь мою отъ ужаснаго заговора? Онъ, онъ открылъ мнѣ тайну страшнаго возмущенія, которое таилось въ Царѣградѣ. Ненавистные Синіе и Зеленые скрывали пагубную мысль бунта, и все было готово къ погибели моей, погибели тебя, дѣтей твоихъ, погубленію гражданъ, хищенію. Чего хотѣли проклятые заговорщики? Не знаю хорошо, ибо не изслѣдованы еще всѣ подробности заговора, но уже болѣе двадцати злоумышленниковъ схвачено и брошено въ темницу; открываются глубокіе, отдаленные слѣды. Кажется, что тутъ соединено было

согласіе еретиковъ, заговорщиковъ старыхъ, философъ — одинъ изъ самыхъ злыхъ возмутителей, тотъ безбожникъ-философъ, котораго еще такъ недавно простилъ я, теперь въ кандалахъ — и все это сдѣлалъ Цимисхій — все, когда такъ гордо, такъ презорливо оскорблялъ я его моими подозрѣніями!...

— Не знаю — продолжалъ Никифоръ — не знаю, чѣмъ вознаградить мнѣ благороднаго, великодушнаго Цимисхія! Хочу торжественно признать его заслуги, наименовать его *патриперсевасторомъ*, украсить его зелеными сандаліями, соединить, если ему будетъ угодно, съ моею сестрою... Скажи, что думаешь ты обо всемъ этомъ, моя прекрасная подруга?

«Мнѣ-ли рѣшать, на кого и какъ должна изливаться рѣка милостей твоихъ, мой повелитель!

— О, клянусь блаженнымъ родственникомъ моимъ, Михаиломъ Маленномъ, что если прискорбны были обиды мои Цимисхію — торжественна и велика будетъ награда его! Чувствую теперь, какъ далеко до вѣрчивости превосходитъ недовѣренность, чувствую сладкую отраду въ сердцѣ моемъ, увѣряясь наконецъ въ добродѣтели людей: Цимисхію одолженъ я всемъ этимъ!

Никифоръ всталъ, началъ ходить по комнатѣ. «Отпущивъ, опять безопасно буду я подвергаться опасностямъ битвы, и для победы являясь самъ среди моихъ воиновъ, не буду щадить жизни моей — послѣ меня останется еще доблій защитникъ Царяграда! Тренещите, умышляющіе зло! Цимисхій будетъ стражемъ окрестъ моего престола. Тренещите, враги великой Римской державы! Пока Никифоръ понесетъ ужасъ и побѣду на полки Скиоскіе — Цимисхій сокрушитъ на Востокъ гордыя стѣны Багдада!»

Подлѣ самаго занавѣса стоялъ въ это время Ни-

кифоръ, тамъ, гдѣ скрывался въ эту минуту Цимисхій. Протянувъ нечаянно руку — онъ встрѣтилъ-бы — книжалъ Цимисхія. Θεοφάνη сидѣла безмолвная, потупивъ глаза въ землю...

— Ты изумляешься словамъ моимъ, моя прекрасная Θεοφάνη? Ты не узнаешь меня? Я самъ только въ первый разъ ощущаю сладость подобныхъ чувствованій, и — тебѣ одолженъ я ими! Ты ходатайствовала за Цимисхія... Не скрою предъ тобой самыхъ тайныхъ чувствъ моихъ и помысловъ — мнѣ надобно раздѣлить радость сердца моего, и — съ кѣмъ же раздѣлю ее, если не съ тобою? — Мнѣ казалось — прости мнѣ, моя прекрасная Θεοφάνη — мнѣ казалось подозрительнымъ твое ходатайство; я мечталъ, я сгинулъ, что хитрый обманъ таится, скрывается въ твоей просьбѣ... Вижу теперь, какъ глубоко проникала твоя великая прощательная мудрость, какъ провидѣла она въ Цимисхія то, чего непонималъ я, ослѣпленный ненавистью, омраченный недовѣрчивостью, этимъ демономъ, гублящимъ вѣру въ добродѣтель человѣческую... А безъ этой спасительной вѣры, можетъ-ли быть хоть чтонибудь священо для человѣка? Θεοφάνη! ты убѣдила меня въ томъ, въ чемъ не могли убѣдить меня испытанныя столько разъ великодушныя поступки Цимисхія...

Никифоръ остановился противъ Θεοφάνη, пристально смотрѣлъ на нее и сказалъ: «Но, виноваты ли я, что доселѣ, воспитанный въ шумѣ военнаго лагеря, приученный къ грубымъ страстямъ воиновъ, къ жизни бранной среди мечей и копій, я не вѣрилъ ничему, что внушаетъ человѣку нѣжное ощущеніе души и сердца? Знаешь-ли, Θεοφάνη, помнишь-ли, что я былъ уже однажды обязанъ Цимисхію императорскимъ вѣнцомъ моимъ? Пусть завтра

услышнить отъ меня, изъ устъ моихъ, признаніе въ этомъ цѣлый свѣтъ — посмотримъ: кто изъ насъ отнынѣ побѣдитъ одинъ другаго великодушіемъ.... Гордый Никифоръ явится такимъ, какимъ создалъ его Богъ, а не такимъ, какого сдѣлали изъ него люди и обстоятельствова.... Прощеніе заговорщикамъ, которыхъ предала мнѣ въ руки вѣрность Цимисхія, почестъ и слава Иоанну Цимисхію, образцу вѣрности и великодушія. Только передъ тобою, теперь, въ первый еще разъ, Никифоръ является въ истинномъ своемъ видѣ. Досель знали во мнѣ воина, властителя — ты видишь Никифора человѣка!

Онъ протянулъ руку къ Теофаніи, пожалъ ея руку, и съ умиленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Довольно — сказалъ онъ — сердце мое было полно такихъ чувствъ, которыя мнѣ надобно было высказать; они переполняли мою душу. Вспоминаю премудрыя слова твои, Императоръ Василій: «Всѣ преимущества тѣлесныя не столько украшаютъ царя, сколько украшаютъ его милость и великодушіе. Красота исчезаетъ съ лѣтами; богатство рождаетъ лѣность и страсти; сила смущаетъ душу гордостью. Единая добродѣтель выше силы, красоты и богатствъ, и ею долженъ украшаться царь, а начало ея составляютъ милость и великодушіе» *... Но, уже все готово, думаю, къ началу пира — посиѣщи, моя прекрасная Теофанія, и будь солнцемъ радости и веселья для дорогихъ гостей нашихъ — не щади угощенія!...

Онъ взглянулъ еще разъ на Теофанію, ласково, привѣтливо, благословилъ ее и вышелъ, нагвывая любящій стихъ свой: «Господь мнѣ помощникъ и не убоюсь зла»....

* Главизны увидѣшай (*Κεφαλαία παραίνεστικα*) Василія Македонскаго.

Съ минуту снѣла Теофанія на диванѣ своемъ, какъ будто жезлъ волшебника оковалъ въ ней всѣ чувства, всѣ помышленія. Цимисхій вышелъ изъ скрытнаго убѣжища своего, и стоялъ, сложа на груди руки, потупивъ глаза, какъ преступникъ, которому произнесли приговоръ смертный.

— Цимисхій! — сказала Теофанія умоляющимъ голосомъ — отдай ключъ!

Цимисхій не отвѣчалъ ни слова.

— Отдай мнѣ ключъ, ради будущаго спасенія тебя, меня, твоей и моей души на второмъ пришествіи Спасителя!...

«Нѣтъ! это невозможно!»

— Умоляю тебя! — Теофанія бросилась передъ нимъ на колѣни.

«Нѣтъ!»

— Мужъ крови и смерти! трепещи — я иду и все открою Никифору!

«Хорошо, иди и скажи ему, что Цимисхій и убійцы введены были въ тайный чертогъ твой твоею рукою, тою самою рукою, которая передала нѣкогда Антиповеодору стаканъ прохладительнаго питья, поднесенный имъ Роману, сыну Константина Порфиророднаго....»

Съ ужасомъ отшатнулась отъ него Теофанія, и болѣзненный стонъ вырвался изъ ея груди — нѣтъ! изъ ея души! Когда опомнилась она, Цимисхія уже не было въ комнатѣ, и невольно повторила она слова Никифора: *μικρὸν ἄμαρτον καὶ κοινὸν*....

—

II.

Торжественный пиръ Природы шумѣлъ и гремѣлъ надъ Царемъ-градомъ — буря, какихъ мало могли

запомнить даже старики жители Цареградскіе, возмущала небо, и землю, и Море; волны Эвксина Мчалась въ Эгейское море, встрѣчались съ волнами моря Эгейскаго, сшибались въ страшномъ разбѣгѣ, разлетались подоблачными брызгами и опьянили берега; вихрь срывалъ крыши домовъ, ломалъ деревья, разбивалъ лодки и корабли; снѣгъ взвивался клубами, и какъ будто сквозь сито, просѣвался на землю сквозь облака. Къ изумленію многихъ—несколько разъ въ тоже время прогремѣлъ громъ; можетъ быть, такъ показалось жителямъ Цареградскимъ, и они почли громомъ необыкновенный гулъ и ревъ вѣтра. По крайней мѣрѣ, многіе увѣрили въ послѣдствіи, что слышали громовые удары, крестились въ это время, и говорили окружавшимъ ихъ: «Слышишь-ли громъ? Ну, это не къ добру!» Царяградцы, жившіе около Влахерна, были еще болѣе испуганы и изумлены неожиданнымъ событіемъ въ эту ночь: огромная церковь, которую на память взятій Антиохій заложилъ Никифоръ, была уже въ это время окончена паружною отдѣлкою. Вдругъ страшно завылъ вѣтеръ, и среди вои его услышали какой-то трескъ, какъ будто лопнула гора каменная—глухой шумъ и стукъ послѣдовали за этимъ трескомъ; окрестные дома потряслись въ основаніи. Жители въ ужасѣ выбѣжали изъ домовъ, и сначала не вѣрили глазамъ своимъ: куда дѣвалась огромная колокольня? гдѣ позолоченный куполь новосозданнаго храма? Какъ будто кто нибудь поднялъ этотъ храмъ въ основаніи исполинскою рукою, потрясъ его, и опустилъ опять на землю: до нижнихъ окошекъ развалился храмъ, рухнула до основанія колокольня, и только безобразная груда развалинъ, какъ гора огромная, являлась на мѣстѣ храма и колокольни. Говорили послѣ того, будто окрестные

жители слышали голосъ на развалинахъ: «Такъ не пріемлетъ Господь жертвы грѣшника!» Другіе разсказывали, будто въ воздухѣ слышались имъ слова: «Горе зиждущему домъ мой грѣхомъ и неправдою!»—Единъ Богъ вѣдаетъ, справедливы-ль были всѣ сіи слухи, но черезъ два часа послѣ паденія храма уже весь Царьградъ со страхомъ говорилъ: «Быть худу! Знаменіе страшное совершилось!» Никто не смѣлъ прибавить, что, по его мнѣнію, предвѣщаетъ это знаменіе, но каждый думалъ одно, и если-бы сказалъ свое мнѣніе другому, тотъ конечно согласился бы съ нимъ. Безвѣстность особенно умножала страхъ жителей: въ одномъ концѣ города говорили, что весь Влахернскій дворецъ провалился въ море; въ другомъ прибавляли къ этому Вукалеонъ, и если-бы Софійскій храмъ не былъ видѣнъ со всѣхъ концовъ города, вѣрно, многіе начали-бы говорить, а другіе вѣрить, что и онъ развалился въ основаніи. Половина Царяграда не спала всю ночь.

Но что было природѣ до безпокойства людскаго! Торжественный пиръ ея страшно гремѣлъ надъ Царемъ-градомъ, какъ будто надъ бѣднымъ, ничтожнымъ муравейникомъ.

Между тѣмъ ярко освѣщенъ былъ дворецъ Вукалеонскій тысячами огней, и великолѣпный пиръ шумѣлъ въ чертогахъ владычицы Цареградской. Тамъ собрались люди, и какъ будто хотѣли доказать своимъ весельемъ, что они мало думаютъ о грозномъ величій Природы. Когда вихрь и буря потрясали зданія Цареградскія, своды великолѣпныхъ залъ дворца Вукалеонскаго дрожали отъ грома музыки, отъ кликовъ шумной радости; мракъ ночи разогнанъ былъ тысячами свѣтильниковъ. Лѣстивые придворные увѣрили, что за отсутствіемъ солнца, являлась имъ солнцемъ, болѣе небснаго прекраснымъ

и блестящимъ, великая владычица ихъ Теофанія. Въ самомъ дѣлѣ, она казалась свѣтиломъ, проливающимъ свѣтъ и радость: ея платье и корона, унизанныя, усыпанныя драгоценными камнями, сверкала отъ огней, и видно, что радость проливали въ сердце каждаго взоры Теофаніи, потому, что на кого ни взглядывала она, хоть мимоходомъ, на лицѣ каждаго, удостоеннаго взглядомъ ея, являлась радостная улыбка. Теофанія угощала Булгарскихъ Царевей, которыя въ этотъ день торжественно пріѣхали въ Царьградъ.

Но отдѣленіе, занимаемое во дворцѣ Вукалесскомъ Императоромъ Никифоромъ, не было освѣщено; тамъ не слышны были клики радости, не слышны были звуки веселья. Тихо, мрачно было это отдѣленіе, хотя самъ Никифоръ находился въ то время тамъ, не участвуя въ роскошномъ, веселомъ пированіи своей супруги.

Подъ опочивальни его была комната, гдѣ обыкновенно принималъ онъ тайныхъ совѣтниковъ своихъ: это была моленная его. Къ ней примыкала большая оружейная комната, гдѣ хранилось, развѣшенное красивыми трофеями, драгоценное оружіе. Тутъ стоялъ огромный столъ, на которомъ самъ Императоръ занимался разсматриваніемъ картъ, плановъ, соображеніями воинскихъ дѣйствій. Бывши великимъ полководцемъ, онъ даже оставилъ сочиненіе: *Προῖ παροροῦντος πολέμου*, въ которомъ превосходно описалъ способы вести удачно мелкую войну противъ непріятелей, особливо въ горныхъ странахъ.

Но теперь Императоръ Никифоръ не находился въ своей оружейной, не былъ и въ моленной. Ни война, ни молитва не занимали его въ то время. Онъ оставался въ опочивальнѣ своей, сидѣлъ обло-

котясь на столъ, закрывъ руками лицо свое. Съ нимъ бесѣдоваль не полководецъ, не министръ его — какой-то странный собесѣдникъ сидѣлъ въ императорской опочивальнѣ. Это былъ старикъ, высокаго роста, съдой, съ пожелтѣвшимъ, иссохшимъ лицомъ — тѣнь человѣческая! Грубая власяница покрывала тѣло его. Ноги его были босыя; волосы и борода не расчесаны, склочены. — Это была тѣнь чловѣка, скелеть, обтлутый кожею, и только въ одномъ проявлялась жизнь — въ глазахъ его, черныхъ, какъ уголь, блестящихъ подъ густыми, съдыми, нависшими бровями. Гробовымъ, ржавымъ голосомъ говорилъ что-то этотъ оживленный мертвецъ Никифору, и при выразительныхъ движеніяхъ руки его обнажались отъ широкихъ рукавовъ, и тогда казалось, что этотъ посланникъ съ другаго свѣта пришелъ за душою Никифора, протягивая къ нему свои костлявыя, черныя, обросшія волосомъ руки, на которыхъ длинныя ногти казались когтями звѣринными. Съ жаромъ говорилъ что-то незнакомецъ. Это былъ Теооткій, пустынный, уже сорокъ лѣтъ удалившійся въ удлиненную келью на горахъ Гемусскихъ.

Никифоръ опустилъ руки на столъ, гордо поправился на своемъ сѣдалищѣ, и вдругъ прервалъ рѣчь Теооткія.

— Я не за тѣмъ призвалъ тебя къ себѣ, отецъ Теооткій, чтобы слушать все, что слыхалъ уже я сто разъ въ жизни моей.

«А я за тѣмъ пришелъ къ тебѣ — отвѣчалъ сурово пустынный — чтобы повторить тебѣ въ сто первый разъ, что уже слышалъ ты сто разъ прежде. Вы, сильные земли, вы такіе-же люди, какъ другіе, и къ вамъ такъ-же относится притча о сѣятелѣ Евангельскомъ, какъ и ко всякому изъ по-

слѣднихъ подданныхъ вашихъ: вышелъ сѣятель на дѣло свое, сѣять пшеницу, и часть зеренъ его упала на камень и погибла туне; часть упала близъ пути, и была расхищена птицами небесными. Сердца сильныхъ подобятся тому и другому: каменіемъ становятся они среди славы и почестей, и туне гибнуть на нихъ сѣмяна добра; остальное расхищаютъ у нихъ птицы хищныя — лѣсть и коварство рабовъ ихъ. Если богачу, по слову Евангельскому, труднѣе войти въ царствіе Божіе, нежели вельбуду пройти въ уши илныя, кольми паче тѣсенъ путь тому, кто кромѣ богатства пресыщенъ въ мѣръ властью и силою!

— Ты смотришь только на блескъ и счастье вѣнчанное, святой пустыльникъ; твоя мудрость, твои провидѣнія не проникаютъ сквозь кору величія, окружающую сильныхъ земли. Ты угрожаешь имъ наказаніемъ, лаская нищаго наградою; ты видишь въ нихъ какихъ-то счастливицевъ, какъ будто золотомъ и величіемъ они уже купили себѣ счастье и благоденствіе. Какъ ошибаешься ты, какъ не понимаешь ты истинной судьбы великихъ! Нѣтъ! не къ ничему прибѣгнулъ-бы ты съ утѣшеніемъ, не въ хижину бѣднаго страдальца пошелъ-бы ты съ отрадою вѣры, но — къ сильному властителю, въ его великолѣпный чертогъ. Здѣсь подивился-бы ты бѣдности человека и суетѣ міра! Ты увидѣлъ-бы отличнаго среди другихъ людей, уставшаго отъ жизни, исполненной трудомъ, отъ славы, ни чѣмъ болѣе не лстящей ему. Одинокій среди толпы, безъ любви — ибо нечѣмъ оцѣнить и испытать ему любви ближняго — безъ дружбы, ибо для дружбы надобно быть равному съ своимъ другомъ, онъ живетъ скорбью за всѣхъ, и не живетъ радостью за самого себя. Нищій, добывши кусокъ хлѣба, утираетъ слезы и

засыпаетъ спокойно, а сонъ великаго владыки тревожитъ дума тяжелая. Взвѣнивъ людскую добродѣтель на золото, испытавъ униженіе мудрости, едва только польститъ ей награда — онъ терлетъ вѣру въ мудрость и въ добродѣтель людей. Всякій отвѣтствуетъ только за себя — за миллионы другихъ отвѣтствуетъ онъ....

«И счастьемъ миллионное можетъ онъ искупить свое счастье на землѣ и блаженство на томъ свѣтѣ. Неужели ты думаешь, что подвигъ его не оцѣняется?»

— Людьюми? Никогда! Неблагодарные, низкіе рабы страстей, легкомысленные, они за первую скорбь свою забываютъ годы благоденствія; пагубное дѣйствіе страстей и пороковъ своихъ приписываютъ страдальцу-властителю своему; наказаніе Божіе за развратъ свой — его грѣхамъ. Въ то время, когда всѣ силы ада истощаютъ свои искушенія противъ мудрости и добродѣтели властителя ихъ, тщетно вызываетъ онъ мудрость и добродѣтель изъ среды своихъ подвластныхъ — ему откликаются только алчность и низость, жадность корысти и безуміе! И при первомъ голосѣ вражды и злобы — клики негодованія потрясаютъ всю толпу народную...

«Не о людяхъ хотѣлъ я говорить, не объ ихъ благодарности, не о цѣнѣ подвига въ глазахъ ихъ. Можешь-ли ты требовать отъ нихъ чегонибудь? Туне пріавшій, туне давай. Смѣешь-ли за благодѣаніе требовать награды? Какаѣ-же твоѣ добродѣтели, если она награды требуетъ, какое твоѣ благодѣаніе, если она награды требуетъ, какое твоѣ благодарности ищешь? Какаѣ любови твоѣ, если она есть плата за любовь ближняго? Развѣ того требовалъ отъ тебя Спаситель, развѣ для того купилъ Онъ души христіанъ своимъ страданіемъ? Не Онъ-ли означилъ долгъ твой, долгъ христіани-

на: любите враги ваши, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгоняющихъ васъ? Развѣ обѣщаль Онъ намъ любовь за любовь, добро за добро, благо за благо? Нѣтъ! Онъ велѣлъ радоваться и веселиться тѣмъ только, кого *поносятъ и ижденуть, и рекутъ слякъ золь глаголь, лжущие на нихъ, Его ради.* Онъ обѣщаль утѣшеніе только *плачущимъ*, насыщеніе только *алчущимъ и жаждущимъ правды*, царствіе небесное только *изгнаннымъ правды ради.* Тако глаголетъ Господь! Сильные земли не знаютъ глада и жажды, холода и бѣдности вещественной; но ихъ доля гладъ душевный, жажда сердечная, холодъ одиночества среди величія, бѣдность радостей среди величія, бѣдность радостей среди богатства. И велика, свѣщенна, блаженна доля ихъ: на нихъ тяжкій крестъ Господень, на нихъ сильнѣйшее искушеніе, на нихъ подвигъ, паче подвига тысячей! Блаженны сильные, не по силѣ, не по богатству, не по величію, но по труду, съ какимъ должно имъ достигать царствія Божія, по тяжести креста, на нихъ возложеннаго, по долгамъ, какіе должно имъ заплатить міру! Когда подданные ихъ несутъ на себѣ бремя малыхъ обязанностей — владыка подымлетъ гору на плеча свои — и велика доля его *здѣсь* — велика будетъ и *тамъ!*

— О святой мужъ! не это-ли и должно приводить его въ отчаяніе, когда онъ, *человѣкъ*, какъ другіе, долженъ имѣть не человѣческія силы для побѣжденія страстей и обольщеній, не человѣческій умъ для управленія дѣлами царства своего! И Божественный Учитель нашъ взалкалъ отъ сорокодневнаго поста въ пустынь: какъ не взалкать душъ человѣка въ бесплодной пустынь славы, томясь въ одиночествѣ степей величія!

«Есть басня языческая — но и языческая мудрость также можетъ служить въ поученіе христіанина. Былъ въ Индіи царь, которому предложили исполнить все его желанія. Чего вождельтъ безумный? Чтобы все, къ чему прикоснется онъ, превращалось въ золото. Совершилось — и хлѣбъ, и плоды, и вѣтви золотыи въ рукахъ его, и несчастный умеръ, томясь голодомъ среди громады золота. Не такъ-ли поступаете вы, сильные земли? Не премудрости, не добродѣтели просите вы, но молитесь, да превращается все въ рукахъ вашихъ въ славу, въ побѣду, въ золото, котораго не знаете вы куда дѣвать, въ богатство временное, сокровище бѣдное, *иже тля тлитъ и татіе подкапываютъ.* И горе тебѣ, владыка Царяграда, если ты отчаялся уже до той-ли степени, что забылъ молитву, забыть что по молитвѣ благочестиваго Іезекія солнце удаллось отъ своего теченія, и тѣнь солнечная отступала на семь степеней! Или забылъ ты, что на главѣ влассителя людей почіеть духъ Божій, съ того дня, когда Господь избираетъ его изъ среды другихъ людей, да властвуетъ во имя Его — *или-бо царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду?* Призывай Бога — и услышишь тебя, и придетъ помощь Его отъ Сіона, и сила Его отъ среды небесъ!

— О мужъ благочестивый! могу-ли я, грѣшникъ будучи, помышлять о примѣрѣ Іезекія! Но если кто болѣе моего желалъ и желаетъ счастья подвластнымъ его, готовъ болѣе моего жертвовать для блага своего царства — пусть станетъ предо мною и вержетъ на меня осужденіе!

И пустынный возсталъ съ своего сѣдалища; огромный ростъ его отразился исполнскою тѣнью. Онъ поднялъ перстъ, и тѣнь руки его протянулась на позолоченной стѣнѣ, какъ нѣкогда таинственная

рука, начертанная на стѣнѣ чертоговъ Вальтазара судьбу сего горделиваго царя Вавилонскаго.

«Владыка Царяграда! страшись даже и тѣни гордости! Ты-ли осмѣлишься стать на судъ предъ Господомъ? Что твои добрыя и благія помышленія, если ты не исполняешь ихъ на дѣль!

— Нѣтъ! я истощаю всѣ силы мои для исполненія ихъ...

«Что-же?» возразилъ пустынный съ усмѣшкою. — «Твое царство и благословляется славою и побѣдами. Имени Никифора трепещутъ отдаленные народы Востока...

— Такъ, но не вижу-ли тяжкихъ наказаній и гнѣва Божія въ лѣвахъ, посылаемыхъ на царство мое...»

«Ничего! Спроси философъ — они увѣрятъ тебя, что все это происходитъ естественно, отъ причинъ обыкновенныхъ; что нѣтъ таинственныхъ судебъ Божіихъ въ этой бурѣ, свирѣпствующей теперь надъ Царемъ-градомъ, и губящей корабли и людей, когда ни единый волосъ не падаетъ съ головы человека безъ воли Божіей! Спроси у математиковъ о причинѣ землетрясенія: они изъяснятъ тебѣ, что причиною тому, «нѣкоторые пары, въ нѣдрахъ земли заключенные, переходящіе въ сильный вѣтръ, который, не могши скоро вырваться изъ нѣдръ земли на воздухъ, по причинѣ тѣсноты отверзтій, крутится, волнуется, и такимъ сильнымъ движениемъ потрясаетъ подземное пространство и колеблетъ всѣ окрестныя мѣста, доколѣ, вырвавшись изъ своего заключенія, не разсыется по воздуху»...

— Отецъ святой! я ждалъ отъ тебя отрады и утѣшенія, какъ болящій отъ врача — сказалъ Ни-

* Левъ Діакошъ. «Такъ Эллины безразсудно изъясняли сіе явленіе по своему мнѣнію» — прибавляетъ онъ.

кифоръ, скрывая гнѣвъ свой — а ты насмѣхаешься надъ моею скорбію.

«Что-же могу я сказать, если ты думаешь благо, и поступаешь благо, по словамъ твоимъ? Я не врачъ, а ты не болящій. Ты владыка Царяграда — я бѣдный грѣшникъ, не знатнаго рода, грѣшникъ, не держающій даже, по слабости своей, облечь себя въ шлате инока, да не паду подъ тяжестью иноческаго житія. Предвижу, что хочешь ты мнѣ сказать: ты одерживаешь побѣды — и не видишь конца врагамъ внѣшнимъ, и побѣды не приносятъ пользы твоему царству; ты желалъ бы любви подданныхъ — они не любятъ тебя; ты желалъ-бы правосудія отъ судей своихъ — и видишь одно хищеніе, мзду, корысть и искривленные вѣсы правосудія; ты хотѣлъ-бы видѣть процвѣтающую мудрость въ царствѣ своемъ, и едва допустишь ее предстать предъ тебя, говорить тебѣ — видишь одно тщетное мудрованіе одну прелесть бѣсовскую въ душахъ и умахъ лже-мудрецовъ...

— Ты угадалъ мои мысли.

«Я доскажу тебѣ ихъ до самой глубины твоего сердца: среди своего величія, ты трепещешь даже за собственную жизнь твою: потрясающій предѣлы Востока оружіемъ — ты боишься измѣны, хитрости рабовъ твоихъ; ты опасался — жены своей!

Никифоръ содрогнулся невольно.

«Недавно, когда торжественно и гордо вступалъ ты во храмъ Божій, бѣдный юродивый подалъ тебѣ записку, въ которой было написано: «*Трепещи, Никифоръ! близка смерть твоя!*» И съ тѣхъ поръ, ты трепещешь смерти своей, и записка не разстается съ тобою...

— Вотъ она! — воскликнулъ Никифоръ, вынимая записку изъ своего кармана.

«Еще болѣе: сегодня, не болѣе, какъ съ часъ, подали тебѣ другую записку, въ которой было написано: *«Никифоръ! берегись нынѣшняго дня. Блюдишь той, которая уже погубила твоего предшественника!»* — Въ трепетъ, ты послалъ осмотрѣть чертоги жены твоей, развѣдать: не скрывается-ли тамъ убійца? вельмъ умножить стражу окрестъ дворца твоего; по всему Цариграду ходятъ воины твои, и изыскивалъ злодѣевъ, грабить и бьютъ невинныхъ подданныхъ твоихъ.

— Вотъ эта другая записка! Не знаю, какъ она очутилась на этомъ столикѣ!

«Вели пытать окружающихъ тебя. Можетъ быть, они скажутъ, что хотѣли испугать тебя, испытать твое мужество ложнымъ слухомъ. Поди въ свою оружейную — тамъ уже давно ожидаетъ тебя постельничій твой: онъ еще разъ осмотрѣлъ весь дворецъ, всѣ тайные чертоги жены твоей — поди къ нему.»

Молча всталъ Никифоръ и вошелъ въ оружейную. Дѣйствительно, тамъ ожидалъ его вѣрный слуга, некогда бывший дядькою его, Постельничій Михаилъ. Послѣ прихода своего отъ Θεοφανίи, Никифоръ дѣйствительно увидѣлъ на столикѣ записку, ужаснулся, вельмъ Михаилу тщательно осмотрѣть весь дворецъ свой, и особенно отдѣленіе Θεοφανίи.

«Великій повелитель Цариграда и всего Востока!» сказалъ постельничій, преклоня коленно. «Исполнено твое высокое повелѣніе; еще разъ осмотрѣлъ я, по приказу твоему, всѣ отдѣленія дворца, и ничего не нашель, что могло бы смутить въ сію ночь сонъ твой. Всюду тишина; вѣрность блюдетъ входы и выходы твоего жилища; заговорщики посажены въ тюрьму по твоему приказу, окованы двойными цѣпями. Царьградъ спокоенъ и исполненъ воинами,

которые не пропустятъ ни единого подозрительнаго челоуѣка безъ осмотра. Въ гавани умножена стража.

— Кто находится на стражѣ около Вукалеона?

«Твой любимый легіонъ стальноносныхъ.

— Раздана-ли имъ новая награда?

«Они привѣтствовали тебя кликами радости, когда раздавали имъ твою новую милость.

— А пирующие въ чертогахъ супруги моей?

«Весь чертогъ, гдѣ происходитъ пиръ, окруженъ воинами, и ни одинъ изъ пирующихъ тамъ не будетъ пропущенъ безъ осмотра при выходѣ, безъ наблюденія о томъ, куда идетъ онъ. Я самъ спышу туда.

— Нѣтъ! ты останешься здѣсь. Михаилъ! бодрствуй, умоляю тебя во имя Бога, и — не будетъ мѣры милости моей, если завтра Никифоръ останется еще на Царградскомъ престолѣ!

«Государь! позволь мнѣ, ничтожному рабу твоему, сказать: тебя смущаютъ ложными опасеніями.

— Вотъ гдѣ крестъ главный смутитель мой! — воскликнулъ Никифоръ, ударивъ себя въ грудь. — Иди, Михаилъ! И горе тебѣ, если сонъ прикоснется очамъ твоимъ въ сію ночь!

Михаилъ удалился. Нѣсколько минутъ въ безмолвіи стоялъ Никифоръ. «И я не усну въ нынѣшнюю ночь — если только не усну сномъ вѣчнымъ!» — сказалъ онъ. «Завтра оставлю я Царьградъ — пора въ битвы, пора въ шумъ воинскій — тамъ сдѣлался я императоромъ Цариграда, тамъ и безопасенъ я буду. Здѣсь изныло сердце мое. Мнѣ кажется, что въ этомъ постояломъ домѣ владыкъ Византіи самыя стѣны дышатъ измѣною. О, солнце! взойди скорѣе, и разгони лучами своими темноту ночи и мракъ моихъ сомнѣній! Какъ сладостно от-

дохнулъ я, когда за два часа передъ симъ пришелъ съ довѣренностью къ Θεотокіи... А теперь опять тревога, опять сомнѣнія!... Мнѣ надобно послать стражу къ дому Цимисхіа... И она показала мнѣ такою смущенною. — Отъ чего? Что могло тревожить ее? Велико окружить ее стражею, призову ее къ себѣ — отдамъ ее въ заключеніе на эту гибельную ночь... Но могу-ли надѣяться на чью либо вѣрность? Какъ прокрался въ опочивальню мою тотъ, чья рука положила эту ужасную записку? Ее положила человѣческая рука. Неужели чудо совершилось для моего предостереженія? Великъ Господь, хранищій бытіе послѣдняго червя!... Впрочемъ, по всѣмъ вычетамъ Синезія и товарищей его, судьба благопріятствуетъ мнѣ... Не согрѣшилъ-ли я однакожь, вопрошая о судьбѣ моей тщетную мудрость человѣческую? Боже милостивый! пойду испытать судьбу Твоихъ отъ сего вдохновеннаго старца. Онъ грозенъ, какъ судьба, и какъ будто мечемъ, обоюду острымъ, поражаетъ онъ словами своими...

«Но точно-ли вдохновенный божественною премудростью говоритъ Θεотокій? Если и онъ хитрый обманщикъ? если и онъ убійца, который только обольщаетъ меня? Если онъ самъ писалъ обѣ записки? По чему знаетъ онъ все, почему проникаетъ самыя сокровенныя мысли мои?... О, если...

Никифоръ взялъ острый кинжалъ, и спряталъ его подъ свою одежду. Онъ вошелъ въ опочивальню, и увидѣлъ, что Θεотокій спитъ крѣпко на своемъ сѣдалищѣ. Свѣтъ отражался на лицѣ его отъ грѣшницъ на столѣ свѣтильниковъ, и лицо Θεотокія уподоблялось лицу Египетской муміи съ закрытыми глазами.

Тихо подошелъ къ нему Никифоръ и старался увидѣть: не скрыто-ли какое нибудь оружіе подъ

власяницею старика? Верхній край одежды его раскрылся немного; видна была косматая грудь Θεотокія. Такъ! Никифоръ не ошибается... что-то блестящее видно изъ-подъ одежды. «Кинжалъ?»

Онъ тихо протянулъ руку къ груди старца, и — оцупалъ тяжелыя желѣзныя вериги на изсохшемъ тѣлѣ его.

Θеотокій проснулся. Никифоръ отшатнулся отъ него. «Я наслаждался, отецъ мой, видя, какъ спокойно спитъ праведникъ,» сказалъ онъ, скрывая смущеніе.

Съ усмѣшкою посмотрѣлъ на него старецъ. «Лестъ для меня бесполезная монета, владыка Царяграда — у меня нѣтъ на нее товара.

Никифоръ сѣлъ на прежнее свое мѣсто. «Благочестивый старецъ!» сказалъ онъ — «позволь мнѣ просить тебя написать мнѣ ту молитву, которую слышалъ я нѣкогда...

— Молись, какъ умѣешь, властитель Царяграда — сурово отвѣчалъ пустынный. — Богъ слышитъ молитву, если человѣкъ не будетъ даже произносить словъ, но только будетъ думать: «Господи помилуй!» — Впрочемъ, я готовъ-бы исполнить твое желаніе, но не могу — я не умѣю ни читать, ни писать.

«А знаешь что пишутъ другіе!»

— Человѣкъ суетный и грѣшный, ты, который страшишься смерти, ходя во тмѣ и сѣни смертной! Неужели воображаешь ты, что я не читаю тайной мысли твоей, не вижу помышленій твоихъ, не слышалъ прикосновенія дерзкихъ рукъ твоихъ къ моему тѣлу? Твоя недоувѣрчивость коснулась этимъ веригамъ, которыми обременяю я грѣшное тѣло мое, и которыхъ донынѣ не видалъ ни одинъ смерт-

ный. Не тщеславие мое открыло тебѣ существованіе ихъ, но твоя недоувѣрчивость.

«Прости меня, мужъ благочестивый!»

— Доволенъ-ли ты наконецъ безопасностью твоею? крѣпка-ли стража твоя, владыка Царяграда? Весело-ли пируютъ жена твоя и рабы твои, окруженные мечами твоихъ прислужниковъ? Отпусти-же меня — ты высказалъ мнѣ все: и то, какъ боишься ты смертнаго часа, и то, какъ проводишь ты безсонныя ночи, и то, какъ тревожить тебя тѣнь ночная...

«Остановись, мужъ таинственный, сядь и внемли. Такъ, передъ тобою не владыка Царяграда, но бѣдный, суетный, смущенный грѣшникъ. Помнишь-ли ты то отдаленное время, когда, двадцать два года тому, въ царствованіе блаженнаго Императора Константина, Царьградъ услышалъ о смерти Лакапина? Блуждая по горамъ Фракіи, послѣ разбитія нашихъ полковъ Венграми и Булгарами, я пришелъ, утомленный бѣгствомъ, въ твою келью, и ты предложилъ мнѣ хлѣбъ и соль, успокоилъ меня, и на другой день указалъ мнѣ дорогу въ станъ Римскій?»

— Помню.

«Съ тѣхъ поръ узналъ я тебя, скрывавшагося отъ всего міра, отъ всѣхъ людей. Помнишь-ли, что говорилъ ты мнѣ, отпуская меня?»

— Помню.

«Никифоръ Фока!» говорилъ ты мнѣ — будь благословеніемъ великимъ! Не прикоснется тебѣ никакое зло, и великая будетъ судьба, ожидающая тебя: багрянцы сандалии одѣнуть стопы твои, и злато вѣнца будетъ на главѣ твоей!» — Ты снова затворился въ келью своей, и я не видалъ тебя, пока не сбылось твое пророчаніе. Ты явился мнѣ въ другой разъ, когда я поставилъ лагерь вѣрныхъ во-

иновъ моихъ подъ стѣнами Царяграда, призываемый ими къ престолу. Ночной приходъ твой въ ставку мою изумилъ меня, и снова слышалъ я тогда мудрыя рѣчи твои. Теперь вижу тебя въ третій разъ....

— Но теперь — не я пришелъ къ тебѣ, а ты самъ призвалъ меня.

«Да, и еще разъ хочу слышать рѣчи твои, благочестивый старецъ. Никогда не были онѣ мнѣ такъ потребны, какъ теперь....»

— Я все сказалъ тебѣ, когда ты видѣлъ меня въ другой разъ — теперь у меня нѣтъ болѣе рѣчей для тебя. И кому буду я говорить ихъ? Никифору Фокъ все изречено на горахъ Фракійскихъ; Никифору Императору все повѣдано подъ стѣнами Царяграда.

«Мудрость божественная неистощима.

— Хорошо. Теперь ты самъ меня вызвалъ, какъ Царь Израиля вызвалъ некогда тѣнь Пророка въ Эндоръ. Говори-же: что желаешь ты слышать?»

«Мужъ благочестивый! не сомнѣваюсь, что тебѣ, твоей прозорливости, открыто все будущее — скажи мнѣ грядущую судьбу мою!»

— Мужъ, суеты и гордости исполненный! для чего вопрошаешь ты? Если Божія воля сокрыла отъ смертныхъ будущую ихъ долю, для чего хочешь видѣть то, чего Богъ не соизволилъ открыть человеку? Тщетное любопытство, мелкая забота о жизни, о томъ, что вы называете *счастіемъ* — вотъ что заставляетъ вашу ничтожную пытливость требовать изъясненій будущаго, и ослѣвленные суетою, вы готовы просить о томъ людей вдохновенныхъ Богомъ, и людей, предавшихъ душу свою духу тмы. Даже тѣ, которые не боятся отдать себя демону, недостойные благодати Божіей, даже тѣ могутъ обольщать васъ тщетнымъ волхвованіемъ, ложными пред-

сказаніями, хитрыми уловками — вы всему вѣрите... только истинной вѣры не имѣете вы и не знаете. Такъ нѣкогда все было Богомъ, кромѣ истиннаго Бога! — Не сегодня-ли еще испытывалъ ты судьбу, вопрошалъ своего лжеумудреца Синезія? Теперь прибѣгаешь ко мнѣ... Никифоръ! суди самъ себя, и познай свое ничтожество! И что хочешь ты вѣдать? Если завтра должно умереть тебѣ, если ты можешь прожить еще годъ, десять лѣтъ — падешь-ли подъ кинжаломъ убійцы, или умрешь на одрѣ болѣзни — стоитъ-ли заботы знать для этого будущее? Молись объ одномъ, да умрешь не во грѣхахъ, но съ молитвою и покаяніемъ!

« Но ты нѣкогда предсказалъ мнѣ будущее.

— Да, и высокую цѣль указалъ я тебѣ, и будущее было раскрыто передъ тобою, для того, да оцѣнишь великій подвигъ, предназначенный тебѣ Богомъ! Избраннымъ открывается будущее, если они и сами того не постигаютъ. Такъ еще въ колыбели, избраннаго тревожить великая его будущность, такъ убѣждается онъ въ великой своей судьбѣ, зреть тамъ, гдѣ слѣпотствуютъ другіе, и управляетъ людьми и событіями, временемъ и стихіями — горы равняются предъ нимъ, море утихаетъ, люди покорствуютъ, страсти ихъ рабствуютъ. Ты былъ бѣдный бѣгствующій отъ врага, бѣзвѣстный воинъ, когда я предрекъ тебѣ власть надъ Царемъ-градомъ и сказала тебѣ твою судьбу. Теперь мнѣ нѣчего тебѣ говорить: будущаго для тебя нѣтъ!

« Нѣтъ!» съ ужасомъ вскричалъ Никифоръ.

— *Есть*, бѣдный смертный, есть, если ты называешь будущимъ еще нѣсколько часовъ, дней, лѣтъ безславнаго существованія — *нѣтъ*, если оно, бесплодно для славы Бога, для чести и блага тво-

ихъ ближнихъ, для твоего спасенія. Ты не исполнилъ твоей судьбы. Прочь съ позорища, лицедѣй! Мѣсто другимъ — твоя роль отыграна — промедшнее погублено тобою...

« Погублено!

« Да, избранникъ изъ тысячей! Тебѣ избирали судьбы Божіи изъ среды другихъ, да возвратишь славу Богу, миръ и благо людямъ, а ты, что сдѣлалъ ты въ сии шесть лѣтъ? Смѣешь-ли говорить о бесплодномъ желаніи добра?

« Ты предался суетѣ и гордости, и внимай, чѣмъ возблагодарилъ ты Бога, за Его къ тебѣ милость, гордый властитель!

« Ты, сохраняя жизнь свою, удалился съ поля битвы, забывъ, что главу избраннаго хранить щитъ Господень, что падаетъ ошую его тысяща и тма одесную его, къ нему-же смерть не приближается!

« Завидуя другимъ, болѣе возвышенія другихъ, ты изгонялъ доблестныхъ, преслѣдовалъ ихъ, и предалъ побѣду въ руки враговъ!

« Ты воевалъ не во славу Бога, но изъ тщетной гордости; тщеславился тамъ, гдѣ должно было Ему приписать величіе!

« Ты соединилъ руку твою съ рукою убійцы царя, и развратную жену возвелъ на ложе свое, ослѣпленный ея красотою!

« Ты собиралъ въ сокровищницу свою кровь и слезы твоихъ подвластныхъ, копилъ золото, а тысячи гибли отъ голода, холода и труда, когда безполезное сокровище лежало въ казвѣ твоей!

« Ты обманулъ служителей Церкви, и бывши духовнымъ отцомъ дѣтей Θεофаніи, клятвою утвердиль, что не ты, но отецъ твой былъ ихъ восприимникомъ. Сѣдины отца твоего сошли во гробъ

посрамленные ложнымъ свидѣтельствомъ, въ угоду тебѣ!

«Ты оскорбилъ Церковь Божию, отнимая у нея права, издревле ей утвержденные, и присвоивая себѣ судъ надъ ея служителями, не принадлежащій мірскому!»

«Се отвѣты твои Богу! Се раскрытая предъ тобою книга совѣсти! Ты не хотѣлъ самъ читать ея — но теперь ты невольно слышалъ, что въ ней написано. Прощай! Зналъ прошедшее — угадывай самъ, что готовить тебѣ будущее, «здѣсь» и — «тамъ», Никифоръ! «тамъ», гдѣ грѣшникъ возмолится горамъ, да падутъ онъ и уничтожатъ его... и тщетно возмолится, проклиная безсмертіе грѣха своего!»

Опустивъ голову, безмолвно сидѣлъ Никифоръ, какъ будто ангель-обвинитель читалъ передъ нимъ раскрытую книгу Судебъ. Грознымъ привидѣніемъ стоялъ передъ нимъ Θεотокій, подвѣивъ грозящую свою десницу.

«Остановись,» воскликнулъ Никифоръ, когда Θεотокій приблизился къ дверямъ комнаты — «остановись, скажи одно: буду ли я еще жить?»

— Буду-ли еще властвовать? хотѣлъ ты сказать. Что тебѣ жизнь безъ власти?

«Нѣтъ! буду-ли жить, для того, чтобы искупить прошедшее будущимъ, раскаяться въ грѣхахъ моихъ, загладитъ ихъ добромъ!»

— Съмя, на камень восшедшее, быстро процвѣтаетъ и быстро погибаетъ. Раскаяться недолго. На что годы? Молись, Никифоръ! молись, да не погибнешь во грѣхъ!

«Неужели судьба моя совершилась!»

— Не знаю, и если-бы зналъ, для чего скажу тебѣ? Въ эту минуту, когда ты трепещешь будущаго, что заставляетъ тебя трепетать? Потеря вре-

менныхъ, суетныхъ честей, злата, тобою собраннаго, наслажденій, въ которыхъ ты угопаешь. О прелесть міра! твоя волна есть волна адскаго океана, и мучитъ человѣка въ пѣдра погибели! И почему тебѣ вопрошать меня? Во глубинѣ души твоей скрывается тайное чувство, что я обманщикъ, что я, можетъ быть, сообщникъ злодѣевъ и убійць.

Какъ будто масло, на огоньъ излитое, вспыхиваетъ огненнымъ столпомъ, такъ вспыхнулъ отъ сихъ словъ гнѣвъ Никифора.

«Да,» воскликнулъ онъ — «вспроникающій! я проникну тебя — я извѣдаю истину въ тебѣ!»

— За чѣмъ-же стало? — спокойно возразилъ Θεотокій. Призови рабовъ твоихъ, вели взять меня, обременить оковами, бросить въ тюрьму. Ты еще колеблешься? Я самъ исполню твою волю!

Онъ взялся за снурокъ, и сильно дернулъ его. Еще не успѣлъ опомниться Никифоръ, Михайлъ и нѣсколько воиновъ вошли въ комнату.

Никифоръ молчалъ. «Говори-же, приказывай, Владыка Царяграда! Или я долженъ заступить мѣсто твое и повелѣть вмѣсто тебя? Хорошо! — Внимай, рабъ владыки Царяградскаго: ты видишь предъ собою человѣка, подозрѣваемаго твоимъ владыкою; возьми этого человѣка, осмотри, нѣтъ-ли у него скрытнаго оружія, закуй его въ цѣпи, отведи его въ тюрьму и строго наблюдай за нимъ, пока могущій властитель твой рѣшитъ его судьбу. Этотъ человѣкъ — я. Исполни надо мною велѣніе твоего властителя.

Въ изумленіи смотрѣлъ Михайлъ; безмолвствовалъ Никифоръ. Только блѣдность лица, вздымавшаяся грудь, нахмуренныя брови показывали страшное волненіе души его.

— Или я не так приказалъ, какъ желалъ ты?— сказалъ Θεотокій. О! такъ говори-же самъ, если этого мало: вели предать меня пыткѣ, вели изломать мои руки и ноги, вбить гвозди подь ногти мои, капать на меня холодною водою, когда раскаленный стулъ будетъ въ то же время сожигать меня — рѣшай скорѣе участь мою— я утомился, я хочу отдохнуть, и какъ благодаренъ я тебѣ буду, если ты успокоишь меня отъ жизни суетной, отдѣлишь меня ударомъ топора отъ царства грѣхознаго....

«Михаилъ!» сказалъ Никифоръ тихо — «возьмите этого старика, но не смѣйте оскорблять его единымъ словомъ; отведите его въ Жельзную Комнату — онъ долженъ оставаться подь твоимъ надзоромъ. Завтра ты узнаешь мое рѣшеніе.

— *Застра!*— съ горестію воскликнулъ Θεотокій — завтра.... — И слезы потекли изъ глазъ его. Еще разъ остановился онъ, хотѣлъ что-то сказать, но удержался, и поспѣшно оставилъ комнату. Воины послѣдовали за нимъ. Михаилъ остался съ Никифоромъ. Долго стоялъ Никифоръ неподвижно, взглянулъ, увидѣлъ Михаила, и со страхомъ спросилъ его: «Зачѣмъ остался ты, Михаилъ? Что тебѣ надобно? —

«Великій Владыко! прости меня — я хотѣлъ сообщить тебѣ неожиданную вѣсть....

— Какую вѣсть? Что такое?...

Н. ПОЛЕВОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЕТРЪ I-й НА БЕРЕГАХЪ НЕВЫ.

Съ буйнымъ вѣтромъ въ вѣчномъ спорѣ,
По бездонной синевѣ,
Дико, въ сумрачномъ просторѣ,
Ходятъ волны на Невѣ;
По роскошной ходятъ влаги
Беззаботно, тяжело;
Полно дерзостной отваги
Ихъ свинцовое чело;
Не пробьютъ ихъ бронь стальную
Ни булатъ и ни чугуны;
Силы крѣпость боевую
Закалывъ въ нее перуны.
Имъ не страшнѣнъ вѣтръ могучій:
Дружнѣнъ, буненъ ихъ оплотъ;
Какъ порой по небу тучи,
За волной волна идетъ,
Шумной, бурной чередою;
Какъ гранитная стѣна,
Грудь ея готова къ бою,
Вѣчно мужества полна.
Много пламя, много силы

Въ исполнской той груди!
 Пылокъ ходъ честолюбивый;
 Нѣтъ преградъ ей на пути.
 Ненасытной, недовольной,
 Той стихіи страшень гнѣвъ;
 Въ ловъ области привольной
 Безпощаденъ жадный зѣвъ!

Съ буйнымъ вѣтромъ въ вѣчномъ спорѣ
 По бездонной синевѣ,
 Дико, въ сумрачномъ просторѣ,
 Ходятъ волны на Невѣ.

Но кто надъ утесомъ безстрашно взираетъ
 На смѣлыя волны, на дебри и доль?
 Кто взоромъ могучимъ спокойно летаетъ
 Надъ бурной пучиной могучимъ орломъ?
 Чье мыслью высокой чело такъ блистаетъ?
 Чей пылокъ, отваженъ надъ пропастью взоръ?
 И кто же такъ смѣло теперь изрекаетъ
 Суровой природѣ ея приговоръ?

То геній державный, Монархъ повелитель,
 Надъ бездной отважной стопою стоитъ,
 То Петръ величавый, Россіи зиждитель,
 Пернатою мыслью, въ раздумьѣ, паритъ
 Орлинымъ полетомъ надъ мрачною влагой;
 Его то блистаетъ безтрепетный взоръ
 Той творческой, пылкой и смѣлой отвагой,
 То царь полупочный гласитъ приговоръ:

«Не долго вамъ, волны, свободой привольной
 И властью могучей осталось дышать!
 Не долго въ широкомъ, безбрежномъ раздольѣ,
 Вамъ, дикія волны, я дамъ бушевать!
 Я вырву граниты, я сдвину утесы,
 И стануть предѣлы безбрежнымъ водамъ;
 И будутъ безслышны стихіи угрозы,
 И будутъ покорны тѣ воды брегамъ.
 Засыплю я пасти бездонной пучины,
 Свободно дорогу черезъ нихъ проложу;
 Гдѣ нынѣ болота — тамъ будутъ долины;

Я съ помощью Бога, здѣсь градъ заложу.
 Гдѣ дикія дебри, съ начала вселенной,
 Пристанище дали однимъ лишь звѣрямъ ---
 Съ съкирой проникнувъ тотъ боръ сокровенной,
 Я городъ великій, могучій создамъ!
 Украшу палаты серебромъ я и золотомъ;
 Воздвигну на мѣсть дубравъ алтари;
 Раздвину далече границу булатомъ
 И будутъ дивиться, страшиться цари,
 Невольно смирясь предъ сильной десницей;
 Забудутъ сосѣди ихъ старую мѣсть;
 Помчятся безстрашно на битву со львицей
 Орель мой двуглавый за Русскую честь!
 Такъ! скоро возстанетъ здѣсь градъ величавый.
 Сберу со вселенной къ его берегамъ
 Торговлю, науки и доблести славы
 И Русское имя въкамъ передамъ!
 И будетъ градъ сильный державной защитой
 Спокойству обширной Россійской земли;
 Восприимутъ высоко изъ пѣдра граниты,
 Гдѣ нынѣ дубравы главу вознесли;
 Гдѣ странника взоры встрѣчали донынѣ
 Кой-гдѣ лишь остатки рыбацкихъ сътей ---
 Смирля стихію, на грозной пучинѣ
 Возстанутъ впервые лѣса кораблей;
 И много искусства, товаровъ и злата
 Черезъ чуждое море мой флотъ привезетъ;
 И будетъ Россія сильна и богата,
 И царства другія черезъ вѣкъ превзойдетъ,
 И будутъ въ границахъ, Петромъ огражденныхъ,
 Плоды тѣ, потомки спокойно вкушать;
 И дѣти ихъ станутъ въ вѣкахъ отдаленныхъ,
 Подъ скипетромъ внуковъ, Петра вспоминать!

Недолго вамъ, волны, свободой привольной
 И властью могучей осталось дышать!
 Недолго въ широкомъ, безбрежномъ раздольѣ,
 Вамъ, дикія волны, я дамъ бушевать!

АЛЕКСАНДРЪ ГЛЪЗОВЪ.

СЦЕНЫ

ИЗЪ КОМЕДИИ:

Ч И Н О В Ъ С І Е.

—

ДѢЙСТВУЮЩИЯ ЛИЦА:

Максимъ Ивановичъ, уездный судья.
 Любовь Степановна, жена его.
 Графиня NN...
 Повѣренный Графини.
 Настя, прѣемщица судейши, дочь повѣреннаго.

СЦЕНА I.

УТРО.

МАКСИМЪ ИВАНОВИЧЪ И ЛЮБОВЬ СТЕПАНОВНА.

ЛЮБ. СТЕП.

Да, говори потише, ради Бога!
 Ни дать, ни взять — пожарная тревога.

МАКС. ИВАН.

Графиня вѣрно спитъ.

ЛЮБ. СТЕП.

Не въ пору этотъ гость!

МАКС. ИВАН.

Гость въ пору, да твоя не въ пору злость.

ЛЮБ. СТЕП.

Примчалась — ближній путь!

МАКС. ИВАН.

Нужда примчала: дѣло

Ея лѣтъ десять, какъ въ судейской нашей стѣлѣ;

Повѣренный безденежный, плохой...

ЛЮБ. СТЕП.

Не прѣзжай она, мы были-бъ подѣ Москвой!...

МАКС. ИВАН.

Хорошъ бы гусь я былъ! Тянуль, тянуль, волочила,
 Съ глазъ не спускалъ! Не для того-жъ я прочилъ
 Чтобъ безъ меня покончили они.

ЛЮБ. СТЕП.

Еще не сътъ?

МАКС. ИВАН.

Расчисли-ко, смѣхни:

Тутъ бѣдно тысячь пять. Да, Боже сохрани,
 Во что бы сталъ твой чинъ высокоблагородный!
 Нѣтъ, видимо еще до Господа доходны

Молитвы грѣшныя мои!

ЛЮБ. СТЕП.

Максимъ Ивановичъ! эй, ты надобшь и Богу!

Пора бы знать и честь:

Однихъ ломбардныхъ въ день не перечестъ,
 Застелешь на версту цѣлковыми дорогу,
 А сѣребра на трехъ возахъ не свезтъ.

МАКС. ИВАН.

А все не худо, по немногу,
 Сбирать на черный день....

ЛЮБ. СТЕП.

Такъ и собирай одинъ,

А я въ Москву.

МАКС. ИВАН.

Опять ты за свою работу?

ЛЮБ. СТЕП.

Опять, сто разъ опять, еще опять, безъ счету,
 Пока добуду чинъ!

МАКС. ИВАН.

Да, денежки....

ЛЮБ. СТЕПАН.

Хочу не денегъ, а почету!

МАКС. ИВАН.

Да, знаешь ли, кому почету больше — богачу,
 Или чинамъ большимъ?

ЛЮБ. СТЕП.

И знать я не хочу!

МАКС. ИВАН.

Вѣдь вздумать же смутить лукавый бабу чинномъ!

ЛЮБ. СТЕП.

Не бабу, а тебя, судышнику, дворяниномъ

Желаю видѣть. Ну! что? Попаля ли теперь?
 Ассессоръ хоть не важный звѣрь,
 А сунься безъ него въ гражданскую палату,
 Купитъ людшешекъ, хоть за четверную плату?

МАКС. ИВАН.

Есть и паемные.

ЛЮБ. СТЕП.

Все пьяница, да воръ.

И это-бъ ничего: пошлешь на съѣзжій дворъ,
 Знакомый Частный такъ проучить!

Нѣтъ! главное меня и днемъ и ночью мучить,
 Ни дома, ни въ гостяхъ покоя не дать,

Кто надо-мною верхъ беретъ?

Кто выше всѣхъ сидитъ? Кто впереди идетъ?

Вдова, профессорша.....

МАКС. ИВАН. (въ сторону.)

Проклятый зотъя родъ!

ЛЮБ. СТЕПАН.

Она ли Богомъ не убита?

Почти что нищя; изъ тряпокъ лычкомъ сшита;

Въ дому по цѣлымъ днямъ сидитъ

Безъ чаю, на овсяной кашѣ;

Да, развѣ кофейку цыкорнаго сваритъ,

А въ люди лвится -- всѣ къ ней; крикъ крикомъ: Ваше

Высокородіе! Что? Сладко слышать мнѣ,

Какъ на чинишко твой забавиться изволятъ?

Что? Не твоей оплеванной жень

Змѣнинымъ жаломъ сердце колютъ?

Богатствомъ не зажмешь имъ ротъ!

Что толку, что на мнѣ на тысячу надѣто?

Она въ кисейкѣ круглый годъ,

Подмоеть, выгладитъ и ухомъ не ведеть!

Что нужды, что она пѣшкомъ все ходитъ лѣто --

Лишь захоти -- четверкой можетъ -- да!

А я, несчастная, таскайся въ бричкѣ парной....

МАКС. ИВАН.

Что за бѣда!

ЛЮБ. СТЕП.

А та бѣда,

Что и надежды нѣтъ -- прокиснешь титулярной!

МАКС. ИВАН.

Да я что-ль виновать? Не я указъ писалъ.

ЛЮБ. СТЕП.

Вотъ на указъ ссылаюсь сталь,
 Какъ будто безъ него въ окошкѣ пѣть и свѣту!

Ступай въ Москву, ударь челомъ новорисету:

Не звѣри, люди тамъ сидятъ;

Поклонившись, попросишь -- не съѣдятъ!

Тебя не сталъ учить съ волками жить новолчьи;

Нельзя сказать, что ты безграмотный простакъ.

МАКС. ИВАН.

Да, тамъ и умницу растреплютъ такъ,

Что полстятъ лишь клоуца!

ЛЮБ. СТЕП.

На все есть средство....

МАКС. ИВАН.

Съ твое то смѣслоу я.

Подмазать дѣльцу ходъ умѣнье не велико....

ЛЮБ. СТЕП.

Да что-жь?

МАКС. ИВАН.

Да, самому подумать какъ-то дико:

Экзамень -- и судья!

ЛЮБ. СТЕП.

Какіи нѣжности! поди-ко!

Нѣтъ, просто ты приторость, какъ пень;

Лѣнь съ мѣста двинуться.

МАКС. ИВАН.

Не лѣнь,

А страхъ беретъ: какъ эти грамотьи,

Про глуныя твои затьи

На грѣхъ, да на бѣду смѣкнутъ....

Пожалуй, на словахъ отказывать не станутъ,

А на экзамень все таки потянутъ,

Да, съ чѣмъ прѣехали, съ тѣмъ и назадъ пошлютъ!

ЛЮБ. СТЕП.

Новорисетъ не то, что вагъ уѣздный судъ --

Лишь общали-бъ -- не обмануть!

МАКС. ИВАН.

Любовь Степановна! легко-ль въ мои лѣта

Прѣхать вереть семсютъ съ залашкомъ?

Дожили до старости я и съ своимъ умишкомъ,
И безъ экзамена въкъ будешь ты съита!

люб. степ.

Нѣтъ! отъ ѣды совсѣмъ отбило.

Вотъ, сколько лѣтъ безъ слезъ и дня не проходило....
Такая-ль я была!

макс. иван.

Да, стала ты не та!

люб. степ.

Совсѣмъ изсохла, извелася!

макс. иван.

Ужъ коли въ бабу блажь какая забралася,
Такъ хоть весь свѣтъ перевернуть верхъ-дномъ,
Лишь бы поставить на своемъ!

Вотъ хлопочи, да наживай копейку;

Хоть золотомъ осыпъ отъ головы до ногъ,

Да, не потыши на грошъ злодѣйку —

Такъ все ни въ честь, ни въ славу -- видитъ Богъ!

люб. степ.

Такъ я по твоему ужъ и гроша не стою?

Съ базара что-ль тебѣ я прихвостень какой?

Я ли не маялась въкъ свой!

Диви чего прошу: на старости покою....

Купи деревню -- Богъ съ тобою!

макс. иван.

Колн нельзя купить....

люб. степ.

Такъ мой советъ прими.

макс. иван.

Небойсь -- экзаменъ? Чортъ его возьми!

люб. степ.

Такъ лучше пусть жена зачахнетъ?

макс. иван.

Дороги скверныя, опасныя... опять
Издержки...

люб. степ.

Случай есть? Съ Графини можешь взять.

Самъ говорилъ -- чуть-ли не тысячь пять...

макс. иван.

Нѣтъ, тутъ десяткомъ пахнеть.

люб. степ. (ласкаясь къ мужу.)
Хоть половинкою пожертвуй для меня.

макс. иван.

Пять тысячь -- шуточка!

люб. степ.

Могу ли допроситься?

Не каменный же ты?

макс. степ.

Подъ лѣта-ль такъ бѣситься!

люб. степ.

Смерть хочется -- вотъ хоть недѣлку, хоть два дня,
Побыть помѣщицей, высокоблагородной!

Голубчикъ! успокой меня! (улыкуеть мужа.)

макс. иван. (осоволаждалась отъ жены.)

Ну, ну, изволь!...

люб. степ. (треплетъ его по щекамъ.)

Зачѣмъ же мучилъ такъ, негодный!

макс. иван.

Съ Графиней только кончу я,

Да и въ Москву!

—

СЦЕНА 2.

тѣ же и повѣренный графини.
повѣренный.

Мое почтенье, ваше благородье!

люб. степ. (съ стороны.)

Нельзя иначе -- Хамово отродье!

(къ повѣренному.)

Я, кажется, просила васъ

Отъ величаний этихъ насъ

Избавить: этакъ ты вакаешь при Графинѣ!

макс. иван.

Великая пужда ей знать, въ какомъ ты чинѣ

повѣренный.

Любовь Степановна! на вашемъ мѣстѣ я

Велѣлъ бы чаще звать себя

Передъ Графиней такъ нарочно.

Вѣдь у нея вся знать пріятель, да родня:

Протекція ей псаво дѣло...

ЛЮБ. СТЕП.

Точно! *(задумывается.)*

ПОВЪРЕННЫЙ.

Максимъ Иванычъ! васъ она, черезъ меня,

Съ ней просить ничь-жь объясниться...

Ей время дорого...

МАКС. ИВАН.

Да, знаю...

ПОВЪРЕННЫЙ.

Ну, а вы,

Ужь не извольте дорожиться.

МАКС. ИВАН. *(въ сторону).*

Лишь бы дохватъ до Москвы,

Да безъ убытку воротиться.

ПОВЪРЕННЫЙ. *(раскланиваясь.)*

Я къ засѣдателю....

МАКС. ИВАН. *(проводяя повѣреннаго)*

Прощай!

ПОВЪРЕННЫЙ *(въ дверяхъ)*Графиня.... *(шепчетъ на ухо судьи; потомъ уходитъ).*

СЦЕНА III.

МАКСИМЪ ИВАНЫЧЪ И ЛЮБОВЬ СТЕПАНОВНА.

ЛЮБ. СТЕП. *(думая)*

Боже мой, какой случай!

Да... именно....

МАКС. ИВАН. *(ворочаясь отъ дверей)*

Ну что? Какал блажь готова?

ЛЮБ. СТЕП. *(думая про себя)*

Что невозможно намъ, графинямъ стоять слова.

(Къ мужу) Ты слышалъ: Настинъ говорилъ отецъ,

Что Петербургъ, весь изъ конца въ конецъ,

Набить прѣзжей то друзьями, да родными!

МАКС. ИВАН.

А что намъ толку въ нихъ? Богъ съ ними!

ЛЮБ. СТЕП.

Въ своемъ уѣздномъ ты дѣлецъ и удалецъ,
А чуть до знатнаго дойдешь происхожденя,
Такъ и въ понятную, какъ ракъ.

МАКС. ИВАН.

Я не горячаго сложеня,

Ужь прыгай ты одна....

ЛЮБ. СТЕП.

Да и конечно такъ:

Сумѣю барскимъ жить манеромъ —

Ужь не попячуся, а отъ иныхъ господъ

Чуть не уйду ли и впередъ!

МАКС. ИВАН.

Въ родню пошла — отецъ всю жизнь скакалъ курьеромъ.

ЛЮБ. СТЕП.

И шутки-то дурацкія!

МАКС. ИВАН.

А вотъ

Помѣщикомъ умнѣ буду....

ЛЮБ. СТЕП.

Сущій скотъ!

Нѣтъ величности ни крошки....

МАКС. ИВАН.

Стъ! идеть!

СЦЕНА IV.

ТѢ ЖЕ И НАСТЯ.

*(Сначала сцена идеть въ полголоса)*НАСТЯ *(цѣлуетъ руку у судейши).*

Графиня слышитъ все....

МАКС. ИВАН.

Она еще въ кровати?

НАСТЯ.

Что вы! За письмами чуть свѣтъ!

ЛЮБ. СТЕП. *(въ сторону)*

За письмами! Прекрасно, кстати!

МАКС. ИВАН.

Любовь Степановна! вы слышали, или нѣтъ?

люб. степ.

Какъ не слышать, Максимъ Ивапычъ!

макс. иван.

Отъ Питера не ближій путь: —
 Ни разу не остановилась на ночь,
 Прїѣхавши, не грѣхъ бы отдохнуть —
 Въ какихъ чинахъ: графиня, кавалерша!
 Вотъ только сладимся, такъ завтра жъ милонерша —
 Не нашимъ, такъ сказать, губернскимъ фрямъ чета:
 Чуть свѣтъ, ужъ дѣломъ занята!

люб. степ.

Вотъ вздумалъ попрекнуть — дивн своей товаркой!
 Не спи она хоть вѣкъ — чины и знатность съ ней,
 А я попробуй разъ проснуться до полдней,
 Такъ въ тотъ же день и прозовуть кухаркой...
 А впрочемъ, мудрено-ль, что рано встать могла —
 Чай съ позарапокъ залегла.

настя.

Нѣтъ! долго съ батюшкой Графиня говорила...
 Расирашивала, и про городъ...

люб. степ.

И про насъ?

настя.

Да-съ, и про васъ.

макс. иван.

Чай все Увѣдній Судъ бранила?

люб. степ.

Критиковала женскій классъ?

настя.

Объ этомъ не было говорено ни слова.
 Хотѣлось знать ей болѣе всего,
 Не любите-ли вы особенно чего,
 Она бы услужить готова...
 Спросила батюшку и о своихъ дѣлахъ —
 Богаты-ль вы, въ какихъ чинахъ...

люб. степ.

Ну, такъ! Легко тому и смѣло
 Расирашивать про чинъ, кому судьбою данъ,
 Еще въ пеленкахъ, знатный санъ!

макс. иван.

Не знатное, кажись бы только, дѣло
 Заглядывать въ чужой карманъ.

настя.

Вѣдь это разговоръ и здѣсь у всѣхъ любимый...

люб. степ.

А что? Твой батюшка родимый
 Какимъ чинкомъ меня сподобилъ?

настя.

Васъ?

Совѣтницей — какой не помню...

люб. степ.

Титулярной?

настя.

Да - съ, да - съ...

люб. степ. (бросая на стулъ.)

Злодѣй! Неблагодарный!

настя (жезаетъ помочь судейшъ.)

макс. иван. (тащитъ къ себѣ Настю.)

А много-ли начелъ опъ въ нашихъ сундукахъ?

настя.

Да, батюшка сказалъ, что при такихъ мѣстахъ,
 Какъ ваше...

макс. иван.

Ну?

настя.

И въ небольшихъ чинахъ...

макс. иван.

Ужъ не сказалъ ли опъ, что изо всѣхъ увѣдовъ
 Я самый нищенскій судья!

Что безъ сапогъ хожу, что съ году въ годъ жду я,
 Вотъ этакихъ сіятельныхъ прїѣздовъ,
 Чтобъ только съ голода не умереть?

настя.

О нѣтъ! мы все Графинѣ рассказали,
 Что вы меня изволили призрѣть,
 Учителей мнѣ понимали...

Такъ стало есть у васъ достатокъ

люб. степ. (со стула весело.)

Ну?

настя.
 Что воспитать могли бь и не меня одну...
 Что есть у васъ и серебро, и шали..
 Есть множество вещей, брилльантовыхъ серегъ...
 Но батюшка сказалъ, что долго вы служили,
 Такъ мудрено-ль, что накопили...
 макс. иван. (въ сторону.)
 Изволили кронть и вдовь и попереть.
 настя (продолжая.)
 Съ хозяйствомъ, съ бережью — домашнимъ обиходомъ...
 Не мудрено, что за расходомъ...
 макс. иван.
 А! вы шпюнить!
 люб. степ. (всклициваетъ со ступа.)
 Что ты врешь?

(Къ Настя.)

Оставь насъ — подожди на нашей половинь... —
 настя (уходитъ).
 Ахъ, Боже мой! не повредила ль я Графинь?..

СЦЕНА V.

МАКСИМЪ ИВАНЫЧЪ И ЛЮБОВЬ СТЕПАНОВНА.
 люб. степ.
 Въ тебь ума нѣтъ ни на грошъ.
 макс. иван.
 Такъ у тебя его палата!
 люб. степ.
 Вѣдь хорошо еще, что Настя простовата,
 И разболтала весь съ Графиней разговоръ.
 Тутъ тонкость надобна, а ты горланишь вздоръ.
 Пускай сятельная наша
 Узнаетъ про судейскій домъ,
 Что пологъ всякимъ онъ добромъ,
 Какъ чаша!
 Такъ Петербургская болырина, изволь,
 Изволь узнать, что не приказная мы голь,
 Которая тафтичкъ, ситцу рада,

Которой всякой рубль хорошъ,
 Которую продашь и выкупишь за грошъ.
 макс. иван.
 Ужъ коль на то пойдеть — намъ ничего не надо.
 люб. степ.
 Не то, чтобъ ничего...
 макс. иван.
 За то пусть подождеть и дѣльца своего.
 люб. степ.
 Нѣтъ! дай намъ то, что во сто разъ дороже
 И тысячъ, для такихъ, какъ мы людей...
 Научимъ почитать судей,
 Да, и возьмемъ прилично.
 макс. иван.
 Что же?
 люб. степ.
 Не понимаешь?
 макс. иван.
 Нѣтъ.
 люб. степ.
 Вѣдь только ты одинъ
 Такъ тупь!
 макс. иван.
 Да, говори скорѣе...
 люб. степ.
 Что же!.. чинь
 Помѣщичьяго ранга!..
 макс. иван.
 Натко,
 Какъ подкатимась гладко!
 люб. степ.
 Да, ихъ сятельства! Ужъ коль пошло на то,
 Такъ пусть къ своимъ роднымъ представлять...
 макс. иван.
 Да за что?
 люб. степ.
 За безкорыстье — чинь не взятка.
 макс. иван.
 Какія тонкости! Забыла только ты,
 Съ памбренья, иль съ простоты,
 Про засѣдателя...

люв. степ.
 На что его и помнить!
 макс. иван.
 На что! Как будто бы не знаешь — безъ него,
 Графиня дѣла своего
 Съ однимъ со мною не исполнить.
 люб. степ.
 Безъ этого уroda!
 макс. иван.
 Да, уродь!
 Нѣтъ, чуть ли онъ не цѣлый годъ
 Ел Сіятельства прѣзда,
 Какъ воронъ крови, ждетъ.
 люб. степ.
 Глупѣйшій человекъ изъ всего уѣзда?
 макс. иван.
 Да, такъ — придумать пособить,
 Поищешь съ огонькомъ инаго,
 А помышать, да повредить,
 Достанешь дурака любого!
 люб. степ.
 Мнѣ впрочемъ все равно: я ждать готова —
 Графиня, или экзамень!
 макс. иван.
 Ухъ!
 люб. степ.
 Ну что жъ?
 макс. иван.
 Ухъ! такъ и бросило меня и въ жаръ и въ дрожь.
 люб. степ.
 Такъ не мели же вздора,
 А покопайся въ голову,
 Да, вспомни, какъ ты уламывалъ въ Москвѣ,
 Не засѣдателя, а выше-прокурора!
 макс. иван.
 Что было, то прошло: на все есть свой чередъ.
 Ахъ! время, время! Ты идешь себѣ впередъ,
 А мы такъ пятимся, какъ раки!
 Былъ молодецъ, смѣль... и страхъ бывало не беретъ.
 На штуку этакой, какъ я, собаки,
 Не съищешь нынѣчъ — сто рублей пари —

Хоть всѣхъ секретарей сberi!
 И время что-ль тогда другое было =
 Все какъ то съ рукъ мадеонько сходило.
 За то, бывало, у его
 Превосходительства такъ и сидишь въ прихожей...
 Сидишь и высидишь: чуть съ пуждой до него
 Просительница лѣтъ въ восемнадцать, попригожѣй,
 А я съ записочкой листовъ въ пятьсотъ
 Какъ тутъ. Глядишь — голубчикъ подмахнетъ
 Такія сказки!
 А все хорошенькіе глазки....
 Досугъ ли разбирать приказные крюки!
 люб. степ.
 А намъ то и съ руки!
 макс. иван.
 Ну, разумтется!

(хохочуть.)

=

СЦЕНА VI.

(Входитъ Графиня.)

В. О.

РАЗДУМЬЕ.

=

Громъ грохочетъ; ливня летя
 Дождикъ, будто изъ ведра;
 Молнья яркая несется,
 Не бьетъ гора!
 Не видать въ дали безбрежной,
 Не видать, старикъ, тебя,
 Эльбрусъ дальній, близосѣжной,
 Ты незримъ сталь для меня.
 Только на земь упадаетъ
 Дождикъ шумною волной,
 Только молнія сверкаетъ
 Красно-желтой полосой.

Грусть мнѣ на сердце запала ;
 Стосковалосьъ, сердце, ты ,
 Шибко, шибко застучало
 И заронилсь мечты.
 Чтожь тоски твоей причиной ?
 Чтожь, взгрустилось, скажи ?
 Что томить тебя кручиной ?
 Отзовися, укажи ! ---
 Тучи черныя ужели,
 Обложивши небеса,
 Мракомъ вдругъ тебя одѣли ,
 Какъ угрюмые лѣса ?
 Алн копь стеной и дикой ,
 Черногривой, удалой
 Душу обвиль повинкой ,
 Потому, что онъ не твой ?
 Алъ пропешійся бураномъ ,
 На лихомъ на скакунѣ ,
 Полнь отваги, съ лаганомъ ,
 И съ колчаномъ на спинѣ ,
 На груди съ стальной кольчугой ,
 Съ шашкой грозной при бедрѣ ,
 Возмутилъ тебя, сынъ юга,
 Зависть съя на тебѣ ?
 Быстролетнымъ приближеньемъ
 Испугалъ тебя ли онъ ,
 Какъ стремился онъ къ селеньямъ ,
 Похищать дѣтей и жепъ ?
 Алъ Черкешенка мѣдлѣ ,
 Изъ аула выходи ,
 Взглядомъ огненнымъ сверкая ,
 Ужь не смазала-ль тебя ?
 — Нить , не тучей цвѣть печальной
 Грусть навѣялъ тихо мнѣ ,
 Не питомецъ степи дальней
 Мнѣ приснился въ жаркомъ спѣ ;
 Не Черкесь , — рубака славный ,
 Душу робостью мнѣ сжалъ ,
 И не взоръ , — инымъ державный
 Злой кручиной оковалъ !

Все не то ! --- Воспоминаль
 Такъ и роется ко мнѣ ,
 Шлютъ завѣтныя мечтанья
 О недавной старинѣ .
 Воспоминаю я бывое ,
 Память прошлыхъ, чудныхъ дней ,
 Время , сердцу дорогое ,
 Время удали моей .
 Восминаю взглядъ я жгучий
 Дѣвы юной, неземной ,
 И горю душой кипучей
 При той мысли роковой .
 Восминаю съверъ хладный ,
 Мой морозный, вьюжный край ,
 Моря плескъ, --- душѣ отрадный ,
 Обѣтованный мой рай .
 Восминаю милой дѣвы
 Ножку, голосъ, станъ и взглядъ ,
 И унылыхъ : «*едѣ ви, едѣ ви?*»
 Лепечу я цѣлый рлдѣ ---
 Громъ грохочеть, ливня лется
 Дождикъ, будто изъ ведра ;
 Молния яркая песетса ,
 Не бызетса гора .
 Только на земь упадетъ
 Опъ шумящую волной ,
 И вдали она сверкаетъ
 Огневою полосой !

Кавказъ, 1836.

Д. СУШКОВЪ.

А-Ъ Л-Ъ Б-Ъ.

—
 Душа подѣлится стремится мой
 Съ единственнымъ другомъ мечтами ,
 И искренно чувства всѣ выскажу я ,
 Излившися въ звукахъ предъ вами .
 Ахъ, дѣтскому лепечу ! въ вашей груди,
 Быть можетъ, отзвучье могу я найти !
 Въ безрадостномъ мирѣ --- лучшѣ скорбей ,

*

Гдѣ мерзнетъ безъ отзыва чувство,
 Гдѣ душатъ объята коварныхъ людей,
 (Ихъ ласки --- не ласки, --- искусство!)
 Гдѣ самая радость --- не радость --- мечта!
 Богъ въ горь намъ счастье даетъ иногда.
 Не счастье-ль прямое здѣсь истинный другъ?
 Что дружбы священнѣй отрадой,
 Когда безъ корыстныхъ видовъ и заслугъ
 На лонѣ любви благодатной,
 Другъ ласками жаждетъ печаль усладить,
 Готовый въ день чернѣй самъ съ нами страдать!
 Любя васъ отъ всей благодарной души,
 Мы счастливы дружбою вашей!
 Порою смѣемся и плачемъ въ тиши
 Надъ горькою жизненной чашей.
 Дай Богъ намъ всегда неразлучными быть,
 Чтобъ вмѣстѣ грустить, уповать и любить.

ЕЛИСАВЕТА ШАХОВА.

УТѢШЕНІЕ.

Когда крылами вдохновенья
 Мечта поэта осѣнитъ,
 И мигъ блаженства, наслажденья,
 Своимъ приходомъ подаритъ ---
 Онъ гимнѣй священнѣй, гимнѣй сердечнѣй,
 Въ восторгъ сладостномъ поетъ,
 И о разлукъ безконечной
 Слезы печальной не прольетъ!

Когда-жъ уныніе, порою,
 Чело младое обовьетъ ---
 Передъ иконою святою
 Онъ въ сокрушеніи падетъ.
 Съ небесъ глаголь къ нему вѣщаетъ:
 «Поэтъ! мужайся, оживись!
 «Къ тебѣ мечта твоя взываетъ ---
 «Люби, надѣйся и молись!»

ТРАУМЪ.

П Р О З А.

ТРИ ГЛАВЫ ИЗЪ РОМАНА.

=

ГЛАВА XIII.

Два прекрасныхъ цвѣтка, лилея и роза,
 Въ тихой долинь цвѣли, скрывалась отъ шумнаго свѣта.
 Нѣжная дружба ихъ жизнь услаждала.
 Корень лилея сохъ непримѣтно отъ тайнаго зноя;
 Юная роза не знала еще непогоды.
 Солнце съ высотъ приветливо имъ улыбалось.....
 А на ближнихъ горахъ послышась громовыя тучи.

Яркіе лучи полуденнаго солнца, сквоза чрезъ Китайскія стѣны, освѣщали роскошно убранную комнату. Стѣны и вся мебель въ ней были обиты зеленой матеріей, затканной разными шелками съ золотомъ. Противъ окошекъ анфилада, чрезъ множество комнатъ, оканчивалась большимъ зеркаломъ. Полъ былъ обитъ тонкимъ сукномъ; передъ диваномъ, возвышавшимся тремя ступеньками, былъ постланъ шелковый коверъ. Надъ диваномъ бронзовый лебедь, съ распущенными крыльями, держалъ въ когтяхъ лавровую вѣтку; чрезъ

вѣтку перекинуть былъ серебряный флеръ; концы у него, обшитые длиною бахрамою изъ разноцвѣтной синели, были распушены по ступенькамъ.

Дверь изъ боковой комнаты была растворена, и въ ней, на противоположной дивану стѣнѣ, видна была Итальянская картина, изображающая распятіе Господне; у ногъ его распростерта Марія Магдалина, съ распушенными волосами.

Сидѣвшая на диванѣ женщина не уступала въ красотѣ святой красавицѣ. Можно-бъ было принять ее за божество, если бы величайшая печаль, помрачавшая ангело-подобную ея наружность, не равнила участи ея съ обыкновенными смертными.

Она сняла съ головы черную шляпку, съ дымящимъ покрываломъ, и положила ее на диванъ; каштановые, шелковистые ея волосы, по стройнымъ плечамъ разсыпались; на благородномъ челѣ, необыкновенной близости, высокія темныя брови казались нарисованными. Мелкія черты продолговатаго лица ея были правильны.

Когда же она приподняла омоченныя слезами длинныя свои рѣсницы, и устремила на распятіе большіе, небснаго цвѣта глаза, въ нихъ отразились истинная, живая вѣра, нѣга, томность, можетъ быть.... Ахъ, нѣтъ! въ нихъ было что-то святое, небесное.

Между тѣмъ вошла дѣвушка, и поставила на приготовленный для завтрака столъ серебряный самоваръ, прекрасный чайный приборъ Японскаго фарфора съ золотомъ, нѣсколько корзиночекъ съ крекнделлами, сухарями, бисквитами, и миндальными, разнаго сорта печеньями. Княжна Эмирова сидѣла съ опущенными внизъ глазами, но когда взоръ ея остановился на кольцо, бывшемъ на ея пальцѣ, тѣ-

желый вздохъ изъ груди вырвался, и слезы полились рѣкою по блѣдно-розовымъ ланитамъ.

Въ это время вѣбжала въ комнату, лѣтъ 16-ти дѣвочка, довольно большаго роста, стройная, живая; непрестанная улыбка, открывала прекрасныя ея зубы, рисовала на щекахъ, покрытыхъ густымъ румянцемъ, ямочки; сквозь длинныя рѣсницы, большіе черные глаза блистали, какъ яркое пламя; словомъ, на всей ея привлекательной наружности, казалось, будто благодѣтельная фея рассыпала волшебную радость.

— Здравствуй, Машинька! — Ахъ, Боже мой! ты все плачешь?... Я право не знаю, какъ ты останешься безъ меня?

« Не напоминай мнѣ Бога ради, сказала Княжна, прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

— По крайности, не плакала-бы, пока я здѣсь; утѣшайся мною....

« Ахъ! Олинька! могу ли я утѣшиться, потерявъ нѣживущую мать и друга; кто-жъ мнѣ ее замѣнить можетъ?

— Матери, конечно, у тебя другой не будетъ, но чтобы не могла ты имѣть друга — это право обидно.

« Не сердись, мой ангелъ — я говорю о такомъ другѣ, 50-ти лѣтняя опытность котораго послужила бы мнѣ въ пользу, а для твоихъ лѣтъ, я въ тебѣ очень увѣрена.» — При этихъ словахъ, Княжна поцѣловала Олиньку и утерлась.

— Зачѣмъ же такъ чваниться, что года четыре ты меня постарше?

« Гораздо больше.

— Все равно: какая въ этомъ нужда? Я чувствую, что веду себя скромнѣе, чѣмъ можно ожидать отъ дѣвочки моихъ лѣтъ.

«И сегодня, изъ глазъ вижу — есть какой нибудь новый опытъ твоей скромности?» спросила Княжна, улыбувшись.

— Нѣтъ! опытъ моего постоянства. — Бросившись на шею къ сестрѣ, Олинъка засмѣялась, и продолжала: — Мнѣ должно бы на тебя сердиться, да не могу: во-первыхъ, люблю тебя какъ душу, а притомъ, страсть рассказать все...

«Да выпей прежде чашку чаю — простынешь».

— Пусть простынешь все, кромѣ меня; не повѣришь, какъ хочется рассказать въ первомъ жару!

Въ это время вошелъ прекрасный собою, конно-гвардейскій офицеръ. На блѣломъ его лицѣ, темные усики чуть пробивались. Поцѣловавъ свою двоюродную сестру, и очень ловко раскланявшись съ Ольгой, онъ спросилъ ее:

— А вы какъ себя чувствуете?

«При васъ, я всегда очень хорошо чувствую» отвѣчала Олинъка, засмѣявшись.

— А я никогда не умью найтись съ вами — сказала Княжна Эмировъ, съ замѣшательствомъ.

«Будто ты ее не знаешь? Она только и присмирѣла на самое короткое время, послѣ несчастія. Мнѣ право жаль тебя, Сережа!»

— Ахъ! *ma cousine!* я съ княземъ обращаюсь какъ съ роднымъ — неужели онъ на меня осердился?

«Я очень увѣренъ, и благодарю васъ, Ольга Степановна — сказала Эмировъ съ неудовольствіемъ».

— А я думаю, что Ольга Степановна досадуетъ, что ты помѣшалъ ей рассказать какой то новый опытъ ея постоянства.

«Это стоитъ одного слова: приказать мнѣ выйти».

— Къ вашему сіятельству есть письма — сказала лакей, войдя въ комнату.

«Гдѣ-жъ они, братецъ?»

— Во флигель. Почтальонъ васъ дожидается.

«Какъ кстати».

— Ахъ, если-бъ отсрочка! — сказала Ольга, покраснѣвши.

«А вы хотите, чтобы я остался?»

— Неужели въ этомъ вы не увѣрены?

«Да, если-бъ вы говорили не смѣявшись».

— Мнѣ очень обидно, Князь, что вы сомнѣваетесь».

«Да вамъ всегда угодно шутить надо мною».

— Вамъ должно быть пріятно, что я при васъ весела, если вы меня любите».

«Если вы меня любите?... повторилъ Эмировъ съ чувствомъ, и поцѣловавъ руку Ольги, не хотѣлъ выпустить».

— Ахъ, князь! вы совсѣмъ завладѣли моею рукою».

«Я бы очень этого желала — прервала княжна».

— Какъ ты, *ma cousine*, сегодня на меня нападаешь! — вспыхнувши, сказала Ольга — и очень ласково отняла руку. — Эмировъ вздохнулъ и вышелъ».

«А сказать правду, я не желаю, чтобы онъ здѣсь оставался».

— Какъ возможно: тетенька выписала его какъ святая: онъ всѣ дѣла твои приведетъ въ порядокъ, и ты будешь спокойна».

«Захочу ли я вымѣнять мое спокойствіе на его несчастіе».

— Хоть убей, не понимаю».

— Ты своею живостію его завлекаешь, а онъ и безъ того влюбленъ въ тебя безъ памяти, да хорошо, если бы онъ тебя правилъ».

— Ты съ ума сошла, Машинька! Можетъ ли не нравиться такой красавчикъ развѣ у меня нѣтъ глазъ?

«Ты ему столько нравишься, что онъ готовъ предложить дядюшкѣ...»

— Ай, ай! какъ скоро! Помилуй: мы еще въ глубокомъ траурѣ.

«Гдѣ жъ твоя скромность: всему смѣешься, и всегда дурачишься, а человекъ столько тебя любить, что не можетъ быть безъ тебя счастливъ.»

— Вотъ объ этомъ я еще хорошенько не подумала. — Послѣ нѣкотораго молчанія Ольга примолвила, засмѣявшись: — Да, кажется, я могу, и безъ него быть счастлива.

«Какая шаль! Ничего не добьешься! Скажи лучше, что еще напраказила?»

— Ты слышала, что Заринскій Саша долженъ сегодня прѣхать въ Михайловское? Онъ вчера былъ въ городѣ. Ахъ! Машинька! ты не можешь себя представить, какъ я хочу его видѣть! Онъ мой единственный другъ... Это совсѣмъ не смѣшно — онъ больше всѣхъ имѣетъ правъ на мою дружбу.

«Сожалѣю.»

— Ахъ! милая Машинька! ты должна извинить меня.

«Охотно — отвѣчала княжна, улыбувшись.»

— Я къ нему писала....»

«Какой вздоръ, и что за причина тебѣ къ нему писать, милая?»

— Вотъ весело! Для меня всякой вздоръ лучше всѣхъ причинъ на свѣтѣ. — По крайней мѣрѣ, посмѣешься.

«Съ кѣмъ же ты писала?»

— Развѣ ты не знаешь моего посланника? А те-

перъ, по важности порученій, я пожаловала его въ полномочные.

«Неужли съ Бельфоромъ?»

— А съ кѣмъ же больше.

«Какъ ты шалишь, мой другъ Олинъка!»

— Боже мой! сколько разъ я писала съ нимъ къ Дашѣ, и какъ исправно онъ мнѣ приносилъ отъ нее отвѣты.

«Признаюсь, я всегда этому удивлялась.»

— Даша, когда еще была здорова, такъ пріучила его къ себѣ, что онъ и отсюда всякой день къ ней бѣгаетъ въ Михайловское, и прямо къ нашей вербѣ, которую я ей также поручила. Вообрази: у нее это осталось въ памяти, и помышленная туда ходитъ. Тамъ у нея всякое утро rendez-vous съ Бельфоромъ, а какъ эта верба наша завѣтнал, неужли Саша ея не отыщетъ?

«Что-жъ тебѣ за радость?»

— Очень будетъ забавно, если Бельфоръ исполнитъ мою комиссію: я впередъ восхищаюсь.

«Чѣмъ вы восхищаетесь?» спросилъ Эмировъ, войдя въ комнату.

— Вашей отсрочкой — отвѣчала Ольга, покраснѣвши.

«Въ самомъ дѣлѣ: что къ тебѣ пишутъ, Сережа?»

— Именно, я получилъ отсрочку — отвѣчалъ Эмировъ сестрѣ, и взглянувъ на Ольгу, примолвилъ: Не знаю, будетъ ли она нужна для меня....»

Въ эту минуту въбѣжала собака, и протянула шею прямо къ Ольгѣ, которая, вынувши изъ-за ошейника записочку, едва могла говорить отъ смѣха: Честъ имѣю рекомендовать вашему сіятельству моего *chargé d'affaires*. Онъ съ важными депешами.» И

прочитай глазами записку, она нѣсколько смѣшалась.

— Читай вслухъ, если нѣтъ секрета...

« Да, отъ Даши все останется секретомъ, хоть напечатая, никто не пойметъ.

— Ну, читай же Олинъка — повторила княжна.

Лишь только Ольга хотѣла начать, вошла почтеннаго вида, высокая, благообразная старушка, въ темномъ ситцевомъ шугавѣ и юбка съ бѣлыми, крупными разводами; на головѣ ея былъ синій шелковый платокъ; черная тафтяная косынка — принадлежность всѣхъ важныхъ мамушекъ — съ большою точностію была разложена по плечамъ ея.

Она остановилась у дверей, поджавши руки, и разостлавъ на нихъ бѣлый платокъ. — Олинъка начала читать письмо:

«Пріѣзжай, о премудрая Ольга! Безумная Даша по тебѣ соскучилась; змѣй горыничъ еще закусилъ лясенка, изъ чьего стада, право, не помню. — Я думаю, что онъ и амурчика твоего загрызетъ, даромъ, что онъ усѣлся на вербѣ.

«Бука къ объдніи не ходитъ, и «благословенъ грядый» не поестъ. Бельфорка все видѣлъ: спроси-ка его, зачѣмъ онъ вмѣстѣ съ амурчикомъ сжевалъ твою записку. Я ея не читала, а горькое яблоко все еще цѣло, и тебѣ достанется....

Во время чтенія, всѣ смѣялись, а мамушка, покачивая головою, ворчала: Тыфу пропасть! какъ лукавый-то ее гораздитъ — все не просто, а все какъ будто намѣки. Господи помилуй! — и перекрестившись, она плюнула на обѣ стороны.

— И къ тебѣ приписываетъ — говорила Олинъка — но мнѣ, право, совѣстно прочитать....

«И, и, матушка, что изволишь: кто на дуракъ, сударыня, взыщеть — и Богъ не воленъ!

«Высокопарной твоей мамушкѣ, теткѣ, или бабкѣ Тихоновнѣ, потрудись, пожалуйста, скажи, что она дура!

— Экой пострѣль, Поди-же съ ней! — сказала, расхохотавшись, мамушка. — А Бельфорка вѣдь въ коляскѣ, вражій сынъ, пріѣхаль! Папенька изволилъ прислать за тобою, сударыня, чтобы безпремѣнно сегодня изволила къ объѣду; гостей-де много названо; ни въсь какъ приказаль просить, чтобы и съ сестрицею, съ ея сіятельствомъ.

«Машинька, другъ мой! поѣдемъ.

— Какъ можно чрезъ три мѣсяца послѣ смерти... Княжна не могла договорить и зарыдала.

— Полно, матушка, ваше сіятельство, кручиниться, и прогнѣвлять Создателя. Буди Его святая воля—говорила — крестясь Тихоновна. Всѣмъ намъ быть тамъ, да не въ одно время.

«Великое утѣшеніе — все вздоръ говоришь, мамушка—откуда ты это берешь?... Машинька, милая! неужли тебѣ не жаль отпустить меня одну?

Княжна плакала и молчала.

— Тебѣ бы все вострывать, сударыня! Не безпокойте сестрицу!—Мамушка старалась оттащить Ольгу, которая увивалась вкругъ сестры.

«Ну, Богъ съ тобой, Машинька, а мнѣ теперь нельзя не ѣхать. Хоть бы вы, князь, меня проводили?

— За особенную честь сочту — только мнѣ позвольте проводить до крыльца.

— О, конечно! На что-жъ тебѣ входить къ дялюшкѣ: ты съ нимъ незнакомъ. Возьми верховую лошада, и возвратись поскорѣе; я вѣдь остаюсь одна.

Ольга пошла собираться. — Княжна, оставшись съ братомъ, горько плакала, воображая, что Ольга боль-

ше жить съ нею не будетъ, Ольга, которую она такъ нѣжно любить. — Сколько брать ее ни утѣшай, она его не слушала, хотя въ эти три мѣсяца и съ нимъ очень подружилась.

Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ истинное участіе въ истинномъ горѣ. Человѣкъ и тогда себя бережетъ и любитъ, когда самъ объ этомъ не думаетъ и не знаетъ. Какъ же онъ долженъ быть обязанъ тому, кто избавивъ его отъ заботы самохраненія, замѣнитъ ему самого себя, а онъ въ это время можетъ свободно предаться горести и наслаждаться ею! Ничего нѣтъ ужаснѣе, когда печаль уступить времени, а радость не займетъ ея мѣста въ сердцѣ.

Но княжна еще была очень далека отъ этого безчувствія. Молодость, друзья — сестра, если не будутъ жить съ нею, онѣ могутъ часто видѣться; да хотя бы и на краю свѣта имѣть друзей, никогда не видать ихъ, ничего не слышать объ нихъ, но чувствовать, что они есть, и это мучительное утѣшеніе нельзя сравнить съ безотраднымъ состояніемъ человѣка, который оставленъ всѣми, и наконецъ, своими чувствами.

Извѣстно, что люди такого нрава, какъ Ольга, все принимаютъ съ особенною живостью. Она какъ будто не вѣрила, что ѣдетъ, была весела и смѣялась, но, когда вошла въ свою комнату, изъ которой вещи ея ужъ были вынесены, она упала въ кресла и зарыдала; бѣжавшій за нею Бельфоръ остановился въ дверяхъ,⁸ и какъ будто вспомнивъ о чемъ-то, бросился со всѣхъ ногъ, и притащилъ за платье княжну.

Ольга, услышавъ ея голосъ, вскочила; онѣ обнялись, и что тогда у нихъ было на сердцѣ, можетъ только понять тотъ, кому извѣстно священное чув-

ство безкорыстной дружбы; остальной же родъ человѣческой, къ сожалѣнію, уступить долженъ преимуществу въ понятіи о привязанности неразумному животному.

Когда сестры, обнявшись, плакали, Бельфоръ положилъ на нихъ лапы, и такъ завылъ, что всѣхъ перепугалъ, и никто, кромѣ Ольги, не могъ унять его.

— Бельфорушка! голубчикъ мой? кого тебѣ жаль! меня что-ли?... спрашивала Ольга, глядя по шеѣ Бельфора, который визжалъ и лизалъ ея руки.

Княжна, по обыкновенію, первая примирилась съ новымъ горемъ; начала уговаривать Олиньку и придумывать какъ бы чаще видѣться и съ кѣмъ выѣзжать. Она вспомнила, что ей пригодится для этого старая Француженка, о которой упоминала Филатьевна, называла ее Нѣмкой. Когда Пенина умерла, Княгиня Вѣра Михайловна взяла ее къ себѣ для дочери, на мѣсто Тихоновны.

Мадамъ Роньонъ, въ угодность Княгинѣ, привла Грекороссійское Исповѣданіе, и сдѣлалась до крайности суевѣрною. При святомъ миропомазаніи, се переименовали изъ Шарлотты въ Пульхерію, въ память бабушки Княжны; но какъ эта перемѣна послѣдовала съ ней на 62 году, то она долго не могла привыкнуть откликаться по новому имени, и сама едва намѣкала его на молитвѣ.

Когда Ольга совсѣмъ собралась ѣхать, и вошелъ Эмировъ провожать ее, тогда рѣшено было, что лучше остаться ему съ сестрой. Ольга этого требовала, и онъ повиновался. Наконецъ появилась, какъ бы изъ подъ спуда мадамъ Роньонъ. Вообразите себѣ женщину малаго росту, безмѣрно толстую, безъ шеи, въ коротенькомъ капотѣ; жестко накрахмаленный борокъ, за неимѣніемъ шеи, расположенъ былъ

по бородѣ и щекамъ; крошечная головка прикрывалась изрѣдка съдыми волосами; туго заплетенная косочка заткнута была маленькой гребеночкѣй, при помощи ленточки, изъ которой бантикъ, на самой вершинкѣ, оканчивалъ нарядъ старой Француженки.

При семь появленіи Ольга не могла удержаться отъ смѣха, и Княжна улыбнулась.

« Ну, пошалий смѣись — сказала Шарлотта, или Пульхерія Францовна — я очень весела, что мой Машинька не мношко себя улипаетъ.

— Машинька... Экой, шустерь проклятой! туда же смѣеть называть Машинькой! — ворчала Тихоновна. — Поди же мы, Русскія, равняйся съ ними: баюкаешь бывало, а все ужъ величаешь... Сестры вслушались въ слова Тихоновны и улыбнулись.

Между тѣмъ подѣвхала къ крыльцу прекрасная, въ восемь лошадей заложенная коляска. Ольга, съ полными слезъ глазами, бросилась на шею къ Княжнѣ. Эмировъ умолялъ ихъ не плакать, и самъ однакоже не могъ удержаться отъ слезъ.

— Вашъ есть карасто постарше!... О, о! пренсеесь Эмировъ!

« Давно бы такъ... Не бошь на своемъ-то языкѣ не смѣеть назвать Машинькой. Слава-то, что крещена, а толкомъ гдѣ до Русскихъ!

— А вы спяити, вашъ сестрисъ, есть много пешаль; пошалуста, перестань, мой миленькой Олинька!

« Натка, и мою полуименемъ хватила! Типунъ бы-те на языкъ, проклятая! — шептала Тихоновна, и поглядывая на мадамъ искоса, продолжала вслухъ: Пора, матушка, извольте, *Ольга Степановна*, полноте, судариня, надрывать сердечушко; надо себя поберечь; кто знаетъ, въкъ пережить, не поле перейти, *Ольга Степановна, судариня*.

— Не простудись, мой ангелъ — сказала Княжна, завязавши прекрасные собольи хвосты на шею Ольги. — Кто жъ теперь будетъ беречь мою милую Олиньку? — продолжала она, снимая съ руки бриллиантовое кольцо, и отдавалъ его сестрѣ. Вотъ тебѣ, мой другъ, на память. Матушка въ немъ....

« Милая сестрица! » прервала Ольга, цѣлуя ея руки. — Я не могла-бы матери моей больше тебя любить, если бы я ее знала. Перекрести меня, мой милый другъ.

— О Князь! пошалий ведите; пата одинъ разъ коншена.

Эмировъ насилу могъ оттащить Ольгу, а Княжна упала въ кресла.

— Вотъ то-го, судариня, Ольга Степановна — взглянувши еще на мадамъ, ворчала Тихоновна — ка-бы молилась побольше Господу Богу, впрямь что и подкрѣпилъ бы ея своимъ могуществомъ!

Ольга ничего не слышала, и пройдя нѣсколько комнатъ, сказала, обращаясь къ Эмирову: «знаете, Князь! я предчувствую, что съ этой минуты начнутъся все мои несчастья!» Мамушка, ведя ее одной рукой, другой утерла слезы, прошептала: «Сердце-то въщунъ человеку.»

— Ахъ, Ольга Степановна! если бъ вы знали, какое я беру въ васъ участіе, то есть, *въ васъ обьихъ*.

— Прощайте, милый, любезный Князь! — произнесла Олинька съ чувствомъ, когда Эмировъ свелъ ее съ крыльца, и цѣловалъ нѣсколько разъ ее руку.

Лакей растворилъ дверцы у коляски, отложилъ подножку, Бельфоръ кинулся туда опрометью, занялъ первое мѣсто, пожиралъ Ольгу глазами и визжалъ, чтобы она поскорѣе шла въ коляску. Когда Эмировъ посадилъ ее, Бельфоръ, уступивъ мѣсто своей барыш-

нѣ на правой сторонѣ, съ большою осторожностью передвигался на лѣвую, и огрызаясь на Тихоновну, показывалъ, что онъ ее подлѣ Олинки съестъ не пустить. Эмировъ увидѣлъ въ окошко, что сестра бѣжитъ на крыльцо, и махнулъ, чтобы ѣхали. Мамушка, садясь напротивъ, успѣла ударить Бельфора по лбу, пробрюзжавши: «Экой песь поганый!» Бельфоръ огрызнулся, и коляска поскакала. Князь встрѣтилъ сестру, за которою бѣжала задыхаясь мадамъ Роньонъ «Она уѣхала?» .. спросила Княжна.

— Да, она уѣхала — отвѣчалъ Эмировъ, и больше не могъ выговорить объ ней ни слова, проводилъ сестру въ спальню, и просилъ ее, чтобы она успокоилась.

« Милый Сережа, другъ мой! мнѣ кажется, что ты будешь счастливъ.

— Я боюсь надѣяться, сестрица, сегодня... Но, можетъ быть, я и ошибаюсь. Позволь мнѣ удалиться, и также отдохнуть.

« А мнѣ должно заняться бумагами. Я еще ничего не разбирала. Все проводы.—При этомъ словѣ, пожавши руку у брата, Княжна вздохнула и примолвила: «Прощай, мой другъ, сойдемся вмѣстѣ обѣдать.»

Князь вышелъ. Мадамъ Роньонъ также пошла къ себѣ, распускать старыя чулки на свѣтильню. Шарлотта Францовна надѣялась за этотъ временный свой трудъ получить вѣчное блаженство.

Княжна долго сидѣла прогивъ бюро, разбирая и перечитывая разныя бумаги. «Еще деньги... Ахъ, Боже мой! я и такъ богата... богата... и очень счастлива...» повторила она съ горькою улыбкой, и какое-то божественное движеніе на прелестныхъ устахъ ея открыло двѣ нитки мелкихъ бусъ. Сильное чувство, глубоко скрытое въ кроткой душѣ,

какъ въ чистомъ источникѣ, отразилось въ свѣтлыхъ глазахъ ея. Самая нѣжная розовая тѣнь покрыла прекрасное ея лицо.

«Въ двѣсти тысячъ ломбардный билетъ» — продолжала Княжна, послѣ долгаго молчанія.

«Безцѣнный мой другъ! ты не успѣла мнѣ объявить своего желанія, но я отгадала его, и выполню. Ты мнѣ оставила въ наследство двѣ тысячи душъ, а имѣ эти двѣсти тысячъ рублей. Такъ точно, по сту тысячъ рублей каждому... Воля твоя для меня всегда была священна: я тебѣ это доказала.» Княжна послѣ этихъ словъ погрузилась въ величайшую задумчивость, и крупныя слезы капали на лежащія передъ ней бумаги.

«Я не раскаиваюсь, что поклялась цѣлый вѣкъ быть несчастлива. Нѣтъ, нѣтъ!» повторила Княжна, утирая слезы — я усладила горькую, послѣднюю твою минуту. Ты съ веселымъ лицомъ простилась съ жизнью. И во время пѣнія раздражающихъ душу гимновъ, когда все вокругъ гроба твоего рыдало — ты, мой милый другъ, какъ будто улыбалась нашему малодушію и ничтожному земному горю. Это что?» подумала Княжна, развертывая записку: «Отдай, мой другъ Машинька, приложенное здѣсь, запечатанное письмо мамушкѣ, и скажи ей, чтобы она старалась наклонять Олинку на то, что въ немъ написано, и чтобы письмо отдано ей было въ свое время.»

Княжна отыскала еще много любопытнаго въ бумагахъ матери, и цѣловала строки, написанныя ея рукою; но когда, запирая бюро, прихлопнула она довольно крѣпко доску, изъ потаеннаго ящичка, какъ будто съ неба, свалился запечатанный конвертъ.» Ахъ, Боже мой, отъ кого это? Видно, она не успѣла распечатать; по несчастію, мнѣ осталось это право!» — Рука незнакомая, подписи нѣтъ.

Вотъ въ чемъ состояло содержаніе письма: «Милостивая государыня, вы требуете, чтобы я васъ успокоилъ на смертномъ одрѣ, давъ честное слово не имѣть ни какихъ претензій, не употреблять исканій; клянусь вамъ моею честью выполнить волю вашу, даже не разсуждать самъ съ собою о возможности, тѣмъ болѣе, что я никогда не имѣлъ такого дерзкаго самолюбія, чтобы считать себя достойнымъ этого счастья. Что не отъ меня зависить, того я побѣдить не въ состояннн. Участь моя рѣшена: я не ропщу и роптать не буду. — Извѣстный вамъ.»

— Боже мой! какъ будто недовольно было моею клятвы? — И безотрадные слезы навернулись на прелестныхъ глазахъ Эмировой.

Между тѣмъ вошелъ лакей, звать обѣдать. Княжна заперла бюро и пошла въ столовую.

ГЛАВА XIV.

Ольга ѣхала очень тихо по дурной проселочной дорогѣ; объ онъ съ мамушкой молчали.

— Что ты, песій сынъ, тутъ разлегся? — сказала наконецъ Тихоновна, потянувши Бельфора за лапы — смотри, какъ барченокъ, развалился Экой нѣженка! А я, старуха, торчи напередн — прислониться не къ чему!

Бельфоръ заворчалъ, и вѣрно тнпнулъ бы се, если бы Оленька не погрозила и не указала ему мѣсто. Огрызалась на мамушку, Бельфоръ исполнилъ приказаніе своей барышни, легъ на коверъ, и былъ счастливъ, что она положила на него свои маленькія ножки, съ которыми началъ онъ играть.

— Экой баловень, собачье рыло! Право, у господъ

житье лучше собакамъ, чѣмъ людямъ! Не къ вамъ, сударыня, будь сказано: у тебя бы разливанное море — а вотъ, примѣромъ будучи, объ вашей тетушкѣ, Графинѣ, Федора пересказывала.

«Кто это, такая Федора?» спросила Ольга, и опять задумалась.

— А дѣвушка-то, что въ Питерѣ училась у тетеньки, у Графини; вѣдь она прѣехала, сударыня; я ее видѣла, какъ ѣздила съ извѣстіемъ о кончинѣ покойной Княгини — поморила вѣсѣхъ насъ со смѣху, окалннал! Да, вотъ къ этому - то дураку я припамятовала, примолвила Тихоновна, толкнувши Бельфора, который взглянулъ на нее съ презрѣніемъ — и Графиня-та тетушка всегда вишь изволить ѣздить прогуливаться тоже съ двумя любимыми собаками; одна - де съ нею всегда сидитъ рядомъ, большая, какъ ее Федора называла по-Французскому — не молвится, а по Русски-то, какъ будто Форапонкой отъзывается.

— Вѣрно, Фрипонъ?

— Може что и Фрипонка, сударыня. А напротивъ, вишь, сиживала всегда компаньонка, худая-де, прехудая, въ чемъ душенька; тоже и съ ней рядомъ собаченка, и на компаньонку во всю-де дорогу гнѣвается и ругать ее изволить: «я много-то мѣста заняла, и Фидельку задавила.» а Фиделька, кабы не хвостъ да не уши, вся-де съ наперстокъ, праховка . . .

Хотя Ольга не слушала, но мамушка, желая какъ нибудь развеселить ее, продолжала: — У тетеньки столько же было приданныхъ-то крестьянъ, какъ у нашей госпожи въ Казани, вмѣстѣ съ покойной маменькой; законныхъ-то дѣтокъ не было, такъ и супругъ, его сіятельство, за нее же порѣшили 1000 душъ, а теперь все промахнула, и живетъ на какихъ-

то пензійяхъ. Господи твоя воля, все-де изъ чужихъ рукъ смотреть. А прожила на собакъ, на кошекъ, да на птицъ, и какія-то золотыя рыбки у нея были понапусканы, диватка не скоромныя-ли, согрѣшила грѣшная! И у всей-де этой бѣсовщины есть наши сестры мамушки, и всѣ наемныя, и какой дискать надъ ними обиходъ, да честь ведутъ.

«Хоть няньки, по крайней мѣрѣ; зачѣмъ же ты ихъ съ собою равняешь, мамушка?»

— Ну, пусть хошь и няньки—отвѣчала съ чванствомъ Тихоновна, поправляя на себѣ теплыя перчатки, жалованныя ей Книжною послѣ матери.—У всякой-де собаки и птицы своя посуда, и съ ихъ именами; и не дай-де Господи перемишать собачью-то посуду—такъ изволить осерчать, что нянюшку сейчасъ съ двора долой! А еще вишь есть какой-то у нее попугай,— не знаю правда-ли, Ѳедора-то божила, что онъ все по человѣчьему переказываетъ. Ты ихъ не видывала, Ольга Степановна?

«Я видѣла въ Москвѣ попугая, когда была маленькая съ тетенькой— это правда, что они нѣсколько словъ выучиваютъ.»

— Такъ, вишь, ваша тетушка Графиня все съ нимъ— только и бесѣды.

«Какъ можно, мамушка: онъ и самъ ничего не знаетъ что говорить: такъ, чуть, чуть намѣкаетъ.»

— Да, какъ пить не такъ? Намѣкаетъ онъ разбойникъ! Ѳедора-то говорить, такой-де шутъ людской, что человѣку не въ память; знаетъ, мошенникъ, что у большихъ господъ, oprичъ шутовства, ни чѣмъ не взять. У нихъ вѣдь шутамъ не житье, а масляница: шутя, шутя, да все и выскажетъ; хошь бы ващъ папенька, грѣхъ молвить, чтобы кому была потачка: и любимцы въ зорю мигай, а Захаркѣ слышному все съ рукъ сходить.

«Да, перестань, мамушка! Какая мнѣ до этого нужда? Расскажи-ка лучше, какъ попугай шутить.»

— А вотъ изволишь: тетенька Графиня такая дородная, да рослая, съ нуждой-де въ бесѣдку къ нему пролѣзала, а онъ, мошенникъ, лишь завидитъ ее, не съ другаго слова: здравствуй, дура! за чѣмъ-де пришла, толстая чертовка? Не бошь знаетъ, что это ей по праву; она вишь и распотѣшится, и нигдѣ такъ весела не бываетъ, какъ у него въ бесѣдкѣ, и только продеретъ глаза, прямо къ нему, а дворня толкуеть, что это не спроста, въ насмѣшку сдѣлано: «не ругайся-де надъ людьми, и хуже собакъ ихъ не поставляй!»—не мудрено матушка, что и подскимистятъ. Ѳедора-то все переказывала, такая всему доточная дѣвка, какія занавѣсы въ вашу комнату приговорила, да теперь ужъ поди что и навѣсила; изъ себѣ-то не больно пригожа, рябенка, да и слава Богу.

«Развѣ ты, мамушка, не любишь хорошеенькихъ?»

— Да что съ ея лица, не узоры снимать!

«Стало ты и Машинькой не прельщаешься?»

— И, и, сударыня, сравнила! Наше дѣло рабское. Что въ красотѣ, коли самъ не свой?

«Пожалуйста, не говори мнѣ этого: терпѣть не могу. Всѣ люди равны. Посмотри-ко, Даша: до сихъ поръ видно; я не помню ее здоровою, а всѣ говорятъ, кака была красавица.»

— Договорилась-же, Ольга Степановна, Господи помилуй! Что же вышло изъ ея красоты? Живой оставъ таскается по свѣту вольному.....

«Развѣ она отъ красоты помѣшалась?»

— А може зачванилась, да занеслась, такъ Богъ и наказалъ.....

Мамушка старалась замять рѣчь, глотая слезы.

— Какой вздор! Она предобрая: ничего, бѣдняжка, не поминишь, а маменьку, не бось, не забыла! — возразила, сквозь слезы, Ольга.

Между тѣмъ поравнялись съ барской усадьбой. Противъ воротъ стояла церковь, а впереди видно было большое селеніе.

— Упокой, Господи, душу рабы своей Анны! — сказала, перекрестившись, Тихонова.

« Мы по этой дорогѣ въ первый разъ ѣдемъ изъ Воротниковъ? »

— Да, видишь тамъ, гдѣ прежде ѣзжали, мосты снесло.

« Кого жъ ты поминаешь? — Вѣдь, это наши Вазерки? »

— Да, это село куплено въ тотъ годъ, какъ ты изволила родиться, а я помню первую помѣщицу — предобрая была госпожа, царство небесное! Къ маменькѣ часто ѣзжала — какія были пріятельницы!

« А какъ фамилія? »

— Дай Богъ память — знаю, что Анна Андреевна... Тѣфу пропасть, кругъ рта вертится.... Нѣтъ, матушка, запомитовала, изъ чьихъ по фамиліи....

Потомъ Ольга и старуха опять замолчали, а между тѣмъ село проѣхали.

— Что ты, мамушка, такъ вдругъ задумалась? »

« Кажись, вздремнула, сударыня! » отвѣчала мамушка, протирая глаза будто со сна. « Вотъ нашъ и Михайло Архангелъ виднѣтъ! Верстѣ съ пять осталось. »

— Неужли мы восемь верстѣ такъ долго ѣдемъ? »

« Нѣтъ, здѣсь въ объѣздѣ, сударыня! Мы крюкъ »

дали. А мнѣ, Ольга Степановна, пригрѣзился, какъ вздремнула-то я, братецъ Марья Васильевны — какой молодець. И, кажись, онъ тебя больно полюбилъ, я тебѣ не смѣла сказать, да ужъ теперь какъ-то съ языка сорвалось.

— Прелюбезный, да какой чувствительный! Мнѣ такъ было жаль Машиньку, что я готова бы выйти за него замужъ, только чтобы съ ней не разставаться.

« Господи помилуй! такъ нашихъ знай. Охо, хо, Ольга Степановна! куда ты еще молодехонька, зеленехонька. »

— Да развѣ замужъ выходятъ старыя?....

« А что, и впрямь? Папенка не поперечилъ бы: вѣдь у него полторы тысячи крестьянъ. »

— Отъ чего жъ ты тамъ мнѣ объ этомъ не напомнила? »

« Почему жъ я знала, что онъ тебѣ любъ? »

— Да все равно, лишь бы жить съ Машинькой! »

« Да, онъ тебя увезъ бы въ Питеръ, а сестрица-то не оставитъ гроба родительницы. »

— Вотъ весело! Я бы велѣла, ему выйти въ отставку. »

« Охъ, ты воструха, воструха, избалованное дитятко! — Какъ то теперь Богъ дастъ.... »

— Что ты, мамушка? Какое послѣднее слово сказала? »

« Молчи-ко, сударыня — вонъ и домъ нашъ стоитъ! »

— Ахъ, мамушка, милая! сердце замерло! — Оленька, все въ слезахъ, бросилась на шею къ Тихоновнѣ.

« Что ты, матушка? Перекрестись, да призови на помочь Михайла Архангела — утрись, сударыня, утрись! Папенка будетъ гнѣваться. »

— Не страшай меня — я до сихъ поръ никого не »

боялась; сюда въѣзжала въ гости съ тетенькой, и тутъ бывало непрестанно подзываетъ ее домой, особливо, когда Машиньку братья сюда перестали. А теперь — ахъ, Боже мой! мнѣ здѣсь жить должно — одной!... И кто-жъ мнѣ замѣнитъ ее! — Ольга опять упала на плечо къ Тихоновнѣ. Бельфоръ вскарабкался съ другой стороны, и обнялъ Ольгу.

« Кто замѣнитъ? » повторила старуха, « а Сашинька?... Поди-ко глаза проглядѣль. » Ольга совсѣмъ забыла объ немъ, и какъ кстати напомнила ей Тихоновна.

— Ахъ, это правда, мамушка, милая! вѣдь ты меня любишь, очень любишь? — цѣлуя Тихоновну, спрашивала Ольга.

« Да кого жъ мнѣ любить, кромѣ тебя, Ольга Степановна? У меня только и свѣту въ глазахъ.

— Однакожъ, глаза свои на меня не промѣняешь?

« Да что мнѣ въ нихъ безъ тебя?... Да, Боже избави чего — мамушка, цѣлуя руки у своей барышни, заплакала..... Да я и зенки то себѣ выколю — ну, на кого я ихъ буду пилить безъ тебя, мое сокровище безцѣнное? »

— Полно, мамушка, я не для того говорю, чтобы ты меня за-живо оплакивала; напротивъ, я очень долговѣчна, и думаю, что еще столько же проживу.

« Сколько же? И это у тебя долговѣчна? — Охъ, ты, мой празднословъ хорошій! » примолвила, раземѣлявшись, Тихоновна.

— Ну, втрое, вчетверо, сколько хочешь. А скажи мнѣ, пожалуйста, скажи, если меня любишь: какъ ты думаешь, гдѣ встрѣтитъ насъ Саша? — Я очень любопытна знать, и какъ меня это мучитъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты объ немъ напомнила!

« Охъ, ты, моя Ольга премудрая! Ну, что я за свято-духъ? »

— Ужъ этакой бездѣлицы не можешь отгадать? А всѣ старухи, Богъ вѣдаетъ какъ, чванятся своею опытностью.

« Ну, може, у крыльца, а може и вовсе не встрѣтить. »

— Какъ ты, мамушка, любишь говорить неприятности! Хорошо, что я такого умѣреннаго нрава, а другую ты съ ума бы свела. — Тихоновна, вмѣсто отвѣта, начала поправлять на головѣ платокъ, который сняла барышня.

Бельфоръ легъ на свое мѣсто; коляска поѣхала скорѣе; Ольга стала воображать, какъ она бросится въ объятія къ своему Сашѣ.

Глава XV.

Въ парадной залѣ въ домѣ Пенина, отдѣланномъ внутри къ прїѣзду дочери за-ново, накрытъ былъ столъ на 24 прибора; посреди стола зеркальное плато, съ фарфоровыми куклами, обставлено было богатыми вазами изъ граненаго хрустали, съ живыми цвѣтами. Въ окошкахъ и вокругъ стола, поодаль, въ кадкахъ, большія, лимонныя и померанцовыя деревья.

Вездѣ шелкъ и золото. Зеркала снизу до верху. Лакеи въ парадной ливреѣ; офицанты въ башмакахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, съ часами, и всѣ распудренные, ожидали прїѣзда барышни.

Въ залѣ никого не было, но въ кабинетѣ слышался голосъ хозяйни.

Когда лакей, вѣбжавши, доложилъ о прїѣздѣ гостей, изъ кабинета вышла Заринскій.

На лицѣ его выразилась благородная гордость, а на устахъ холодное презрѣнїе. Онъ нѣ успѣлъ подойти къ окошку, какъ вошли гости.

Напередъ шелъ Жолтиковъ, и оглядываясь, помиралъ со смѣху; за нимъ Кариевъ и Погостинъ вели подъ руки колдуномъ шута, одѣтаго въ платъе, сшитое изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ; въ рукахъ онъ держалъ опахало, вырѣзанное изъ синей сахарной бумаги; на головѣ его была пестрая шапка — борода напудрена и заплетена въ косы; на концѣ каждой косы висѣло по колокольчику.

Когда гости съ Заринскимъ раскланялись, шутъ обмахнулъ его, проходя вмѣстѣ съ ними въ кабинетъ къ хозяйку. Молодой человѣкъ, какъ ни былъ разстроенъ, но не могъ не разсмѣяться, и это смѣхило нѣсколько его чувства.

— Ахъ, Боже мой! я еще не читалъ... — сказалъ онъ съ нѣкоторою живостью, и вынувши записку, подбѣжалъ къ окну, развернулъ ее, вникъ взоромъ, и неизъяснимая пѣга отразилась въ глазахъ его.

Въ запискѣ было слѣдующее: «Любезный мой Сашинька! я тебя сегодня увижу; сердце отъ радости «хочетъ выпрыгнуть; десять лѣтъ я непрестанно «думала объ этой счастливой минутѣ. Милая Машинька не требовала, чтобы я больше тебя се любила — она знала, что это невозможно.

«Мнѣ рассказывали, какъ ты меня качалъ, закружившись, какъ первый будиль мою кормилицу, и я засыпала всегда глядя на тебя, и какъ первое слово я выговорила: *Саша*, а другое: *мой!*»

«Потомъ, я сама помню, какъ ты меня училъ ходить, говорить — и гдѣ же все изъяснить, за что обзвана любить тебя вѣчно? — твоя Олинъка.

«Р. С. Я не знаю, дойдетъ ли до тебя моя депеша. Неужели ты не пойдешь къ вербѣ, которую мы вмѣстѣ съ тобою посадили, и не сядешь на скамеечку, которую я всякое лѣто возобновлять приказывала; тамъ тебѣ представится мой послан-

«никъ. Какъ мы будемъ смѣяться, если Бельфоръ «сумѣетъ выполнить мою комиссию. Не правда ли?»

Всякой можетъ себѣ легко представить удивленіе молодого образованнаго человѣка, который былъ старше Ольги почти четырьмя годами, и кончивъ курсъ наукъ, жилъ долго въ Петербургѣ, въ такомъ домѣ, гдѣ понятія его о людяхъ совершенно развернулись, и гдѣ могъ онъ насмотрѣться на всѣ приличія, принятія въ обществѣ. Потому онъ, плывясь простодушнѣе Ольги, могъ также подумать: не слишкомъ ли она проста? — Но за всѣмъ тѣмъ, онъ въ первый разъ въ жизни былъ такъ счастливъ, воображал, что находитъ дружбу тамъ, гдѣ кромѣ ненависти и презрѣнія ничего встрѣтить не надѣялся.

— Милая дѣвушка, — а можетъ быть... и прекрасная.... Другъ... довольно — а ежели?... Пу, а ежели она сестра моя?..

Заринской, отъ презрѣнія ли къ Певнну, или отъ чего нибудь другаго, старался удалить эту ужасную для него мысль, и какое-то неизвѣстное ему доселѣ чувство овладѣло, имъ съ такою силою, что онъ забьлся, какъ вдругъ пробило 12 часовъ, и усыпленный сладостнымъ упоеніемъ, юноша очнулся.

— Ахъ, Боже мой! до сихъ поръ ея вѣтъ.... Да гдѣ жъ она?... Не случилось ли чего? Или дурная дорога.... Олинъка! — произнесъ Заринской съ нѣжностью — Олинъка! нельзя жъ мнѣ ее называть иначе? Я буду ей говорить «ты,» — да, всякой бы тоже сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ, послѣ милаго ея письма!

— Степанъ Михайловичъ приказалъ вамъ осмотрѣть очищенный для гостей флигель.

« Помилуй, братецъ, до того ли мнѣ?» отвѣчалъ Заринской лакею.

— Такъ и доложить прикажете-съ?..

« Ахъ , милый мой другъ , какой ты безчеловѣчный! — Ну, веди меня — я не знаю, гдѣ этотъ «фигель.» Не прошло десяти минутъ, какъ Александръ вышелъ, Ольга вбѣжала въ комнату.

— Гдѣ онъ? гдѣ мой Саша? Ахъ, Боже мой! същите его! Я вамъ приказываю: сыщите моего Сашу! — повторила Ольга, обращаясь къ изумленнымъ лакеямъ, шедшимъ за нею. Нѣкоторые изъ нихъ бросились со всѣхъ ногъ. «Да развѣ нѣтъ здѣсь Саши? — развѣ онъ ухалъ?»... спрашивала Ольга, съ большою живостью.

— Онъ здѣсь, сударыня!

« Ну, такъ онъ не зналъ, что я буду? Онъ не ждалъ меня?

— Какъ не знать!

« Такъ, что жъ все это значитъ?

— Папенька изволилъ послать его.....

« Странно — посылать, когда онъ ждалъ меня! Это безбожно! Ни на что не похоже....

Ольга сбросила съ себя капоръ прямо на плато, а между тѣмъ припелась Тихоновна.

— Что ты, матушка! Христось съ тобой, сударыня! Глянь, никакъ перебила куклы! — ворчала матушка, прибирая капоръ. — А вы что выщипали глаза? У нея братца нѣтъ; вы знаете: она росла, какъ голубчики, все вмѣстѣ.

« Ахъ, матушка, что тутъ разсуждать — извиняться передъ ними! Пошли ихъ, всѣхъ пошли искать его!

Ольга бросилась въ кресла, и зацѣпила длинными своими локонами за одно изъ деревьевъ, которыя вездѣ были наставлены.

— Горе съ тобою, да и полно! — шептала Тихоновна, отцѣпляя и расправляя густые ея волосы. — Вишь, какъ растрепалась, сударыня!

« Какъ можно заниматься такимъ вздоромъ!

— Эхъ, матушка, Ольга Степановна, надо себя беречь, сударыня! Больше Бога не будешь!

« Пошла ужъ съ наставленіями! — Ахъ! какъ скучно! И для чего жъ мнѣ себя беречь?

— Да, вишь, какъ все размуштровала, и сама всѣ растрепалась, да раскраснѣлась — ну, какъ папенька войдетъ!

« Да, матушка, ты правду говорила, что нельзя знать, гдѣ насъ встрѣтятъ! Можетъ, онъ меня и видѣть не хочетъ».... говорила сквозь слезы Ольга, а между тѣмъ радостный лай Бельфора раздался во внутреннихъ комнатахъ, и кто-то шелъ очень скоро по корридору.

— Ахъ, это онъ.... Вотъ онъ!... — спрыгнувши съ кресель, вскричала Олинъка, и побѣжала съ распростертыми объятіями къ дверямъ. «Наконецъ, я тебя вижу, мой безцѣнный Сашинька!»

Дверь отворилась. Ольга оцѣпенѣла, увидѣвши высокаго роста, прекраснаго, молодаго челоуѣка. — Она опустила глаза, поджала руки, и стала, какъ приговоренная къ смерти.....

— Изъ огня да въ поломя! — прошептала матушка, тронувши барышню. — Да поклонись хоть по-Русски, сударыня!

Ольга присѣла очень низко. Александръ, стоявшій до сихъ поръ неподвижно, также поклонился, съ большою учтивостью, и наконецъ вымолвилъ: «Тигорская приказала вамъ кланяться.»

— Я ея не знаю.....

« Ба, ба, ба! здравствуй молодая хозяйка! » вскричалъ Пенинь, вбѣжавши въ столовую. « Что жъ се-стра не пріѣхала?»

Ольга поцѣловала руку у отца, и, не могши выговорить ни слова, закрылась платкомъ и заплакала. — Заринскій вынешлъ.

— Не напоминайте, батюшка, Степанъ Михайловичъ! На силу растащили, сударь, — сказала мамушка, обрадовавшись, что какъ нибудь могла выпутать барышню изъ неловкости.

«Какъ ты подросла — похорошѣла — говорилъ Пенинъ, обнимая дочь, которой не видалъ больше года. «Да не плачь, дура, Развѣ ты не къ отцу прѣехала? Развѣ я тебѣ злодѣй... Положимъ, что я... Ну, да и медвѣдица не грызетъ своего медвѣжонка.

Пенинъ прижалъ дочь такъ крѣпко къ своему родителскому сердцу, что оно въ первый разъ въ жизни затрепетало отъ чувства священнаго, отъ любви святой. «Ольга! Ольга! повторилъ онъ, для чего ты вчера не прѣехала?...»

Пылкая Ольга превратилась вся въ дѣтскую пѣгу, и забывъ все, готова была умереть на груди своего отца.

— Давно бы такъ — ворчала Тихоновна. — Слава те Господи, есть кого любить!

Бельфоръ во все это время визжалъ и лизалъ ноги у отца и у дочери.

Пенинъ, взявъ дочь за руку, повелъ показывать ей комнаты; мамушка потащилась туда же. Бельфоръ прыгалъ передъ ними, лаялъ и вертелъ хвостомъ отъ радости.

Когда они шли по длинной стекляннѣй галереѣ, отдѣлявшей отъ дома флигель, гдѣ были приготовлены комнаты для Ольги, въ концѣ галереи явилась Даша. Она долго глядѣла на нихъ изъ-подъ руки.

— Сей-часъ будетъ меня бранить — сказалъ Пенинъ дочери.

«Знаетъ кошка, чье мясо съѣла, — бормотала себѣ подъ-носъ мамушка.

— Бѣдняжка, какъ мнѣ ее жалъ! — сказала Ольга.

«Между тѣмъ Даша подбѣжала, и, взявши Бельфора за лапы, толкнула на Тихоновну.

— Экой дуракъ! — говорила она, помирая со смѣху — поведи даму, невѣжа! — Развѣ ты не знаешь что это длинной польской: бука даетъ балъ для Агапкиной свадьбы — песь со старухой, да сатана съ младенцемъ!

«Что это сорвалось съ дурацкаго-то языка объ Агашь... Что нибудь да есть... подумала Тихоновна. Нутка, ты, вишь облапиль, бѣсовъ сынъ! сказала она, оттолкнувши отъ себя собаку.

Пенинъ закусилъ губу, а Олинька смѣялась и приглашала съ собой Дашу.

— Полно, Олинька. Ну, что связалась съ дурой?

«Ахъ! папа, позвольте. Она меня очень любить, и маменьку до сихъ поръ помнить; я думаю, она вамъ часто объ ней говоритъ. Пойдемъ съ нами, пойдемъ, Даша! — Поговори что нибудь о маменькѣ.» — Ольга манила сумасшедшую, а та ей посылала рукой поцѣлуи, и указывая на Пенина, отвѣчала:

— Бука объ маменькѣ говорить не любить — и задрожавши вся примолвила съ злобой: «Онъ самъ закрылъ ее гробовой доской!»...

— Оставь ее, Ольга, я и безъ того сегодня очень разстроены. — Мамушка! прикажи кому нибудь ее вывести — сказалъ Пенинъ, и увелъ дочь въ новыя комнаты.

«Тихоновна, позвавши лагел, также успелась за ними.

— Прочь, Иуда предатель! ты еще не удавился? вскричала Даша, — и во всемя лицъ ея сдѣлались

судорожныя движенія; глаза ея засверкали. Тебѣ не въ первый разъ, злодѣй, — таскать меня по этой адской дорогѣ, къ змѣю въ овчарню — и заскрежетавъ зубами, безумная толкнула прочь отъ себя холопа, который, не ожидавъ этого толчка, полетѣлъ со вѣхъ ногъ.

Безумная, захохотавши во все горло, убѣжала въ противоположную сторону.

Комнаты Ольги были совсѣмъ отдѣлены отъ прочихъ; ихъ соединялъ только стеклянный корридоръ. Въ концѣ галлерей былъ особый подъездъ; изъ спальной Ольги, черезъ залу, можно было пройти въ кабинетъ отца.

Ольга была въ восхищеніи отъ своего новаго жилища; когда же вошла она въ маленькій, совершенно очаровательный кабинетъ, то не могла мысленно не упрекнуть себя за холодность къ отцу, котораго счастье, какъ ей казалось, она одна составляетъ.

Три стѣны кабинета были расписаны подъ боскетъ; на четвертой Венеціанское въ садъ окошко во всю стѣну; къ нему, какъ бы приросло большое кленовое дерево, представлявшее изъ своихъ широкихъ листьевъ всегда опушенную сторону — роскошную защиту отъ полуденнаго солнца лѣтомъ, а зимой, освѣщенное фонаремъ изъ разноцвѣтныхъ граненыхъ хрусталей, оно служило вмѣсто четвертой стѣны боскета. Завидна участь почтеннаго старожилла. Сколькихъ приключеній былъ онъ невольнымъ покровителемъ! Сколькихъ происшествій безмолвнымъ свидѣтелемъ! И сколько поколѣній при немъ смѣнялось, а онъ все молодѣе, всякое лѣто сохнетъ, зеленѣе, и весело глядитъ въ окно юной наследницы, какъ будто ея ровесникъ!

— Ахъ, папа! какъ я вамъ благодарна, что вы приказали поставить ко мнѣ въ кабинетъ мою лю-

бимую картину! — Помните-съ, какъ мы съ Гришей всегда на нее любовались... Какъ мнѣ его жаль — Ахъ, папа! отъ чего онъ умеръ?...

«Онъ какъ-то очень скоро... отвѣчалъ Пенинь съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Вы мнѣ простите, папа, а я, кажется, васъ разстроила, что о немъ спросила?

«Да, ты очень любопытна, Ольга.

— Я точно вы, папа. Ахъ! какъ я на васъ похожа, во всемъ, совершенно во всемъ похожа!

«Я радъ, очень радъ — только желалъ бы нѣкоторыхъ исключеній.

— Ахъ! папешка, почему же? Я такъ-же, какъ и вы, люблю живопись, музыку, и эту картину. Ахъ! знаете ли, какъ этотъ мужчина, въ маскѣ, похожъ на васъ; точной вы, кромѣ лица, котораго не видно, а глаза, взгляните-ко... Ахъ, папа, точно ваши глаза.

«Мнѣ очень пріятно, что ты такъ успѣла, и умѣешь разбирать живопись! отвѣчалъ Пенинь. Красныя пятна показались на его лицѣ. Ольга расхоталась:

— Ахъ папа, какіе вы смѣшныя... Да, развѣ это вы?

«Конечно, я. Но мнѣ вздумалось нарисовать маску, а прежде — я чай, ты помнишь эту картину?...

— Чуть помню. Я съ тѣхъ поръ не была въ вашемъ кабинетѣ, какъ Машиньку рисовалъ какой-то молоденькій живописецъ.

«Полно, болтушка, я ее рисовалъ самъ.

— Ахъ, папа! какъ возможно — вы тогда были очень стары.

«За что жъ ты меня въ старики пожаловала?» сказала нѣсколько шутливо Пенинь: — я еще и теперь молодецъ: мнѣ только 48 лѣтъ.

— Ахъ! папа, какой ужасъ! — Ольга снова расхоталась и упала на диванъ.— Кто жъ эта женщина? — спросила она, всматриваясь опять въ картину.— Черты ребенка нѣсколько мнѣ знакомы, только не могу вспомнить. Какъ я любопытна узнать исторію этой картины!

«Ты знаешь, что я всегда любилъ Азіятскую красоту и одежду, а все прочее моя фантазія.

На картинѣ была изображена, сидящая, прелестная, очень молодая женщина въ Татарскомъ костюмѣ; большія черныя косы, въ нѣсколько рядовъ обвитыя вокругъ головы, блесгли сквозь прозрачную кисею, застегнутую на лѣвой сторонѣ серебрянымъ подумѣсякомъ. На ней былъ пунцовый кафтанъ-кубилекъ съ жемчужными пуговками; серебряный чешуйчатый поясъ застегнутъ павталей, съ камнями и съ Татарскими словами. Изъ-подъ желтыхъ атласныхъ шароваровъ, на маленькихъ ножкахъ видны были, золотомъ шитыя, сафьянныя, зеленыя ичитки. На бѣлыхъ рукахъ золотыя бизилики, которыми играла, сидящая на колыняхъ ея прекрасный младенецъ, совершенно на нее похожій. Саржевая алая сорочка почти вся была спущена съ бѣлосиѣжныхъ его плечиковъ; черныя, какъ будто шелковыя, кудерки вились по всей его маленькой головкѣ. Мужчина въ маскѣ устремилъ сверкающій взоръ на женщину, опустившую глаза на ребенка, и горестная улыбка выражалась на розовыхъ устахъ ея.

— Гости прѣхали! — сказалъ вошедшій лакей. Ольга, по обыкновенной своей живости, не спросила: кто, и надо ли идти; она привыкла все рѣшать сама, и лишь только переступила въ свою гостиную, остановилась отъ удивленія, увидѣвши передъ собой незнакомую гостью, которая бросилась цѣловать ее.

— Ахъ милая Олинъка какъ я рада, что тебя вижу....

«Покорно васъ благодарю, но позвольте узнать кому я имѣю честь быть такъ много обязана?....

— Я Сонюшка Ильменева.

«Неужли? Ахъ! Сонюшка! какъ же ты умѣла перерости меня?....

Юныя подруги много говорили, ничего не сказали, плакали, смѣялись, а всего больше другъ друга цѣловали, не примѣчая, что Пенинь, смотря на нихъ, стоялъ, какъ будто пораженный ихъ невинностью.

— Да полно вамъ, младенцы, меня морочить! Я, какъ дуракъ, на васъ заглядѣлся, а гости дожидаются.

Олинъка съ Сонюшкой подхватили его подъ руки, и помчали по галереѣ, продолжая разговаривать между собою.

— Ахъ, Олинъка! какую мы тебѣ пресмѣшную привезли гувернантку!

«Что жъ мнѣ въ ней, папа, если она смѣшная?

— Ты, Сонюшка, такая вралиха, что мочи нѣтъ.

«Ахъ, Боже мой! да она вѣдь не всегда смѣшна, а только, когда ѣхали... Она никакъ не хотѣла сѣсть со мной рядомъ. Володи сгорѣлъ со стыда, когда она съѣла напротивъ. Вообрази, Олинъка: подъ ней подломилась скамеечка.... и.... какъ она смѣшно упала.».... Сонюшка, рассказывая, хохотала безъ памяти.

— Это со всякимъ можетъ случиться, возразилъ Пенинь.

«Конечно, папа, а нельзя же не смѣяться.

Между тѣмъ, они вошли въ залу, гдѣ ихъ встрѣтилъ Подшивалкинъ.

— Степанъ Михайловичъ! съ праздникомъ, почтеннѣйшій благодѣтель! *Таво*, изволишь видѣть, прѣхалъ со всей семьей, *таво* не смѣлъ послушаться, чтобъ ваше высокородіе не расхорохорились, *хортъ возьми!*

« Спасибо, Карнѣй, спасибо! — сказалъ Пенинъ, потрепавши его по плечу, подалъ руку молодому Ильменеву, а стряпчему, кивнувъ просто, примолвилъ: — Мнѣ, братъ, и до тебя будетъ дѣльцо!

— Я желаю поскорѣе знать, чѣмъ могу быть полезенъ вашему высокородію.

« Ну, что ты торопишься, *таво*; вѣдь ты *Ерелый*, такъ *про себѣ и разульный, хортъ возьми!*

— Ахъ! ты подъячій, *хортъ возьми* — повторилъ Пенинъ, ударивъ Подшивалкина по затылку, съ котораго посыпалась пудра.

« Ольга Степановна! тѣфу пропасть! *Старый старится, а лолодой растеть, таво*, невѣста, сударь ты мой, непогнѣвись пожалуй, да какая красавица, *хортъ возьми!* Пожалуй-ко, матушка, старому заслуженному секретарю поцѣловать ручку, сударыня.

— Здравствуйте! — сказала Олинъка, и молодыя дѣвушки, взглянувшись, улыбнулись.

Подшивалкинъ отвѣлъ Пенина къ дальнему окошку, для объясненій объ общихъ ихъ дѣлахъ, а Сонюшка также что-то очень серьезно шептала Ольгѣ.

— Ухъ, батюшки, ухъ!... Раствори-ко другую половинку, Гаврила!

Дверь настѣжь. Гаврила появился и перетащилъ черезъ порогъ Анфису Самойловну.

— Вотъ и свѣтъюшка. Задохнулась, *хортъ возьми!*; кажется, здѣсь не высоко, *таво?*

« Ухъ! старость, мой батюшка!

— Насилу я васъ дождался, Анфиса Самойловна. Пожалуйте, покорно прошу.

« Ваша сущая правда, мой батюшка: я давно бы была — ухъ!... вотъ обязана сватушкѣ.... Ну, конечно — ухъ! держу только парочку въ городъ....

— Да что ты, свѣтъюшка, тащишь вонъ всю подноготную, *таво?* Вѣдь онъ не духовникъ, *хортъ возьми!*

« Скажи, Сонюшка, кто это? моя гувернантка что-ли?....

— Ахъ, что ты, Олинъка! Это наша бабушка.

« Неужли моя гувернантка еще смѣшишь твоей бабушки?

— Совсѣмъ въ другомъ родѣ. Нельзя сравнивать, отвѣчалъ Ильменевъ, нѣсколько улыбнувшись.

— Видишь, Олинъка, какъ онъ при тебѣ скромничаетъ, а всю дорогу прохохоталъ.

— Да что жъ это за мужчина? — спросила Ольга, тихонокъ.

« Ахъ, Боже мой — ты не узнала? Это братъ мой, Володя.

Ильменевъ очень учтиво поклонился, и Ольга присѣла какъ водится.

— Положи его, милая Олинъка. Видишь, какой онъ хорошенькій!

Ольга покраснѣла; молодой человекъ также.

— Простите, Ольга Степановна, ея самолюбію. Она меня многимъ хвалить, отъ того, что я похожъ на нее.

« А я увѣрена, что и ее многіе хвалятъ отъ того, что она похожа на васъ»

Ильменевъ былъ очень доволенъ милой шуткой.

Ольгу представили Анфисѣ Самойловнѣ, а Сонюшка въ это время, снявши съ бабушки каленъ, и улыбаясь, указывала глазами пріятельницѣ, чтобы она взглянула на ея измятый токъ, который необходимо должно было поправить въ уборной.

Отец велья Ольгъ непременно снятъ на этотъ день трауръ. И такъ, всѣ три дамы отправились во внутреннія комнаты, а хозяинъ, благоговѣя къ бригадирскому чину, отличавшемуся отъ прочихъ ши-рокими по камзолу галунами, разстегнулъ сюртукъ, и играя навѣшенными на часахъ золотыми брелока-ми, пошелъ въ парадную гостиную, гдѣ были при-ѣхавшія гости.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАСТЕРСКАЯ РЕМБРАНДТА.

Повѣсть Генриха Берту.

I.

Изъ всѣхъ дней въ году нѣтъ ни одного, кото-рому суевѣрное воображеніе Фламандцевъ придавало бы столько ужасовъ, какъ дню 1-го Ноября. Мерт-вые, въ длинныхъ саванахъ, выходятъ въ этотъ день изъ гробовъ своихъ, и напоминаютъ живымъ о мо-литвахъ, необходимыхъ для успокоенія ихъ душъ. Колдунья и старый пастухъ выбираютъ именно вечеръ этого дня для своихъ чаръ. Фламандцы вѣ-рятъ, что на цѣлые двѣнадцать часовъ снимается тогда цѣпь, которою всегда окованъ демонъ, и что тогда этому врагу человѣческаго рода дается вре-менная власть мучить людей.... Самая природа, ка-жется, содѣйствуетъ къ увеличенію суевѣрнаго ужа-са, какимъ окружаютъ Фламандцы этотъ день: бу-ря тогда реветъ, снѣгъ падаетъ крупными хлопьями, рѣки и источники выступаютъ изъ береговъ — словомъ, гибель и смерть угрожаютъ со всѣхъ сто-

Т. III. — Отд. II. 1

ронъ путешественнику, если въ этотъ роковой день пускается онъ въ дорогу.

Въ ночь на первое Ноября 16...го года, бѣдное семейство шло, безъ проводника, по незнакомой ему дорогѣ. Ослабленные снѣгомъ, который крутился прямо въ лицо, несчастные путники едва могли держаться на ногахъ, распухшихъ отъ холода и усталости. Скоро были они принуждены остановиться и нескать въ оврагъ пріюта отъ разъяренной бури. Семейство это составляли молодой, довольно красивый собою мужчина; жена его, которая несла на рукахъ новорожденнаго младенца, и пятилѣтній мальчикъ, шедшій за отцемъ и матерью, полумертвый отъ голода и холода.

— Маргарита! мы не можемъ идти далѣе! — сказалъ мужчина по-Итальянски. Надобно остановиться здѣсь. Закутайся въ мой плащъ, и постарайся закрыть имъ ребенка. Я возьму на руки Антоніа. Можетъ быть, мнѣ удастся отогрѣть его моимъ дыханіемъ.....

Молодая женщина повиновалась, молча, взяла плащъ и закуталась въ него, а Итальянецъ поднялъ мальчика и прижалъ его къ груди своей, обнявши обѣими руками. Но что могли сдѣлать всѣ его усилія противъ снѣга, который крутился часъ отъ часу сильнѣе? Холодъ проникалъ уже въ его члены, и несчастные путники начинали уже чувствовать болѣзненное онѣменіе, предвѣщавшее имъ близкую смерть.

Мужчина вдругъ вскопчалъ, и схвативъ руку жены своей, вскричалъ:

— Вставай, Маргарита, вставай! Если мы останемся здѣсь еще долѣе, то погибнемъ, вмѣстѣ съ дѣтьми нашими! Надобно выбраться изъ этого оврага, надобно продолжать нашу дорогу, и постараться достигнуть до Кельна. Слушай! Вѣдь это звонъ коло-

ковель?... Мы не далеко отъ города. Ободришь, собери свои силы! Тамъ ожидаетъ насъ гостепріимство дяди твоего Рембрандта!

Маргарита силилась встать, но оостѣнѣвшіе члены ея не повиновались ей; усиліе, которое сдѣлала она мужъ, стараясь помочь ей, было бесполезно; она упала на снѣгъ; маленькая дѣвочка, вышавшая изъ рукъ матери, начала плакать.

— Маргарита! — воскликнулъ путникъ, бросающійся на колѣни предъ своею женою, и стараясь остановить кровь, которая потекла изъ головы дочери. Маргарита! именемъ Бога, для спасенія дѣтей нашихъ умоляю тебя — собери всѣ силы свои! Если мы теперь же не оставимъ этого роковаго мѣста — завтра найдутъ здѣсь только замерзшіе наши трупы!....

Видя, что лежащая безъ чувствъ Маргарита не слышитъ его, онъ прибавилъ отрывисто:

— Слушай, Антоніо! я возьму маленькую сестру твою на руки, и побѣгу съ нею въ городъ, просить помощи. Я не могу взять тебя съ собою. Ты только замедлилъ бы меня, а теперь только отъ быстроты моего бѣга зависитъ спасеніе всѣхъ насъ!

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя камзолъ, окуталъ имъ сына, и схвативъ на руки маленькую дочь, полунагой, побѣжалъ къ Кельну, отъ котораго, по счастью, были они совсѣмъ не такъ далеко, какъ сначала думали. Добѣжавъ до городскихъ воротъ, онъ нашелъ тамъ стражу Испанскихъ солдатъ.

«Товарищи, именемъ Спасителя умоляю васъ, покажите мнѣ домъ живописца мастера Рембрандта — сказалъ онъ дурнымъ Фламандскимъ языкомъ, перемѣшивъ слова Фламандскія съ Итальянскими — мнѣ надобно сію же минуту поговорить съ нимъ!»

Увидя этого человѣка, полунагаго, разстроенаго,

съ дикимъ взглядомъ, съ трудомъ объяснявагося на чуждомъ ему языкѣ, солдаты приняли его за сумасшедшаго, и рѣшились посмѣяться надъ нимъ.

— Мейстеръ Рембрандтъ? — сказалъ одинъ изъ нихъ. Онъ живетъ тамъ, очень близко отсюда, на другомъ концѣ города... Возьми на право!

— Нѣтъ! поди на лѣво, по этой улицѣ, которую ты видишь — вонъ тамъ.

— Иди все прямо, и ты дойдешь, куда тебѣ надобно, если только прямо дорога.

И они хохотали во все горло, любуясь своими грубыми шутками, приводившими въ отчаяніе несчастнаго путника. Онъ подбѣжалъ къ фонарю, и указалъ имъ на умиравшаго ребенка, котораго держалъ на рукахъ своихъ. Темнота вечера не позволила имъ замѣтить этого прежде.

Тутъ солдаты прекратили свои жестокия шутки, но тѣмъ не менѣе, никто изъ нихъ не понималъ, объ чемъ спрашивалъ ихъ путникъ. Жилище Рембрандта не было извѣстно никому изъ нихъ. Между тѣмъ, каждая потерянная минута дѣлала все болѣе и болѣе невозможнымъ спасеніе жены и сына... Несчастный хотѣлъ уже возвратиться въ оврагъ, и умереть тамъ, вмѣстѣ съ ними. Но въ эту минуту проходилъ мимо караульни портной, маленькій, старый уродливый человѣкъ, съ фонаремъ въ рукахъ, потому, что съ наступленіемъ ночи не позволялось никому ходить по улицамъ безъ огня. Карликъ, услышавъ жалобы Итальянца, подошелъ къ толпѣ солдатъ; ему стало жаль бѣднаго путника, котораго, по выговору, онъ тотчасъ призналъ за своего одноземца.

— Пойдемъ — сказалъ онъ ему — пойдемъ — я отведу тебя къ мейстеру Рембрандту. Сомнѣваюсь однакоже, чтобы онъ отворилъ тебѣ двери такъ позд-

но, тѣмъ болѣе, что пышѣ канунъ праздника Всѣхъ Святыхъ. Да, все равно — пойдемъ.

— А жена моя? а сынъ? — воскликнулъ Итальянецъ, и онъ разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ о своемъ ужасномъ положеніи тому, кто предложилъ ему быть его проводникомъ.

— Если къ спасенію ихъ нѣтъ у тебѣ другой надежды, кромѣ помощи мейстера Рембрандта — ну! погибель ихъ неизбежна! — возразилъ портной. Мейстеръ Рембрандтъ не дастъ гроша даже и тогда, когда отъ этого будетъ зависѣть спасеніе его роднаго брата! Послушайся меня, и попроси лучше этихъ солдатъ пойти вмѣстѣ съ нами до оврага. Они пособятъ намъ перенести ко мнѣ въ домъ твою жену и твоего сына. Между тѣмъ, пока я буду хлопотать объ нихъ, ты пойдешь къ мейстеру Рембрандту. Я бѣдѣнъ, и не знаю, можно ли мнѣ будетъ помѣстить даже и на одну ночь четырехъ человѣкъ въ моей маленькой комнаткѣ. Да, Богъ поможетъ намъ! Провидѣніе послало меня къ тебѣ, и я сдѣлаю все, что отъ меня зависить...

Портной, называвшійся мейстеръ Николо Барруэлло, объяснилъ солдатамъ, по фламандски, какой услуги ожидали отъ ихъ человѣколюбія. Между тѣмъ, пока барабанщикъ, взявъ на руки маленькую дѣвочку, перевязывалъ, какъ умѣлъ, рану, бывшую у ней на головѣ, четыре солдата, съ позволенія сержанта, зажгли факелы и отправились вслѣдъ за Итальянцемъ. Дорогою узнали они, что этотъ чужеземецъ, нѣсколько дней тому, вышелъ изъ Литгиахъ, что онъ назывался Франческо Нетчелли, и былъ живописецъ.

Узнать отъ него все сія подробности надобно было настойчивое любознѣтельство Николо Барруэлло, потому, что Нетчелли не шелъ, а бѣжалъ къ тому

мѣсту, гдѣ оставилъ жену и сына. Время отъ времени, онъ кликалъ Антонио. Отвѣта не было. Ночь, съ каждою минутою, становилась мрачнѣе; снѣгъ падалъ сильнѣе прежняго; сѣверный вѣтеръ свисталъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ деревьевъ, которыми была обсажена дорога, и несчастный долженъ былъ потерять еще много времени, прежде нежели могъ узнать мѣсто, гдѣ страшился найти только одни оледенѣлые трупы жены и сына. Буря утихла на минуту. Слабый вопль долетѣлъ до слуха Нетчелли; онъ бросился въ ближайшій ровъ, и окруженный мракомъ ночи, могъ только ползкомъ и ощупью добратся до того мѣста, гдѣ остались его жена и сынъ. Вопль, слышанный имъ, вѣроятно, былъ произнесенъ кѣмъ нибудь изъ этихъ несчастныхъ въ послѣднюю минуту боренія жизни со смертію, потому что во рву лежали жена его и сынъ неподвижные и холодные.

Николо Барруэлло попросилъ солдатъ поднять жену Франческо, и нести ее къ нему въ домъ. Онъ самъ подалъ имъ примѣръ, взявъ на руки трупъ мальчика, и освѣщая солдатамъ фонаремъ своимъ путь до самаго жилища своего, которое, по счастью, было не далеко отъ городскихъ воротъ. Кое-какъ добравшись до своей маленькой комнатки, портной велѣлъ положить мать и сына на свою кровать, отпустилъ солдатъ, поблагодаривъ ихъ за услугу и принялся, какъ умѣлъ, помогать тремъ несчастнымъ, изъ которыхъ ни одинъ не оказывалъ уже ни малѣйшихъ признаковъ жизни.

Онъ просилъ Нетчелли также помочь ему, но потому ли, что самъ чувствовалъ пагубное вліяніе стужи, или потому что отчаяніе уничтожило всю силу души его, Нетчелли оставался въ какомъ-то странномъ оцѣненіи, и сиди подлѣ огня, который

портной развелъ на очагѣ, казалось, онъ ничего не слышитъ и ничего не видитъ. Барруэлло былъ принужденъ хлопотать одинъ. Онъ снялъ съ несчастныхъ замерзнувшую отъ снѣга одежду, и завернулъ ихъ въ простыни, нагрѣтыя у очага. Весь бѣдный гардеробъ портнаго былъ употребленъ въ дѣло, а толстыя желѣзныя плитки, какъ-то случившіяся у него въ домѣ, и согрѣтыя въ золь, начали мало по малу возвращать теплоту ногамъ молодой женщины.

Всѣ усилія оставались однакоже совершенно бесполезны, и Барруэлло поскорѣ схватилъ стулъ, вскочилъ на него, досталъ съ верхней полки шкафа своего тщательно закупоренную глиняную фляжку, гдѣ была чудесная водка, которою угощалъ себя Барруэлло только въ большіе праздники. Скрѣпя сердце, только вздохнувши тяжело, онъ намочилъ драгоцѣнною жидкостью лоскутъ сукна, и началъ потихоньку тереть лицо и руки Маргариты. Долго всѣ старанія Барруэлло оставались напрасны, и онъ начиналъ уже опасаться, не безжизненные ли трупы, въ самомъ дѣлѣ, были у него въ домѣ, какъ вдругъ Маргарита открыла глаза, прошептала, какіе-то слова и протянула руки.... Она спрашивала о своихъ дѣтяхъ....

— Они здѣсь, синьора, здѣсь, не бойтесь за нихъ... Ну, что мейстеръ Нетчелли? Придите въ себя, ободритесь — жена ваша не умерла, и дѣти также очнулись-бы, вотъ если бы вы только захотѣли помочь мнѣ немного.... Знаете что? Выпейте-ка по стакану этой чудесной водки! Она вылечила жену вашу, вылечитъ также и васъ... За ваше здоровье, и за здоровье нашихъ больныхъ!

Барруэлло — красное лицо его доказывало, какъ велико было его уваженіе къ выхваляемому имъ

напитку — выпивъ однимъ разомъ стаканъ, налитый имъ до края, вылилъ послѣдній, оставшійся капли себѣ на руки, и сталъ тереть руку одну объ другую. Нетчелли также выпилъ стаканъ водки. Теплога, общившаяся тѣлу его отъ крѣпкаго напитка, вывела наконецъ его изъ глубокаго оцѣпененія, въ какомъ онъ находился. Устремивъ глаза свои на огонь, пылавшій на очагѣ, онъ обвелъ потомъ взоръ вокругъ себя, и узналъ жену и дѣтей. Слезы потекли по щекамъ его, и облегчили стѣсненную его грудь.

— Маргарита! вскричалъ онъ — ты опять со мною! Ты улыбаешься мнѣ, ты со мною говоришь! Такъ намъ нѣчего болѣе бояться! Мы опять вмѣстѣ? Ты жива, Маргарита?

Онъ вдругъ остановился. Взоры его устремились на двухъ дѣтей, лежавшихъ неподвижно, какъ два мертвеца. Молодая женщина поняла мысль Франческо, и отвѣчала ему глухимъ стenanіемъ. Портной началъ упрекать ихъ.

— Сомнѣваться въ благодати Божіей, значить быть недосгойнымъ щедротъ Его, мейстеръ Нетчелли — говорилъ онъ — небо возвратило вамъ жену — возвратитъ и дѣтей. Вмѣсто того, чтобы жаловаться, помогите — ка лучше мнѣ въ хлопотахъ около этихъ бѣдныхъ малютокъ! Смотрите, вотъ старшій приходитъ уже въ чувство. Обними меня, мой голубчикъ! Дай мнѣ огнести тебя къ твоей матери! Да, синьора, вотъ онъ — радуйтесь, цѣлуйте его... Да, что это я слышу? Слава Богу! кажется, это голосъ его маленькой сестры!...

И добрый портной перебѣгалъ отъ одного ребенка къ другому, стараясь, съ неутомимымъ челолюбіемъ, подкрѣпить одного водкой, смѣшанной съ теплою водою, и натирая другаго тѣмъ же самымъ напиткомъ, налитымъ на полу шерстянаго его кам-

зола, такъ что завѣтная бутылка скоро оказалась совершенно пуста. Но несчастные были уже внѣ опасности.

Когда миновались первыя минуты радости, Барруэлло окнулъ своими крошечными, красноватыми глазами маленькую свою комнату, футовъ въ 8-мъ длиною — взглянулъ на кровать, и наморщилъ брови. Между тѣмъ, Антонио, очнувшись совершенно, подвигался все ближе и ближе къ огню, пылавшему на очагѣ, и начиналъ уже болтать, а маленькая сестра его, сидя на рукахъ Маргариты, бѣленькими ручонками своими перебирала длинные локоны волосъ, разсыпавшіяся небрежно по плечамъ Маргариты.

— Какая тяжкая дума занимаетъ тебя, благодѣтель мой? — спросилъ Нетчелли, замѣтивши на лицѣ Барруэлло выраженіе безпокойства и заботливости.

— Сказать правду — отвѣчалъ портной, кашляя — я не знаю, какъ мы устроимся, чтобы провести здѣсь ночь!.. Пять челолюбъ въ такой крошечной комнатѣ, и одна постель для всѣхъ! Да, это еще не все. Я бросилъ въ очагъ послѣднюю вязанку дровъ, и вся провизія моя ограничивается вотъ этимъ кускомъ хлѣба, который Антонио ѣстъ теперь съ такимъ вкусомъ... Ну, а чѣмъ-же накормлю я васъ?

— Я отправлюсь сей часъ къ дядѣ моему Рембрандгу, расскажу ему о нашемъ бѣдственномъ положеніи, буду просить его помощи...

Портной покачалъ головою.

— Да, это единственное средство, которое можетъ вывести насъ изъ хлопотъ, только я мало на него надѣюсь. Ну, впрочемъ все равно. Тутъ нельзя выбирать. Я зажгу свой фонарь, и провожу васъ въ Жидовскій кварталъ, гдѣ живетъ мейстеръ Рембрандтъ,

этотъ славный живописецъ, или проклятый ростовщикъ — называйте его, какъ хотите, потому, что онъ занимается вдругъ двумя ремеслами: и картины пишетъ, и проценты деретъ. Дай-то Богъ, чтобы сердце дяди вашего смягчилось, и онъ отворилъ-бы вамъ двери своего дома!

Портной взялъ съ постели плащъ, служившій ему вмѣсто одѣяла, и хотѣлъ было закутаться въ него, но послѣ минутнаго размышленія, съ самоотверженіемъ, которому холодное время года придавало еще болѣе цѣны, снова положилъ онъ его на постелю, гдѣ лежала больная жена Нетчелли. Потомъ, схвативши обѣими руками фонарь, какъ будто для того, чтобы отогрѣть ихъ теплою, сообщавшеюся фонарю отъ горящей внутри свѣчи, онъ сдѣлалъ знакъ Нетчелли идти за нимъ, и оба они пустились въ Жидовскій кварталъ, находившійся на другомъ концѣ города.

II.

Когда Франческо Нетчелли, предшествуемый Николаемъ Барруэлло, вышла изъ тѣсной, дымной комнатки, глубочайшая тишина царствовала въ воздухѣ. Буря утихла, и полный мѣсяцъ сіялъ посреди небснаго свода, усыпаннаго звѣздами. Снѣгъ, какъ бѣлый саванъ, покрывалъ землю. Все предметы, освѣщенные тусклымъ сіяніемъ мѣсяца, принимали какія-то неясныя, чудныя формы, и весь городъ, безмолвный, молчаливый, впускалъ какой-то ужасъ, отъ котораго не могли предохранить себя, ни старшій портной, ни товарищъ его. Не сообщалъ одинъ другому своихъ суевѣрныхъ подозрѣній, они невольно сближались другъ къ другу, и прошли такимъ образомъ нѣсколько совершенно пустыхъ улицъ, гдѣ даже не раздавался шумъ отъ ихъ шаговъ, на

выпашемъ снѣгъ. Не встрѣтивъ ни одного человѣка, добрались они до Жидовскаго квартала, населеннаго племенемъ презрѣннымъ этимъ, дома котораго расположены были подлѣ оставленнаго кладбища.

Барруэлло указалъ рукою на большой домъ, съ двумя башенками, передъ которыми была обширный дворъ, загороженный высокою, толстою стѣною. Нетчелли подошелъ ближе, и увидѣлъ дверь, маленькую, низкую, обитую желѣзными полосами; посреди ея торчала мѣдная ручка. Онъ дернулъ за эту ручку, и въ ту жь минуту раздался пронзительный звукъ колокольчика, сопровождаемый страшнымъ лаемъ множества собакъ.

Нетчелли ждалъ нѣсколько минутъ, приложивъ ухо къ двери. Никто не показывался, и никто не отвѣчалъ.

Онъ снова дернулъ за колокольчикъ; черезъ нѣсколько минутъ позвонилъ еще въ третій разъ. Но это увеличивало только ярость собакъ; онъ заливался и выли въ своихъ канурахъ, потрясая цѣпями, на которыхъ были крѣпко привязаны.

Нетчелли позвонилъ еще разъ, сильнѣе прежняго и собаки вдругъ замолкли. За стѣною отворилась дверь, скрипя на своихъ желѣзныхъ петляхъ. Потомъ послышались тяжелые шаги человѣка, сходящаго по лѣстницѣ, и время отъ времени раздавался сухой кашель старика.

Прошло еще нѣсколько минутъ, и въ домѣ, казалось, не заботились о томъ, что стучатся въ ворота. Послѣ безполезнаго ожиданія, Нетчелли дернулъ опять за ручку колокольчика, но съ такою силою, которая доказывала болѣе гнѣвъ, нежели надежду быть услышаннымъ. Тогда понялъ онъ, зачѣмъ выходилъ человѣкъ, шаги котораго слышались прежде. Собаки, лаявшія въ отдаленіи, были,

спущены съ цѣпей своихъ, и подбъжавъ къ самой двери, угрожали своимъ ужаснымъ лаемъ Нетчелли и его спутнику.

— Въдъ я говорилъ вамъ, что они не отпрутъ — проворчалъ портной. — Возвратимся домой; лучше провести ночь въ моей тѣсной комнаткѣ, чѣмъ у этихъ дверей, рядомъ съ кладбищемъ и на холодѣ. Сегодня еще день мертвецовъ, и мнѣ все кажется, что какое нибудь привидѣнне вылезетъ въ эту минуту изъ могилы..... Если бы вы знали, что рассказываютъ объ этомъ ужасномъ мѣстѣ..... Надобно извинить мейстеръ Рембрандта, что онъ такъ крѣпко затворяетъ двери своего дома. Домъ этотъ, видите, большой и прекрасный, но цѣлые 20-ть лѣтъ не находилось на него покупщика. Такъ страшно было для всѣхъ соседство кладбища. Старый скрига махнулъ на это рукой, и купилъ домъ почти за-даромъ. Да, онъ, пожалуй, готовъ поселиться у дверей ада, только-бы выторговать тысячу флориновъ... Послушайте меня, пойдите-те отсюда, возвратимся въ мой домишко. Дай только Богъ добратся намъ туда живымъ и здоровымъ!

Говоря это, портной тащилъ Нетчелли, и шелъ такъ скоро, какъ только могъ, не оглядываясь назадъ. Шумъ скрипящаго подъ ногами ихъ снѣга, и свистъ вѣтра, снова усилвагося, казались ему стеганіями какой нибудь скитающейся души, которая преслѣдовала ихъ, влача за собою свой могильный саванъ. Блѣдный, съ лицомъ, покрытымъ холоднымъ потомъ, преданный въ жертву непонятному волненію, отъ котораго даже самыя твердыя души не могутъ иногда предохранить себя, измученный усталостью и внутренними страданіями, Нетчелли кончилъ тѣмъ, что сталъ раздѣлять весь ужасъ своего товарища. Страшныя предчувствія мучили его.

Какой-то голосъ нашептывалъ ему, что надъ головою его висѣло новое несчастье, и пришедъ къ жилищу портнаго, онъ трепещущею рукою уперся въ дверь его комнатки.

Не переступая еще за порогъ, онъ сталъ прислушиваться.

— Маменька, маменька! — кричалъ маленькій Антонио — мнѣ холодно! Мнѣ страшно, маменька! приснись!

Мать не отвѣчала.

Нетчелли поспѣшно вошелъ въ комнату. Совершенная темнота кругомъ. Въ золѣ очага погасла послѣдняя искра. Лампада потухла, и въ окно, вышибенное вѣтромъ, дулъ порывистый холодъ. Франческо подбъжалъ къ кровати. Руки его оцупали неподвижный, холодный трупъ — то была маленькая дочь его, которую Маргарита крѣпко обхватила своими руками....

Барруэлло стоялъ на порогѣ, въ такомъ волненіи, въ такой тоскѣ, что не могъ сдѣлать ни одного шагу впередъ; самый голосъ замиралъ на устахъ его. Протянувъ впередъ руки, онъ вошелъ наконецъ въ комнатку, стараясь добраться до шкафа, гдѣ были у него кремень и огниво, посредствомъ которыхъ могъ онъ добыть огня. Подъ ногами его безпрестанно хрустѣли обломки окна. Наконецъ ему показалось, что онъ дошелъ уже до шкафа, но тутъ нога его паткнулась на что-то такое. Онъ наклонился, и—какъ описать его горе? То былъ драгоценный шкафъ; онъ лежалъ, разбитый и изломанный. Послѣ долгаго шаренья по полу, бѣдняку удалось наконецъ найти кремень, и желѣзный личичекъ, гдѣ лежалъ трупъ, но и ящикъ этотъ, упавши вмѣстѣ съ шкафомъ, раскрылся, и всѣ зажигательные снаряды разсыпались; весь остатокъ ночи надобно было провести безъ огня.

— Мейстеръ Нетчелли, мейстеръ Нетчелли! кричалъ Барруэлло.

Никто не отвѣчалъ ему, вопли страданія и горести были бы не такъ ужасны, какъ страшно было это роковое молчаніе...

По какому-то машинальному движенію ужаса, Барруэлло бросился вонъ изъ комнаты, не сошелъ, а соскочилъ съ лѣстницы, и пустился бѣжать къ солдатской караульнѣ.

Доброе сердце и честность Николо Барруэлло были извѣстны всему городу, и потому часовой не остановилъ его. Солдаты привѣтствовали его дружески, и посторонились, чтобы дать ему мѣсто у камня. Тогда маленькій человѣчекъ, обогрѣтый огнемъ и ободренный присутствіями живыхъ людей, собралъ мало по малу свои мысли, и разсказалъ солдатамъ новыя несчастія спасенныхъ имъ людей. Этого было довольно заставить сержанта, командовавшаго карауломъ, отрядить съ портнымъ двухъ солдатъ. Они отправились съ фонарями, и со всѣмъ нужнымъ для разведенія огня.

Барруэлло, выбѣжавъ въ ужасѣ изъ комнаты, оставилъ дверь незатворенною. Когда возвратился онъ, дверь была уже заперта, и всѣ усилія его отворить ее оставались напрасны.

— Мейстеръ Нетчелли! — кричалъ онъ — это я, и вотъ я принесъ все, чѣмъ надобно развести камень — отворите!..

Дверь не отворилась, и никто не отвѣчалъ. Крикъ портнаго, стукъ солдатъ, все было безуспѣшно. Тогда Барруэлло вспомнилъ, что ключъ отъ двери былъ, по счастью, у него въ карманѣ, и предшествуемый солдатами, освѣщавшими ему путь фонаремъ, онъ вошелъ въ комнату. Страшная картина заставила его отступить на нѣсколько шаговъ: Маргарита и

дочь ея были мертвы. Маленькій Антоніо валлелъ по полу въ ужаснѣйшихъ судорогахъ, а Франческо, блѣдный, съ дикими взорами, сидѣлъ на кровати и дикимъ хохотомъ безумія показывалъ, что онъ еще живъ...

Барруэлло думалъ, что самъ лишится разсудка.

— Какая ночь! — вскричалъ онъ — и за какой это тяжкій грѣхъ наказываетъ меня Господь такими неслыханными бѣдствіями! Что стану я теперь дѣлать! Жилище мое раззорено — вотъ два трупа лежатъ на моей постели, и еще въ добавокъ сумасшедшій, да умирающій ребенокъ!

Онъ бросился въ старыя кресла, закрылъ лицо руками, и нѣсколько минутъ оставался въ этомъ положеніи, предоставляя солдатамъ хлопотать о поданіи, помощи бѣдному Антоніо.

Но отчаяніе добраго Николо скоро миновалось и необходимость оказать помощь несчастнымъ, участь которыхъ ввѣрило ему Провидѣніе, одержала верхъ надъ всѣми другими чувствами. Онъ всталъ съ кресель, взялъ на руки Антоніо, пригнулся на колѣни передъ огнемъ, который развели солдаты, и кое-какъ успѣлъ наконецъ утишить судорожный припадокъ малютки. Солдаты поправили между тѣмъ выпавшее окно; кончивъ свою работу, взяли съ кровати мертвыя тѣла, молча положили ихъ рядомъ въ маленькомъ чуланчикѣ, служившемъ портному вмѣсто рабочей комнаты, и собираясь возвратиться въ караульню, хотѣли увезти съ собою сумасшедшаго Нетчелли, не оказывавшаго имъ ни малѣйшаго сопротивленія. Но Антоніо, видя, что они взяли отца его, вырвался изъ рукъ портнаго, и бросился къ несчастному.

— Уведите и меня вмѣстѣ съ нимъ! — воскликнулъ онъ — теперъ такъ холодно, и мы замерзнемъ вмѣстѣ!

Эти слова разтерзали сердце Барруэлло.

— Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ онъ — если я оставлю здѣсь мертвыхъ, почему не оставить мнѣ также и живыхъ? Не трогайте этого бѣднаго малютки, не трогайте и отца его. Безуміе бѣднаго земляка, кажется, не опасно. Другіе солдаты придутъ смѣнить васъ, и можетъ быть, они не будутъ такъ добры къ этимъ несчастнымъ, какъ вы. Завтра утромъ отправлюсь я къ мастеру Рембрандту. Не смотря на свою жестокость и скупость, неужели онъ откажется дать мнѣ скольконибудь денегъ на покупку гроба для этихъ мертвецовъ? Ну, а бѣдному Нетчелли и денегъ-то не надобно: придется только попросить городскихъ старостъ дать ему мѣстечко въ домѣ сумасшедшихъ. Можетъ быть, онъ не захочетъ также покинуть безъ помощи внука своей сестры — можетъ быть, онъ согласится даже принять его къ себѣ на воспитаніе! Прощайте, товарищи! Спасибо вамъ за ваши хлопоты.

Солдаты отправились, наполнивъ маленькій кувшинъ Барруэлло водкою изъ своихъ лядунокъ. Когда удалились они, портной снялъ съ стѣны небольшое распятіе и кипарисную вѣтку, и положилъ ихъ на грудь несчастной матери Антоніо. Потомъ, перекрестившись и помолясь усердно, завернулъ онъ въ одеяло Антоніо, привелъ, сколько было возможно, въ порядокъ свою комнатку, и подошелъ къ камину, подлѣ котораго согнувшись сидѣлъ Нетчелли. Какой-то ужасъ объялъ Барруэлло, при взглядѣ на неподвижное лицо безумца, и онъ сдѣлалъ снова крестное знаменіе, вынулъ изъ-за пазухи молитвенникъ, и сталъ усердно молиться. Такъ проходило время до самаго разсвѣта.

III.

Комнатка Николая Барруэлло была въ самомъ плачевномъ состояніи, но она показалась еще печальнѣе, когда первые лучи солнца слились съ слабымъ свѣтомъ лампы, и красноватымъ отблескомъ, который по временамъ отбрасывалъ отъ себя потухающій огонь камна. Безпорядокъ, произведенный въ комнаткѣ, явился тогда во всей своей ужасающей наготѣ.

Какъ будто пробудясь отъ полудремоты, въ какую погрузили его усталость и теплота камна, Барруэлло печально глядѣлъ вокругъ себя, и не могъ воздержаться отъ глубокаго вздоха, который (въ качествѣ добросовѣстнаго историка мы должны сдѣлать это признаніе) выражалъ, сколько грусть, столько и досаду. Можно извинить это чувство добраго Кельнскаго портнаго, тому, кто жила въ Фландріи, и знаетъ, какъ сильна для каждаго жителя этой страны потребность точности и порядка въ его домашнемъ быту. Самая лѣнивая хозяйка во Фландріи встаетъ непременно въ четыре часа утра, и, по крайней мѣрѣ, два часа чиститъ, скоблитъ и отмываетъ малѣйшее пятнышко, которое найдетъ на кирпичномъ полу своего домика. Отворотивъ глаза отъ измятой постели, разбитой мебели, и пола, открытаго гризью и обломками стеколъ, Барруэлло взглянулъ на Нетчелли, который, все еще молча, сидѣлъ у камна, устремивъ неподвижные глаза свои на потухавшіе угли. На лицѣ несчастнаго не было замѣтно ни радости, ни печали. Онъ оставался совершенно чуждъ и равнодушенъ ко всему, что окружало его. Горячій уголь упалъ на его обнаженную ногу; боль отъ обжоги заставила его вскрикнуть, но онъ не оставилъ мѣста своего, и не сдѣ-

лалъ даже ни малѣйшаго движенія. Въ несчастномъ безумцѣ не оставалось даже и столько смысла, чтобы стряхнуть съ ноги горячій уголь. Маленькій Антонио, благодаря счастливой безопасности своего возраста, спалъ глубокимъ сномъ, и правильное дыханіе тихо вылетало изъ полуоткрытыхъ устъ его. Барруэлло нѣсколько минутъ не рѣшался разбудить его и любовался прелестнымъ, сплцимъ ребенкомъ, но день уже совершенно насталъ; на колокольнѣ Кельнскаго собора пробило восемь часовъ; надобно было принять мѣры для поправленія всѣхъ бѣдствій, случившихся въ прошедшую, страшную ночь. И вотъ, портной коснулся своего грубою, мохнатою рукою до лица Антонио.

— Вставай, *mio caro*, и пойдемъ со мною — сказалъ Барруэлло мальчику, который глядѣлъ на него полусонными, заспанными глазами. Вотъ твоя шляпа — дай мнѣ свою руку, и отправимся въ путь.

— А мой отецъ? А мать? — спросилъ ребенокъ.

— Они спятъ.... Пойдемъ.

— Я не хочу идти отсюда не поцѣловавши ихъ!

— Такъ ты не хочешь быть послушнымъ мальчикомъ? Твоя мать сказала мнѣ, чтобы я взялъ тебя съ собою, не дожидаясь пробужденія — возразилъ Барруэлло — и волею и неволею, онъ заставилъ Антонио идти за собою. Барруэлло направилъ шаги къ Жидовскому кварталу. Пришедши къ дверямъ, которыя наканунѣ оставались запертыми, не смотря на всѣ усилія бѣднаго Нетчелли, портной дернулъ колокольчикъ, и старуха явилась отворить дверь. Хотя она была одѣта въ платье простой работницы, но Барруэлло, по виду и пріемамъ, догадался, что передъ нимъ была сама хозяйка дома, госпожа Рембрандтъ, и потому поспѣшилъ онъ снять свою шляпу.

— Что тебѣ надобно?

«Поговорить съ мастеромъ Рембрандтомъ.»

— Тебѣ? — А объ чемъ? — Его нельзя видѣть такъ рано — возразила старуха грубымъ голосомъ. Мужъ мой теперь работаетъ. Приходи въ полдень.

«Мнѣ нельзя придти опять въ полдень, и можетъ быть, мастеръ Рембрандтъ будетъ досадовать, что не повидался со мною. Я хотѣлъ отдать ему... кое-что, принадлежащее ему...»

— Вѣрно деньги? — спросила старуха, устремивъ на Барруэлло проинцательный взоръ.

«Сокровище» — отвѣчалъ портной, выдержавъ этотъ взглядъ съ стоическимъ хладнокровіемъ.

Нѣсколько секундъ старуха, казалось, была въ нерѣшимости.

— Войди, — сказала она наконецъ. Но, во всякомъ случаѣ, свиданіе твое будетъ непродолжительное, и если ты обмануль меня, то увидишь, каково тревожить мастера Рембрандта, когда онъ работаетъ. Пойдемъ!

Отворивъ дверь, которую до тѣхъ поръ придерживала, старуха впустила Барруэлло, тщательно замкнула замокъ, и пошла черезъ дворъ, сдѣлавъ знакъ портному, чтобы онъ слѣдовалъ за нею. Идти черезъ дворъ, онъ взглянулъ на четырехъ огромныхъ собакъ, высочившихъ изъ своихъ кануръ, гдѣ онъ были привязаны, и не могъ не содрогнуться при мысли, что было бы съ нимъ наканунѣ, если бы онъ попалъ этимъ ужаснымъ животнымъ!

Взобравшись по высокой лѣстницѣ, и пройдя двѣ большія залы, совершенно пустыя, и безъ всякой мебели, Барруэлло вошелъ въ комнату, освѣщенную только однимъ большимъ окномъ, вдѣланнымъ въ потолокъ. Полусвѣтъ, царствовавшій въ этой комнатѣ, не позволилъ портному, въ продол-

женіе нѣсколькихъ минутъ различать предметы. Наконецъ, въ одномъ углу, замѣтилъ онъ челоуѣка довольно пожилаго, у котораго голова была обернута бѣлымъ платкомъ; физіогномія его отличалась длинною бородою, морщиноватымъ лицомъ, и зеленоватымъ цвѣтомъ глазъ, который свойственъ нѣкоторымъ изъ злыхъ животныхъ. Этотъ челоуѣкъ стоялъ передъ живописнымъ станкомъ. Прямо противъ него, въ той части комнаты, на которую падалъ свѣтъ изъ окна, былъ какой-то челоуѣкъ, закутанный въ саванъ, въ положеніи мертвеца, который подымается изъ гроба.

Старикъ продолжалъ свое занятіе, не замѣчая присутствія чужаго челоуѣка, а старуха, приведшая Барруэлло, сѣла къ огромному камину, въ которомъ, на желѣзной цѣпи, висѣлъ закопѣлый отъ дыма котель. На скамьѣ, подлѣ старухи, лежали разные овощи. Старуха положила ихъ въ свой передникъ, и спокойно усѣвшись, начала обчищать ихъ.

Между тѣмъ портной, ожидавъ пока хозяйнѣ дома не заговоритъ съ нимъ. Онъ подошелъ къ станку, и хотя въ эту минуту, душа его была сильно озабочена, онъ не могъ однакоже смотреть безъ восторга на картину, которую дописывалъ Рембрандтъ: картина эта представляла *воскресеніе Лазаря*. На первомъ планѣ былъ видѣнъ Спаситель; глаза его были еще обмочены слезами. Движеніемъ руки, полнымъ силы и величія, указывалъ Онъ на мертваго, и говорилъ ему: *Возстань Лазарь!* и Лазарь возставалъ, и изъ гроба простиралъ руки къ владыкѣ живота. Потокъ свѣта, падая съ небесъ, освѣщалъ фигуру Спасителя, тогда, какъ всѣ прочія лица оставались въ таинственномъ сумракѣ, и производили противоположною свѣта и тѣни необыкновен-

ный, истинно-волшебный эффектъ, тайну котораго постигнуть только одинъ Рембрандтъ.

— Мать Пресвятая Богородица! Какъ это прекрасно! — воскликнулъ маленькій Антоніо.

При звукахъ этого милаго, нѣжнаго голоса, Рембрандтъ обернулся.

— Зачѣмъ говоришь ты о такихъ вещахъ, которыхъ не понимаешь? — сказалъ онъ.

— Мой отецъ также живописецъ. Сверхъ того, у меня есть дядя, который пишетъ прекрасныя картины. Отецъ мой часто говорилъ мнѣ, что дядя мой величайшій живописецъ въ цѣлой Фландріи.

— А! такъ ты, вѣрно, племянникъ Рубенса, потому, что послѣ меня только ему одному можно дать это названіе. Скажи отцу своему, что дядя твой Рубенсъ *великій* живописецъ, но что все еще онъ не *величайшій* живописецъ во Фландріи.

— Дядя мой пишетъ лучше Рубенса, и даже лучше васъ — отвѣчалъ Антоніо, не зная съ кѣмъ онъ говоритъ.

— Кто же онъ такой? спросилъ презрительно старикъ.

— Рембрандтъ.

— Ты племянникъ Рембрандта? Ты... Такъ стало ты сынъ того Нетчелли, за котораго племянница моя вышла противъ моей воли?... Вонъ отсюда. Я не хочу знать ни тебя, ни твоего отца!

Ребенокъ заплакалъ.

— Такъ неужели онъ долженъ отъ холода и голода, какъ его мать и маленькая сестра, которыхъ принялъ Господь нынѣшнею ночью? — сказалъ Барруэлло.

— У него остается отецъ.

— Отецъ!... Бѣдность и несчастіе лишили его разсудка — онъ теперь безумный....

— Батюшка! Матушка! Сестрица! — воскликнулъ Антоніо, рыдая.

По морщиниватой щекѣ Рембрандта покатила слеза.

— Правда ли то, что ты мнѣ говоришь? Какъ? Иоанна?... дочь моей сестры?...

— Она заслужила это — возразила сердитымъ голосомъ жена Рембрандта, которая, подбоченясь, подошла ближе и вмѣшалась въ разговоръ. Если бы эта дура — продолжала она — послушалась твоихъ совѣтовъ, если бы она исполняла твою волю, такъ не умерла бы въ нищетѣ.

— Мейстеръ Рембрандтъ — сказалъ поспѣшно Барруэлло, племянникъ вашъ лишился разсудка, племянница ваша и дочь ея умерли. Я пришелъ просить у васъ гроба для усопшихъ, и куска хлѣба для малютки сына и сумасшедшаго отца!...

Рембрандтъ взглянулъ въ нерѣшимости на жену свою. Она схватила за руку рыдающаго Антоніо, остановилась прямо передъ портнымъ, и заставила его отступить на нѣсколько шаговъ.

— Да, точно такъ! воскликнула она. Мужъ мой долженъ навязать себѣ на руки сумасшедшаго негодяя и избалованнаго ребенка.... Онъ трудится день и ночь — и всѣ плоды трудовъ его должны достаться этимъ негодяямъ, недостойнымъ его милостей?... Нѣтъ! этому не бывать, до тѣхъ поръ, пока я жива! Вонъ отсюда — вонъ!

— Неужели и вы также думаете, мейстеръ Рембрандтъ? спросилъ портной, смѣлымъ, громкимъ голосомъ, не скрывая негодованія.

Рембрандтъ принялся опять за кисть, и не отвѣчалъ ни слова. Барруэлло вырвалъ бѣднаго ребенка изъ рукъ старой вѣдьмы.

— Пойдемъ, Антоніо! воскликнулъ онъ — пой-

демъ! Если дядя твой отвергаетъ тебя, такъ чужой не отвергнетъ! Богъ поставилъ тебя на моей дорогѣ, и я не покину тебя. Проклятый тотъ домъ, хоть бы онъ былъ полонъ золота, въ которомъ отказываютъ дать милостыню на гробъ мертвецу!... Стыдъ и проклятiе на тѣхъ, кто не знаетъ ни жалости, ни милосердія!

Сказавъ сіи слова, исторгнутыя негодованіемъ, портной взялъ за руку Антоніо, и поспѣшно оставилъ домъ великаго живописца.

Дорогою, когда гнѣвъ нѣсколько поутихъ, Барруэлло началъ обдумывать, какъ однакожь помочь горю? И сколько онъ ни ломалъ себѣ голову, сколько ни думалъ, ни какое средство къ улучшенію затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился, не представлялось ему. Вдругъ толпа всадниковъ проскакала мимо его, такъ быстро, что онъ долженъ былъ опрометью броситься на другую сторону улицы. Антоніо, не успѣвши бѣжать за нимъ, споткнулся, и упалъ съ громкимъ крикомъ. Главный изъ всадниковъ мгновенно остановился, прыгнулъ съ коня и подошелъ къ ребенку, заботливо стараясь узнать, не ушибся ли онъ?...

Видя, что паденіе не сдѣлало испугавшемуся мальчику никакого вреда, незнакомецъ сунулъ ему въ руку золотую монету, вскочилъ опять на коня, и просилъ портнаго указать дорогу къ жилищу живописца Рембрандта.

— Домъ его на концѣ второй улицы, что вотъ тутъ, на право, въ Жидовскомъ кварталѣ, рядомъ съ кладбищемъ! Вы богаты, синьоръ, и будете тамъ приняты хорошо.

— Неужели бѣднымъ не даютъ тамъ помощи? спросилъ незнакомецъ.

— Помощи!... Въ этомъ проклятомъ домѣ отка-

зываютъ въ ней даже родному племяннику жида хозяйна!

И Барруэлло разсказалъ незнакомцу всю исторію. Тотъ слушалъ разсказъ съ большимъ вниманіемъ. Когда повесть Барруэлло была кончена, незнакомецъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, полный золота, досталъ изъ него четыре монеты, и подалъ ихъ портному.

— Вотъ — сказалъ онъ — вотъ тебѣ на похороны умершихъ, и на первыя нужды больнаго и ребенка. Скажи мнѣ свое имя, и мѣсто, гдѣ ты живешь; я хочу записать все это въ моей книжкѣ. Сегодня вечеромъ буду я у тебя. Мы потолкуемъ, что намъ остается еще сдѣлать. Ты честный человѣкъ, и я истинно тебя уважаю — прощай до вечера.

Незнакомецъ кولیуль шпорами своего коня, и присоединился къ своей свитѣ, оставя Барруэлло онемѣвшимъ отъ радости и удивленія.

IV.

Когда жена Рембрандта выпроводила изъ дома Барруэлло, и избавила такимъ образомъ мужа своего отъ проклятій и упрековъ раздраженнаго портнаго, Рембрандтъ подошелъ къ станку, взялъ палитру и кисти, но напрасно старался онъ продолжать работу; дрожащая рука его не могла положить какъ надлежало ни одного штриха, и сильное душевное волненіе мѣшало ему удѣлить на начатую работу необходимое вниманіе. Раза четыре принимался онъ поправить и окончить набросанную слегка голову Спасителя, но каждый разъ оставался недоволенъ своими поправками. Раздосадованный, взбѣшенный, онъ бросилъ кисть, сложилъ руки передъ полотномъ, и кончилъ тѣмъ, что погрузился въ глубокую задумчивость. Скоро мысли перенесли его къ давно минувшимъ днямъ его юности, когда

онъ оставался въ мірѣ круглымъ сиротою. Что было-бы съ нимъ тогда, безъ материнской привязанности къ нему старшей сестры его, Луизы? Не обрацадала-ли она на него всѣхъ пощеченій, къ которымъ способна только одна нѣжная мать?.. Не она-ли бодрствовала надъ нимъ, какъ ангель-хравитель, который нѣкогда хранилъ юнаго Товія, посреди всѣхъ опасностей дальняго пути? Что-же сдѣлалъ онъ теперь?.. Сиротѣ, внуку одной изъ сестеръ его, затворилъ онъ двери своего дома, отказалъ въ нѣсколькихъ флоринахъ на гробъ племянницѣ!.. О какъ страшно измѣнили сердце его старость и время!.. Конечно, Маргарита была виновна тѣмъ, что вышла замужъ безъ согласія дяди, за какаго-то живописца, неизвѣстнаго и не богатаго, но не жестоко-ли наказывать ее за непослушаніе даже послѣ ея несчастной смерти?.. Да — думалъ старикъ — несчастія этой семьи неминуемыя послѣдствія собственной ихъ вины, но тѣмъ не менѣе не должно-ли оказать имъ помощь? Чѣмъ виновенъ этотъ несчастный малютка?

Онъ быстро вскочилъ со стула, опустилъ руку въ широкій карманъ своего камзола, и вытащилъ оттуда коженный кошелекъ. Отсчитавъ пять, или шесть ефимковъ, и тщательно осмотрѣвши каждый изъ нихъ, онъ кликнулъ жену. Старуха, ворча сквозь зубы, оставила свой каминъ, у котораго занялась было своими кухонными дѣлами, и подошла къ мужу. Но когда увидѣла она деньги, которыя живописецъ держалъ въ рукахъ, то отскочила отъ удивленія и гнѣва, потому, что видя смущеніе Рембрандта, безъ труда поняла она, какое употребленіе памѣренъ онъ былъ сдѣлать изъ этихъ денегъ...

А!.. такъ ты платишь чистыми денежками за оскорбленія и ругательства этого нищаго? Пусть

только узнают о такомъ чудесномъ поступкѣ, можно поручиться, что всѣ грубіяны явятся сюда за подарками! Если у тебя есть лишніи деньги, купи лучше кафтанъ твоему сыну, который ходитъ съ разодранными локтями. А всего-то лучше—спрячька опять эти золотыи монеты въ свой кошелекъ, и предоставь негодяевъ и мерзавцевъ собственной ихъ судьбѣ!

Рембрандтъ нахмурилъ брови, и взоръ, брошенный имъ на жену, заставилъ ее замолчать.

— Когда я женился на простой служанкѣ, то для того поступилъ такъ, чтобы жена повиновалась мнѣ безпрекословно. Ты отнесешь сію же минуту эти деньги къ портному Барруэлло. Ступай. Племянница моя должна быть похоронена приличнымъ образомъ, а мужъ и сынъ ея ни въ чемъ не должны нуждаться.

Жена Рембрандта видѣла, что на сей разъ надобно было повиноваться безъ противорѣчій. Она взяла свой старыи плащъ, надѣла толстыя башмаки, и собиралась идти. Рембрандтъ взялъ свою палитру и собралъ вѣсти, которыми играла огромная обезьяна. Съ сердцемъ, не столько уже взволнованнымъ, и съ успокоенною совѣстью, собирался онъ опять приняться за работу, какъ вдругъ колокольчикъ наружной двери зазвенѣлъ, и такъ сильно, что едва не оборвался. При такомъ неожиданномъ звонѣ, Рембрандтъ затрепеталъ, и вздрогнувшая рука его начертила нечаянно широкую полосу на лицѣ главной фигуры въ картинѣ. На крикъ досады, выпавшей изъ устъ живописца, жена его отвѣчала сердитымъ ворчаньемъ.

Колокольчикъ зазвенѣлъ снова, и казалось, еще сильнѣе прежняго.

Бросаясь къ двери съ бранью и ворчаньемъ, и

отворить ее, было для старухи дѣломъ одной минуты. Гнѣвъ ея вдругъ перемѣнился въ удивленіе, когда она увидѣла, что тотъ, кто такъ сильно держалъ колокольчикъ, былъ молодой, богато-одѣтый пажъ, съ веселымъ, смѣющимся лицомъ. Многочисленная толпа всадниковъ, въ числѣ которыхъ была одна молодая женщина, окружала дверь.

Одинъ изъ всадниковъ, казавшійся начальникомъ всей этой блестящей кавалькады, сказалъ старухѣ:

— Доложи своему господину, что чужеземецъ, прибывшій изъ Антверпена для покупки у него картинъ, желаетъ видѣться съ нимъ.

Успокоенная благороднымъ и вѣжливымъ тономъ незнакомца, старуха разтворила настежь ворота и выпустила всѣхъ всадниковъ во дворъ. Между тѣмъ, пока она затворила ворота, прѣѣзжіе гости сошли съ лошадей, и за исключеніемъ пажка, оставленнаго присматривать за лошадьми, всѣ, составлявшіе свиту богатаго незнакомца, начали всходить по широкой лѣстницѣ, и потомъ осторожно добрались до рабочей комнаты Рембрандта, предводимые женою его, служившею посѣтителямъ проводникомъ по извилистому лабиринту внутреннихъ коридоровъ въ домъ.

Когда Рембрандтъ увидѣлъ въ своей мастерской блестящее, многочисленное общество, на лицѣ его изобразилась сильная досада. Бросивъ взоръ сожалѣнія на прерванную работу, онъ привсталъ немного, отвѣчая такимъ образомъ поклону щеголеватыхъ посѣтителей. Главный изъ нихъ взялъ скамейку, и безъ церемоніи, сѣлъ рядомъ съ живописцемъ, тогда какъ вся свита его стала въ почтительномъ отдаленіи, такъ, что не могла слышать разговора своего повелителя съ Рембрандтомъ. Любопытную и достойную вниманія картину представляли эти

два чловѣка, сидѣвшіе рядомъ, и столикъ не похожіе другъ на друга, хотя при первомъ взглядѣ на нихъ можно было убѣдиться, что оба они принадлежали къ числу людей необыкновенныхъ. Первый изъ нихъ, высокій, стройный и ловкій, лѣтъ 50-ти отъ роду, казалось, не потерялъ еще силы и всѣхъ даровъ молодости. На немъ былъ богатый бархатный колетъ, вышитый золотомъ и обозначавшій всю стройность стана его; маленькая шапочка, обшита мѣхомъ, и украшенная чернымъ строусовымъ перомъ, покрывала его высокое чело. Быстрый взоръ его, казалось, имѣлъ силу проникать въ сокровеннѣйшія мысли чловѣка; пріятная улыбка его имѣла въ себѣ какую-то особенную прелесть, а рука его, бѣлой и пѣкной, могла бы позавидовать красавица. Въ другомъ, напротивъ, все обнаруживало преждевременную старость, слѣдствіе трудовъ, заботъ и страстей. Маленькой, сутуловатый, толстый, закутанный въ какой-то ветхій кафтанъ, едва ли стоившій четыре эскалина, казалось, онъ не зналъ что такое опрятность и чистота. Волосы его, собранные кое-какъ подъ платокъ, когда-то *блгошій* бѣлымъ, начали покрываться сѣдиною, и глубокія морщины прорѣзывали все лицо его. Но взглянувши на него, можно было тотчасъ догадаться, что подъ этою грубою оболочкою скрывался духъ сильный и могучій, и не всякой могъ бы выдержать, не смутясь, быстроту его зеленоватыхъ, блестящихъ глазъ. Словомъ, художникъ поколебался бы, кому изъ этихъ двухъ, столь различныхъ между собою людей, отдать первенство, потому, что оба они, одинъ подъ наружностью блестящею, другой подъ оболочкою мрачною, облачали равномѣрно силу и величіе.

Между тѣмъ, пока Рембрандтъ игралъ съ своего

обезьяною, уродливымъ животнымъ, которое, при малѣйшемъ расположеніи къ суетвѣрію, можно - бы было почесть за домашняго демона, чародѣя, жившаго въ этомъ мрачномъ убѣжищѣ, незнакомецъ съ глубочайшимъ вниманіемъ разсматривалъ начатую картину, и по временамъ, отрывистыми словами, выражалъ свое удивленіе и свой восторгъ.

— Какое волшебство красокъ! Какая свѣжесть! Какая жизнь въ фигурахъ! Никогда Венеціанская школа не создавала ничего подобнаго этой картинѣ.... Мейстеръ Рембрандтъ! она принадлежитъ мнѣ...

— Невозможно! Картина эта заказана мнѣ пріицессею Кларою Евгеніею, за *тысячу* флориновъ.

— Я даю вамъ *четыре тысячи* — картина моя! Клянусь Богомъ! Галерея моя была бы обезславлена, еслибы такое чудное произведеніе, вмѣсто того, чтобы блистать въ моемъ домѣ, украшало бы дворецъ Правительницы Нидерландовъ! Ванъ-Дейкъ! отдай мейстеру Рембрандту четыре тысячи флориновъ.

— Ванъ-Дейкъ? воскликнулъ удивленный Рембрандтъ. — Кто же такой вы сами, когда Ванъ-Дейкъ служить вамъ казначеємъ?...

— Я Рубенсъ — отвѣчалъ незнакомецъ — и пріѣхалъ нарочно изъ Антверпена, повидаться съ Рембрандтомъ.

— Рубенсъ! — тихо повторилъ Рембрандтъ, осматривая своего знаменитаго соперника, съ головы до ногъ. — Рубенсъ! Какъ живописецъ, вы знаете, сколь дорого намъ время, и потому извините, я снова принимаюсь за работу. Надобно же какъ нибудь добывать насущный хлѣбъ — прибавилъ онъ съ лицемѣрнымъ вздохомъ. — Къ несчастью, я не имѣю средствъ, подобно вамъ, платить за картины по 4000 флориновъ....

Въ этихъ живыхъ словахъ отзывались злая про- ния и гордое самодовольство челоука, скрывавшаго въ погребяхъ своихъ боченки съ золотомъ, которые были найдены только послѣ смерти хозяина.

Рембрандтъ взялъ свою кисть, и картина была окончена, менѣе нежели въ часъ. Рубенсъ, безмоль- ный, едва переводившій дыханіе, стоялъ облокотясь на кресла художника. Жадными взорами смотрѣлъ онъ на палитру Рембрандта, стараясь уловить на ней тайну, посредствомъ которой старикъ умѣлъ достигать тѣхъ волшебныхъ эффектовъ свѣта и тѣни, которыя характеризовали все его великія произведенія.

Когда картина была окончена, Рембрандтъ всталъ, и показывая на нее, сказалъ Рубенсу:

— Теперь нѣтъ еще полдень — пока настанетъ ве- черь, я могу начать и кончить какуюнибудь кар- тинку, а эту примите отъ меня, какъ доказатель- ство моего удивленія къ вамъ, мейстеръ Рубенсъ. Если мнѣ случалось проводить иногда ночи безъ сна, такъ это было тогда только, когда я думалъ объ успѣхахъ и славѣ вашей — моего соперника!

— Я не соперникъ, а ученикъ вашъ, и чтобы доказать вамъ это, позвольте мнѣ на этой новой холстинѣ, которую я тамъ вижу, и этими кистями, которыя сію минуту были въ вашихъ рукахъ, ра- ботать передъ вами. Я постараюсь подражать вашей великой манерѣ. Поди сюда, Елена, и сядь тамъ, гдѣ свѣтъ падаетъ прямо изъ окна; надѣнь твою соло- менную шляпку и будь моимъ оригиналомъ... Мей- стеръ Рембрандтъ! рекомендую вамъ мою жену.

Рембрандтъ взглянулъ на молодую, прелестную женщину съ коварною улыбкою; потомъ подозвалъ свою гадкую старуху, которая во все это время сидѣла въ углу, прижавшись за каминомъ. Онъ взялъ

ее за руку, и пародируя рѣчь своего гостя, съ гру- бымъ смѣхомъ, сказалъ ему:

— Вотъ и моя жена, мейстеръ. Позвольте мнѣ вамъ ее представить!

Рубенсъ принялся между тѣмъ за работу, не пре- рывая разговора.

— Я очень беспокоился на вашъ счетъ, нѣсколь- ко недѣль тому — сказалъ онъ. Въ Антверпенѣ рас- пространился слухъ о вашей смерти, и одинъ тор- говецъ картинъ показывалъ даже письмо вашего сы- на, которое подтверждало это извѣстіе.

Рембрандтъ засмѣялся, смѣхомъ еще болѣе гру- бымъ, нежели въ то время, когда представлялъ Ру- бенсу жену свою.

— Мнѣ надобно было 6000 флоринновъ, для по- слѣдней уплаты за этотъ домъ. Хитрость моя до- ставила ихъ мнѣ очень легко, заставя покупать мои картины вдвое дороже противъ того, чего онѣ сто- или въ самомъ дѣлѣ. Но, извините меня — вотъ часъ моего обѣда, и я не смѣю предложить вамъ раздѣ- лить его со мною. Къ тому же свита ваша такъ многочисленна, а приготовленный у меня обѣдъ такъ недостаточенъ. Ну, что дѣлать! Какъ быть, если не всемъ живописцамъ суждено, подобно вамъ, мейстеръ Рубенсъ, быть посланникомъ и княземъ! Я не получалъ никакихъ милостей отъ королей Ис- панскаго и Англійскаго; у меня нѣтъ ни какого ор- дена, и вся свита моя состоитъ только изъ этой обезьяны, моей старухи жены, и моего сына Тита, когда этотъ глупый мальчикъ бывасть въ Кельнѣ. Ка- терина! дай мнѣ вѣсть.

Жена Рембрандта поняла мысль своего мужа, и сообразовалась, какъ нельзя лучше, съ грубымъ об- хожденіемъ своего мужа, которое онъ нарочно хотѣлъ выказать передъ великоблочною свитою Рубен-

са. Старуха накрыла столъ толстою, холстинною скатертью, съ бѣлыми и синими разводами, принесла двѣ глиняныя тарелки, и начала черпать деревянною ложкою густой супъ, поданный въ глиняномъ горшкѣ; потомъ дополнила она обѣдъ небольшимъ скомъ говядины, сельдями, сыромъ и кружкою пива.

Рембрандтъ принялся безъ церемоній за ѣду, и ѣлъ съ большимъ апшетитомъ. Когда онъ всталъ изъ за стола, головка, которую писалъ Рубенсъ, была кончена: это была знаменитая потомъ *Соломенная шиллка*, произведеніе, писанное подъ вліяніемъ вдохновенія Рембрандта, и гдѣ Рубенсъ умѣлъ схватить блѣдный колоритъ и дивное очарованіе свѣта и тѣни, отличавшіе кисть стараго Кельнскаго живописца.

Рембрандтъ глядѣлъ на дивную эту картину съ принужденною радостью, въ которой проявлялись вмѣстѣ и удивленіе и зависть.

— Теперь мы похватились — сказалъ онъ, и я еще выигралъ при обмѣнѣ...

— Нѣтъ, мейстеръ, мы еще не квиты! Безъ васъ, безъ того урока, который вы дали мнѣ, позволивъ смотрѣть, какъ вы пишете, я не создалъ-бы этого портрета — можетъ быть, лучшаго, изъ всѣхъ мною писанныхъ. Позвольте же мнѣ, въ знакъ благодарности, предложить вамъ этотъ ящикъ съ столовыми серебромъ, которое я заказывалъ нарочно для васъ, и съ вашимъ вензелемъ! Каждый разъ, когда вы будете употреблять его — оно будетъ напоминать вамъ вашего почитателя, ученика, и — друга, если только вы позволите мнѣ принять это названіе...

Рембрандтъ равнодушно взглянулъ на чудесный подарокъ Рубенса, между тѣмъ, какъ жена его, съ жадностью, рассматривала каждую вещь прибора, отъдѣланнаго превосходно.

— «Вы человекъ знатный, мейстеръ Рубенсъ, и такой бѣдный художникъ, какъ я, обязанъ принимать дары, какими покровитель и меценатъ благоволитъ его удостоить — отвѣчалъ Рембрандтъ, съ насмѣшливою улыбкою. Не правда ли, Катерина, что это серебро лучше нашихъ оловянныхъ ложекъ?.. Ну, положи теперь все это къ сторонѣ. Время, въ которое я пересгану уже быть порядочнымъ живописцемъ, быстро подходитъ. — Обратись къ Рубенсу, онъ продолжалъ: «Когда пробьетъ два часа, я дѣлаюсь торгашемъ — жида и купцы, съ которыми имѣю маленькія дѣла, приходятъ толковать со мною въ эту пору, и вотъ я вижу уже на крыльцѣ Левія Захарія, купца торгующаго шелкомъ. Скажите, въ какой гостинницѣ остановились вы, мейстеръ Рубенсъ, чтобы я могъ, завтра или даже нынѣ вечеромъ явиться къ вамъ съ моимъ почтеніемъ?»

— Я остановился у генераль-губернатора, графа де-Пенафлора. Прощайте, мейстеръ Рембрандтъ — до вечера!

— До вечера — повторилъ Рембрандтъ, поклонясь униженно, чуть не до самой земли.

По знаку, данному Рубенсомъ, Елена, и всѣ, составлявшія его свиту, удалились. Каждый проворно съѣлъ на лошадь, и блестящій побѣздъ поскакалъ галопомъ.

Рембрандтъ задумчиво глядѣлъ на отъѣзжавшихъ нѣсколько минутъ.

— Онъ принцъ!.. Онъ король!.. шепталъ про себя старикъ. — Онъ вполне наслаждается жизнью!.. Можетъ быть, онъ и правъ; можетъ быть, я дуракъ и безумецъ, что живу въ такомъ уединеніи, въ такой бѣдности... Бѣдности? Ну, я бѣденъ, не смотря на всѣ мои богатства... Да, не все ли это равно? Если въ погребѣхъ моихъ, за этимъ ключемъ, не остав-

ляющимъ меня никогда, заперты сокровища, которыя могли бы удовлетворить прихотямъ императора .. Хмъ! Рубенсъ—расточай безмысленно плоды трудовъ своихъ, упивайся тщеславиямъ, могуществомъ, жизнью — моя жизнь, мое могущество, мое тщеславие здѣсь... Неравенъ ли я тебѣ и, не такъ ли я счастливъ, какъ и ты? —

Сказавъ это, онъ взялъ связку ключей, висѣвшихъ у него на поясѣ, и увѣряясь, что никто, даже его жена, не могли подсмотретьъ за нимъ, отворилъ потаенную дверь, вдѣланную въ каменную стѣну, за которою была маленькая, темная лѣстница. Онъ зажегъ фонарь, затворилъ за собою дверь, осторожно сошелъ четырнадцать ступеней, и достигнулъ другой двери, которую отворилъ такъ-же осторожно, какъ и первую. Тогда очутился онъ въ погребѣ, заваленномъ боченками, наполненными золотомъ. Предъ каждымъ изъ этихъ боченковъ останавливался онъ, освѣщая ихъ своимъ фонаремъ; жадно глядѣлъ онъ на эти груды Флориновъ, и насмотрѣвшись на нихъ досыта, воскликнулъ:

— Рубенсъ! Рубенсъ! ты тщеславный дуракъ, и — ничего болѣе!.. Что мнѣ въ твоей гордости и твоемъ великолѣпнн?.. Владѣть такими сокровищами какъ эти... вотъ настоящее счастье — вотъ истинный рай!

Вдругъ раздался вдали легкій шумъ, и тонкій, недовѣрчивый слугъ Рембрандта узналъ въ немъ скрипъ отворившейся наружной двери. Въ одно мгновеніе, скачкомъ, которому позавидывалъ-бы юноша, бросился онъ на лѣстницу, вбѣжалъ въ свою мастерскую, поспѣшно закрылъ обоями потаенную дверь, и медленно побрѣлъ на встрѣчу гостямъ. Съ дрожющими руками, съ искривленнымъ судорогою гротомъ, остановился онъ передъ пришедшими, ста-

раясь угадать на ихъ лицахъ, не подмѣтили ли они чегонибудь? Но если бы старый живописецъ и не былъ даже такъ проворонъ, то и тогда вошедшій не могъ-бы ничего видѣть, благодаря темнотѣ, кака была въ мастерской.

— Привѣтъ вамъ, дорогіе кумовья, Соломонъ Лирхъ и Самуиль Нетчамъ—добропожаловать! —сказалъ онъ имъ, голосомъ, еще дрожавшимъ отъ внутренняго волненія. — Что это привело васъ ко мнѣ такъ поздно?

— Я пришелъ предложить вамъ славное дѣло: купецъ Ланеръ имѣетъ нужду въ 1000 Флоринахъ.

— Я готовъ дать ему ихъ, Но, знаете? Надобно залогъ — хоть какіе нибудь товары, которые стоили-бы въдвое болѣе занятой суммы—вѣдь мой обычай такой...

— Я передамъ ему ваши условія.

— Что до меня касается — сказалъ другой гость, между тѣмъ, какъ удалялся жидовскій маклеръ — я пришелъ купить у васъ картину для маршала Изенгейна.

— Прекрасно! Да, вотъ ему портретъ этого раввина, который, за немнѣніемъ денегъ, не могъ взять его у меня!

— А что онъ стоитъ? —

— Тысячу Флориновъ.

— Тысячу Флориновъ!

— Вы слышали, что я обещалъ сію минуту точно такую сумму куму моему Натчаму. Если вы не хотите дать мнѣ этой 1000 Флориновъ, мнѣ придется отдать кому нибудь другому портретъ раввина, потому, что у меня въ цѣломъ домѣ нѣтъ ни одного гроша... Ей, ей! такъ.

— Хорошо, я согласенъ, но только съ тѣмъ, чтобы заплатить сумму въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

— Сию минуту и — всю сполна, любезный куманекъ! Такой бѣдный художникъ, какъ я, можетъ ли дожидаться? Я живу кое-какъ, день за день, а вы хотите чтобы я дожидался три мѣсяца! Хе, хе, хе нѣтъ, любезный Соломонъ! заплатите сію же минуту, а не то я отнесу мою картину на аукціонъ, гдѣ продаютъ мои гравюры; онъ начнется сегодня въ 7 часовъ вечера...

— Странная мысль — продавать въ такое позднее время художественныя произведенія!

Рембрандтъ улыбнулся.

— Еслибы вы были знатокъ, мой любезный куманекъ, такъ догадались бы, что при свѣчахъ не лѣзя замѣтить кой-какихъ недостатковъ въ нѣкоторыхъ оттискахъ, и плохіе экземпляры продаются тогда по одной цѣнѣ съ хорошими... Я говорю это вамъ потому, что вы торгуете только живописными картинами... Да, объ этомъ довольно. Мнѣ пора идти на аукціонъ, и посмотрѣть что тамъ такое дѣлается. Берете-ли этотъ портретъ за 1000 флориновъ наличными?

Соломонъ, сдѣлавъ еще кой-какія предложенія, которыхъ Рембрандтъ не хотѣлъ слушать, кончилъ тѣмъ, что замѣтилъ требуемую сумму, и взявъ портретъ, оставилъ Рембрандта одного.

Удовольсьясь, что дверь погребѣ была крѣпко заперта, онъ сошелъ во дворъ, отвязалъ огромную собаку, и впустилъ ее въ томнату, гдѣ она должна была, во время его отсутствія, исполнять должность сторожа. Потомъ взялъ онъ свой старый плащъ, завернулся въ него, накрылъ голову шляпою, съ широкими полями, и загасивъ лампаду, которую зажегъ во время разговора своего съ жидами, вышелъ изъ дома. Онъ направилъ шаги свои въ центръ города, къ одному большому дому, въ которомъ про-

изводилась публичная продажа. Наклобуча на глаза шляпу, закрывъ лицо плащемъ, прокрался онъ тихо между толпою. Аукціонистъ, взобравшись на столъ, стоялъ тамъ, и продавалъ съ молотка картины. Множество людей разнаго званія окружали столъ, ибо въ то время, торговля картинами была весь выгода въ Нидерландахъ, и привлекала множество барышниковъ. На подобныхъ аукціонахъ, цѣны, то понижались, то возвышались; покупщики заключали между собою разныя сдѣлки; словомъ, тамъ дѣлалось въ маломъ видѣ то, что дѣлается на всѣхъ биржахъ. Прадавъ нѣсколько картинъ Міериса и Жерарда Дова, аукціонистъ назначилъ въ продажу одну изъ гравюръ Рембрандта.

— *Коронованная Юнона, avant la lettre* — гравюра мастера Рембрандта! — возгласилъ аукціонистъ.

— Но мастеръ Рембрандтъ уже продавалъ эту гравюру — замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

— Тогда она была только въ половину окончена, а теперь уже совершенно готова. Посмотрите: на головѣ главной фигуры не было короны, а теперь ошибка эта исправлена.

— Но это бездѣлица, которая не заслуживаетъ вниманія!

— Если вы не хотите торговаться, такъ не крикуйте — закричалъ аукціонистъ повелительнымъ тономъ. — Оцѣнка: 30 эскалиновъ!

— Сорокъ.

— Пятдесятъ!

— Восемдесятъ!

— Сто!

Всѣ молчали, и въ залѣ водворилась глубочайшая тишина.

— Сто эскалиновъ!.. Въ первый разъ, сто эскалиновъ! Во второй разъ!.. Ни кто больше?.. Третій...

Молодой человекъ, выдавший последнюю цѣну, протягивалъ уже руку къ гравюру, какъ изъ толпы раздался хриплый голосъ:

— Сто десять!..

Молодой человекъ, раздосадованный неудачею, закричалъ: «Сто двадцать!»

— Сто тридцать! — повторилъ тотъ же голосъ.

— Сто сорокъ!

— Сто пятьдесят!

— Пусть же онъ возьметъ ее — сказала молодой человекъ, отказываясь отъ дальнѣйшаго торга. — Заплатить больше значило бы заплатить втрое противъ того, чего стоитъ гравюра. — Аукціонистъ началъ смѣяться.

— Мейстеръ Рембрандтъ! — сказалъ онъ — гравюра принадлежитъ вамъ — послѣдняя цѣна осталась за вами.

Взоры всѣхъ обратились на того къ кому относились эти слова. Рембрандтъ, ни мало не смѣшавшись, сказалъ громко:

— Очень радъ, что успѣлъ придти еще во время. Мнѣ хотѣлось сохранить для себя эту гравюру. Я по ошибкѣ послалъ ее на аукціонъ, и былъ въ отчаяніи. Она такъ хороша, что я немогъ разтатъ ее съ нею, а единственное средство оставить ее за собою, было возвышать цѣну, и тѣмъ исправить мою ошибку.

— Надобно знать однако жъ — замѣтимъ молодой человекъ — имѣетъ ли право самъ художникъ набивать цѣну на собственныя свои работы? Объ этомъ можно бы еще поспорить, но кончимъ лучше споръ — я предлагаю вамъ за гравюру вашу 200 эскалиновъ!

Сумма хороша для меня, бѣдняка. Но вѣрьте, что я приношу вамъ тягостную жертву, и потому только,

что долженъ быть наказанъ за мою опрометчивость. Возьмите гравюру за 200 эскалиновъ. — Она ваша.

И онъ вышелъ изъ залы, вздохнувъ глубоко, какъ будто дѣйствительно жалѣлъ о своей Коронованной Юнонѣ, которая не стоила и четверти той суммы за которую она была куплена охотникомъ. Рембрандтъ улыбнулся мелькомъ, и прошепталъ: «Дуракъ!»

— Теперь, когда знаютъ уже, что я здѣсь, мнѣ нельзя набивать цѣны на мои гравюры — сказалъ онъ самъ себя, — пойдѣмъ-же отдать визитъ этому вельможѣ-артисту, котораго называютъ мейстеръ Петръ Павелъ Рубенсъ. Боже мой! сколько на улицахъ народу! Пушечные выстрѣлы, освѣщеніе! Что такое случилось?.. Вотъ и стрѣльцы въ парадныхъ мундирахъ — за ними идутъ копейщики, и милиція Мейстеръ бургомистръ, мейстеръ бургомистръ! зачѣмъ это нарядились вы въ свой парадный кафтанъ, и отъ чего въ городѣ такая тревога?

Антоній Фанъ-Опсомъ, бургомистръ Кельна, взялъ стараго живописца за руку, и потащилъ за собою.

— Если вы хотите узнать все, то должны идти со мною, мейстеръ Рембрандтъ, потому что мнѣ нѣтъ времени останавливаться, — сказалъ онъ Рембрандту. Важное извѣстіе пришло въ Кельнъ. Нидерланды снова поступаютъ подъ владычество Испаніи, и Штаты изъявили на то согласіе. Все это дѣло мастера Рубенса, который велъ переговоры, и теперь всѣ городскіе цехи, предводительствуемы, мною, какъ бургомистромъ, и своими депутатами, отправляютъ благодарность Рубенса. Слышите ли крики толпы?.. *Да здравствуетъ Король Испанскій! Да здравствуетъ Рубенсъ! Да здравствуетъ благодѣтель Нидерландовъ!*

Рембрандтъ отнялъ потихоньку руку свою у бургомистра.

— Какъ? Вы не хотите идти вмѣстѣ со мною, поздравить Рубенса съ успѣхами?

— Нтъ! теперъ уже поздно. Жена дожидается меня, и вѣрно беспокоится, что я не возвращаюсь домой. Прощайте!

Сказавъ это, онъ поклонился, и вмѣшался въ толпу.

— Да здравствуетъ Рубенсъ! Да здравствуетъ благодѣтель Нидерландовъ! ворчалъ онъ, удаляясь отъ толпы. — Рубенсъ!.. Не ужели этому человѣку суджено заниматься всѣми на свѣтѣ ремеслами, и упиваться всякою славою!.. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, точно искусенъ въ дипломатиі... Хотѣлъ-бы я только знать, будетъ ли потомство удивляться его картинамъ, такъ, какъ моимъ? Старикъ Рембрандтъ чего нибудь, да стоитъ... Но, поспѣшимъ домой... Толпа увеличивается — крики становятся сильнѣе... Ну, это... это... несносно!..

Онъ ускорилъ свои ноги, и въ ту самую минуту, когда сталъ онъ поворачивать въ боковую улицу, восклицанія толпы до того усилились, что онъ воротился назадъ, желая развѣдать, что за причина восторга? — Рубенсъ показалея на балконѣ губернаторскаго дома, и кланялся народу. Рембрандтъ побѣжалъ прочь, и скоро былъ уже дома.

— Что съ тобою сдѣлалось? — спросила его жена. Ты блѣденъ!.. Ужъ не боленъ ли ты? — Ахъ! Боже мой! смотри: ты разорвалъ свой кафтанъ, и вотъ, въ рукъ твоихъ, оторванный лоскутокъ! Что съ сдѣбою сдѣлалось?

— Ничего! отвѣчалъ онъ грубо — не твое дѣло — ноги прочь!

Какой я дуракъ, какой я безумецъ! воскликнулъ

онъ, оставшись одинъ и сядишь въ кресла. — Я завидую этому человѣку!..

Онъ устремилъ глаза на свой изорванный кафтанъ, и прибавилъ съ глубокимъ вздохомъ:

«Жаль, а кажется, что его нельзя будетъ починить, и мнѣ придется заказать себѣ новый...»

V.

Получивъ отъ незнакомаго господина неожиданную помощь, Николай Барруэлло сталъ жестоко упрекать себя за то, что могъ сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ. Онъ возвратился домой съ сердцемъ облегченнымъ отъ горести, и только позорище смерти, видимое въ его бѣдномъ жилищѣ, истребило на лицѣ его выраженіе радости, но если надежда оставила его на минуту передъ безжизненнымъ трупомъ Маргариты и ея дочери, то онъ успѣлъ, по крайней мѣрѣ, предохранить себя отъ совершеннаго унынія. Дорогою купилъ онъ хлѣба, немного мяса и кружку пива. Всю эту провизию сложилъ онъ на каминъ, и принялся прибирать свою комнатку. Маленькое окно, рама котораго, по счастью, не совершенно изломалась, было исправлено, и Барруэлло, бывший, какъ говорится, *всезнаель*, самъ вставилъ стекла, замазалъ ихъ, и склеилъ весьма искусно. Потомъ вымелъ онъ снѣгъ, подобралъ обломки разбитаго шкафа и куски стеколъ, затопилъ каминъ, и съ стѣпеннымъ сердцемъ приготовился къ исполненію другой, болѣе тягостной обязанности, которую, по какому-то необходимому отвращенію, онъ до сихъ поръ все откладывалъ. Обязанность эта, дѣйствительно, была печальная; дѣло состояло въ томъ, чтобы похоронить мертвыхъ. Блѣдный, разстроенный, трепещущій, тревожимый суевѣрнымъ страхомъ, и сдѣлавши нѣсколько разъ крестное знаменіе, вошелъ онъ въ чуланъ, гдѣ лежали жена и дочь Нетчелли. Нѣсколько

минуть Барруэлло смотрѣлъ робкими глазами на эти холодныя, безчувственныя тѣла, и взоры его стали съ ужасомъ искать не носилось ли вокругъ нихъ какого нибудь страшнаго призрака! Увѣрясь въ противномъ, но не побѣдивъ однакожь совершенно своего суевѣрнаго страха, Барруэлло приступилъ къ исполненію печальнаго долга. Скрѣпилъ сердце, обмылъ онъ тѣла умершихъ, читалъ безпрестанно всѣ молитвы, какія только могъ припомнить. Онъ хотѣлъ уже воротиться въ свою комнату, какъ вдругъ раздался какой-то шумъ, и заставилъ его содрогнуться... Тяжелые шаги послышались за нимъ; онъ обернулся, покрытый холоднымъ потомъ, и увидѣлъ Нетчелли, который, схвативъ хлѣбъ, лежавшій на каминѣ, искалъ какого нибудь темнаго угла, гдѣ могъ-бы спрятаться и ѣсть его на свободѣ. Видъ этого несчастнаго внушилъ Барруэлло еще болѣе ужаса, нежели видъ труновъ.

— Вчера еще — думалъ онъ — человекъ этотъ, съ высокимъ самоотверженіемъ, шелъ на все, чтобы спасти свое несчастное семейство, а сегодня — онъ стоитъ здѣсь безъ мыслей, безъ воспоминаній, передъ драгоценными останками тѣхъ, которыхъ любилъ такъ горячо — не сохраняя никакого другаго чувства, кромѣ грубаго животнаго позыва на ѣду! Вчера онъ былъ болѣе, нежели человекъ, спасая жену и дѣтей отъ гибели, а сегодня — онъ упалъ ниже всякаго скота!...

Сердце бѣднаго Барруэлло снова готово было предаться сомнѣнію и ропоту на Провидѣніе, но онъ успѣшилъ молитвой заглушить пагубныя мысли, недостойныя христіанина. Увѣрясь, что маленький Антонио спитъ крепкимъ сномъ, Барруэлло пошелъ объявить священнику, что на канунѣ два человека умерли у него въ домѣ, и просить объ

ихъ погребеніи. Священникъ былъ хорошо знакомъ съ портнымъ, которому отдавалъ ипогда чинить свои старыя рясы. Онъ посадилъ его, поподчивалъ виномъ, и похваливъ благотворительный его поступокъ, взялся похоронить умершихъ даромъ, такъ, что у добраго бѣдняка остались три золотыя монеты. Благосклонность стараго священника возвратила портному все его мужество, и онъ отправился прямо къ столяру, который, желая участвовать въ добромъ дѣлѣ, взялся сколотить гробъ, безъ всякой платы за матеріалъ и работу. Кромѣ того вызвался онъ положить тѣла усопшихъ въ гробъ, и пошелъ вмѣстѣ съ Барруэлло, исполнить такую тягостную обязанность. Вскорѣ, одинъ и тотъ же гробъ принялъ въ свои нѣдра и мать и дочь.... Удары молотка, которымъ добрый столяръ приколачивалъ крышку гроба, разбудили Антонио, и онъ со слезами сталъ звать свою милую маменьку. Испугавшійся безумецъ также вскочилъ, но сдѣлалъ это для того только, чтобы спрятаться въ самый темный уголокъ комнатки, гоѣ могъ, не боясь ни кого, доѣсть унесенный имъ хлѣбъ.

Между тѣмъ Барруэлло, не думая о подкрѣпленіи силъ своихъ пищею и отдыхомъ, одѣлся въ свое праздничное платье, и безпрестанно подходилъ къ одну, посмотреть, не ѣдетъ ли его великодушный покровитель? Но время проходило, а тотъ, кого онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, не являлся. Вскорѣ пришелъ священникъ. Столяръ и трое сосѣдей вынесли на рукахъ гробъ, и Барруэлло съ маленькимъ Антонио, молча, пошли на кладбище. Возвратясь оттуда, портной спросилъ у сосѣдки, которой поручилъ на время отсутствія присмотрѣть за своимъ домикомъ, неспрашивалъ ли его кто нибудь. Она никого не видала, и этотъ отвѣтъ, опеча-

ливший бѣднаго Барруэлло, вырвалъ изъ груди его глубокой вздохъ.

«Вотъ богачи!» сказалъ онъ горестно.—«Одинъ отвергаетъ самыхъ близкихъ своихъ родныхъ, впадшихъ въ послѣднюю нищету, и даже отказывается похоронить ихъ, а другой забываетъ о своихъ обещаніяхъ... Эхъ! дядя Евстафій!» прибавилъ онъ, обращаясь къ столярю, стоявшему передъ нимъ — будемъ благодарить Бога, что Онъ недалекъ намъ богатства!..

— Ты, можетъ быть и правъ, сосѣдушка — отвѣчалъ столяръ, который, казалось, не вполне разделяетъ философическое мнѣніе Барруэлло. — Однакожь, на примѣръ, если бы ты былъ побогаче, тебя менѣе заботила-бы мысль о томъ, что будешь ты дѣлать съ этимъ безумнымъ и съ этимъ ребенкомъ?

— На счетъ ихъ, я давно уже рѣшился — отвѣчалъ портной простодушю. Я не оставлю бѣдняковъ, которыхъ все покинули! До тѣхъ поръ, пока у меня будетъ хоть маленькій кусокъ хлѣба — я раздѣлю его съ ними. Благодаря Бога, дядя Евстафій, у насъ есть руки, и иголка, которая дастъ намъ что нибудь, да еще и получше, нежели одинъ хлѣбъ!

— Клянусь святымъ Евстафіемъ, моимъ патрономъ, ты честный человекъ Барруэлло! — отвѣчалъ столяръ, съ невольнымъ чувствомъ. — Подѣлись же со мною этимъ добрымъ дѣломъ, сосѣдушка — я беру Антонию къ себѣ въ ученики, и съ божіею помощію, надѣюсь сдѣлать изъ него самаго искуснаго столяра въ цѣломъ городѣ.

Барруэлло растроганный, не могъ сказать ни одного слова. Онъ только протянулъ честному ремесленнику, въ знакъ согласія, руку свою, и оба они

провели весь вечеръ сидя у камина, за кружкой добраго пива.

Прежде нежели кончимъ эту часть нашего разсказа, мы должны объяснить читателю, отъ чего Барруэлло не получилъ денегъ, посланныхъ къ нему Рембрандтомъ, а также по какому случаю Рубенсъ не могъ сдержать своего обещанія.

Жена Рембрандта воспользовалась прибытіемъ Рубенса, не думая исполнять приказаній своего мужа, и присвоила деньги себѣ. Этимъ объясняется одно обстоятельство. Вотъ объясненіе другаго. Тотъ-же самый курьеръ, который привезъ важную политическую новость, обрадовавшую весь городъ, привезъ Рубенсу приказаніе королевское — отправиться немедленно въ Брюссель, гдѣ его ожидали награды за его дипломатическія труды, и новыя порученія, насравненно важнѣйшія тѣхъ, которыя онъ исполнилъ. Въ заботахъ о скоромъ и неожиданномъ отъѣздѣ, Рубенсъ, просто, забылъ бѣднаго портнаго и свое обещаніе повидаться съ нимъ.

VI.

Черезъ десять лѣтъ послѣ своего перваго путешествія въ Кельнъ, Рубенсъ долженъ былъ снова пріѣхать въ этотъ городъ. Имѣя порученіе отъ короля Испанскаго, Филиппа II-го, составить для Эскурьяльскаго дворца галерею самыхъ отличнѣйшихъ картинъ Фламандской школы, онъ рѣшился лично выбрать все эти картины, посѣтить разные города Фландріи, и осмотрѣть мастерскія знаменитѣйшихъ живописцевъ. Легко угадать, что прежде всего обратился онъ къ Рембрандту. Едва только вступилъ онъ теперь во дворъ стариннаго дома Кельнскаго живописца, какъ былъ пораженъ удивленіемъ, при видѣ переменъ, которыя увидѣлъ въ немъ. Ни-

что не доказывало, чтобы богатство хозяина дома расточалось на украшения, но однакоже вездь были замѣтны слѣды искусной руки, старавшейся улучшить и украсить это жилище, нѣкогда совершенно заброшенное и безобразное. Мѣдные замки на дверяхъ сіяли, какъ будто золотые; на лѣстницѣ, нѣкогда заваленной всякаго рода хламомъ и обломками, можно было ходить свободно, и по сторонамъ ея стояли фарфоровыя вазы, въ которыхъ росли зеленыя померанцовыя деревья, покрытыя бѣлыми, душистыми цвѣтами.

Перемены во внутренности дома были еще значительныя. Кирпичныя стѣны корридоровъ, цвѣта которыхъ прежде не возможно было узнать, были теперь раскрашены свѣтлыми, блестящими красками; занавѣсы изъ недорогой, но красивой ткани, были видны у оконъ, и наконецъ, цвѣты, разставленные повсюду въ изобиліи, разливали по комнатамъ чудное благоуханіе. При первомъ звонѣ колокольчика, прибѣжала молодая, цвѣтущая здоровьемъ служанка, и Рубенсъ, слѣдуя за нею, не узнавалъ прежняго дома. Въ небольшой гостиной, находившейся передъ мастерскою Рембрандта, сидѣла старушка, пріемы которой выражали благородство и знаніе свѣта, и взоры Рубенса съ наслажденіемъ остановились на ея почтенномъ, привѣтномъ лицѣ. Маленькая, и довольно толстая, она была одѣта въ шелковое платье темнаго цвѣта, сверхъ котораго висѣла золотая цѣпочка, а у пояса была привѣшена связка ключей. Манишка, бѣлая какъ снѣгъ, и сплюснутая съ величайшею ровностью, окружала ея шею. Наконецъ, густые, бѣлокурые волосы, надъ которыми время осталось безсильно, зачесанные къверху, оставляли совершенно открытымъ ея высо-

кій лобъ. Рубенсъ почтительно поклонился ей, и назвалъ себя по имени.

— Мейстеръ Рубенсъ! — воскликнула она. — Братъ мой почтеть за особенное счастье видѣть въ домѣ своемъ такого гостя. Вѣдь вы нашъ гость, не такъ ли? Мейстеръ Рубенсъ, вѣрно, не остановится ни у кого другаго, кромѣ своего почитателя и ученика Рембрандта?

Рубенсъ началъ извиняться.

— Если вы уже распорядились иначе, мейстеръ, то сію же минуту должны исправить свою вину — да, вину — прибавила она, съ пріятною улыбкой, устремивъ на Рубенса свои большіе голубые глаза — и когда вы не будете жить подъ нашею кровлею, то, по крайней мѣрѣ, должны раздѣлить съ нами нашъ обѣдъ. Я такъ дорожу честью вашего знакомства, что не позволю вамъ поздѣлать съ кѣмъ нибудь другимъ такого свидѣтельства вашей дружбы.

Сказавъ сіи слова, голосомъ дружеской пріязни, доказывавшимъ, что Рубенса не считали чужимъ въ домѣ Рембрандта, она отворила дверь въ мастерскую брата.

— Братецъ — сказала она — насъ посѣтилъ мейстеръ Рубенсъ. — Рабочая Рембрандта испытала менѣе измѣненій, нежели остальные части дома, однакожъ пыль, покрывавшая десять лѣтъ тому стѣны ея, теперь исчезла, и вмѣсто прежняго камня, служившаго нѣкогда очагомъ, на которомъ приготовлялось кушанье, въ ней была красивая печь, съ гладкими фаянсовыми изразцами. Рембрандтъ, при имени Рубенса всталъ, и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Привѣтствую владыку Антверпена! — сказала онъ. Но гдѣ же оставили вы многочисленную бле-

стищую свиту, всегда сопровождающую ваше величье?

Лицо Рубенса вспыхнуло при проницательном вопросе. «Являсь безъ свиты вашей, вы хотѣли доказатьъ тѣмъ поспѣшность вашу увидѣться съ моимъ братомъ, и онъ въ полной мѣрѣ цѣнить такое вниманіе — сказала поспѣшно сестра Рембрандта. Старый живописецъ взглянулъ на сестру свою, лицо его вдругъ прояснилось — онъ протянулъ Рубенсу руку.

— Давно не видались мы съ вами! Много перебились съ тѣхъ поръ! Я овдовѣлъ; моя старая Катерина, которую вы прежде знали, умерла... благодареніе Господу!..

— Братецъ, братецъ! сказала старушка, съ ласковымъ упрекомъ.

— Сестра моя Луиза перѣехала ко мнѣ; она все покинула для своего брата; она посвятила жизнь мнѣ одному, ухаживаетъ за мною, служитъ мнѣ... Ахъ! мейстеръ Рубенсъ — она ангелъ, настоящій ангелъ!..

Рембрандтъ отеръ крупную слезу, скатившуюся на его лицо, покрытое морщинами, и растроганный Рубенсъ съ участіемъ и уваженіемъ взглянулъ на Луизу, покраснѣвшую, какъ будто молодая дѣвушка.

— Сегодня, я увѣренъ, приняли васъ лучше, нежели десять лѣтъ тому прежде. Я и теперь еще стыжусь, вспоминая о прошедшемъ... Луиза умѣетъ ласковымъ принимать гостей, нежели покойница Катерина. Жаль только, что она слишкомъ много издерживаетъ, а такому бѣдному мараку, какъ я, трудно добывать хлѣбъ!.. Но кто-то идетъ сюда?... Если я не ошибаюсь, это нотаріусъ, мейстеръ Никелекеръ. Здравствуйте, мой почтенный другъ!

Луиза поспѣшила къ нотаріусу.

— Братъ мой занятъ—сказала она—и не можетъ говорить съ вами. Если вамъ угодно...

— Я принесъ такое пріятное извѣстіе, что не пойду безъ того, пока не объявлю его мейстеру Рембрандту. Дядя вашъ, Евстафій Геррець, умеръ, и оставилъ вамъ въ наслѣдство 400,000 флориновъ.

— Четыреста тысячъ флориновъ! — воскликнулъ Рембрандтъ, съ замѣтною радостью — четыреста тысячъ флориновъ!..

— Евстафій Геррець оставилъ всего шесть сотъ тысячъ флориновъ, но онъ распредѣлил ихъ на три равныя части — одну вамъ, другую госпожѣ Луизѣ, а третью дѣтямъ, или наслѣдникамъ, племянницы вашей Маргариты.

— Она умерла — сказалъ Рембрандтъ.

— Но ея дѣти?

— И дѣти также умерли.

— Смерть ихъ не доказана еще законнымъ порядкомъ, и если вы не можете представить судебныхъ свидѣтельствъ, то пройдетъ, можетъ быть, много лѣтъ, прежде нежели вамъ достанется въ распоряженіе, не только эта, третья часть, но даже и тѣ, которыя принадлежать вамъ по праву.

— Вы увѣрены въ этомъ?—спросилъ Рембрандтъ.

— Ахъ! съ какою бы радостью ожидала бы я все золото, которое достается мнѣ, и еще болѣе, еслибы только могла насладиться счастіемъ — увидѣть опять эту несчастную племянницу, или дѣтей ея!.. сказала Луиза, съ полными слезъ глазами.

— И мы тогда только можемъ получить слѣдую-

щія намъ двѣ части, когда отыщутся наследники третьей? — спросилъ Рембрандтъ задумчиво.

— Или когда вы докажете законнымъ образомъ смерть ихъ — отвѣчалъ нотаріусъ.

— Я могу представить вамъ все, не позже, какъ черезъ часъ. Сынъ племянницы моей Маргариты долженъ быть еще въ живыхъ, а если онъ умеръ, то легко изслѣдовать смерть его.

— Сынъ моей племянницы! Сынъ Маргариты! Ты знаешь, братецъ, что онъ живъ, и никогда не говорилъ объ немъ? Гдѣ онъ! Отвѣчай-мнѣ, отвѣчай скорѣе, заклинаю тебя именемъ Бога, именемъ нашей матери!

— Если только портной Николай Барруэлло не отдалъ его въ какуюнибудь богадельню — продолжалъ Рембрандтъ, который, будучи занятъ одною постоянною мыслию, казалось, думалъ вслухъ.

— Портной Николай Барруэлло!.. Такъ у него мой племянникъ? За чѣмъ же ты скрывалъ отъ меня эту тайну?

— Какъ быть, сестра — такъ случилось!.. Кормить и воспитывать мальчика, когда мы такіе бѣдные

— Стало быть, ты недавно только узналъ о существованіи этого мальчика?

— Этому уже десять лѣтъ, сударыня! — сказала Рубенсъ, вспомнившій о тогдашней встрѣчѣ своей — это было въ день Всѣхъ Святыхъ....

— Мейстеръ Никелекеръ! — воскликнула Лунза — вы должны знать, гдѣ живетъ этотъ портной, этотъ Николай Барруэлло. Согласитесь-ли вы проводить меня къ нему?

— Но онъ живетъ далеко, совсѣмъ на другомъ концѣ города, въ Цитадельной улицѣ...

— Поспѣшимъ къ нему, сію-же минуту...

— Позвольте и мнѣ проводить васъ — сказали Рубенсъ — я также виноватъ передъ нимъ, и долженъ поправить свою забывчивость...

VII.

Портной Баруэлло, увидѣвъ, что семейство его увеличилось двумя несчастными, посланными ему Провидѣніемъ, сталъ спрашивать самого себя, какимъ образомъ успѣеть онъ содержать сихъ двухъ лишнихъ человѣкъ, тогда какъ будучи одинъ, съ трудомъ добывалъ онъ себѣ насущный хлѣбъ. Но все обдѣлалось гораздо лучше, нежели онъ ожидалъ. Благодаря усердному и постоянному труду, которому видимо помогало небесное Провидѣніе, не только не было никогда недостатка въ хлѣбѣ, но даже находилось кое-что получше на каждое воскресенье. Семейства портнаго и столяра сходились вмѣстѣ, и обѣдали за однимъ столомъ, на которомъ часто красовались шинкованная капуста, кусокъ говядины и кружка добраго пива. Распивая ее, добрые сосѣди говорили объ Антоніо, и строили воздушные замки объ его будущности. Столяръ гордился этимъ мальчикомъ, который съ необыкновенною ловкостью и понятливостью перенималъ ремесло своего мастера. Никто, даже самъ хозяинъ, не умѣлъ такъ искусно выточить колонки для кровати, или вырѣзать узоръ для окна и каминна. Видя рисунки, которые Антоніо составлялъ самъ собою для разныхъ работъ, портной и столяръ не могли воздержаться отъ восклицаній радости и удивленія; рисунки эти также были одобряемы всѣми заказывавшими работу сто-

ляру, который, съ каждымъ днемъ, становился извѣстнѣе, и благодаря искусству ученика своего, получалъ значительныя выгоды. Жизнь этихъ добрыхъ людей протекала спокойно и счастливо, и въ продолженіе десяти лѣтъ единственное горе, постигшее ихъ, была смерть безумнаго Нетчелли. Они привыкли къ этому несчастному, и кончина его заставила ихъ проливать искреннія слезы. Антоніо долго не могъ утѣшиться; смерть отца не сдѣлала его однако жъ сиротою, потому, что въ столяръ, а особенно въ портномъ, видѣлъ онъ такую нѣжность, и такую любовь, какими могъ бы утѣшать его отецъ, въ тѣ дни, когда разсудокъ его не былъ еще поврежденъ.

По благодаря премудрому предопредѣленію Промысла, горестъ о потерѣ чловѣка, нами любимаго, терлеть со временемъ свою силу, и превращается, мало по малу, только въ печальное, и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостное воспоминаніе. Грусть Антоніо начинала смягчаться постепенно. Онъ опять принялся за работу, и опять затягивалъ пѣсню, которою сокращалъ часы трудовъ своихъ. Цѣлый день проводилъ онъ въ рабочей столярнѣ, и только вечеромъ возвращался къ своему благодѣтелю, который въ это время безпрестанно посматривалъ на часы, ожидая прихода своего добраго сына. Дождавшись его, Баруэлло самъ готовилъ ужинъ, и Антоніо принимался за него всегда съ аппетитомъ 16-ти-лѣтняго, сильнаго юноши. Остальная часть вечера проходила въ чтеніи, рисованіи, живописи; къ послѣднему, Антоніо имѣлъ необыкновенную склонность, и любилъ живопись болѣе всѣхъ другихъ занятій. Въ воскресенья и праздничные дни, онъ, какъ настоящій художникъ, располагался въ комнатѣ Ба-

руэлло, и съ палитрою и кистями въ рукахъ, садился къ станку, имъ самимъ сдѣланному. Тутъ бросывалъ онъ на холстъ разныя небольшіе предметы, написанные безъ правилъ, но поражавше всѣхъ своимъ колоритомъ и жизнью. Чаще всего служили ему оригиналами благодѣтель его Николай Баруэлло, и хозяинъ его, столяръ.

За такимъ-то занятіемъ былъ Антоніо въ одно воскресенье, между тѣмъ, какъ Баруэлло пошелъ отнести отданное ему для починки платье. Вдругъ сильный стукъ раздался у двери; юный художникъ поспѣшилъ отворить ее, и увидѣлъ передъ собою невеселаго старичка, въ черномъ платьѣ, высокаго красиваго мужчину, одѣтаго богато, и старушку, лицо которой выражало сильное душевное волненіе. Онъ поклонился имъ вѣжливо и ловко, и спросилъ ихъ, не съ Николаемъ ли Баруэлло желали они видѣться.

— Онъ долженъ возвратиться сію минуту—прибавилъ Антоніо. — Не угодно ли, покажеть, при-себѣ.

Луиза сѣла на стулъ, который подаль ей Антоніо, нотаріусъ сталъ разсматривать комнатку, а Рубенсъ подошелъ къ станку, и взглянувъ на полотно, вскрикнулъ отъ удивленія. Антоніо покраснѣлъ.

— Кто твой учитель? спросилъ его Рубенсъ.

«У меня нѣтъ учителя, мейстеръ. Только въ свободныя минуты занимаюсь я этимъ пачканьемъ, а настоящее мое ремесло... я столяръ....»

— Надобно бросить топоръ и долото, мой другъ, и учиться живописи!

— Это легко сказать, но трудно исполнить. Я и отецъ мой живемъ своими трудами.

— Твой отецъ? — воскликнула Луиза — развѣ твой отецъ живъ еще?

— Я говорю о моемъ второмъ отцѣ, добромъ отцѣ моемъ Николаѣ Баруэлло, который принялъ и вскормилъ меня, какъ сына. Родной отецъ мой давно соединился на небесахъ съ моею бѣдною матерью и маленькою сестрою.

— Ты Антонію Негчелли?

— Да, сударыня.

— И такъ, любезный Антонію, судьба твоя скоро переменится. Тебѣ не нужно уже будетъ работать для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Ты богатъ — у тебя есть родные, есть семейство... Обними меня, Антонію — я тетка твоей матери...

Со слезами на глазахъ простерла она къ Антонію свои объятія, и онъ, рыдая, упалъ на грудь доброй Луизы.

— Такъ вы та самая тетушка Луиза, о которой маленька говаривала мнѣ такъ часто? — Ваше имя проносила она въ самыя предсмертныя свои минуты! Ахъ! дайте мнѣ еще разъ обнять васъ!

Въ эту минуту послышались на лѣстницѣ шаги, и Николай Баруэлло вошелъ въ комнату, наполненную людьми, совершенно ему незнакомыми. Антонію вырвался изъ объятій Луизы и бросился на шею къ Баруэлло.

— Это моя бабушка — это тетка моей матери!... восклицалъ онъ. — Мы ремесло богаты, мы счастливы! Теперь брошу я ремесло столяра, и сдѣлаю съ славнымъ живописцемъ!...

Баруэлло вполне раздѣлилъ радость Антонію. Крѣпко прижималъ онъ его къ груди своей, и бросался на колѣни передъ иконою Божіей Матери, принося ей благодаренія за счастье, которымъ на-

градилъ Богъ его пріемыша. Но мало по малу, лицо его, раскраснѣвшееся отъ радостныхъ слезъ, начало дыматься бѣды и бѣды, и наконецъ въ чертахъ его выразилась глубокая скорбь. Печально взглянулъ онъ на Антонію, котораго Луиза обняла одною рукою, и снова принялся за молитву, прерываемую, но уже не радостными, а горькими слезами. Вдругъ потомъ вскопчилъ онъ поспѣшно, вырвалъ Антонію изъ объятій тетки, прижалъ его къ груди своей, и вскричалъ:

— Ты будешь любить ее больше, нежели меня!

— Больше тебя, мой отецъ? воскликнулъ Антонію, обнимая старика. — Нѣтъ! но столько же, какъ тебя... Не ревнуй къ этой любви — она не уменьшитъ той, которую я чувствую къ тебѣ, и мы никогда не разстанемся другъ съ другомъ! Сынъ никогда не долженъ покидать отца своего.

— Онъ правъ, любезный Баруэлло. Отъ сего времени, мы должны составить одно семейство. Пойдемте, друзья мои, пойдемте! Братъ мой также нетерпѣливо ждетъ своего племянника.

— Мой дядя?... повторилъ Антонію мрачно.

— Ты долженъ простить его, какъ простили ему тѣ, кто теперь въ небесахъ — сказала ему тихо Луиза.

— Пойдемте-же, батюшка! Пойдемте, отецъ мой! воскликнулъ Антонію, и взялъ старика подъ руку.

— Молодой человекъ — сказалъ Рубенсъ, положивъ руку на плечо Антонію. — Хочешь ли ты быть моимъ ученикомъ? Я отвезу тебя, вмѣстѣ съ этимъ старикомъ, въ Антверпенъ, а домъ мой будетъ нашимъ домомъ. Я — Рубенсъ.

— Рубенсъ! воскликнулъ Антонію съ удивленіемъ

и восторгомъ. — Рубенсъ.... я буду ученикомъ Рубенса!...

Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ безмолвно на знаменитаго живописца, и потомъ, послѣ нѣкоторой нерѣшимости, взявъ лѣвою рукою руку своей тетки, правою обнимая старика Баруэлло.

— Нѣтъ! сказалъ онъ. — Не могу разстаться съ нею — она такъ похожа на мою мать... И съ нимъ — онъ отецъ мой....

Антоніо сдѣлался ученикомъ старика Рембрандта, и скоро заслужилъ во Фландріи славу, которой былъ вполне достоинъ.

Въ угодность дядѣ, онъ придалъ своему Италіянскому имени Фламандское окончаніе, и подписывалъ на своихъ картинахъ: Гаспаръ Антоній Нетчеръ.

=

ЗЛАЯ МЫСЛЬ.

(Повесть Павла Мюссе.)

Лѣтъ десять тому, близъ небольшого городка въ Бретани, Эрне, видѣнъ еще былъ старый, почти просвій въ землю, полуразвалившійся замокъ. Одна изъ четырехъ башенъ его совершенно уже тогда разрушилась, и обломки ея пошли на починку трехъ остальныхъ. Остатки рѣшетки обозначали мѣста строеній, которыхъ уже вовсе не было. Аллея столѣтнихъ дубовъ, служившая входомъ въ замокъ, — изрытая дождевыми потоками, превратилась въ непроходимый ровъ. Старинное жилище это называлось Антиныи.

Осеннимъ вечеромъ 1828 года, молодая дѣвушка, изумительной красоты, открыла окно, обвитое плющемъ, и находившееся на одной изъ боковыхъ стонъ замка. Дѣвушка эта, свѣжестію своею походила на одну изъ красавицъ Миньяра. Ея прелестная талія, нѣжно обрисованные пальчики, живописное положеніе, представляли ее образцомъ тѣхъ женщинъ, которыхъ природа щедро одарила неподражаемою прелестью. Что-то, казалось, волновало, тревожило ее; можно было угадать, что она ждетъ кого-то милаго ей, и что юное сердце ея было подчинено страсти.

И вотъ, вскорѣ показался кто-то, пробиравшійся вдоль густаго древеснаго палисадника.

— Ну, Эдгаръ? — сказала дѣвушка — что новаго?

— Хорошаго ничего. Вы знаете, что я осужденъ на несчастье! Не сомнѣваюсь, что мой злой геній употребитъ все усилія помѣшать успѣху дѣла, отъ котораго зависитъ вся жизнь моя? Мнѣ просили мѣсто въ округѣ—оно отдано другому; все мои надежды теперь исчезли. Нѣтъ! никогда не стану я выше несчастной посредственности! Вы, Генриетта, вы одни можете еще поддержать меня, вашу клятвою — любить меня вѣчно, не смотря ни на какія препятствія.

— Вѣчно, вѣчно! Но зачѣмъ теряете вы драгоценное время, Эдгаръ? Зачѣмъ не отправитесь сами въ Парижъ? Зачѣмъ не заставите вы дѣйствовать за васъ вашихъ друзей и покровителей? Безъ трудовъ ничего нельзя достигнуть, а ваши поступки такъ слабы, такъ перъшинельны....

— Я долженъ буду васъ оставить, Генриетта, а это выше силъ моихъ!

— Въмѣсто того, чтобы мучить себя бесполезными жалобами, надобно искать, стараться. А что найдете вы въ глуши нашей провинціи? Счастье не станетъ прогуливаться подъ этими деревьями. О, зачѣмъ я не мужчина! Зачѣмъ, подобно вамъ, не имѣю я силы и свободы дѣйствовать! Послушайте меня, Эдгаръ. Больше года живу я въ этомъ замкѣ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ я твержу вамъ, что пора подумать о будущемъ. Не предсказала-ли я вамъ всего, что случилось? Ваши частыя посѣщенія должны были наконецъ испугать маменьку; никогда не согласится она соединить насъ, пока вы не будете имѣть прочнаго состоянія. Можетъ быть, дѣло ваше взяло-бы лучшей ходъ, еслибы вы слѣдовали моимъ

совѣтамъ. Теперь, когда васъ не принимаютъ у насъ болѣе, если только правда, что вы меня любите, ни что не должно васъ останавливать.

— Я уничтожу ваше сомнѣніе; докажу вамъ, какъ страшно люблю я васъ. Вы узнаете мою любовь и мое отчаяніе!

— Что же вы сдѣлаете?

— Я застрѣлюсь передъ вами!

— Что за нелѣпость подчиняться до такой степени несчастью? Я начинаю думать, Эдгаръ, что вы даже неохотно встрѣтили бы ласковую улыбку судьбы, потому, что дары ея лишатъ васъ возможности жаловаться на нее. Будьте увѣрены, что скоро непреодолимая преграда раздѣлитъ насъ. Вы знаете мою маменьку: скоро будетъ она заботиться о моемъ замужествѣ; она умѣетъ приняться за дѣло и кончить его; вотъ почему она всегда и во всемъ успѣваетъ. Знайте, милый другъ, что тогда препятствія удвоятся. Каждая минута бездѣйствія вашего вредитъ намъ. Умоляю васъ, именемъ любви моей — завтра, можетъ быть, вы будете раскаиваться въ вашей перъшинности.

— Нѣтъ! я уѣду—я оставлю тебя, моя Генриетта! Но позволь мнѣ еще разъ видѣться съ тобою—сегодня, ночью, въ саду.....

«Никогда, никогда! Не говорите даже мнѣ этого—слышите ли? Никогда—я вамъ подтверждаю! Будьте въ глазахъ моихъ существомъ слабымъ, страннымъ, но не злодѣемъ.

Дѣвушка исчезла.

«Она права», сказала самъ себѣ Эдгаръ—я долженъ уѣхать!

И онъ медленно удалился, потупивъ печально голову.

Не говоря еще читателю о слѣдствіяхъ этого разговора, необходимо войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности. Не вдалекѣ отъ замка, въ недавнемъ вре-

мени построенъ былъ прелестный, новый и обширный домъ. Владѣтель этого дома гнъ Пюйморель, бывший судья Ренскаго суда, не скрывалъ желанія дать свое имя всему округу, названному *Антиньи*, по имени полуразрушившагося замка, о которомъ мы говорили выше. Недоброжелательные городскіе адвокаты, люди, принадлежавшіе къ либеральной партіи городка, говорили, что великодушіе вельможницанина къ бѣднымъ жителямъ его было слѣдствіемъ такого феодальнаго желанія. Еще важнѣе было то, что злые языки утвердили, будто гнъ Пюйморель приобрѣлъ свое огромное состояніе торгуя правосудіемъ, и что на совѣсти этого старика законы были написаны въ выраженіяхъ не столь четкихъ, какъ написаны онѣ на таблицахъ закона. Впрочемъ, никогда не надобно вѣрять рвчанъ, внушаемымъ завистию; къ тому же, состояніе стараго судьи, пережившаго двухъ женъ, имѣвшихъ каждая порядочное приданое, и не оставившихъ послѣ себя наследниковъ, необходимо должно было увеличиться по этой причинѣ. Какъ бы то ни было, но вмѣстѣ съ полуразрушившимся замкомъ, округа продолжала носить названіе Антиньи, потому, что Бретанецъ-простолдинъ охотно приметъ благодѣяніе, но ни на шагъ не отступитъ отъ своихъ обычаевъ. Желая уничтожить имя аристократическихъ развалинъ, соперничество которыхъ мѣшало славы имени гна Пюймореля, онъ рѣшился приобрести ихъ, во что-бы то ни стало. Но вообразите удивленіе стараго судьи? Не смотря на значительность предложенной имъ суммы, какой-то остатокъ самолюбія заставилъ владѣльца разрушившагося замка отвергнуть предложеніе Пюймореля!

Обширное владѣніе Антиньи, съ давнихъ временъ, принадлежало нѣсколькимъ поколѣніямъ расточителей, раззорившихся гораздо прежде, нежели революція успѣла довершить ихъ несчастія. Послѣдній

маркизь изъ фамиліи Антиньи не былъ въ числѣ эмигрантовъ, почему возстановленіе Бурбоновъ доставило ему важныя мѣста, а смерть не допустила его поправить разстроенаго состоянія. Вдовъ его была назначена изъ Королевской кассы значительная пенсія, которая не могла однакожь удовлетворить ея привычку къ роскоши, и какъ она жила въ Парижѣ, то стѣны замка безпрепятственно валялись и зарастали мхомъ. Маркиза д' Антиньи была одарена твердымъ изобрѣтательнымъ умомъ, необыкновенною способностію убѣждать, вѣрностью сужденій, въ которыхъ часто видны были проблески спекулятивнаго гения. Она дала себѣ клятву—возвратить имени мужа величіе, унадавшее въ продолженіе цѣлаго столѣтія... Но, что бы лучше ознакомиться съ этою удивительною женщиною, необходимо надобно узнать первую попытку, употребленную ею для достиженія предложенной ею, законной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудной цѣли. У Маркизы были сынъ и дочь. Она начала прикидывать богатую невесту для сына, которому едва минуло девятнадцать лѣтъ. Вниманіе Маркизы обратилось на единственную наследницу Парижскаго банкира - миллионера. Во время путешествія молодаго графа д' Антиньи, Маркиза употребила всю свою ловкую привѣтливость, сблизилась съ семействомъ банкира, и жертвовала всѣмъ, чтобы ослѣпить его наружнымъ великолѣпіемъ. Для уничтоженія всякихъ подозрѣній, она объявила, что намѣрена вступать въ родственныя связи только съ первышею знатію въ государствѣ, и когда стѣи были уже далеко разставлены, она вызвала своего сына. Графъ д' Антиньи благоговѣнно слѣдовалъ наставленіямъ матери, познакомился съ банкиромъ, заставилъ дочь его влюбиться въ себя, и тѣмъ охотнѣе работалъ, что самъ полюбилъ богатую и хорошенькую наследницу. Хитрой Маркизь не нужно даже было вѣхать съ предложеніемъ, потому, что ро-

дители дѣвушки, испуганные страстью дочери, предупредили ее въ томъ. Не полагайте даже, чтобы г-жа Антинья измѣнила въ этомъ случаѣ своей гордости излишнюю поспѣшностію. Нѣтъ! столь близкая къ желанной цѣли, она вдругъ изобрѣла тысячу препятствій, просила позволенія подумать, и не забыла намекнуть о бывшемъ банкротствѣ банкира, какъ неизгладимомъ пятнѣ его имени. Наконецъ, когда любовники бросились къ ногамъ ея, послѣ сценъ и слезъ, она склонилась на убѣдительныя просьбы. Свадебный контрактъ и миллионъ приданого уже были готовы, а открытіе разстроеннаго положенія дѣлъ семейства Антинья возбудило только щедрость и великодушіе банкира, какъ вдругъ молодой Графъ занемогъ, и не смотря на желаніе Маркизы имѣть въ рукахъ миллионъ, и на желаніе банкира имѣть знатнаго зятя — внезапно умеръ отъ воспаленія въ груди! Этотъ ударъ сильно поразилъ неутѣшную Маркизу. Она рѣшилась удалиться, съ послѣднею надеждою на поправленіе обстоятельствъ, восемнадцатилѣтнюю дочерью, въ свой старый замокъ — скрыть тамъ свою горестъ и печаль, и избавиться отъ многочисленныхъ кредиторовъ, какъ говорили злые люди.

Съ прїездомъ Маркизы въ замокъ, сдѣлали нѣкоторыя поправки и улучшенія въ древнемъ жилищѣ знаменитаго рода Антинья — скопили траву съ дворовъ, превращенныхъ въ луга, исправили источенныя червями мебели, сдѣлали нѣсколько обитаемаго половину огромныхъ комнатъ нижняго этажа замка.

Послѣ шести недѣль траура и горькихъ слезъ, маркиза Антинья создалась самой себѣ, что не рождена для одиночества. Богъ знаетъ съ чего, она старалась войти въ сношенія съ сосѣдомъ своимъ г-мъ Пюйморедемъ. Вскорѣ посѣщенія стараго судьи, сообразившаго, что эта связь послужитъ ему средствомъ къ исполненію его замысловъ на счетъ покупки замка, сдѣлались частыми. Онъ приходилъ въ

замокъ каждый вечеръ, вмѣстѣ съ священникомъ и докторомъ, проиграть, или выиграть нѣсколько фишъ въ реверси, и дипломатическая точность его посѣщеній превратилась для него въ непреоборимую необходимость. Въ благодарность за вѣжливость Маркизы, Пюйморець давалъ каждое воскресенье парадный обѣдъ, на который были обыкновенно приглашаемы все замѣчательные люди городка Эрне, а именно, меръ и его помощники, начальникъ жандармской команды, и два, или три владѣльца, которые, приготовляясь къ занятію важныхъ мѣстъ въ палатѣ, депутатовъ, напивались до нелѣзья, и не иначе называли хозяина, какъ г-нъ де-Пюйморець — прекрасное средство быть всегда въ числѣ приглашенныхъ.

Одинъ изъ этихъ будущихъ законодателей Франціи ввелъ въ собранія Пюймореца племянника своего Эдгара, молодаго чловека, прожившаго нѣсколько времени въ Парижѣ. Онъ легко успѣлъ пріобрѣсть благосклонность Маркизы. Входъ въ замокъ Антинья былъ для него открытъ, и посѣщенія Эдгара сдѣлались такъ-же часты, какъ и визиты стараго судьи. Лѣта и склонности Эдгара естественно сближали его съ Генриеттою, дочерью Маркизы. Уединеніе и частыя свиданія кончились любовью. Можетъ быть, эти юныя сердца сроднились бы и среди шумныхъ удовольствій столицы, а потому вовсе не удивительно, что пламенная страсть соединила ихъ тамъ, гдѣ они были одни. Спустя два мѣсяца послѣ перваго посѣщенія Эдгара, молодые люди были уже соединены взаимными и вѣчными клятвами. Время свиданій, и самая мѣстность, могли бы подвергнуть опасности честь семейства Антинья, если бы Генриетта не имѣла къ обязанностямъ своимъ того твердаго уваженія, которое не всегда внушается самымъ высшимъ образованіемъ, и которое ни на минуту не дозволяетъ, и безъ всякаго образованія, помрачить

чистоты сердца. Невинность, если она не есть одно незнаніе свѣта, служить уже сама себя защитою.

Прозорливый взгляд Маркизы скоро замѣтилъ зло, и придумалъ способы къ его исправленію. Эдгаръ получилъ весьма холодную записку, запрещающую ему входить въ замокъ. Онъ бродилъ послѣ того нѣсколько дней по лѣсамъ и лугамъ, призывалъ всю природу въ свидѣтели своихъ страданій, и увѣрялъ самого себя, что во всей вселенной ни съ однимъ изъ смертныхъ не было подобнаго несчастія. Надежда, невольно мелькнувшая въ его сердце, увлекла его къ замку Антиныи. Дѣвушки какъ-то угадываютъ всѣ направленія возлюбленныхъ въ подобныхъ прогулкахъ, а потому Генриетта всего охотнѣе плакала у окна, мимо котораго вливался несчастный Эдгаръ. Молодые люди увидѣли другъ друга, и какъ Генриетта боялась подвергнуться упрекамъ матери, то они уговорились учредить подъ этимъ окномъ свиданія, каждый вечеръ, при захожденіи солнца, чтобы проговорить другъ другу хоть нѣсколько словъ. Одно изъ такихъ свиданій мы описали читателю, который вѣрно согласится послѣ сего, что наше отступленіе было необходимо для ясности разговора любовниковъ. Теперь мы просимъ его перейти съ нами въ залу замка Антиныи, и послушать весьма занимательный разговоръ, если только онъ принимаетъ какое нибудь участіе въ судьбѣ Генриетты и Эдгара.

Именно въ то время, когда Эдгаръ пробирался до-мой около палисадника, Маркиза сѣла въ кресла, поставленныя подлѣ стариннаго камина, гдѣ горѣли виноградныя лозы. Противъ нея, въ старинныхъ Вольтеровскихъ креслахъ, сидѣлъ человекъ лѣтъ пятидесяти—это былъ братъ Маркизы, не давно прѣхавшій въ замокъ, и присутствіемъ своимъ избавившій Генриетту отъ необходимости играть по вечерамъ въ бостонъ. Его называли *дядюшка Жозефъ*,

какъ будто всѣ родственники были его племянники. Простота характера дѣлала его ничтожнымъ человекомъ въ глазахъ Маркизы. Слѣдуя своей привычкѣ, почтенный *дядюшка* располагался послѣ обѣда немножко подремать, когда сестра его прервала молчаніе голосомъ, требовавшимъ вниманія особеннаго.

— Мнѣ любопытно знать, почтеннѣйшій братецъ, неужели вы думали, что я хочу жить и умереть здѣсь въ глуши?

«Это никогда не приходило мнѣ въ голову, сестрица.»

— Вы никогда, ни о чемъ не думаете. Проснитесь и слушайте. Вотъ уже скоро годъ, какъ я нахожусь въ этомъ захолустѣ—не правда-ли? (утвердительный знакъ *дядюшки Жозефа*.) Уже скоро годъ, какъ нашъ сосѣдъ г-нъ Пойморель, каждый вечеръ, приходитъ играть съ нами въ карты. Не правда-ли? (опять утвердительный знакъ *дядюшки Жозефа*.) Вамъ извѣстно, что я ненавижу карты, провинціаловъ, молчаніе, уединеніе, и ваше милое спокойствіе семейной жизни, какъ вы ее называете. Въ мои года и съ моимъ характеромъ, могу-ли я рѣшиться жить, какъ будто какой нибудь деревенскій помѣщикъ, то есть, какъ вы, любезнѣйшій братецъ? Это не можетъ дальѣ продолжаться. Мое терпѣніе и вниманіе къ сосѣду не должны быть потерянны даромъ.

Дядя понюхалъ табаку, и началъ слушать съ большимъ вниманіемъ.

— Кажется, я уже двадцать разъ говорила вамъ, что обращеніе Поймореля вѣжливо и предупредительно. Вы слышали, какъ однажды увѣрялъ онъ, что *неизглаголанное очарованіе* влечетъ его къ намъ. Я сказала вамъ также, что этотъ человекъ желаетъ купить нашъ замокъ. Понимаете-ли вы теперь?

«Понимаю, Маркиза. Странно, а я и не подумаю о томъ, что природа вселила въ васъ страсть къ пѣт. III. — Отд. II.

ремьямъ? Понимаю, и очень хорошо. Вы хотите вступить во второй бракъ?

Маркиза громко захохотала.

— Стало быть, вы ничего не понимаете. Мнѣ выходить замужъ! Въ умъ-ли вы?

«Я очень знаю, что сосѣдъ шестнадцатю годами старше васъ, и что женщины вашихъ лѣтъ охотно избираютъ себѣ въ мужья молодыхъ людей.»

— Ну, то есть, вы просто помѣшались. Слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, за моими идеями, если хотите выйти изъ путаницы вашихъ понятій. Рѣчь идетъ не обо мнѣ, а объ моей дочери.

«Что? какъ? Вы хотите выдать Генриетту за этого стараго подагрика!»

— Сами вы подагрикъ, съ вашими штиблетами и вашими черными шелковымъ калпакомъ.

«Да, онъ такой старикъ, и вы рѣшитесь выдать за него девятнадцатилѣтнюю дѣвушку, мою добрую, милую племянницу? Право, этому трудно повѣрить. Знаете-ли къ чему послужитъ вашъ умъ, которымъ вы такъ гордитесь? Сдѣлать вашу дочь несчастною. Вотъ какое мое мнѣніе.»

— Ваше мнѣніе очень глупо. Я хочу устроить моей Генриеттѣ прекрасную партію, дать ей мужа, хоть и стараго, но такого, который будетъ любить ее, какъ отецъ.

«Маркиза! страсть ваша къ предпріятіямъ будетъ причиною вѣчныхъ слезъ и скорбей. Молодую, прекрасную дѣвушку обыкновенно выдаютъ за прекраснаго, молодаго мужчину. Дѣлайте же такъ, какъ дѣлаютъ другіе.»

— А мои долги? Развѣ вы намѣрены ихъ заплатить?

«Сестрица! выслушайте и повѣрьте словамъ моимъ: продайте сосѣду вашему замокъ, но не продавайте дочери. Заплатите этимъ замкомъ долги, и

привѣжайте жить ко мнѣ въ Шампань, въ мой малый домикъ. Я найду племянницѣ мужа.»

— Какого нибудь мужика? Нѣтъ, сударь — я не хочу быть вамъ въ тягость, и сама выберу зятя. Да, въ вашемъ домѣ, я не въ состояніи буду прожить и недѣли. Тамъ гасятъ свѣчи и идутъ за столъ съ фонаремъ; въ столовой зажигаютъ другія свѣчи; боятсЯ рвать хлѣбъ съ двухъ сторонъ. Это скряжничество уморитъ меня.

«Какъ угодно, любезная сестрица. Но такъ наживаютъ по 6,000 лировъ годоваго дохода, и спятъ спокойно, не боясь заимодавцевъ.»

— Да, развѣ я не сплю спокойно? Не я, а заимодавцы мои мучатся бессонницею. Оставимъ это. Я желаю моей дочери счастья, а счастье, по моему мнѣнію, состоитъ въ богатствѣ. Поймораль имѣетъ состоянія мильона три; половина его заключается въ превосходныхъ земляхъ — слышите-ли вы, сударь? У него нѣтъ ни дѣтей, ни ближнихъ родственниковъ — слышите-ли вы!

«Онъ старѣй эгоистъ. За чѣмъ въ его лѣта жениться?»

— Это не ваше дѣло. Онъ еще довольно свѣжъ.

«Да, онъ кашляетъ очень мило.»

— Кашель не беда. Онъ будетъ любить мою дочь; онъ увидитъ необходимость жить въ Парижѣ.

«Съ этой стороны, я съ вами согласенъ, если онъ будетъ слѣдовать вашимъ советамъ. Ну, а если наша Генриетта кого нибудь полюбитъ.»

— Что же?

«Если какой нибудь молодой красавчикъ начнетъ за ней ухаживать?»

— Ну?

«Вашъ старѣй зять можетъ попасть въ такомъ случаѣ, въ число.....»

— Вы бредите, сударь! Добродѣтель моей дочери.....

«Сдѣлаетъ ее несчастнѣйшею въ міръ женщиною. Вы не станете спорить, хоть о томъ, что Пюймореле шестьдесятъ лѣтъ, и что....»

— Дай Богъ, чтобы ему было девяносто! Генриетта еще молода, и можетъ подождать.

Дядя нахмурилъ брови и провелъ рукою по лбу, между тѣмъ, какъ Маркиза, опасаясь, что зашла слишкомъ далеко, съ примѣтнымъ смущеніемъ замолчала.

— Вотъ *злая мысль!* сказалъ самъ себѣ дядя. — Расчитывать на смерть людей!

Генриетта тихо вошла въ залу въ это время. Живо разговоръ оставилъ на лицахъ двухъ собесѣдниковъ слѣды, которые не могли скрыться отъ спокойныхъ взоровъ дѣвушки. Когда Маркиза, важнымъ, торжественнымъ голосомъ, пригласила ее сѣсть, она затрепетала, приблизилась шатаясь, и въ изнеможеніи, почти полуертвая, опустилась на стулъ. Пока Маркиза говорила, употребляемую всѣми матерями, вступительную рѣчь о необходимости выходить замужъ, оставлять мать, и прочее, и прочее, дядя безпокойно смотрѣлъ на постепенно блѣднѣющее лицо племянницы. Когда Маркиза назвала наконецъ Пюймореля, Генриетта упала въ обморокъ.

— Я предвидѣлъ это! вскричалъ дядюшка Жозефъ — у нея непобѣдимое отвращеніе къ старому вдовцу! Мы не хотимъ любить этого челоуѣка, мы не выйдемъ за него замужъ — это дѣло рѣшеное!

Добрый дядя со слезами стоялъ передъ Генриеттою на колыняхъ, сжимая ея руки, называя своею милою, возлюбленною племянницею. — Въ эту минуту кто-то вѣхалъ во дворъ, и на лѣстницѣ слышались скорые шаги.

— Войдите поскорѣе, докторъ! — закричала Маркиза.

«Спасите наше милое дитя!» кричалъ дядя Жозефъ.

Докторъ, почтительно раскланявшись, положилъ

на стулъ свою старую шляпу. Потомъ вынулъ онъ изъ кармана пузырекъ съ спиртомъ, и ни сколько не торопясь, далъ понюхать его Генриеттѣ. Она почувствовалась. Горячія слезы брызнули изъ ея прекрасныхъ глазъ. Ея русые волосы такъ мило рассыпались во время обморока.

— Боже мой! — сказалъ дядя — неужели столько милого продать за золото!

«Молчите!» закричала Маркиза ужаснымъ голосомъ. Больную положили на диванъ, а добрый дядя Жозефъ опять сѣлъ подлѣ огня, и тяжело вздыхалъ, надвинулъ на глаза свой калпакъ. Докторъ поднялъ правую руку, соединилъ указательный палецъ съ большимъ, и началъ превосходную диссертацию о нервическихъ припадкахъ дѣвушекъ въ извѣстныхъ лѣта.

— Истинное лекарство противъ подобнаго рода болѣзней — продолжалъ ученый мужъ — замужество!

«Замужество!» вскричалъ дядя. «Слышите-ли вы, сударыня? Но я не думаю, чтобы докторъ разумѣлъ подѣ этими словами что нибудь, кромѣ чувства сердечнаго, которое....»

— Прошу васъ, любезнѣйшій братецъ, побережь ваши тонкія замѣчанія для васъ самихъ.

« Кажется, дѣло идетъ объ вашей дочери?» спросилъ докторъ.

— Завтра, докторъ, я сообщу вамъ все. Были-ли вы сего-дня у Пюймореля?

— Я бываю у него каждый день. Вашъ почтенный сосѣдъ наслаждается удивительнымъ здоровьемъ, и ожидаетъ съ совершенною увѣренностью весьма опаснаго времени для его родственниковъ. Видите: онъ открылъ мнѣ даже, что желалъ-бы снова вступить въ бракъ, и мнѣ кажется, что кромѣ того, что если....»

«О какомъ опасномъ времени говорите вы, докторъ?»

— Вамъ, думаю, известно, Маркиза, что Шпойморель похоронилъ уже четырехъ братьевъ. Всѣ они сдѣлались жертвою желчной горячки, и каждый на семидесятомъ году отъ роду! Эта болѣзнь у стариковъ бываетъ опасна, и къ тому же этотъ *семидесятый годъ* — это послѣдній *климатическій* періодъ жизни, происходящій отъ тяжелаго числа *семь*. Двухъ старшихъ братьевъ нашего сосѣда пользовалъ мой отецъ, такъ-же какъ я докторъ медицины, и человекъ, имѣвшій обширныя познанія въ физическихъ, математическихъ, и другихъ наукахъ.

« Вы, кажется, заговорили что-то о желчной горячкѣ? »

— Да, точно такъ, о желчной горячкѣ. Видите: она внезапно лишила Шпоймореля двухъ старшихъ братьевъ, не смотря на всѣ усилія медицины, которая, какъ вамъ известно, всемогуща, когда есть возможность вылечить. О двухъ другихъ братьяхъ могу рассказать вамъ подробности, потому, что я былъ при нихъ до послѣдней минуты ихъ жизни. Странно: оба они родились въ *Нюбрѣ* мѣсяцъ, и въ *Нюбрѣ* же, отъ одной и той-же болѣзни умеръ сперва одинъ, а черезъ три года и другой братъ, и оба на *семидесятомъ* году, о чемъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать. Я непременно спасъ-бы перваго, посредствомъ аммоніакальной уксусо-кислотоватой соли, отъ которой ожидалъ самыхъ счастливыхъ послѣдствій, если бы гнилая горячка не вмѣшалась въ желчную, и не сдѣлала болѣзни такую сложную, что ее можно было назвать патологическимъ феноменомъ, а съ этими феноменами возможно-ли удержаться стареку семидесяти лѣтъ? Второй братъ и теперь жилъ бы еще, благодаря винно-кислому поташу, если бы сильное разстройство желудка не помѣшало дѣйствию лекарства. Но за то, я предсказываю скорое излеченіе Шпоймореля въ его клима-

терическій годъ, отъ кашки оленьяго рога, съ антимоніакальнымъ соединеніемъ....

Глаза Маркизы заблистали какимъ-то особеннымъ свѣтомъ. Она думала о желтомъ лицѣ жениха, объ его преклонныхъ лѣтахъ, о безсиліи природы въ изнеможенномъ старомъ тѣлѣ, о глупости и неужествѣ доктора; потомъ взглянула она на дочь свою, и найдя на лицѣ ея слѣды грусти и изнеможенія, побѣжала подѣлывать Генриетту.

— Утѣшься дитя мое — сказала она, голосомъ, болѣе обыкновеннаго нѣжнымъ — я понимаю твою печаль, открою тебѣ тайны сердца моего, и мы оба будемъ счастливы!

« Вы оставите, Маркиза, ваши намѣренія? » — спросилъ тихимъ голосомъ дядя.

— Никогда.

« Я никому не желалъ-бы зла, но если моя племянница по неволѣ должна принадлежать этому старику, такъ, — пусть желчная горячка избавитъ ее отъ него поскорѣе! »

Замѣтивъ, что и дядя Жозефъ допустилъ въ свое сердце злую мысль, сатанински улыбулась Маркиза, и вышла вмѣстѣ съ дочерью изъ залы.

« Что это значитъ? » сказалъ самъ себѣ докторъ. « Они шепчутся — тутъ есть тайна! »

Генриетта принадлежала къ числу беззащитныхъ отъ природы существъ, которыхъ такъ легко осчастливить, и которыя такъ часто приносятся въ жертву людей, на ответственности которыхъ лежатъ ихъ страданія, а слѣдовательно, и недостатки. Въ семействахъ, гдѣ честолюбіе и деньги считаются выше всего, такіа нѣжныя существа обыкновенно дѣлаются жертвами. Съ ними едва совѣтуются о дѣлахъ, имѣющихъ вліяніе на всю ихъ будущность. Неопытныхъ, съ слабою головою, съ большимъ сердцемъ, бросаютъ ихъ въ вихрь свѣта — несчастная добыча ненасытнаго честолюбія, кумира людскаго!

Генриетта была жертва, обреченная съ рожденія ; на ней, послѣ смерти брата, основывались все плахи матери. Она хорошо знала свою мать, и не смѣла даже и подуматъ, въ чемъ нибудь ей противиться. Одна мысль о неприятностяхъ и гоненіяхъ, которымъ она должна будетъ подвергнуться при сопротивленіи, приводила ее въ трепетъ. А потому, подобно большей части дѣвушекъ, она подчинялась обстоятельствамъ, и только плакала потихоньку, и молила небо о помощи. Маркиза, привыкшая всегда побѣждать волю другихъ, взвесила заранее любовь Эдгара къ своей дочери, и не считала этой привязанности большимъ препятствіемъ къ исполненію своихъ намѣреній. Слезы Генриетты однако жъ ее тревожили.

— Успокойся, дочь моя, сказала она Генриеттѣ ласково. Я стараюсь устроить твоѣ счастье, и только счастья желаю я тебѣ. Разсуди обо всемъ хладнокровно. Боже мой! недолго остается мнѣ жить; надобно-же, чтобы хоть въ послѣдніе дни жизни моей видѣла я тебя счастливою и веселою! Мнѣ хотѣлось-бы оставить тебѣ хорошее состояніе. Завтра мы поговоримъ объ этомъ. Спи спокойно и полагайся на вѣжность твоей матери.

Въ залѣ нашла Маркиза свое ежедневное общество. Пойморель стоялъ у камина. Вы легко могли-бы узнать его, даже въ многочисленномъ собраніи. На немъ были короткія штаны, съ пряжками, и шелковые чулки, башмаки, коротенькій жилетъ изъ бѣлаго пике, бѣлые ослѣпительной бѣлизны; и накрахмаленное жабо; пальцы его были унизаны множествомъ огромныхъ колець; пудра не давала замѣтить цвѣта сѣдыхъ волосъ его, еще довольно густыхъ на затылкѣ, и которые потому всчесывалъ онъ напередъ, а это придавало профилю лица его видъ разсерженной птицы. Его маленькіе глаза были живы; многочисленныя морщины были у него

расположены такъ, что придавали лицу его улыбку самодовольствія, и еслибы онъ имѣлъ побольше зубовъ, и цвѣтъ лица не столь желтый и болѣзненный, то его можно бы было принять за старика еще довольно сплснаго. Станъ его, хотя обезображенный запасомъ одежды, былъ однакожь прямиъ. Икры ногъ, слишкомъ высоко поднятыя, доказывали, что короткія панталоны были надѣты не изъ подражанія модѣ, а по старинной судейской привычкѣ. Его голось былъ чистъ и звученъ. Онъ любилъ шутки, ходилъ мелкими шагами, выпрямляя колѣна — и имѣлъ большія требованія на утонченную ловкость въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ.

«Прелестная хозяйка», сказалъ онъ, цѣлуя пальцы Маркизы. «Что это узналъ? Ваша, обожаемая мною дочка не такъ здорова?»

— Ничего, милый сосѣдь. — Это слѣдствіе волненія и удивленія. Но, подойдемъ-те сюда къ окну, и будемъ говорить тише. Я объявила дочери моей неожиданную новость. Бѣдный ребенокъ былъ этимъ испуганъ. Нельзя-же вдругъ привыкнуть къ мысли о замужствѣ!

«А мнѣ говорили, что одно слово: замужство, радуетъ и веселитъ дѣвушекъ?»

— Конечно. Дѣвушки, обыкновенно, отъ всей души желаютъ выйти замужъ, но когда роковой день приближается — онъ плачутъ. Это ужъ такъ въ ихъ природѣ.

«Слезы невесты — утренній дождикъ.... Хе, хе! вы знаете! Что же, прелестная Маркиза, нѣтъ-ли препятствій?»

— Ни какихъ, любезнѣйшій сосѣдь. Я знаю мою Генриетту; она олицетворенное послушаніе и вся откровенность. Все изгибы ея сердца мнѣ открыты, и я скажу вамъ въ тайнѣ: она рада быть вашею женою.

«Думаю,» съ самодовольствомъ сказалъ Пойморель,

«и повѣрьте мнѣ — мы поторопимся исполнить ея желаніе. Чтобы избавиться разговоровъ и сплетней, пошлите сей же часъ оглашеніе въ церковь.

— Прекрасно. Новость узнаютъ тогда, когда все будетъ готово къ вычанью. Завтра, въ двѣнадцатый часовъ утра, я приведу къ вамъ нотаріуса; подпишемъ нашъ контрактъ, и я тотчасъ полечу къ выснимъ лицамъ города. Вы знаете, что въ случаѣ смерти моей, и если у меня не будетъ дѣтей, я представляю молодой супругѣ моей все мое состояніе.

— Я отказалась бы отъ такого великодушія, еслибы дѣло шло обо мнѣ, но что касается до моей дочери.....

— Мнѣ надобно еще сдѣлать вамъ маленькое предложеніе, касательно вашего замка.....

— Замокъ вашъ — объ этомъ болѣе ничего и говорить. Неужели вы полагаете, что дѣвушка изъ фамиліи Антины выйдетъ за мужъ безъ приданаго? Такое дѣло случилось бы еще въ первый разъ, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ. Мы не богаты, но горды. Эти развалины составляютъ все мое имущество. Ключи замка вы получите въ день свадьбы. Предупреждаю васъ однакожь, что онъ заложенъ въ довольно большой суммѣ.

— Это ужъ мое дѣло, любезная Маркиза. Я вижу, что мы спорить не будемъ. Я буду «де Пюймореель д'Антины», но вы будете владычествовать надъ властителемъ Пюйморееля и Антины. Съ этого времени ваше семейство — мое, а мой домъ — вашъ! Подумайте теперь о средствахъ возратить на щеки вашей небесной дочери прежнія розы, замѣненные лиліями! Завтра, при самомъ пробужденіи, она получитъ маленькій подарокъ, который вѣрно развеселитъ ея нѣжное сердце. Я говорю о брилліантахъ моей последней жены, весьма почтенной и доброй женщины. Она умерла двадцать лѣтъ тому, отъ воспаленія, въ самомъ цвѣтѣ жизни. Время изглажи-

ваетъ всѣ печали. Я хотѣлъ тогда броситься въ ея могилу, а теперь — хе, хе! посягаю на новый бракъ. Но прочь всѣ мрачныя воспоминанія, въ то время, когда небо даруетъ намъ снова счастливые дни!

— Вы правы, любезный сосѣдь. Будемъ думать только о счастіи жить въ веселыи и мирѣ.

Пюймореель снова началъ цѣловать руки своей будущей тещи. Дядя Жозефъ и докторъ съѣли возлѣ игорнаго стола, и бостонъ начался. Не смотря на занимательность этой прекрасной игры, читатель, вѣрно, будетъ благодаренъ намъ, если мы умолчимъ о подробностяхъ ея. Да, тутъ и рассказывать нѣчего. Мы скажемъ только одно, что женихъ Генріэтты пользовался въ этотъ вечеръ особенными ласками и угодами. Мливостью аркизы, и былъ необыкновенно веселъ, такъ, что въ шуткахъ его цѣликомъ выставилась голова мѣщанина.

Лишь только пробило девять часовъ, тяжелый берлинъ увезъ въжливаго сосѣда, а докторъ отправился на своемъ конѣ. Ровно въ десять часовъ, всѣ уже легли спать. Скоро заснули въ Пюймореель, и самые сладостные сны лелѣяли до утра счастливаго шестидесятилѣтняго жениха, между тѣмъ какъ бѣдная невѣста его всю ночь провела въ страшномъ волненіи.

На другой день, очень рано утромъ, Маркиза вошла въ комнату дочери. Генріэтта уже встала. Нервышительно смотрѣли онѣ другъ на друга, какъ будто каждая изъ нихъ боялась начать говорить первая.

Если бы Генріэтта рѣшилась сказать матери о клятвахъ, связывающихъ ея съ Эдгаромъ, можетъ быть, въ послѣдствіи, она имѣла-бы довольно бодрости противиться Маркизѣ, но мать предупредила ее, заговорила такимъ повелительнымъ голосомъ, съ такую увѣренностью найти въ дочери совершенное

послушание, что у бѣдной Генріетты не достало силы противиться столь строгой и непреклонной воле.

Маркиза насмѣшливо говорила о безумныхъ видѣніяхъ дѣвушекъ, которыя всюду воображаютъ себя героевъ романа, и допускаютъ обманывать себя молодымъ втрѣнникомъ. Она прибавила, что имѣетъ совсѣмъ другое мнѣніе о Генріеттѣ, и не думаетъ, чтобы она стала противиться союзу, которому позавидуютъ самыя знатныя семейства. Кромѣ того, она призналась дочери, что несчастное положеніе ихъ дѣль, и преслѣдованіе заимодавцевъ, не допускаютъ ни отказа, ни даже медленности; что если свадебный контрактъ не будетъ заключенъ въ тотъ же самый день, то завтра все ихъ имущество будетъ захвачено, а это безславіе низвергнетъ ее въ могилу. Дочь — убійца или спасительница матери — выборъ незатруднителенъ. Маркиза просила Генріетту особенно не пугаться отвращенія, которое она можетъ почувствовать къ будущему мужу.

«Твое послушаніе», прибавила Маркиза, голосомъ болѣе нѣжнымъ, «будетъ награждено въ послѣдствіи. Ты лишись когда нибудь твоей матери и мужа. Ужасно желать этого, но должно быть готовою къ подобному несчастію, и тогда ты будешь свободна и сама расположишь своею судьбою.

— Но, маменька! такая злая мысль будетъ преступленіемъ!

«Отъ чего-же, дочь моя? Ты необходимо должна пережить насъ обоихъ, и объ этомъ напередъ должно думать. Настоящее твое супружество необходимо для устройства будущаго твоего счастья. Пюиморель будетъ отцомъ твоимъ, а не мужемъ.

— Ахъ! если бы такъ!

— Добрый старикъ любить тебя. Будь разсудительна, Генріетта. Потомъ будешь ты имѣть то, чего желаетъ твое сердце. Годы летятъ такъ быстро, и съ ними получишь ты счастье полное. Странно

не думать о томъ, что составляетъ неизмѣнный приговоръ челоука, законъ природы — старикамъ умирать прежде молодыхъ....

Генріетта грустно склонила голову и погрузилась въ задумчивость. *Злая мысль* вылетѣла изъ лукаваго софизма Маркизы, и летала вокругъ бѣдной дѣвушки, не смѣя остановиться на этомъ юномъ лицѣ, дышащемъ невинностью и добротою, не смѣя запасть ей въ душу... Но кто отвѣчаетъ за время и слѣдствія!...

Когда Генріетта со слезами оканчивала свой туалетъ, отъ Пюимореля принесли брильянты. Руки и плечики ея были обнажены. Маркиза надѣла на нее браслеты, вплела діадему въ ея волосы, и украсила шейку Генріетты ожерельемъ. Она увѣряла, что никогда еще Генріетта не была такъ прелестна, и приходила въ восторгъ отъ богатства подарковъ, но слезы дочери текли безпрестанно — драгоценный подарокъ былъ омоченъ ими. Маркиза не обращала на это вниманія.

Въ двѣнадцать часовъ, Генріетта, одѣтая изысканнѣе обыкновеннаго, отерла на прелестныхъ глазахъ своихъ горькія слезы. Будущій супругъ явился, вмѣстѣ съ нотаріусомъ и докторомъ, который долженъ былъ подписаться, какъ свидѣтель.

Послѣ первыхъ привѣтствій, которыя Пюиморель украсилъ самими свѣжими цвѣтами своей старинной ловкости, сѣли вокругъ стола, и нотаріусъ началъ читать свадебный контрактъ. Въ немъ было сказано, что мужъ предоставляетъ въ распоряженіе молодой супруги *сорокъ тысячъ франковъ годоваго дохода*, а остальное имѣніе дѣтямъ, могущимъ быть отъ брака, по достиженіи ими совершеннолѣтія. Въ случаѣ смерти мужа бездѣтнымъ, все имѣніе переходитъ во владѣніе жены, не смотря ни на какія притязанія другихъ родственниковъ. Маркиза предоставляла своему зятю замокъ Антиныи, со всеми его владѣніями и

съ тѣмъ, чтобы онъ очистилъ его отъ всѣхъ долговъ на свой счетъ. Зная плохое положеніе дѣлъ своей тещи, Пюиморель назначалъ ей пожизненную пенсію, по десяти тысячъ франковъ въ годъ, для того, чтобы она, въ случаѣ воли ея жить отдѣльно отъ дочери, могла имѣть независимое состояніе. Дѣла устроились такъ хорошо, такъ дружески, что даже дядя Жозефъ, пораженный великодушіемъ новаго родственника, началъ смотреть не такъ сердито, и лицо его прояснилось. Докторъ протиралъ себѣ глаза, желая увѣриться, что все слышанное имъ не сонъ, а Генріетта вздыхала, вспоминая о бѣдности Эдгара. Настала рѣшительная минута. Маркиза сжала руку дочери, въ то время, пока зятъ подписывалъ свое имя внизу контракта; трепеща подписала имя свое Генріетта, но она подписала ясно и четко. Перо перешло изъ рукъ въ руки, и актъ былъ совершенъ по всѣмъ требованіямъ законовъ. Долго говорили потомъ о свадебныхъ приготовленіяхъ. Счастливый женихъ началъ собираться, спѣша увѣдомить о своей женитьбѣ начальство города. Увѣжая, онъ получилъ позволеніе напечатлѣть нѣжный поцѣлуй на щекъ своей невесты, и почелъ милою улыбкою судорожное движеніе, выразившееся на лицѣ Генріетты. Вы знаете, что на юномъ, привлекательномъ личикѣ всякое движеніе души бываетъ прелестно. Бѣдной Генріеттѣ предстояла трудная обязанность — увѣдомить своего возлюбленнаго обо всѣхъ процществіяхъ. Не чувствуя въ себѣ довольно мужества, не смѣя лично подвергнуться упрекамъ его, она рѣшилась писать. Въ этомъ письмѣ объявила она непремѣнное намѣреніе свое прекратить тайныя свиданія, умоляя Эдгара никогда не искать случая ее видѣть, и все это высказала выраженіями строгими и нѣжными, которыя однакожь произвели дѣйствіе совершенно противное тому, какого Генріетта ожидала. Она не скрывала

также отъ Эдгара рѣшительнаго намѣренія — изгнать изъ мыслей своихъ воспоминанія, которыя могли бы поколебать ее въ новыхъ обязанностяхъ. Но легко можно было понять, что это будетъ ей стоить страшныхъ усилій, и выраженія письма Генріетты показывали все волненіе ея страдающей души, неуверенной въ томъ, можетъ-ли она сдержать свое обещаніе. Рѣдко предположенная цель борьбы бываетъ достигнута, если женщина даетъ замѣтить, какъ трудно ей противиться, а потому Генріетта могла-бы въ концѣ своего письма уволить себя отъ нѣжныхъ просьбъ и моленій, чтобы Эдгаръ не предавался отчаянію. Едва было прочитано письмо, новыя надежды ожили въ сердцѣ Эдгара. Но всѣ усилія молодаго чловѣка уговорить на *последнее* свиданіе были напрасны. Тщетно въ привычной части, скитался онъ около стѣнъ замка. Окно Генріетты не отворялось. Такъ протекло болѣе пятнадцати дней.

Благодаря хитрости и ловкости Маркизы, старый женихъ не замѣтилъ ни задумчивости, ни отверщенія отъ него невесты.

Наканунъ дня, назначеннаго для вѣнчанья, Генріетта удалилась въ свою комнату, и тяжело вздыхала передъ великолѣпнымъ свадебнымъ нарядомъ. Башни замка исчезали въ осеннемъ туманѣ. Была уже поздняя ночь. Лѣстница, тихо безъ шума, представлена къ стѣнѣ, обросшей мхомъ, и Эдгаръ внезапно явился передъ невѣрною.

— Генріетта! вы ошибались, думая, что любите меня. Эта ошибка не помѣшаетъ вашему счастью, но мнѣ будетъ стоить жизни. Не пугайтесь. Я пришелъ не для того, чтобы противиться вашему рѣшенію — я хотѣлъ еще разъ говорить съ вами, прежде нежели получите вы удовлетвореніе, котораго желаете. Мы скоро разлучимся безвозвратно. Хочу избавить васъ отъ опасенія моихъ преслѣдо-

ваній. Я пришелъ только сказать вамъ вѣчное *прости!*

«Эдгаръ! будьте, по крайней мѣрѣ, справедливы въ вашемъ отчаяніи. Неужели одна увѣренность сдѣлать меня когда нибудь преступницею можетъ поддерживать ваши ужасныя намѣренія? Вы увѣрены въ томъ, что я любила васъ, и сегодня, въ послѣдній разъ, я могу сказать вамъ, что все еще васъ люблю. Я была готова противиться угрозамъ моей матери, но не могла отвергнуть ея моленій. Ужасно, если мое несчастье влечетъ за собою вашу гибель, но надобно ли мнѣ говорить, что я не могу имѣть ни малѣйшей привязанности къ этому старику?»

—Привязанности? Я и не думалъ объ ней.... Вы увлекаетесь блескомъ, вы мняете любовь на золото...

— Неправедливый человекъ....

— Впрочемъ, мнѣ все равно — смерть....

— Вы великодушны, Эдгаръ; вы будете жить, для того, чтобы не совершенно погибло мое счастье — вы будете жить для того, чтобы я жила.....

— Да, я буду жить, если ты этого требуешь, Генриетта, если ты обещаешь мнѣ сохранить любовь твою ко мнѣ, какъ святыню сердца, не стараться побѣдить ее.....

— Никогда, но я клянусь, что исполню обязанности, которыя будутъ на меня возложены...Я хочу, чтобы моя совѣсть моя была чиста. Завтра — мы разлучены на вѣки.

— И такими словами—возразилъ Эдгаръ—вы хотите возвратить меня къ жизни?

— Я должна говорить тебѣ истину, милый другъ мой!

— Хорошо. Судьба моя рѣшена, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Смерть, въ сію же минуту, здѣсь — смерть освободить васъ отъ меня.....

Эдгаръ вынулъ изъ кармана пистолетъ и положилъ его на столъ. Глаза его блистали дикимъ огнемъ. Скорбь давала ему какую-то особенную привлекательность — лицо его изображало превосходный образецъ отчаянія, и Генриетта бросилась въ его объятія.

— А я? — вскричала она. Ужели ты не принесешь и для меня смертоноснаго оружія? Ты не оставишь этого міра безъ меня, — умремъ вмѣстѣ!

— Вы не подумали, Генриетта, объ вашихъ словахъ. А ваша мать, которой не чѣмъ будетъ уплатить долги?

— Я могла жертвовать ей собою, но тебя, тебя я не могу ей отдать! Лучше бѣдность и позоръ, нежели твоя смерть! Я отвергну это супружество, Эдгаръ! Твоей смерти никогда-бы я себя не простила!

Молодой человекъ чувствовалъ, какъ сердце очаровательной дѣвушки сильно билось на груди его. Онъ крѣпко обнялъ ее. Никогда не употребилъ-бы зло Эдгаръ своего положенія, никогда не унизили бы онъ до того, чтобы обратитъ въ пользу чувственности пламенный порывъ любящей души. Однакожь, положеніе могло сдѣлаться опаснымъ. И главное, Эдгаръ не зналъ теперь, что ему дѣлать: стрѣляться было не для чего — застрѣлиться обомилъ не чѣмъ...Неожиданное обстоятельство разрышило смущеніе Эдгара. Тонкій слухъ Маркизы почувялъ какой-то шумъ въ комнатѣ Генриетты. Разговоръ любовниковъ былъ прерванъ ея приходомъ.

—Отворите, отворите! говорила она, стуча въ дверь.

Эдгаръ выпрыгнулъ въ окно, и исчезъ въ темнотѣ.

«Вы кстати пришли, маменька,» сказала Генриетта въ сильномъ волненіи. «Онъ былъ здѣсь. Эдгаръ былъ здѣсь. Онъ хочетъ лишитъ себя жизни. Моей свадьбѣ не бывать—я не переживу его....»

Маркиза, молча, кусала губы, не останавливала словъ

дочери, и въ первый разъ въ жизни не знала, что сказать. Забытый Эдгаромъ пистолеть поразилъ ея взоры. Она взяла его, начала со вниманіемъ осматривать, усмѣхнулась, и вложила въ дуло его шомполь.

— Онъ хотѣлъ застрѣлиться?

— Непременно—говорю я вамъ.

— И если теперь, такъ, конечно, это оружіе употребилъ-бы онъ для прекращенія несчастныхъ дней своихъ?

— Да, это самое оружіе вы видите! Я едва не сдѣлалась виновницею убійства!

Маркиза пожала плечами и приняла суровый видъ.

— Дочь моя! этотъ молодой человекъ, либо трусъ, либо хахуль, а ты его игрушка! Посмотри: пистолеть не заряженъ. Повѣрь мнѣ: не такъ лишаютъ себя жизни, и тотъ не прыгаетъ въ окошко, кто хочетъ застрѣлиться. Угрожать самоубійствомъ—самое вѣрное средство играть чувствительностью неопытной дѣвушки. Горе не прибгающимъ съ совѣтомъ матери, которая благоразуміемъ и опытностью можетъ предохранить отъ опасности! Обольстители пользуются слабостью, чтобы потомъ хвалиться своею побѣдою. Отри твои слезы, дочь моя. Я сама была въ твои годы, и видала шамуновъ, съ милою ловкостью поднимающихъ на себя пистолеты. Я оставалась неумолимою, и увѣряю тебя, что никто изъ нихъ не отправился на тотъ свѣтъ, и все утѣшились. Спи спокойно, и если дерзкій мальчишка осмѣлится снова начать комедію, я приказываю тебѣ немедленно увѣдомить меня. Доброй ночи, дитя мое! Подумай о чемъ нибудь болѣе важномъ. Завтра ты будешь богатою владѣтельницею, повелительницею богатѣйшаго имѣнія. Лучше думай объ этомъ, а не о глупостяхъ, едва ли простительныхъ пятнадцатилѣтнимъ дѣвчонкамъ.

Маркиза удалилась, радуясь счастливому окончанію

дѣла. Генриетта не могла вымолвить ни одного слова — лицо ея выражало негодованіе. Увидѣть въ миломъ человекѣ коварнаго, малодушнаго труса — это самое вѣрное лекарство отъ любви.

И вотъ на другой день, Генриетта была торжественно соединена съ Шюморелемъ, въ церкви городка Эрне. У стараго супруга былъ послѣ того большой праздникъ. Крестьяне стрѣляли изъ ружей, и составили кадрили изъ шестнадцати паръ. Новобрачная была очеь мила и удерживала свои слезы. Все удивлялись ея блестящей красотѣ; насмѣшливо улыбались ея задумчивости и замѣшательству. Многіе завидовали жениху — некоторые завидовали и невѣстѣ. Она казалась такою спокойною. А между тѣмъ тысячи ужасныхъ думъ бушевали въ ея разстерзанной горестью сердцахъ.

— Ты добыча старика! Ты должна жить безъ любви, или сдѣлаться преступною, быть несчастною, или неблагодарною! Вчера боялась ты отчаянія своего возлюбленнаго, а теперь тебя пугаетъ мысль, что онъ утѣшится. Ты на всю жизнь соединена съ человекомъ, котораго ты не любишь.

«На всю жизнь,» прошептала какой-то невнятный голосъ — пока смерть не посѣтитъ твоего дома, а она, безъ сомнѣнія, уже близка! Супругъ твой въ четыре раза старѣе тебя. Онъ одною ногой въ могилъ — онъ полумертвецъ — ты будешь свободна!»

Злая мысль, не проникнувъ еще въ умъ молодой дѣвушки, встрѣтила ее у дверей брачной комнаты. Она скрытно вошла туда, въ слѣдъ за задумчивою супругою, и осталась тамъ на всю жизнь.....

Прошло три мѣсяца послѣ свадьбы Генриетты; замокъ Антины былъ скрытъ до основанія, и старый мужъ Генриетты, по замѣчанію многихъ, дышалъ свободнѣе съ того дня, когда онъ, отворяя свое окно, не встрѣчалъ болѣе взорами старинныхъ его башень.

Напрасно старалась Маркиза уговорить своего зятя вхвать въ Парижъ.

Пюймореель, подь видомъ самой утонченной привѣтливости, скрывалъ упорный эгоизмъ, о которьй разбивались все докучливья просьбы тещи. Онъ былъ готовъ только на то, что ему самому нравилось.

Но роковая эпоха для семейства Пюйморееля быстро приближалась. Какъ будто сама природа хотѣла помогать намѣреніямъ Маркизы, зять ее вдругъ почувствовалъ, гораздо ранѣе назначеннаго срока, признаки ужасной болѣзни, отъ которой умерли четверо его братьевъ. Скоро обнаружилась у старика жестокая желчная горячка. Единственный докторъ городка Эрне, съ которымъ уже знакомы наши читатели, объявилъ, что выздоровленіе сомнительно. Почтенный медикъ, не имѣя большихъ познаній, скоро пришелъ въ совершенное замѣшательство и отчаяніе. Каждое утро болѣзнь Пюйморееля получала новое названіе, болѣе и болѣе звучное, извлеченное изъ книгъ, но леченіе ни на шагъ не подавалось въ успѣхахъ. Однажды докторъ, всегда совѣстливый, и потому очень несмѣлый, когда дѣло шло о лекарствахъ, рѣшился прописать легкое рвотное, средство, найденное имъ во всѣхъ извѣстныхъ ему медицинскихъ твореніяхъ. Составляя рецептъ, онъ ошибся въ техническихъ выраженіяхъ, и по предосудительной разсѣянности, прописалъ самое жестокое эметическое средство, на мѣсто ипеакауаны. Уже вечеромъ, съ ужасомъ, узналъ онъ отъ айтекаря свою грубую ошибку! Что дѣлать? Онъ поспикалъ въ Пюймореель такъ скоро, какъ только позволяла ему быстрота его старой лошади, но уже было поздно: лекарство было принято въ предписанномъ количествѣ. Послѣ неслыханнаго дѣйствія, больной погрузился въ мертвенную, летаргическую безчувственность. Не открывая ошибки своей, най-

дя пульсъ слабымъ, больнаго умирающимъ, покрытымъ холоднымъ потомъ, докторъ важно объявилъ, что мученія страдальца продолжатся не больше часа, и что все пособія теперь бесполезны.

Во все время болѣзни Пюйморееля, Генриетта ни на минуту не оставляла своего стараго мужа. Женщины чувствуютъ природное влеченіе оказывать помощь страждущимъ. Вотъ обязанности, противъ которыхъ онъ никогда не погрѣшаютъ! Генриетта, преимущественно предъ другими, обладала этою пѣжною чувствительностію, которая такъ сильно походитъ на безпредѣльную привязанность, или нежвѣйшую любовь. По тому докторъ, объявивъ свой приговоръ, ухалъ глубоко тронутый слезами молодой вдовы, и терзаемый упреками неумолимой совѣсти. Одна Маркиза, среди всеобщаго смятенія, сохранила совершенное присутствіе духа. Она тотчасъ завладѣла ключами, присматривала за прислугою, и немедленно послала за городскимъ начальствомъ. Мирный судья явился въ десять часовъ вечера. Онъ уже осматривалъ шкапы, и открывалъ бюро, наполненное деньгами; актуаріусъ готовился уже дѣлать всемо опись какъ вдругъ, подь металлическій звукъ серебра, могильный голосъ произнесъ слова: — Эй! кто это тамъ? Что вы тамъ дѣлаете? Вы хотите меня ограбить?

Пюймореель сидѣлъ на кровати, отдернувъ занавѣсу, и судорожно махая руками.

— Онъ не умеръ? вскричалъ судья, убѣгалъ.

«Не уезжайте, господа — я позову васъ черезъ нѣсколько минутъ» — сказала Маркиза.

Блюстители закона расположились въ ближней комнатѣ подь огня, а между тѣмъ послали за докторомъ, для того, чтобы точнѣе узнать минуту смерти. Въ полночь, въ то время, когда законовѣдцы уже засыпали, ихъ увѣдомили, что они могутъ вхвать домой, и что умирающій, чудеснымъ обра-

зомъ, возвратился къ существованію. Въ самомъ дѣлѣ, здоровье Пюйморея примѣтно возстановлялось. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ искусство своего доктора, потому, что ученый мужъ умѣлъ обратить въ глазахъ его въ свою пользу странную игру случая, по которой гибельное средство обратилось въ спасительное лекарство.

Вѣроятно, самъ Иннократъ не сталъ бы дѣйствовать рѣшительнѣе нашего доктора, и леченіе это, произведенное въ кругу болѣе образованныхъ свидѣтелей, могло бы доставить ему громкую славу. Увы! слава врача умерла въ предѣлахъ Эрне.

Маркиза задумчиво пожимала плечами, видя непритворную радость своей дочери, она вслухъ роптала на неудачу, и приписывала выздоровленіе Пюйморея дѣйствию злаго гения, властвующаго домомъ Антипынъ.

Не знаемъ, понималъ-ли зять поспѣшность, съ какою приняли увѣренность въ его смерти, но съ этого времени вѣжливость его отзывалась неудовольствіемъ, которое онъ безпрестанно показывалъ тещѣ. Можетъ быть, и болѣзнь вдругъ измѣнила его характеръ. Но, какъ бы то ни было, а пребываніе у зятя скоро сдѣлалось для Маркизы несноснымъ. — Съ перемѣной обращенія хозяина, прислуга сдѣлалась дерзка. Впрочемъ Маркиза не подумала-бы исполнить желанія зятя, если бы сама давно не хотѣла возвратиться въ Парижъ. Она рѣшилась оставить Генриетту, неподвергаясь дальнѣйшимъ упрекамъ и не пріятнымъ объясненіямъ, при которыхъ ей трудно было-бы остаться правою. Привязанность мужа къ Генриеттѣ не уменьшалась. Но Генриетта не выдала-бы матери своеправію мужа. Маркиза боялась, чтобы ея присутствіе не сдѣлалось причиною неудовольствій между супругами.

Послѣ отъѣзда Маркизы, спокойствіе и скука совершенно овладѣли жилищемъ Пюйморея. Паргіи

бостона разстроились; хозяйинъ дома не старался пріобрѣсть новыхъ знакомствъ; прежніе посѣтели мало по малу оставили его. Воскресные обѣды были прекращены, хоть это и совершенно возстановило противъ Пюйморея весь городъ. Дядя Жозефъ, послѣ свадьбы племянницы, немедленно уѣхалъ въ свою деревню. Одинъ докторъ посѣщалъ еще замокъ, и то непостоянно. Генриетта не жалѣла объ обществѣ сосѣдей, но дни ея тянулись въ убійственной тоскѣ однообразія. Напрасно находила она себѣ занятія, раздѣляя время между музыкою и чтеніемъ, и цѣлые дни проводя надъ книгою, или фортепіано.

Чѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ скучнѣе дѣлалась для нее жизнь вещественная, тѣмъ живѣе развивалось и дѣйствовало пламенное воображеніе. Она заключилась въ міръ мечтаній, который ей трудно было оставить, разъ въ не гонереселившись. Часто приходила она въ какой-то безумный восторгъ, окружая себя воображаемыми лицами, и бросаясь за ними въ вихрь небывалыхъ приключеній, которыя могли удовлетворить потребностямъ сильныхъ ощущеній для ея души. Такое безпрерывное напряженіе головы должно было необходимо дѣйствовать на другіе тѣлесные органы. Природа тяжко наказываетъ тѣхъ, кто дѣйствуетъ не по ея законамъ; она не обращаетъ вниманія на общественное положеніе людей, щедро одаряетъ силами въ лѣта страстей, и тотъ, кто не пользуется богатствами жизни, невольно обращаетъ противъ самого себя всѣ жизненные силы, и трудится надъ собственнымъ своимъ разрушеніемъ. Психологическія болѣзни необходимо увеличиваются, разрушаютъ тѣлесный составъ, хотя съ и медленностью, дѣлающею ихъ нечувствительными. Генриетта выходила изъ дома только одинъ разъ въ недѣлю — въ церковь. Ея грустный, молчаливый видъ, и безстрастіе лица доставляли большую пищу сплет-

нямъ старухъ въ городкѣ. Пьюморель, съ самой женитьбы, до того прекратилъ сношенія съ сосѣдями, что на него смотрѣли какъ на Рауля Синюю Бороду. Нѣкоторые подписчики на дешевое изданіе сочиненій Байрона готовы были даже считать его Вампиромъ, почерпающимъ поддѣльную жизнь въ груди своей молодой супруги. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что Пьюморель помолодѣлъ, съ постепеннымъ разрушеніемъ жены. Когда ему хвалили его здоровый видъ, онъ посмѣивался и потиралъ руки.

Однакожь, болѣзнь жены начала наконецъ покоить Пьюмореля. Генриетта была такъ часто задумчива и разсѣянна, что можно было опасаться въ ней умственного помѣшательства. У доктора было столько ума, чтобы предписать ей движеніе, прогулку, и строго запретить музыку и чтеніе. Онъ особенно заботился о томъ, какое имя дать болѣзни Генриеттиной, и послѣ многихъ обдумываній назвалъ ее великодушнымъ именемъ «всеобщаго раздраженія нервической системы.» Генриетта безпрекословно повиновалась предписаніямъ доктора; прогуливалась по нѣскольку разъ въ день, въ саду. Но болѣзнь была у нея въ душѣ, а потому движеніе не помогало. Не зная опасности, въ какой находится, Генриетта не старалась усмирять своего воображенія. Она всюду выдвигала за собою вызванныя ею мечты и видѣнія, и въ одномъ внутреннемъ существованіи сосредоточила всю способность чувствованія. Всего охотнѣе гуляла она по вечерамъ въ своемъ паркѣ, и часто, въ слѣдствіе такихъ прогулокъ, возвращалась домой блѣдная, съ блистающими ужаснымъ свѣтомъ глазами, съ волосами въ безпорядкѣ, съ дрожащими губами, какъ будто послѣ безумія бышеной страсти.

Легко можно угадать, что образъ Эдгара часто былъ въ числѣ фантастическихъ лицъ, составлявшихъ общество Генриетты. Впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ свиданіемъ, мало по малу изгла-

дилось. Любовь обратила все сомнѣнія въ пользу несчастнаго молодаго человѣка, Генриетта утвердилась даже въ томъ, что увѣреніе матери, будто писателю Эдгара не былъ заряженъ, было ложное, и происходило только отъ желанія представить Эдгара низкимъ трусомъ. Сдѣлавшись причиною несчастія всей жизни милаго человѣка, надобно-ли еще требовать въ доказательство его любви, чтобы онъ, въ самомъ дѣлѣ, лишилъ себя жизни? И Эдгаръ не былъ ли правъ, даже и прибѣгая къ хитрости? Если бы онъ дѣйствительно застрѣлился, то какія ужасныя мученія совѣсти ожидали бы виновницу преступленія!

Но гдѣ Эдгаръ? Замужство Генриетты сильно о печалило бѣднаго Эдгара. Онъ не посягнувъ на жизнь свою, и поступилъ очень благоразумно. Раздѣленіе горести необходимо въ несчастіи. Эдгаръ избралъ себѣ между молодыми людьми друга и повѣреннаго. Случилось такъ, что повѣренный этотъ имѣлъ самый флегматическій и положительный характеръ. Совѣты его были весьма благоразумны. Онъ побуждалъ Эдгара употребить все средства возвратитъ отнятое у него сокровище. Друзья нашли возможность обратиться въ паркъ. Однажды вечеромъ Эдгаръ встрѣтилъ тамъ Генриетту. Она не показала ни малѣйшаго удивленія при видѣ его, и приблизилась къ нему улыбаясь.

— Я ждала тебя, мой милый другъ! сказала она. Пойдемъ сюда, въ эту сторону. Намъ невозможно быть долго вмѣстѣ.

«Боже!.... Генриетта! что съ вами? Вы больны!»

— Говорятъ, у меня нервическая горячка, но они не знаютъ, что страдаетъ одно мое сердце. А ты, другъ мой, ты знаешь мои тайны — ты простилъ мнѣ мои сомнѣнія. Я не виновна въ томъ, что измѣняя тебѣ, усомнилась въ твоемъ великодушіи. Насъ жестоко обманули. Не вѣрю, чтобы небо съ

гнѣвомъ взираща на нашу любовь. Ты моя жизнь, о мой возлюбленный, и уверять другъ друга во взаимной любви, не значить ли уже сомнѣваться въ любви? Намъ довольно ея, для того, чтобы терпѣливо потомъ ожидать смерти. Ты опять придешь сюда завтра. Мы снова будемъ видѣться, какъ прежде, каждый день?...

Эдгаръ стоялъ неподвиженъ отъ ужаса и удивленія.

— Да! ты возвратишься — продолжала Генриетта въ изступленіи. — Мы невинны. Во мнѣ есть довольно силы возстать противъ судьбы и людей! Не теряй мужества, и оставь этотъ мрачный, терзающій меня видъ! Ты не знаешь сколько любви къ тебѣ хранится въ моемъ сердцѣ. Я вознагражу тебя моею страстью за все горести, которыя тебѣ причинила!

Говоря это, она страстно обвила своими руками вокругъ шеи возлюбленнаго; ихъ уста соединились въ пламенномъ поцѣлуѣ. Но, какъ будто внезапно пробужденная отъ долгаго сна, Генриетта съ крикомъ ужаса вырвалась изъ рукъ Эдгара, и скрылась въ кустарникахъ. Возвратясь домой, дгаръ съ восторгомъ рассказывалъ другу своему неожиданное приключеніе. Что за счастье такое на романнзмъ жизни! Это пламенная глава изъ поэмы Байрона! Въ это мгновеніе, какой-то слуга принесъ ему письмо, съ небольшимъ запечатаннымъ листкомъ. Письмо было отъ Генриетты.

«Любили-ли вы меня, милый другъ мой? Я узнаю это теперь. Если я имѣю надъ вами какую либо волю, если вы не хотите навсегда со мною разлучиться, если вы, подобно мнѣ, желаете, чтобы небо даровало намъ дни болѣе счастливые, то — удалитесь немедленно по полученіи этого письма. Вы пойдете въ Римъ, Мадридъ, куда вздумаете, только чтобы между нами было нѣсколько сотъ миль разстоянія. Для приготовленій даю вамъ только два часа. Вы должны, или исполнить мое приказаніе, или навсегда отказаться отъ меня.

Не печальте меня противорѣчїемъ, которое могло бы уронить васъ въ мое мнѣніе. Увѣдомьте меня о мѣстѣ, избранномъ вами. Ответъ мой откроетъ вамъ причины, заставляющія меня требовать вашего удаленія. Оно необходимо для нашей счастливой будущности. Покажите, Эдгаръ, и прѣрите, что любовь моя будетъ всюду за вами слѣдовать. Но, повторю вамъ: удалитесь сегодня же вечеромъ, безъ малѣйшей перышности. Я требую этого. Прощайте!

Въ ящикъ была значительная сумма денегъ, и письмо Генриетты произвело ожидаемое дѣйствіе. Разлука — Италія — любовь! Воля ваша, а Эдгаръ счастливѣе на романы — еще новая глава къ необыкновеннымъ событіямъ его жизни! И Эдгаръ отправился въ тотъ же вечеръ. Поспѣшно проѣхалъ онъ Францію и съѣзъ Италіи. По прибытіи въ Римъ, Эдгаръ написалъ къ Генриеттѣ, но она уже предупредила его. Вѣроятно, читатель пожелаетъ знать подробности ея письма, потому, что письмо это открываетъ причины изгнанія Эдгара и сокровенныя мысли Генриетты.

«Вы благороднѣйшій изъ смертныхъ, милый другъ мой, и если только небо справедливо, то оно вознаградитъ васъ за ваше самоотверженіе! Можетъ быть, вы считаете меня женщиною своеправною, безумною мечтательницею. Я должна объяснить вамъ мое поведеніе. Люди равнодушные были правы, увѣряя, что я добыча опасной болѣзни, разстроивающей мои умственныя способности. Сердце мое, скушая жизнью, растравляющею его раны, искало въ самомъ себѣ другаго существованія. Я удалась въ сердце мое отъ всего меня окружающаго. Скоро я такъ сроднилась съ идеальнымъ міромъ, въ который я заключила себя, что чувства мои не могли уже различать предѣловъ, отдѣляющихъ его отъ міра существаго. Вы такъ часто являлись мнѣ въ минуты изступленія, что встрѣтивъ васъ подъ деревьями, свидѣтелямъ моихъ о васъ мечтаній, я воображала, что говорю привидѣнію, принявшему вашъ образъ. Вы должны были понять мое безуміе, и вы знаете, какъ возвратилась я къ разсудку... Тогда глаза мои открылись, и съ ужасомъ увидѣла я пропасть, готовую помочить васъ и меня. Я почувствовала, что любовь уничтожила-бы мои силы, что она восторжествовала бы надъ волею, если бы вы старались еще разъ увидѣть меня. Да, мой другъ! если бы вы возвратились на другой день

въ паркѣ, я могла бы погибнуть... Не раскаивайтесь въ томъ, что уважили мою слабость. Душа моя тиготвѣтъ подъ бременемъ страданій, по упреки совѣсти убили-бы ее. Надобно подумать о будущемъ. Потеря моей чести повлекла-бы за собою гибель нашей будущности! Довольно того, что я преступна мыслью. Я не рождена для безславія даже въ собственныхъ глазахъ моихъ, и первая сдѣлалась бы жертвою своего паденія, если бы пошла по темнымъ путямъ, которыми такъ свободно и легко ходятъ другія женщины.

«Никогда не думала я однакожь, чтобы такъ скоро можно было сродниться съ злою мыслью! Это сознаніе страшно... Ужасно желать смерти другаго для своего счастья, а я — желаю ее, не могу не желать, и безпрестанно объ этомъ думаю. Слава Богу! кажется, я умру, прежде нежели... Да! мнѣ говорятъ, что моя собственная жизнь въ опасности, и какъ я рада этому, Эдгаръ! Будто крикъ зловѣщаго ворона, слышать вдали призывъ на преступленіе, и между тѣмъ страдать... страдать страшно... Есть страданія, къ которымъ нельзя привыкнуть. Разсудокъ, законы не имѣютъ власти надъ отвращеніемъ. Этотъ человекъ будетъ мнѣ всегда чуждъ и отвратителенъ. Сто разъ рѣшалась я приказать ему удалиться отъ меня. Сначала я боролась съ желаніемъ разорвать цѣпи, которыя душатъ меня, но теперь ничто не препятствуетъ мнѣ призывать всѣми желаніями смерть, для другихъ страшную. Пусть она прилетитъ, прилетитъ поскерье! И если не за нимъ, такъ за мной... Какъ оцѣнить одно то счастье, что я одинока буду въ моей могилѣ. Ты простишь мнѣ, Эдгаръ, этотъ крикъ отчаянія...»

«Я дорожу жизнью... Я хочу жить еще для тебя, мой другъ! Я избавилась моего безумія, молада, сильна; печаль не погубитъ меня; я съ твердостью перенесу ее, а онъ умретъ! Вьролитъ на моей сторонѣ. Любовь удвоитъ мои силы. Поддерживай мое мужество, раскрой мнѣ всю глубину твоего сердца. Вѣрь, что я призову тебя тогда... О другъ мой! душа моя полетитъ къ тебѣ на встрѣчу! Прощай...»

Генриетта была одарена сильнымъ сложеніемъ, но она не могла сама не замѣтить вреда, причиненнаго ея здоровьемъ печальми жизни. Женщины съ сверхъестественною силою могутъ переносить страданія, причина которыхъ имъ драгоценна. Кажется даже, что онъ тогда счастливы, довольны своими страданіями, но если воображеніе въ этомъ не участвуетъ, онъ скоро дѣлаются жертвами. Съ из-

леченіемъ воображенія Генриетты, неопредѣленная боль овладѣла всѣмъ ея тѣломъ. Она лишилась сна и аппетита. Выраженіе отчаянія замѣнило блескъ ея глазъ, и докторъ, не смотря на свое невѣжество, не могъ не замѣтить признаковъ гибельной и скорой болѣзни. Слѣдующее письмо доказываетъ, какъ много потеряла мужества и надеждъ Генриетта, черезъ четыре мѣсяца послѣ отъѣзда Эдгара.

«Не смотря на мои двадцать лѣтъ и крѣпость сложенія, я начинаю сильно беспокоиться, милый другъ мой. Грусть и страданіе пожираютъ меня. Мнѣ не хотѣтъ сказать, что я въ опасности, но я это знаю. Грудь моя разстроена. Проведи всю молодость въ отчаяніи и печали, не хочу умереть среди пустыхъ мечтаній. Рѣшусь на все, чтобы узнать мое положеніе, и судя по тому буду дѣйствовать. Если я скоро должна умереть, падьюсь, что мнѣ не откажутъ въ исполненіи моихъ послѣднихъ желаній. Клянусь, что не оставлю этого міра не увидавши тебя, хоть на часъ, хоть на одну минуту, хоть для того только, чтобы сказать *прости* единственному существу, понимающему весь ужасъ этого слова.

«Среди моихъ скорбей, я нашла утѣшеніе, которое должно бы спасти меня. Я живу теперь одна, рѣдко вижу моего мужа, и эту свободу не отдамъ я за царство! Ты простишь меня беречь здоровье. Повѣрь, что я сама желаю сохранить мое слабое существованіе, берегу себя, какъ бы я берегла тебя. Но рѣшенія судьбы иногда идутъ скорѣе, нежели мы ожидаемъ, а потому ты долженъ прѣхать сюда, долженъ быть близко подлѣ меня, для того, чтобы мой послѣдній взоръ встрѣтилъ твой милый образъ. Впрочемъ, не торопись слышкомъ, Эдгаръ, и береги себя. Прѣзжай только черезъ двѣ недѣли по полученіи этого письма. Прощай, милый другъ мой! Боюсь, что мы скоро должны будемъ увидѣться.»

Болѣзнь какъ будто ожидала назначеннаго Генриеттою срока, и ровно въ пятнадцатый день послѣ этого письма, вечеромъ, докторъ, сѣдя въ кабинетѣ Пюйморея, произнесъ ей свой ученый приговоръ на смерть.

— Чахотка бываетъ трехъ родовъ говорилъ онъ, очень равнодушно — легковая, спинная и гортанная. Первая весьма обыкновенна, а двѣ другія довольно рѣдки. Хоть вы и не служитель Ишпократа,

г-нъ де-Шюйморель, но вѣрно знаете, что эта болѣзнь, большею частію, смертельна.

«Такое свойство чахотки мнѣ известно. Меня однакожь увѣрили, что она имѣеть нѣсколько періодовъ, и что ее легко можно вылечивать въ началѣ. Кажется, такъ выражаюсь я, докторъ?»

— Совершенно такъ.

«Всячески стараюсь я не ошибаться въ названіяхъ, и могу сказать, не хвастая, что мнѣ это удастся. Изъ меня вышель-бы прекрасный докторъ, если бы я не пошелъ по юриспруденціи, о которой мой покойный отецъ говаривалъ не иначе, какъ съ открытою головою. Вы понимаете, докторъ, что это было знакомъ уваженія — хе, хе!»

— Конечно такъ. Вашъ батюшка уважалъ свое званіе. Впрочемъ, его мнѣніе не даетъ вамъ права пренебрегать избраннымъ мною путемъ, уважаемымъ древними.

«Четыре факультета суть четыре родные брата, всѣ одинаково почтенные. Но увы! моя жена такая молодая, докторъ, а вы осуждаете ее на смерть; законы же осуждаютъ только виновныхъ — вы понимаете разницу... хе, хе, хе!...»

— Я дѣлаю это съ крайнимъ сожалѣніемъ.

«А сколько времени можетъ еще страдать это бѣдное дитя?»

— Смотря потому, какъ долго она будетъ жить. Дѣйствія чахотки не равны: она разрушаетъ быстро, или медленно, смотря по степени хода болѣзни.

«Не скрывайте отъ меня истины, докторъ. Я долженъ ее знать.»

— Ну, судя по всему, если вы не лишитесь вашей супруги черезъ годъ, такъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и я, безъ боязни сдѣлать ошибку, могу сказать вамъ даже, что роковая минута наступитъ черезъ шесть недѣль.

«Черезъ шесть недѣль! О жестокая судьба! Это составлять ни больше, ни меньше, какъ сорокъ дней! Увы! я начинаю думать, что долженъ буду оплакивать до семи женъ, а чтобы достигнуть такого числа, мнѣ должно будетъ прожить больше ста лѣтъ, хе, хе! По крайней мѣрѣ, если бъ хоть послѣдняя подарилъ меня сыномъ... Нѣчего дѣлать! Приготовимся въ третій разъ къ невыразимой печали...»

— Маркиза услышала объ опасности дочери, и поспѣшно возвратилась въ Шюйморель. Думала-ли она что нибудь о прошедшемъ — не знаемъ; по крайней мѣрѣ, она переносила нечаянное бѣдствіе съ хладнокровіемъ, весьма вѣжливымъ, и спала ночи очень спокойно. Однажды вечеромъ Генриетта просила свою мать прочитать ей что нибудь. Маркиза взяла Новую Элоизу. Нечаянно начала она чтеніе этой прекрасной сцены, гдѣ Сень-Прё насильно врывается къ Юліи, и черезъ поцѣлуй заражается болѣзнию, исказившею его лицо. Генриетта прервала чтеніе.

«А меня,—сказала она матери—меня никто не старался видѣть?»

— Никто.

«Ахъ! я не столько любима, какъ Юлія!»

Медики рѣже ошибаются, предсказывая смерть, нежели говоря о выздоровленіи. Судя по способу, которымъ докторъ спасъ жизнь Шюймореля, можно угадать, что его предсказанія имѣли не слишкомъ глубокомысленныя основанія. Онъ даже не подозрѣвалъ въ болѣзни Генриетты нравственныхъ причинъ, не имѣя привычки такъ далеко доводить свои изысканія. Надобно-ли удивляться, что его медицинскія пособія не принесли большой значительной пользы?

Въ одинъ день болѣзнь Генриетты такъ усилилась, что докторъ могъ рѣшительно повторить свои ученія угрозы. Во время сильнаго перелома, онъ почелъ обязанностью предупредить, что послѣднія

минута жизни приближалась. Сама Генриетта, страшась, что настала послѣдній часъ ея, приказала позвать мужа.

«Смерть скоро разлучитъ насъ — сказала она. — Минуты для меня дороги. Прошу васъ снисходительно выслушать мое признаніе и просьбу. Прежде нежели я рѣшилась сдѣлаться вашею женою, я была любима молодымъ человѣкомъ, и не скрываю отъ васъ, что сердце мое не было равнодушно къ безчисленнымъ доказательствамъ его любви. Мое замужество повергло его въ отчаяніе. Долго страшилась я сдѣлаться причиною гибельнаго несчастія. Вы должны вѣрить мнѣ—я не буду лгать въ ту минуту, когда готовлюсь предстать передъ судъ Всевышняго. Мое поведеніе не заслуживаетъ ни одного упрека. Этотъ молодой человѣкъ старался видѣть меня. Я имѣла надъ нимъ довольно власти, и заставила его уѣхать отсюда. Теперь онъ вѣрно возвратился, и мысль, что скоро потеряетъ меня, должна приводить его въ отчаяніе. Прежде нежели оставлю здѣшній міръ, я должна въ послѣдній разъ говорить съ нимъ. Если я заслужила вашу довѣренность—вы исполните мою послѣднюю просьбу. Вы не допустите меня сойти въ могилу съ ужасною мыслью, что моя смерть должна повлечь за собою гибель другаго. Вы знаете молодаго человѣка, о которомъ я вамъ говорю—это Эдгаръ. Я непременно должна его сегодня видѣть, и свободно говорить съ нимъ нѣсколько часовъ.

Пойморель обозначалъ каждое слово своей жены одобрительными знаками головы, и спокойно вертѣлъ въ рукахъ свою золотую табакерку.

«Милая Генриетта!» сказалъ онъ, и никогда не противилось вашимъ желаніямъ. Что я говорю? Если бы могъ, то я предупредилъ бы ихъ, но на сей разъ, я вижу важное препятствіе. Желалъ бы угодить те-

бѣ—ищу средствъ исполнить твою просьбу, и не нахожу ихъ. Однимъ словомъ—приличіе не позволяетъ мнѣ этого.

— Когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка отъ самоубійства, въ минуту смерти моей, приличія теряютъ свою силу.

«Увы! милая Генриетта! вы раздираете сердце вашего мужа, говоря такимъ образомъ о вашей смерти.»

— Развѣ вы не знаете, что я уже приговорена къ ней? Умоляю васъ не терять времени въ пустыхъ разговорахъ. Вы всегда были ко мнѣ такъ добры, а обстоятельства дѣла такъ важны. Я хочу видѣться съ Эдгаромъ; я должна, какъ сестра, дать ему советъ, успокоить его бурную голову, потребовать отъ него клятвы пережить меня. Подумайте о моемъ положеніи, если вы еще сомнѣваетесь. Что можетъ страшить васъ?

«Меня пугаетъ невозможность исполнить ваше желаніе. Вотъ моя единственная болезнь. Впрочемъ испытаетъ: почему не напишете вы вашихъ мудрыхъ советовъ Эдгару?»

— Если такъ: то скажу вамъ все, я хочу его видѣть, хочу проститься съ человѣкомъ, который любилъ меня больше жизни.

«О ужасное прощаніе, дни горести и печали! Но это не возможно!»

— Возможно, и непременно будетъ исполнено.

« Увы! невозможно! Мнѣ больно отказать вамъ! Подумайте сами, какую буду играть я жалкую роль!

— Вы будете играть роль человѣка великодушнаго и довѣрчиваго. Я пошлю Эдгару письмо. Онъ пріѣдетъ; ни что не остановитъ его. Дайте мнѣ перо и бумаги.

Пойморель все принесъ, но прежде отсылки письма завязался споръ живѣе прежняго. Маркиза, съ своей стороны, съ жаромъ заступилась за дочь, а

старый мужъ спорилъ и съ женою и съ тещею. Пріѣхалъ докторъ. Его взяли въ посредники. Освидѣтельствовавши со вниманіемъ Генріетту, онъ отвелъ Пюйморея къ окну, и сказалъ ему тихо:

— Судя по всемъ признакамъ, я хочу сказать почти на вѣрное, что нынѣшняя ночь будетъ для вашей супруги роковою. Слѣдовательно, безъ ошибки можно заключить, что она умретъ прежде завтрашняго дня. Давленіе въ груди усиливается, силы ослабѣваютъ, а это явное доказательство, что болѣзнь увеличивается, потому, что все это самыя недобрыя признаки.

— Вы, значить, полагаете, что завтра она не въ состояніи будетъ принять чье-либо посѣщеніе и подерживать разговоръ?

— Въ этомъ не сомнѣваюсь, и думаю даже имѣть вѣрное доказательство истины словъ моихъ.

— Вы искусны, докторъ, я полагаюсь на васъ.

— Въ полной увѣренности, что снисхожденіе сдѣлается само собою бесполезнымъ.

Пюйморея позволилъ своей женѣ призвать Эдгара на другой день утромъ. Письмо было сейчасъ послано:

«Я обѣщала вамъ послѣднее свиданіе. Приходите завтра въ десять часовъ. Если я не умру въ эту ночь, то я васъ увижу. Можеть быть, васъ ко мнѣ не будутъ допускать. Вы мужчина: вы побѣдите все, чтобы увидѣть меня.

Женщины имѣютъ силу, однимъ имъ свойственную, и пронзающую отъ ихъ воли. Поддержанныя воображеніемъ, онѣ переносятъ физическія боли съ сверхъ-естественною силою. Трудно опредѣлить предѣлы возможности силъ ихъ, смотря на ихъ дѣйствія въ эти минуты высшаго раздраженія, потому, что тогда дѣйствуетъ ихъ душа.

За часъ до времени, назначеннаго для свиданія, Генріетта приказала прислугѣ удалиться изъ ея

комнаты. Пюйморея нашелъ, что дверь была комнаты заперта изъ-нутри. Явное доказательство, что больная встала съ постели. Ровно въ десять часовъ, Эдгаръ явился.

Дрожащею рукою коснулся онъ колокольчика, и для того, чтобы обратитъ вниманіе привратника, принужденъ былъ позвонить два раза. Пройдя двери скорыми шагами, онъ встрѣтился съ старымъ судьей на крыльцѣ.

— Я желаю говорить съ г-жею Пюйморея.

«Ее нельзя теперъ видѣть. Она никого не принимаетъ.»

— Однакожь я непременно долженъ съ ней видѣться.

«Оно такъ, но это невозможно.»

— Я полагалъ, что меня ожидаютъ?

«Васъ точно ожидали, т. е., жена моя имѣла намѣреніе принять васъ сегодня утромъ, но вы объ этомъ не должны болѣе думать. Ея положеніе не позволяетъ ей говорить. Слышите-ли вы это, молодой человѣкъ? Я человѣкъ учтивый, и не желалъ бы вамъ сказать ни одного обиднаго слова, однакожь долженъ замѣтить, что вашъ поступокъ довольно смѣлъ. — Хе! хе!

— Мой поступокъ есть слѣдствіе воли вашей супруги. Вы можеть быть знаете, что я получилъ письмо....

Да! я знаю все, молодой человѣкъ, но этотъ домъ принадлежитъ мнѣ, и я одинъ въ немъ хозяинъ. Я обязанъ быть вѣжливымъ. Тысячу извиненій! Женщина, которую вы желаете видѣть, принадлежитъ мнѣ, и мое согласіе на свиданіе съ нею необходимо. Слышите-ли вы?

Эдгаръ смутился, и хотѣлъ удалиться, но въ это время явилась Генріетта; казалось, она была подъ вліяніемъ какой-то таинственной силы, дѣй-

ствующей в лунатикахъ. Давно потухшій огонь ея очей блисталъ теперь живые обыкновеннаго; блѣдное лицо ея покрылось розовою краскою, обманчивымъ признакомъ здоровья. Все ея существо оживилось; голосъ ея былъ силенъ и звученъ; ея красота походила на свѣжесть поддѣльныхъ цвѣтовъ. Одежда ея была изысканна, какъ будто она въ послѣдній разъ хотѣла насладиться удовольствіями кокетства. Все движенія дышали величественною прелестью. Она подошла прямо къ Эдгару.

— Я ждала васъ, другъ мой! сказала она.—Пропустить это свиданіе, было бы непростительно. Завтра уже будетъ поздно. Дайте мнѣ вашу руку.

И поддерживаемая Эдгаромъ, она пошла въ свои комнаты. Пюймореель, пораженный ея видомъ, опомнился только при стукѣ дверей, запертыхъ на замокъ. Онъ началъ кричать, громко звалъ жену, но ему не отвѣчали.

Тайная бесѣда Генріетты продолжалась около двухъ часовъ.

Намъ не извѣстно, что говорила Генріетта. Эдгаръ пересказывалъ потомъ свсему другу подробно, но каждый разъ такъ различно, что тотъ пересталъ ему вѣрить.

Передумавши тысячу средствъ добраться до жены, Пюймореель полагалъ, что остается прибѣгнуть къ силѣ, ломать двери, и предпочелъ успокоиться и ждать терпѣливо конца свиданія.

Наконецъ двери отворились. Эдгаръ вышелъ со слезами на глазахъ, а мужъ Генріетты бросился въ ея комнату.

«Вы согласитесь, сударыня,» сказалъ онъ Генріеттѣ, «что употребили во зло мою довѣренность. Мнѣ прискорбно говорить вамъ это, и, можетъ быть, выраженія мои покажутся вамъ слишкомъ грубыми, но они справедливы.

— Употребляйте какія вамъ угодно выраженія — увѣрю васъ, что я не обращаю на нихъ никакого вниманія.

— «О, это походить на дерзость.»

— Прошу васъ не тревожить меня въ послѣднія минуты. Мнѣ осталось жить немного, и я хочу умереть спокойно. Я погубила молодость свою съ старикомъ, котораго ненавижу; я всегда была рабою воли другихъ. Радуюсь, что преступная мысль не побѣдила меня, и съ радостью умираю, зная, что единственный въ мірѣ, дорогой мнѣ человекъ останется жить. Довольно! Хочу забыть все, кромѣ неба. Не отравляйте моихъ послѣднихъ минутъ. Я вышла за васъ по принужденію, избавляя мать мою— я жертва кроткаго послушанія, а вы мой убійца! Умираю не проклиная васъ; не требуйте ничего больше!

Мужъ замолчалъ и удалился. Волненіе Генріетты утихло; мѣсто его заступилъ припадокъ жестокой предсмертной лихорадки. Больная потребовала священника. Исповѣдь продолжалась такъ-же долго, какъ и свиданіе съ Эдгаромъ. Пюймореель, надеясь на свое богатство и имя благодѣтеля мѣстнаго духовенства, рѣшился вывѣдать все у исповѣдника, но священникъ помнилъ свои обязанности. Онъ прервалъ вопросы Пюйморееля, объявивъ, что послѣ передачи на судъ Божій поступковъ умирающаго грѣшника, люди не должны въ нихъ мѣшаться.

— Знайте только — прибавилъ онъ — что ваша супруга предстанетъ предъ высшимъ судіею чиста и непорочна. Она раскаяніемъ искупила то отчаяніе, которое погубило ее и ведетъ во гробъ!

Вскорѣ Генріетта впала въ предсмертную безчувственность. Тщетно старалась Маркиза уловить взглядъ, или знакъ благодарности — она оставалась неподвижна. Смерть, тихо опускаясь на свою добы-

чу, не встретила обыкновенного сопротивления души, зрелище котораго такъ ужасно. Холодное дыханіе смерти не измѣнило ни одной черты лица умирающей, и было принято Генриеттою, какъ цѣломудренный поцѣлуй.

Она умерла. Что-то будетъ съ бѣднымъ Эдгаромъ!.. Черезъ два мѣсяца послѣ кончины жены, Пойморель нашелъ въ комнатѣ, прежде занимаемой Маркизою, пистолеть, спрятанный въ бюро. Онъ взялъ это опасное оружіе, и боясь несчастнаго случая, хотѣлъ разрядить его выстрѣломъ въ окно. Пистолеть былъ прекрасный, и совершенно приготовленъ къ выстрѣлу. Но какъ произошла только вспышка на полкѣ, то Пойморель дунулъ въ дуло, и увидѣлъ, что пистолеть не былъ заряженъ. Маркиза не клеветала на Эдгара — она сказала правду....

Эдгаръ былъ чловѣкъ ничтожный, а отъ слабости до подлости одинъ только шагъ. Меланхоликъ по темпераменту, несчастный всегда черезъ самого себя, онъ всѣ свои ошибки слагалъ на враждебную судьбу, и первая утѣшительная мысль, представлявшаяся ему, всегда происходила отъ какого-то удовольствія считать себя несчастнѣе другихъ. Такая не естественная склонность увеличивалась въ Эдгарѣ сознаниемъ своей слабости. Будучи неспособенъ самъ собою вытти изъ ничтожества, онъ согласился бы получить отличіе чрезъ необыкновенныя несчастія. Если справедливо, что добро и зло цѣнятся относительно, то подобные Эдгару люди недостойны сожалѣнія, потому, что вознагражденіе за удары судьбы заключаются въ самомъ ихъ несчастіи. Эдгаръ хвасталъ своимъ горемъ и отчаяніемъ — и съ этимъ чловѣкомъ бѣдная Генриетта соединила судьбу свою!

Исполняя приказанія Генриетты при отъѣздѣ въ Римъ, онъ былъ радъ, что получилъ возможность

посмотрѣть на свѣтъ, и могъ путешествовать на счетъ своей подруги. Въ первую ночь пути остановился онъ въ Маеннѣ, велѣлъ себѣ подать сытный ужинъ, и отправился въ дальнѣйшій путь съ громкими пѣснями. По смерти Генриетты, Эдгаръ впалъ въ отчаяніе. Его пріятели боялись даже за его жизнь. Однако же, онъ нашелъ утѣшеніе въ своей страсти къ мелодраматическимъ описаніямъ несчастій и страсти. Нѣсколько разъ, съ воплями отчаянія, бросался онъ въ объятія своего друга, и каждый день изобрѣталъ новыя сцены. Это продолжалось такъ однообразно, что Пилладъ его потерялъ терпѣніе, и объявилъ, что считаетъ истинными и глубокими печалями только тѣ, которые скрыты въ глубинѣ души, и ищутъ уединенія. Такое мнѣніе произвело мгновенную перемѣну въ поступкахъ Эдгара. Отчаянный любовникъ пересталъ восклицать, и началъ бродить по лѣсамъ. Мы съ удовольствіемъ прибавимъ, что и при громкой, и при тихой печали Эдгара, полнота лица его, аппетитъ и сонъ ни сколько не измѣнялись.

Генриетта умерла, не зная, что любимый ею чловѣкъ былъ ей недостоинъ.

Маркиза долго печалилась, но не отъ угрызений совѣсти. Время возвратило ей прежнюю бодрость, и не находя болѣе жертвъ для своихъ гибельныхъ замысловъ, она придумала имъ новый оборотъ. Теперь, она почти достигаетъ желанія обезпечить свою будущность предприимчивыми оборотами на Парижской биржѣ, и ажіотажами, въ которыхъ эта умная женщина сдѣлалась опытноѣ записныхъ спекулянтъ. Пойморель такъ уважалъ приличія, что не хотѣлъ вступить въ новый бракъ до истеченія обычнаго траура. Онъ женился потомъ въ четвертый разъ, по прошествіи года. Новая супруга его не походитъ на Генриетту, и иногда заставляетъ приза-

думываться своего старого мужа. Уверяютъ, что Пюиморель достигъ наконецъ до того, что округъ названъ его именемъ.

Повзжайте въ Бретань, и по дорогѣ въ Энгре поговорите съ крестьяниномъ близъ мѣста древняго замка Антиньи — онъ верно скажетъ вамъ, что деревня называется теперь Пюиморель.

Генриетта была существо, предназначенное къ мирной и счастливой жизни, но она нашла зародышъ разрушенія въ своихъ душевныхъ качествахъ. Слишкомъ добродѣтельная и благородная для того, чтобы привести въ исполненіе расчеты, основанные на злой мысли, она должна была погибнуть, едва только обстоятельства принудили ее допустить эту мысль. Позволивъ другимъ располагать своею жизнью, какъ торговымъ предпріятіемъ, она подписала свой смертный приговоръ. Всѣ усилія матери, употребленныя для пріобрѣтенія ей блестящей участи, доставили ей только довольно красивый памятникъ изъ бѣлаго мрамора на кладбищѣ въ Антиньи, и вся сила добродѣтели — только что спасла ее отъ преступленія...

Съ Франц. М. С.

САКУНТАЛА *

(ИНДІЙСКАЯ ДРАМА, ДѢЙСТВІЯ 1, 2, 3, 4).

ПРОЛОГЪ.

Браминъ. Да, будетъ вамъ властитель вселенныя, представляющійся подъ восемью видами — *Воды*, перваго изъ всѣхъ созданий; священнаго *Огня*, ко-

* «Есть многое, известное намъ по слуху, и почти вовсе между тѣмъ неизвѣстное» — пишетъ къ намъ одинъ изъ известныхъ литераторовъ, препровождая предлагаемый здѣсь отрывокъ Индійскаго драмы. «Такъ всѣ мы слышали о *Сакунталѣ*, и до сихъ поръ, кромѣ немногихъ сценъ, взятыхъ Карамзинимъ изъ стариннаго Нѣмецкаго перевода, и помѣщенныхъ имъ въ *Московское Журналъ*, 1792 года, ничего нѣтъ по Русски изъ этого чуднаго созданія. Оно переведено было на Англійскій языкъ В. Джонсомъ, и напечатано въ 1790 г. (съ этого перевода перевелъ ее тогда на Нѣмецкій языкъ Форстеръ), но переводъ Джонсовъ былъ невѣренъ и недостаточенъ. Лѣтъ двѣнадцать тому, знаменитый Шези издалъ какъ самый текстъ Санскритскій, такъ и Французскій переводъ Сакунталы, и всѣ знатоки согласились, что въ первый разъ видѣть твореніе Индійскаго поэта вполне и совершенно переданное Европѣ. Теперь, что намъ, Русскимъ, дѣлать? Ждать-ли, пока мы сами выучимся по-Санскритски, и переведемъ Сакунталу съ подлинника? Да, скоро-ли это будетъ? Какъ ни недостаточенъ былъ отрывокъ перевода Карамзина, онъ далъ хоть какое нибудь понятіе о предметѣ, а съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, и никто у насъ не подумалъ итти далѣе для ознакомленія съ бездѣльнымъ цвѣтомъ Санскритской поэзіи. Вотъ моя мысль: почему не перевесть намъ, покамѣстъ, Сакунталу съ Французскаго перевода Шези? По крайней мѣрѣ, я рѣшился на такое дѣло, и кончилъ его; пусть теперь бравады меня ориенталисты, но, можетъ быть, поблагодарятъ не ориентированные читатели. Хочу однакожь предварительно, знать мнѣніе публики, и потому посылаю къ вамъ часть моего перевода; прошу васъ напечатать

Т. III. — Отд. II.

торымъ подъемется къ небу благоуханіе жертвы; *Брамина* священнослужителя; двухъ великихъ *Зельдь*, вѣчныхъ установителей времени; безграничнаго *Эвира*, легкаго зародыша звуковъ; *Воздуха*, оживляющаго своимъ дыханіемъ всѣ дышанія созданія, да будетъ вамъ Богъ сей благосклоненъ, и да благословить васъ вовѣки! (*уходитъ*).

ДИРЕКТОРЪ ТЕАТРА. Что они мышкаютъ? (*заглядывая въ кулисы*).

Скорый, красавица! Если ты совсѣмъ готова, что-жь ты нейдешь?

АКТРИСА. Вотъ и я — говори, что дѣлать?

ДИРЕКТОРЪ. Мы здѣсь, ты знаешь, передъ знаменитымъ собраніемъ, отличающимся великія качества художника. Мы должны представить ему *Сакунталу*, новое произведеніе Калидаза. Сдѣлаемъ же такъ, чтобы старанія наши отвѣчали тому, чего отъ насъ ожидаютъ!

АКТРИСА. А можетъ ли быть иначе? Гдѣ найдется

его въ С. О., и если услышу послѣ сего отзывы благопріятные, напечатаю всю Сакунталу вполнѣ, съ примѣчаніями, предисловіемъ и объясненіями, а не то предамъ его всеюжестію! Отмѣченные строки благоволите напечатать мелкими буквами; въ подлинникѣ сіи мѣста писаны стихами, а все остальное прозою. Надобно-ли говорить здѣсь, что этотъ драгоценный памятникъ древнѣйшей Индѣйской поэзіи, эта Сакунтала сочинена за 100 лѣтъ до Р. Х., потому Калидазомъ, жившимъ при Дворѣ раджи Викрамадітія, царствовавшего въ Уджани, одному изъ семи священныхъ Индѣйскихъ городовъ, и что сюжетъ драмы взятъ былъ Калидазомъ изъ *Могамбарты*, огромной эпопеи поэта Віаза, жившаго задолго прежде? — Говоритъ-ли еще о прелести Сакунталы, о безсмертныхъ красотахъ ея? Прочтите отзывы Гердера, Шлегеля, Карамзина, и другихъ великихъ судей; прочтите, что говоритъ Гете... Но лучше всего — прочтите сами Сакунталу. Попробуюсь, если мой, несовершенный, хотя и съ прекраснаго, но съ переработаннаго перевода дать объ Сакунталѣ сколько нибудь достаточное понятіе. Я старался угадывать прелестную простоту и чудное величіе творенія Калидазова въ предложеніи Шези — успѣлъ-ли, не знаю! — Да, судяте другіе!

ся, скажите, сдѣлайте милость, кто поспорилъ бы съ нашимъ директоромъ въ знаніи его дѣла?

ДИРЕКТОРЪ (*улыбался*). Прекрасно. Но, говоря безъ уловокъ, все наше искусство никуда не годится, если мы не успѣваемъ поправиться публикѣ, а въ предпріятіи столь щекотливомъ — самый ловкій умъ всего менѣе можетъ быть увѣренъ!

АКТРИСА. Понимаю. Но съ чего же начать?

ДИРЕКТОРЪ. Всего лучше, думаю, будетъ постараться увлечь вниманіе слушателей пѣсенкой, которая пріятно ласкала бы ихъ слухъ.

АКТРИСА. Правда, но помоги же мнѣ выбрать изъ времени года то, которое могла бы я прославить!

ДИРЕКТОРЪ. Да, которому же изъ нихъ лучше отдать преимущество, если не лѣту? Оно теперь только что начинается.

Услыжительные дни, когда, освѣжаясь прохладою купанья, и роскошно лежа въ тѣни цвѣтущихъ деревъ, мы предаемъ мирному сну, при благовономъ дыханіи воздуха.

АКТРИСА. Посмотрите, какъ рано утромъ, пчела пѣкло лобзаетъ въ своемъ легкомъ полетѣ свѣжій цвѣтъ *кезары*; посмотрите, какъ юная дѣва прелестно располагаетъ за своими ушами пахучій цвѣтокъ *сириши*.

ДИРЕКТОРЪ. О божественные звуки! видишь — все собраніе очаровано ихъ плѣнительнымъ согласіемъ! Но какимъ зрѣлищемъ, скажи мнѣ, поддержимъ теперь мы его вниманіе?

АКТРИСА. Разумѣется, новою драмою Калидаза, которую ты уже объявилъ.

ДИРЕКТОРЪ. Точно — вѣдь я было и позабылъ!

Въ восторгъ моему, умъ мой такъ же могущественно увлекся непреодолимою прелестью твоихъ божественныхъ звуковъ, какъ увлекается въ это мгновеніе царь Душманта робкою газелью, которую онъ преслѣдуетъ!

(*Уходитъ.*)

НАЧИНАЕТСЯ ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

*Царь Душманта, сидя на колеснице, правой
его возницею, посылается вдали, преследуя молодую
серну.*

Возница (*глядя, то на Царя, то на робкую
добычу, или преследуемую*) Государь!

Когда взоры мои попеременно переносятся, то на тебя,
то на эту прелестную, черношерстую антилопу, мнѣ кажется,
я вижу самого бога *Сиса*, готового спустить съ своего
грознаго лука, знаменитаго *Пинака*, смертоносную стрѣлу,
въ несчастную газель, тѣтено отъ него убѣгающую!

Душманта. Но это быстроногое животное за-
ставило уже насъ проскакать безконечное простран-
ство!

Посмотри, какъ прелестно заворачиваетъ она отъ времени
до времени свою гибкую шею, бросая мимолетный взоръ на
быструю, преследующую ее колесницу. Смотри, какъ стяги-
ваетъ она на бѣгу свои нѣжные члены, страшась стрѣлы,
свистъ которой уже внимааетъ она. По дорожкѣ, гдѣ вѣжитъ
она, разбросана тамъ и сѣмъ мягкая, полужизненная трава,
выпадающая изъ ея тяжело дышащаго рта, и въ ускоряемыхъ
прыжкахъ своихъ, она почти летитъ, едва касаясь земли.

(*съ удивленіемъ*)

Право, не мѣшкай надобно намъ преследовать ее,
со всею горячностью, къ какой только мы спо-
собны!

Возн. Неровная земля замедляла до сего мѣста
бѣгъ колесницы, и антилопа легко могла опередить
насъ, но теперь, когда мы ѣдемъ по гладкому мѣсту,
мы скоро догонимъ ее.

Душм. Пускай-же колесницу во всю рысь!

Возн. Исполняю велѣніе Царя!

(*онъ погоняетъ коней*)

Когда не стали мы задерживать ихъ движеній, посмотри,
какъ они, благородные быгуны, величественно несутъ впередъ

свою вытянутую грудь; пыль, которую поднимаютъ они, едва
касаясь земли, остается далеко за ними; богатые кисти какъ-
то на нихъ неподвижны; гордо поднимаютъ они свои крѣп-
кія уши, и бѣгутъ --- пѣтъ! летятъ по пестрой долинь!

Душм. (*радостно*). И одного мгновенія было имъ
достаточно достигнуть нашу добычу?

Колесница мчится столь быстро, что предметъ, сей часъ
казавшійся мнѣ точкою, вдругъ принимаетъ размѣръ обшир-
ный. Вотъ два предмета, въ дѣйствительности раздѣленные,
за мгновеніе представлялись мнѣ однимъ, и за минуту еще,
это искривленное тѣло казалось мнѣ прямо. Могу сказать,
что въ самое краткое время, все явилось близъ меня и
вдали!

(*Голосъ за сценою*)

О Царь! эта нѣжная газель принадлежитъ нашей
пустынь — ее не должно убивать, ее не должно
убивать!

Возница (*смотря и слушаетъ*). Посмотри, Го-
сударь! въ то самое мгновеніе, когда ребра этого
легкаго звѣря представляли уже вѣрную цѣль стрѣ-
лъ твоей, два пустытника явились защищать его!

Душм. (*скоро*). Удержи скорѣе возжи!

Возн. Да будетъ по слову Царя!

(*останавливаетъ коней*)

(*входитъ Пустынный съ уешикомъ*)

Пустынный. Да, великій Государь! газель эта
воспитана въ нашемъ уединеніи.

Да, удалитъ небо отъ ребръ ея стрѣлу звѣролова! Стрѣла,
въ тѣлѣ, столь нѣжномъ, была-бы подобна огню въ пукъ
хлопчатой бумаги. Что значить мимолетное бытіе этого слаба-
го животнаго, въ сравненіи съ желѣзнымъ остремъ стрѣль-
товыхъ?

Одай-же поспѣшно колчану твоему эту убійственную
стрѣлу. Ваше оружіе, о цари! должно быть употреблено
только для покровительства слабымъ, а не для смерти нѣж-
ныхъ!

Душм. (*погнѣтельно*). Посмотри — она уже въ
колчанѣ.

(*онъ кладетъ стрѣлу въ свой колчанъ*)

Пуст. (*радостно*). Можно-ли было ожидать другого от благородного потомка *Пуру*, от монарха столь совершенного?

Нѣтъ! ты не измѣняешь своему блестящему происхожденію! Да, даруешь тебѣ небо сына, обогащеннаго всеми добродѣтелями, сына, достойнаго царствовать надъ цѣлымъ міромъ!

Ученикъ. Да, распространется скипетръ сына твоего надъ обоими мірами!

Душм. (*почтительно*). Съ благодарностью принимаю обѣты почтеннаго брамина!

Два пустынники. Мы подбираемъ здѣсь въ лѣсу дрова. Тамъ, на берегахъ Малини—ты можешь замѣтить отсюда—пустыня нашего духовнаго учителя Кануа, гдѣ обитаетъ онъ съ Сакунталою, драгоценнымъ сокровищемъ, ввѣреннымъ ему судьбою. Если заботы не требуютъ присутствія твоего въ другомъ мѣстѣ, удостой войти въ это смиренное уединеніе, гдѣ встрѣтить тебя всѣ почести гостепринимства.

Тамъ, при видѣ духовныхъ заплѣтъ, какимъ, не смотря на всѣ препятствія, предается множество добродѣтельныхъ отшельниковъ, ты можешь увидѣть, заслуживаютъ-ли сіи благочестивые пустынники, чтобы для защиты ихъ, рука твоя изогнула всегда натянутую тетиву твоего непобѣдимаго лука.

Душм. Почтенный браминъ! старѣйшина семейства, конечно, теперь находится въ своей пустынѣ?

Пустынники. Нѣтъ, Государь! онъ отправился въ Соматиргу, молить боговъ, да отвратятъ они отъ главы Сакунталы бѣдствія, какими угрожаетъ ей судьба. Но прежде удаленія, онъ поручилъ дочерямъ воздавать посѣтителямъ, которые могутъ придти безъ него, всѣ обязанности гостепринимства.

Душм. Хорошо, я ее увижу, и надѣюсь, что довольная моею признательностью, по возвращеніи

почтеннаго Кануа, она представитъ меня ему въ самомъ благосклонномъ видѣ.

Пустынники. Государь! вы властны исполнить свое намѣреніе, а мы примемся между тѣмъ за нашу работу.

(*выходить*)

Душманта. Тронь колесницу съ мѣста, и пусть видъ этой святой пустыни очиститъ наши души.

Возница. Да будетъ исполнено велѣніе Царя!

(*колесница идетъ быстро*)

Душманта (*озирался кругомъ*). Да, если бы я не сказали мнѣ, легко угадалъ-бы я, что это мирное убѣжище должно быть посвящено совершенію самыхъ строгихъ испытаній.

Возница. Почему же, Государь?

Душм. Какъ! Развѣ признаки ихъ не поражаютъ твоего зрѣнія?

Не видишь-ли ты, тамъ и здѣсь разбросанныхъ у корней деревъ зеренъ сарачинскаго пшена, выпавшихъ изъ посковъ молодыхъ, еще безперыхъ попугаевъ, въ тѣ мгновенія, когда матери приносятъ имъ пищу? Здѣсь камни покрыты еще маломъ плодомъ *ингуда*, которые растирали на нихъ. Тамъ, юныя газели, привычныя къ голосу челоуѣка, не отворачиваются при его приближеніи, а тутъ, эти влажныя полосы на земной пыли, проведенныя съ разныхъ сторонъ, не произведены-ли онѣ каплями воды, слывшимися съ *валкаловъ*, недавно очищенныхъ окрошеніемъ?

Посмотри еще на эти молодые деревцы, корни которыхъ наполняютъ потоки свѣтлой воды, едва струимой тихимъ дыханьемъ вѣтерка; посмотри на блескъ этихъ пѣвкихъ вѣтвей, потемненныхъ дымомъ жертвы богамъ; и вотъ подлѣ насъ, легкія серпы, безъ всякаго страха, играютъ среди этой груды вѣтвей *кузъ*, недавно срезанныхъ для жертвоприношеній, в собранныхъ близъ входа въ садъ.

Возница. Да, я все это вижу.

Душм. (*приближался нелиного къ оградѣ*). Но остережемся осквернить это священное уединеніе—останови скорѣе коней, и дай мнѣ сойти.

Возница. Государь! я держу возжи коней; ты можешь сойти на землю.

Душм. *(сойдя и смотря на свое одгьянїе)*. Подъ скромною одеждою долженъ я войти въ это мѣсто, посвященное благочестію; освободи меня отъ всѣхъ роскошныхъ уборовъ; возьми и этотъ лукъ, здѣсь ни къ чему для меня не нужный.

(онъ отдаетъ Возницѣ оружіе и украшенїя)

Между тѣмъ, пока возвращусь я, посѣтивши обитателей сей пустыни, позаботься освѣжить и выкупать коней.

Возница. Исполню повелѣніе, Государь!

(удаляется)

Душманта. А я пойду въ это священное убѣжище. *(входя, онъ немного содрагается)*. Ахъ! здѣсь пріютъ совершеннаго спокойствія, а вступая въ него, я невольно содрагаюсь! Что это значить? Или мнѣ надобно ожидать здѣсь чего нибудь отъ моего счастья? Что жъ въ томъ необыкновеннаго? Врата судьбы не отверзты-ли предъ нами во всѣхъ мѣстахъ?

(Голоса за сценою)

Сюда, сюда, милыя подруги!

Душм. *(смотря въ сторону, откуда слышны голоса)*. Ахъ! я слышу голоса изъ этой рощицы, что направо! Посмотримъ — надобно подслушать, что тутъ заговорять. *(приближается и смотритъ внимательно)*. Это юныя дѣвы пустыни, съ легкими лейками въ прелестныхъ рукахъ, кропятъ водою цвѣтушіе кустарники. *(взоры его выражаютъ удовольствіе)*. О прелестное зрѣлище!

Въ великолѣпныхъ нашихъ *атагъ-пурахъ* напрасно будемъ искать красотъ, подобныхъ обитающимъ въ этой счастливой пустынѣ. Для чего же не замѣнимъ мы горделивыя растенія пышныхъ садовъ нашихъ этими скромными лѣсными лианами, превосходящими ихъ, и цвѣтомъ, и восхитительнымъ благоуханіемъ?

Хорошо! Скрытый здѣсь, въ густомъ кустарникѣ, я могу наблюдать ихъ, не бывши замѣченнымъ.

(онъ прїемлетъ и смотритъ внимательно)

(Сакунтала, и двѣ подруги ея, Анузула и Пріамвада, являютъ, занятыя садовыми работами).

Анузула. Можно подумать, милая Сакунтала, что молодые кустарники, украшающіе пустыню отца нашего Кануа, дороже тебѣ собственной жизни. Такъ неумолимо старась ты поливать водою корни ихъ — ты, такая же нѣжная, какъ цвѣтъ только что развернувшейся *малики*.

Сакунт. Что жъ дѣлать? Не только желая угодить нашему добродушному отцу забочусь я объ нихъ — увѣряю тебя: я чувствую къ этимъ молодымъ кусточкамъ всю дружбу сестры.

(поливаетъ ихъ)

Пріамв. Но, подруга, эти растенія, политыя нами, скоро зацвѣтутъ; польемъ-же и эти, уже отцвѣтшія, и тѣмъ дороже будетъ забота наша объ нихъ, что мы не будемъ ждать за нее награды.

Сак. Прекрасно сказано, Пріамвада.

(длительно занимается около растеній)

Душм. Какъ? Это Сакунтала, дочь Кануа? *(изумляясь)*. О! почтенный мудрецъ, конечно одурѣлъ, если онъ позволяетъ такой грубой одеждѣ, изъ такой толстой ткани, покрывать такое прекрасное тѣло!

Да, отдать подобнымъ суровостямъ красоту, столь совершенную, красоту, которая, безъ всякаго искусства, мгновенно похищаетъ всѣ сердца, значить быть столь же безумцу, какъ безумецъ тотъ, кто хочетъ разрубить желѣзный пень *самы* нѣжнымъ листомъ *лотоса*!

Спрячусь тихонько здѣсь, за большія деревья, и посмотрю на нее свободно, не давая ни малѣйшаго подозрѣнія, что ее могли здѣсь замѣтить.

(онъ прїемлетъ болѣе прежняго)

САКУНТ. Посмотри Анузуу: эта милая Приамвада такъ стянула на груди моей корковый поясъ, что я едва могу дышать. Сдѣлай милость, распусти его немного.

(Анузуу распускаетъ поясъ)

ПРИАМВ. (улыбалась) Жалуйся, моя кроткая подруга, на эти цвѣты юности, которые такъ сильно раздвинулись на груди твоей.

ДУШМ. Ахъ! она правду сказала!

Хоть и составлена изъ маленькихъ, крѣпкихъ узелковъ, эта корковая ткань, небрежно накинута на прекрасныя плечи едва закрывая двойную округлость ея высокой груди, не можетъ похитить блеска ея восхитительныхъ формъ. Таковъ цвѣтокъ, полузакрытый пожелтѣвшими листками своей увядшей чашечки.

Больше — это темное одьяніе, кажется, прибавляетъ еще новую прелесть юнымъ прелестямъ ея!

Кусть лотоса, сквозь зеленоватый тростникъ водяныхъ растений, не менѣе восхитителенъ; пятна, разсыпанные на серебриломъ кругѣ мѣсяца еще болѣе возвышаютъ свѣтъ его. Такъ и эта прекрасная дѣва, въ своемъ корковомъ одьяніи, тѣмъ обильнѣе является очамъ моимъ. Ахъ! да, чѣмъ же не могла-бы украситься прелесть: и грубая *валмата*, не только не похищаетъ у юной дѣвы сколько ея очарованій, но, мнѣ кажется, прибавляетъ еще ей красоты. Такъ цвѣтъ лотоса бросаетъ живое блескъ сквозь переплетенныя жили тростинны, раздвинувшіяся немного на верхушкѣ его, въ минуты разцвѣта!

САКУНТ. (поднявъ глаза). О мои милыя подруги! эта прелестная *алра*, кажется, манитъ меня своими гибкими вѣтвями, которыя можно-бы почестъ за красивыя пальчики, вида, какъ колышетъ ихъ вѣтерокъ? Посмотримъ — надобно подойти поближе.

ПРИАМВ. Милая Сакунтала! отдохни, пожалуста, хоть немного отдохни въ тѣни его.

САКУНТ. А для чего?

ПРИАМВ. Когда ты приклонишься къ нему, пре-

лестное дерево это, какъ будто вокругъ него обвился юный лянъ, будетъ еще прекраснѣе.

САКУНТ. Не напрасно называютъ тебя *Приамвадо*: твои рѣчи усладительны и лѣстивы.

ДУШМ. Да, Приамвада, ты сказала сущую правду.

Губы ея альютъ, какъ роза; ея ручки, какъ двѣ пѣвныя вѣтви, гибко округляются; увлекающей цвѣтъ юности разливаетъ по ней неизъяснимую прелесть.

Анузуу. Посмотри, Сакунтала, какъ эта красивая *малика*, которую всегда называешь ты милымъ именемъ *ванадошими*, избрала супругомъ своимъ это прекрасное амровое дерево, и обнимаетъ его своими цвѣтистыми вѣтвями.

САКУНТ. (приближалась и смотря съ радостью). Ахъ! какъ восхитительно время года, когда самыя деревья кажутся соединенными въ объятіяхъ любви! Не скажете-ли вы, что это юное растеніе съ намѣреніемъ передало подъ защиту этого могущаго, покрытаго плодами дерева, свои цвѣточки, столь нѣжные, столь милые!

(она останавливается и разсматриваетъ съ удивленіемъ).

ПРИАМВАДА. (улыбалась) Знаешь-ли, Анузуу, отъ чего Сакунтала такъ надолго остановила свои взоры на этой маленькой травкѣ?

Анузуу. Нѣтъ, а право, желала-бы узнать.

ПРИАМВ. «Какъ эта красивая *малика* соединена съ этимъ прекраснымъ амровымъ деревомъ, не могу-ли и я также быть соединена съ достойнымъ меня супругомъ» — увѣрляю тебя: вотъ дума, которая занимаетъ теперь нашу юную подругу.

САКУНТ. (улыбалась) Полно, дурочка — ты все болтаешь такіе вздоры...

(Она принимается за лѣйку).

Анузуу. Милая Сакунтала! посмотри ты забыла эту прелестную *мадгави*, хоть она выросла въ од-

Душм. Вот мнѣ прекрасный случай явиться!.. Не бойтесь... (*онъ останавливается и продолжает скрываться*) Нѣтъ! меня не примутъ въ этомъ видѣ за царя — лучше явлюсь въ видѣ странника, требующаго гостепрѣимства.

Сакунт. Безстыдный непріятель не перестаетъ нападать на меня — я убѣгу отъ него! (*бѣжитъ и оглядывается*) И онъ летитъ за мной! Ахъ! сдѣлайте милость — избавьте меня отъ его докуки!

Душмант. (*вдругъ являясь*) Какъ? Кто дерзкій, въ царствованіе потомка Пурова Душманта, отъявленнаго врага злодѣйствъ, осмѣливается оскорблять сестринскихъ дочерей благочестивыхъ пустынниковъ?

(*все при видѣ его показываютъ смѣненіе*).

Анузул. Нѣтъ, почтенный господинъ, здѣсь никто не учинилъ никакого преступленія. Только наша юная подруга защищается отъ пчелы, которой не можетъ отогнать (*указываетъ на Сакунталу*).

Душм. (*приблизившись къ Сакунталѣ*). Юная дѣва! да процвѣтаетъ добродѣтель твоя!

(*Сакунтала спокойно потупляетъ взоры*).

Анузул. Подруги! воздадимъ поскорѣе нашему гостю все обязанности гостепрѣимства!

Прямвада. Добро пожаловать, почтенный господинъ! Ты, дорогая Сакунтала, иди скорѣе въ пустыню нашу, выбери плодовъ, достойныхъ быть ему поднесенными, а этой водой мы освѣжимъ покамѣсть его утомленные ноги.

Душм. Ничего мнѣ не надобно. Прелестъ рѣчей вашихъ самое пріятное для меня угощеніе.

Анузул. Хорошо, почтенный чужеземецъ, но ужъ стой, по крайней мѣрѣ, отдохнуть въ тѣни, на этомъ сѣдалищѣ, прикрытомъ *саптапарного* удивительной прохлады, гдѣ скоро забудешь ты свою усталость.

Душм. Но сами вы, очаровательныя дѣвы, можете быть утомлены внимательностью вашего ко мнѣ; одной милости прошу у васъ — сядьте на минуту подлѣ меня!

Прямвада (*тихо*) Кажется, Сакунтала, неучтиво отказать въ просьбѣ нашему гостю? Сядемъ подлѣ него.

(*садятся подлѣ Душманта*).

Сакунтала (*въ сторону*) Едва взглянула я на этого незнакомца, какъ чувствую совѣсьмъ противное тому спокойствію, которое должно внушать наше священное уединеніе.

Душмант. (*нѣжно смотря на нихъ*) Милыя дѣвы! какъ эта кроткая дружба между вами прілична вашей юности и вашимъ прелестямъ!

Прям. (*тихо Анузулѣ*) Милая! кто, думаешь ты, этотъ чужеземецъ? Видѣ его глубоко ознаменованъ тихимъ величіемъ, и въ рѣчахъ его такая прелестная вѣжливость, достойная самаго высокаго сана?

Анузул. (*тихо Прямвадѣ*) Увѣрю тебя, что мнѣ самой не менѣе любопытно узнать... Посмотримъ — надобно объяснитьсь! (*зрело Душманту*) Почтенный господинъ! нѣжная искренность твоего разговора даетъ мнѣ смѣлость спросить у тебя: не можемъ-ли мы знать, какого благороднаго семейства составляешь ты украшеніе? Какая страна сътуетъ теперь о твоёмъ отсутствіи? Какая причина была, что ты, во всѣхъ поступкахъ являющій такую нѣжность, могъ рѣшиться предпринять тягостное путешествіе, для посѣщенія здѣшнихъ лѣсовъ, посвященныхъ суровой строгости?

Сакунтала (*въ сторону*) Не бейся такъ, сердце мое! Все безпокойныя думы, столь сильно тебя тревожащія, утишить моя милая Анузул!

Душмант. (*про себя*) Что сказать? Должно-ли

объявить, должно-ли скрыть, кто я (*размышляя*) Да, это будетъ хорошо! (*въ слухъ*) Прелестная дѣвушка! я одинъ изъ хранителей Ведъ, опредѣленный царемъ Душмангомъ къ управленію правосудіемъ въ его столицѣ, и случайно находясь близъ вашего священнаго уединенія, осмѣлился я проникнуть въ сей лѣсъ, убѣжище добродѣтели.

Анузуя. Отъ всей души признаемъ мы такихъ особъ нашими повелителями и властителями.

(*внезапный румянецъ изливляетъ чувства Сакунталы*)

Ануз. и Пріамв. (*досадываясь, что происходитъ въ сердцахъ подружки ихъ и гостя*) Милая Сакунтала! если бы нашъ добрый отецъ Кануа былъ здѣсь...

Сакунт. Что-же? Договорите.

Ануз. и Пріамв. О, безъ сомнѣнія, онъ тогда только достойно почтль-бы столь почтеннаго гостя, когда предложили-бы ему что нибудь столь же драгоценное, какъ жизнь.

Сакунтала (*съ притворнымъ гнѣвомъ*) Подите вы... Неужели осуждена я слушать всѣ глупости, какія придутъ вамъ въ голову... Конечно — я не хочу болѣе слушать вашихъ разговоровъ...

Душм. (*Анузупъ и Пріамвдль*) Позволено-ли мнѣ, въ мою очередь, спросить васъ объ вашей безподобной подружѣ?

Ануз. и Пріамв. Вопросъ твой, почтенный господинъ, приемъ мы, какъ знакъ твоей благосклонности.

Душм. Скажите мнѣ, какъ почтенный Кануа, совершенно преданный размышленіямъ о Великомъ Существовѣ, могъ быть родителемъ Сакунталы, милой подружки вашей?

Анузуя. Мы изяснимъ тебѣ тайну, почтенный господинъ. Ты, конечно, знаешь, что былъ одинъ

святой царь, знаменитый своимъ могуществомъ по имени Каузика...

Душм. Такъ, но что-же этотъ знаменитый Каузика?

Анузуя. Знай, что ему дѣйствительно одолжена Сакунтала своимъ рожденіемъ. Но, оставленная при самомъ началѣ жизни, она была принята почтеннымъ Кануа, который воспиталъ ее въ сей пустынь, а потому и былъ истиннымъ отцомъ ея.

Душм. Оставленная, говорите вы? Такое слово возбуждаетъ мое любопытство. Удостоите, прошу васъ, разсказать мнѣ это обстоятельство во всей подробности.

Анузуя. Однажды великій мужъ готовился совершить неслыханныя изгизанія надъ собою, и испуганные Девы — страшась, что простой смертный превзойдетъ ихъ своими подвигами — прислалъ къ нему богиню Менаку, разрушить его благія начинанія...

Душм. Какъ? И Девы, подобно намъ, смертнымъ, подвластны страху?.. Но, что-же?

Анузуя. Весна царствовала тогда, съ своими неотразимыми очарованіями, и взоры отшельника едва только встрѣтили эту обольстительную богиню...

(*она устанавливается и праскеть*)

Душм. Я угадывалъ, что неземное существо должно быть ея матерью!

Анузуя. Ты справедливо судилъ, почтенный господинъ.

Душм. И не трудно было угадать!...

Красота, столь совершенная, могла-ли быть смертнаго происхождения? Могъ-ли изъ нѣдръ земли брызнуть этотъ живой свѣтъ, столь усладительно дрожащій во влажныхъ очахъ ея!

(*Сакунтала скромно потупляетъ взоры*)

Душм. (про себя) О блаженство! теперь я могу дать свободу моимъ желаніямъ. Какое обширное поле открыго моему воображенію!...

ПРІАМВ. (услыхавъ и лукаво смотря на Сакунталу). Но, мнѣ кажется, нашъ гость хотѣлъ-бы еще о чемъ-то спросить?

(Сакунтала грозитъ ей пальцемъ)

Душм. Ты совершенно угадала, Приамвада. Испытывая желаніе знать все, что касается этой небесной дѣвы, я позволю себѣ еще одинъ вопросъ.

ПРІАМВ. Къ чему-же такая нерышительность? Развѣ не знаешь ты, что первая обязанность пустынницы — объѣтъ повиновенія?

Душм. Если такъ, скажи мнѣ:

Пока покровитель вашъ изберетъ для нея супруга, прекрасная подруга ваша неужели дала объѣтъ на жизнь угрюмой пустынницы, столь противоположную съ сладостными заботами любви? Увы! ужели она осуждена влачить уединенные дни среди мылыхъ газелей, взоры которыхъ въ тысячу разъ не такъ прелестны, какъ ея взоръ?

ПРІАМВ. Почтенный господинъ! до сихъ поръ наша юная подруга ревностно исполняла всѣ обязанности, предписываемыя нашею строгою жизнью; но намѣреніе почтеннаго Кануа соединить ее со временемъ съ супругомъ, достойнымъ подобнаго дара.

Душм. (съ радостью, про себя) Веселись, сердце мое, веселись! что только подозрѣвало ты, теперь перешло въ достовѣрность; то, къ чему за минуту боялась ты прикоснуться, какъ къ огню, можетъ украсить тебя, какъ перлъ драгоценный!

САКУНТ. (гнѣвно) Анузуй! я не вытерплю болѣе... Надобно удалиться...

Анузуй. Для чего-же, милая подруга?

САКУНТ. Сказать нашей почтенной старѣйшинѣ Гаутами обо всей нескромной болтовнѣ Приамвады. (она встаетъ).

Анузуй. Неужели ты думаешь, милая, что благочестивой пустынницѣ прилично предаваться досадѣ, не воздавши вполне гостю, столь почтенному, всѣхъ обязанностей гостепріимства?

(Сакунтала, не отвѣчая ей, показываетъ видъ, что хотѣтъ уйти)

Душм. (съ стороны) Какъ? Она уже идетъ.... (встаетъ, какъ будто хотѣтъ остановить ее, но вдругъ удерживаетъ свое желаніе) О, какъ трудно тому, кто любить, не измѣнить поступками смятенія души своей!

Такъ, безъ чувства стыдливости, удержавшаго меня, я последовалъ-бы за этою юною дѣвушкою! Стараносъ показать видъ наружнаго спокойствія, но -- поздно....

ПРІАМВ. (удерживая Сакунталу) Какъ хочешь кажись сердитою — ты не уйдешь отсюда!

САКУНТ. (оборачивается, нахмуривъ брови) А кто мнѣ запретить, скажи, пожалуста?

ПРІАМВ. А вотъ эти два деревца, которыя ты общала полить за меня — развѣ ты не должна исполнить своего обѣщанія? Потомъ, иди, когда тебѣ угодно! (наильно сидеть ее).

Душм. Сдѣлайте милость, пощадите вашу юную подругу! Мнѣ кажется, она и безъ того уже утомилась трудами, при поливкѣ своихъ любимыхъ растений. Посмотрите,

Посмотрите, какъ прекрасныя плечи ея надавило тяжестью, которую она только что покинула; кровь прилила ярко въ ея ладони; можно видѣть, что она страдаетъ, по этому тяжелому дыханію, столь очаровательно воздымающему грудь ея; милая ленточка, такъ красиво стягивающая цвѣты сирини, украшающіе ея голову, смокла отъ пота, и только слабѣющею рукою можетъ она поправлять локоны прекрасныхъ волосѣвъ, выпавшихъ изъ повязки, полуразвязавшейся, едва держащей ихъ....

Душим. *(про себя)* О блаженство! теперь я могу дать свободу моимъ желаніямъ. Какое обширное поле открыто моему воображенію!...

Пріамв. *(услыхалъ и лукаво смотря на Сакунталу)*. Но, мнѣ кажется, нашъ гость хотѣлъ-бы еще о чемъ-то спросить?

(Сакунтала ерозитъ ей пальцами)

Душим. Ты совершенно угадала, Пріамвада. Испытывая желаніе знать все, что касается этой небесной дѣвы, я позволю себѣ еще одинъ вопросъ.

Пріамв. Къ чему-же такая нерышительность? Развѣ не знаешь ты, что первая обязанность пустыниці — объѣтъ повиновенія?

Душим. Если такъ, скажи мнѣ:

Пока покровитель вашъ изберетъ для нея супруга, прекрасная подруга ваша неужели дала объѣтъ на жизнь угрюмой пустыниці, столь противоположную съ сладостными заботами любви? Увы! ужели она осуждена влачить уединенные дни среди милыхъ газелей, взоры которыхъ въ тысячу разъ не такъ прелестны, какъ ея взоръ?

Пріамв. Почтенный господинъ! до сихъ поръ наша юная подруга ревностно исполняла всѣ обязанности, предписываемыя нашею строгою жизнью; но намѣреніе почтеннаго Кануа соединить ее со временемъ съ супругомъ, достойнымъ подобнаго дара.

Душим. *(съ радостью, про себя)* Веселись, сердце мое, веселись! что только подозрѣвало ты, теперь перешло въ достовѣрность; то, къ чему за минуту боялась ты прикоснуться, какъ къ огню, можетъ украсить тебя, какъ перлъ драгоценный!

Сакунт. *(гнѣвно)* Анузуя! я не вытерплю болѣе... Надобно удалиться...

Анузуя. Для чего-же, милая подруга?

Сакунт. Сказать нашей почтенной старѣйшинѣ Гаутами обо всей нескромной болтовнѣ Пріамвады. *(она встаетъ)*.

Анузуя. Неужели ты думаешь, милая, гостеприимной пустыниці прилично предаваться, не воздавши вполнѣ гостю, столь по всѣхъ обязанностей гостеприимства?

(Сакунтала, не отвѣтая ей, показываетъ видъ что уйдти)

Душим. *(съ стороны)* Какъ? Она уже *(встаетъ, какъ будто хотѣвъ остановитъ вдругъ удерживаетъ свое желаніе)* О, какъ тому, кто любить, не измѣнить поступканія души своей!

Такъ, безъ чувства стыдливости, удерживающаго мнѣ следоваль-бы за этою юною дѣвушкою! Старая видъ наружнаго спокойствія, но -- поздно...

Пріамв. *(удерживая Сакунталу)* Какъ кажись сердитою — ты не уйдешь отсюда

Сакунт. *(оборачивается, нахмуривъ брови)* мнѣ запретить, скажи, пожалуйста?

Пріамв. А вотъ эти два деревца, котора обѣщала полить за меня — развѣ ты не исполнишь своего обѣщанія? Потомъ, иди, бѣ угодно! *(наильно ведетъ ее)*.

Душим. Сдѣлайте милость, пощадите вашу подругу! Мнѣ кажется, она и безъ того ужасалась трудами, при поливкѣ своихъ любимцевъ. Посмотрите,

Посмотрите, какъ прекрасныя плечи ея надъ жестью, которую она только что покинула; крошечко въ ея ладони; можно видѣть, что она страдала отъ этому тяжелому дыханію, столь очаровательно возмущающему грудь ея; милая ленточка, такъ красиво стягивающая твои сирени, украшающіе ея голову, смокла отъ покоя слабѣющей рукою можетъ она поправлять локонныя красныхъ волосевъ, выпавшихъ изъ повязки, пошеяшейся, едва держащей ихъ....

Душм. (*про себя*) О блаженство! теперь я могу дать свободу моимъ желаніямъ. Какое обширное поле открыто моему воображенію!...

ПРІАМВ. (*услыхалась и лукаво смотря на Сакунталу*). Но, мнѣ кажется, нашъ гость хотѣлъ-бы еще о чемъ-то спросить?

(*Сакунтала ерозитъ ей пальцами*)

Душм. Ты совершенно угадала, Пріамвада. Испытывая желаніе знать все, что касается этой небесной дѣвы, я позволю себѣ еще одинъ вопросъ.

ПРІАМВ. Къ чему-же такая нерышительность? Развѣ не знаешь ты, что первая обязанность пустынницъ — объѣтъ повиновенія?

Душм. Если такъ, скажи мнѣ:

Пока покровитель вашъ наберетъ для нея супруга, прекрасная подруга ваша неужели дала объѣтъ на жизнь угрюмой пустынницы, столь противоположную съ сладостными заботами любви? Увы! ужели она осуждена влачить уединенные дни среди милыхъ газелей, взоры которыхъ въ тысячу разъ не такъ прелестны, какъ ея взоръ?

ПРІАМВ. Почтенный господинъ! до сихъ поръ наша юная подруга ревностно исполняла всѣ обязанности, предписываемыя нашею строгою жизнью; но намѣреніе почтеннаго Кануа соединить ее со временемъ съ супругомъ, достойнымъ подобнаго дара.

Душм. (*съ радостью, про себя*) Веселись, сердце мое, веселись! что только подозрѣвало ты, теперь перешло въ достовѣрность; то, къ чему за минуту боялась ты прикоснуться, какъ къ огню, можетъ украсить тебя, какъ перлъ драгоценный!

САКУНТ. (*гнѣвно*) Анузул! я не вытерплю болѣе... Надобно удалиться...

Анузуя. Для чего-же, милая подруга?

САКУНТ. Сказать нашей почтенной старѣйшинѣ Гаутами обо всей нескромной болтовнѣ Пріамвады. (*она встаетъ*).

Анузуя. Неужели ты думаешь, милая, что благочестивой пустынницѣ прилично предаваться досадѣ, не воздавши вполне гостю, столь почтенному, всѣхъ обязанностей гостепріимства?

(*Сакунтала, не отвѣтая ей, показываетъ видъ, что хочетъ уйти*)

Душм. (*съ сторону*) Какъ? Она уже идетъ.... (*встаетъ, какъ будто хотѣла остановить ее, но вдругъ удерживаетъ свое желаніе*) О, какъ трудно тому, кто любить, не измѣнить поступками смятенія души своей!

Такъ, безъ чувства стыдливости, удержавшаго меня, я позволялъ-бы за этою юною дѣвушкою! Стараюсь показать видъ наружнаго спокойствія, но -- поздно...

ПРІАМВ. (*удерживая Сакунталу*) Какъ хочешь кажись сердитою — ты не уйдешь отсюда!

САКУНТ. (*оборачивается, нахмуривъ брови*) А кто мнѣ запретитъ, скажи, пожалуйста?

ПРІАМВ. А вотъ эти два деревца, которыя ты обѣщала полить за меня — развѣ ты не должна исполнить своего обѣщанія? Потому, иди, когда тебѣ угодно! (*наильно вѣдетъ ее*).

Душм. Сдѣлайте милость, пощадите вашу юную подругу! Мнѣ кажется, она и безъ того уже утомилась трудами, при поливкѣ своихъ любимыхъ растений. Посмотрите,

Посмотрите, какъ прекрасныя плечи ея надалило тяжестью, которую она только что покинула; кровь прилила ярко въ ея ладони; можно видѣть, что она страдаетъ, по этому тяжелому дыханію, столь очаровательно воздымающему грудь ея; милая ленточка, такъ красиво стягивающая цвѣты сирини, украшающіе ея голову, смогла отъ пота, и только слабѣющею рукою можетъ она поправлять локоны прекрасныхъ волосомъ, выпавшихъ изъ повязки, полуразвязавшейся, едва держащей ихъ....

Позвольте мнѣ заплатить долгъ ея!

(онъ подаетъ Пріамвдѣ кольцо. Обѣ подружки, прочитавши написанное на немъ имя, взглядывають одна на другую съ величайшею изумленіемъ.)

Знаю, что это бездѣлка, нестоящая вашего вниманія, и развѣ то придастъ ей нѣкоторую цѣну, что я получилъ это кольцо отъ Царя.

Пріамвада. И потому, конечно, ты не долженъ съ нимъ разставаться. Одного желанія твоего довольно, и я почту послѣ того подругу мою не въ долгу передо мною.

Анузуя. Видишь, Сакунтала: ты теперь свободна, благодаря посредничеству этого великодушнаго незнакомца, или благороднаго князя, можетъ быть... Ты можешь удалиться.

Сакунт. *(въ сторону)* Ахъ! чувствую—вотъ тотъ, съ которымъ должна я соединить жизнь свою, если только мнѣ позволено располагать собою...

Пріамв. Что-жь, Сакунтала, ты войдешь?

Сакунт. Вѣдь я тебѣ ничего теперь не должна? Пойду, когда мнѣ вздумается...

Душм. *(взглянувъ на Сакунталу, въ сторону)* Или я странно ошибаюсь, или эта юная дѣвушка ощущаетъ ко мнѣ такую-же склонность, какую я чувствую къ ней!

Если не смѣшиваешь она разговора своего съ моимъ, за то съ какимъ вниманіемъ слушаетъ она рѣчи мои!

Если въ моемъ присутствіи изъясляетъ она насильственное принужденіе -- за то взоры ея ни на что не обращаются украдкою такъ часто, какъ на меня!

(Голоса за сценою.)

О благочестивые пустыинники! поспѣшите укрыть бѣдныхъ животныхъ, населяющихъ наше святое уединеніе! Все возмущаетъ приближеніе царя Душманта, преданнаго забавѣ звѣроловства!

Уже облака пыли, подвѣваемой погами коней, падаютъ

на корковья одежды наши, еще влажныя и развѣшенные на вѣтвяхъ, гдѣ мы сушимъ ихъ, падаютъ, подобно тучамъ насѣкомыхъ, которыя при солнечномъ свѣтѣ кучами налетаютъ на лѣсныя деревья.

Душм. *(въ сторону)* Какое несчастіе! Вѣрно отрядъ войскъ моихъ ищетъ меня, и безразсудно возмущаетъ дѣвственные лѣса!

(Голоса за сценою.)

О благочестивые пустыинники! берегитесь дикаго слона, распространяющаго ужасъ въ сердцахъ стариковъ, женъ и дѣтей!

Вотъ онъ -- ужаснымъ ударомъ переломилъ онъ одинъ изъ огромныхъ клыковъ своихъ о твердый пень дерева, стоящаго на его пути! Теперь запутался онъ въ извивистыхъ вѣтвяхъ непроницаемаго лѣса, который въ ярости своей хотѣлъ вырвать съ корнемъ! Ахъ! какой пагубный перерывъ дѣлаетъ онъ въ нашихъ священнѣхъ обрядахъ, и какъ страшно заставляеть онъ бѣжать при своемъ приближеніи разбѣнное стадо нашихъ робкихъ газелей! Какой вредъ наноситъ онъ нашему священному убѣжищу, этотъ неукротимый слонъ, котораго одинъ видъ колесницы привелъ въ такой порывъ бѣшенства!

(При салѣ кликаль, три юныя подружки, со страхомъ, прижмались другъ къ другу.)

Душм. *(въ сторону)* Увы! неволью причинилъ я смятеніе между этими благочестивыми отшельниками! Поспѣшимъ -- надобно немедленно возстановить порядокъ!

Пріамв. и Анузуя. Благородный господинъ! испугъ отъ этого слона смутилъ всѣхъ насъ! Дозволь намъ искакъ убѣжища въ пустынь.

Анузуя. *(Сакунталѣ)* Милая подруга! почтенная Гаутами должна сильно беспокоиться объ насъ; пойдемъ поскорѣе, и соединимся тамъ съ нею.

Сакунт. *(едва переступая)* Увы! увы! нестерпимая боль отнимаетъ у меня всю возможность двинуться!

Душм. Идите спокойно, любезныя дѣвушки, а мы постараемся между тѣмъ возстановить спокойствіе въ вашемъ пустынномъ убѣжищѣ.

Приамв. и Анузуй. Почтенный господинъ! мы совсѣмъ не угостили тебя по твоему достоинству, а теперь неприятое происшествіе не допускаетъ намъ исполненія нашего долга, которымъ мы тебѣ обязаны. Надѣмся, что ты простишь насъ, и не смотря на недостатокъ вѣжливости нашей къ тебѣ, удостоишь еще почитать своимъ присутствіемъ смиренную нашу пустыню.

Душм. Что вы говорите? что вы говорите? Ахъ! могли-ль вы предложить мнѣ чтонибудь любезнѣе васъ самихъ!

Сакунт. Ахъ! Анузуй! мнѣ жестоко ранила ногу эта колючая игла *кузы*, и вотъ вѣтвь *кураваки* захватила мою одежду! Поддержите меня, подруги — чувствую, что я упаду...

(она выходитъ, опираясь на подругъ, и украдкою взглядывая на Царя.)

Душманта *(вздыхая)* Увы! онѣ ушли! Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ я Сакунталу, у меня нѣтъ желанія воротиться въ мою столицу! Велю свитѣ моей поставить таборы недалеко отъ лѣса, и свободно увижу ее еще разъ. Она, одна она занимаетъ всю мою душу, и напрасно желалъ бы я удалиться!

Тѣло мое старается удалиться отъ нея, но душа моя, вся смущенная, стремится къ ней — такъ вѣтся несорбито хоруговъ, когда несутъ ее противъ вѣтра!

(уходитъ)

НАЧИНАЕТСЯ ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

(выходитъ Мадгавіа, шутъ и любилецъ царя Душманта.)

Ай, ай, ай! силъ не стаетъ!... Что дѣлать съ этою страстью Царя охотиться?... Быть всегда осужденнымъ слушать тысячу разъ повторенные клики: «Твоя очередь — смотри: олень!» — Твоя очередь, смотри: кабанъ!»... А потомъ, ужъ развѣ въ полдень, перебѣгавши по всѣмъ дорожкамъ въ лѣсу, дадутъ тебѣ отдохнуть подъ сквозною тѣнью общипаннаго дерева, и вмѣсто освѣженія пей воночую, теплую воду какого нибудь источника, заваленнаго гнилыми листьями древесными! Богъ знаетъ когда, дозволитъ тебѣ проглотить на-спѣхъ кусокъ мяса, и тотъ обожжетъ тебѣ горло. Уснуть на волѣ и не думай! Лошадный топотъ во всю ночь не позволитъ тебѣ глазъ сомкнуть, а чуть разсвѣтъ, эти мерзавцы, безстрашные охотники, безъ милосердія дерутъ тебѣ уши крикомъ своимъ: «въ лѣсъ! въ лѣсъ!» — Да, если бы всѣ бѣды этимъ и кончались, а то вотъ тутъ еще новая бѣда съла на плечи.... Съ того дня, когда оставши отъ свиты въ горячкѣ охоты, и преслѣдуя молодую газель, Царь захвачъ въ какую-то пустыню, и открылъ тамъ какую-то молодую пустыницу, по имени Сакунталу, уже и рѣчи нѣтъ о возвращеніи въ городъ.... Всѣ эти мысли не дали мнѣ уснуть до зари, но я все таки не придумалъ лекарства на нашу бѣду, кромѣ того развѣ, что мой высокій другъ жегнется на своей новой побѣдѣ.... *(прохаживается и смотритъ)* Вотъ и онъ идетъ, съ лукомъ и съ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣточковъ на головѣ. Охъ! по

всѣмъ пріемамъ его видно, что сердце у него сильно ранено... Пстой! покажусь, какъ будто меня всего разломало отъ усталости... (грохотомъ) Пора, кажется, мнѣ немножко отдохнуть.

(опирается на палку.)

Душманта (съ стороны.)

Побѣда не будетъ трудною! Судя по всѣмъ поступкамъ ея со мною, я могу всего надѣяться, и если любовь моя не увѣчилась еще успѣхомъ, мнѣ кажется, она не меньше моего ждетъ времени, которое соединитъ насъ.

(улыбается) Да, такъ-то умъ нашъ всегда судить о вещахъ, сообразно тому, что ему нравится, и часто потому жестоко обманывается. Неужели и со мною теперь тоже случится?... Ахъ! нѣтъ!

Если удалаясь, она выразала своимъ сладостнымъ взоромъ столько пѣжности, если она была такъ медленна въ своей походкѣ, на каждомъ шагѣ оказывала новую прелесть, если, въ то время, когда подруга хотѣла удержать ее противъ воли, она показала такое живое нетерпѣніе... Все это, безспорно, было для меня! О, любовь умѣетъ отличать свое, и брать все, что принадлежитъ ея власти...

Мадгавя. (опершись на палку) Великій Царь! усталость лишаетъ меня употребленія рукъ; извини, прошу тебя, если только губами мои могу пробормотать тебѣ привѣтствіе!

Душм. (смотря на него и слышитъ) Отъ чего это ты такъ согнулся?

Мадг. Что? Отъ чего согнулся? Самъ ты переломалъ мнѣ всѣ косточки, и спрашиваешь, отъ чего я кречу!

Душм. Загадка твоя мнѣ непонятна. Изъясни, пожалуйста, лучше.

Мадг. Изволь. Вотъ эта *ветаса* сторбилась. Какъ думаешь: отъ чего? Добровольно, или отъ стремленія воды?

Душм. Разумѣется, отъ стремленія воды.

Мадг. Ну, вотъ также, добрая воля твоего величія сторбила меня!

Душм. Какъ же это?

Мадг. Прилично-ли, спрашиваю тебя, забыть всѣ важнѣйшія дѣла государства, и спокойному пребыванію въ своемъ дворцѣ предпочесть эти лѣса, гдѣ сдѣлался ты настоящимъ дикаремъ? Развѣ здѣсь, скажи мнѣ, можешь ты собирать свой совѣтъ? И поучительно-ли видѣть меня, почтеннаго брамина, что я гоняюсь здѣсь за дикими звѣрями? Да, я весь такъ переломался, что руками пошевелить не могу — ихъ вывихало у меня тяжелое занятіе. Прощу у тебя изъ милости одного денька отдыха!

Душм. (съ стороны) Бѣднякъ не любить охоты, и я съ тѣхъ поръ, какъ юная дочь Кану заняла всю мою душу, я почти также разлюбилъ звѣроловство.

Нѣтъ! не чувствую больше силъ натягивать лукъ, и направлять смертельную стрѣлу въ робкихъ газелей, раздѣляющихъ убѣжище моей милой, и какъ будто въ прекрасныхъ очахъ ея, занявшихъ ту восхитительную прелесть, которая видна въ ихъ глазахъ!

Мадг. (смотря на Царя) Какая новая мысль занимается умъ твой? Увы! слишкомъ хорошо вижу — я проповѣдывалъ въ пустынь...

Душм. Какалъ-же новая мысль можетъ быть у меня, кромѣ той, чтобы послѣдовать мудрымъ совѣтамъ друга?

Мадг. (радостно) Если такъ — да здравствуетъ Царь мой! (*хочетъ удалиться*).

Душм. На минуту! Послушай, что я скажу тебѣ.

Мадг. Къ услугамъ твоего величія!

Душм. Когда твое господство отдохнетъ, мнѣ нужна будетъ его услуга, въ такомъ дѣлѣ, которое не причинитъ ему ни малѣйшей усталости.

Мадг. Что это! Да, уж не заставьте-ли вы меня насладиться какимъ нибудь добрымъ кушаньемъ?

Душм. А вотъ узнаешь.

Мадг. Нетерпѣливо жду такого счастливаго мгновенія!

Душм. Эй! кто тамъ?

Придворный. (*входитъ*) Что угодно твоему величію приказать?

Душм. Раквотака! Позови ко мнѣ моего воеводу.

Придв. Повинуюсь царской волѣ. (*возвращаясь съ воеводой*), Иди, иди, господинъ почтенный! Повелитель нашъ ожидаетъ тебя, хочетъ говорить съ тобою — иди же скорѣе!

Воевода. (*съ сторону глядя на Царя*) Какъ ни упрекаютъ насъ мудрецы за упражненіе охотою, но оно удивительно прилично нашему повелителю! И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ему преданъ,

съ тѣхъ поръ, какъ занятіе лукомъ, котораго неоставляетъ онъ никогда, укрѣпило руку его, съ тѣхъ поръ, какъ привыкшій къ палачимъ лучамъ солнца, онъ переноситъ жаръ безъ малѣйшаго утомленія, избавленное отъ излишней толщины, крѣпкое тѣло его составлено, кажется, изъ однихъ нервовъ, и посмотрѣвши на него, назовешь его слономъ, пробѣгающимъ вдали по вершинѣ высокой горы, и представляющимъ зрѣнію точкою.

(*приближаясь*) Да будетъ Царь всегда побѣдителемъ! — Государь! повсюду въ лѣсу видны слѣды дикихъ звѣрей, и никогда охота не обѣщала намъ лучшей удачи — можешь ли медлить?

Душм. Ахъ! Бгадразена! Мудрый Мадгавія, этотъ отвѣянный непріятель охоты, запрещаетъ мнѣ такое увеселеніе!

Бгадразена. (*тихо Мадгавію*) Славно, дружище, стой крѣпче, а я испытую мысли Царя! (*громяко*) Государь! этотъ дуракъ не знаетъ, что говорить. Раз-

смотри, сдѣлай милость, удовольствія и выгоды, доставляемые охотою:

Въ началѣ, самое свободное обращеніе крови; тѣло освобождается отъ излишней толщины, дѣлается легче и способнѣе на всѣ роды занятій; потомъ, не удивительное-ли наслажденіе угадывать по разнымъ движеніямъ животнаго, которое преслѣдуешь, чувство, то страха, то гнѣва, его оживляющихъ, и наконецъ — радостный восторгъ, когда стрѣла охотника вѣрно достигаетъ своей добычи, въ то мгновеніе, когда она бѣжала во всю прыть. Нѣтъ, нѣтъ! правду говорить, что нѣтъ на свѣтъ другаго увеселенія, которое можно-бы было сравнить съ охотою!

Мадг. (*сердито*) Ахъ! ты злодѣй! Ахъ ты негодный потатчикъ! Ужъ пусть-бы Царь предавался такому занятію, если у него есть къ нему страсть, а ты, негодный сынъ рабыни, когда ты рыскаешь по лѣсу, желалъ-бы я тебѣ попасть въ лапы какого нибудь голоднаго стараго медвѣдя, когда онъ гонится за соколомъ, или оленемъ!

Душм. Бгадразена! близость священнои пустыни не позволяеть мнѣ согласиться на твое желаніе. И такъ, оставимъ сегодня въ покоѣ звѣрей здѣшняго лѣса. —

Пусть буйволъ играетъ, возмущая рогами своими воду, въ которой онъ утоляетъ жажду; пусть серны, соединяясь стадами, спокойно пережевываютъ жвачку въ тѣни; пусть старыя вепри безъ опасенія пилятъ клыками своими пни въ грязныхъ болотахъ, и пусть лукъ мой покоится съ распущенною тетивою!

Бгадраз. Какъ угодно твоему величію.

Душм. Вороти-же стрѣлковъ, побѣжавшихъ впередъ, и позаботься отдать приказъ, чтобы всѣ уважали это святое убѣжище, и свита моя оставалась въ далекомъ отъ него разстояніи, потому что, видишь-ли ты —

Подъ наружною терпѣнія выше всякаго испытанія, благочестивые пустышники скрываютъ пожирающую силу. Такъ

вода, охлаждающая и усладительная, если подвергнуть ее силе огня, может раскрыть страшную мощь, и обжечь насъ!

Мадг. Ступай-ка, ступай, благородный защитникъ наслажденій охотою!

Бгадраз. Повелѣнія Царя будутъ тщательно исполнены! *(уходитъ)*

Душм. *(свить своей)* Вы положите всѣ охотничьи снаряды, а ты, Равватака, удвой бдительность по своей должности.

Придв. Царь останется доволенъ.

(уходитъ.)

Мадг. Какъ одного слова твоего достаточно было очистить всю эту ограду! Тутъ и мухи теперь не осталось. Устой-же съешь на эту скамью, въ тѣни огромныхъ деревьевъ, подъ этимъ благодѣтельнымъ навѣсомъ, чтобы мнѣ можно было подлѣ тебя наслаждаться тѣмъ прѣтнымъ дѣломъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ!

Душм. Иди впередъ.

Мадг. Иди, Государь, иди ты.

(оба садятся на скамью.)

Душм. Другъ Мадгавил! Ты не можешь похвалиться, чтобы глаза твои наслаждались уже всѣмъ тѣмъ удовольствіемъ, къ какому они способны, потому что взоры твои не встрѣчали еще существа, самаго достойнаго увлечь ихъ.

Мадг. Что ты говоришь, Государь! Ахъ! да и въ эту минуту не направлены-ли они на твою особу?

Душм. Хотя вообще способны мы судить о себѣ слишкомъ благосклонно, но не обо мнѣ идетъ здѣсь рѣчь, а объ Сакунталѣ, жемчужницѣ здѣшняго уединенія.

Мадг. *(въ сторону)* Ладно — мнѣ надобно употребить всю мою силу, для воспріятствования этой страсти! *(громо)* Но если эта красавица дочь пу-

стынника, ты не можешь получить руки ея — ну, такъ, къ чему-же послужить тебѣ заглядываться на нее?

Душм. Ахъ! какой ты дуракъ!

Развѣ хотимъ мы схватить руками повый мѣсяцъ, когда вытянувши шею и уставивъ глаза, мы не можемъ отворотить взоры нашихъ отъ его серебрянаго блеска!

Но не думай, чтобы Душманта остановилъ мысли свои на предметъ, которымъ онъ обладать не можетъ!

Мадг. Расскажи-жѣ мнѣ?

Душм. Знай, что она одолжена рожденіемъ небесной богини, и что если ее называютъ дочерью Капуа пустыльника, то потому только, что она приняла ее оставленную, подобную нѣжному цвѣту манки, отдѣленному отъ его стебля, и удавшему отъ лучей солнца.

Мадг. *(улыбась)* Право, когда я думаю о прелестныхъ женщинахъ, какія находятся въ моемъ антагъ-пурѣ, я вижу, что ты предпочитаешь имъ свою новую побѣду, мнѣ кажется, я вижу сытаго человѣка, который мнѣяетъ сладкое питье финиковое на горькій сокъ дикаго тамаринда.

Душм. Мой другъ! очень замѣтно, что ты не видѣлъ ее, потому, что ты осмѣливаешься такъ говорить.

Мадг. О, безъ сомнѣнія! что можетъ тебѣ нравиться, то должно быть очень мило.

Душм. Однимъ словомъ:

Когда размышляю я о могуществѣ Брамъ и совершенствахъ этой несравненной дѣвушки, мнѣ кажется, что соединивши въ мысли своей всѣ стихіи, способны произвестъ прекраснѣйшія формы, и уравнивавши ихъ на тысячу образовъ, Брама остановился наконецъ на образъ этой божественной красоты, совершенствъ созданія!

Мадг. Охъ! боюсь, что эта красавица заставитъ тебя забыть всѣхъ другихъ женщинъ?

Душм. Но — мысль ужасная!

Какому смертному на землѣ назначена эта восхитительная красота, свѣжестью своею похожая на цвѣтокъ, благоуханія котораго не вдыхалъ еще въ себя никто, на нераспустившейся цвѣтъ, котораго не смѣла еще сорвать дерзкая рука, на жемчужину, еще нетронутую въ перламутръ, гдѣ она покоится, на новый медъ, къ которому не прикасались еще ни чьи уста? — Это безцѣнное сокровище, достойная награда высокихъ добродѣтелей, кому оно достанется? Увы! не знаю...

Мадг. Повѣрь мнѣ, ты не долженъ терять времени, если не хочешь, чтобы эта обожаемая пустыньница не сдѣлалась добычею какого нибудь грубаго пустытника, съ волосами, намазанными и гладко приглаженными масломъ ашгуди.

Душм. Мой другъ! она не можетъ располагать сама собою, а старѣйшина семейства въ отсутствіи.

Мадг. Хорошо, но какія чувства ея къ тебѣ?

Душм. Юныя дѣвы, воспитанныя въ пустынь, естественно робки, но —

Этотъ взоръ, столь скромно потупленный въ моемъ присутствіи — эта печальная улыбка, гдѣ мелькаетъ лукавое невниманіе, не доказательства-ли они любви, удерживасмой самою кроткою стыдливостью, несмѣющей открыться воплнѣ, и дозволяющей себя угадывать?

Мадг. Какъ? И на такихъ-то слабыхъ доказательствахъ ваше величіе уже поестъ побѣду?

Душм. Ахъ! ея чувство ко мнѣ сказалось явнѣе въ минуту ея ухода съ двумя ея молодыми подругами!

«Посмотрите — говорила она — и сладостно згала она въ это время — «посмотрите — ногу мою жестоко раннила эта колючая игла кузы» — и она остановилась безъ причины. Потомъ, едва ступила она пѣскольکو шаговъ, какъ обогрнула голову, будто отцѣпила одежду свою отъ кустарника, который вовсе за нее не цѣплялся — и все для того, чтобы взглянуть на меня!

Мадг. Ну, такъ, конечно, съ добрымъ запасомъ

кушанья, заколдованный прелестью этой пустыньницы, остаешься ты въ этомъ лѣсу?

Душм. Мой другъ! Прискаты какую нибудь хитрость, и снова войти въ священное убѣжище, хочу употребить я твой умъ!

Мадг. Да, на что тебѣ хитрости? Въдѣ ты Царь?

Душм. Что ты хочешь сказать?

Мадг. «Эй, вы, пустытники! подавайте мнѣ тотчасъ шестую часть сборки сарачинскаго пшена, слѣдующаго мнѣ по закону!» Вотъ что ты можешь сказать имъ.

Душм. Безсмысленный! совѣмъ другой дани жду я отъ благочестивыхъ пустытниковъ, дани — въ тьсячу разъ драгоценнѣйшей груди дорогихъ каменьевъ —

Дань, собираемая царями съ ихъ подданныхъ, тлѣнна и преходяща, но святое приношеніе, блага, которыя своими пламенными молитвами получаютъ они для насъ съ неба, остаются навсегда на главѣ влстителя!

(Голоса за сценою)

Можемъ ли имѣть счастье насладиться присутствіемъ Царя?

Душм. (прислушиваясь) О! по звукамъ этихъ кроткихъ и усладительныхъ голосовъ, думаю, что мы слышимъ голоса пустытниковъ!

Придворный. (входитъ) Да, будетъ Царь всегда побѣдителемъ. Два юные ршши ожидаютъ его.

Душм. Введите ихъ скорѣе!

Придв. Приказъ Государя исполнится (онъ выходитъ, и возвращается черезъ минуту съ двумя пустыниками) Сюда, сюда!

Одинъ изъ пустытниковъ. (разматривая Царя) Какого довѣрія не внушить этотъ видъ величія, блистающаго такимъ свѣтомъ во всей его особѣ, или лучше сказать, это выраженіе доброты,

признакъ истиннаго риши, отпечатанный во всѣхъ его чертахъ.

Какого обилія благъ не доставляетъ намъ его пребываніе въ семь священномъ лѣсъ?... Сколько покровительство, намъ оказываемое, возвышаетъ ежедневно его достоинства! Да, справедливо, въ священныя гимнахъ, вдохновенные пѣвцы возвышаютъ до небесъ славу такого монарха, властителя страстей своихъ, столь достойнаго двоякаго именоваія Царя и Мудреца; конечно, и одно названіе муні уже почтено, но какого блеска не приобретаетъ оно, если впереди его находится названіе *царя*!

Другой пуст. Какъ? Мой другъ! и такъ вотъ онъ, Душманта, знаменитый любимецъ *Индра*.

Первый пуст. Безъ сомнѣнія, но какаѧ твоѧ мысль?

Второй. О, не дивлюсь болѣе, если эта рука, мощная, крѣпкая, какъ огромная полоса желѣза, которою заперты врата столицы его, достаточна для покоренія его могуществу земли, черной границы обширнаго океана, и если въ лютыхъ битвахъ, какія ведетъ онъ съ *Дайтилим*, боги столько же придають его грозному луку, сколько и громамъ *Индра* блистательныхъ побѣдъ, какія одерживаютъ они надъ своими врагами!

Оба пуст. (*приближаясь*) Да, будетъ побѣда всегда удѣломъ твоимъ, великій Царь!

Душм. (*встаетъ*) Примите мой привѣтъ!

Оба пуст. Да будетъ твое величіе всегда счастливо!

(*предлагаютъ ему плоды*)

Душм. (*принимая съ знаками глубокаго почтенія*) Скажите мнѣ, прошу васъ, вину вашего прихода?

Оба пуст. Мирные обитатели сей пустыни, узнавши, что величество твое остановилось здѣсь не далеко, желали бы...

Душм. Чего желаютъ отъ меня вани благочестивые отшельники?

Оба пуст. Они заклинають тебя, Государь, по-

селиться на нѣсколько дней въ ихъ пустынь, въ сопровожденіи своего возницѣ, увѣренные, что присутствія твоего достаточно ужаснуть толпу злыхъ духовъ, которая со времени отбѣзда добродѣтельнаго Кануа, нашего начальника, не перестаетъ нападать на насъ, препятствуя исполненію священныя обязанности.

Душм. Такое требованіе для меня есть высшая благосклонность!

Мадр. (*тихо Царю*) Вотъ что называется сдѣлать тебѣ самую пріятную непріятность.

Душм. Равватака! пусть безъ отлагательства возница приготовить мнѣ колесницу мою, и не позабудетъ положить въ нее мой лукъ и другія оружія.

Придв. Повинуюсь Царю. (*уходитъ*)

Оба пуст. О, какъ сладостно видѣть, что родъ благородныхъ предковъ не переродился въ тебѣ. Конечно, знаменитое поколѣніе Пуру поставилъ Брама покровительствовать несчастнымъ, и защищать ихъ отъ всякаго страха!

Душм. Идите, добродѣтельные брамины, а я слѣдую немедленно по стопамъ вашимъ.

Оба пуст. Побѣда, побѣда Царю! (*уходятъ*.)

Душм. Ну, любезный Магдавіа, не блаженъ ли ты? Ты увидишь Сакунталу — ты долженъ умереть отъ нетерпѣнія.

Мадр. Да, мнѣ очень хотѣлось-бы этого, но — вотъ эти злые духи....

Душм. Ну, ну! не бойся ничего — развѣ не будешь ты подлѣ меня?

Мадр. Правда, я подлѣ независимымъ покровительствомъ твоей всемогущей руки.

Придв. (*приходитъ*) Великій Царь! колесница готова принять твое величіе, для торжественнаго шествія, но вотъ нѣкто Карабга, посланникъ Царя Т. Ш. — Отд. II.

цы матери твоей, прибыль въ сію минуту изъ сто-
лицы.

Душм. *(погтительно)* Какъ? Точно-ли отъ вели-
кой Царицы посланъ онъ?

Придв. Почему величіе твое въ этомъ сомнѣ-
вается?

Душм. Введи его.

Придворный *(выходитъ, и возвращается черезъ
минуту съ посланнымъ)* Карабга! ты видишь Царя
и повелителя своего. Приблизься съ почтениемъ къ
священной особѣ его!

Посланный *(низко кланяясь)* Да, будетъ Царь
побѣдителемъ! — Государь! ваша великая мать
дастъ вамъ знать...

Душм. Что угодно почтенной Царицѣ?

Посл. Черезъ четыре дня долженъ послѣдовать
большой постъ, по случаю приношенія тѣнямъ пред-
ковъ, и Царица дасть знать твоему величію, что
присутствіе твое необходимо при семъ торжествѣ.

Душм. Съ одной стороны обѣщаніе, данное бла-
гочестивымъ пустынноикамъ, съ другой повелѣніе
Царицы, великой матери моея.... Двѣ обязанности,
которыя необходимо выполнить.... Что мнѣ дѣлать!

Мадг. Прекрасно! Я вижу его теперь въ такомъ
же затрудненіи, какъ Тризанка!

Душм. Истинно, я нахожу теперь себя въ ужас-
номъ замѣшательствѣ!

Разстояніе двухъ мѣствъ, гдѣ я долженъ дѣйствовать въ од-
но время, разделяеть мой разумъ, какъ утѣсь, находящійся
въ рѣкѣ, разделяеть теченіе водъ ея!

(послѣ некотораго размышленія)

Другъ Мадгавіа! мать моя всегда уважала тебя, какъ
сына, и такъ, ты можешь возвратиться въ городъ,
сказать Царицѣ о важномъ дѣлѣ, исполненіе кото-
раго принялъ я для добродѣтельныхъ отшельниковъ,

и прекрасно можешь занять мое мѣсто при случаѣ
торжества.

Мадг. Изволь, но не думай только, чтобы я со-
глашался потому, что хоть сколько нибудь боюсь
этихъ злыхъ *ракишазовъ*.

Душм. Возможно-ли — браминъ, столь почтен-
ный, какъ ты! Иди — ты выше всякаго подозрѣ-
нія!

Мадг. Это еще не все. Теперь, когда я объяв-
ленъ братомъ царскимъ, я не могу отправиться,
кажется мнѣ, безъ поѣзда, приличнаго моему но-
вому достоинству.

Душм. И на это я согласенъ. Рѣшась остаться
здѣсь одинъ, для защиты почтенныхъ браминовъ,
я не имѣю надобности въ моей блестящей свитѣ, ко-
торая будетъ сопровождать тебя, какъ почетный
поѣздъ.

Мадг. *(гордясь)* О, о! вотъ я и буду казаться
твоимъ почетнымъ наследникомъ!

Душм. *(въ сторону)*. Этотъ молодой глупецъ такъ
легкомысленъ, и по его вѣтренности легко могутъ
начаться подозрѣнія въ моемъ антагъ-пурѣ, о новой
страсти, меня увлекающей. Надобно мнѣ перемѣнить
его мысли. *(береть Мадгавіа за руку)* Будь увѣренъ,
другъ мой, что только желаніе быть полезнымъ
этимъ почтеннымъ рини заставляеть меня внести
ногу мою въ ихъ пустыню, и во всей этой страст-
ной любви, которую показывалъ я тебѣ къ Сакун-
талѣ, не было ни сколько правды. Видишь:

Какое отношеніе можетъ быть между мною и юною дѣ-
вушкою, столько-же смиренною, какъ робкія газели, среди
которыхъ она воспитана, преданная совершенно любви чи-
сто отвѣченной?

Сказка, которую я тебѣ пересказывалъ, была простою шуткою съ моей стороны, и надѣюсь, ты остережешься принимать все это за что нибудь другое, кромѣ шутки?

Мадг. О! не сомнѣвайся!

Душм. Ступай-же, Мадгавіа, думай о томъ, какъ достойно выполнить обязанность, мною тебѣ доверенную, а я иду оказать мое покровительство почетнымъ браминамъ.

(*онъ уходитъ.*)

=

НАЧИНАЕТСЯ ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ВСТУПИТЕЛЬНОЕ.

Молодой Брагмачари (*несетъ освещенную кузу. Онъ размышляетъ нѣсколько времени, потомъ вскрикиваетъ, какъ будто онъ себя отъ удивленія.*)

Нѣтъ могущества, равнаго великому Душманту! Едва явился онъ въ нашей пустынь, какъ злые духи не смѣютъ уже противуположить малѣйшаго препятствія нашимъ благочестивымъ занятіямъ!

Исполненные ужаса отъ одного мановенія руки его, когда онъ беретъ за стрѣлу, не слыша еще дрожащія тетивы, и глухаго голоса потрясеннаго лука, уже бѣгутъ они далеко?

И такъ безопасно могу я передать нашимъ почетнымъ жрецамъ сіи освещенные злаки, предназначенные украсить стѣны нашихъ священныя алтарей!

(*идетъ, глядитъ кругомъ, и какъ будто останавливается на какомъ-то предметѣ.*)

О Приамвада! для кого назначаешь ты этотъ освѣжительный бальзамъ *узирь*, и эти широкія листья

лотоса, съ ихъ длинными волокнами? (*какъ будто слушалъ*) Что ты говоришь? Для Сакунталы? У нея горячка? Милал Приамвада — ахъ! позаботься объ ней! Ты знаешь, что она вторая жизнь для добраго нашего отца! А я между тѣмъ передамъ тебѣ черезъ почтенную Гаутами воду, освещенную при послѣднемъ жертвоприношеніи; она утишитъ боль ея.

(*уходитъ.*)

ДУШМАНТА (*аходитъ, показывая во естѣхъ движенія признаки самой сильной страсти.*)

ДУШМ. (*вздыхая*)

Безъ сомнѣнія, знаю всю строгость, какую предписываетъ ей благочестивая жизнь, знаю, что она совершенно покорна волѣ Кануа, и между тѣмъ, какъ рѣку нельзя поворотить къ ея источнику, такъ ничто не можетъ отворотить сердца моего отъ страсти, его увлекающей!

Могущая любовь! какъ можешь ты наносить намъ раны, столь глубокія, ты, оружіе которой составляютъ одни цвѣты?

(*размышляетъ*)

Ахъ! я вижу!

Огни Сива гнѣвнаго таятъ еще въ тебѣ, подобно таинственной кузницѣ, сокрытой во глубинѣ морей! Могла-ли бы ты безъ того, въ прахъ обращенная, зажигать такіе огни въ сердцахъ нашихъ?

Несчастные мы любовники! Какіихъ страданій не заставляете вы насъ испытывать, ты, жестокая любовь, и ты, молчаливое свѣтло ночей, объ созданья для того, кажется, чтобы внушать намъ только сладкую довѣренность!

Да, эти цвѣтистые лучи, которыми украшаютъ колчанъ твой, эта свѣжесть, которую придаютъ свѣту твоему, о луна! какъ различно представляются они влюбленному!

Эти свѣжіе лучи твои — пожирающее пламя; эти цвѣтистыя стрѣлы — острые алмазы, раздражающіе наши сердца!

И между тѣмъ —

Пусть любовь непрерывно соединяетъ на мнѣ всѣ роды мученій, далекій отъ жалобъ на пее, я благодарилъ-бы ее даже, еслибы въ возмездіе скорбей моихъ, она дала мнѣ средства торжествовать нѣкогда надъ этою красавицею съ уполющими взорами!

Но, божество неумолимое! Ты не оказываешь состраданія къ несчастному, который можетъ такъ горько жаловаться на твою жестокость!

Какъ? для того-ли непрерывно посвящаю я себя твоему обожанію, со всею горячностью изступленнаго воображенія, чтобы видѣть тебя, еще съ большею силою напрягающею твой ужасный лукъ, избирая сердце мое цѣлью для стрѣлъ твоихъ?

Посмотримъ, что мнѣ дѣлать для развлеченія моихъ скорбей, теперь, когда благочестивымъ пустыникамъ не нужна моя помощь?

(вздыхал.)

Увы! только видъ моей возлюбленной можетъ принести мнѣ нѣкоторое услажденіе, и надобно мнѣ отыскать ее.

(смотритъ на небо.)

Да, безъ сомнѣній, въ это время дня, когда жаръ даетъ себѣ чувствовать всего сильнѣе, Сакунтала, сопровождаемая двумя своими подругами, ищетъ убѣжища на берегахъ Малини, гдѣ сѣнствыя деревья распространяютъ столь усладительную тѣнь! Надобно мнѣ идти туда... *(приближается и смотритъ)* Ахъ! вотъ она прошла здѣсь, за нѣсколько мгновений, по этой аллеѣ, которую защищаютъ молодые кустарники!

Вижу по цвѣтамъ, тамъ в здѣсь разбросаннымъ, нѣжныя чашечки которыхъ, хотя и отторгнутыя отъ роднаго стебля, сохраняютъ еще весь блескъ свой, вижу по этимъ вѣточкамъ, изъ которыхъ льется свѣжій молочный сокъ, показывающій недавній срывъ ихъ.

(чувствуя пріятное ощущеніе.)

Какимъ живительнымъ воздухомъ дышать въ сихъ мѣстахъ!

Съ какимъ сладострастіемъ, все мое тѣло, сожигаемое пламенною горячкою любви, ласкаетъ теперь этотъ нѣжный вѣтерокъ, обремененный благоухающими испареніями лотоса, и легкими каплями освѣжительной росы, которые похитилъ онъ, играя на едва замѣтныхъ волнахъ Малини!

(смотритъ вокругъ.)

О блаженство! тамъ, подъ этимъ навѣсомъ, составленнымъ изъ перепутанныхъ вѣтвей цвѣтущей ветазы, тамъ покоится Сакунтала!

Да, я совершенно различаю на мелкомъ пескѣ, которымъ покрыта тропинка, туда ведущая, свѣжіе слѣды ногъ ея, этихъ очаровательныхъ пожегъ — они опечатались здѣсь во всей ихъ прелесть!

Посмотримъ сквозь вѣтви.

(раздвигаетъ вѣтви, и вскрикиваетъ въ восхищеніи.)

Вижу ее, прелесть очей моихъ! Вотъ она, небрежно сидитъ съ подругами на цвѣтистомъ ложѣ! Изъ моей счастливой засады, я могу наслаждаться ихъ разговоромъ, исполненнымъ очаровательной откровенности...

(прлется.)

САКУНТАЛА и двѣ подруги ея.

Подруги *(обмахивая ее опахалами)* Милая Сакунтала! чувствуешь-ли какое нибудь облегченіе отъ свѣжаго вѣтерка, производимаго этими широкими листьями лотоса?

САКУНТАЛА *(съ бользненнымъ видомъ)* О мои добрыя подруги! для чего столько заботъ!

(онѣ смотрятъ на нее грустно.)

ДУШМ. *(въ сторону)* Она, кажется, очень нездорова! *(солиительно)* Что-же? Отъ излишняго-ли жара, или скорѣе по другой причинѣ, которая пришла

теперь мнѣ въ голову? (думаетъ) Или? ... Прочь всё сомнѣнія!

Грудь, полузакрываетъ этимъ поясомъ, напитаннымъ бальзамомъ *узирь*, это зарукавье, сплетенное изъ жилокъ лотоса небрежно надѣтое на руку, упавшую въ утомленіи... О, какъ, не смотря на весь этотъ безпорядокъ, она восхитительна въ очахъ моихъ!

Да, правда, что огонь любви и пожирающей жаръ лѣта подвергаютъ насъ въ чрезмерное ослабленіе, но не естественно, чтобы одно вліяніе солнца утомляло насъ до такой степени въ цвѣтъ юности!

Пріамв. (тихо Анузуя) Замѣтила-ли ты, Анузуя, что со времени перваго свиданія съ Царемъ, Сакунтала сдѣлалась такою разстроенною? Вотъ, мнѣ кажется, начало ея болѣзни...

Анузуя (тихо Пріамваду). Признаюсь, и я думаю также! Надобно узнать хорошенько. (громко Сакунталу) Мнѣ хотѣлось-бы спросить у тебя, милая... Твоя болѣзнь очень тяжела?

Душм. Прекрасно! Она должна теперь сказать! Ахъ! какъ ея зарукавье, сплетенное изъ лотосовыхъ жилокъ, бѣзизною спорящихъ съ свѣтомъ лучей мѣсяца, черными пятнами показываетъ жестокость внутреннего огня, ея пожирающаго!

Сакунт. (съ усиленіемъ приподнимаясь) Ты сама видишь; но что ты хочешь знать?

Ануз. Послушай, милая Сакунтала: мы не можемъ угадать, что происходитъ въ твоемъ сердцѣ, но между тѣмъ, я думаю, болѣзнь твоя можетъ быть одинакова съ болѣзнями влюбленныхъ, какъ описываютъ ее въ любовныхъ повѣстяхъ. Скажи-жь намъ, что съ тобой сдѣлалось? Не зналъ хорошо зла ее самаго начала его, нельзя и думать объ исцѣленіи.

Душм. (въ сторону) Можно сказать, по истинѣ, что Анузуя прочтала мысль мою, потому, что я тоже подозреваю...

Сакунт. Да, боль моя нестерпима, и мнѣ не легко вдругъ открыть ея причину...

Пріамв. А между тѣмъ, моя кроткая подруга, Анузуя говорила совершенно справедливо. Скажи: для чего стараешься ты сдѣлать тайну изъ страннаго состоянія, въ какомъ находишься? Посмотри, какъ день ото дня всё члены твои кажутся болѣе и болѣе слабѣющими, хотя восхитительная красота все еще не оставила тебя!

Душм. (въ сторону) Ахъ! какую правду сказала ты, Пріамвада!

Да, щеки ея потеряли свою удивительную округлость; грудь ея, хотя и твердая юностью, раздѣляется теперь не много болѣе на своей возвышенности; станъ ея потонѣлъ, прекрасныя плечи ея похудѣли, и легкая блѣдность смѣнила живой блескъ ея лица! Но если и чувствуешь скорбь, видишь ее въ такомъ состояніи слабости, то находишь восхитительною, думая, что любовь причинила такое опустошеніе... Ее уподобить можно слабому лиану, у котораго завали листочки отъ пламеннаго дыханія полуденнаго вѣтра...

Сакунт. (вздыхая) И для чего раздѣлю я съ вами мои скорби?

Подруги (вѣсть). Милая подруга! Милая подруга! этого желаемъ мы всего болѣе: раздѣленную скорбь переносить легче.

Душм. (въ сторону) Такъ спрашиваемая любезными повѣренными своихъ скорбей и своихъ радостей, не можетъ она скрывать, не можетъ не сказать о виновникѣ своего мученія... И въ это мгновеніе, не смотря на всю любовь, которую не однажды открывала я въ ея взорахъ, когда они украдкою падали на меня, я чувствую трепеть въ ожиданіи ея отвѣта!..

Сакунт. Съ той минуты, когда знаменитый покровитель нашъ, царь Душманга, представился взорамъ моимъ...

(оставляется въ милой стѣдливости).

Подруги. Докончи, dokonчи, милая подруга!
 Сакунт. Съ той поры, тревожимая страстью, которую онъ внушилъ мнѣ, я стала добычею этой несчастной болѣзни...

Подруги. Прими наши поздравленія! Никто изъ смертныхъ, кромѣ его, недостойнъ сдѣлаться предметомъ обѣтовъ своихъ! Такъ прекрасная рѣка не соединяетъ волнъ своихъ ни съ чѣмъ, кромѣ обширнаго моря!

Душм. (*въ восторгѣ*) О сладостное признаніе! я слышу тебя!

Какъ ты, любовь, виновница моихъ страданій, вдругъ сдѣлалась монимъ утѣшителемъ!... Такъ подъ небомъ, покрытымъ облаками, всѣ существа въ природѣ, будто уничтожены прежде пожирающимъ огнемъ солнца, кажутся приемлющими новое бытіе!...

Сакунт. Выдумайте-же, мои кроткія подруги, чтонибудь такое, чѣмъ могла бы я сдѣлать Царя чувствительнымъ къ скорби, меня терзающей... Безъ того, скоро останется вамъ отъ меня — только одно воспоминаніе...

Душм. (*въ сторону*) Вотъ что разрѣшаетъ всѣ мои сомнѣнія — о я, счастливѣйшій изъ смертныхъ! Не усладительны ли — видѣть себя властителемъ сердца, которое отдается само собою, нежели торжествовать надъ сердцемъ цѣною тысячи стараній!

Приамв. (*Анузугъ*) Милая подруга! страсть Сакунталы приобрѣла силу неодолимую, и всякое промедленіе будетъ ей смертельно.

Анузугъ (*Приамвдѣ*). Какую хитрость должны мы употребить, чтобы удовлетворить желаніе подруги нашей безъ замедленія, и сохраняя стыдливость ея?

Приамвада (*Анузугъ*) Только о послѣднемъ, милая, надобно намъ позаботиться, а первое — я разумно, вѣрность успѣха — будь увѣрена, это дѣло уже достовѣрное!

Анузугъ (*Приамвдѣ*). Какъ такъ?

Приамвада (*Анузугъ*). Подумай. — Не замѣтила-ль ты этого очаровательнаго выраженія нѣжности, изображаемаго взорами Царя каждый разъ, когда обращаетъ онъ ихъ на нашу подругу? И эта худоба, которую замѣчаютъ въ немъ съ нѣсколькихъ дней, чему приписать ее, если не безсонницѣ любви?

Душм. (*въ сторону*) Она правду говоритъ!

Мое зарукавье потемнѣло отъ горячихъ слезъ, измѣняющихъ внутреннему, пожигающему меня огню, и наполняющихъ руку мою, когда, во время продолжительной безсонницы, упираюсь я на нее блѣдною щекою, оставляя нетронутою звѣвающую тетиву моего лука, и сжимая изсохшіе пальцы, тщетно надѣюсь сыскать въ нихъ опору!

Приамвада. (*подумавши*) Мнѣ пришла мысль! Если бы Сакунтала написала любовное писемцо, не могли-ли я спрятать его въ цвѣтокъ, и поднести Царю этотъ цвѣтокъ, подъ предлогомъ, будто представляю ему приношеніе?

Анузугъ. О, я восхищена такою милою хитростью! Что скажешь, Сакунтала?

Сакунт. Но... Надобно подумать...

Приамв. Хорошо! Думай-же теперь только о какихъ-нибудь нѣжныхъ стишкахъ, которые будутъ предвѣстіемъ объявленія, болѣе важнаго.

Сакунт. Готова... Но сердце мое трепещетъ, страшась отказа!...

Душм. Прелестная дѣвушка! Онъ подлѣ тебя, пожираемый страстью, тотъ, чьего отказа ты боишься!.. Нѣтъ, нѣтъ! влюбленный, знаю, можетъ быть, жестоко обмануть въ своей надеждѣ — можетъ достигнуть иногда и высшаго счастья!...

Но быть нечувствительнымъ, преслушнымъ любви — какъ-же счастье можетъ ему когда-либо послѣ того улыбаться?

Ты страшисься, о прекраснѣйшая изъ двушекъ! чтобы я не отвергъ твоего дара... я — упоенный любовью, мечтающей только объ обладаніи тобою, я, который предпочитаетъ тебѣ всему, что только есть въ мірѣ драгоценнаго!

Подруги. Милая Сакунтала! ты слишкомъ унижаешь свои достоинства! Скажи, есть-ли существо такое, которое, будучи пожираемо пламенемъ, было-бы такъ нечувствительно, что захотѣло заслониться зонтикомъ отъ кроткихъ лучей мѣсяца осенняго, въ то мгновеніе, когда они разольютъ на него усладительную свѣжесть?

Сакунт. (*улыбалась*) Что ты говоришь вздоры! Не мѣшай — развѣ не видишь, что я горю въ огнѣ, сочиняя мои стихи?

(*кажется глубоко задумчивого*).

Душм. (*въ сторону*) О зрѣлище очаровательное! какъ завидоваль-бы я, если бы хоть на мгновеніе былъ лишень тебѣ!

Да, я могу теперь считать по пѣвительному движенію нѣжно сдвинутыхъ бровей ея, число стопъ, изъ которыхъ составляетъ она свой стихъ, и это легкое дрожаніе губъ, которое проводитъ очаровательную складочку на ея дрожащей щекѣ, какъ измѣняетъ оно пламень страсти ея ко мнѣ!

Сакунт. Вотъ стихи мои кончены, но намъ не на чемъ написать ихъ?

Пріамв. О, не безпокойся! Я легко могу начертить ихъ ногтемъ на этомъ лотосовомъ листочкѣ, столь-же гладкомъ, какъ блестящее перо молодого попугая, и тщательно соблюду размѣръ стиха!

Сакунт. Слушайте-же, и скажите: хорошо, или нѣтъ, приноровлены они къ обстоятельству.

Подруги. (*вѣсть*) Слушаемъ внимательно!

Сакунт. (*читаетъ стихи*)

*Не знаю сердца твоего... Можетъ быть, оно нечувствительно, когда жестокая любовь сжигаетъ безжалостно сердце мое днемъ и ночью... Увы! чувствую, что я вся принадлежу тебѣ *!...*

Душм. (*въ сторону*) Вотъ время мнѣ явиться! (*вдругъ выходя*).

Нѣтъ, нѣтъ! Прелестная дѣва! ты испытываешь только легкую теплоту любви, но мое сердце... Ахъ! противъ него направлена вся свирѣпость огня любви!...

Такъ полный кругъ мѣсяца поглощается пальцами лучами солнца, когда цвѣтныи цвѣты лотоса получаютъ отъ него только легкое прикосновеніе!

Подруги. (*радостно встаютъ при видѣ Царя*) Ахъ! какъ внезапно увѣнчиваются желанія наши успѣхомъ!

(*Сакунтала хочетъ подняться*).

Душм. Нѣтъ, милая дѣва! не безпокойся!

Эти горячіе и ослабіиіе члены, эти утомленные руки, въ лихорадочномъ движеніи, оставляющія въ безпорядкѣ висѣть влажныя нити лотоса, которыми онѣ окружены, не должны покидать усѣяннаго цвѣтами ложа, на которомъ они покоятся. Запрещаю тебѣ всякія вѣжливости со мною!

Сакунт. (*въ сторону, съ робостью*) Теперь-то бейся сердце мое!.. Увы! что будетъ съ тобой!..

Анузуя. Что-же? Счастливыи любовникъ Сакунталы неуже ли не осмѣливается занять мѣста подле нея?

(*Сакунтала отодвигается немного*).

Душм. (*садится*) Пріамвада! Лихорадка подруги вашей не уменьшилась-ли теперь немного?

Пріамв. (*смѣясь*) Да, Сакунтала приняла успо-

* Не любопытно-ли вамъ услышать самыя звуки, какими передаетъ Сакунтала въ подлинникѣ свои милье стихи? Вотъ они, по возможности, выраженные *Европейскими* буквами г-мъ Шези:

Сакунталабъ лотосагъ.

Тужжа па ане гіаамъ мама уна маано диваа раттимча,
Никкиба дабанъ балаамъ туга гаттаманорагаймъ ангаймъ!

коивающее лекарство, и оно, конечно, ей поможет! Но, о великий Государь! если любовь, чувствуемая вами однимъ къ другому, теперь уже не тайна, извини, что при сердечномъ участіи, какое беру въ Сакунталѣ, я готова засыпать тебя вопросами!

Душм. Какъ угодно, моя красавица, и особливо не скрывай отъ меня ничего. Ты знаешь пословицу: «Не кстати молчаніе, когда хотѣлось говорить, ведомъ къ раскалнію.»

Пріамв. Да, удостоить Царь меня выслушать!

Душм. Я весь превратился въ уши!

Пріамв. Великій Царь! обитатели сей пустыни не могли не ожидать въ тебѣ великодушнаго покровителя. Безспорно, такаа добродѣтель...

Душм. Хорошо, хорошо — да, объ этомъ нѣчего говорить; перейдемъ, пожалуста къ другому!

Пріамв. Ну, такъ, безъ всякихъ увертокъ скажу я тебѣ, что съ того мгновенія, когда явился ты очамъ милой нашей подруги, любовь, это могущее божество, овладѣло ею, и довело ее до жестокаго изнеможенія. И такъ заклинаю тебя, виновникъ скорби ея! взгляни на нее ласково, и сохрани для насъ ея, столь драгоценную жизнь!

Душм. Будь увѣрена, любезная дѣвушка, что любовь Сакунталы для меня безцѣнна, и я ставлю ее выше всякихъ сокровищъ!

Сакунт. (*улыбаясь съ нѣжностью и съ притворнымъ гнѣвомъ*). Но развѣ не видишь ты, милая, что вы объ странно употребляете во зло терпѣніе Царя, который, безъ сомнѣнія, горитъ нетерпѣніемъ возвратиться въ тайные чертоги дворца своего, послѣ столь долгаго отсутствія!

Душм. Можеть-ли умъ мой заниматься другою мыслью,

чуждою тебя, милая Сакунтала, тебя, наполняющей все мое сердце!.. О, даге отъ меня подобное подозрѣніе, если ты не хочешь видѣть умирающимъ передъ тобою того, кто такъ жестоко израненъ стрѣлами любви!

Анузул. А вѣдь говорятъ, что у васъ царей бываетъ множество любимиць... И въ такомъ случаѣ можемъ-ли мы надѣяться, что ты поставишь нашу милую подругу выше тѣхъ безчисленныхъ огорченій, которымъ будетъ она подвержена отъ своихъ ревнивыхъ соперницъ?

Душм. Чтобы разуверить васъ не многими словами —

Среди толпы женъ моихъ, и среди роскоши, окружающей царей, только два предмета, клянусь вамъ, навсегда привлекутъ все мое вниманіе — управленіе обширнымъ царствомъ моимъ, и — кроткая подруга вашего дѣтства!

Подруги. (*улыбась*) Такое торжественное обѣщаніе разсѣиваетъ всѣ мои опасенія! (*Сакунтала не можетъ скрыть своей радости*).

Пріамв. (*Анузул*) Посмотри, милая, какъживаетъ теперь Сакунтала, подобно молодому павлину, когда въ лѣтній день, утомленный излишкомъ жара, онъ оживаетъ въ изнемогающихъ силахъ легкимъ, влажнымъ вѣтеркомъ!

Сакунт. Просите прощенія у владыки земли во всей этой пустой болтовнѣ, столь противной почтенію, какое должны мы оказывать такому великому гостю.

Подруги. (*улыбаясь*) Хорошо!.. Да, пусть та, которая заставляетъ насъ быть непочтительными, пусть та и расплачивается за насъ! Это совсѣмъ не наше дѣло!

Сакунт. Смѣю ли!.. Царь будетъ-ли столь великодушенъ — простить намъ всѣ пустыя рѣчи, какія

осмѣлялись мы произносить передъ нимъ ... можетъ быть, болѣе виновный, нежели то, что говорили мы не видя его?

Душм. (*улыбаясь*) О, никогда не прошу я такой вины.... Развѣ — прекрасная Сакунтала позволить мнѣ отдохнуть здѣсь еще нѣсколько минутъ, на этомъ цвѣтстомъ ложѣ, гдѣ покоятся столь усладительно ея нѣжные члены...

Пріамв. Позволь ему, милая, не приводи его въ отчаяніе!

Сакунт. (*съ недовольнымъ видомъ*) Замолчи, злая дѣвчонка! Можешь-ли ты смѣяться надо мною, когда видишь меня въ такомъ тягостномъ положеніи?

Анузая. (*глядя вдале*) Ахъ, ахъ! Пріамвада! я вижу серночку нашей пустыни; она бѣгаетъ тамъ во всѣ стороны, съ такимъ безпокойнымъ видомъ — вѣрно, она вырвалась и отстала отъ матери — побѣгу поскорѣе — загоню ее!

Пріамвада. Но, милая, развѣ ты не знаешь, что эта шалуныя чрезвычайно рѣзва? Тебѣ одной ни какъ не загнать ея — я тебѣ помогу!

(*обѣ хотѣтъ идти*)

Сакунт. Но вы не пойдете безъ меня, и не оставите меня здѣсь одну?

Подруги. (*улыбаясь*) Какъ одну? Когда подлѣ тебя находится повелитель свѣта!

(*онѣ уходятъ*)

Сакунт. Что это! Онѣ оставили меня!

Душм. Не безпокойся, моя кроткая подруга: не остается-ли въ твоихъ повелѣніяхъ самый ревностный изъ слугъ, готовый замѣнить подругъ твоихъ? Скажи только одно слово,

и этимъ опухаломъ изъ лотосовыхъ листьевъ, окропленнымъ легкою росой, я буду называть на тебя свѣжій воз-

духъ, способный утолить твои страданія; и твои прелестныя почки, спорящія цвѣтомъ съ цвѣточкомъ румянымъ, я возьму на колѣни мои, и нѣжно стану нѣжить и тереть моею ласкающею рукою!

Сакунт. Никогда, никогда! Не хочу унижить себя въ собственныхъ глазахъ моихъ, принимая услуги отъ существа достойнаго всѣхъ моихъ обожаній!
(*она медленно встаетъ и идетъ*)

Душм. Посмотри, подруга моя: жаръ еще далеко не утишился, а ты такъ слаба.

Можешь-ли ты, оставя это благоухающее ложе, и имѣя для защиты груди своей только этотъ прозрачный пухъ листьевъ лотоса, свободно идти, нѣжная и слабая, по горящимъ лучамъ разъяренного солнца.

(*онъ нѣжно прируждаетъ ее воротиться*)

Сакунт. Оставь меня, оставь меня! Увы! я не властна уже сама надъ собою... О подруги мои! за чѣмъ оставили вы меня въ это мгновеніе... Что я стану дѣлать?

Душм. Въ самомъ дѣлѣ... мнѣ совѣстно...

Сакунт. Великій Царь! ты не виноватъ. Такъ вѣвѣла судьба моя...

Душм. Для чего жаловаться на судьбу, если она является тебѣ столь благосклонною?

Сакунт. Какъ мнѣ не жаловаться на нее, когда я чувствую, что она похищаетъ у меня всю власть мою надо мною, и позволяетъ милымъ чувствамъ другаго обольстить меня!

Душм. (*въ сторону*)

Ахъ! какъ неизясымы вы, молодья дѣвушки! Старая страсть, онѣ отвращаются отъ пламенныхъ моленій влюбленнаго; нетерпѣливо хотѣтъ испытать взаимную нѣжность, и сколько перѣиптительности между тѣмъ осчастливить своею взаимностью! Можно подумать, что отсрочки счастья не заставляютъ ихъ нисколько страдать — такъ стараются онѣ,

Т. III. — Отд. II.

въ самую благодатную минуту, привести насъ въ отчаяніе своею притворною суровостью!

(Сакунтала идетъ)

Душм. (въ сторону) Какъ? Мнѣ потерять случай быть счастливымъ!

(онъ бросается за Сакунталою, и удерживаетъ ее за платье)

САКУНТ. Сынъ Пуру! не нарушай законовъ стыдливости! Не видишь развѣ, что молодые брамны ходятъ здѣсь повсюду въ лѣсу!

Душм. Не опасайся ихъ присутствія, о моя возлюбленная! И самый почтенный Кануа, столь опытный въ познаніи нашихъ святыхъ законовъ, если бы онъ былъ здѣсь, не воспрепятствовалъ-бы нашему благополучію.

Сколько юныхъ дочерей пустынныхъ избрали себя супруговъ по обычаю, существующему между *Гандгарвали*, и родители ихъ, не оскорбляясь тѣмъ, чувствовали напротивъ самое сладостное удовольствіе!

(въ отчаяніи)

Хорошо!.. Я вижу и понимаю, что я отвергнуть тобою...

(удаляется отъ Сакунталы, и опять бѣжитъ къ ней.)

САКУНТ. (идетъ, вдругъ оборачивается и склоняется къ нему) Благородный потомокъ Пуру! хотя и не исполнила я твоего желанія, и время пролетѣло въ бесплодныхъ и холодныхъ разговорахъ, Сакунтала просить тебя — не забудь ее!

Душм. Тебя забыть.....

Иди, прелестная дѣва! и какъ далеко, и гдѣ ни будешь ты, ты всегда останешься у моего сердца! Такъ при закатѣ солнца, тѣнь огромнаго дерева бѣжитъ вдаль по долину, но крѣпко остается при корнѣ его!

САКУНТ. (останавливаясь недалеко) Ахъ! такіа сладостныя слова отнимаютъ у меня всю силу идти

далье! Я спрячусь за этою купою *кураваковъ*, и оттуда стану наблюдать всѣ его движенія, буду судить о силѣ любви его ко мнѣ!

(она прлется)

Душм. Какъ? И ты оставлешь меня, презирая столь живую, столь пламенную любовь, которую я къ тебѣ чувствую!

Черты, столь обольстительныя, и казалось, предвѣщавшія мнѣ живыя наслажденія, могутъ-ли прикрывать столько жестокости, и такое непреклонное сердце! Такъ прелестныя цвѣты *сирини* скрываютъ отъ глазъ нашихъ грубыя стебель, ихъ соединяющій!

САКУНТ. Чувствую себя, какъ будто окованною прелестью его голоса!

Душм. Что мнѣ дѣлать теперь здѣсь, когда нѣтъ моей возлюбленной? (глядитъ пристально) Ахъ! вотъ что удержать меня!

Это ея зарукавье, еще исполненное благоуханія, которое передала ему узира на ея груди — Нѣтъ! это не зарукавье, но неразрывная цѣпь, которою навсегда оковано мое сердце!

(Онъ благоговѣнно беретъ зарукавье.)

САКУНТ. (взглянувъ на свою руку) Ахъ! изнеможенная отъ слабости, я уронила его съ руки моей, и не замѣтила!

Душм. (прижимал зарукавье къ сердцу) Сладостное прикосновеніе!

Ничего, кромѣ прикосновенія этого зарукавья, упавшаго съ прелестной руки твоей, ничего не надобно было мнѣ болѣе утѣшить скорбь мою! Но, увы! безчувственной вещи, а не тебѣ самой, одолженъ я этимъ мигомъ блаженства!

САКУНТ. Ахъ! я не перенесу этого — и этотъ случай послужитъ мнѣ теперь счастливымъ предлогомъ явиться!

(идетъ къ Царю.)

Душм. (съ радостью) Кроткая влстительница

жизни моей возвращается ко мнѣ! благодареніе судьбы, оказавшей мнѣ столь быструю помощь!

Читая, пожираемый жгущею жаждою, просилъ у неба только одной капли воды, и вотъ благодетельное облако льетъ ему живительную росу!

САКУНТ. (*остановясь передъ Царемъ*). Государь! на половинѣ пути къ пустынь была я, когда замѣтила, что зарукавья нѣтъ на рукѣ моей, и я воротилась искать его. Не знаю... но если сердце мое говоритъ правду, ты нашелъ его. Отдай мнѣ его, сдѣлай милость — боюсь, чтобы это не возбудило какихъ нибудь оскорбительныхъ подозрѣній въ умахъ пустынниковъ, противъ тебя и противъ меня.

ДУШМ. Согласенъ отдать его, но съ условіемъ.

САКУНТ. Скажи, съ какимъ?

ДУШМ. Позволь мнѣ самому надѣть его на твою руку.

САКУНТ. (*въ сторону*) Что мнѣ дѣлать? (*громоко*) Хорошо, я согласна. (*подходитъ ближе*)

ДУШМ. Но для этого надобно намъ съестъ вмѣстѣ, на этомъ сѣдалищѣ, изъсѣченномъ въ утѣсь.

(*садятся вѣстать*.)

ДУШМ. (*беретъ руку Сакунталы*). О божественное прикосновеніе!

Ручка очаровательная! не ты-ли та вѣтка милого деревца, посвященнаго любви, когда любовь, сожженная Сивомъ въ порывѣ гнѣва, возродилась въ немъ, еще въ тысячу разъ пльнительнѣе прежлаго, благодаря небесной амброзии, которою поливали се боги?

САКУНТ. (*съ легкимъ содроганіемъ*) Благоволи поторопиться, сынъ моего повелителя!

ДУШМ. (*съ восторгомъ, съ сторону*) Такъ называютъ только супруга.... О сладостная надежда. (*громоко*) Моя милая красавица! застежка у зарукавья какъ-то ослабла; если ты хочешь, я постараюсь поправить ее.

САКУНТ. (*улыбалась*) Какъ тебѣ угодно.

ДУШМ. (*нарожно стараясь промедлить*) Теперь, кажется, такъ, милый другъ мой!

Не скажешь-ли ты, что повый мѣсяцъ, пораженный прелестью, какалъ облекаетъ эту прекрасную ручку, что повый мѣсяцъ оставилъ небо, и въ видѣ зарукавья, обогнулъ своими серебряными рожками, и роскошно обхватилъ эту очаровательную ручку?

САКУНТ. Но, право, я ничего не вижу тутъ похожаго на мѣсяцъ; можетъ быть, какалъ нибудь порошокъ, свѣянная вѣтеркомъ съ логосовыхъ цвѣтковъ, украшающихъ мою голову, попала мнѣ въ глазъ, и мѣшаетъ видѣть....

ДУШМ. (*улыбалась*) Если ты позволишь, я подую тебѣ въ глазъ, и постараюсь возвратитъ чистое и полное зрѣніе.

САКУНТ. Это, конечно, будетъ очень мило, да не знаю — довѣрится-ли тебѣ?

ДУШМ. О, не бойся! Никогда повый рабъ твой не преступитъ повелѣнія своей властительницы!

САКУНТ. Такъ, да ты такой услужливый слуга... право, мнѣ надобно тебя бояться... (*онъ тихоно поднимаетъ ей голову; Сакунтала, какъ будто противится, но позволяетъ*).

ДУШМ. (*тихо*) Буду-ли я такъ глупъ, что упущу случай поцѣловать ее? (*громоко*) Чего-же боишься ты, милая дѣвушка? (*Сакунтала вдругъ подымаетъ на него взоры, и опять опускаетъ ихъ въ землю. Душманта ласково приподнимаетъ ея голову*)

(*тихо*) Нѣжнымъ дрожаніемъ, которое придаетъ имъ очарованіе нѣги, не приглашаютъ-ли меня эти чистыя, дѣвственныя губки уюлитъ поцѣлуемъ жажду, меня пожирающую?

САКУНТ. Сынъ моего повелителя, кажется, нехочетъ оказать мнѣ маленькой услуги, которую обѣщаль?

Душим. Прости меня — вниманіе мое развлекъ этотъ лотосовый цвѣтокъ подлѣ твоего глаза, и невольнo заставилъ онъ меня думать и сравнивать, что изъ нихъ милѣе и прелестнѣе, цвѣтокъ-ли этотъ или глаза твои?

(онъ тихо дуетъ ей въ глазъ)

Сакунт. Чудное исцѣленіе, и вотъ мой глазъ совершенно здоровъ, но — мнѣ совѣстно, что я не могу достойно вознаградить такого знака благоволенія отъ сына моего повелителя...

Душим. Можешь, можешь, обожаемая дѣвушка!

Позволь мнѣ одно мгновеніе вдохнуть въ себя это сладкое благоуханіе съ очаровательныхъ губокъ твоихъ, и я буду щедро вознагражденъ --- посмотри на пчелу, ей довольно одного запаха съ цвѣтовъ лотоса?

Сакунт. И только?

Душим. Только, только! *(онъ хочетъ поцѣловать ее. Сакунтала противится)*

Голоса за сценою.

Слышите-ли крикъ *какраваки*, призывающаго свою подругу! Вотъ признакъ, что скоро разстелится по землѣ почва тѣни!

Сакунт. *(слушала въ смятеніи)* О сынъ моего повелителя! это почтенная Гаутами ищетъ меня, и заботится о моемъ здоровьи! Спрячься, сдѣлай милость, спрячься здѣсь, за густыми деревьями!

Душим. Поспѣшу! *(онъ прячется)*

Гаутами. *(старая пустыннощица, входитъ съ сосудомъ въ рукахъ)* Дочь моя! вотъ жертвенная вода! *(смотритъ на Сакунталу и заботливо сажаетъ ее)*. Какъ? Ты одна здѣсь? Въ бесѣдѣ только съ богами?

Сакунт. Анузуя и Приавада теперь только оста-

вили меня, добрая мать моя; онѣ пошли на берегъ Малини.

Гаутами. *(хропитъ ее водою)* Надѣюсь, дочь моя, что лихорадка твоя уменьшилась?

Сакунт. Почтенная наставница! теперь я чувствую себя лучше.

Гаутами. *(шупая руку ея)* Да, награждать тебя небеса долгими и счастливыми днями! Но, видишь, дочь моя, ночь приближается — пойдемъ вмѣстѣ въ пустыню нашу.

Сакунт. *(подымаюсь съ неохотою, тихо)* О сердце мое! надобно-ли замолчать тебѣ когда все заставляло тебя говорить? *(идетъ и оборачиваясь къ деревьямъ, гдѣ скрытъ Душманта, громо)* А ты, очаровательная тѣнь, гдѣ уже утихнулъ отчасти огонь, меня пожигающій, если-бы скоро могла я здѣсь совершенно выздороветь!...

(уходитъ.)

Душманта *(выходитъ вздыхая)*. Увы! какъ не-счастливо прервано исполненіе желаній моихъ!

И я не могъ похитить даже и одного поцѣлуя съ этихъ божественныхъ устъ, когда юная дѣва, съ такою прелестью, почти не противилась, защищалась своими очаровательными пальчиками отъ моихъ жадныхъ лобзаній, когда я слышалъ ее шептавшую отказъ, только удвоившій страсть мою, когда въ ея полузакрытыхъ влажными рѣсницами очахъ, я читалъ роскошную нѣгу страсти!

Что дѣлать мнѣ? Идти-ли за нею? Нѣтъ! я не могу еще оставить этой очарованной рощи, гдѣ былъ я такъ счастливъ!

(глядитъ во все стороны.)

Ахъ! на этомъ утѣсь усѣянное цвѣтами ложе, гдѣ виднѣн еще отпечатокъ ея прекраснаго тѣла! Вотъ и стихи усладительные, начертанные на листочкѣ лотоса; вотъ и зарукавье, упавшее съ усталой руки ея! Прикованный къ симъ прекрас-

нымъ мѣстамъ, я не нахожу силъ удалиться отъ нихъ, хотя они и лишены уже ихъ лучшаго украшенія!

Неловкій страдалецъ любви! какой случай счастья упустилъ я!

О, еслибы могъ я опять съ ней встрѣтиться... Ловите на лету быстрыя мгновенья счастья — они летятъ и не возвращаются...

Утѣнай меня сказками, бѣдное сердце! Не уже-ли ты опять будешь также робко и трусливо въ присутствіи моей возлюбленной!

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Великій Царь!

Едва хотѣли мы начать вечернее жертвоприношеніе, и вотъ тучи злыхъ духовъ, насытыхъ кровью, красноватыхъ и мрачныхъ, какъ сгущенныя облака сумрака вечерняго, падаютъ на наши алтари, едва заблестала на нихъ священныи огонь, и наполняютъ насъ ужасомъ!

Душманта. Успокойтесь, успокойтесь, благочестивые пустынники! я спѣшу къ вамъ на помощь!

(уходитъ).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ *

* Всѣхъ дѣйствій въ драмѣ Калидаза семь. Здѣсь помѣщаются три, и остаются еще четыре. Появленіе Сакунталы отдѣльно и вполнѣ, въ моемъ переводѣ, будетъ зависть отъ отзывовъ, которые услышу отъ заглазковъ и читателей. Тогда присовокуплю я къ ней вступленіе, гдѣ будутъ объяснены сущность древней Индѣйской, и особенно драматической поэзіи, приложены мнѣнія Европейскихъ критиковъ о Сакунталѣ, и отдѣльно прибавлены поясненія всѣхъ мѣстъ, паязковъ и словъ, которыя безъ того могутъ казаться непонятными тѣмъ, кто незнакомъ съ природою Индіи, мнѣологіею и исторіею сего первобытнаго жилища человеческого рода, столь достопамятнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Переводчикъ.

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

О КОРАЛЛОВЫХЪ ОСТРОВАХЪ И КОРАЛЛОВЫХЪ МЕЛЯХЪ ВЪ ЧЕРНОМЪ МОРЬ *).

(Сочиненіе Эренберга).

Коралловые животныя, въ числѣ которыхъ самыя извѣстныя, для украшеній употребляемыя, красныя кораллы составляютъ только одинъ видъ, и весьма незначительную часть, замѣчательны для естествоиспытателя, и принадлежать къ самымъ многочисленнымъ, удивительнымъ, разнообразнымъ и менѣе другихъ извѣстнымъ формамъ органической жизни природы. Известковыя массы, произведенныя этими живот-

*) Усердно благодаримъ почтеннаго переводчика, за сообщеніе сей важной статьи знаменитаго Нѣмецкаго ученаго, которая представляетъ въ новомъ свѣтѣ одинъ изъ любопытнѣйшихъ геогнозическихъ вопросовъ. Мы должны прибавить здѣсь, что помѣщая сію превосходную статью въ журналѣ, не назначасомъ преимущественно Естествознанію, мы принуждены были исключить нѣкоторыя подробности и цитаты автора. Нѣмецкій подлинникъ Эренбергова сочиненія былъ помѣщенъ въ *Annal. der Physik und Chemie*, 1837 г., часть XXXI. —

P. C. O. и C. A.

Т. III. — Отд. III.

ными, и заключающія въ слюяхъ своихъ черепокожныхъ животныхъ, образуютъ, то высокія горы, то основанія обширныхъ полосъ земли. Сія ископаемые остатки служатъ внимательному геогносту показателями перемѣнъ и эпохъ образованія различныхъ частей земной коры. Но мертвы и отрывочны такіе слѣды коралловыхъ животныхъ; трудно доходить по нимъ до важныхъ выводовъ. Формы коралловыхъ животныхъ гораздо болѣе поражаютъ путешественника, который достигаетъ береговъ Южнаго Океана, и на мѣстѣ обиталища коралловъ наблюдаетъ жизнь и удивительное распространеніе ихъ. Тамъ цвѣтообразныя животныя, въ видѣ коралловыхъ вѣтвей, отличаются великолѣпными красками нашихъ лучшихъ цвѣтвовъ, и если бы отраженіе свѣта отъ воды не препятствовало зрѣнію подъ зеркальною поверхностію моря, то вся масса красиваго, живаго, цвѣтообразнаго, покрывающаго дно морское коралла, представляла-бы намъ видъ полей и луговъ, изумляющихъ своими цвѣтами. Тому, кто видѣлъ Киргизскія степи, напомнила бы она цвѣтъ тюльпановъ, которые, распространяясь на необозримомъ пространствѣ, составляютъ волшебную, очаровательную противоположность съ нашими красивыми, но небольшими садами.

Но хотя объемъ массъ животно-растений, которыхъ обыкновенно называютъ *коралловыми лесами*, не столь обширенъ, какъ объемъ садовъ и луговъ съ атмосферическими растениями, однакожъ и тѣ путешественники, которые не занимаются, какъ естествоиспытатели, частными изслѣдованіями строенія и законовъ формъ органическихъ существъ, или назидательнымъ сличеніемъ и сравненіемъ, изумляются и восхищаются богатствомъ формъ, металлическимъ блескомъ, пѣжныхъ красками этихъ живущихъ подводныхъ цвѣтвовъ. Глазамъ странника, идущаго по низкому морскому берегу, или, при наступленіи тишины, пересѣлающаго на лодкѣ чрезъ коралловую грядъ, представляются разноцвѣтными фигурами калейдоскопа, эти произрастенія совершенно для него новыхъ, морскихъ пажитей. Онъ видитъ кусты и деревцы на скалистыхъ глыбахъ, которые, будучи покрыты блестящими металлическими красками, совсѣмъ не льютъ собою характера массы скалъ.

Довольнѣе и счастливѣе наблюдателя, блуждающаго по берегу, гдѣ не одинаковая высота моря порождаетъ только

бѣдно и уродливо произведенія сего рода, тотъ, кто пускается въ море во время затишья, и видитъ жителей новаго, неизвѣстнаго ему царства на роскошныхъ коралловыхъ меляхъ въ большой глубинѣ моря. Подстрекаемый любопытствомъ онъ входитъ въ шлюпку, и старается на маломъ мѣстечкѣ достать себя нѣсколько сихъ прекрасныхъ фигуръ, чтобы разсмотрѣть ихъ ближе. Магровы, или самъ онъ, бросаются въ воду, и едва ступили они на коралловую почву, исчезаетъ мало по малу все великолѣпіе цвѣтвовъ, которые украшали ее. Вмѣсто бѣдно-розоваго, похожаго на кустъ предмета, который столь живо завлекъ вниманіе и фантазію путешественника, вытаскивается изъ моря темное, невидимое тѣло, и изъ того, что незадолго передъ симъ казалось столь милымъ, пѣжнымъ, пестрымъ, выходитъ твердый, неровный, коричневою слизью покрытый, известковый туфъ. Не вѣрнѣе себя, считая это обманомъ чувствъ, но повторяя опытъ, убеждается, что здѣсь произошло превращеніе, которое путешественникъ (смотря по своему образованію) считаетъ за чудо и волшебство, или принимаетъ за любопытное явленіе природы, достойное внимательнаго и тщательнаго изслѣдованія.

Но всего болѣе наслаждается этимъ волшебнымъ міромъ любознательный путешественникъ въ Южномъ Океанѣ. Онъ видитъ здѣсь на подводной коралловой грядѣ что-то похожее на большой пурпуровый піонъ—чудесное, живое, бесчисленными цвѣтными пятнами и бахрамами украшенное, огнистое существо (бываютъ также и пѣжно-смарагдаваго цвѣта). Одинъ шагъ ближе, и оно исчезаетъ, превращаясь въ мѣсистую, безобразную, сѣрую массу: это одинъ изъ морскихъ анемонъ. Нѣкоторые изъ нихъ, растопутые, бываютъ по 2 фута въ діаметрѣ, и потомъ вдругъ сжимаются въ комокъ, отъ полуфута до 3-хъ дюймовъ.

Какъ Американскіе колибри порхаютъ около тропическихъ растений, такъ маленькія, великолѣпно, въ золото, серебро, пурпуръ и лазурь одѣтыя, едва въ нѣсколько дюймовъ величиною, рыбки кружатся около цвѣтистыхъ коралловыхъ животныхъ. Прекрасныя, безчерепныя, чудесно организованныя улитки (эоліиды) обгрызаютъ ихъ, на листья цвѣтвовъ похожія, фангармы, точно такъ, какъ червяки и садовыя улитки поѣдаютъ листья растений.

Особенно поразительны подводныя формы животныхъ, похожія на слоистые многолѣтніе грибы. Въмѣстѣ съ длинноигловатыми морскими ежами, шелкающими пестрыми раковинами - исполннами, моргающими фарфоровыми улитками, и т. п., они лежатъ въ песокъ между коралловыми лозами, представляя собою кориничевого, или огненного цвѣта, кружокъ, у котораго середина прекраснаго зеленого цвѣта; иногда бывають у нихъ кругомъ красное кольцо, иногда лучеобразныя кориничевыя полосы. Но только что дотронетесь до нихъ—яркая краска ихъ исчезаетъ, и видъ моря представляются они въ видѣ окаменѣлыхъ, слоистыхъ грибовъ, безъ всякихъ признаковъ жизни, только съ весьма тонкимъ слоемъ слизи кориничевого цвѣта. Съ трудомъ можно отскоблить ее, но въ ней-то внимательный наблюдатель находитъ собственно мягкое животное, образующее огромный, иногда футъ въ діаметръ измяющій, грибообразный камень.

Всѣ сіи удивительныя превращенія суть давно извѣстныя, и въ лѣтописяхъ Естественнаго давно замѣченные факты. Древніе Греки, зная и цѣля одни только красныя кораллы Средиземнаго моря, сіи мягкія и пѣжныя, но при грубомъ прикосновеніи въ камень превращающіяся тѣла называли ихъ *δινωαλι* моря, *κωρον* или *κωρον* *αλος*. Отсюда образовались въ послѣдствіи слова *Coralia* и *Coralia*. Легко представить себѣ, что такіа очевидныя, удивительныя превращенія не могли быть оставлены безъ вниманія Овидіемъ, пѣвцомъ превращеній. Доказательствомъ служатъ слѣдующіе стихи:

Sic et Coralium, quo primum contigit auras
Tempore durescit: mollis fuit herba sub undis *)

Пространіе описываетъ Плиній (Л. XIII, с. 25. и XXXII, с. 2.) коралловыя превращенія, и производитъ слово *Coralia* отъ Греческаго слова *κωρον*, *отрѣзываніе*, потому будто бы, что ихъ подъ водою отрѣзываютъ ловцы. Но какъ это несправедливо, такъ и первое невѣроятно. Но показанію Солнца, Метродоръ называлъ кораллы *Gorgoniam*, по имени 109-ти лѣтняго оратора Горгія, предполагая, что они камениють отъ старости. Сіе названіе въ послѣдствіи замѣнили словомъ *gorgonia*, которое у Линнея и новѣйшихъ

(*) Такъ и кораллы, лишь выйдеть на воздухъ и тотчасъ твердѣютъ; Быль же въ водѣ онъ мягкой травой.

писателей означаетъ *роговыя кораллы*, хотя на оборотъ одинъ взглядъ на Горгонію, какъ говоритъ мѣтологія, производилъ окаменѣніе, и Плиній только красныя, каменные кораллы называлъ благороднымъ камнемъ *gorgonia*. Овидій рассказываетъ, что Персей положилъ голову убитой имъ Горгоны на морскія растенія, которыя отъ нея тотчасъ окаменѣли, и потому всегда превращались въ камень, какъ скоро пытались ихъ на воздухъ. Поэтическая сказка Овидія, можетъ быть, сдѣлалась въ послѣдствіи причиною названія *Gorgoniam*, вмѣсто *Coralia*, потому, что самъ онъ не называетъ коралловъ этимъ именемъ.

Диоскоридъ упоминаеть о кораллахъ между растеніями, и прибавляетъ: «Кораллы, какъ всякому извѣстно, суть морскія растенія, почему называются также *каменными деревцами*. Но еще прежде Диоскориды, Орвей, если сочиненіе его не принадлежитъ какому нибудь позднѣйшему поэту, упоминаеть между минералами объ одной особой породѣ камня, *кораллы*, и выхваляетъ дѣйствіе этого коралла противъ укушенія скорпионовъ и укушенія змѣй. Также и Теофрастъ, ученикъ Аристотеля, говоритъ въ своей минералогіи о кораллѣ, который собственно «камень, краснаго цвѣта, но встаетъ въ землю, какъ корень растенія.» Въ описаніи животныхъ Аристотеля пѣтъ имени коралла. Ближайшее показаніе очевидца о внезапномъ отверденіи мягкихъ коралловъ (оставляя всѣ другія недостоверныя извѣстія) находимъ въ путешествіи Монконни 1630 года. Извѣстія его, кажется, были потомъ передаваемы позднѣйшими писателями, безъ означенія источника, и съ перемѣнами и прибавленіями, потому, что чудесное привлекаеть болѣе, нежели истинное. Этотъ Французскій путешественникъ XVII-го вѣка рассказываетъ слѣдующее: «Послѣ обѣда назвали мы окаменѣлыхъ грибовъ, раковинъ и всякихъ деревцовъ въ Черномъ морѣ; ихъ находится тамъ великое множество; море такъ мелко, что на днѣ его, какъ въ колодцѣ, можно очень хорошо видѣть, что оно наполнено безчисленнымъ множествомъ травъ всякихъ цвѣтовъ, издали кажущихся пурпуровыми. Отъ этого, думаю, Черное (красное) море и получило свое названіе.» (*) Я

(*) Это наблюденіе не совсѣмъ справедливо, потому что кориничевая краска Зостеровъ и коралловъ не пурпуровая, и не ствойственна Черному морю. И море это болѣе замѣчательно по своей глубинѣ,

былъ такъ любопытенъ, что сошелъ въ самое море, на милю отъ берега, и въ продолженіе 2 часовъ имѣлъ я удовольствіе набрать множество морскихъ деревьевъ, грибовъ и раковинъ. Грибы тверды, и приросли къ песку, и какъ я ни старался, никакъ не могъ достать ихъ ногами. Тѣ, которые мы достали, красны и тверды. Чтобы сдѣлать ихъ бѣлыми, кладутъ ихъ на берегу, гдѣ они обмываются волнами, высушаютъ на солнцѣ и бѣлѣютъ. Если эти деревья не совсѣмъ еще выросли, то нѣкоторыя изъ нихъ похожи на влажные губки, растущія на старыхъ деревьяхъ, нѣкоторыя же на ноги морскаго паука, мягки и наполнены водою, такъ, что ихъ можно выжимать, будто мокрую губку. И тутъ представляются они всѣхъ цвѣтовъ, голубыя, фиолетовыя, сѣрыя, зеленныя, бѣлыя, что составляетъ прекрасный видъ.»

Перечитывая со вниманіемъ извѣстія этого наблюдателя, можно, кажется, убѣдиться, что самъ онъ наблюдалъ только твердые кораллы, а извѣстія о первоначальномъ мягкомъ состояніи ихъ составилъ изъ разсказа Арабовъ, сопровождавшихъ его.

Первое точное наблюденіе надъ мягкими кораллами находится, сколько мнѣ извѣстно, въ описаніи путешествій Ганса Слона, который въ концѣ XVII-го столѣтія (1695 г.) былъ на островѣ Мадеръ и въ Ямайкѣ, и въ 1707 году издалъ извѣстное большое сочиненіе, въ 2-хъ томахъ, со многими рисунками. Въ первой части этого сочиненія находится замѣчаніе, что звѣздчатые камни бываютъ мягки въ началѣ, и на рисункѣ 21-мъ фиг. 1—3, представлены изображенія одного такого *lapidis astroitis, sive stellaris primordia* (первоначальное состояніе звѣздчатаго камня). Впрочемъ, много совершенно различныхъ родовъ звѣздчатыхъ коралловъ принимаетъ Слоны за развитіе одной и той же мягкой формы, и полагаетъ окаменѣлость совершеннымъ и окончательнымъ ихъ состояніемъ. По его мнѣнію, въ самомъ началѣ звѣздчатые кораллы бываютъ студенеобразны, какъ лициный бѣлокъ, потомъ дѣлаются темными. Однакожъ ни какому сомнѣнію не подвержено, что кожеватые кораллы (*Leder Korallen*), которые никогда не бываютъ тверды, Слоны принималъ за молодые, еще мягкіе кораллы.

нежели по мелководію; только низкія прибрежя и коралловыя гряды образуютъ въ немъ мелкія мѣста.

Спустя почти столѣтіе послѣ Монконни (1720 г.), Англійскій ученый еологъ Томасъ Шау, посѣтилъ Востокъ и Черное море, въ то самое время, когда наблюденія Графа Марсилья надъ растительною природою коралловъ обратили на себя большое вниманіе во Франціи. Входя совершенно въ растительную природу сихъ тѣлъ, онъ считалъ ихъ корнями фауны небольшихъ животныхъ, и удивлялся при томъ, что у нихъ число коренниковъ бываетъ гораздо больше, нежели у растений обыкновенныхъ. Хотя подробно описалъ онъ большое число коралловыхъ родовъ Чернаго моря, слѣдовательно, наблюдалъ ихъ и въ частности, однакожъ у него нѣтъ ни одного замѣчанія о мягкомъ сначала, а потомъ твердящемъ ихъ состояніи. Приводимъ здѣсь слова его: «Чего не достаетъ ботаникъ Арапійскаго берега въ различныхъ классахъ растений на землѣ, то щедро вознаграждается морскими растениями, и върогтно, нѣтъ другаго мѣста, столь богатаго ими, какъ гавань Торская. При медленномъ плаваніи по тихой поверхности воды открылось глазу намъ столь великое разнообразіе мадрепоровъ, зоостеровъ, или морской травы, и другихъ морскихъ растений, что я никакъ не могъ удержаться, и не почестъ ихъ, вмѣстѣ съ Плинніемъ, за подводный лѣсъ. Въвистые мадрепоры (петлеобразные кораллы) особенно оправдываютъ это сравненіе, потому, что я видѣлъ множество ихъ вышиною отъ 8 до 10 футовъ. Нѣкоторые изъ нихъ росли пирамидально, какъ кипарисы, другіе распространяли свои вѣтви, какъ дубы. Не упоминаю о множествѣ другихъ, которые, подобно ползущимъ растеніямъ, стелются по дну морскому. Къ нимъ можно присоединить еще морскіе грибы, мозгообразные кораллы, звѣздчатые кораллы, и другіе, которые образуютъ иногда кучи, или массы, чрезвычайнаго огромнаго, и въ Торѣ употребляются, не только какъ известь, но еще какъ самый лучшій матеріалъ для постройки домовъ. Собственно такъ называемые морскіе грибы прирастаютъ всегда къ скаламъ, особеннымъ корнемъ; у нихъ бороздки сверху, слѣдовательно на оборотъ противъ того, какъ видимъ въ обыкновенныхъ грибахъ. Этотъ родъ коралловъ, подобно мозгообразнымъ, всегда удерживаетъ въ формѣ своей какое-то особенное образованіе и между другими коралловыми тѣлами, хотя каждое имѣетъ также свои особенныя звѣздочки и знач-

ки, посредством которых можно их различать, но все это бывает только на поверхности ихъ. Такъ, какъ въ нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ корня, то надобно считать ихъ только за безобразныя массы коралловаго вещества, которые при постепенномъ своемъ ростѣ, принимаютъ видъ скаль, раковинъ, и другихъ образований.»

Страннымъ покажется, что *Петръ Форскель*, который съ Нибуромъ, въ 1742 году, по повелѣнню Датскаго правительства путешествовалъ въ Аравіи и по Черному морю, въ качествѣ зоолога и ботаника, и который впрочемъ извѣстенъ какъ точный и безпристрастный наблюдатель, ошибался такъ-же, какъ прежде Слонь, увѣряя, что онъ самъ наблюдалъ отвердѣніе коралловъ на воздухѣ. Онъ говоритъ именно въ своемъ описаніи Аравійскихъ животныхъ: «На этихъ коралловыхъ грядкахъ, любопытный наблюдатель въ одинъ день открываетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ цѣлый годъ. Гряды и прибрежныя утесы въ сплхъ мѣстахъ драгоцѣнны для ученаго, хотя и не удобны для плавающихъ, особенно для Турковъ, которые боится открытаго моря и ходятъ между островами. Великимъ искусствомъ мореходца считается здѣсь познаніе мелей, и умѣнье избѣгать ихъ. Издали узнаютъ ихъ по блѣо-зеленоватому цвѣту составляющему пріятное зрѣлище для досужаго наблюдателя, въ противоположность съ голыми, песчаными и печальными берегами. Такіе камни видѣлъ я возвышающимися изъ моря до 10 клафтеровъ. Ежели вытацитъ ихъ изъ воды, то въ верхней части представляются они мягкими, потомъ болѣе и болѣе хрящеватыми, а основаніе ихъ твердый камень.»

Безъ всякаго сомнѣнія, изъ послѣднихъ словъ надобно заключать, что Форскель, или наблюдалъ отвердѣніе мягкихъ коралловъ на воздухѣ, или замѣтилъ, что молодые побѣги и оконечности каменныхъ коралловъ бываютъ всегда мягки, середина ихъ хрящевата, а основаніе, мало по малу, уже въ глубинѣ моря, дѣлается камнемъ. Хотя я очень хорошо помнилъ слова Форскеля, и имѣлъ съ собою его книгу во время путешествія по Черному морю, однакожь при всемъ томъ слова его остались для меня непонятными. Всѣ настоящіе *каменные кораллы* находятъ я подь водою, до самыхъ остроконачей, твердыми, и точно такими, какими, еще въ 1559 году, Голландскій путешественникъ Линскотенъ видѣлъ

ихъ въ проливѣ Мозамбикскомъ, и въ 1702 году Англичанинъ Страканъ на островѣ Цейланѣ.

Съ другой стороны, тамъ же находимъ много мягкихъ, никогда нетвердѣющихъ, кожеватыхъ, и на губку похожихъ коралловъ. Вероятно, которые нибудь изъ этихъ вѣтвистыхъ *трубчатыхъ коралловъ*, весьма похожихъ на мадрепоры величнною, формою и цвѣтомъ, ввели Форскеля въ началѣ его изслѣдованій въ ошибку.

Вѣлго замѣчанія его, Нибуръ, конечно, не осмѣлился уничтожить послѣ смерти сочинителя, но самъ Форскель едва ли помѣстилъ-бы его при изданіи своего сочиненія. Правда, что у лобулярій, на подобіе кожи растягивающейся основаніе, когда все цѣлое сжимается, на осязаніе тверже, нежели гибкія острия, и такъ какъ концы вѣтвей тонше, то они и гибче, и даже мягче, нежели плотнѣйшая середина полна. Не это-ли обстоятельство, новость явленія и поспѣшность плаванія ввели Форскеля въ заблужденіе? Можетъ быть и то еще, что сначала записанное замѣчаніе не было даже слѣдствіемъ его собственныхъ наблюденій, а только извѣстіемъ матрозовъ, долженствовавшимъ подать поводъ къ дальнѣйшему изслѣдованію.

Только въ новѣйшія времена знаменитый ученый Ю. Ц. Савини, одинъ изъ издателей *Описанія Египта*, обратилъ должное вниманіе на пренебреженные до тѣхъ поръ мягкіе кораллы Чермнаго моря, которые сходствомъ своимъ съ производящими камни породили всѣ старинныя извѣстія о мнимоъ каменнѣй коралловъ на воздухѣ. Въ слѣдствіе изслѣдованій *Савини*, въ 1799-1801 гг., *Далмаръ* опредѣлилъ новое отдѣленіе коралловъ, подъ именемъ *трубчатыхъ полиповъ* (*Röhrenpolypen, polypes tubulifères*). Не смотря на то, въ недавніи еще времена, одинъ весьма достойный уваженія путешественникъ обратился къ прежнимъ мнѣніямъ. Это былъ извѣстный Англійскій морякъ и секретарь Адмиралтейства Дж. Барроу. Приписывая возвышеніи острововъ въ Южномъ Океанѣ дѣйствию коралловыхъ животныхъ, онъ изображаетъ ихъ студенеобразными червями, которые будто бы мягки и гибки, какъ воскъ, и тогда только дѣлаются твердыми и окаменѣваютъ, когда исчезаетъ въ нихъ жизнь. Образованіе бесчисленнаго множества, даже обширныхъ и населенныхъ острововъ Южнаго Океана приписываетъ этотъ

опытный изслѣдователь береговъ и морей, какъ и многіе до него, изъ большой глубины возвышающимся и твердѣющимъ построеніямъ маленькихъ животныхъ, сознавая удивительное ихъ дѣйствіе на самую фигуру земной поверхности. Дѣйствіе коралловыхъ животныхъ на безчисленные острова Южнаго Оксана, допускаемое Барроу, и многими новѣйшими путешественниками, столь важно и занимательно, что стоитъ быть предметомъ особеннаго, частнаго изслѣдованія, съ тѣмъ, чтобы узнать и развить точнѣе всѣ эти отношенія.

Во время путешествія моего, я воспользовался случаемъ, кромѣ наблюденія коралловыхъ животныхъ, и общаго дѣйствія, которое производятъ ихъ формы, изслѣдовать обстоятельнѣе и коралловыя построенія въ Черномъ морѣ. Что удалось замѣтить въ этомъ отношеніи, вмѣстѣ съ докторомъ *Гелприхомъ*, да будетъ мнѣ позволено представить здѣсь читателямъ. Мои извѣстія раздѣляются на двѣ части: *критическо-историческую*, о дѣйствіи коралловыхъ животныхъ на поверхность земную, къ чему присоединятся мои и докт. *Гемприха* наблюденія надъ коралловыми мелями Чернаго моря, и на *систематическую* часть, въ которой подробно изложены будутъ мною семейства и породы коралловыхъ животныхъ, обозначаясь характеристически краткимъ описаніемъ, по собственнымъ наблюденіямъ известныя мнѣ, и видѣнныя мною въ Черномъ морѣ.

Страканъ, Англійскій путешественникъ, бывшій на островѣ Цейланъ, первый, кажется, сказалъ, что коралловыя животныя могутъ самостоятельно образовывать большія массы скаль. Онъ говоритъ: «между коралловыми животными вырастаютъ всегда повья, на этихъ другія, и такъ далѣе, изъ чего выходитъ цѣлый утесъ. Вѣтви ихъ, когда онъ еще молодой, мягче нежели въ послѣдствіи времени, однакоже всегда замѣчалъ я на нихъ родъ слизи, когда они подъ водою; эта слизь, какъ мнѣ кажется, и есть то самое, что потомъ твердѣетъ.»

Что кораллы представляются въ видѣ утесовъ, замѣтилъ поверхностно еще *Линнотенъ*, въ Мозамбикскомъ проливѣ, въ 1599 году, и изъ его извѣстій выводятся заключеніе, будто въ половинѣ еще XVI-го столѣтія названіе *коралловыхъ утесовъ* обыкновенно употреблялось у мореходцевъ, хотя и не нашель я на это никакихъ другихъ доказательствъ.

Донъ Жуанъ де-Кастро упоминалъ, въ 1540 году, о двухъ родахъ коралловъ въ Черномъ морѣ, но онъ не считалъ ихъ за одно съ утесистыми мелями, которыми называетъ *гос*.

Только въ 1780 году, известный Нѣмецкій путешественникъ, сопровождавшій Кука во второмъ его путешествіи, въ 1772 году, *И. Р. Форстеръ*, первый обратилъ вниманіе на дѣйствіе коралловыхъ животныхъ при нѣкоторыхъ островахъ Южнаго моря, и изъ собственныхъ наблюденій вывелъ заключеніе о великомъ содѣйствіи ихъ, касательно происхожденія многихъ острововъ Оксани. Мнѣніе *Форстера* о происхожденіи сихъ острововъ, вѣраци, слѣдующее: «Всѣ острова въ различныхъ моряхъ, которые мы обозрѣли, можно разсматривать, какъ цѣпи горъ, идущія подъ водою, съ выступающими на поверхность вершинами.» Далѣе *Форстеръ* раздѣляетъ острова на три класса: 1) песчаныя холмы, 2) гористые острова, съ коралловыми грядками, 3) гористые острова, безъ коралловыхъ грядъ. Всѣ острова втораго и третьяго класса, по его мнѣнію, почти безъ всякаго исключенія, показываютъ явные слѣды насильственнаго измѣненія поверхности, происшедшаго нѣкогда отъ огня, или собственно отъ вулкановъ. Всѣ низменные острова, принадлежащіе къ первому классу, по его мнѣнію, суть не иное что, какъ морское произведеніе, или лучше скаеать, произведеніе животныхъ, похожихъ на полиповъ, которые отъ самаго дня морскаго разширяясь къ поверхности, выводятъ каменныя растенія (*Lithophyten*). Выведенныя коралловыми животными гряды суть круглыя, всегда заключаютъ въ себѣ обильныя рыбьёю озера, и кольца ихъ, по большей части, въ одномъ, или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, прорваны. Стѣна кораллова, по его мнѣнію, выводится отвѣсно, почти до самой поверхности моря. Волны намыываютъ на нее песокъ, раковины, морскую траву и куски коралловъ; отъ этого стѣна возвышается и выходитъ наконецъ изъ воды. Море набрасываетъ потомъ на нее твердыя частицы, а волны и птицы заносятъ сверху прибрежныхъ травъ. Отъ гниенія травъ образуется сверху почва, и ежели принесется сюда какимъ нибудь образомъ кокосовый орѣхъ, долго сохраниющій свою растительную силу, то отъ него рождаются первое дерево, прекраснѣйшихъ въ послѣдствіи кокосовыхъ лѣсовъ.—*Форстеръ* прибавляетъ еще: «Черви, воздвигающіе стѣну, инстинктомъ

побуждаются защищать свое жилище отъ вѣтровъ и бурнаго моря, и потому создаютъ они свои коралловые утесы въ жаркомъ полѣхъ, гдѣ вѣтеръ дуетъ большею частію съ одной стороны, строятъ ихъ такимъ образомъ, что они образуютъ подобіе круглыхъ стѣнъ, и отдѣляютъ внутреннее озеро отъ моря; въ немъ не бываетъ уже сильнаго волненія, и полицообразный червь имѣетъ спокойное жилище.»

Это остроумное и оригинальное, хотя и не совсѣмъ удачное наблюденіе Форстера надъ образованіемъ острововъ въ Южномъ морѣ, было подтверждено въ 1814 году капитаномъ Флиндерсомъ. Особенно небольшой островъ въ Торресовомъ проливѣ, между Новою Голландіею и Новою Гвинеею, который называетъ онъ *Halfway* (т. е. *Островъ на половинѣ дороги*), подалъ ему поводъ высказать такое же мнѣніе, какъ и Форстеръ, на счетъ образованія кораллами острововъ. Ему показалось, что образованіе этихъ острововъ находилось тамъ въ различной постепенности. Онъ видѣлъ одни готовые, но не населенные еще острова, другіе, хотя возвышенные надъ поверхностью моря, но безъ растеній, и наконецъ такіе, которые при всякомъ приливѣ опять покрывались моремъ. Потому говоритъ онъ: «мнѣ кажется, что когда животныя, образующія кораллы въ глубинѣ моря, перестаютъ жить, ихъ построения слѣиваются одно съ другимъ. Это можетъ производиться, или посредствомъ остающагося тамъ клейкаго вещества, или отъ свойства морской воды. Когда, мало по малу, промежутки наполняются несомъ и коралловыми кусочками, которые море обмываетъ, и которые также плавляются, то происходитъ наконецъ утесистая масса. Позднѣйшія поколѣнія животныя строятся на образовавшейся уже плоскости, и умираютъ для умноженія и возвышенія памяти своего чуднаго построенія. По старанію, съ какимъ воздвигается вертикально основаніе зданій, можно судить объ удивительномъ истинкѣ этихъ маленькихъ животныхъ. Когда каменный валь, особенно въ мѣстахъ, гдѣ постоянно дуютъ вѣтры, дошелъ уже до поверхности моря, то онъ образуетъ защиту, подъ которою свободно, за вѣтромъ, могутъ размножаться подводныя колоніи. Въ слѣдствіе сей предосторожности, похожей на истинкѣ, къ вѣтру обращаемая сторона коралловой гряды въ открытомъ морѣ, ежели не всегда, то большею частію, есть са-

мая высокая и отвѣсная, и выставляется иногда на 200 и больше сажень. Быть всегда покрытымъ водою, кажется, необходимо для существованія коралловыхъ животныхъ, потому, что они сроятся только въ тѣхъ отверстіяхъ гряды, которыя составляютъ нижній предѣлъ воды; по коралловый песокъ и другіе отломки набрасываются волнами съ верху, пристають къ скаль, и вмѣстѣ съ нею образуютъ твердую массу столь высокую, сколько достигаетъ высота обыкновеннаго прилива. Куски, выступающіея сверхъ этой высоты, будучи рѣдко покрыты, теряютъ свою силу сцѣпленія и остаются въ рыхломъ состояніи, составляя на высоту гряды, такъ называемый, валь. На висъхъ происшедшую поверхность прилетаютъ птицы, соленныя растенія впускаютъ въ нее корни; такимъ образомъ начинается образованіе почвы. Къ берегу пристають кокосовый орѣхъ и плодъ пандана, а птицы бросаютъ сѣмяна травъ и деревъ. Всякой большой приливъ, и каждый порывъ вѣтра приносятъ сюда новое приращеніе. Такимъ образомъ, мало по малу, мель принимаетъ видъ острова. Приходить челоувкъ и беретъ ее въ свое владѣніе.»

Пероувъ, бывшій, вмѣстѣ съ капитаномъ Флиндерсомъ, въ экспедиціи капитана Бодена, съ большою подробностію, изъ собранныхъ имъ наблюденій, развилъ мнѣніе, подобное обимъ предыдущимъ. Но его живая фантазія приписала коралловымъ животнымъ столь великое вліяніе на образованіе поверхности жаркаго пояса, что онъ исчисляетъ 245 острововъ и полосъ земли, которые, совсѣмъ или отчасти, обязаны происхожденіемъ своимъ коралловымъ животнымъ, и которые возведены будто-бы этими микроскопическими животными со дна морскаго, въ видъ обширныхъ горныхъ равнинъ. Пероувъ особенно изслѣдовалъ островъ Тиморъ, и считалъ его, со всеми его горами, произведеніемъ коралловыхъ животныхъ, въ сравненіи съ которымъ весь огромный построеніи челоувческія суть только жалкія и бѣдныя произведенія! Онъ думалъ сначала, что вулканическіе подъемы скаль и земли всегда соединены съ разрушеніемъ и обрывами другъ на друга частей поверхности; не находя же этого ни на одномъ изъ посѣщенныхъ имъ потомъ коралловыхъ острововъ, утвердился онъ въ мнѣніи, что море стояло нѣ-

когда выше горъ, а объясненіе такой возможности предоставлять другимъ, довольствуясь однимъ собраніемъ фактовъ.

Послѣ Перона А. Шамиссо и Эшольцъ занимались изслѣдованіемъ коралловыхъ грядъ, во время путешествія кругомъ свѣта съ капитаномъ Коцебу, въ 1815 - 1818 годахъ, и имъ обязаны мы, какъ первымъ, точнымъ и подробнымъ описаніемъ коралловыхъ грядъ Южнаго моря, такъ и болѣе основательнымъ взглядомъ на ихъ образованіе. Съ холоднымъ, осмотрительнымъ, отличающимся дѣйствительное отъ возможнаго взглядомъ естествоиспытателя, Шамиссо наблюдалъ подробно и основательно явленія на островѣ Радакъ. Эшольцъ же, полнѣе и живѣе, нежели Форстеръ и Флиндерсъ, въ видѣ общаго обзора, изобразилъ происхожденіе такихъ острововъ. Въ описаніи Эшольца, хотя и есть сходство съ описаніями Форстера и Флиндерса, но сильное и естественное изложеніе, безъ всякихъ прикракъ, содержитъ много особеннаго, взятаго изъ собственныхъ наблюденій. Вотъ некоторые черты этой картины.

«Встрѣчая коралловыя острова, то рядами, то купами, то въ иныхъ мѣстахъ того же Океана не видя ихъ вовсе, можно заключать, что коралловыя животныя основываютъ свои зданія въ глубинѣ морской на вершинахъ подводныхъ горъ. Отсюда растутъ они въ вышину и ширину. Большіе кораллы любятъ, кажется, сильное волненіе; оно, и набросанные моремъ, черезъ край, въ середину обломки раковинъ и коралловъ, препятствующихъ успѣхамъ работы животныхъ въ серединѣ, производятъ то, что наружный край гряды всегда ближе къ поверхности. При низкой водѣ прежде всего осушаются эти приближенныя къ поверхности гряды. Коралловыя животныя перестаютъ тогда строить; приливъ же приноситъ сюда раковины, кусочки коралловъ, черепки морскихъ ежей и отпавшія ихъ гильи. Вся сія части перетираются, составляя известковый песокъ, которымъ палищее солнце соединяетъ все въ одно цѣлое, твердый камень. Отъ постепеннаго наноса новыхъ веществъ, онъ увеличивается, становится плотнѣе и выше, такъ, что уже въ известное только время, года покрывается высокимъ приливомъ. Въ сухое время солнце такъ сильно раскаливаетъ каменную массу, что она во многихъ мѣстахъ разсѣдается и отдѣляется слоями. Волненіе высокихъ приливовъ подымаетъ и громоз-

дить эти плоскіе камни одинъ на другой. Подобнымъ же образомъ возносятся на верхъ коралловыя глыбы и известковый песокъ. Онъ представляетъ весьма удобную почву занесенному съ береговъ зерну дерева, или растенія, и бѣлая, ослѣпительная, песчаная земля скоро осилится произрастеніемъ. Цѣлыя деревья, оторванныя съ материковъ и острововъ, послѣ долгаго странствованія по морю, находятъ здѣсь себѣ пристанище. Съ ними являютя небольшія животныя, какъ то: ящерицы и наськомы, и дѣлаются первыми обитателями. Прежде нежели деревья успѣютъ разрастись и составить лѣсъ, морскія птицы вьютъ уже на нихъ гнѣзда, а случайно забредшія съ материка птицы щипутъ убъжища въ кустахъ, и подъ конецъ уже, когда все твореніе и заселеніе кончилось, является человекъ, разбиваетъ свой шалашикъ на плодородной землѣ, происшедшей отъ гніенія древесныхъ листьевъ, и называетъ себя господиномъ и повелителемъ этого новаго міра.»

Г. Шамиссо весьма обстоятельно описываетъ округлое образованіе такихъ грядъ. Превосходное сочиненіе объ этомъ предметѣ представилъ гг. Куа и Гемаръ, по возвращеніи своемъ, въ 1823 году, изъ путешествія съ капитаномъ Фрейсине. Мнѣніе сихъ ученыхъ то, что слишкомъ уже распространено вліяніе коралловыхъ животныхъ на образованіе острововъ въ Южномъ морѣ, и что показанія явленій бывали часто ошибочны, въ слѣдствіе бѣлыхъ, поверхностныхъ наблюденій. Сей выводъ тѣмъ еще важнѣе, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ Леопольда фонъ Буха, который подтвердилъ это своею, весьма точною, ученою критикою, и сліченіемъ геогностическихъ извѣстій всѣхъ путешествовавшихъ къ Южному Океану. Особенно Перонъ порицается за то, что изъ пристрастія къ своему мнѣнію, цитатами и авторитетомъ, основаннымъ на поверхностномъ наблюденіи, онъ много повредилъ истинѣ. Гг. Куа и Гемаръ не принимаютъ мнѣній, что острова Товарищества, Новая Ирландія, Луизіада, и другія земли, вполнѣ, или отчасти возведены коралловыми животными, но утверждаютъ, что тутъ вездѣ каменное основаніе, такое же, какъ и у другихъ известныхъ острововъ и материковъ. Шнейеръ, пещаникъ, известковый камень, и даже гранитъ, находится на различныхъ островахъ Южнаго Океана; послѣдній есть и на островѣ Тиморъ. Очевидно, что

большую частью волкапы произвели множество разъянныхъ въ Океаніи острововъ. Гг. Куа и Гемаръ особенно полагаютъ, какимъ образомъ литифиты воздвигаютъ свои жилища на существующемъ уже, и различномъ по качеству своему, подводномъ основаніи, и какія условия благоприятствуютъ, или препятствуютъ ихъ размноженію и возвышенію. Далѣе они стараются доказать, что нѣтъ ни одного довольно значительнаго и населеннаго острова, который былъ бы возведенъ совершенно одними коралловыми животными, и что эти животныя никогда не строятъ отвѣсныхъ стѣнъ изъ глубины океана, а образуютъ только пласты и кору толщиною въ нѣсколько сажень. Камнепроизводящія полипы (говорятъ они) размножаются тамъ, гдѣ постоянно высокая температура, вода, въ разрѣзанныхъ бухтами мѣстахъ, мелка и спокойна, и куда не достигаютъ сильныя волны и пассатныя вѣтры. Они строятъ на подводныхъ скалахъ, облекаютъ ихъ корою, совсѣмъ, или отчасти только, но не образуютъ ихъ. Всѣ кольцеобразныя коралловыя мели Южнаго моря имѣютъ основаніемъ поднявшееся дно морское. Только на небольшихъ и неглубокихъ покатосяхъ находятся массы мадрепоровъ тогда, какъ въ движимыхъ волненіемъ мѣстахъ разъянно держатся шарообразныя виды животныхъ. Не оспаривалъ всѣми мореходцами упоминаемаго факта, что въ Южномъ Океанѣ есть коралловыя мели, которыя въ видѣ стѣнъ возвышаются изъ большой глубины, и возлѣ которыхъ не достаютъ дна, гг. Куа и Гемаръ опровергаютъ мнѣніе, будто эти стѣны образованы одними кораллами,

1) потому, что прекрасныя цвѣта коралловыхъ животныхъ могутъ происходить только при дѣйствіи солнца, котораго они лишены въ глубинѣ.

2) Уже въ глубинѣ нѣсколькихъ сажень не видно, чтобы тамъ росли кораллы; слѣдовательно, тѣмъ менѣе можно паходить ихъ на глубинѣ 1000, или 1200 ф.

3) Надобно предположить, что эти животныя одни одарены способностію жить во всѣхъ глубинахъ, при всякомъ давленіи воды и при всякой температурѣ, что весьма сомнительно.

4) Если море въ большихъ глубинахъ вѣчно движется и сильно ударяетъ объ мели, даже и тогда, когда не воздымаются вѣтры, и если коралловыя животныя не строятся

никогда въ сильно волнующихъ мѣстахъ, то ясно, что крутизою къ вѣтру обращенныя стѣны не могутъ быть ими возведены. Строятся же они только тамъ, гдѣ есть небольшое углубленіе, гдѣ есть защита, и своею работою способствуютъ обмелѣнію, и безъ того уже малой глубины моря, въ своемъ мѣстопробываніи.

5) Всѣ массы, которыя полагаютъ построенными будто бы коралловыми животными, имѣютъ промежутки, гдѣ море входитъ и обратно выходитъ. Если бы кольцеобразныя, перпендикулярныя коралловыя мели были построены коралловыми животными, то сіи отверстія были бы не глубоки, потому, что коралловыя животныя строятъ сплошными массами, а если бы они могли возводить ихъ изъ глубины, то они зачинили бы мало по малу эти отверстія, чего на дѣлѣ не оказывается.

Основаніи того мнѣнія, что ни одинъ островъ значительный не былъ совершенно созданъ коралловыми животными, суть слѣдующія:

Какъ ни любопытно и ни поразительно дѣйствіе коралловъ на островѣ Тиморѣ, но изъ наблюдений надъ нимъ, особливо въ заливѣ Купангскомъ, ни какимъ образомъ нельзя вывести доказательства происхожденія его отъ однихъ коралловыхъ животныхъ, какъ утверждалъ Перонъ. Ясно видно, что сланцовыя горы, съ жилами кварца, въ которыхъ находятся даже золото и мѣдь, и съ вулканическимъ камнемъ, служили основаніемъ построенію острова, и по изслѣдованію оказалось, что толщина коралловой коры на немъ едва составляетъ 25, или 30 футовъ.

Далѣе, *астреи*, которыя одни могутъ покрывать большія поверхности, начинаютъ строить только на 25, или 30 фут. подъ водою, и ведутъ выше. Ни жоремъ, ни лотомъ не вытаскивали обломковъ ихъ изъ большей глубины; вѣтвятыя же мадрепоры, никогда не образующія твердыхъ и плотныхъ пластовъ, живутъ въ глубинѣ отъ 50 до 80 сажень, а ретепоры даже на 100 саж., въ чемъ убѣдилъ наблюдателей собственный опытъ.

Что касается до происхожденія острововъ и утесистыхъ грядъ съ коралловою покрывшкою, то гг. Куа и Гемаръ подтверждаютъ извѣстія прежнихъ путешественниковъ, предшественникомъ которыхъ былъ Форстеръ. Они наблюдали

съ особенною отчетливостію въ этомъ отношеніи небольшой островъ Кера въ заливѣ Купангскомъ.

Но однако жъ, по извѣстію Бленвиля (Dictionn. des sciences naturelles, статья Zoophytes), профессоръ Рейнгардтъ, бывшій долгое время въ Индіи, не раздѣляетъ мнѣнія гг. Куа и Гемара, и признаетъ болѣе справедливымъ мнѣніе Форстера и Перона, не приводя впрочемъ никакихъ особенныхъ доказательствъ.

Недавно Джонъ Барроу снова обратилъ вниманіе на Кендалево описаніе одного изъ Шетландскихъ острововъ, форма котораго кольцеобразна, съ озеромъ въ серединѣ, и на которомъ замѣтны признаки вулканической дѣятельности. Онъ упоминаетъ о сходствѣ этого острова съ коралловыми островами Тихаго Океана, вулканическое основаніе коихъ превращается въ плодородные острова удивительнаго дѣятельности маленькихъ коралловыхъ животныхъ.

Не будемъ входить въ дальнѣйшее сличеніе столь различныхъ и противоположныхъ извѣстій знаменитыхъ мореплавателей и естественнспытателей, и перейдемъ къ нашимъ собственнымъ наблюденіямъ.

Самыя древнія извѣстія о кораллахъ, находимыхъ въ большихъ массахъ, относятся къ Черному морю, и опасности, которыя утесы, изъ нихъ составившіеся, причиняютъла пути изъ Африки въ Индію по Черному морю, съ давнихъ временъ обращали вниманіе народовъ. Потому и удивительно, что до сихъ поръ нѣтъ еще подробнѣйшихъ извѣстій объ этихъ коралловыхъ меляхъ. Хотя Форскель доставилъ намъ нѣкоторыя подробности, но изъ нихъ нельзя составить точнаго изображенія въ цѣломъ. Форскелемъ означено было удачнымъ образомъ только общее изложеніе и распространеніе коралловъ, тогда, какъ о коралловыхъ животныхъ, до него и послѣ него, писали безъ дальнѣйшихъ подробностей и безъ связи. На картѣ Чернаго моря, которую начертилъ лордъ Валенція, и на другихъ географическихъ и гидрографическихъ картахъ, отмѣнены многія коралловыя гряды Чернаго моря, и такимъ образомъ представлятъ нѣкоторый обзоръ ихъ. Но этимъ мѣстностямъ не достааетъ объясненій и точнаго обозначенія, такъ, что часто на картахъ находится онѣ не въ настоящемъ мѣстѣ и направленіи, въ чемъ неоднократно имѣлъ я случай лично удостовѣриться, самые очерки нѣкото-

рыхъ изъ нихъ находятъ невѣрными. Путешественники, которые бывали на Черномъ морѣ, и сообщали извѣстія, вѣроятно, проходили только открытымъ моремъ въ виду грядъ и острововъ, не останавливаясь при нихъ, и составляли чертежи по показаніямъ матрозовъ, со многими недостатками. Едва нѣкоторыя гавани внимательно изслѣдованы и точно извѣстны, а это не составляетъ еще карты цѣлаго. Но чѣмъ болѣе любопытства возбуждаютъ теперь извѣстія мореплавателей о коралловыхъ островахъ Тихаго Океана, тѣмъ замѣтнѣе, кажется, будетъ изображеніе одинакихъ обстоятельствъ, относительно Чернаго моря.

Мое и доктора Гемприха пребываніе на берегахъ Чернаго моря даетъ возможность представить полную картину его коралловыхъ формъ. Мы пробывъ тамъ 18-ть мѣсяцевъ, изъ числа которыхъ 9-ть въ 1823 и въ 1824 году, и столько же въ 1825-мъ. Почти цѣлый годъ провели мы на кораблѣ въ Черномъ морѣ, обозрѣли его на всемъ протяженіи, видѣли большое количество острововъ и коралловыхъ мелей, и приставали для подробнаго изслѣдованія въ 48-ми мѣстахъ. Число видѣнныхъ нами вблизи острововъ и отдѣльныхъ прибрежныхъ мѣстъ, въ различныхъ широтахъ, простирается до 150-ти, кромѣ береговъ Синайской Аравіи, изслѣдованныхъ въ обшчей связи, на дншъ почти 40 миль. Число различныхъ коралловыхъ животныхъ, собраныхъ нами собственноручно на коралловыхъ меляхъ, простирается до 110-ти, следовательно, почти втрое больше, нежели Шау, Форскель, Савиньи, и послѣ нихъ Риншель, все вмѣстѣ собрали и описали. Такимъ образомъ, усердно, съ немалыми опасностями, и съ достаточною вѣрностію составленное обозрѣніе коралловъ въ Черномъ морѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ точное опредѣленіе отдѣльныхъ формъ сихъ животныхъ, позволяетъ мнѣ представить здѣсь слѣдующее, достовѣрное и точное изложеніе.

Черное море отличается отъ другихъ морей угнетенными грядями, которыя объемлютъ его берега въ видѣ плоскихъ мелей, едва касающихся поверхности моря, и почти всегда находящихся подъ водою въ небольшой глубинѣ. Отъ того, что онѣ часто на большое разстояніе отъ берега выдаются въ открытое море и вблизи мало замѣтны, пронсходить большая опасность для плаванія. Всегда покрытыя водою ме-

ли сии, хотя онъ и выходятъ на поверхность моря, и бываютъ видимы, Арабы различаютъ отъ острововъ (называемыхъ ими *езире*, въ множественномъ числѣ *езиратъ*), именемъ *шебе*, во множественномъ числѣ *шебанъ*. Въ Черномъ морѣ мало якорныхъ мѣстъ, гдѣ бы, какъ въ Суезѣ, Торъ и Ямбо, даже небольшіе купеческіе корабли туземные могли близко приставать къ берегу. Всюду берегъ обставленъ, такъ сказать, почти на $\frac{1}{2}$ часа плаванія, широкимъ, мало обмываемымъ водою, а во время отлива и вовсе сухимъ оплотомъ скалы, и въ нѣкоторомъ только разстояніи отъ сей утесистой каймы можно бросать якорь. Даже нѣрѣдко около береговъ такъ бываетъ мелко, что и небольшія барки не въ состояніи перевозить плавателей на берегъ, и имъ приходится, оставляя суда на якорь, или привязывая къ камнямъ, переходить значительное пространство по морю въ бродъ.

Кромѣ утесистой оторочки береговъ, очевидно состоящей въ непосредственной связи съ твердою землею, и на которой со стороны берега занесенъ бываетъ холмами песокъ, находится въ морѣ, обыкновенно въ небольшихъ разстояніяхъ, еще другія плоскія скалы. Онѣ нѣсколько ниже, покрыты водою, и объ нихъ дробится волны уже открытаго моря. Между этими двумя рядами скалъ остается глубокой промежутокъ, въ одну или двѣ сажени, обильный водою и служащий вмѣсто гаваней. Сии, мѣстами прерывающіяся гряды утесовъ, образующія съ прибрежными утесами и песками затишья, или гавани, и выдающіяся изъ глубины моря, всѣ покрыты кораллами, и суть собственно *коралловыя земли* Чернаго моря. Иногда идутъ онѣ вдоль берега въ видѣ прерывающейся мѣстами оторочки; иногда по нѣскольку ихъ параллельно вдается въ открытое море. Во время самой сильной бури корабль защищенъ, находясь за такою коралловою грядою, гдѣ можетъ укрѣпиться желѣзными крючьями, цѣпями, канатами и якорями.

Эти гряды идутъ иногда въ непрерывной связи на большомъ протяженіи, а потому и случается нѣрѣдко, что высокія волны, бури и теченія, такъ близко пригоняютъ къ нимъ корабли, что почти невозможно избѣгнуть кораблекрушеній. Бунтующія волны взбрасываютъ корабль на такую гряду, и онъ неминуемо разбивается. Не безъ ужаса вспоминаю я объ опа-

сности, когда нашъ корабль, на пути отъ Суеза въ Джеду, передъ Вушемъ, среди дня, и при постоянно напряженномъ вниманіи матрозовъ, потому, что тогда подымались уже волны, попалъ на весьма небольшую гряду мелей. Три волны, взбросившія нашъ корабль, и сильно потрясшія его, привели насъ въ ужасное положеніе — ожидать вѣрной гибели. Къ счастью, надъ грядою мелей было достаточно воды, для поддержанія тяжести корабля, и четвертая волна спесла его опять въ открытое море. Ужасные удары только слабо потрясли, но не сокрушили корабля. Шейхъ Имамъ Абдаллахъ, нашъ съдовласый, отправлявшійся въ Мекку спутникъ, молчаливо и торжественно принялъ благословенія и слезы благодарности пятидесяти пассажировъ Аравійскихъ, за благотельное содѣйствіе своимъ присутствіемъ. Спасеніе наше приписали его святости.

Такое образованіе коралловыхъ грядъ можно считать общимъ близъ Аравійскихъ береговъ на всемъ почти протяженіи срединны Чернаго моря. Однообразно простирается она, начиная отъ Тора въ Суезскомъ заливѣ до Гумфуда въ Счастливой Аравіи. Въ сѣверной части моря отъ Тора до Суеза, и въ южной отъ Гумфуда до Мокки, это образованіе береговъ измѣняется. Сѣверіе отъ Накуса, мы нашли еще одну гряду, которую Арабы считаютъ послѣднею, и называютъ *Шабъ-эль хассе*. Дѣйствительно-ли въ южной части Чернаго моря нѣтъ подобныхъ коралловыхъ мелей, мы не могли узнать собственнымъ опытомъ. Мореходцы тамошніе увѣряютъ, что отъ Суеза до Тора, и отъ Гумфуда до Мокки, они день и ночь плывутъ на парусахъ, когда на всемъ среднемъ протяженіи, отъ Тора до Гумфуда, ни одинъ безналубный корабль, принужденный держаться берега, не отваживается плыть ночью подъ парусомъ. Надежныхъ якорныхъ мѣстъ немного, и потому надобно останавливаться за свѣтло, ибо часто втеръ, послѣ непродолжительной тишины, мгновенно превращается въ бурю. Причина беззаботливости мореходцевъ въ южной части Чернаго моря заключается, можетъ быть, въ томъ, что тамъ море вообще не такъ глубоко, и следовательно волны не подымаются высоко, а отъ того мѣле опасности плавать ночью въ открытомъ морѣ. Великая глубина средняго пространства Чернаго моря производить

волнение, которому, особенно при впадиистой поверхности моря, не может противиться безпалубный корабль. Средиземное, Адриатическое, Немецкое, Балтійское, Каспійское море близъ Астрахани, въ видѣнныя мною, не представлялись мнѣ столь впадистыми, и столь сильно волнистыми, хотя на четырехъ первыхъ приходилось мнѣ переносить сильныя бури. При томъ же ладбно взять въ соображеніе и величину кораблей, на которыхъ плавалъ я по Черному морю. Самыя большія волны, которыя когда либо встрѣчалъ я, и которыя угрожали разбитіемъ корабля своею силою, видѣлъ я между *Шерль ель Шейкъ* островамъ *Тиранъ* и *Расъ Мугалмедъ*, при входѣ въ заливъ Акабскій, гдѣ по извѣстіямъ мореходцевъ морская глубина превосходитъ 100 сажень. Высокій волпъ мы не видали въ южной части моря, хотя на обратномъ пути изъ Абиссиніи мнѣ пришлось вытерпеть сильный штурмъ, продолжавшійся три днѣ. Достаточно также увѣрился я, что въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ недостатка въ коралловыхъ меляхъ, потому, что переплывая море поперегъ, отъ Аравійскаго острова *Камерана* къ Абиссинскому острову *Далаку*, замѣчали мы у всѣхъ острововъ коралловыя островки и много коралловыхъ грядъ, которыя частію были совсѣмъ покрыты водою, и, слѣдовательно, принадлежали бы къ опаснѣйшимъ изъ всего моря, сжели бы лежали на пути кораблей. Въ слѣдствіе всего этого, мелкость моря (отъ 10-ти до 11 сажень) и не высокія волны, а не недостатокъ коралловыхъ утесовъ полагаю я причиною беззаботности Йеменскихъ мореходцевъ.

При обзоръ коралловыхъ мелей Чернаго моря нельзя не замѣтить, что въ средней и самой глубокой части сего обширнаго водоема, отъ Джеды въ Аравію до Коссеира въ Африкѣ, не встрѣчаются кораллы. Хотя на возвратномъ пути изъ Йемена въ Коссеиръ провелъ я 12-ть сутокъ въ безпрестанномъ лавированіи отъ противнаго вѣтра, однако не попалось намъ на пути ни одной коралловой гряды. Греческій капитанъ, управлявшій Египетскимъ бригомъ *Эль-Кандиль*, на которомъ я былъ, распорядился такъ, что къ вечеру мы плыли около Аравійскаго берега, а съ вечера, въ продолженіе ночи, пускались въ открытое море къ Африканскимъ берегамъ. Единственное скалистое мѣсто, которое попалося

намъ тутъ въ открытомъ морѣ, находилось на широтѣ Коссеира, и именно, это былъ изъ двухъ скаль состоящій островъ Феншатиръ. Къ сѣверу отъ него показывается нѣсколько острововъ и грядъ, замыкающихъ входъ въ Суэзскій заливъ. Подобнымъ образомъ острова *Тиранъ* и *Баржанъ* замыкаютъ входъ въ заливъ Акабскій коралловыми грядями, которыми они окружены. *Феншатиръ* совсѣмъ не коралловая гряда, а только двѣ скалы, выдающіяся надъ моремъ.

Обозрѣвая геогностическія отношенія береговъ, и сравнивалъ съ ними коралловыя гряды и острова, находимъ, что большая часть коралловыхъ мелей и острововъ находится тамъ, гдѣ глубина моря не значительна, и что нигдѣ изъ большой глубины не выставляются круто отдѣльныя коралловыя гряды. Онѣ находятся болѣе близъ плоскихъ береговъ, или тамъ, гдѣ морское дно очевидно поднято вулканическимъ дѣйствіемъ. Суэзскій заливъ, на южной части котораго находится много большихъ коралловыхъ мелей въ открытомъ морѣ, нигдѣ не имѣетъ значительной глубины. Это узнали мы обстоятельно отъ Арабскихъ мореходцевъ изъ Тора, потому, что они часто имѣютъ случай измѣрять глубину бросаніемъ якорей, и во время ловли рыбы, удочками съ тяжестію. На небольшой глубинѣ Суэзскаго залива, въ среднѣхъ, по ихъ извѣстіямъ, не превосходитъ 50 сажень; наиболѣе же бываетъ она отъ 20 до 12, ближе къ Суэзу только 10, и мало помалу у города сходить отъ 2-хъ до 1-й сажени. Только южнее *Расъ Мугалмеда*, перввою на 100 сажень не достаютъ дна. Самая большая глубина, которую я самъ, въ среднѣхъ обширнаго бассейна, или бухты Фараонова озера, Биркетъ-Фараунъ, вымѣрять удочкою съ тяжестію, была 45 сажень. Кромѣ того, нефть, находимая у Гебель Сетіе (Масличной горы), на Африканскомъ берегу, въ одинаковой широтѣ съ безчисленнымъ множествомъ коралловыхъ грядъ залива, горячіе источники въ Гамамъ Фараунъ, и теплые въ Торъ, также гористая земля съ чернымъ камнемъ, находящаяся, по показанію Бурггардта, возлѣ *Расъ Мугалмеда* (по которой мы не замѣтили), свидѣтельствуютъ, что въ сихъ мѣстахъ, безъ всякаго сомнѣнія, были въ дѣйстви вулканическія силы, а можетъ быть, и теперь еще дѣйствуютъ. И то обстоятельство, что значительно большее количество маленькихъ острововъ и

грядь расположено болѣе востокъ Аравійскаго, нежели Африканскаго берега, на всемъ протяженіи моря, можетъ быть легко объяснено болѣе вулканическимъ свойствомъ всего этого прибрежья, что справедливо предполагать Леопольдъ Бухъ, основываясь на прежнихъ показаніяхъ. И я также имѣлъ случай доказать это нѣкоторыми новыми фактами изъ собственныхъ наблюденій, въ диссертациіи моей о *характерѣ Лавійской степи*. Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ Аравійская полоса показываетъ слѣды прежнихъ вулканическихъ изверженій, которымъ она, можетъ быть, обязана и своимъ происхожденіемъ, или перемѣною формы. На Африканскомъ же берегу, отъ Коссеира до Массауа, незамѣчаны подобныхъ признаковъ, хотя нерѣдко обозначены, сухимъ путемъ и съ моря. Вероятно, что тутъ гораздо меньше находится коралловыхъ грядъ, и страна около Коссеира, которую я видѣлъ, непротиворѣчить этому. Въ южной части Чермнаго моря есть еще и теперь среди моря центръ вулканическаго дѣйствія, именно островъ Себаъ, или Гебель-гаеръ (Птичья гора, Монастырская гора?). Тамъ замѣчается небольшую глубину моря и много маленькихъ острововъ и коралловыхъ грядъ въ серединѣ моря. Въ средней части Чермнаго моря, до Коссеира, гдѣ нѣтъ вулкановъ, замѣчались мы большую глубину безъ острововъ и коралловаго образованія, и при Суезѣ берегъ также безъ коралловыхъ грядъ.

Всѣ коралловыя мели Чермнаго моря сходны въ томъ, что поверхность ихъ плоская, параллельна съ моремъ, и не выказываетъ зубчатыхъ скалъ надъ его уровнемъ. Онѣ, болѣею частью, отъ полусаженни до 2-хъ сажень ниже поверхности моря, и только во время отлива, въ одномъ, или нѣсколькихъ мѣстахъ, выступаютъ небольшія ихъ возвышенія, которые опять покрываются волнами при свѣжемъ вѣтрѣ. Такія возвышенія суть не большія, голыя глыбы скалъ черноватаго цвѣта, и это совсѣмъ не кораллы, но отломки весьма хрупкаго известковаго камня, съ изломомъ похожимъ на шиферный. Часто представляются они въ видѣ, какъ будто нарочно поставленныхъ маяковъ. Верхняя плоскость всѣхъ такихъ коралловыхъ грядъ, только отдѣльными камнями выступающихъ изъ моря, нѣсколькими футами ниже его поверхности, и мѣстами невидны даже возвышеній за нѣсколько сажень. Ежели

и встрѣчаются они иногда, въ видѣ взгроможденныхъ горъ, то это суть дѣйствительныя *острова*. Ни на одномъ изъ многихъ, посѣщенныхъ мною, такихъ плоскихъ и возвышенныхъ острововъ, не видѣлъ я коралловыхъ остатковъ въ верхнихъ слояхъ, ни сохранившихся коралловыхъ формъ, какъ пахотили въ Южномъ Океанѣ Форстеръ, Ванкуверъ и Перонъ, что послѣдній и старался объяснить, не вулканическимъ поднятіемъ, но пониженіемъ моря.

Форма коралловыхъ мелей Чермнаго моря не кольцеобразна, и безъ озеръ въ серединѣ, въ противоположность тому, что вообще замѣчено въ Южномъ морѣ. Особенность Австральскихъ грядъ та, что къ открытому морю и сильному волненію обращенная сторона ихъ всегда выше, подъ вѣтромъ же лежащая ниже. Это не имѣть никакого сходства съ коралловыми грядами Чермнаго моря. Хотя мы нашли, что край всякой коралловой гряды, болѣею частью весьма неправильно разрыванъ бухтами, но судя вообще, онъ почти всегда прямолинейный, и нѣкоторая сторона его не возвышается надъ другою. Та наружная часть, которая доступна сильному волненію и бурямъ, иногда покато спускается и глубже уходитъ. Такъ, напримѣръ, это замѣтно на коралловой мели, которая образуетъ Торскую тавань.

Отличительная форма коралловыхъ мелей Чермнаго моря полособразная, столонная. Обыкновенно эти гряды составляютъ береговую оторочку, но есть также весьма много ихъ на нѣсколькіе миль отстоящихъ отъ твердой земли, и свободно выступающихъ изъ глубины. Сколько мы ихъ наблюдали, онѣ всегда имѣютъ направленіе параллельное съ берегомъ. Вѣрно есть какая нибудь причина такого явленія. Я не припомню ни одной гряды, которая бы въ длину удалась отъ берега, подъ прямымъ угломъ. Правда, нерѣдко встрѣчались намъ мели почти круглыя, или квадратныя, но и въ семъ случаяхъ видно было сходство въ образованіи съ полособразными, тѣмъ, что будучи расположены рядами, сіи мели представляли во многихъ мѣстахъ прерванную полосу, такъ, что въ общемъ направленіи не отступали они отъ характера общаго. Кромѣ такого однообразія въ плоской, длинной и параллельной берегу формъ, Аравійскія коралловыя мели сходны между собою и тѣмъ еще, что къ сторонѣ ихъ, обра-

щенной къ морю, глубина чрезвычайно велика. Составляя непосредственную оторочку береговъ, коралловые мели естественно имѣютъ только одну скать къ сторонѣ моря, который возлѣ самаго края ихъ начинается большою глубиною. Свободно же въ морѣ выступающіяся гряды, по причинѣ длинной, узкой формы, имѣютъ собственно двоякій скать, одинъ въ направленіи къ берегу, другой къ открытому морю. На береговой сторонѣ покатость широкой плоскости коралловой гряды легко спускается, и обыкновенно море къ землѣ бываетъ не глубоко; корабли побольше вообще стараются избѣгать плаванія между грядами и берегомъ. Средній же и меньшія суда предпочитаютъ плаваніе между коралловыми грядами, и вынрываютъ въ скорости, потому, что въ сихъ мѣстахъ они удобнѣе могутъ пользоваться вѣтромъ, а въ случаѣ бури быть не далеко отъ гаваней. Глубина моря на наружной сторонѣ грядъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ дальше онѣ отъ земли, а иногда и возлѣ нихъ самихъ она недосылаема. Въ Торѣ просилъ я тамошнiго жителя и мореходца Маалемъ-Ансари, почтеннаго и опытнаго старика, старосту небольшого мѣстечка, померить глубину длинными удочками, и нѣсколько разъ самъ былъ на его рыбацкiй лодкѣ во время такихъ измѣреній. Коралловая гряда, образующая Торскую гавань, сверху длинна и узка, зимою во время отлива на 4 фута, во время прилива на 8 ф., лѣтомъ во время отлива на 8 ф., во время прилива на 12 ф. находится подъ водою. Ея основаніе очевидно составляетъ коса, идущая въ южномъ направленіи отъ сѣвернаго конца бухты, а въ небольшой глубинѣ лежитъ новѣйшаго образованія известковый камень, который вблизи крѣпости образуетъ коралловую оторочку берега. Самал большал глубина гавани, въ сторону отъ гряды къ землѣ, отъ 8 до 9 сажень. Гряда, которой длина почти втрое больше ширины, къ береговой сторонѣ спускается постепенно, а къ сторонѣ моря покатость крута, и въ небольшомъ разстояніи глубина моря уже здѣсь до 50-ти сажень. Хотя гряда къ землѣ и отложе спускается, но со стороны моря нѣтъ на ней никакого гребня, а до самой середины и далѣе идетъ только широкая, столу подобная плоскость; а на морской сторонѣ, хотя глубина быстро увеличивается, но крутизна неотвѣсна. Неподалеку отъ самой

южной оконечности гряды возвышается подъ поверхностью моря куча голыхъ обломковъ скалы и коралловъ: это искусственный маякъ для мореходцевъ.

Вездѣ, гдѣ въ новѣйшія времена дѣлаемы были точныя наблюденія, открывается тѣсная связь между островами и коралловыми грядами. Это нашли мы и въ Черномъ морѣ. Всѣ коралловые гряды, нами изслѣдованныя, особенностями своими обязаны преимущественно геогностическимъ отношеніямъ береговъ и морскаго дна, и въ меньшей степени вліянію небольшихъ животныхъ, образующихъ камни, особливо такіе, которые называютъ *кораллами*. Тамъ, гдѣ песокъ, коралловая покрывка и глубина воды не препятствовали наблюденіямъ, мы вездѣ находили, что твердые основаніемъ всѣмъ возвышенностямъ морскаго дна, представляющимъ въ видѣ острововъ и коралловыхъ мелей, служатъ, или вулканическій камень, и твердый, либо поздраватый, известковый туфъ.

Прежде всего поговоримъ объ островахъ съ вулканическимъ камнемъ. Мы приставали къ двумъ жакимъ островамъ, происхожденіе которыхъ было явно вулканическое, именно, къ Арабскому острову Кетумбуль, въ южной части моря, между Гумфуда и Гизана, отдѣльная зубчато-коническая скала котораго состоитъ, большою частью, изъ выветрѣвшей лавы, и кажется, образуетъ сѣверный край надводнаго, давно погасшаго кратера. Другой островъ, Гауакель, лежитъ южнѣе, возлѣ Абиссиніи; на немъ находится невысокія горы, мною только съ сѣверо-западной стороны изслѣдованныя, и состоящая изъ жженаго, на лиму похожаго камня, безъ лавы и базальта. *Кетумбуль* возвышается почти на 300, а *Гауакель* на 150 ф., и оба они съ коралловою оторочкою подлѣ береговъ. Издали видѣли мы еще вулканическій островъ *Гевелтаеръ*, или *Себанъ*. Онъ представлялся намъ горнымъ кряжемъ (не выше 150 ф.), въ срединѣ остримъ, склоняющимся къ з. и с., но ничего особеннаго здѣсь не замѣтили.

Другихъ вулканическихъ острововъ нѣтъ въ посѣщенной нами, большей части Чермнаго моря. На всѣхъ прочіихъ островахъ, болѣе или менѣе высокихъ, найдены основными камнемъ, то твердый, то поздраватый, большою частію известковый туфъ, или треть-степенный пещаникъ. Первый встрѣчани мы иногда горизонтальными слоями, какъ-то, напр.

на северных островах Барканъ, Санаферъ, и на южных Камеранъ, Бельгоссъ, Далакъ, Массасау, Фарсанъ, къ которымъ приставали, а также и на многихъ другихъ.

Что касается до безчисленнаго множества малыхъ, весьма плоскихъ, едва выступающихъ надъ поверхностію моря острововъ, и именно тѣхъ, которые всего болѣе, кажется, имѣютъ сродства съ коралловыми грядами, то большая часть ихъ имѣютъ основаніе изъ твердаго камня, который почти никогда не обнажается моремъ, тогда, какъ возвышенная часть сихъ острововъ представляетъ только, болѣе или менѣе высокіе, песчаные холмы. Особенно замѣтно это на осмотрѣнныхъ нами островахъ, Ремавъ, при входѣ въ заливъ Акабскій, Санакъ на С. З. отъ Гумуда, Растъ-Кафилъ, тамъ же, Ормукъ и Бадиль, между Логенлемъ и Камераномъ, и Шенкъ-Саидъ при Массасау. Возлѣ другихъ острововъ подобныя утесистыя мѣста бывають видимы во время отлива, и тогда они почти сухи. Всѣ прочіе подобныя острова у Аравійскихъ береговъ, сколько мы ихъ близки ши видали, а число такихъ было очень велико, столь мало различаются отъ упомянутыхъ нами своею наружностию, что мы не вдавались уже въ особенное ихъ изслѣдованіе.

Скажемъ о паружномъ видѣ нѣкоторыхъ острововъ, что большая часть ихъ кругловаты, рѣдко съ бухтами, почти вездѣ съ прямолинейными, угловатыми, или легкими волнообразными очерками, а нѣкоторые продолговаты. Впрочемъ нашли мы, что болѣе возвышенныя части ихъ не параллельны съ берегами, но иногда, такъ, какъ двойной островъ Гасани и Либбенъ, идутъ подъ прямымъ угломъ, между тѣмъ какъ подводные, острова, сопровождающіе гряды, имѣютъ, другое направленіе. Замѣчательными показались мнѣ еще двѣ группы острововъ Фарсанъ и Далакъ, которые лежатъ одна противъ другой, почти на одной широтѣ, въ южной части моря, и отличаются малымъ возвышеніемъ, вѣроятно, концентрическимъ соединеніемъ многихъ небольшихъ острововъ около большаго средняго. На нихъ не замѣтно слѣдовъ камня вулканическаго происхожденія. Надобно еще упомянуть о трехъ островахъ, которые отъ глубоко вдающихся бухтъ имѣютъ полукруглую форму. Санаферъ, при входѣ въ заливъ Акабскій, Баде, не далеко отъ Камерана на югъ, вмѣстѣ съ

Гауакелемъ, при Абиссинскомъ берегу, наиболѣе приближаются къ кольцеобразной формѣ. И состоящій изъ лавы островъ Кетумбуль должно сюда же причислить, если соединить въ одинъ очеркъ нѣсколько небольшихъ, по близости находящихся острыхъ утесовъ. На послѣднихъ двухъ островахъ ясно находится вулканическій камень, а посему котлообразная форма не только не отдаляетъ, но еще болѣе подтверждаетъ здѣсь прямо вулканическое происхожденіе. Но такая форма острововъ Санаферъ и Баде не даетъ права приписывать имъ подобнаго происхожденія, и они не показываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вулканическаго дна, хотя Баде, узкимъ протяженіемъ земли, весьма близко подходитъ къ кольцеобразной формѣ. Я обошелъ почти весь бассейнъ ихъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время отлива, видѣлъ плитообразный известковый камень, а мало возвышенную, выпуклую плоскость составляетъ здѣсь тоносный песокъ, съ отломками выветривающагося известковаго камня. *Санаферъ* представляетъ только глубокую, съ Ю. на С. вдающуюся бухту, и болѣе возвышенныя известковыя скалы, которые раздѣляются на двѣ купы. Малыя выветрѣвшія отлогости ихъ не показываютъ ни какихъ признаковъ другаго образованія. Если бы число кольцеобразныхъ острововъ въ Тихомъ морѣ было не больше того, какое видно въ Черномъ, то путешественники не были бы такъ поражены ими, и не выставляли бы сей формы исключительною при образованіи коралловыхъ острововъ, и если бы не былъ на нихъ очевиденъ отпечатокъ вулканическаго характера, то повѣрнѣе наблюдатели не основывали бы на немъ своей теоріи съ такою опредѣлительностію, когда имъ предлежало другое мнѣніе.

Известныя плоскихъ и малыхъ острововъ, которые часто окружены соразмѣрно весьма широкою каймою подводнаго коралловаго образованія, не отличается ни чѣмъ отъ известнаго болѣе возвышенныхъ острововъ. Иногда, это сѣвннншійся и отвердѣвшій морской песокъ. Цвѣтъ этого кампн подъ водою, или близко надъ ея поверхностію, болшего частию пепельно-сѣрый, или черноватый; у всѣхъ же нѣсколькн возвышенныхъ острововъ, даже у тѣхъ, которые выставляются на нѣсколько футовъ, обыкновенно ослѣпительно бѣлаго, мѣловаго цвѣта. Иногда видны горизонтальныя полосы,

как будто слъды осадки воды. Большіе острова Фарсанъ, Далакъ и Камеранъ, состоятъ совершенно изъ этого камня и слоя наноснаго песку, съ наибольшимъ количествомъ чернозему. На утесистыхъ меляхъ, которыя только во время прилива совершенно покрываются водою, иногда отдъляется этотъ камень плитообразно, и даже на коралловыхъ грядкахъ, всегда подъ водою находящихся, часто подымалъ я плоскіе, кораллами обсаженные камни, но которые сами не были кораллы. Впрочемъ, эти каменные массы, даже въ весьма тонкихъ пластинкахъ, такъ крѣпки, что только молоткомъ и то не скоро можно было разбить ихъ. Напротивъ, на воздухъ и солнцѣ находящіяся скалы, хотя первоначальное свойство ихъ одно и тоже съ вышеупомянутыми, болшею частію весьма рыхлы, или въ некоторыхъ только мѣстахъ удерживаютъ свою крѣпость. Отчасти и вода такъ промываетъ въ иныхъ мѣстахъ подобныя известковыя скалы, что онѣ имѣютъ видъ сѣтей, и весьма острые и рѣзкіе углы, а это, при темномъ цвѣтѣ, даетъ имъ иногда видъ лавы, хотя по точнѣйшимъ наблюденіямъ они не походятъ на нее. Разбитые мною куски ихъ были внутри бѣлаго цвѣта; въ нихъ находили мы истертые, тонкіе обломки раковинъ, и т. п., какъ очевидный признакъ ихъ истиннаго происхожденія.

Къ образованію острововъ въ Черномъ морѣ принадлежитъ еще явленіе, имѣющее также вліяніе на образованіе коралловыхъ грядъ. Ни у одного острова, и преимущественно у тѣхъ, которые выставляются надъ моремъ въ видъ плотныхъ, утесистыхъ массъ, не видно съ моря коралловой оторочки, но при всемъ различіи геогностическаго характера, у всѣхъ крутой скалъ въ море, а къ матеріку плоскій, возвышенный прибавокъ земли, около котораго кругомъ коралловыя произведенія образуютъ широкую кайму. Сюда принадлежатъ: островъ *Таранъ*, состоящій изъ трехъ степеннаго камня, островъ *Кетулибуль*, острова *Барканъ*, *Санаферъ*, *Гассанъ* и *Бельгоссъ*. Плоскія, песчаныя косы первыхъ обращены на сѣверо-востокъ къ Аравіи, у Бельгоссы на Ю. З. къ Африкѣ. Ясно, что у этого острова море отъ С. В. имѣетъ наибольшее волненіе, которое мало по малу обмывало верхнюю часть острова до самаго утеса, а этотъ утесъ, защищая некоторое разстояніе, дѣйствовалъ на другую плоскую часть

острова. Такихъ явленій не надобно упускать изъ виду при изслѣдованіяхъ состава коралловыхъ грядъ, потому, что они показываютъ поразительное сходство разнородныхъ образованій. Что касается до накопленія песку, то въ этихъ, отъ моря обращенныхъ прибавленіяхъ Аравійскихъ острововъ, я не могъ не найти сходства съ песчаными склонами Нубійскихъ скалъ. Какъ въ Нубійскихъ степяхъ, сѣверный вѣтеръ дѣйствуетъ на южное скопленіе песку въ горныхъ странахъ, точно такъ оказывается дѣйствіе волпъ Чермнаго моря на скопленіе песку позади острововъ. Здѣсь причина въ волненіи, тамъ въ направленіи вѣтра.

Изъ всего здѣсь изложеннаго, явно видѣтъ значительный перевѣсъ геогностическихъ отношеній на образованіе, даже самыхъ плоскихъ острововъ и коралловыхъ мелей Чермнаго моря.

Производящія камни животныя, начиная уже отъ средины Сузскаго залива, образуютъ поверхность всѣхъ скалъ, и нѣтъ ихъ только на чистомъ ценданомъ днѣ. Весьма естественно является мысль, что коралловыя животныя воздвигли всѣ эти утесы. Въ началѣ моей статьи описалъ я поразительное и пріятное впечатлѣніе, какое производятъ большія пространства коралловыхъ грядъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, во время низкаго стоянія воды и тишины моря. Они представляются въ видъ богатыхъ цвѣтами луговъ, по которымъ, плавая въ лодкѣ, не знаете, который цвѣтокъ прежде разсмотрѣть, срисовать и сохранить со всѣми его красками, потому, что одинъ является здѣсь лучше и красивѣе другаго. Часто прѣмѣстїе кажется именно тѣ, которыхъ нельзя достать въ глубинѣ, и иногда жаль сломить коралловый гребень, красующійся въ морской пронасти. Когда ломаете ихъ потому для изслѣдованія, они представляють, болшею частію, коричневый, зубчатый, слоистый, или на днѣ похожій известнякъ, изслѣдованіе коего, какъ ни удивительно отдѣльня его внѣшнія формы, скоро утомляетъ единообразіемъ.

Вездѣ, гдѣ могли изслѣдовать свободно стояція въ морѣ, всегда покрытыя водою коралловыя гряды, находили мы на плоской, мѣстами глубокой и ращелистой поверхности, отдѣльныя живыя коралловыя массы, и кустообразныя коралловыя вѣтви, неправильно разбросанныя, какъ будто цвѣты на лу-

гахъ. Отдѣльныя фигуры и куски, и здѣсь встрѣчались наибольше, впрочемъ не исключительно. Даже мы не нашли ничего похожаго на наши вересковые степи, или сосновые лѣса. Мадренопы, гетеропоры, миллепоры, астрей, фавии, каріофиллен, меандрины, поциллопоры, стефанопоры, (то есть, петлеобразные туффы, или известняки, вѣнцеобразные, тысячезвѣздные, звѣздчатые кораллы, сотообразные кораллы, похожіе на гвоздику, чащеобразные известняки и вѣнцеобразные известняки), и проч., перемежаются тутъ въ большомъ количествѣ съ исполосскими раковинами, жемчужными раковинами, морскими грибами, морскими ежами, морскими звѣздами и голотуріями. На мѣсть вымершихъ животныхъ тѣнятся мягкіе, кожистые кораллы, морскіе анемоны, кораллы въ видѣ кустовъ, и губки (зоавитыи, актиніи, ксеніи и галціонныи), и великое множество апулятъ, или кольчатыхъ червей, и турбелларій. Основаніе коралловыхъ стволовъ обложено иногда бѣлымъ известковымъ пескомъ. Отдѣльные стволы коралловъ обыкновенно столь крѣпко прирастаютъ къ твердому основному камню, или къ другимъ коралламъ, что должно отламывать ихъ молоткомъ и долотомъ, и рѣдко надобно спускаться для этого въ воду, и употреблять немалое усиліе. Иногда встрѣчаются подвижные коралловые стволы, которые легко отрывать, потому, что они развиваются на вымершихъ, лежащихъ въ песокъ коралловыхъ отломкахъ. Впрочемъ, мнѣ нигдѣ не удавалось ясно видѣть возрастанія другъ на другъ коралловъ выше третьяго поколѣнія. Очень рѣдко находилъ я разрушенные коралловые отломки, на которыхъ утверждались другіе отломки, въ послѣдствіи развившагося на нихъ ствола, развитіе котораго представляетъ третье живое поколѣніе, совсѣмъ особенной породы. Такого рода груды коралловъ никогда не составляютъ высокихъ скалъ, и кажется, никогда не сидятъ онѣ плотно, отъ чего, можетъ быть, и зависитъ раннее вымираніе перваго ихъ поколѣнія. Массъ, происшедшихъ отъ постоянного паростанія различныхъ поколѣній, никогда не видалъ я столь высокими, чтобы отдѣльный стволъ тѣхъ же породъ не могъ достигнуть одинакой съ ними высоты, безъ особенной подпоры. Но обильныя простыя коралловые стволы, почти вездѣ находилъ я туфовый камень, составляющій

основаніе и горы большей части острововъ, и который есть общая горная формація земной коры.

Южный край всякой коралловой гряды, или та сторона, которая должна выдерживать самое сильное волненіе, не только не лишена живыхъ коралловъ, но напротивъ тамъ-то и замѣтна жизнь сихъ животныхъ во всемъ раздолы и величій. Наружную сторону скалъ, круто возвышающихся изъ глубины морской, находили мы обыкновенно безъ коралловъ, потому, что отпрыдывающее волненіе оказываетъ, впротп, слишкомъ большую силу, тогда, какъ у коралловыхъ грядъ возвышающихся волны, обрушиваясь надъ ними, терлють отражающую силу.

Не подвержено сомнѣнію, что коралловыя животныя и въ Черномъ морѣ способствуютъ возвышенію коралловыхъ грядъ, но я убѣдился, что это дѣлается не цѣлыми массами и пластами. Возвышеніе ихъ кажется мнѣ болѣе дѣйствіемъ каждаго отдѣльнаго животного и его семейства. Какъ поле, или лѣсъ, не тѣмъ возвышаются, что растенія ихъ, или деревья сохнутъ и вымираютъ во весь ростъ, уступая мѣста новымъ поколѣніямъ, точно тоже происходитъ и съ кораллами. Нѣсколько футовъ наносной земли обозначаютъ на землѣ тысячи лѣтъ и тысячи исчезнувшихъ пролѣбей. И весьма малы также слѣды возвышенія коралловыхъ грядъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій и тысячелѣтій. Я готовъ думать даже, что коралловыя животныя дѣйствуютъ болѣе защищая и сохраняя, нежели возвышая острова и дно морское.

Изъ частнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ коралловыхъ животныхъ заключилъ я, что коралловыя вѣтви не есть отдѣльное животное, котораго жизнь сосредоточивается въ известномъ мѣстѣ, ни общее жилище нѣсколькихъ животныхъ, старость и ветхость котораго могли бы вдругъ прекратить жизнь ихъ. Въ обоихъ случаяхъ могло-бы быть, что такая коралловая вѣтвь внезапно теряетъ свою общую жизнь, и дѣлается положею на высохшее дерево. Въ слѣдствіе многихъ наблюденій и опытовъ моихъ это оказывается невозможно, а потому и слѣдствія, которыя изъ того вывели, суть ложныя. Коралловая вѣтвь есть нѣчто цѣлое, происшедшее посредствомъ образованія почекъ, по известнымъ законамъ.

Части его суть множество органически-отдельных животных, хотя не могут произвольно разлучиться, по соединены не существенными для частной их жизни частями. Цвѣты дерева представляют некоторое сходство въ явленіяхъ такой семьи коралловъ, но во внутреннемъ существѣ находится великое различіе между нераздельною частностью цвѣтотъ на деревѣ, и совершенно отдѣльною, въ сущности, органическою частностью цвѣтоподобныхъ коралловыхъ животныхъ. Каждый особенный цвѣтокъ коралловый, въ случаѣ насильственного разрыва, сохраняя свою цѣлость, можетъ обойтись безъ всѣхъ другихъ частей своей семейной храмины, и при помощи продолжающагося развитія, чрезъ образование почекъ, сдѣлаться основателемъ новаго зданія. Но стволъ растений есть необходимая часть для ихъ цвѣтотъ, которые, будучи отдѣлены отъ него, вянуть и сохнутъ, а съ другой стороны цвѣты не суть существенныя части ствола растений; они могутъ быть насильственно оторваны, и этимъ не разрушится его сущность. На оборотъ, отдѣленіе и раздѣленіе ствола не разрушаетъ жизни коралловыхъ животныхъ, и отдѣльныя животныя могутъ развиваться дальше, что давно уже доказано превосходными наблюденіями Каволини, и въ чемъ убѣдительно разсматриваніе неправильныхъ образований, при разбиваніи коралловыхъ вѣтвей. Въ этомъ и заключается причина, отъ чего подъ водою находящіяся живые кораллы почти не сокрушаемы, ежели только не отрываются и не уносятся волнами, причѣмъ терпятъ они отъ тренія въ песокъ и сильныхъ ударовъ, ежели только не покрываются вдругъ необыкновенною массою неску, или не сохнутъ при отступленіи воды, и не гибнутъ отъ вулканическаго жару. Изъ такихъ наблюденій и заключеній очевидна неосновательность мысли, будто коралловыя животныя вымираютъ поколѣніями, для того, чтобы другія строились и возвышались на ихъ остаткахъ.

Немаловажными показались мнѣ еще слѣдующія замѣчанія, касательно природы коралловыхъ животныхъ. На коралловыхъ грядкахъ Чермнаго моря видѣлъ я огромныя глыбы живыхъ *леандръ* и *фрагій*. Ихъ не только нельзя сдвинуть съ мѣста, но и отломить кусочка въ глубинѣ невозможно, даже при большихъ усиліяхъ. Существованіе ихъ относится, ка-

жется, еще къ временамъ древнѣйшимъ. Многіе изъ нихъ попадаются болѣе сажени, а другіе $1\frac{1}{2}$ сажени въ поперечникъ, изъ чего, по ихъ полукруглой, или почти круглой формѣ, надобно заключать о весьма большой ихъ массѣ. Эти, очевидно весьма древнія, коралловыя глыбы образуютъ на паружномъ краѣ коралловыхъ грядъ самыя верхнія массы, и доказываютъ, что со времени, которое нужно было для ихъ роста, коралловая гряда не поднималась выше, потому, что ихъ не покрыло ни одно позднѣйшее поколѣніе изъ ихъ рода. Впрочемъ, что въ такихъ исполинскихъ, семейныхъ зданіяхъ живутъ древнѣйшія поколѣнія животныхъ, какъ я удостоверился на весьма значительныхъ глыбахъ, и что внутренней правильно освѣщенъ и оставленный жилища болѣе полныхъ звѣздъ, на примѣръ, у *Astraea dispersa*, доходятъ до центра основанія, между тѣмъ, какъ болѣе плоскія звѣзды вбиваются между ними острыми углами, и слѣдовательно, представляются позднѣйшими почками. Иногда видѣлъ я на такихъ большихъ глыбахъ отдѣльныя червоточныя углубленія, которыя, конечно, могли произойти отъ разрушенія и вымыванія отдѣльныхъ животныхъ; иногда же такія углубленія опять заняты почками ближайшихъ животныхъ, и снова оживлены.

Одно это отдѣльное увеличеніе коралловой вѣтви, или такое семейное растяженіе могу я назвать ростомъ коралловыхъ грядъ въ Черномъ морѣ, въ чемъ убѣдился я множествомъ наблюденій. Рыхлая связка вѣтвистыхъ гетеропоровъ, мадрепоровъ и миллепоровъ дѣлаетъ эти породы неправильными, и произвѣстной высотѣ, онѣ становятся менѣе производительными, особливо въ образованіи почекъ, какъ и всѣ деревья послѣдовательно растутъ гораздо медленнѣе.

Въ жизненной дѣятельности коралловыхъ животныхъ есть что-то сильно отталкивающее *паразитовъ* изъ ихъ собственнаго рода. Самыя большія коралловыя вѣтви, какъ бы стары онѣ ни были, сохраняютъ себя отъ всѣхъ такихъ приравокъ, хотя часто находите ихъ пробурраменныя и обремененныя *баланами*, *жолгатами гералли*, также *бисальвали*. Я не нашелъ ни одного примѣра, гдѣ бы живой кораллъ развился на другой живой коралловой вѣтви. Такая отталкивающая сила коралловыхъ животныхъ есть, конечно, не малое препятствіе къ тому, чтобы допустить взрощеніе по-

кольных островами въ Индѣйскомъ морѣ, ибо этого нельзя подтвердить изслѣдованіями въ Черномъ морѣ.

Сообразивъ общее впечатлѣніе, которое оставили во мнѣ наблюденія надъ вліяніемъ коралловыхъ животныхъ на образованіе острововъ въ Черномъ морѣ, нахожу, что острова тамъ не увеличиваются, а уменьшаются, и слѣдовательно, кораллы не способствуютъ росту острововъ, а служатъ только *оправою и накладкою подводныхъ камней*. Такимъ образомъ, кораллы предохраняютъ только острова отъ разрушенія, или ослабляютъ это разрушеніе, защищая острова отъ волненій, но они не производятъ новыхъ острововъ. Подобнымъ образомъ объясняется и мнимое возвышеніе коралловыхъ животныхъ до самой поверхности воды: это явленіе есть только защита, для того, чтобы вывѣтрившіе до самой поверхности моря, и размытые имъ острова, глубже не разрушились.

Что касается до образованія, иногда весьма крѣпкихъ, ископаемыхъ коралловыхъ пластовъ, то трудно принять ихъ за построенія животныхъ, и вѣроятно, они суть накопленіе массы, разрушившихся послѣ смерти животныхъ, ибо эти пласты неимѣютъ того вида, который обыкновенно представляетъ коралловая гряда, просто закрытая пескомъ, или землею. Волны могутъ сносить отломки съ коралловыхъ грядъ въ глубокіе бассейны, и слагать ихъ тамъ большими горами, а вулканическимъ дѣйствіемъ бываютъ они потомъ подняты въ разныхъ мѣстахъ. Это ясно видно на коралловыхъ меляхъ, сложенныхъ одна на другую, которыя описаны Форстеромъ и Ванкуверомъ.

Подобно тому, какъ вездѣ говорятъ о выростаніи коралловыхъ грядъ, и въ Индѣйскомъ морѣ показываютъ на цѣлыя архипелаги и тысячи острововъ, начатыхъ трудами коралловыхъ животныхъ, вѣтру и волнамъ приписывал ихъ окончаніе, такъ и въ Черномъ морѣ, у моряковъ и у жителей по берегамъ есть повѣрье о выростаніи коралловыхъ грядъ, и стѣсненіи ими гаваней и проливовъ. Въ горѣ, гдѣ южный конецъ коралловой гряды, образующей гавань, обозначенъ небольшою кучею камней, въ родѣ маяка, старый мореходецъ *Маагиль - Ансари*, и староста небольшой Греческой колоніи, увѣряли меня, что въ продолженіе ихъ жиз-

ни (послѣднему было за 60 лѣтъ, слѣдовательно, 50 лѣтъ можно считать съ того времени, какъ онъ началъ хорошо помнить) ни сигналъ не перемѣнялся, ни коралловыя гряды не поднимались, и что нѣтъ никакихъ древнихъ преданій о чемъ нибудь подобномъ. Я справился съ описаніями прежнихъ мореплавателей, и пашель, что извѣстія о Торской гавани Португальца Жуано де Кастро (1541 года) согласны съ положеніемъ ея въ 1823 году. Очевидно дѣлается для наблюдателя, что коралловыя животныя неимѣли здѣсь никакого особеннаго вліянія. Между наблюденіями Де-Кастро и моими протегло почти 300 лѣтъ, а между тѣмъ Торъ представляетъ все удобства къ размноженію коралловыхъ животныхъ. Прежнее описаніе рейды Коссеирской сходно съ нынѣшнимъ ея положеніемъ. Такъ Де-Кастро описаніе трехъ острововъ возлѣ Массауа, и гавани тамошней, совершенно можно приложить къ настоящему виду ихъ.

Во время моего пребыванія въ Джеддѣ, тамошніе жители жаловались на умноженіе коралловъ, до того, что они замыкали даже гавань. Хотя по сложности вида гавани трудно сличить здѣсь историческія извѣстія, но мнѣ кажется, при всемъ уваженіи къ жалобамъ жителей, лучше отнести ихъ не къ разрастанію коралловъ, но засыпанію гавани пескомъ и порчѣ, отъ весьма неблагоуразумнаго и не предусмотрительнаго выбрасыванія корабельнаго балласту (который всегда составляютъ коралловые куски. Замѣчанія Форскеля, касательно прибавленія земли на Арабскомъ берегу и возлѣ Суеца, согласны съ этимъ мнѣніемъ. И возлѣ Суеца это неподвержено ни какому сомнѣнію. Въ слѣдствіе такихъ наблюденій, трудно, кажется, допустить мнѣніе профессора Рейнгарда, который, какъ мы выше упоминали, въ новѣйшее время подтверждалъ мнѣніе Форстера и Перона.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о коралловыхъ грядахъ Чернаго моря сообщу я въ описаніи моего путешествія, а между тѣмъ желалъ бы я, чтобы новѣйшіе путешественники снова, подробно, осматривали и сравнивали различныя мѣстности, которыя легко отыскать, потому, что они характеристически отличаются. Желательно, что бы особенно на частныя стѣмки отдѣльныхъ грядъ обращено было вниманіе наблюдателей, потому, что общія обозрѣнія не даютъ никакихъ матеріаловъ

для сравненія позднѣйшимъ временамъ, и гавани подвержены всякаго рода случайностямъ и насильственнымъ измѣненіямъ, которыхъ нельзя предупредить.

Ограничиваясь представленными здѣсь изслѣдованіями, мы осмѣливаемся приступить къ общимъ выводамъ, и представляемъ ихъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

1) Коралловые мели Чермнаго моря находятся всегда на мелкихъ мѣстахъ, и преимущественно вблизи береговъ; только подлѣ вулканическихъ мѣстъ находили мы ихъ въ открытомъ морѣ.

2) Эти коралловыя гряды не кольцеобразны, и не воронкообразны, но имѣютъ форму стола, длинны, на подобіе лентъ, или идутъ рядами, параллельно съ берегомъ, и находятся въ очевидной геогностической съ нимъ связи.

3) Берега Чермнаго моря съ Аравійской стороны состоятъ, или изъ мергеля и гипса, какъ напр. возлѣ Гамамъ-Фарауна на сѣверѣ, и возлѣ Эль-Гизана на югѣ, или изъ пещаника, какъ возлѣ Накугса, или изъ пещанистаго соединенія кварца и полеваго шпата съ доломитовою завязью, какъ возлѣ Расъ-Мугаммеда, рѣдко изъ лавы, какъ возлѣ Эль-Вуссема, и часто изъ третьестепеннаго, позднѣйшаго, бѣлаго и рыхлаго известняка, съ горизонтальными слоями, и съ весьма малыми, неясными остатками ископаемыхъ морскихъ животныхъ. Этотъ известнякъ, въ видѣ (на цѣлый день пути простирающихся, широкихъ и наклоненныхъ) плоскостей, и мало возвышенныхъ холмовъ, образуетъ склоны къ морю, отъ высокихъ, черезъ всю длину Аравіи протягивающихся, порфириновыхъ, сіенитовыхъ и кремнисто-шиферныхъ горъ. Изъ подобнаго, позднѣйшаго третьестепеннаго, весьма бѣлаго известковаго камня, который часто походитъ на слитшійся морской песокъ, состоитъ гораздо большая часть, какъ плоскихъ, такъ и на 300 ф. возвышающихся острововъ.

4) Въ коралловыя мели, которыя можно было изслѣдовать, показывали въ основаніи позднѣйшій, горизонтальными слоями расположенный, известковый камень, происшедшій не отъ слѣшенія коралловъ, или ихъ остатковъ, потому, что ихъ тамъ вовсе не находятъ, но состоящій, болѣею частью, изъ микроскопически малыхъ, легко растворимыхъ, органическихъ остатковъ, или изъ слѣпившагося

морскаго песку. Въ иныхъ мѣстахъ очевидно, что кампъ этотъ образовался прежде, нежели началось заселеніе коралловъ. Иногда находится онъ въ такомъ именно отношеніи къ коралламъ, какъ наносная земля къ льсу. Тамъ, гдѣ образуетъ онъ на 100, или 300 ф. возвышенныя падѣ моремъ скалы, безъ всякихъ слѣдовъ коралловъ, или нагроможденія, должно полагать его старѣе коралловаго образованія.

5) Какъ живые, такъ и мертвые коралловыя стволы, нигдѣ невзримождются высоко другъ надъ другомъ, но составляютъ какъ бы накладку большей части подводныхъ скалъ. Часто высота коралловаго слоя не болѣе футовъ, или двухъ, и нигдѣ не возвышается болѣе $1\frac{1}{2}$ сажени, смотря по величинѣ отдѣльныхъ глыбъ. По этому можно заключить, что Куа и Гемаръ вдвое, кажется, увеличили высоту коралловыхъ пластовъ въ Черномъ морѣ, полагая ее отъ 25-ти до 30-ти футовъ. Форстеръ замѣтилъ, что въ Южномъ Океанѣ есть отдѣльныя коралловыя стволы, вышиною въ 3 сажени. Это можно принять за мѣру высоты коралловыхъ массъ въ Южномъ Океанѣ.

6) Только скалистое основаніе имѣетъ плотную коралловую накладку; въ песокъ не находили мы никакихъ коралловъ, или только бѣдныя и избитыя, а собранныя мною на песчаномъ берегу Тора груды живыхъ коралловъ вымирали совершенно въ нѣсколько дней. Хотя рѣдко на коралловыхъ грядкахъ, между отдѣльными коралловыми глыбами, находили мы тонкіе слои бѣлаго песку, но на немъ весьма не много было коралловъ свободныхъ, и они были обломаны, вѣроятно, или отъ того, что дно выветрилось, или отъ ударовъ волнъ, или что они развились на мертвыхъ остаткахъ. Здѣсь песокъ недвижимъ волнами, и его можно считать незначительною осадкою отъ морской воды послѣ бурь. Фунгинъ, голотуринъ и морскіе звѣзды любятъ такія мѣста.

7) Число формъ коралловыхъ животныхъ, видѣнныхъ и изслѣдованныхъ нами въ Черномъ морѣ, простирается до 110-ти различныхъ родовъ; всѣхъ же вообще тамъ, до сихъ поръ видѣнныхъ формъ, можно положить до 120. Это составляетъ почти треть всѣхъ достоверно известныхъ живыхъ коралловыхъ животныхъ на землѣ.

8) Внимательное разсматриваніе особеннаго строенія от-

дѣльных форм коралловыхъ животныхъ показываетъ ясно, что всѣ тѣ, которыя преимущественно образуютъ *каменистую массу*, совсѣмъ не въ состояніи оздвигать твердыхъ стѣнъ для защиты отъ волненій, какъ воображалъ это Ферстеръ. Коралловыя животныя не живутъ въ каменныхъ трубкахъ, и не строятъ, подобно термитамъ, или осамъ, защищающаго ихъ, общаго гнѣзда; они также не защищены каменною покрывкою, какъ устрицы; по всѣмъ настояще и дѣятельные каменные кораллы имѣютъ мягкое животное тѣло *спнаружи*, а древообразный, или круглый, каменный остовъ составляетъ у нихъ какъ бы *внутреннія кости*, или подпору. А потому, чтобы образовать валы для коралловыхъ бассейновъ, нѣкоторыя формы должны бы выставить всей силѣ волненія свое голое тѣло, и какъ бы жертвовать собою для другихъ. Но однородная мягкость тѣла заставляетъ скорѣе думать, что вредныя вліянія почти одинаково должны на всѣхъ дѣйствовать. Хотя *органиче кораллы*, въ своей каменной оболочкѣ, живутъ какъ будто въ каменныхъ футлярахъ по оному и не любятъ сильныхъ волненій, и суть гораздо пѣннѣе и ломче многихъ другихъ.

9) Противорѣчіе въ извѣстіяхъ наблюдателей, изъ коихъ одни утверждаютъ, что коралловыя животныя боятся волненій, а другіе, что они ихъ любятъ, разрѣшается вообще въ пользу перваго изъ сихъ предложеній. Въ весьма спокойныхъ бассейнахъ находили мы много зостеровъ, въ родѣ коралловъ, но формы ихъ не были столь прекрасны, и число ихъ не было столь велико, какъ на свободно выдающихся скалистыхъ вершинахъ и грядахъ. На защищенныхъ пещаныхъ мѣстахъ находили мы больше морскую траву. Самые большіе и красивѣе кораллы видали мы всегда на паружномъ краю коралловыхъ грядъ; они не развѣтвлены, и большею частію суть *дедалины*; но возлѣ кругаго паружнаго края, совершенно обливаемаго волнами, всею лучше развиваются вѣтвистыя формы; болѣе отдаленныя отъ паружнаго края кораллы уже гораздо меньше. На утесахъ-же круто выдающихся изъ глубины, и выступающихъ надъ моремъ, и отъ которыхъ отражается сильное волненіе, не видно никакой коралловой оболочки, а напротивъ, находится она на тѣхъ, которые не выставились изъ-подъ воды.

10) Коралловыя животныя не имѣютъ свойства быть мягкими въ морѣ, или въ продолженіе долгаго времени, а послѣ отердѣвать отъ времени, или отъ воздуха, но есть формы ихъ, которыя всегда мягки и никогда не твердѣютъ, а другія имѣющія родъ внутренняго костянаго образованія, которыя всегда тверды, и развѣ только въ состояніи первоначальнаго развитія были мягки. Однако жъ, почти всѣ твердые кораллы имѣютъ мягкую оболочку, которая собственно одна и составляетъ самыхъ-животныхъ, или, по крайней мѣрѣ, существенную ихъ часть. Это мягкое, весьма тонкое и студенеобразное, оболочку каменныхъ коралловъ составляющее, *животное тѣло* можетъ длинно растягиваться, распускать и сжимать свон, на нити и бахраму похожею фангармы. Иногда во все ихъ не замѣтите, ибо разобщенно организованное животное можетъ прятаться въ каменныя углубленія своего внутренняго костянаго остова, и такъ плотно облегать его спнаружи, что кажется совершенно тонкою, едва замѣтною слизистою оболочкою камня. Другія формы находятся безъ всякой внутренней каменной основы, и имѣютъ еще большую сжимаемость и растяжимость, которымъ пельза не удвѣляться, и которыя можно бы назвать истиннымъ метаморфозомъ — такъ поразительна эта способность. Но всѣ извѣстія о дѣйствительныхъ *превращеніяхъ* коралловъ суть, или ошибки въ наблюденіяхъ, или просто сказки.

11) Живые кораллы въ Черномъ морѣ не простираются въ большую глубину. На 6-ти сажняхъ, мы не находили уже ихъ, хотя возлѣ не столь глубокихъ острововъ, или близкихъ грядъ, ихъ было весьма много. Торговцы жемчугомъ въ Іеменѣ и Массауа уверяютъ, что въ глубинѣ 9-ти сажень, возлѣ жемчужныхъ раковинъ нѣтъ никакихъ коралловъ, а только песокъ. Подробнѣйшихъ изслѣдованій мы не могли сдѣлать. Здѣсь кстати упомянуть о Гренландской *Umbellularia Encrinus*, которая, по извѣстію Эднса, поймана въ глубинѣ 236 сажень, и гдѣ она, вѣроятно была не одна. Впрочемъ, надобно еще многими наблюденіями *повернуть* это извѣстіе китолова Адриана.

12) Естественную смерть поколѣній коралловыхъ животныхъ, въ извѣстные періоды, для того, чтобы служить по тому основаніемъ повѣямъ, развивающимся на нихъ поколѣ-

пнямъ, столь же трудно согласить съ ихъ физиологическими отношеніями и съ нашими наблюденіями, какъ и жизнь при засыпнѣ, и возрастаніе ихъ другъ надъ другомъ, такъ, чтобы не вымирали сначала нижніе. Только у мшнстыхъ животныхъ и сергюмляринъ встрѣчается иногда послѣднее.

13) Острова Чернаго моря очевидно уменьшаются, нежели умножаются, касательно своей поверхности, исключая развѣ нѣкоторыя песчанья отмели. Нигдѣ нѣтъ въ Черномъ морѣ коралловыхъ валовъ, выброшенныхъ волненіемъ, и похожихъ по происхожденію на песчанья отмели, между тѣмъ, какъ въ Индѣйскомъ Океанѣ, по увѣренію очевидцевъ, они весьма обыкновенны.

14) Коралловыя животныя, въ видѣ вѣнца окружающія подножіе острововъ, распространяются выше ихъ тамъ, гдѣ вѣтеръ и волны обиваютъ мало по малу узкіе острова, и такимъ образомъ препятствуютъ дальнѣйшему сокрушительному дѣйствію волнъ. И такъ коралловыя мели Чернаго моря не восходятъ изъ глубины до самой поверхности, какъ это вообще замѣчаютъ о коралловыхъ грядкахъ Индѣйскаго Океана, но всѣ онѣ представляютъ наиболѣе плоскіе и узкіе острова, которые сверху вывѣтрившись, развалились, наконецъ покрылись водою, и въ семъ покоженіи охраняются теперь кораллами, ихъ облекающими. Если бы основной камень сихъ острововъ былъ, не рыхлый, повѣйшій известякъ (который часто не иное что, какъ вулканически поднятый песокъ), но твердый гранитъ и гнейсъ, то при одинаковомъ образованіи, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться подводными коралловыми мелями, они остались бы высокими утесами, и чѣмъ далѣе въ открытое море, тѣмъ отдѣльнѣе одинъ отъ другаго. Къ этому прибавить надобно столбобразную форму коралловыхъ грядъ въ Черномъ морѣ, которую достаточно, кажется, можно объяснить тѣмъ, что слон тамошняго мягкаго основнаго камня ложились здѣсь горизонтально. Въ Южномъ Океанѣ, безчисленное множество воронкообразныхъ вулкановъ, въ слѣдствіе многихъ согласныхъ наблюденій, могутъ почтаться достаточною причиною кольцеобразной формы тамошнихъ грядъ коралловыхъ.

Такимъ образомъ, кораллы Чернаго моря представляютъ не какъ *строители новыхъ острововъ*, но какъ уд-

вительные *блостители уже существующихъ*, составляя чудесное, поучительное, сильную жизнь и дѣятельность представляющее украшеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминающее объ осторожности, съ какою надобно къ нимъ приближаться. Если въ глубинахъ своихъ море собираетъ земистые остатки морскихъ животныхъ, раковинъ, иголъ морскихъ ежей, коралловыхъ камней, и прочаго, высокими слоями, и образуетъ изъ этого морской песокъ и массы горъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ поднимаются вулканическимъ дѣйствіемъ, то, безъ сомнѣнія, живые кораллы, какъ известъ отдѣляющіе животныя, и въ этомъ отношеніи заслуживающіе особенное вниманіе, должны занять первое мѣсто. Они, можетъ быть, преимущественно и непосредственно производятъ то дѣйствіе земли, которому удивляемся мы въ известковыхъ формаціяхъ. Но по какимъ законамъ столь мелкіе организмы могутъ отдѣлять въ морской водѣ, содержащей чрезвычайно мало (сдвѣли 0,02 части, по Фогелю) известковой земли, столь большія массы углекислой известки — это задача, рѣшеніе которой неизвѣстно еще нынѣшнимъ изслѣдователямъ.

Безъ живаго коралловаго покрова, море совершенно обило бы и уничтожило, давно уже слабѣе, но, безъ сомнѣнія, нѣкогда возвышеннѣйшіе края кратеровъ малыхъ вулкановъ, большими купами встрѣчающихся въ Южномъ Океанѣ. Особенна ли вулканическая дѣятельность наполнила въ разныхъ мѣстахъ внутренніе ихъ бассейны, а послѣдовавшее за тѣмъ вывѣтрѣніе приспособило ихъ къ растительности и населенію, или та-же вулканическая дѣятельность оставила ихъ неполноценными для того, чтобы строились тамъ новые кораллы? это должны изяснить частныя наблюденія на мѣстѣ.

Съ Ильяшк. В. ЛАПШИНЪ.

ХАРЬКОВЪ.

=

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО.

(Посвящается Ю. Н. Бартеневу)

Мыслители утверждают, что в душу человеческой входят три главные силы: разум, чувство и воля, и что этими силами она постигает истину, изящество и благо.

Разсмотрим душевное *чувство*.

Здесь разумею чувство по преимуществу, чувство эстетическое, или поэзию в обширном ея смысле, то чувство, которое съ разумом и волею составлять три стороны душевныя.

Разумъ, чувство и воля, хотя различно раскрыты, находятся во всѣхъ людяхъ.

Эстетическое чувство, по свойству своему, не такъ видимо въ каждомъ человѣкѣ, какъ разумъ и воля, но оно, подобно имъ, входитъ въ составъ души человеческой. Можетъ быть оно превратно, какъ превратенъ бываетъ разумъ; можетъ быть слабо, усыплено, не развито, немъно, но оно всегда есть, и самыми болѣзнями, или недостатками своимъ, обнаруживаетъ свое существованіе. Не будь эстетическаго чувства, и треть вселенной пропала бы для человѣка. Обратите сколько нибудь вниманія на дѣла людей, и вы вездѣ найдете это чувство, по крайней мѣрѣ, его признаки. Не одни прославленныя произведенія Фидіасовъ, Гомеровъ, Рафаэлей укажутъ вамъ на него; самыя простыя вещи, какал нибудь пѣсня крестьянина, какое нибудь украшеніе въ сельской хижинѣ, послѣдняя бездѣлка, съ которою соединена мечта,

или воспоминаніе, дышать уже этимъ обольстительнымъ чувствомъ, для всѣхъ понятнымъ, хотя и не многими только понятнымъ. Оно вездѣ, какъ теплота, какъ электричество, явно и тайно.

Главныя его явленія, какъ извѣстно: поэзія въ тѣсномъ смыслѣ, или словесность, музыка, живопись, баліе, мимика и зодчество. Подраздѣленія для нашей цѣли не важны; важно начало. Чего ждать отъ эстетическаго чувства? вотъ вопросъ.

Многіе ожидаютъ отъ него многого, даже больше чѣмъ отъ разума. И кто, волею или неволею, не былъ въ числѣ, или почитателей, или дашиковъ, или льстецовъ, чуть не рабовъ поэзіи? Поэты, художники составляютъ какой-то высшій классъ людей; это полубоги Древнихъ, гении, творцы, прорицатели (*vates*), существа, отмѣченныя божественною печатью. Прочіе люди профаны, или простыя чернь, едва достойная наслаждаться изящными произведеніями. *Odī profanum vulgus, et arceo* — вотъ привѣтствіе отъ поэта, и еще отъ какого поэта — отъ Горация не болѣе! У насъ съ нѣкотораго времени начали громко прославлять эстетическое чувство. Прежде была просто слѣпая любовь къ стихамъ; тогда старались наперерывъ, если не писать, то по крайней мѣрѣ читать стихи, а объ эстетическомъ чувствѣ какъ будто никто не зналъ; объ немъ не говорили ни публика, ни журналы. Наконецъ (очень недавно) дошелъ до ушей нашихъ голосъ о *положительности*, о пользѣ; уваженіе къ стихамъ пропало; ихъ пишутъ, но уже не читаютъ, то есть, не читаютъ, какъ прежде читывали. Стихотворный ритмъ уступилъ мѣсто стуку (пока больше теоретическому, чѣмъ практическому) паровой машины. Въ это-то время положительности, которою только что огласилось и заразилось наше поколѣніе, вдругъ раздалися хвалебныя пѣсни изящному. Что это значить? Уже не вопль ли испугавшейся чего-то души? Зачѣмъ ей звать къ себѣ на помощь кого бы то ни было, когда съ нею всесильная положительность? Отвѣтъ коротокъ и рѣшителенъ: положительность сушитъ душу. Развѣ не льются слезы черезъ золото? Но эстетическое чувство спасетъ ли? Спасетъ, какъ щепка спасаетъ утопающаго. Опредѣлимъ эстетическое чувство.

Оно есть свободное очувствленіе природы.

Нужно объяснить прежде слово *очувствленіе*, какъ самое важное въ опредѣленіи, и притомъ новое *.

Человѣкъ разумомъ своимъ *разуми́тъ* природу (сколько и какъ, мы говорили о томъ въ другомъ мѣствѣ) **, оразумляеть ее, то есть, придаетъ ея существенности, которой постигнуть не можеть, свои формы. Чувствомъ человѣкъ не разуми́еть природы, а какъ бы вкушаетъ, обхватываетъ формами чувственности, очувствляетъ. Разумъ, встрѣясь съ природою, спрашиваетъ: кто ты, или что ты? и не получая отвѣта, какъ на завѣтный вопросъ: «что есть истина?» онъ самъ себѣ отвѣчаетъ на вопросъ свой. Чувство не дѣлаетъ вопросовъ; оно бросается на природу, чтобы схватить ее и насытиться; оно не любопытно, оно голодно. Правда, и любопытство голодь, но совершенно другаго рода. Чувство ищетъ только своего непосредственнаго удовлетворенія, и ничего другаго не знаетъ. Оно въ высочайшей степени своекорыстно. И потому, ни колебаній, ни проволочекъ, какъ разумъ, не допускаеть. Завидѣть для него то же, что схватить; схватить то же, что ощутить. Завидѣть, схватить и ощутить, все это значить очувствитъ.

Но не всякое чувство есть эстетическое, какъ и не всякое понятіе есть разумъ. Оттого и сказано въ опредѣленіи «свободное очувствленіе».

Въ человѣкѣ много различныхъ чувствъ, хотя всѣ они дѣйствуютъ одинаково, такъ, какъ сейчасъ показано. Чѣмъ отличается эстетическое чувство отъ прочихъ? Вопросъ обширный, но отвѣтъ простъ: отличается свободою. Всѣ другія чувства *служать* чему нибудь: наружныя напр. чувства, зрѣніе, слухъ, обоняніе, служатъ тѣлу, служатъ уму, служатъ волѣ и самому эстетическому чувству; они не составляютъ сами для себя цѣли; они въ зависимости отъ другихъ, постороннихъ, цѣлей; они только чужія орудія. Правдивенныя чувства тоже. Не таково эстетическое. Оно другой цѣли не знаетъ кромѣ самого себя. Оно совершенно сво-

* Новое несовершенно, потому что есть у насъ глаголь *очувствовать*. Почему не сказать по нуждѣ *очувствовати*?

** Литературныя прибавленія къ Русскому Инавалду, 1837, NN 25 и 28.

бодно. Другія чувства своекорыстны въ дѣйствіи. Эстетическое своекорыстно и въ дѣйствіи, и въ цѣли. Оттого оно есть чувство по преимуществу. Независимость его мыслители сочли безкорыстностью, и это великое заблужденіе, потому, что нѣтъ ничего корыстнѣе эстетическаго чувства въ философскомъ смыслѣ. Гораздо вѣрнѣе, изумительно вѣрно, названіе изящныхъ искусствъ *свободными* (*les arts libéraux*). Нельзя не удивляться глубинѣ нѣкоторыхъ, весьма впрочемъ обыкновенныхъ, словъ. Кто ихъ изобрѣлъ? Едва ли тотъ, кто первый произнесъ ихъ. Очень часто человѣкъ, въ самыхъ высокиихъ выраженіяхъ своихъ, есть не что иное какъ кимъ-вагъ звучащій. Далеко не такъ глубоки и правильны ученія выраженія: *подражаніе природѣ, украшеніе природѣ, симметрія, или согласіе вещей, гармонія жизни, творчество* и т. д.

Но что мы разумѣемъ, въ опредѣленіи, подъ словомъ *природа*? Разумѣемъ все что ни заключено во вселенной, тѣлесное и душевное; но отнюдь не духовное, потому что *духовное не заключено* въ здѣшней вселенной; оно *не отъ міра сего*, хотя и есть въ мірѣ. * Что такое природа сама въ себѣ, о томъ говорить нечего: разумъ человѣчскій ея знать не можеть. Чѣмъ она намъ кажется, вотъ все чего отъ насъ можно требовать. Главное, высшее явленіе природы, понятное для разума, есть непрерывное измѣненіе въ ней или движеніе въ обширномъ смыслѣ. Въ природѣ, съ какой бы стороны ее ни взять, нѣтъ двухъ точекъ, которыя были бы, или могли быть, одинаковыми. Каждая минута, каждый мигъ имѣеть свой видъ, никогда не возвращающійся. Странно по-слѣ этого говорить о подражаніи природѣ. Чему подражать, когда ничего нѣтъ постоянного? Вы были Рембрандтъ, и писали съ себя портреты; вы намъ оставили ихъ до тридцати. Портреты составляли одну изъ блистательнѣйшихъ частей вашего таланта, или гения. Говорятъ, что вы иногда, для большаго эффекта, или для шутки, накладывали толстые слои краски на носы портретныхъ лицъ. Впрочемъ, и безъ этой хитрости, недостойной художника, ваша кисть производила сходство поразительное съ природою. Портретъ вашей служанки, выставленный въ окнѣ, былъ принятъ, говорятъ, за самую служанку. И теперь ваши портреты служатъ намъ

* «И свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, но тма не объела его». Иоан. I, 5.

вѣрнымъ вашимъ изображеніемъ. Будто такъ! Выдѣте изъ заблужденія. И на одно мгновеніе ваше собственное лицо не похоже само на себя. Портретистъ, уловивъ, какъ онъ думаетъ, черту лица, переноситъ ее на полотно, но пока онъ это дѣлаетъ, она уже измѣнилась, а перенесенная черта не оставалась и одного мига въ первоначальномъ своемъ видѣ. Да, и могъ ли какой бы то ни было глазъ замѣтить первоначальный видъ ея? Вотъ вамъ подражаніе природѣ.

Природы дѣйствительной уловить нельзя, потому, что она безпрестанно повал. Чего жъ искать? Конечно не больше какъ только *возможнаго* въ ней. Воздухъ можетъ случиться, но прозрачности, по свободѣ своей, такой, какъ на картинѣ: «корова Поль-Потера» — Хватайте его. Схватили? Вы великій поэтъ. Случится или не случится такой съ виду воздухъ въ природѣ, какъ у васъ на картинѣ, это все равно. Для васъ достаточно, что онъ возможенъ, потому что больше для васъ ничто невозможно, и вы имѣете дѣло совсѣмъ не съ дѣйствительностью. Вы почувствовали, что такая страсть, какъ страсть Отелло, такое лицемѣріе, какъ лицемѣріе Тарпофа, такая казачья природа, какъ Тарасо-Бульбовская, возможны — вы великій поэтъ. Что вамъ за дѣло, что этихъ страстей и природы не было? Онъ *возможенъ*. Ежели вы поймали, хотя и малѣйшій, но возможный отблескъ свѣта, хоть и малѣйшую, но возможную, черту въ тѣлесномъ или душевномъ мірѣ, одинъ атомъ, одну точку — вы все поэтъ. Но отъ чего въ роскошныхъ переливахъ свѣта и тѣни *этихъ* картинъ, въ сильныхъ, судорожныхъ страстяхъ *этихъ* драмъ, въ столь свойственныхъ и знакомыхъ человѣку бѣдствіяхъ, проискахъ и хлопотахъ *этихъ* романовъ, кѣтъ поэзіи? Кажется, они весьма сходны съ природою, или съ сердцемъ человѣческимъ. Сходны, но невозможны. Вотъ тайна ихъ ничтожности. Будь послѣ этого они облиты какъ свѣтомъ, красками, украшены, какъ жемчугомъ риомами — все пропало. Сходство съ изображаемымъ предметомъ ни къ чѣму не послужитъ. Сходство принадлежитъ къ области разума, а совсѣмъ не чувства. Часто есть поэзія, и высокая, въ такихъ предметахъ, которые наружнымъ чувствамъ или разуму представляютъ мало сходства съ природою, а вещи, которыхъ, кажется, какъ двѣ капли воды съ натурою, оста-

ются вовсе безъ эстетическаго дѣйствія: первыя согласны сами съ собою отъ начала до конца; вторыя рѣшительно себѣ противорѣчатъ, и, слѣдовательно, убиваютъ свою возможность. Напримеръ, поэтъ, ощутившій душою неизвѣстную другимъ глубину какой нибудь страсти, по необходимости представитъ ее въ явленіяхъ никогда прежде невиданныхъ, небывалыхъ; сходства нѣтъ, (съ чѣмъ быть сходству, когда явленіи невиданны?) но есть возможность — и душа ваша потрясена. Что за бѣда, если поэтъ, по неполнотѣ возчувствованія разныхъ случайностей, которыми обставитъ эстетическую страсть свою, допустить въ свою картину нѣсколько, даже много, частныхъ несообразностей — его картина не лишится отъ того поэзіи. Но копируйте съ природы безъ вдохновенія, то есть безъ чувства. Если вы и съ вѣрнымъ глазомъ, но безъ таланта, то ваши копии будутъ холодны, какъ камень, потому что вы не въ состояніи избѣгнуть миллиона противорѣчій въ вашемъ произведеніи, невидимыхъ, можетъ быть, глазу и разуму, но очень яственныхъ и противныхъ эстетической силѣ души. Никогда разумокъ не замѣнитъ эстетическаго дарованія. Взяться за поэзію съ одними только разумными способностями, значитъ обманываться или обманывать; это все равно что пуститься въ философствованія съ одними поэтическими вдохновеніями.

И такъ возможность совершенно не то, что дѣйствительность. Фантастическія сказки Гофмана возможны при извѣстной настроенности или разстроенности душевныхъ органовъ, но кто жъ будетъ говорить о ихъ дѣйствительности? А Россіяда — что дѣлать! — невозможна. Басни Крылова совершенно возможны въ ихъ Руссизмѣ и житейской философій, но какаѣ возможности въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, историческихъ романахъ?

Должно хорошо повѣть слово «возможность». Эстетическая возможность есть возможность не случайная, не па-удача, а безсомнѣнная. Для чувства нѣтъ фразы: «почему знать, можетъ быть, это и случится.» У него фраза: «это непременно можетъ случиться.» Чувство есть вѣра, а не надежда.

Возможность есть *идеаль* поэта. Никогда два поэта не имѣютъ, и не могутъ имѣть, одисго и того же идеала объ одномъ предметѣ; у всякаго поэта свой собственный идеаль. Подводить однородныя произведенія искусства подъ одинъ

идеаль может только тотъ, кто не постигъ кореннаго закона природы, всеобщаго различія.

Неужели все *возможное* въ природѣ принадлежитъ къ эстетическому чувству? Все, безъ исключенія. Не надобно только забывать, что нѣкоторые впечатлѣнія чувствъ для нихъ оскорбительны, какъ скрипъ отъ илленія желѣза, или скрежетъ зубовъ для слуха. Талантъ, или гений, одинаково нуженъ, чтобы почувствитъ возможную природу, будетъ ли она оскорбительна для чувства, или пріятна. Но кто же самъ себя красть? Самая своекорыстная сила души, эстетическое чувство, станетъ ли противорѣчить собственному своему свойству? И вотъ гдѣ объясненіе ложнаго понятія теоретиковъ, будто нужно *украшать* природу. Украшать природу! какое дерзкое слово! Хотите ли вы царскую одежду Соломона сдѣлать великолѣпнѣе полевой лиліи? Были же безумцы, которые вызывались устроить природу съ большею мудростью, нежели съ какою она устроена. Но объяснимъ себя второе дѣйствіе эстетическаго чувства, вышнее очувствленіе.

Въ высшемъ состояніи чловѣка душа соединена съ тѣломъ, и отъ того все душевное выражается тѣлесно, должно выражаться непременно, потому что тѣло не приставлено, или не прильплено къ душѣ кой-какъ, а соединено съ нею тѣсно. Какъ ни груба эта часть чловѣка, которая называется тѣломъ, но она часть его, и ея участіе во всемъ чловѣческомъ неизбежно. Чѣмъ бы душа ни была занята, все это просвѣчиваетъ въ тѣлѣ. Тѣло есть непрерывная рѣчь о томъ, что происходитъ въ душѣ.

Наружнія чувства составили преимущественный органъ этой рѣчи. И такъ, возможная природа, очувствленная сперва душевно, очувствуется потомъ тѣлесно, чрезъ внѣшнія чувства.

Вышнее очувствленіе возможной природы есть то, что называется *искусствомъ*. Искусство есть отъясненіе душевнаго чувства. Не стану распространяться о томъ, какъ можно и должно поэту воспитывать въ себѣ искусство, воспитывать до механической работы, до обдыки и утонченія наружныхъ чувствъ, которыя иногда грубы, непослушны, невыразительны, до настроенія, усювершенствованія и приведенія всего тѣла въ полную зависимость отъ души (т. е. эстетической). Не стану говорить и о томъ, что поэтъ, для его цѣли, все

и всѣ должны воспитывать, и помогать ему, искусствомъ и мастерствомъ, изящными образцами и матеріальною подготовкою (очищеніемъ мрамора, растираніемъ красокъ, составленіемъ грамматикъ и риторикъ). Ограничусь отношеніемъ наружныхъ чувствъ къ искусству.

Область возможной природы обширна и разнообразна. Никому не дано всю ее увидѣть. Поэты видятъ только ея участки, и видѣнное передаютъ различными чувствами и орудіями, живописецъ кистью, ваятель рѣзцомъ, и т. д. Языкъ наружныхъ чувствъ такъ различенъ, что часто поэты вовсе не понимаютъ другъ друга, когда одинъ говоритъ стихами, другой картинами, третій звуками. И вообще они рѣдко понимаютъ другъ друга. Они обманываются, если думаютъ, что у нихъ языкъ общій. Наружнія чувства вылиты въ различную форму, и поэты не отличаются отъ непоэтовъ если можно такъ выразиться, всеформностью, которой ни у кого нѣтъ. Впрочемъ, объ этомъ жалеть нечего: эстетическій міръ каждаго чувства нестоющимъ, и одной нестоимости вмѣститъ въ себя цѣлзя; зачѣмъ же требовать двухъ или трехъ?

Легкостью и чистотою очувствленія можно измѣрять силу, но не достоинство искусства. Кто изъ скрипкы извлекаетъ всю возможную, но скрипичную только, гармонию, и мелодію, тотъ сильный музыкантъ. Кто съ этою способностью соединяетъ еще способность производить гармонию или мелодію, совершенно другаго инструмента, тотъ и еще сильнѣе. Но кто говоритъ на ней языкомъ страстей, кто претворяетъ въ звуки сокровеннѣйшіе помыслы, тотъ не летаетъ уже по землѣ ласточкой, но паритъ подъ небесами орломъ. Чѣмъ меньше предметъ способенъ очувствляться, тѣмъ выше поэзія, которая его очувствляетъ, тѣмъ выше искусство, которое дѣлаетъ его достоинствомъ наружныхъ чувствъ, или тѣла.

Цѣль искусства есть изведеніе всего возможнаго до наружныхъ чувствъ, какъ самой крайней точки осязанія. А языкъ или слово? скажете. Слово — есть наружное чувство, ничего болѣе. Его особенная отличительность та только, что оно преимущественно чловѣческое, потому, что у животныхъ находится только одинъ его признакъ.

Слово, подобно всемъ наружнымъ чувствамъ, услаждается нѣкоторыми изъ собственныхъ своихъ впечатлѣній, то есть,

словами. Отсюда *слабкозвукіе, плавность языка*, и другіе термины въ риторикахъ. Наружныя чувства, не менѣе эстетическаго, любятъ собственную свою нѣгу. И потому есть ушная музыка, кромѣ музыки эстетической, есть глазная живопись, кромѣ живописи эстетической. Это обстоятельство ускользало отъ вниманія теоретиковъ, но оно пояснило бы имъ многое. Есть славныя въ искусствѣ имена, которые съ истинною заслугою соединяли чувственное обольщеніе. Чувственность, къ которой человекъ такъ склоненъ, не разъ помогала успѣхамъ великихъ талантовъ, сильнѣе ихъ генія. Не она ли такъ быстро прославила Россіи? Россіини гениальный музыкантъ, но въ его музыкѣ чрезвычайно много ушнаго. Нашъ поэтъ Пушкинъ имѣетъ также много сходства въ этомъ отношеніи съ Россіини. И Россіини и Пушкинъ преобразователи музыкальной фразы своего языка. Чтò Пушкинъ сдѣлалъ для стиха, то Карамзинъ сдѣлалъ еще прежде для прозы. Ушное обольщеніе, соединившись съ эстетическимъ чувствомъ, подѣйствовало сильно. Толпы увлеклись къ подражанію. Но великія дарованія рѣдки, и, вмѣсто Карамзинскихъ и Пушкинскихъ, явилось полчище ушныхъ прозаиковъ и стихотворцевъ. Должно отдать справедливость всякому, и сказать, что для языка полезны ушные словесники, которыхъ теперь такъ много. Но пусть они поймутъ, что ихъ произведенія вовсе не эстетическія.

Довольно теоріи. Возвратимся къ первоначальному вопросу: чего ожидать отъ эстетическаго чувства? Теорія намъ нужна была только для того, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ. И вотъ онъ разрѣшается. Эстетическое чувство, подобно разуму, имѣетъ дѣло съ преходящею, условною формою. Его предметъ *возможность*, а не действительность, облаго Юноны, вмѣсто Юноны самой. Каковы бы ни были идеалы поэта, они, въ сущности, ничто. Обратится ли хоть въ одну каплю воды огромный валъ взволнованнаго буруею океана? И кораблекрушительный валъ морской, и чуть приметная струйка ручья, услажденіе глаза, суть только колебаніе стихій, минутное, видоизмѣнчивое, умирающее навѣки едва родится, а не самая стихія, тѣнь, а не вещь.

Какъ независимая сила души, эстетическое чувство безправственно. Это не значить, чтобы оно было порокомъ, нѣтъ, оно не ищетъ порока, но не ищетъ и добродѣтели,

оно ничего не ищетъ. Оно только всѣмъ пользуется, все претворяетъ въ свою собственную, эстетическую натуру, ни въ какую другую. Ему нѣтъ дѣла до хорошихъ или худыхъ свѣдѣній; ему только дѣло до своего собственного удовольствія. Оно глухо, слыно, безчувственно ко всему, кромѣ себя. Напрасно Шиллеръ думалъ, что красота имѣетъ силу возвращать человека къ мысли, а духовный міръ къ чувственному, и мечталъ о какомъ-то эстетическомъ государствѣ, какъ идеаль жизни человѣческой. Напрасно и нашъ поэтъ, Дмитріевъ, училъ, что «поэзія порожденіе неба, хоть и склоняетъ взоръ свой къ землѣ; что здѣсь она проникаетъ въ глубину сердець, наблюдаетъ сокровенныя ихъ изгибы и живописуетъ страсти, держась всегда нравственной цѣли, воспаляетъ къ добродѣтели, ко всему изящному и высокому, а тамъ изливается въ удивленіи къ мірозданію, и въ трепетномъ благоговѣніи къ Непостижимому». Добрыя души поэтовъ увлеклись нравственными своими чувствами, и смѣшали ихъ съ чувствомъ эстетическимъ. Между Музами нѣтъ Музы Добродѣтели. Если были поэты, которые одушевлялись благостью, то они повиновались голосу воли, а не чувства; чувство облекало только своими изящными формами внущенія сердца. Каковы бы ни были внущенія сердца, чистыя или нечистыя, высокія или низкія, они совершенно чужды чувству по ихъ происхожденію, и совершенно равны передъ чувствомъ по внутреннему ихъ достоинству.

Но хотя эстетическое чувство, какъ сила души, само по себѣ непричастна ни пороку, ни добродѣтели, однако жъ въ дѣйствіи легко увлекаетъ къ разврату, по самому свойству своего проявленія. Нисходя до чувствъ, оно часто превращается въ грубую чувственность. Всякая чувственность держится на наклонной плоскости къ пороку. Быдъ поэту, если эстетическая душа его не имѣетъ защиты и опоры въ нравственныхъ силахъ. Раскройте исторію. Чтò такое изящное въ древнемъ мірѣ? Не обоготвореніе ли матеріи, не поклоненіе ли физической красотѣ, физическое? Вещественность облагородилась, и человекъ палъ ницъ передъ нею, какъ передъ божествомъ. Паденіе ужасное, но естественное. Эстетическое чувство, прозрѣвая въ возможную природу, видитъ, какія благородныя формы получаетъ наконецъ человекъ, дошедшій до крайняго предѣла душевнаго (не духов-

наго) своего совершенства; эти формы, посредством искусства, оно приводит до наружных чувствъ. Всякій тогда ихъ видитъ, осязаетъ, и находитъ дѣйствительную природу несравненно ниже воплощенныхъ искусствомъ идеаловъ, забываетъ въ нихъ все человѣческое; люди начинаютъ, и привыкаютъ думать, что формы и образы, которыя постигло и осуществило только чувство, а не натура, принадлежать существамъ высшимъ, не земнымъ, всесильнымъ, божескимъ. Такимъ-то образомъ древній изящный міръ сталъ атензмомъ, сильнѣйшимъ, чѣмъ безбожіе XVIII столѣтія. Хотите ли видѣть, до какихъ грубыхъ и гнусныхъ послѣдствій доходилъ этотъ атензмъ чувства; вспомните о Книдской Венерѣ Праксителя, оскверненной во храмѣ. Вся великолѣпная мнѳологія Гомера, всѣ поэтическія созданія, всѣ чудеса искусства древней Греціи и Рима, не освященныя Благодатью, послужили къ разврату и духовной глупости. Гомеръ, какъ прародитель изящнаго, былъ невиннымъ, то есть, безотчетнымъ, по пагубнымъ искусствомъ рода человѣческаго. Не изящныя искусства, не поэзія произвели многобожіе въ древнемъ мірѣ, но они оправдали его, возвеличили; они обалели всѣхъ, невѣждъ и образованныхъ; они превратили внутреннія побужденія религіозности въ предметъ чувственнаго наслажденія; они не изобразили, но сдѣлали богами матерію; они заставили ей самой удивляться, ее самое любить, покорили ей разумъ и волю человѣка. И этотъ уточенный материализмъ продолжается до сихъ поръ: онъ не погибъ; онъ не дѣйствуетъ только такъ открыто и нагло, какъ въ древности.

Перестанемъ въ изящномъ искать всего достоинства человѣческаго, котораго утрату тайно оплакиваетъ духъ поэта. Какого художника, какого поэта снасло эстетическое чувство? Известна біографія знаменитыхъ поэтовъ. На комъ остановимся? Кто изъ нихъ научитъ насъ своимъ примѣромъ? Гдѣ великіе люди изъ великихъ талантовъ? Жизнь ихъ — слава. Но, скажете, если они и были обыкновенными людьми въ обыкновенной жизни, то въ минуту поэтическихъ восторговъ душа ихъ вознеслась выше человѣчества, и не разъ вызывала изъ вѣчности святые образцы чистоты и благодати небесной. Пустое обольщеніе, подобное тому, какимъ угнеталъ себя Вилкельманъ, который думалъ, что душа его возвышалась и облагороживалась всякій разъ, когда онъ

смотрѣлъ на Бельведерскаго Аполлона. Эстетическое упоеніе еще не добродѣтель, и наглядка не подвигъ. Не указывайте на Мадонну Рафаэля. Думаете ли, что если бы Пречистая Богоматерь явилась передъ нами во всей своей славі, то она приняла бы образъ Мадонны? Не смѣшивайте земнаго съ небеснымъ. Мадонна Рафаэля есть изображеніе *здѣшней* красоты, возможной для человѣка отъ *душевныхъ* совершенствъ. Есть земная добродѣтель, кромѣ добродѣтели небесной, и всякая добродѣтель проникаетъ до тѣла и выражается въ немъ своею красотой. Въ пѣкоторомъ смыслѣ душа производитъ свое тѣло. Но тѣлесное *преображеніе* отъ душевныхъ свойствъ (о духовныхъ не говорю) дѣлается не вдругъ. Иногда нужны цѣлые роды добродѣтельныхъ людей, чтобы добродѣтель ихъ отпечаталась на тѣлѣ свойственной ей красотой. Живописецъ гений все это предугадываетъ и видитъ чувствомъ. Но душевный человѣкъ духовнаго не разумѣетъ *.

Но какое отношеніе эстетическаго чувства къ безсмертному духу? Объ этомъ послѣ, когда разберемъ третью силу души, волю.

* I Кор. II, 14.

ДОКТОРЪ ЯСТРЕВЦОВЪ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ,

ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ВОДЯНЫМИ СООБЩЕНІЯМИ *.

Изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ есть одно изъ величайшихъ благодѣлій, оказанныхъ человѣчеству, соединенными усиліями науки и промышленности. Желѣзнымъ дорогамъ, кажется, предназначено произвести огромный переворотъ на земной поверхности. Смѣлые мыслители говорятъ, что міръ быстро устремится черезъ нихъ къ благодѣтельному соединенію; новый порядокъ общаго благоденствія, порожденный благородною любовью къ человѣчеству, въ глазахъ людей положительныхъ можетъ быть химерою, но никто не отвергнетъ того, что-

* Статья М. Шевалье, известнаго своими письмами о Соединенныхъ Штатахъ. Предметъ такъ важенъ, обращаетъ на себя повсюду такое вниманіе правительствъ и частныхъ людей, что мы почли особенно любопытнымъ представить въ сей книжкѣ С. О. мнѣніе просвѣщеннаго, го знатока дѣла, а въ отдѣленіи «Современной Исторіи» читатели увидятъ изложеніе проекта, составленнаго Французскимъ Правительствомъ касательно обширнаго плана устройства желѣзныхъ дорогъ во Франціи, о чемъ недавно были столь сильныя пренія во Французскихъ Палатахъ. Сущность этого Европейскаго вопроса не можетъ быть намъ чуждою.

Ред. С. О. и С. А.

бы чувство единства въ стремленіи къ совершенству моральному и вещественному, одушевляющее въ наше время многихъ народовъ, и порывистая потребность взаимныхъ между ними сношеній, не повели къ добру и благу.

Нынѣ, во Франціи, и вообще въ Европѣ, исключая Англіи, средняя скорость публичныхъ экипажей составляетъ двѣ почтовые лье (8 верстѣ) въ часъ. Тяжелая почта, которая перевозитъ весьма малое число пассажировъ, рѣдко достигаетъ скорости $3\frac{1}{2}$ лье. По обыкновенной почтѣ никогда не ѣздятъ скорѣе 3-хъ лье, и это привилегія весьма малаго числа проѣзжающихъ. Если желѣзная дорога весьма дурно устроена, то средняя скорость по ней равна 6-ти лье въ часъ, т. е. вдвое болѣе противъ нашихъ diligencсовъ. Такимъ образомъ, помощію желѣзныхъ дорогъ, пространство втрое длиннѣе и втрое шире Франціи, следовательно, въ девять разъ обширнѣе, будетъ, въ отношеніи удобства сообщенія и общественныхъ сношеній, равняться нынѣшней Франціи безъ желѣзныхъ дорогъ. Полагая скорость десяти лье въ часъ, т. е. внятеро противъ обыкновенныхъ diligencсовъ, отношеніе *единицы* къ *десяти* переимѣнится въ *единицу* къ *двадцати пяти*; такимъ образомъ, сближеніе людей и вещей, ускоренное въ той же пропорціи, т. е., что съ желѣзными дорогами, при 10-ти лье скорости въ часъ, страна въ *двадцать разъ* обширнѣе Франціи, или въ *четыре раза* болѣе западной Европы, считая вмѣстѣ Францію, Англію, Испанію, Португалію, Швейцарію, Италію, Австрію, Пруссію, земли Германскаго Союза, Голландію, Бельгію и Данію, будетъ сосредоточена какъ нынѣ одна Франція, и распоряженія правительства и дѣла общественныя будутъ въ ней такъ же быстры. Даже тѣ, которые не вѣрятъ возможности

подобного переворота, въ который мы влечемся невольно, какъ будто ураганомъ, противъ котораго всѣ усилія наши противостать невозможны, даже тѣ признають, что въ современныхъ народахъ есть въ пользу желѣзныхъ дорогъ какое-то чувство, передъ которымъ уничтожаются всѣ разсужденія и возраженія, одно изъ тѣхъ врожденныхъ чувствъ воли, которое выражаетъ древняя пословица: «гласъ народа гласъ Божій.» Самые закоренные враги всякихъ нововведеній чувствуютъ пользу желѣзныхъ дорогъ для управленія, признають важность ихъ для оборотовъ. И такъ, не нужно болѣе доказывать теперь пользы, удобства и необходимости желѣзныхъ путей. Въ пользу ихъ всеобщее убѣжденіе, consensus gentium.

Слѣдовательно: *должно устроить желѣзныя дороги.* Для успѣховъ образованности нужно открыть большія дороги; онѣ будутъ способствовать преобразованію отношеній между людьми и вещами, соединенію областей съ областями, народовъ съ народами. По этимъ великимъ линіямъ распространятся выгоды и пользы человѣческія. Надобно также устроить и малыя, на тѣхъ точкахъ, гдѣ велико населеніе. Также надобно устроить вѣтви дорогъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устройство канала невозможно, а нужно перевозить большое количество предметовъ. Все это безспорно. Но должно ли оставить каналы и рѣки для желѣзныхъ дорогъ? Въ отношеніи коммерческомъ, разсматривая только матеріальныя выгоды въ перевозкѣ товаровъ, водныя сообщенія, въ такой странѣ, какова Франція, мало-важны ли желѣзныхъ дорогъ, равны ли съ ними пользою, или представляютъ болѣе удобства? Вотъ вопросы, важные и достойные разсмотрѣнія. Разсмотримъ ихъ безпристрастно.

I.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ КАНАЛАМИ, ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРЕВОЗКИ ТОВАРОВЪ И ЛЮДЕЙ.

Поговоримъ прежде всего о товарахъ. На желѣзной дорогѣ отъ Ст.Этьенна до Лиона, уголь перевозится по таксъ 10-ти сантимовъ. Беремъ круглое число. Настоящая такса $9\frac{9}{10}$ сантима съ бочки, въ 1000 килограммовъ, на километръ, или 40 сантимовъ за почтовую лье (то есть 4 километра). Эта дорога одна изъ самыхъ дѣятельныхъ въ свѣтъ; на ней ежегодно провозятъ до 550,000 тоннъ товара, и бываетъ болѣе 200,000 проѣзжающихъ; каналъ, и всякій другой путь, кромѣ желѣзной дороги, когда провозятъ по немъ 100,000 тоннъ, считается уже весьма дѣятельнымъ. Такимъ образомъ управленіе, содержаніе дорогъ и проценты на капиталъ, разлагаясь пропорціонально на огромное количество товаровъ, входятъ въ вычисленіе издержекъ на каждую тонну въ весьма маломъ количествѣ. Дорога склоняется отъ самаго Ст.Этьенна до Роны, и по этомуто направленію производится наибольшая перевозка, отъ чего уменьшаются расходы. Она весьма хорошо управляется. Не смотря на всѣ сіи удобства, и на проѣзжающихъ, которые доставляютъ весьма большіе доходы, желѣзная дорога отъ Лиона въ Ст.Этьеннъ даетъ весьма немного чистой прибыли, и эта прибыль совершенно уничтожилась бы, если бы къ доходамъ съ перевозки товаровъ не присоединили другихъ источниковъ дохода, какъ-то: перевозку проѣзжающихъ, которыхъ не полагали при первоначальномъ проектѣ дороги, сборъ (réage) за проѣздъ

по мосту въ Лионѣ, пристань въ Перашѣ, сборъ (emmagasinage) со складочныхъ магазиновъ, и сборъ (factage) маклерскій.

Надобно признаться, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога находится въ дурномъ положеніи, и это увеличиваетъ издержки; но такая причина далеко не уравниваетъ преимуществъ, которыми она пользуется, въ сравненіи съ другими желѣзными дорогами, уже существующими и вновь проектированными. Нѣкоторыя изъ этихъ преимуществъ, именно наклоненіе дороги по направленію движенія торговли, и важность этой торговли, совершенно исключительно принадлежать ей, и суть единственныя въ свѣтъ. Мнѣ кажется, что предположеніе будетъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ, если положить цѣну перевозки въ 10 сантимовъ на *тонну и километръ* по желѣзнымъ дорогамъ вообще. При обыкновенной перевозкѣ платятъ отъ 20 до 25 сантим., а при ускоренной 35 и 40 сантим. съ тонны и километра. На каналахъ, напротивъ, перевозка, т. е. плата за фрахтъ судна, обходится обыкновенно въ 1½ сантим. за тонну и километръ. Независимо отъ этой суммы, заключающей въ себѣ плату судохозяину, наемъ лошадей для тяги и порчу лодокъ, надобно еще положить плату владѣтелю канала, назначенную для покрытія издержекъ содержанія, и проценты на капиталъ, употребленный для устройства. На линіяхъ, находящихся въ распоряженіи правительства, и которыя оно впоследствии устроитъ, эта плата будетъ не болѣе 2 сантим. за товары громоздкіе. Такимъ образомъ, отношеніе между цѣнами перевозки по желѣзнымъ дорогамъ и по каналамъ является, какъ 10 къ 3½. Въ нынѣшнемъ состояніи желѣзныхъ дорогъ, можно сказать, что для товаровъ громоздкихъ,

и определяемыхъ только для обыкновеннаго употребленія, принимая въ соображеніе цѣну перевозки, издержка *втрое болѣе*, нежели на каналахъ. Если сравнивать желѣзныя дороги съ судоходными, или *канализированными* рѣками, въ обыкновенномъ ихъ состояніи, разница будетъ еще болѣе потому, что для громоздкихъ предметовъ право плаванія стоитъ всего $\frac{2}{10}$ сантим. при сплавѣ, и $\frac{5}{10}$ сантим. при подъемѣ, средія цѣна $\frac{1}{4}$ сантим. вмѣсто двухъ сантим.; считая расходы при перевозкѣ одинаковыми съ предъидущею, невыгода желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ каналами будетъ относиться, какъ 5 къ 1. Но, противъ перевозки по каналамъ есть много опроверженій. Часто продолжается она нестерпимо долго. Нѣсколько лѣтъ тому, перевозка угля изъ Мона въ Парижъ, всего 85 лье, продолжалась болѣе, нежели сколько нужно было плохому кораблю приплыть изъ Бордо въ Гваделупу, сложить тамъ грузъ муки и вина, нагрудиться сахаромъ, возвратиться въ Жиронду, еще разъ разгрузиться, въ третій разъ нагрудиться, безъ всякой поспѣшности, сходить въ глубину Мексиканскаго Залива, въ Вера-Крусъ, выйти тамъ Французскія произведенія, со всею медленностью, которую возбуждаетъ теплая атмосфера тропиковъ, и возвратиться въ Бордо, зайдя въ Новый Орлеанъ, и нагрудясь тамъ хлопчатого бумагою! Нынѣ значительно уменьшили медленность провоза, но, при всемъ томъ, чтобы прийти изъ Анзенскихъ копей къ Ст. Гобенской зеркальной фабрикѣ, т. е. перейти пространство, которое пѣшеходецъ перешелъ бы безъ усталости въ два дня, лодки съ углемъ, о которыхъ мы говорили, употребляли въ 1837 году болѣе 20-ти дней. Однако жъ это не ведетъ къ общему невыгодному заключенію противъ каналовъ;

мы указали только на жалкіе факты, которые доказываютъ, что если во Франціи выучились мы искусству устроить каналы, то находимся еще въ младенствѣ, относительно употребленія ихъ. У другихъ народовъ провозъ товаровъ по каналамъ совершается гораздо быстрее. Въ Соединенныхъ Штатахъ, на большомъ каналѣ Эрійскомъ, соединяющемъ Новый Йоркъ съ сѣтью озеръ Сѣверной Америки, лодки, слѣдующія ускорительнымъ ходомъ, днемъ и ночью, проходятъ 146 миль этого прекраснаго канала, обыкновенно, дней въ семь, слѣдовательно, 21 миль въ день. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе этой скорости на каналахъ въ Англии и Америкѣ. Другія лодки канала Эрійскаго, останавливающіяся на ночь, употребляютъ не болѣе 14 дней, что составитъ отъ 10-ти до 12-ти миль въ день. Лодки, доставляющія уголь изъ Шуйклия въ Филадельфію, имѣютъ такую же скорость.

Даже во Франціи на некоторыхъ каналахъ, независящихъ отъ правительства и неуправляемыхъ имъ, средства движенія довольно быстры и точны: я говорю объ Южномъ каналѣ, и о входящихъ въ его систему, гдѣ просвѣщенное управленіе устроило, съ 1854 года, лодки съ ускорительнымъ движеніемъ, которыми торговцы не могутъ нахвалиться, а учреждения еще болѣе. Эти лодки проходятъ по Южному каналу, каналу Прудовъ (des Etangs) и Бокерскому, всего 90 миль, въ 6 дней и 16 часовъ, что составитъ 118 часовъ дѣйствительнаго движенія, считая остановки для нагрузки и разгрузки товаровъ, для которыхъ лодки останавливаются отъ 7 часовъ вечера до 4 часовъ утра; слѣдственно, ихъ настоящая скорость равна 6000 метровъ ($1\frac{1}{2}$ почтовыхъ миль) въ часъ. Обыкновенныя лодки могутъ пройти простран-

ство отъ Тулузы до Сетской пристани въ 6 дней, дѣлая отъ 10 до 12 миль въ день. Но поелику, обыкновенно останавливаются онѣ, чтобы разгрузиться, или дополнить свой грузъ, то все время плаванія продолжается обыкновенно около 15 дней. Это нѣсколько долго въ сравненіи съ обыкновеннымъ плаваніемъ по каналамъ Америки и Англии, но все еще скорость почти баснословная, въ сравненіи съ другими Французскими каналами.

Весьма ошибочно предполагаютъ 20 миль въ день предѣломъ наибольшей скорости въ плаваніи по каналамъ. Всемъ извѣстно, что въ Англии, съ 1830 г., сначала на Песлейскомъ каналѣ, а въ послѣдствіи на некоторыхъ другихъ, устроены лодки для пассажировъ, движущіяся со скоростью отъ $3\frac{1}{4}$ до 4 почтовыхъ миль въ часъ, считая въ томъ числѣ время, употребляемое для прохода шлюзами. Въ Соединенныхъ Штатахъ, на каналахъ, устроенныхъ отъ казны, есть пакетботы, единственно назначенные для перевозки пассажировъ; онѣ дѣлаютъ почти 7 километровъ въ часъ, или около 40 миль въ 24 часа, потому, что идутъ днемъ и ночью, и ходили-бы еще скорѣе, если бы правленіе ихъ тому не препятствовало. Тамъ же, на каналахъ, принадлежащихъ компаніямъ, Англійская система быстрыхъ лодокъ приложена съ успѣхомъ на большомъ каналѣ отъ Раритана въ Делаваръ, между Филадельфіею и Новымъ Йоркомъ; я плавалъ тамъ на лодкѣ особеннаго устройства; она весьма обширна, и гораздо спокойнѣе узкихъ лодочекъ, употребляемыхъ на Англійскихъ каналахъ, при скорости нѣсколько болѣе 3-хъ миль.

Во Франціи, на Южномъ каналѣ улучшили въ 1835 г. устройство почтовыхъ лодокъ, учрежденныхъ при его открытіи. Эти лодки, наиболѣе употребле-

мья, движутся со среднею скоростью 11 километровъ ($2\frac{5}{4}$ лье) въ часъ, не считая прохода шлюзами; онѣ приплываютъ въ 36 часовъ изъ Тулузы въ Сетъ, и въ 51 часъ изъ Тулузы въ Бокеръ, такъ, что настоящая скорость ихъ нѣсколько менѣе 2-хъ лье въ часъ.

Перевозка товаровъ по 20 лье въ день, и людей, при скоростяхъ *едвое, втрое и четверо* большей, производится за довольно низкую цѣну. Въ 1835 году, когда я осматривалъ каналъ Эрійскій, нѣкоторыя компаніи дешевой перевозки (*compagnies concessionnaires*) производили перевозку муки, на лодкахъ съ ускорительною скоростью, по $2\frac{8}{10}$ сант. за тонну и километръ (не считая права позволенія), или $11\frac{2}{10}$ сант. за тонну и лье, что составляетъ только $\frac{1}{14}$ цѣны *ускоренной* перевозки во Франціи, хотя Франція, можетъ быть, одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ цѣны за перевозку наиболѣе низки. Примемъ заключеніе, выходящее изъ показанныхъ чиселъ, что на хорошо устроенныхъ каналахъ, *быстрота не лишаетъ дешевизны*. Считая плату за перевозку по $3\frac{1}{2}$ сант. съ тонны и километра, всѣ издержки перевозки, вмѣстѣ, возвысятся, на каналъ Эрійскомъ: для муки на 25 сант. на лье, т. е. на $\frac{1}{6}$ часть цѣнности нашей ускоренной сухопутной перевозки, при той же скорости, и на $\frac{1}{4}$ нашей обыкновенной перевозки, которая вдвое медленнѣе хода лодокъ съ ускорительною быстротою въ Америкѣ.

На лодкахъ съ ускорительною быстротою по Южному каналу, цѣна перевозки товаровъ назначена $12\frac{1}{2}$ сант. за тонну и километръ; тутъ 8 сант. представляютъ плату учредителямъ каналовъ. Три канала: Южный, Прудовъ и Бокерскій, по которымъ происходитъ эта перевозка отъ Тулузы въ Бокеръ,

принадлежать тремъ разнымъ компаніямъ. Цѣна весьма огромная, но только $4\frac{1}{2}$ сант. приходится за настоящую перевозку, хотя и эта сумма можетъ быть уменьшена. Замѣтимъ, что лодки съ ускорительною быстротою употребляются только для товаровъ цѣнныхъ, которые не могли-бъ быть перевезены по желѣзнымъ дорогамъ за вышесказанную цѣну, т. е. по 10 сант. съ тонны и километра. Впрочемъ, это только еще начинающееся предпріятіе. Скажемъ даже, что учредительная компанія канала, столь старательная, даже роскошная въ поддержаніи прекраснаго произведенія Рике, такъ свѣжо сохранившаго отпечатокъ вѣка Лудовика XIV-го, столь щедрая и поспытительная относительно служащихъ при ней, еще не видитъ выгодъ, которыя доставляютъ ей эти улучшения относительно торговли, т. е., отъ цѣнъ столь низкихъ.

При пошлннѣ, удобной для предприимчивыхъ перевозчиковъ и владѣтелей каналовъ, перевозка на каналахъ съ ускоренною скоростью, 20 лье въ 24 часа, можетъ стоить 6 или 7 сант. съ тонны и километра, для тѣхъ товаровъ, перевозка которыхъ на желѣзныхъ дорогахъ должна бы обойтись отъ 14 до 15 сант.

Словомъ, относительно товаровъ, исключая предметы цѣнные и принадлежащіе къ роскоши, для которыхъ необходима скорость доставки, вообще принято, что каналы, а еще болѣе усовершенствованныя рѣки, преимущественнѣе желѣзныхъ дорогъ.

Посгараемся теперь представить нѣсколько сравнений относительно пассажировъ.

Въ Сосдиненныхъ Штатахъ, на каналъ Эрійскомъ провзажающіе платятъ, не считая пищи, съ лье:

На пакстботъ 40 сант.
Т. III. — Отд. III. 5

Случалось, что въ одинъ день бывало до 2500 проѣзжающихъ. Изъ предложенной таблицы видно, что судя по одной Англїи, по каналамъ, на поспѣшныхъ лодкахъ, можно перевозить людей со скоростью, хотя меншею, нежели по желѣзнымъ дорогамъ, однакожъ довольно большою, и достаточною во многихъ случаяхъ, сообразно дешевой цѣнѣ. Изъ этого можно вывести заключеніе, которое оправдается въ послѣдствїи, что *нес plus ultra экономїи въ перевозкѣ людей преимущественно принадлежитъ паровымъ лодкамъ*, и что эта крайняя экономїя *не препятствуетъ скорости*, пользуясь которою, часто можно почитать себя счастливымъ и въ наше время, когда, не смотря на успѣхи науки и промышленности, среднїй классъ, исключая малаго числа богачей, рѣдко дѣлаетъ болѣе двухъ мѣ въ часъ, и наибольшее населенїе движется пѣшкомъ съ усталостїю.

II.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ПАРОВЫМИ ЛОДКАМИ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ паровое судоходство распространилось безпримѣрно, паровыя лодки, довольно давно устроенныя, проходятъ со скоростью 4-хъ мѣ по Чезепикскому заливу. На Гудзонѣ, на Джемсовой рѣкѣ, и въ проливѣ Длиннаго острова (Long-Island Sound), близъ Новаго Йорка, паровыя лодки ходятъ гораздо быстрее. Я часто видалъ въ Альбани, столицѣ Ново Йоркскаго Штата, паровую лодку, которая, отправясь утромъ изъ Новаго Йорка, ровно въ 7 часовъ, приходила въ 5

часовъ въ Альбани. Разстояніе здѣсь равно 55-ти почтовымъ мѣ, а какъ лодка останавливается 15 и 16 разъ, забирая и выпуская пассажировъ, то настоящаго пути будетъ менше 7 часовъ, что даетъ скорость нѣсколько выше 6-ти мѣ въ часъ. Между Новымъ Йоркомъ и Провиденсомъ (штатъ Роде-Эйлендъ), чрезъ проливъ Длиннаго острова и Наррагансетскїй заливъ, паровыя лодки новаго устройства ходятъ въ 12 часовъ; разстояніе здѣсь 72 мѣ, что даетъ скорость 6-ти мѣ въ часъ.

Англїйскїя лодки не уступаютъ лодкамъ Соединенныхъ Штатовъ. Ученый морской инженеръ, путешествовавшїй по Великобританїи, для наблюденїя надъ паровыми лодками, г. Кларкъ, съ которымъ я совѣтовался, желалъ узнать, много-ли въ Англїи находится паровыхъ лодокъ со скоростью 4-хъ мѣ въ часъ, отвѣчалъ мнѣ: «Скорость 16,000 метровъ (4 мѣ) въ часъ, есть *средняя* изъ скоростей вообще продолжительнаго морскаго путешествїя, но въ Англїи мало лодокъ, которыя не превосходили бы ея, даже въ тихое время, особенно лодокъ рѣчныхъ. Почти всѣ лодки, плавающїя по Темзѣ, имѣютъ скорость отъ 17,000 до 18,000 метровъ ($4\frac{1}{4}$ и $4\frac{1}{2}$ мѣ). Во время моего пребыванїя въ Англїи въ 1856 году, Express, желѣзная лодка, плавающая по Клейду, между Глазговымъ и Гринокомъ, ходила по 14-ти Англїйскихъ миль ($5\frac{1}{2}$ мѣ). Star, на Темзѣ, лодка, силою въ 120 лошадей, съ паровою машиною Миллера, дѣлала болѣе 12-ти миль (5 мѣ), а послѣ моего отъѣзда, другая лодка, построенная также Миллеромъ, превзошла даже и эту скорость.»

Во Франціи, не смотря на плохое состояніе рѣкъ, при которомъ можно употреблять только слабый

машины, потому, что сильныя были бы слишкомъ тяжелы, смотря по глубинѣ воды, и такъ какъ, большая часть пассажировъ бываетъ лѣтомъ, то и машины должны соображать съ низкими водами; тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ весьма быстрыя паро-выя лодки.

Такимъ образомъ, между Гавромъ и Руаномъ, гдѣ Сена имѣетъ глубокой фарватеръ, онѣ плаваютъ отъ 5-ти до $6\frac{1}{2}$ лье въ часъ. На Ронъ, въ переходѣ между Лиономъ и Авиньономъ, скорость 6-ть лье въ часъ при спускѣ, а при подъемѣ $4\frac{1}{2}$ лье; впрочемъ, здѣсь надѣются достигнуть скорости 3-хъ лье, помощію вновь строящихся лодокъ.

На Сонъ (Saône), между Шалономъ и Лиономъ, скорость отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 лье при спускѣ, и 3 и $3\frac{1}{2}$ лье при подъемѣ, считал остановки.

На Луарь, лодки, называемыя Riveraines, которыя ходятъ въ Пембефъ, древней конструкціи, имѣютъ переменную скорость, смотря по приливу, обыкновенно $2\frac{1}{2}$ и 3 лье въ часъ.

Между Орлеаномъ и Нантомъ, дѣйствительная скорость хода $3\frac{1}{2}$ лье при спускѣ, и 2 лье при подъемѣ.

Между Анжеромъ и Нантомъ, $3\frac{1}{2}$ лье при спускѣ и $2\frac{1}{2}$ и 2 при подъемѣ.

Новѣйшія лодки г-на Жолле, на сей послѣдней линіи, дѣлали 5 лье при спускѣ, и $2\frac{1}{2}$ при подъемѣ, считал остановки. Вычитая время захода въ порты за пассажирами и ихъ высадкою, скорость будетъ $6\frac{2}{3}$ лье при спускѣ (лодки Жолле куплены компаніею лодокъ Riveraines, и тѣмъ уничтожено ихъ совмѣстничество, ибо онѣ болѣе не употребляются).

На Гароннѣ, между Бордо и Лангономъ, при ста-

рыхъ весьма несовершенныхъ лодкахъ, скорость при спускѣ во время прилива отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 лье, а при подъемѣ отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ лье. При устьѣ рѣки, между Бордо и Ройаномъ, достигаютъ скорости отъ 5-ти до 6-ти лье.

Эти быстрыя лодки менѣе опасны, нежели публичныя экипажи. Въ два года, которые провелъ въ Америкѣ, я никогда не слышалъ о несчастныхъ происшествіяхъ, съ тысячами людей, днемъ и ночью, вездѣ и впередъ плавающихъ по Гудзону въ паровыхъ лодкахъ, или съ помощію ихъ безпрестанно мелькающихъ по Чезепикскому заливу. Два, или три человѣка сдѣлались только жертвами пожара на Делаварѣ, и это единственное приключеніе съ паровыми лодками, которое я знаю въ восточной части Сѣверной Америки. Во Франціи журналы наполнены извѣстіями о паденіи экипажей, убитыхъ или раненыхъ путешественникахъ, однако жъ рѣдко говорятъ о несчастіяхъ на паровыхъ лодкахъ, и не имѣютъ причины проклинать изобрѣтеніе Фультона. Плачевныя и безчисленныя приключенія на Миссиссипи и впадающихъ въ нее рѣкахъ, распространили ужасы о паровыхъ лодкахъ; на нихъ смотря съ страхомъ, но сіи несчастныя приключенія должно приписать злоупотребленію, а не существованію дѣла. Взрывы машинъ, столь частые на паровыхъ лодкахъ западныхъ штатовъ Американскаго Союза, происходятъ отъ неловкости механиковъ, отъ невнимательности истопниковъ, и дурнаго устройства паровыхъ машинъ. Пожары, часто случаются, происходятъ отъ невнимательности шкиперовъ, и неосторожности проѣзжающихъ. Американцы удивительно безопасны на счетъ пожаровъ, какъ въ домахъ своихъ въ Новомъ Йоркѣ, такъ и

машины, потому, что сильныя были бы слишком тяжелы, смотря по глубинѣ воды, и такъ какъ, большая часть пассажировъ бываетъ летомъ, то и машины должны соображать съ низкими водами; тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ весьма быстрыя паровыя лодки.

Такимъ образомъ, между Гавромъ и Руаномъ, гдѣ Сена имѣетъ глубокой фарватеръ, онѣ плаваютъ отъ 5-ти до $6\frac{1}{2}$ лье въ часъ. На Ронѣ, въ переходѣ между Лиономъ и Авиньономъ, скорость 6-ть лье въ часъ при спускѣ, а при подъемѣ $4\frac{1}{2}$ лье; впрочемъ, здѣсь надѣются достигнуть скорости 3-хъ лье, помощію вновь строящихся лодокъ.

На Сонѣ (Saône), между Шалономъ и Лиономъ, скорость отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 лье при спускѣ, и 3 и $3\frac{1}{2}$ лье при подъемѣ, считая остановки.

На Луарѣ, лодки, называемыя Riveraines, которыя ходятъ въ Пембелъ, древней конструкции, имѣютъ переменную скорость, смотря по приливу, обыкновенно $2\frac{1}{2}$ и 3 лье въ часъ.

Между Орлеаномъ и Нантомъ, дѣйствительная скорость хода $3\frac{1}{2}$ лье при спускѣ, и 2 лье при подъемѣ.

Между Анжеромъ и Нантомъ, $3\frac{1}{2}$ лье при спускѣ и $2\frac{1}{2}$ и 2 при подъемѣ.

Новѣйшія лодки г-на Жолле, на сей послѣдней линіи, дѣлали 5 лье при спускѣ, и $2\frac{1}{2}$ при подъемѣ, считая остановки. Вычитая время захождения въ порты за пассажирами и ихъ высадкою, скорость будетъ $6\frac{2}{3}$ лье при спускѣ (лодки Жолле куплены компанією лодокъ Riveraines, и тѣмъ уничтожено ихъ совмѣстничество, ибо онѣ болѣе не употребляются).

На Гароннѣ, между Бордо и Лангономъ, при ста-

рыхъ весьма несовершенныхъ лодкахъ, скорость при спускѣ во время прилива отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 лье, а при подъемѣ отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ лье. При устьѣ рѣки, между Бордо и Ройаномъ, достигаютъ скорости отъ 5-ти до 6-ти лье.

Эти быстрыя лодки менѣе опасны, нежели публичныя экипажи. Въ два года, которые провелъ въ Америкѣ, я никогда не слышалъ о несчастныхъ происшествіяхъ, съ тысячами людей, днемъ и ночью, взадъ и впередъ плавающихъ по Гудзону въ паровыхъ лодкахъ, или съ помощію ихъ безпрестанно мелькающихъ по Чезепикскому заливу. Два, или три человѣка сдѣлались только жертвами пожара на Делаварѣ, и это единственное приключеніе съ паровыми лодками, которое я знаю въ восточной части Сѣверной Америки. Во Франціи журналы наполнены извѣстіями о паденіи экипажей, убитыхъ или раненыхъ путешественникахъ, однако жъ рѣдко говорятъ о несчастіяхъ на паровыхъ лодкахъ, и не имѣютъ причины проклинать изобрѣтеніе Фультона. Плачевныя и безчисленныя приключенія на Миссисипи и впадающихъ въ нее рѣкахъ, распространили ужасы о паровыхъ лодкахъ; на нихъ смотрятъ со страхомъ, но сіи несчастныя приключенія должно приписать злоупотребленію, а не существу дѣла. Взрывы машинъ, столь частыя на паровыхъ лодкахъ западныхъ штатовъ Американскаго Союза, происходятъ отъ неловкости механиковъ, отъ невнимательности истопниковъ, и дурнаго устройства паровыхъ машинъ. Пожары, часто случающіеся, происходятъ отъ невнимательности шкиперовъ, и неосторожности провѣжающихъ. Американцы удивительно безпечны на счетъ пожаровъ, какъ въ домахъ своихъ въ Новомъ Йоркѣ, такъ и

на пароходахъ по Миссиссипи. Нельзя представить себѣ, сколь часты и велики пожары въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Новомъ Йоркѣ и Филадельфiи, рѣдкій день не быють въ набатъ. На паровыхъ лодкахъ, Американцы безопасно курятъ между тюками хлопчатой бумаги, которыми нагружена лодка; они также неосторожны бывають съ грузомъ пороху, какъ съ грузомъ маиса и солонины, и оставляють часто тюки въ соломѣ, подлѣ искръ, вылетающихъ изъ печей. Но бѣдственныя приключенія, стоившія жизни многимъ сотнямъ людей, вовсе неистовѣтны даже и на берегахъ Миссиссипи, въ лодкахъ хорошо управляемыхъ, гдѣ учредители не стараются барышничать низкою цѣною механизма и малою платою механикамъ и экипажу. Въ долинѣ Миссиссипи и Огайо путешественники и негодянты доказываютъ увѣренность къ нѣкоторымъ избраннымъ лодкамъ поспѣшностью, съ которою ихъ занимають, поручая имъ себя и свои товары. Страховыя компаніи присоединяють еще новое доказательство дешевою цѣною за страхъ на товары въ избранныхъ лодкахъ, когда между тѣмъ, онѣ совершенно отказываются страховать, за какую бы то ни было цѣну, товары, перевозимые на большей части лодокъ ненадежныхъ.

И такъ, средства перевозки на паровыхъ лодкахъ прочнаго устройства, вѣрны и быстры. Они даже пріятны и спокойны; движеніе лодокъ плавно; между тѣмъ, какъ въ каретахъ вамъ тѣсно, вы сидите согнувшись вдвое, на пароходѣ путешественники имѣють возможность ходить, читать, если желаютъ, или еще лучше, восхищаться живописными видами, всегда находимыми на берегахъ рѣкъ, протекающихъ передъ ихъ глазами. Это наилуч-

шая система путешествія, съ малыми издержками, потому, что въ Европѣ желѣзныя дороги оцѣняются въ предварительныхъ смѣтахъ обыкновенно въ миллионъ франковъ за лье, а въ самомъ дѣлѣ обходятся отъ $4\frac{1}{2}$ до двухъ миллионъ франковъ, но обыкновенные каналы требуютъ, по большей части, отъ 4-хъ до 600 т. франковъ на лье. Сооруженіе нашихъ каналовъ обходится среднимъ числомъ въ 500 т. франковъ. Напротивъ, есть нѣсколько рѣкъ во Франціи, которыя могли бы быть сдѣланы удобными для пароходства въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ въ году, съ издержкою отъ 150 до 200 т. франковъ за лье.

Плаваніе по онимъ было бы гораздо дешевле другихъ способовъ сообщенія. Положимъ, что наши рѣки очистятся отъ песчаныхъ мелей, ихъ загрязжающихъ, и, вмѣсто 18-ти дюймовой глубины лѣтомъ, будутъ сдѣланы способными къ ходу лодокъ съ посадкою отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ; тогда, вмѣсто 60-ти или 80-ти, провѣжающихъ, наполняющихъ лодки, употреблемыя на Луарѣ, потому, что они не могутъ имѣть посадки болѣе 10 дюймовъ, или 1 фута, паровыя лодки могли бы принять отъ 300 до 400 человекъ. Въ Америкѣ, на рѣкахъ, гдѣ суда осаживаются отъ 4-хъ до 6-ти футовъ, отъ 600 до 800 человекъ находится на одной лодкѣ. Издержки на перевозку, будучи почти всегда одинаковы, независимо отъ груза, если путешественниковъ окажется много, могутъ дать средства къ весьма низкой цѣнѣ за мѣста. Такимъ образомъ, между Новымъ Йоркомъ и Альбани, на лодкахъ, меблированныхъ и убранныхъ съ большою роскошью, при скорости 6-ти лье въ часъ, я находилъ цѣну первымъ мѣстамъ, или всемъ вообще

мѣстамъ, упадшего постепенно до 50 сентовъ (2 франка, 65 сент.), и на этомъ остановившеюся. Разстояніе 55 лье составляетъ здѣсь до 5 сантимовъ на лье. Средняя цѣна мѣсть въ дилижансахъ, во Франціи 50 сент. за лье, въ Америкѣ, какъ я уже говорилъ, она еще возвышеннѣе. Уступка цѣны, какую дѣлаютъ бѣднымъ пѣшеходамъ, ограничивается 15 сент. за лье. Такимъ образомъ, въ Америкѣ, *треть милостыни*, которую Франція даетъ путешествующему бѣдняку, достаточна для занятія перваго мѣста въ превосходныхъ лодкахъ, быстро стремлящихся по водѣ, покрытыхъ богатыми коврами, убранныхъ зеркалами и цвѣтами, блестящихъ позолотой.

Въ послѣдніе два года цѣна мѣстамъ на Американскихъ пароходахъ кажется еще понизилась. Между извѣстными, помѣщенными въ Ново-Йоркскихъ журналахъ, въ Ноябрь 1837 г., находится подробности о новой компаніи паровыхъ лодокъ, плавающихъ по Гудзону, между Новымъ Йоркомъ и Альбапн. Одна изъ лодокъ сей компаніи, *Алмазъ*, замѣчательна своими размѣрами: длина ея 260 Англ. футовъ, т. е. 79 метровъ, слѣдовательно, превосходитъ длину линейнаго корабля. Корабль въ 120 пушекъ бываетъ длиною по палубѣ 64 метра, а по килю 57 метровъ. Алмазъ назначенъ для ночнаго плаванья, за которое платятъ вдвое противъ деннаго. Онъ великолѣпно отдѣланъ и ходитъ по 5-ти лье въ часъ. Однакожь вся цѣна за проѣздъ — 2 франка 65 сент., для путешественниковъ, желающихъ имѣть постель, и 1 фран. 32 сент. для довольствующихся стуломъ. Разстояніе между Ново-Йоркомъ и Альбани 55 почтовыхъ лье, слѣдовательно, путешественники платятъ по 5-ти сент. за лье съ постелью,

по 2 сент. безъ нея. Это новое пониженіе цѣны показываетъ, какъ дешево можно путешествовать въ странѣ, орошаемой рѣками, способными къ плаванію на большихъ паровыхъ лодкахъ, при дешевой цѣнѣ на топливо, необходимое для паровыхъ машинъ.

Прежде, путешествіе по рѣкамъ обширной внутренней долины въ Сѣверной Америкѣ считалось чѣмъ-то въ родѣ Аргонавтскаго похода; нынѣ, благодаря пароходамъ, это вещь самал легкая. Цѣны весьма низки: отъ Питсбурга до Нового Орлеана проѣздъ стоитъ 50 долларовъ (266 фр.), включая пищу и постель; отъ Луизвилля до Нового Орлеана 25 долларовъ (135 фр.), т. е. отъ 25 до 30 сент. за лье. Эта плата дѣлается гораздо ничтожнѣе для многочисленнаго народа бурлаковъ, идущихъ съ плоскими лодками въ низовье рѣки, и возвращающихся порожнякомъ изъ Нового Орлеана. Ихъ помѣщаютъ отъ 500 до 600 человекъ въ отдѣльной части парохода, обыкновенно внизу; тамъ помѣщеніе, койка, и огонь, для согрѣванія себя и варенія пищи, стоятъ отъ 4-хъ до 6-ти долларовъ (отъ 21 фр. 32 сент. до 32 фр.) считая проѣздъ до Луизвилля, а это составитъ 5 сент. за лье.

Въ Англій, гдѣ дилижансы берутъ цѣну выше Французскихъ, вторыя мѣста на пароходахъ такъ же дешево, какъ первыя на Американскихъ, плавающихъ по Гудзону. Но въ Америкѣ дамскія каюты (*ladies' cabin*) украшены цвѣтами, а надобно признаться, что во вторыхъ мѣстахъ на Англійскихъ пароходахъ, путешественники, особенно на пароходахъ плавающихъ между Великобританіею и Ирландіею, помѣщаются, не только что безъ всякой роскоши, но даже безпокойно и неопрятно, какъ стадо барановъ

въ хлѣву, что поясняетъ до нѣкоторой степени дешевизну цѣны. Такое отсутствіе необходимыхъ удобствъ во вторыхъ мѣстахъ однакожъ не повсемѣстно. На пароходахъ, плавающихъ, напримѣръ, между Лондономъ, Булонью и Кале, вездѣ есть, если не роскошь, по крайней мѣрѣ, приличіе и чистота, и цѣна мѣстамъ на нихъ въ послѣднее время стояла на 5 шиллингахъ (6 фр. 25 сент.) въ первой каютѣ, и 4-хъ шиллингахъ (5 фр.) во второй. Разстояніе 51 лье, что составить для второй комнаты 10 сент. за лье.

Во Франціи, не смотря на большія несовершенства рѣкъ, издержки обыкновенныя и экстраординарныя, отъ того происходящія для компаній, уменьшеніе числа путешественниковъ, и, слѣдовательно, сборовъ, какъ неминутаго слѣдствія, цѣны мѣстамъ на пароходахъ были однакожъ весьма умѣренны, какъ видно изъ слѣдующаго:

По Сене, между Руаномъ и Гавромъ:

Первая комната, за лье 29 сент.
Вторая — — — — — 17½ —

По Луарѣ, на ласточкахъ (Hirondelles), плавающихъ съ верховья рѣки, т. е. между Нантомъ и Орлеаномъ:

Отъ Орлеана въ Нантъ.

Первая комната, за лье 33 сент.
Вторая — — — — — 23 —

Отъ Нанта въ Орлеанъ.

Первая 25
Вторая 15

Между Анжеромъ и Нантомъ, на лодкахъ Riveraines.

Въ первой комнатѣ, за лье 28½ сент.
— второй — — — — — 19 —

По Нижней Луарѣ, тожь на Riveraines.

Въ первой комнатѣ, за лье 20 сент.
— второй — — — — — 12 —

По Гароннѣ, между Бордо и Ройаномъ.

Въ первой, за лье 33½ сент.
— второй — — — — — 16½ —

Между Бордо и Лангономъ, вверхъ и внизъ.

Въ первой 22 сент.
Во второй 13 сент.

Прежде когда еще не уговорились между собою компаніи, и богатѣйшія изъ нихъ не скупали заведеній своихъ соперницъ, цѣны были:

Въ первой комнатѣ 15½ сент.
— второй 8 —

И такія цѣны довольно долго стояли, безъ убытка для компаній. На Ронѣ, до 1830 года, цѣны были, между Лиономъ и Арлемъ:

Въ первой 42 сент.
— второй 28 —
— третьей 17 —

Теперь онѣ упали, и платится:

Въ первой 28
— второй 21
— третьей 11

Надѣются, что скоро, съ усовершенствованіемъ механизма, безъ всякаго улучшенія рѣки, онѣ будутъ:

Въ первой 21
— второй 14
— третьей 7

На Санъ, цѣны теперь въ 1-й комп. 18
— 2-й 12

Прежде стачки между собою компаній, она была въ половину ниже, т. е. въ 1-й комп. 12
— 2-й 6

Соревнованіе уменьшило даже, временно, цѣны вторыхъ комнатъ въ восемь разъ противъ нынѣшнихъ, т. е. въ 1½ сент. за лье. Но учредители понесли тогда убытки.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что взявъ за вышій примѣръ Англійскія желѣзныя дороги, пароходы далеко превзойдутъ ихъ дешевиною перевоза, и что обыкновенныя и необыкновенныя суда по

каналамъ, въ этомъ отношеніи, имѣютъ свою выгоду передъ симъ быстрымъ способомъ сообщенія.

Но примѣра Англіи, въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ, не должно, ни представлять, ни принимать въ сравненіе. Очевидно, что Англійскія желѣзныя дороги управлялись аристократически, въ томъ смыслѣ, что мало старались привлекать на нихъ путешественниковъ. Цѣны мѣстамъ были слишкомъ возвышены. Согласимся, что огромныя издержки, сдѣланныя на ихъ устроеніе, оправдываютъ, или, по крайней мѣрѣ, объясняютъ образъ ихъ управленія.

На Бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ ѣздятъ за весьма дешевую цѣну. Экипажи разделяются платою на четыре разряда, между Брюсселемъ и Антверпеномъ, т. е. на разстояніи 11 лье:

Въ берлинѣ	3	фр.	50	сант.	или	32	сант.	за	лье.
— дилижансъ	3	—	—	—	—	27	—	—	—
— тарабанкъ	2	—	—	—	—	18	—	—	—
— вагонъ	1	—	20	—	—	11	—	—	—

Вагоны экипажи открытыя, однакожь въ нихъ ѣздитъ наибольшее число путешественниковъ, ибо изъ донесенія г-на Нотомба, министра публичныхъ работъ въ Бельгій, отъ 1 Марта 1837 года, видно, что средняя цѣна мѣстъ, наиболѣе занятыхъ, есть $12\frac{1}{3}$ сант. за лье, въ 4000 метровъ. Но цѣны за мѣста въ Бельгій должны считаться наименьшими (minimum), какъ потому, что устройство Бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ стоило весьма мало, такъ и потому, что Бельгійское правительство само взимаетъ съ нихъ доходы, и не ищетъ большихъ барышей. Главною его мыслію было сдѣлать ихъ доступными каждому званию людей, и тѣмъ распространить для всякаго ихъ удобства. Оно находило,

что это важнѣйшее средство умножить по всемъ отраслямъ доходы въ государственныхъ казначействахъ. Притомъ Бельгійское правительство не могло назначить высокихъ цѣнъ; ему нужно было уклониться передъ общественнымъ мнѣніемъ, и уважить его. Чистая прибыль съ Бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ послѣдній годъ, была около 5-ти на 100 капитала, употребленнаго на ихъ устроеніе, хотя капиталъ весьма незначительный; но должно замѣтить, что страна весьма населена, и что число проезжающихъ увеличилось какъ 1 къ 8-ми, со времени открытія желѣзныхъ дорогъ (вмѣсто 75,000, проезжавшихъ обыкновенно въ публичныхъ экипажахъ, на желѣзной дорогѣ проѣхали въ первые 8 мѣсяцевъ, 540,000). Для будущаго года, министръ объявилъ прибыли $5\frac{1}{2}$ процентовъ на 100, но недавно (въ концѣ Января нынѣшняго года) Бельгійскій Мониторъ доказывалъ возможность, и даже вѣроятіе убытка. Если Бельгійскія желѣзныя дороги, при настоящей цѣнѣ, будутъ въ убыткѣ, то нѣтъ возможности указывать на умѣренность платы за мѣста. Если бы Бельгійскія желѣзныя дороги стоили столь же дорого, сколько стоили дороги отъ Манчестера въ Ливерпуль, или отъ Лондона въ Бирмингамъ, или сколько стоятъ устроенныя и устроиваемыя въ окрестностяхъ Парижа, то чистая ихъ прибыль 5 на 100, (которая, вѣроятно, будетъ возвышена) низошла бы на 1, или $\frac{3}{4}$ проц. на 100.

Во Франціи, на желѣзной дорогѣ отъ Ст. Этьенна въ Лионъ, на разстояніи $16\frac{1}{2}$ лье, платятъ, смотря по мѣстамъ, 7, 6, 5 и 4 франка, что соответствуетъ 42, 36, 30 и 24 сант. на лье. Большая часть проезжающихъ берутъ мѣста въ 4 франка. Лѣтомъ есть особія мѣста въ 3 фр., что соответствуетъ 18 сант.,

но они не удобны, и мало занимают, не смотря на привычную бережливость провзжихъ.

На Ст. Жерменской желѣзной дорогѣ, вторыя мѣста стоятъ 1 фр., т. е. 22 сант. за лье (разстояніе $4\frac{1}{2}$ лье). Вѣроятно, что скоро эти мѣста будутъ стоить 75 сант., т. е. по 16 сант. за лье. Можетъ быть, современемъ упадутъ они до 50 сант. Но вѣрно не пойдутъ ниже сего послѣдняго числа, которое равняется 11 сант. за лье, или цѣнѣ Бельгійскихъ дорогъ.

III.

ВЫВОДЪ ДЛЯ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ, ИЗЪ СРАВНЕНІЯ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ СЪ ВОДЯНЫМИ СООБЩЕНІЯМИ.

Изъ всего нами изложеннаго можно заключить, что при цѣнѣ дилижансовъ во Франціи, круглымъ счетомъ, 40 сант. за лье на желѣзныхъ дорогахъ, при тѣхъ же данныхъ, цѣна за тѣ же мѣста была бы отъ 20 до 25 сант., на быстрыхъ пароходахъ по каналамъ 20 сант., а на пароходахъ обыкновенныхъ почти 10 сант. Съ намѣреніемъ беру я цѣны вторыхъ мѣстъ, какъ наиболее требуемыхъ. Въ нашъ вѣкъ надобно обращать главное вниманіе на дешевизну, и сравнивая дешевѣйшія средства сообщеній, должно выводить выгоднѣйшіе способы путешествія и перевозки.

Если бы, для доказательства приближенія цѣнъ на желѣзныхъ дорогахъ къ 10 сант., которыя поставилъ я относительно пароходовъ, представили бы Бельгійскія желѣзныя дороги, которыя перевозятъ по 11 сант. за лье, то можно противопоставить этой безпрямвѣрной цѣнѣ Англійскія и Соединенныхъ Шта-

товъ пароходы въ 5 сант. за лье, которые, не смотря на эту низкую цѣну, не въ убытокъ, или плавающихъ по Гудзону за $2\frac{1}{2}$ сант. или даже плаваніе по Санѣ. Здѣсь брали по $1\frac{1}{2}$ сант., но эта цѣна была убыточна. Впрочемъ, потому-то Санскіе пароходы и могутъ быть сравниваемы съ Бельгійскими желѣзными дорогами, если расчеты министра общественныхъ работъ въ Бельгій основательны.

Изъ этого можно заключить, что дешевѣйшіе способы перевозки вещей, для всѣхъ безъ исключеній, особенно для званія людей самаго многочисленнаго, суть — пароходы.

Что касается до главнѣйшаго употребленія желѣзныхъ дорогъ, т. е. перевозки людей, то онѣ имѣютъ особенныя преимущества, съ которыми ни какое другое средство сообщеній не можетъ сравниться.

Паровыя, а тѣмъ болѣе успѣшныя суда по каналамъ, никогда не достигнутъ той воздушной быстроты, которая показала бы нелѣпнымъ бредомъ за 50 прежде тому, болѣе невозможнымъ, нежели въ наше время о возможности летать посредствомъ воздушныхъ шаровъ. Ни какое другое средство сообщеній также не можетъ соперничать съ желѣзными дорогами въ возможности ихъ перевозить во всякое время года. Онѣ не боятъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ климатѣ, ни дождей, ни морозовъ, ни разливовъ, ни снѣговыхъ вьюговъ. Согласимся, что поелику желѣзныя дороги только что начинаются, то нельзя предугадать теперь, на сколько онѣ сбавятъ цѣны. Точное рѣшеніе такого вопроса зависитъ отъ продолжительнаго опыта. Но если желѣзныя дороги еще въ первомъ дѣтствѣ, то и пароходы, обыкновенные и успѣшныя, по каналамъ также не принадлежатъ къ глубокой древности. Если вѣроятно, что извѣстная

уже намъ скорость на желѣзныхъ дорогахъ не крайній ея предѣлъ, и что она дойдетъ со временемъ отъ 15-ти до 20 лье въ часъ, то уже достоверно, что скорость пароходовъ по каналамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вдвое болѣе скорости дилижансовъ, и что пароходы могутъ увеличить ее даже втрое, не считая, что они въ двѣнадцать разъ быстрее пѣшеходныхъ путешествій. Пѣшеходъ, съ котомкой за плечами, съ трудомъ дѣлаетъ 10 лье въ день постоянно. Пароходъ по рѣкѣ, находящейся въ хорошемъ состояніи, можетъ легко сдѣлать 120 лье въ 24 часа.

Если возможно, что желѣзныя дороги со временемъ оставятъ каналы и рѣки такъ-же далеко отъ себя въ отношеніи дешевизны, какъ онѣ перегнали ихъ теперь въ быстротѣ, то неоспоримо, что пароходы достигнутъ теперь каждому, даже самому бѣдному. Они доставляютъ средства сообщеній *дешевле пѣшеходства*, въ точномъ смыслѣ сихъ словъ, и я тѣмъ болѣе напиралъ на эту истину, что непобѣдимое направление вѣка, и одно изъ правъ его на славу въ глазахъ потомства, есть усовершенствованіе просто народнаго благосостоянія. Очевидно, что при обширности Франціи, скорость отъ 4-хъ до 6-ти лье въ часъ улучшить, въ высокой степени сношенія людей и перевозку вещей, какъ внутри, такъ и съ сѣверными. Народы Европы отличаются малыми объемами земель отъ Соединенныхъ Штатовъ, и слѣдовательно, въ нынѣшнемъ состояніи своемъ имѣютъ менше выгодъ предпочитать желѣзныя дороги другимъ способамъ сообщеній. Очевидно также, что у насъ, какъ и на всемъ остальномъ материкѣ Европы, исключая окрестности столицъ, и нѣкоторыя особенныя мѣстности, время не такъ цѣнно, чтобы

имѣя его въ виду, заняться предпочтительно устройствомъ, съ наибольшими издержками, средствъ сообщеній по 10-ти лье въ часъ. Эта разность потребностей Англійскихъ поколѣній въ двухъ частяхъ свѣта, и другихъ народовъ, одна изъ характеристическихъ чертъ различія между Европою и Америкою.

Вотъ фактъ, который покажетъ, въ какой степени время мало цѣнится во Франціи. Въ почтовой коляскѣ, отправляющейся на югъ, часто бываютъ пустыя мѣста, когда дилижансы всегда наполнены. Исчислимъ потерю времени и сохраненіе денегъ. Отъ Парижа до Тулузы, за 181 лье, въ почтовой коляскѣ платять 156 фр. мѣсто въ дилижансѣ стоитъ 90 — но, по медленности вѣзды, надобно лишнихъ восемь разъ обѣдать, ужинать, и платитъ за пищу по 2 фр. 50 сант. и до 3 фр., но положимъ 2 фр. 50 сант. 20 фр. Итого 110 —

Сверхъ того платять за вещи, если онѣ вѣсятъ болѣе 30 фунтовъ. Не будемъ этого принимать въ соображеніе. Денежная экономія составляетъ 26 фр., но она еще менше для проезжающихъ въ первыхъ мѣстахъ. Въ дорогѣ бываютъ, по крайней мѣрѣ, два дня долѣе, а это показываетъ, что наибольшее число пассажировъ цѣнятъ свои дни менше 13 фр.

Не должно терять изъ виду, что желѣзныя дороги идущія къ самому Парижу, относительно числа пассажировъ имѣютъ мѣстные преимущества, дѣйствіе которыхъ благотворно для каждаго въ соображеніи издержекъ, потребныхъ для достиженія къ столицѣ изъ дальнихъ мѣстъ.

Можно сдѣлать возраженіе, и оно съ перваго взгляда покажется весьма основательнымъ, противъ

системы, которая стремилась бы обобщить водные пути, каналы и рѣки для перевозки путешественниковъ. Такіе пути обыкновенно не прямы и извилисты. Не будетъ ли время путешествія столь продолжительно, что сдѣлаетъ быстроту путешествія по рѣкамъ и каналамъ мнимою, въ сравненіи со скоростью, даже на обыкновенныхъ дорогахъ?

Что касается до нѣкоторыхъ рѣкъ, то возраженіе важно. На Сенѣ, напримѣръ, между Руаномъ и Парижемъ должно проплыть $59\frac{1}{2}$ лье, вмѣсто $29\frac{1}{2}$. Но на Ронѣ, Соанѣ и Луарѣ разница незначительна. По главной дорогѣ отъ Тулузы въ Бордо, считается 67 лье, все равно, что и по Гароннѣ.

На каналахъ, увеличеніе протяженія часто болѣе нежеледи вознаграждается увеличеніемъ скорости. Въ другомъ случаѣ, это будетъ на оборотъ. Такъ Южный каналъ только 6-ю лье длиннѣе почтовой дороги, но каналъ между Пантомъ и Брестомъ въ 93 лье, когда почтовая дорога составляетъ всего 62 лье. Каналы съ извилистымъ фарватеромъ могутъ служить для перевоза людей, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ частямъ своимъ, если не по всему протяженію. Подобные каналы могутъ быть устроены весьма часто по прямой линіи, а потому и имѣютъ они въ этомъ случаѣ большое удобство, не считая другихъ. Еще препятствіе употребленія каналовъ для перевозки пассажировъ происходитъ отъ шлюзовъ. При каждомъ шлюзѣ останавливаются отъ 5 до 8 минутъ, смотря по размѣру шлюза, и механизму, наполняющему его водою. Я видѣлъ однажды нѣкоторыя шлюзы, гдѣ такая потеря времени уменьшена особенными распоряженіями до 5 минутъ. Тамъ, гдѣ шлюзовъ много, какъ-то на Бургонскомъ каналѣ, не возможно думать о бы-

стрыхъ пароходахъ для пассажировъ. На протяженіи 60 лье, устроено тамъ 191 шлюзъ, которые, считая по пяти минутъ на каждый, погубили бы около 16 часовъ, тогда, какъ плаваніе - собственно беретъ всего по 4 лье на часъ, т. е. 15 часовъ. Но даже и на тѣхъ каналахъ, гдѣ много шлюзовъ, они не вездѣ расположены на равныхъ разстояніяхъ, и оставляютъ пространства, весьма удобныя для быстрыхъ пароходовъ. Побочные каналы вообще удобнѣе въ этомъ случаѣ, по тому, что имѣютъ меньшее число шлюзовъ. Такимъ образомъ, между Орлеаномъ и устьемъ Виенны, наклонность Луары до 60 метровъ, 50 сантиметровъ, на 40 лье, что соответствуетъ почти 24 шлюзамъ, для прохожденія которыми нужно 2 часа, считая по 5 минутъ на шлюзъ. Плаваніе совершается по 4 лье въ часъ, и отъ этого увеличивается оно только $\frac{1}{6}$ частью.

Однимъ словомъ: во всякомъ случаѣ, не будемъ спорить, чтобы поспѣшныя и простые пароходы по рѣкамъ могли замѣнить паровозы по желѣзнымъ дорогамъ, или заступитъ ихъ мѣсто, даже временно, но примемъ также въ уваженіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, каналы и рѣки могутъ оказать дѣйствительную пользу перевозкою пассажировъ, и въ этихъ случаяхъ полезно и важно для насъ ихъ употребленіе.

Слѣдовательно, если справедливо, что для перевозки людей всѣхъ званій, безъ исключенія, богатыхъ и бѣдныхъ, особенно для большого числа проѣзжихъ, судоходные пути и особенно рѣки, могутъ дать значительную выгоду въ настоящемъ, и временно замѣнить желѣзныя дороги, между тѣмъ, какъ желѣзныя дороги, кажется, не могутъ никогда замѣнить рѣкъ и каналовъ собственно для тор-

говли, т. е. для перевозки товаров, и следовательно, для прямого развития народного богатства, если принять, что должно рыть каналы и совершенствовать рѣки даже и тогда, когда устроимъ мы всѣ главныя линіи желѣзныхъ дорогъ, если притомъ приведеніе въ дѣйствіе устройства большихъ дорогъ требуетъ еще разрѣшенія многихъ вопросовъ, касательно государственнаго управленія, и даже вообще политики, то не справедливо ли сказать, что мы не должны торопиться повсемѣстнымъ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, и надобно предоставить судоходству большую часть капиталовъ, которые можемъ употребить теперь на общественныя работы.

Еще разъ повторю: Франція должна имѣть желѣзныя дороги, и нынѣ же, она должна готовиться, чтобы пользоваться потомъ всѣми выгодами, которыми онѣ обѣщаютъ, начиная ихъ какъ можно скорее. Желѣзныя дороги, какъ говорилъ г. Легранъ въ прошедшемъ году, суть великіе пути просвѣщенія. Имъ предоставлено распространять его, съ увеличеніемъ средствъ для сношенія людей, а вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о просвѣщеніи, на насъ лежитъ священный долгъ дѣйствовать. Однакожь, не теряя изъ виду мѣста, которое назначено намъ въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія, не отвергая обязанностей нашихъ къ другимъ народамъ, и возможности исполнять ихъ съ учрежденіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, вспомнимъ также и то, что мы имѣемъ еще обязанности къ самимъ себѣ; что прежде нежели думать о томъ, какъ просвѣщать нашихъ сосѣдей, мы должны еще утверждать вещественное основаніе нашего собственнаго образованія. Мы употребили огромныя капиталы на устройство судоход-

ства по Франціи, которое должно быть самымъ доходнымъ предпріятіемъ. Въмѣсто того, чтобы отвѣтить его на будущее время, для обращенія всѣхъ нашихъ финансовыхъ средствъ и всей нашей дѣятельности къ другимъ предметамъ, болѣе увлекательнымъ своею новостію и политическою важностію, удержимъ себя, удержимъ на время нашу страсть къ нововведеніямъ, и покажемъ примѣръ, до сихъ поръ невиданный во Франціи: *сультель кончитъ что начали* (*sachons finir ce que nous avons entamé*).

Доннынъ справедливо говорили объ насъ, что мы удивительны въ началахъ каждаго дѣла, но что только и годимся для началъ. Кажется, что народный характеръ нашъ хочетъ теперь обогатиться новымъ качествомъ — мы приобретаемъ умъ послѣдовательный, дѣлаемся настойчивы. Въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, вмѣсто того, чтобы кидаться, очертя голову, на опасную стезю испытаній и военной пропаганды, мы занялись уничтоженіемъ внутренняго революціоннаго сумасшествія, леченіемъ ранъ, полученныхъ нами въ ссорѣ съ Европою и съ самими собою. Въ вещественномъ отношеніи, мы кончили, или возобновили твердою и рачительною рукою прежніе памятники. Дворцы, триумфальныя ворота монархіи и имперіи избавились отъ унижительной дощатой темницы подмостокъ, и выходи изъ развалинъ — дѣло давно неслыханное! — оканчиваются отдѣлкою. Что сдѣлали мы для искусствъ изящныхъ, постараемся совершить для полезныхъ искусствъ. Похвально возобновить Фонтенебло, поднять Версаль въ ея паденіи, но не довольно изглаживать въ королевскихъ

дворцахъ разрушенія , произведенныя революціоннымъ вандализмомъ.

Послѣдуемъ примѣру другихъ въ отношеніи свободы, щедрости и народности, въ мудромъ смыслѣ сихъ словъ; постараемся избавить большинство нашихъ единоплеменниковъ отъ ига нищеты, кончивъ дѣло , должствующее заставить процвѣтать въ высшей степени народную промышленность, и способствовать полному развитію благосостоянія во всѣхъ концахъ нашего отечества, однимъ словомъ — окончимъ судоходные пути во Франціи. Раздѣлимъ наши капиталы между ними и желѣзными дорогами, такъ, чтобы какъ можно скорѣе кончить первые по главнымъ направленіямъ, а послѣднія, въ нынѣшнее время, только тамъ, гдѣ онѣ необходимы, и гдѣ ничто не можетъ ихъ замѣнить. Мы гордимся именемъ *великой націи*, которое нѣкогда дало намъ Наполеонъ. Утвердимся въ томъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ Европы, нма великой націи принадлежить нація *мудрой и просвѣщенной*.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО НИГЕРУ,

НА ПАРОХОДАХЪ КУОРРА И АЛБУРКА, СЪ 1832-ГО
ПО 1835 ГОДЪ *.

Достоинъ замѣчанія, что часть свѣта, заключающая въ себѣ наибольшее количество памятниковъ образованности человѣческихъ обществъ самой отдаленной древности, продолжастъ и теперь вызывать любопытство чловѣка, почти удовлетворенное изысканіями въ остальныхъ частяхъ Земнаго Шара. Въ Африкѣ ссть надписи, свидѣтельствующія торжество Египетскихъ Фараоновъ за *четыре тысячи лтъ*, надъ Эоіопскими племенами, обитавшими далеко на югъ отъ нихъ, при соединеніи Бѣлой и Синей рѣкъ. Въ нынѣшнее время, можетъ быть, мы имѣемъ объ Эоіопскихъ племенахъ болѣе свѣдѣній, нежели Фараоны Египетскіе, но все еще какъ темны, неопредѣленны, неподвижны и загадочны по-

* Статья изъ Edinburgh Review (Январь, 1858 г.). Здѣсь увидятъ читатели подробный отчетъ о послѣднемъ путешествіи въ западную Африку, описаніе котораго издано въ концѣ прошлаго года Макъ-Грегоромъ Лердомъ и Р. А. К. Ольдфилдомъ, участвовавшими изъ всѣхъ начальниковъ сей экспедиціи (Narrative of an Expedition into the inferior of Africa, by the river Niger, in the Steam-Vessels Quorra and Alburkah, in 1832, 1833, and 1834, by Mac-Gregor Laird R. A. K. Oldfield, surviving Officers of the Expedition, Лондонъ, 1837 г. 2 т. in 8). *Ред. С. О. и С. А.*

знанія наши объ Африкѣ, если сравнить ихъ съ тѣми, до которыхъ умъ человѣческій добрался въ остальныхъ частяхъ Земнаго Шара. Не болѣе трехъ съ половиною столѣтій прошло со времени открытія Новаго Свѣта. Спусти пятьдесятъ лѣтъ послѣ этой великой въ исторіи человѣчества эпохи, неизмѣримый материкъ Америки былъ уже обойденъ мореплавателями со всѣхъ сторонъ; берега его были описаны съ такою точностью, до какой только возможно было достигнуть, при тогдашнемъ несовершенствѣ геодезическихъ средствъ и необработанности наукъ. Вездѣ завелись Европейскія колоніи, засѣвая сѣмена просвѣщенія, такъ, что дѣйствительно *Новый Свѣтъ* возсталъ изъ хаоса, въ который было погружено все это пространство. Какъ различна отъ этого участь Африки! Страна свѣта, бывшая просвѣщенной за пять тысячъ лѣтъ, забыта остальнымъ міромъ, и даже теперь свѣдѣнія объ ней весьма ограничены.

Очевидная причина незнанія Африканскаго материка есть самая природа страны, представляющая, въ мѣстахъ, наиболѣе возбуждающихъ любознательность Европейцевъ, препятствія, хотя не непреодолимыя, но все таки достаточныя для того, чтобы истощить обыкновенныя средства путешественниковъ, и отвратить отъ трудовъ, на которые рѣшается человѣческое любопытство. — Неизмѣримая песчаная пустыня, расширяющаяся на разстояніе отъ шести сотъ до тысячи географическихъ миль, лежитъ отъ Атлантическаго Океана до Чермнаго Моря; горючіе пески перерѣзываетъ здѣсь только узкая Нильская долина. Переходъ такого огромнаго пространства, покрытаго гибельными песками, не представляющими ни убѣжища, ни пищи, ни воды, чрезвычайно затруднителенъ, даже въ нынѣшнее

время; но встарину, прежде нежели порода верблюдовъ расплодилась на западъ такъ далеко, какъ нынѣ, эти ужасныя степи были почти непроходимы. Нынѣшніе географы, въ оправданіе своихъ недостаточныхъ свѣдѣній объ Африкѣ, приводятъ, между другихъ причинъ, и самое варварство жителей; но такое оправданіе не заслуживаетъ быть уваженнымъ. Дѣло въ томъ, что туземцы, которыхъ выставляютъ столь опасными при географическихъ изслѣдованіяхъ, съ давнихъ временъ были главнымъ товаромъ просвѣщенныхъ націй, имѣвшихъ случай съ ними сближаться. Тѣ же физическія преграды, которыя останавливали чужестранцевъ, пыгавшихся проникнуть во внутренность Африканскаго материка, осудили на варварство и природныхъ жителей, лишивъ ихъ возможности имѣть сношеніе съ подобными себѣ существами. Отъ того общность черныхъ жителей Африки оставалась въ закостенѣніи; мѣстность ихъ ограничивалась только жаркимъ поясомъ, гдѣ могущественное вліяніе природы не могло быть останавливаемо слабыми трудами безсильнаго искусства.

Не должно думать, чтобы Древніе имѣли какое нибудь понятіе о странѣ, находящейся къ югу отъ Сагары, или Великой Степи. Геродотъ ясно говоритъ, что Либія простирается на югъ неизмѣримыми степями. Назамоны, кочуя на западъ, прошли черезъ эту пустыню и добрались до рѣки, очевидно Нигера, или Нигира, послѣдующихъ писателей. Страбонъ, Плиній, и ихъ послѣдователи, сказываютъ, что Нигритяне, получившіе свое названіе отъ этой рѣки, были расположены между Гарамантомъ и Гетуліею, т. е. между Феццаномъ и Марокко. Наконецъ, Птоломей весьма ясно относитъ истокъ Нигера къ Атласовому хребту, соединяя, по соображеніямъ, свойствен-

нымъ первобытной систематической географіи, всѣ рѣки вытекающія изъ южной стороны этого хребта, въ одинъ большой потокъ. На берегахъ этой-то рѣки, полагаетъ онъ *Nigira Metropolis*, которымъ новѣйшіе географы согласились почитать Тимбукту. Они, между прочимъ, допускаютъ, что Птоломей можетъ быть и забылъ о Великой Степи: странно видѣть подобную критику отъ людей, которые сълюбили вѣрять между тѣмъ точности опредѣленныхъ Птоломеемъ широтъ и долготъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда посредствомъ ихъ можно доказать свои собственные предположенія и догадки!

Сочиненія Греческихъ и Римскихъ географовъ были странно перетолковываемы, когда болѣе новѣйшіе писатели приводили ихъ въ доказательство своихъ мнѣній на счетъ Африки и Нигера. Если бы мѣсто и планъ нашей статьи дозволяли подобное отступленіе, мы представили бы читателю собственныя слова древнихъ писателей, доказывающія, что они полагали Нигерь на сѣверной сторонѣ Великой Степи. Мы удовольствуемся приведеніемъ только двухъ мѣстъ. Плиній, въ котораго глубоко вѣрують всѣ, полагающіе Нигерь Древнихъ на южной сторонѣ Сагары, или Великой Степи, рассказываетъ (полагаясь на авторитетъ короля Юбы), что Нигерь уходитъ въ пески, и потомъ выходитъ изъ нихъ опять рѣкою, называемою Ниломъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ начинается это извѣстіе: «Нилъ» говоритъ Плиній, «вытекаетъ изъ Нижней Мавританіи, недалеко отъ моря.» Этотъ же писатель довольствуется тѣмъ, что приводитъ Гомера, въ доказательство, что за Великою Степью обитали Эѳіопы, или Черныя. Страбонъ выражается такъ: «Племена, обитающія въ Либіи (т. е. въ степи), весьма мало извѣстны; они рѣдко посѣщаются иностранцами, а

малое число приходящихъ къ намъ тамошнихъ туземцевъ доставляютъ весьма недостаточныя и часто невѣрныя свѣдѣнія. Вотъ вся сумма собранныхъ отъ нихъ извѣстій: самый отдаленный къ югу народъ называютъ они Эѳіопами (или Черными); ниже этихъ, т. е. ближе къ сѣверу, самыя замѣчательныя племена суть Гараманты, Фарузи и Нигри-тиле, а еще ближе къ сѣверу обитаетъ племя Гетули.» Наша выписка очевидно показываетъ различіе между Нигриціей, или страной Нигера, и между землями Эѳіоповъ, или Черныхъ, расположенныхъ далѣе на югъ.

Въ седьмомъ вѣкѣ, Арабы являются первыми дѣйствующими лицами на сценѣ Африканской географіи. Одушевленные религіознымъ фанатизмомъ, они завоевали Египетъ, и отсюда побѣды ихъ быстро распространились на югъ и западъ. Рожденные и вскормленные въ степи, привыкшіе съ малолѣтства къ лишеніямъ, и знакомые по опыту съ потребностями кочевой жизни, они легко направились по безслѣднымъ песчанымъ пустынямъ, столь страшнымъ для жителей Греціи и Италіи. Арабы въ краткое время проникли до Беръ-эсъ-Судана, т. е. до страны Негровъ, или Черныхъ; мы и теперь считаемъ, что открытіемъ сихъ странъ наука обязана собственно имъ. Даже въ нынѣшнее время, послѣ необычайныхъ усилій разсвѣять мракъ, покрывающій центральную Африку, послѣ потери нѣсколькихъ людей, погибшихъ для распространенія тамъ свѣдѣній даже нынѣ, многія темныя мѣста наполняются единственно изъ того, что намъ передали Арабскіе писатели.

Имѣя верблюдовъ, и привыкнувъ съ самого рожденія къ кочевой жизни, Арабы могли бы лучше всѣхъ пройти и описать всѣ сѣн, почти непрохо-

димья для Европейца степи, но, къ сожалѣнiю, писатели Аравiйскiе имѣютъ мало достоинствъ. Часто они сухи и темны, и проходятъ въ нѣсколькихъ словахъ предметы величайшей занимательности. Между прочими ихъ недостатками, мы остановимся только на одномъ: они рабски слѣдовали Птоломею, и подражали ему, тогда, какъ сами они имѣли случай и возможность исправить его погрѣшности. Кромѣ того, они часто приводили его мнѣнiя, не показывая между тѣмъ источника, изъ котораго ихъ почерпнули. Такимъ образомъ, полагавшiеся на нихъ, какъ на очевидцевъ, оставались въ заблужденiи, ибо не рѣдко Аравiйскiе писатели были только повторителями сказаннаго прежде нихъ. Въ числѣ названiй, замѣтovanýchъ отъ Птоломея, видимъ мы у Арабовъ, между прочимъ, и Нигиръ. Такъ называли они всѣ большiя рѣки, попадавшiеся имъ въ Нигрици. Въ семь случаевъ, по своему невѣжеству, они предполагали, что всѣ большiя рѣки центральной Африки, о которыхъ они получили понятiе, но устья и истоки которыхъ были имъ неизвѣстны, что всѣ эти рѣки соединились въ одинъ обширный потокъ, протекавшiй отъ Сенегала до Египетскаго Нила, и называвшiйся Нигеромъ.

Пока географiя центральной Африки была покрыта неизвѣстностью, заблужденiя слишкомъ ревностнаго любопытства людей, отыскивавшихъ Нигеръ, и не находившихъ его, были еще извинительны. Дурно понятые авторитеты древнихъ писателей, и чудесность самой рѣки, соединившей, какъ полагали, воды западной Африки съ Ниломъ, одного этого было достаточно, чтобы располагать къ легковѣрiю. Но теперь мракъ рассеянъ. Мы знаемъ, что большая рѣка Нигрици, *Куорра* (Quorra), не уходитъ въ пески, не соединяется съ Египетскимъ Ниломъ, и не

имѣть ни малѣйшаго сходства съ Мавританскою рѣкою, о которой упоминаютъ древнiе писатели. Теперь мы не можемъ удержаться отъ улыбки, когда видимъ на первомъ листѣ описанiя послѣдняго и новѣйшаго путешествiя по рѣкѣ, впадающей въ Бенинскiй заливъ, слѣдующее заглавiе: --- «Экспедициа во внутрь Африки по рѣкѣ *Нигеру*» (an expedition into the interior of Africa by the river Niger).

Сомнѣнiе на счетъ точности свѣдѣнiй Древнихъ о центральной Африкѣ, было также въ числѣ причинъ, побудившихъ новѣйшихъ географовъ пускаться на открытiя въ сiю часть свѣта. По тому то, равно какъ и для предупрежденiя читателя отъ превратнаго принятiя названiя рѣки Нигера, изложили мы предъидущiя замѣчанiя. Теперь сдѣлаемъ краткiй обзоръ главныхъ новѣйшихъ открытiй въ Африкѣ, и ими перейдемъ къ экспедици г. Лерда.

Открытiя Португальцевъ вдоль Гвинейскаго берега, въ пятнадцатомъ столѣтiи, естественно направляли вниманiе географовъ на внутренность неизвѣстнаго материка, и потому они ревностно старались собирать возможные объ немъ свѣдѣнiя. Нѣкоторые искатели приключенiй проникли на значительное разстоянiе вверхъ, и одинъ Португалецъ, по имени Фернандесъ, шелъ почти тѣмъ же путемъ, по которому въ послѣдствiи направилъ свои изысканiя Мунго Паркъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, открытiя, сдѣланныя на берегахъ, омываемыхъ океаномъ, повели бы изслѣдователей и во внутрь Африки, такъ, что въ непродолжительномъ времени материкъ былъ бы весь описанъ. Но ходъ происшествiй внезапно увлекъ любопытство Европейскаго мiра совершенно въ другую сторону. Открытiе пути въ Индiю мимо Мыса Доброй Надежды, и вскорѣ потомъ открытiе Америки, совершенно овладѣли

умами Европейцевъ, до такой степени, что всѣ открытія меньшей важности, или даже меньшей занимательности, были упущены изъ виду, и совершенно помрачены великостью и блистательностью новыхъ открытій въ другихъ мѣстахъ. Всѣ взоры, страсти и ожиданія устремились на Индію — сперва Восточную, потомъ на Западную, и любопытство длилось съ неохладавшимся энтузіазмомъ. Всеобщая горячка, которой нѣтъ другаго примѣра въ исторіи, быстро распространила добровольную колонизацію по всему пространству новооткрытыхъ земель, тогда, какъ небольшіе только гарнизоны, необходимые для удержанія Португальскихъ владѣній по берегамъ Африки, набирались съ большими издержками. Но второстепенный характеръ Африканскихъ колоній былъ совершенно утвердился, когда важность ихъ начала заключаться только въ невольникахъ, поставляемыхъ отсюда въ плантаціи новоустроенныхъ колоній запада. По мѣрѣ распространенія безчеловѣчной торговли Неграми, Африканскія колоніи Португальцевъ совершенно теряли уваженіе и привязанность туземцевъ. Тщательно посявая раздоръ, и ослабляя, и безъ того уже слабыя узы Африканской общественности, Португальцы возвратили ихъ сами въ состояніе совершеннаго варварства, изъ котораго они только что начинали выходить. Такимъ образомъ, бѣлые, разливая вокругъ себя нравственный ядъ, взушили источники своихъ собственныхъ богатствъ.

Не будемъ долго останавливаться на сравненіи Португальскихъ колоній въ Африкѣ и въ Новомъ Свѣтѣ, куда бросились всего больше искатели приключеній. Роскошь даровъ природы на Африканскомъ берегу, подъ экваторомъ, едва ли уступаетъ Америкѣ. Въ Софалѣ (Sofala), на берегахъ Зам-

бези (Zambesi), и въ нѣкоторыхъ частяхъ Анголы (Angola), почва земли неистощимо плодородна. Страна за Софалой всегда славилась своимъ золотомъ, этимъ великимъ двигателемъ человѣческихъ страстей; однимъ словомъ, изъ описаній первыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ всѣ сѣн страны, мы видимъ, что восторгъ ихъ при видѣ роскоши природы въ странахъ Африки, между тропиками заключающихся, былъ ни сколько не меньше того, которымъ дышать первыя описанія Южной Америки. Почему же столько тысячъ людей кинулись на берега Нового Свѣта, забывъ совершенно сѣбѣ Африкѣ? Главною причиною, безъ сомнѣнія, было то, что всеобщій энтузіазмъ, направляясь изъ одного отдѣленнѣйшаго конца Земнаго Шара въ другой, не хотѣлъ останавливаться на предметахъ, бывшихъ болѣе подъ рукою. Въ то время, когда каждый искатель приключеній думалъ только о завоснаніи цѣлыхъ царствъ, не помышляя нисколько о требующихъ труда и занятія плантаціяхъ, въ то время, частныя усилія не могли ничего сдѣлать; всякое движеніе слѣдовало по направленію, взятому народною предприимчивостью. Если бы берега Африки остановили на себѣ пылкое вниманіе, и привлекали къ себѣ ежегодно шайки горячихъ головъ, предводительствуемыхъ выкидышами угасающаго рыцарства, безъ сомнѣнія, не нашлось бы ни физическихъ, ни моральныхъ преградъ, достаточно сильныхъ остановить такой бурный потокъ. Тогда, въ продолженіе тридцати, или сорока лѣтъ, духъ предприимчивости, направившій Испанцевъ черезъ Анды, и одушевлявшій Франциска Ореллана въ путешествіи по Амазонской рѣкѣ, тотъ же духъ направилъ бы открывателей и во внутрь Африки, и все огром-

ное, неизвестное намъ пространство внутренности Африканскаго материка, было бы давно уже описано.

Но время энтузіасма прошло, и намъ теперь кажется даже непонятнымъ это упорство, съ какимъ люди рѣшались переносить ядовитый воздухъ равнинъ Вера-Круса, или жить въ безконечныхъ Парагвайскихъ лѣсахъ. Между тѣмъ, центральная Африка все еще остается неизвѣстною, а мы, забывая на что человекъ прежде рѣшался, что онъ былъ въ состояніи прежде сдѣлать, и что сдѣлать, мы, недвижимые ни какою особенною страстью, заключаемъ, что дальнѣйшія открытія въ этой части свѣта невозможны и бесполезны.

Случай, внѣшнія обстоятельства и особенности Африканской природы, отвратили отъ этого материка духъ Европейской предприимчивости шестнадцатаго вѣка. Нѣкоторыя причины особенно уменьшили общее любопытство. Между ими нельзя пропустить безъ вниманія слѣпаго вѣрованія въ авторитетъ древнихъ. Когда Португальцы проникли въ самую отдаленную часть Абиссиніи, они не могли не замѣтить, что еще далеко не добрались до описанныхъ Птоломеемъ источниковъ Нила. На восточномъ берегу Африки разсказывали имъ объ огромномъ, находящемся во внутренности материка озерѣ, изъ котораго вытекаетъ множество рѣкъ; на западномъ берегу слышали они подтвержденіе этого же показанія. Не мудрено, если они должны были заключить, что озеро, о которомъ говорили имъ съ такою увѣренностью на обихихъ оконечностяхъ материка, было восточнымъ источникомъ Нила, упоминаемымъ у Птолемея. Въ слѣдствіе сего, они

ни сколько не задумались соединить свои открытія по берегамъ съ географическими опредѣленіями Птолемея о центральной Африкѣ. Такимъ образомъ составлялась въ шестнадцатомъ столѣтіи первая географическая карта Африки, совершенно полная, гдѣ главныя ея невѣрности считались неопровержимыми истинами. Всѣ рѣки, протекающія по материкъ, выходятъ изъ одного общаго источника, озера Замбре (такъ называли внутреннее море). Абиссинія, Мономотапа и Конго составили одно большое царство, и ни одинъ пробѣлъ, который могъ-бы остановить на себѣ любопытство, не оставался на картѣ незанятымъ.

Иезуитскіе миссіонеры въ Абиссиніи, изъ которыхъ многіе были люди съ свѣдѣніями, имѣли также мало понятія объ огромномъ пространствѣ неизвѣстныхъ Африканскихъ земель. Со всевозможною важностью, они утверждали, что соль, вывозимая отъ западной границы Абиссиніи, доставляется въ Тимбукту и страну Ялоффовъ.

Въ срединѣ семнадцатаго столѣтія, одинъ изъ миссіонеровъ въ Конго (патеръ Бонавентура Алессано), рѣшился путешествовать изъ Конго въ Абиссинію, черезъ внутренность Африки; онъ умеръ отъ лихорадки, только что получивъ позволеніе изъ Рима. Вотъ еще рѣзкій примѣръ ложныхъ понятій того вѣка на счетъ центральной Африки — это отрывокъ изъ письма Англійскаго Короля Іакова I къ Абиссинскому царю. Манускриптъ этотъ находится въ Британскомъ Музеумѣ, между собранными Сиръ Робертомъ Коттономъ рукописями; по слогу и духу письма можно, кажется безошибочно, сказать, что оно было диктовано самимъ ученымъ монархомъ. Главное желаніе Англійскаго Короля со-

стояло, кажется, в томъ, чтобы рекомендовать царю какого-то Роберта Джуниуса (Robert Junius), вероятно, того самого, который, в началъ семнадцатаго столѣтія, жилъ на островѣ Формозѣ, и старался, какъ говорили Иезуиты, передать свою ересь туземцамъ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ счастливыхъ протестантскихъ миссіонеровъ на Востока — обстоятельство, достаточное для пріобрѣтенія благосклонности Иакова I-го. Впрочемъ, что послѣ возвращенія Джуниуса съ Формозы, набожный Король вздумалъ отправить его для богоугодной цѣли въ Абиссинію. Письмо начинается напыщеннымъ объявленіемъ, что какое-то тайное побужденіе заставляетъ короля отправить посла къ его Абиссинскому величеству, отъ границъ Океана къ истокамъ Нила, изъ хладнаго Сѣвера на отдаленный Югъ, изъ Британіи въ Эіопію, и проч. и проч. Послѣ длиннаго вступленія, наполненнаго высокопарными привѣтствіями, Король приступаетъ наконецъ къ настолицей цѣли, и проситъ, чтобъ его подданнымъ было дозволено посѣщать всѣ области Абиссинскаго царства, селиться въ нихъ, торговать и заниматься законными промыслами. Послѣ путешествій въ Турцію, Персію, Китай и объ Индіи, установивъ между Востокомъ и Западомъ торговыя сообщенія, Его Британское Величество желаетъ, чтобы подданные его соединили коммерческими сношеніями и Сѣверъ съ Югомъ. Потомъ, Король проситъ Его Абиссинское Величество не оставить уведомленіемъ, какіе именно товары нужны всего подвластнымъ ему народамъ; онъ предлагаетъ ему сабли, ружья, пушки, сукна лучшей доброты, и разныя тому подобныя вещи. Болѣе же всего желаетъ онъ, чтобы Роберту Джуниусу было дозволено ос-

мотрѣть знаменитую бібліотеку на горѣ Амгарѣ, и составить каталогъ всѣхъ находящихся тамъ книгъ и рукописей, и въ особенности твореній святыхъ отцовъ Христіанской Церкви (объ этой баснословной бібліотекѣ говорили, что она состояла изъ книгъ и рукописей, спасенныхъ изъ Іерусалима, Александріи, Константинополя и Антіохіи). Но вотъ самое характеристическое мѣсто изъ всего письма: «Послику наши подданные не могутъ торговать съ вашими берегами, по причинѣ трудности пути, большаго пространства Великой Степи, разстояній между городами, и проч., то не льзя ли въ отвѣтъ Вашего Абиссинскаго Величества объяснить въ подробности, какимъ образомъ помочь такому неудобству, и какимъ путемъ наши корабли могутъ безопасно къ вамъ приходиться: отъ запада ли, по рѣкѣ Заирѣ, въ Маниконго, или отъ востока, по Квилону, въ Мозамбикъ?» — Изъ этого можемъ ясно видѣть, что въ началъ семнадцатаго столѣтія Европейцы чувствовали гораздо менѣе свое невѣжество на счетъ внутренности Африканскаго материка, нежели мы чувствуемъ его теперь.

Долгое время, всеобщее жадное любопытство обращалось на Тимбукту, прославленный множествомъ золотого песку. Торговля его упала, по мѣрѣ возвышенія коммерческой важности Гвинейскаго берега. Въ глазахъ Европейцевъ, относительная важность Тимбукту склонилась еще скорѣе, нежели истинная, отъ быстрого развитія торговли съ Индією и Новымъ Светомъ. Между тѣмъ, по причинѣ перемѣнчивости направленія человѣческихъ идей, которая безпрерывно возвращаетъ назадъ брошенные понятія, Тимбукту сдѣлался въ новѣйшее время опять важнымъ торговымъ пунктомъ. Послѣ

многих лѣтъ, протекших съ тѣхъ поръ, какъ Тимбуку потерялъ важность въ глазахъ Европейцевъ, болѣе просвѣщенные изыскатели, въ особенности Англичане, направили всѣ свои усилія на два главныхъ пункта — *Тимбуку* и *Нигеръ*. Разумѣется, что попытки рѣшить эти затруднительные географическіе вопросы, получивъ свое начало отъ торговыхъ спекуляцій, должны были встрѣтить множество препятствій. Неопытные изслѣдователи увидѣли множество самыхъ неожиданныхъ преградъ. Затрудненія произвели надъ географами то же дѣйствіе, какое производили сысканіе квадратуры круга и раздѣленіе угла на три равныя части на математиковъ. Но упорство, даже въ ложной системѣ, никогда не бываетъ совершенно безуспѣшно. Денгамъ и Клаппертонъ, проходя степью отъ Триполя, достигли Борну (Bornou) въ Нигриціи. Впрочемъ, оба сн путешественника были весьма неточны въ астрономическихъ observaціяхъ. Мы имѣемъ причину полагать, что страны, посвященныя ими, означены на нашихъ картахъ, по крайней мѣрѣ, однимъ градусомъ восточнѣе своего настоящаго положенія.

Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя Клаппертономъ отъ Феллатскаго султана (the Fellatah Sultan), въ Соккату, утвердили его въ мнѣніи, что Великая Рѣка внутренней Африки, Куорра (Quorra), склоняется къ морю и впадаетъ въ Беннискій заливъ. Потому, во второй своей экспедиціи, онъ направился изъ Бадагри, находящагося на Невольничьемъ берегу, къ сѣверовостоку, перешелъ Куорру близъ Буссы (Boussa), (гдѣ погибъ Мунго Паркъ, спустившись внизъ по рѣкѣ отъ Сего), и прибылъ къ Соккату (Soekatoo). Тамъ вскорѣ онъ умеръ. Между тѣмъ, изысканія

его, и служителя его, Ландера, не оставили ни какого сомнѣнія на счетъ теченія искомой рѣки. Въ слѣдствіе сего, Ландеръ, пріобрѣтя о странѣ достаточныя свѣдѣнія, былъ посланъ снова для окончательнаго опыта. Отправясь водою изъ Буссы, онъ спустился благополучно по Куоррѣ, и послѣ множества приключеній, достигъ наконецъ до моря, по Нунскому рукаву (the Nun branch).

«Неудивительно покажется,» говоритъ г. Лердъ, въ описаніи своей экспедиціи, «что блестящее открытіе Ландера возбудило болѣе энтузіазма между кушцами, нежели между учеными. Долго отыскиваемый, путь въ центральную Африку былъ наконецъ найденъ, и сообщеніе по Нигеру оказалось столь же удобнымъ и легкимъ, какъ по Рейну, Дунаю, Миссиссиппи и Орепоко. Торговой предприимчивости открылось послѣ того безграничное поприще, фабриканту обширній сбытъ его произведеній, а нѣжности и энергіи молодости представилась непреодолимая прелесть повизны, опасностей и приключеній.» (Ч. I. стр. 2.)

Исчисливъ человѣческія и религіозныя побужденія, заставившія его рѣшиться на экспедицію вверхъ по рѣкѣ Куоррѣ, г. Лердъ продолжаетъ:

«Движимые подобными чувствами и расчетами, я и нѣсколько почтенныхъ Ливерпульскихъ гражданъ, рѣшились составить компанію, главнымъ предметомъ которой было открытіе прямаго сообщенія въ центральную Африку. Если экспедиція будетъ удачна, то предположено было, при соединеніи Тшадды и Нигера, устроить прочное складочное мѣсто для товаровъ и разныхъ продуктовъ, которые будутъ привозиться изъ внутреннихъ странъ Африканскаго материка.» (Ч. I. стр. 4.)

Ландеръ охотно принялъ предложеніе отправиться въ эту новую экспедицію. Онъ обнадежилъ компанію, что дѣйствительно слоновая кость, индиго и другіе цѣнные товары, могутъ быть, съ маловажными издержками, добыты въ какомъ угодно коли-

чествъ. Рѣшили построить и свардить два рѣчные парохода, чтобы на нихъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, тогда, какъ парусное судно будетъ стоять подмъ устья, для пріема отвознаго груза. Пароходъ большаго размѣра, «Куорра», былъ длиною въ 112 футовъ, съ машиною въ сорокъ лошадиныхъ силъ. Меньшій пароходъ «Албурка» (вѣрнѣе, *Албарака*, Арабское, а не Гусское слово, какъ полагаетъ г. Лердъ, означающее *удагу*), имѣлъ только 70 футовъ длины, и шестнадцать силъ; пароходъ этотъ долженъ еще былъ показать собою весьма смѣлый опытъ: за исключеніемъ палубъ, корпусъ его былъ весь составленъ изъ листовъ кованаго желѣза.

«Мы,» продолжаетъ г. Лердъ, «были совершенно убѣждены въ неопытности сего парохода для рѣчнаго плаванія, и насъ приводило въ сомнѣніе только одно — выдержать ли онъ качку перехода въ четыре тысячи миль, по открытому морю? Окончаніе нашего плаванія прибавило, къ множеству другихъ, еще одно доказательство, что теорія, основанная на точныхъ, доказанныхъ правилахъ науки, можетъ быть смѣло приложена къ практикѣ, даже противъ совѣтовъ и мнѣній тѣхъ, которые считаются людьми достаточно опытныхъ. Ни надъ чѣмъ столько не смѣлясь, какъ надъ повосоставившеюся компаніею, когда нашъ желѣзный пароходъ снаряжался для путешествія въ Африку. Утверждали, съ величайшею важною, что качка, во время перехода по океану, раздергаетъ всѣ скрылепія парохода; что жаръ тропическаго солнца, долженъ заживо испечь несчастный экипажъ, имѣвшій глупость отправиться въ такой желѣзной печкѣ, и что первый ураганъ (*tornado*) разсыплетъ молніями на борты судна, которые должны очевидно привлекать къ себѣ электрическую матерію. Что же оказалось на дѣлѣ? Наперекоръ всемъ этимъ мудрымъ предположеніямъ, скрылепія парохода и теперь на своихъ мѣстахъ, и во все время путешествія не было даже дюйма воды въ льяхъ; во вторыхъ, такъ какъ пароходъ былъ выстроенъ изъ желѣза, хорошаго проводника теплоты, то надводная часть его бортовъ, разо-

грѣтая жаромъ тропическаго солнца, должна была охлаждаться температурой воды, въ которой находилась подводная часть, и наконецъ, по тѣмъ же причинамъ, молніи урагановъ были надъ нимъ безсильны; онъ только скользя по его бортамъ.» (Ч. I, стр. 6.)

Экспедиція, состоявшая, изъ двухъ пароходовъ, и *Колумбины*, брига въ 200 тоннъ, вышла изъ Ливерпуля 19-го Іюля 1832 года. На одномъ изъ пароходовъ отправился лейтенантъ королевскаго флота Алленъ; Адмиралтейство просило компанію принять его для описи рѣки. Немногіе Англійскіе купцы откажутся исполнить такую просьбу, и тѣмъ болѣе, что главная цѣль ея обща польза. Между тѣмъ, мы не можемъ понять, почему г. Лердъ вступается за компанію, дозволившую отправленіе лейтенанта Аллена съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ не объявлялъ никому результатовъ путешествія, безъ особеннаго дозволенія компаніи. Изъ словъ г. Лерда мы можемъ видѣть, что компанія хотѣла, повидимому, дѣйствовать независимо отъ Адмиралтейства, и одна воспользоваться большими выгодами. Передъ снятіемъ съ якоря, экипажъ парохода Куорры былъ вызванъ наверхъ; все это были отборные люди. «Можно ли было думать,» замѣчаетъ г. Лердъ, «вида атлетическія формы и, повидимому, крѣпкое здоровье этихъ молодцовъ, что черезъ шѣсколько мѣсяцевъ только я и еще трое изъ всѣхъ моихъ спутниковъ останемся въ живыхъ»...

Хотя происшествія, случившіяся во время морскаго плаванія, и не должны входить въ составъ нашей статьи, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣкоторыя, замѣчательнѣйшія, во время пути экспедиціи до Бенина.

Плохія мореходныя качества Куорры оказались

въ скоромъ времени; это, и необходимость придерживаться около берега для добыванія топлива, безпрестанно задерживали плаваніе. Но подобныя препятствія, вмѣсто того, чтобы подавлять бодрость, напротивъ еще сильнѣе возбуждаютъ ее. Нѣсколько лѣтъ тому, небольшое судно въ двадцать тоннъ, сдѣлало переходъ изъ Лондона къ Мысу Доброй Надежды съ двумя только матросами и юнгою. Въ Праѣ, между Островами Зеленаго Мыса, г. Лердъ встрѣтился съ Американскою шкуною малаго размѣра, и былъ пораженъ смѣлостью этихъ людей, рѣшившихся идти черезъ Атлантическій Океанъ на суднѣ, управляемомъ только двумя матросами и двумя юнгами. На Островахъ Зеленаго Мыса свирѣпствовалъ тогда голодъ, и Американскій Капитанъ хотѣлъ «лизнуть домой» (to slick home) за грузомъ Индѣйскаго пшена, отъ котораго онъ *разсчитывалъ* * получить большія выгоды, если только люди будутъ продолжать здѣсь по прежнему умирать съ голоду.»

Г. Лердъ свидѣтельствуеъ о достоинствахъ Круменовъ (the Kroomen), замѣчательнаго племени черныхъ прибрежныхъ жителей мыса Пальмастъ, изъ которыхъ весьма многіе служатъ на Англійскихъ судахъ, плавающихъ около береговъ Гвиней. Страна ихъ бѣдна, и потому они ищутъ себѣ работы въ Сиерра-Леоне, и служба дровосѣками, или матросами, стараются накопить себѣ по возможности денегъ, для того, чтобы возвратиться потомъ на родину, обзавестись женами и жить въ праздности.

Американская колонія *Либерія*, близъ мыса Мезурадо, основанная собственно для свободныхъ негровъ,

* «I guess» «я догадываюсь», «I calculate, я разсчитываю — любимыя выраженія Северо-Американцевъ. *Прим. Лер.*

подвергается отъ г. Лерда, кажется, слишкомъ строгому осужденію. По его мнѣнію, колонія эта основана не изъ челоуѣколюбія, но собственно съ тою цѣлью, чтобы избавить Соединенные Штаты отъ излишняго населенія негровъ.

Онъ утверждаетъ, что Американскіе свободные негры были сперва доведены до отчаянія разными жестокостями и притѣсненіями, а потомъ, когда имъ описали Либерію земнымъ раемъ, они, разумѣется, бросились туда съ радостью. Эти свѣдѣнія собралъ онъ отъ мулатта, который жаловался г. Лерду, что его, подъ какими то ложными предлогами, уговорили поселиться въ новоустроенной колоніи. Авторъ нашъ, приписывая намѣреніямъ простаго желанія добра самые черные замыслы, долженъ былъ знать, что большая часть колонистовъ вообще, въ продолженіе первыхъ лѣтъ своего жительства въ новыхъ поселеніяхъ, всегда жалуется, что или сами они жестоко обманулись, или были обмануты другими. Организованное общество, каковы бы ни были его недостатки, заключаетъ между тѣмъ въ самомъ себѣ преимущество и выгоды, которыхъ не въ состояніи доставить самая роскошная, но грубая природа, и если, какъ утверждаетъ г. Лердъ, мѣсто новой колоніи было худо выбрано, или сама колонія худо расположена, то неуже ли причиной этому должно полагать какія нибудь непріятныя намѣренія? Развѣ все это не могло произойти отъ обыкновенной и естественной ошибки. Ни какое предвидѣніе со стороны основателей колоніи не могло бы спасти свободныхъ негровъ отъ тѣхъ неудобствъ, которыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ не избѣжали бы и Европейцы. Негры гораздо менѣе Европейцевъ способны бороться съ

разными препятствиями, тѣмъ болѣе, что разочарованіе не допускало ихъ здѣсь смотрѣть на свое положеніе съ должной точки зрѣнія, и понимать, что со времени ихъ переселенія, благосостояніе ихъ будетъ завистью соблавною отъ нихъ самихъ.

Мы смѣемъ сказать, что вольные негры Либеріи страдаютъ гораздо менѣе отъ естественныхъ неудобствъ своего новаго отечества, сколько отъ чувствъ и понятій, привезенныхъ ими съ противоположнаго берега Атлантическаго Океана. Конвенціональные понятія, какъ бы они хороши ни были тамъ, гдѣ они родились, бываютъ часто не ксатати, и даже вредны, когда ихъ пересажать на другую почву. Что бы, напримѣръ, сказали вольные обитатели Либеріи о своихъ черныхъ братьяхъ, живущихъ на мысѣ Кость-Кестль (Coast Castle), когда послѣдніе находятся въ положеніи, о которомъ даютъ понятіе слѣдующія слова:

« Въ день нашего прибытія, губернаторъ пригласилъ меня съ собою кататься въ его легкой коляскѣ. Когда читатель узнаетъ, что мы ѣхали четверней, онъ не долженъ воображать, чтобы насъ вели лошади: въ коляску губернатора были запряжены четыре негра, туземцы мыса, которые весело и весьма скоро, бѣжали рысью, по пяти миль въ часъ. Сначала меня поразило такое злоупотребленіе власти, но потомъ узналъ я, что жители наперерывъ стараются быть запряженными въ коляску губернатора, и что запряженные составляютъ предметъ зависти своихъ земляковъ. » (Ч. I, стр. 49).

Октября 26-го, послѣ труднаго и утомительнаго трехмѣсячнаго перехода, пароходъ Куорра пришелъ къ устью рѣки Нуна; вскорѣ присоединились къ нему и другія суда. Здѣсь, когда мы можемъ сказать, что экспедиція только что началась, первыя происшествія должны были возбудить уже самыя

мрачныя предчувствія. Капитанъ и машинистъ Куорры, захворавшіе на мысѣ Кость-Кестль, умерли вскорѣ послѣ того, когда пароходъ вошелъ въ рѣку Нунъ. Болѣзни съ тѣми же признаками обнаружились и на Албуркѣ. Сусанна, Ливерпульскій бригъ, стоявшій на якорѣ въ рѣкѣ, показывалъ горестный примѣръ здѣшняго климата. Бригъ стоялъ тамъ четыре мѣсяца, въ совершенной готовности итти въ море, но не могъ выйти, потому что большая часть экипажа умерла, а оставшіеся въ живыхъ были слишкомъ слабы, и не могли управлять судномъ. «Замѣчательно было,» говоритъ г. Лердъ, «что я вошелъ въ рѣку въ самый день моего рожденія, Не зналъ я, считать ли это добрымъ, или дурнымъ знакомъ, но признаюсь, не могъ удержаться отъ раздумья — гдѣ то мнѣ придется быть въ этотъ же день слѣдующаго года!»

Октября 26-го пароходы начали подниматься вверхъ по рѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, избѣгая отмелей главнаго рукава Нуна, они пробирались по побочнымъ отраслямъ рѣки, безпрестанно опасаясь измѣны своего лодмана. Страна по обоимъ берегамъ казалась пространнымъ болотомъ, покрытымъ мангиферами, капустникомъ и пальмовыми деревьями. Ни земли, ни даже грязи не было видно въ продолженіе перехода первыхъ тридцати миль — одни только мангиферы означали фарватеръ.

Туземцы — говоритъ г. Лердъ — казались весьма болѣзненными. Они были покрыты струпами, вередами, словомъ всякою злоюредною сыпью, что по моему мнѣнію, происходитъ, не столько отъ климата, сколько отъ образа ихъ жизни. Они спятъ всегда на открытомъ воздухѣ, пьютъ ужасное количество крѣпкихъ напитковъ, самаго дурнаго качества, и главная ихъ пища состоитъ изъ всѣхъ родовъ земноводныхъ и рыбъ, начиная съ аллигатора и до акулы. —

Вся страна кажется одним огромным разливомъ, и несчастные жители должны доставать себѣ пищу изъ Эбоэ; отсюда получаютъ они свои бананы, кассады (cassada) и плантаны.» (Ч. I, стр. 74.)

По мѣрѣ того какъ поднимались вверхъ по рѣкѣ, она являлась постепенно шире и шире, и наконецъ начали показываться величественныя Африканскіе дубы и дикія бумажныя деревья. До сихъ поръ малочисленное населеніе этой скудной страны показывало миролюбивое расположеніе, но вечеромъ 4-го Ноября, г. Лердъ получилъ отъ Ландера, бывшаго на Албуркѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ впереди Куорры, письмо, извѣщавшее его, что племя Эбоэвъ, заселявшее деревню, къ которой приближались, угрожало нападеніемъ на суда. Онъ просилъ г. Лерда принять мѣры осторожности. Этого намека было достаточно. На Куоррѣ тотчасъ зарядили всѣ огнестрѣльные оружія — но мы заставимъ самого автора рассказывать о происшедшемъ:

«Пока мы были заняты приготовленіемъ своихъ оружій, вдругъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; выйдя на палубу, мы тотъ часъ увидѣли, что завязалась довольно сильная перестрѣлка между Албуркою и туземцами, скрывавшимися въ кустарникъ праваго берега рѣки. Г. Ландеръ кричалъ мнѣ, что хочетъ воротиться, внизъ по теченію; я объявилъ ему, что хочу пройти между нимъ и огнемъ, и онъ тотчасъ же прислалъ ко мнѣ на пароходѣ Лунса, Эбойскаго лоцмана. Мы пустились въ ходъ, и лоцманъ провелъ Куорру на pistolетный выстрѣлъ отъ города. Я забавлялся хладнокровіемъ и приутовіемъ духа этого дикаря; онъ кое-какъ говорилъ по-Англійски, и я обещалъ ему прострѣлить черепъ, въ случаѣ, если онъ поставитъ насъ на мель, или вздумаетъ измѣнить. Африканецъ оскализъ свои бѣлые зубы и откинувъ одежду, показалъ мнѣ пару pistolетовъ; изъ этого въживаго намека я долженъ былъ заключить, что онъ ни сколько не расположенъ быть разстрѣлянь даромъ, не оплативъ кому нибудь также свинцовою монетою. Я приказалъ зарядить

пушки ядрами и картечью, и въ двадцать минутъ, мы заставили замолчать пальбу съ берега.» (Ч. I, стр. 85).

На слѣдующее утро непріязненныя дѣйствія возобновились, и Куорра открыла огонь изъ своего двадцати-четырехъ-фунтоваго и четырехъ четырехъ фунтовыхъ единороговъ. Но этого показалось недостаточнымъ; положили сдѣлать высадку и сжечь городъ. Г. Лердъ, какъ самъ онъ рассказываетъ, велъ нападающихъ. Высадка была сдѣлана на грязную отмель, вышиною около шести футовъ. «Жители безпокоили насъ выстрѣлами во все время этого дѣйствія, но, къ счастью, не сдѣлали ни какого вреда.» Крыши домовъ были зажжены, и плователи возвратились къ своимъ шлюпкамъ. Г. Лердъ, какъ мы сказали, довершилъ побѣду.

«Сильное противное теченіе задержало шлюпку съ Албурки, и потому г. Ландеръ не успѣлъ присоединиться къ намъ во время атаки; онъ пришелъ на помощь послѣ.»

Если Ландеръ, какъ рассказываетъ нашъ авторъ, не торопился на поле битвы, за то показалъ большую побѣднность оставить его.

«Я отправился на Куорру,» говоритъ г. Лердъ, «и замѣтилъ, что одинъ изъ людей Албурки стоялъ внизу возвышенной банки, на узкой оконечности грязи. Въ побѣднности возвращенія, его забыли на берегу; я бросился въ шлюку и взялъ его, но тутъ мы едва едва избѣжали смерти, или плѣна.» (стр. 85).

Они «едва едва избѣжали смерти,» какъ кажется отъ того, что жители открыли сильный огонь на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; странно, что во все это время не было ни одного убитаго на сторонѣ Англичанъ, хотя ихъ и «очень безпокоили» выстрѣлы жителей. Потеря туземцовъ, какъ г. Лердъ послѣ слышалъ, состояла изъ трехъ убитыхъ

и четырех тяжело раненых. Но этому слуху, онъ, повидимому, не хочет вѣрить, и говоритъ намъ, что несчастное дѣло завязалось отъ ошибки, весьма достойной сожалѣнія, присвокупляя: «Надѣюсь, и даже почти увѣренъ, что единственная потеря состояла въ сожженномъ порохѣ.» Мы едва можемъ понять, какимъ образомъ подобная увѣренность можетъ успокаивать человека, который сжегъ городъ, и стрѣлялъ ядрами и картечью по его жителямъ. Очевидно, что тутъ оказано много геройства по пулякамъ, и всякій, безъ малѣйшаго сомнѣнія, признаетъ, что независимо отъ недоразумѣнія, бывшаго причиною непріязненныхъ дѣйствій, подобныя насильственные мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ безъ видимой необходимости, должны покрыть стыдомъ тѣхъ, кто ихъ предпринимаютъ.

День, или два послѣ этого кроваваго дѣла, пароходы достигли Эбоэ, находящагося въ полутора миляхъ вверхъ по рѣкѣ, около начала Гельты; это было первое важное мѣсто, до котораго добрались послѣ входа въ рѣку. Обіе, король Эбойскій, задержалъ обоихъ Ландероу, когда они въ первый разъ спустились внизъ по рѣкѣ, и продалъ ихъ королю Бои, котораго владѣнія были на берегу моря. Путешественники наши сочли нужнымъ выказать нѣсколько силы и важности передъ продавцемъ гостей. Начальники экспедиціи одѣлись въ самое лучшее платье, какое только могли набрать. Крушны надѣли свои короткія юпки и бархатныя шапки. Процессія шла съ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ, сквозь густую толпу Африканской черни, вонь и паръ отъ которой едва можно было выдерживать. Послѣ вступленія въ королевскую резиденцію Англичане были приведены на

небольшой дворъ, гдѣ находился тронъ Обіе, покрытый цыновкою весьма искусной работы.

«Мы должны были ждать около десяти минутъ,» говоритъ г. Лердъ, «а потомъ боковалъ дверь открылась и вошелъ Обіе человекъ высокаго роста и пріятной наружности, въ яркой красной одеждѣ. На немъ была шапка изъ трубчатыхъ коралловъ, похожая формою на дурацкіе калпаки Англійскихъ школъ, и тридцать, или сорокъ массивныхъ коралловыхъ ожерельевъ украшали его шею и поясъ. На рукахъ и ногахъ носилъ онъ огромные коралловые браслеты; однимъ словомъ, по Англійской оцѣнкѣ, все эти украшенія стоили, по крайней мѣрѣ, сто фунтовъ стерлинговъ. Прежде всѣхъ увидѣлъ онъ бѣднаго Джордана, и тотчасъ же, подбѣжавъ къ нему, обнялъ его, съ самыми братскими радостіемъ; потомъ, пожавши руки мнѣ и Ландеру, сѣлъ на тронъ, а насъ посадилъ по обѣимъ сторонамъ подлѣ себя. Свиданіе продолжалось около четверти часа, и все мы остались весьма довольны радостіемъ и благородствомъ пріемовъ Обіе.» (стр. 96).

Король изъявилъ большое удивленіе, узнавъ, что чужеземцы прибыли не за пальмовымъ масломъ, которое онъ нарочно для нихъ собиралъ. Онъ казался весьма почитливымъ, и оказывалъ величайшее вниманіе къ потребностямъ и удобствамъ своихъ гостей. Г. Лердъ описываетъ столицу его владѣній слѣдующимъ образомъ:

«Городъ Эбоэ находится на покатои возвышенія, идущаго параллельно Нигеру; во время разливовъ, воды этой рѣки омываютъ его съ обоихъ концовъ. Городъ, по поверхностному обзору, состоитъ изъ восьми сотъ, или тысячъ домовъ; полагалъ ровнымъ счетомъ, на каждый домъ, по шести человекъ, изъ которыхъ двѣ трети должны быть, безъ сомнѣнія, моложе 14 лѣтъ, легко можно составить себѣ довольно приближенное понятіе о народонаселеніи города. Жители его самые предприимчивые и трудолюбивые торговцы обонхъ береговъ Нигера. Городъ и ближайшія къ нему окрестности имѣютъ, по причинѣ болотистой почвы, весьма нездоровый климатъ. Намъ случилось видѣть очень мало стариковъ обоэ»

Г. Ш. — Отд. III. 8

го пола, между тѣмъ какъ молодые люди казались состарѣвшимися и разстроеными. Главные предметы торговли Эбоевъ суть пеньки и пальмовое масло. Цѣна первыхъ повышается и понижается по мѣрѣ потребности приморскихъ колоній; средняя общая цѣна шестнадцати-лѣтняго, здороваго негра около шестидесяти шиллинговъ, а женщины нѣсколько дороже. Пальмовое масло добывается въ большомъ количествѣ въ Эбое. Его собираютъ въ большія тыквы, мѣрою отъ двухъ до четырехъ галлоновъ; изъ нихъ разливаютъ оно въ бочки, для продажи. Нѣсколько такихъ бочекъ видѣлъ я въ Эбое, на челнокахъ; онѣ были назначены на суда въ Бонни; впрочемъ, вообще пальмовое масло отправляется въ большихъ лодкахъ прямо къ складочному мѣсту, находящемуся на Боннийскомъ рукавѣ Нигера. Рукавъ этотъ высыхаетъ лѣтомъ, и тогда Эбойское масло везутъ черезъ Бронзовое ущелье, до самаго Бонни.» (Ч. I. стр. 102).

Эбое расположенъ нѣсколько ниже вершины дельты, или того мѣста, гдѣ *Нигерь*, или *Куорра*, разделяется на два рукава, *Бенинскій* и *Боннийскій*, которые впадаютъ въ море. Дельта Куорры начинается около ста шестидесяти миль отъ моря, а по берегу разстояніе между устьями главныхъ рукавовъ, протягивается отъ Лагоса до Калебара. Черезъ эту дельту, Куорра, или Нигеръ (какъ называется ее г. Лердъ) впадаетъ въ море двадцатью двумя рукавами разной величины; примѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Бенинъ, Варри, Нунъ, Бонни и Старый Калебаръ. Говорятъ, будто рукавъ Нигера, называемый *Крестового Рѣкою* (Cross River), идетъ на востокъ къ Новому Калебару. Изъ всѣхъ рукавовъ, только одинъ, Нунскій, вполнѣ описанъ; около Эбое, онъ идетъ въ ширину отъ 1000 до 1200 ярдовъ; ниже къ морю ширина его уменьшается, и мы видѣли изъ описанія г. Лерда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ не шире тридцати ярдовъ. Безчисленное множество отраслей главныхъ рукавовъ пересѣкаютъ

Дельту по всѣмъ направленіямъ; тѣ, которые отдѣляются отъ Нуна къ востоку, такъ малы и мелки, что по нимъ могутъ ходить только челноки. Низовья мѣста, отъ вліянія соленой воды, покрыты мангиферами, а на болѣе возвышенныхъ растутъ густой тростникъ, въ которомъ проявляются и пальмовыя породы. Малое населеніе этой страны живетъ болѣе на высохшихъ отмеляхъ большихъ рѣкъ. Во всѣхъ деревняхъ, расположенныхъ по Нуно, начиная съ Эбое и вплоть до моря, г. Лердъ полагаетъ не болѣе четырехъ тысячъ взрослыхъ обоего пола. Женщины и дѣти собираютъ пальмовое масло. Мужчины стараются ловить и продавать своихъ сосѣдей, и проводить праздные часы за ромомъ и другими крѣпкими напитками, самаго дряннаго качества.

Выше дельты, рѣка шириною около мили, но такъ усыяна мелями, что весьма трудно по ней идти; вскорѣ пароходъ Куорра сталъ на мель. Страна вокругъ этихъ мѣстъ казалась гораздо здоровѣе и привлекательнѣе пустынь и отмелей дельты; воздухъ здѣсь легче и чище, но такая живительность пришла слишкомъ поздно. Люди, бодрый духъ и крѣпкое здоровье которыхъ выдерживали гибельное вліяніе вдыхаемыхъ ими ядовитыхъ испареній болотъ, теперь, когда эти зловредныя мѣста были уже пройдены, не могли выдержать быстрой перемены, и начали падать подъ гнетущимъ вліяніемъ болѣзней. Ноября 11-го, два дня послѣ выхода экспедиціи изъ Эбое, на обоихъ пароходахъ открылась лихорадка. На Куоррѣ, гдѣ сырость дѣйствовала сильнѣе, четыре человека захворали вдругъ; на слѣдующій день, г. Лердъ, докторъ Бриггсъ и десять человекъ матросовъ обнаружили опасные

признаки болѣзни. Описаніе этихъ горестныхъ происшествій наводитъ невольную грусть; рассказъ автора превращается въ погребальную рѣчь своимъ злополучнымъ товарищамъ; наконецъ нить рассказа прерывается на три недѣли болѣзью самого г. Лерда. Послѣ сего времени, когда онъ опять возвратилъ свои силы, узналъ онъ, что Куорра потеряла четырнадцать, а Албурка трехъ человѣкъ. Оставшіеся въ живыхъ, за исключеніемъ Ландера, казались выходцами съ того свѣта, и едва были въ силахъ ползати. Куорру, которою некому было управлять, взялъ на буксиръ пароходъ Албурка, и такимъ образомъ оба они прибыли въ Атту, или Идду, какъ ее называлъ г. Олфилдъ. Видъ этихъ мѣстъ оживилъ страдальцевъ. Вотъ какъ описываетъ его г. Лердъ.

«Городъ Атта (Atta), противъ котораго мы бросили якорь, представлялъ самый живописный видъ. Онъ расположенъ на вершинѣ холма, отвѣсная сторона котораго идетъ отъ берега прямо вверхъ, на высоту отъ 250 до 300 футовъ. Король Атты считается могущественнѣйшимъ государемъ между моремъ и Фундой (Fundah), и производитъ значительный торгъ невольниками и слоновьею костью. — Тамъ мы видѣли двухъ подданныхъ Пеппеля, Боийскаго короля, покупающихъ невольниковъ для своего владѣнія; цѣна первостатейнаго была не выше пяти долларовъ, или товаровъ на эту сумму. Ландеръ, въ сопровожденіи капитана Гилля, съѣзжалъ нѣсколько разъ на берегъ, и описывалъ намъ видъ изъ города чрезвычайно великолѣпнымъ. — Горы Конгскаго хребта видны въ отдаленіи, простирались длиною грядою отъ востъ-пюль-воста на Зюйд-Остъ; по столбообразному ихъ виду, и должны были заключить, что онѣ принадлежатъ къ роду горъ трапическаго образованія. Возвышенность, на которой расположенъ городъ Атта, кажется, состоитъ изъ нѣсколькихъ холмовъ, и составляетъ оконечность низкой гряды, ограничивающей восточный разливъ рѣки. Видъ западнаго берега разительно

прекрасенъ; нагорный климатъ былъ благотворенъ для всѣхъ, уцѣлѣвшихъ отъ злокачественности атмосферы дельты. Атта мѣсто весьма здоровое, и, по моему мнѣнію, единственное изъ всѣхъ, гдѣ намъ случилось быть по рѣкѣ, въ которомъ Европейецъ можетъ жить продолжительное время. Городъ этотъ имѣетъ выгодное мѣстоположеніе, и со временемъ будетъ навѣрно занимать значительное мѣсто въ политическомъ и торговомъ отношеніи. Будучи расположенъ выше наносимаго приливомъ грунта, и у входа въ Нигерскую долину, Атта владычествуетъ надъ всею внутреннею торговлею Африки; не бывши колдуномъ, можно предсказать, что торговля здѣшняя, хотя теперь и незначительная, будетъ со временемъ огромна. Туземцы трудолюбивы и предприимчивы; почти всѣ они занимаются торговлею, и стараются прибрать къ рукамъ окрестную коммерцію. Не смотря на это, мы простояли на якорѣ десять дней, не вступая ни въ какой торгъ съ жителями. Это произошло не отъ перасположенія ихъ къ намъ, но собственно отъ ихъ вседневной привычки откладывать на будущее. Время въ ихъ глазахъ не имѣетъ ни какой цѣны.»

Мы не можемъ не представить читателямъ слѣдующаго живаго описанія убійенія крокодила, виднаго г. Лердомъ съ якорнаго мѣста у Атты:

«Однажды, во время нашей стоянки, былъ я свидетелемъ самаго страннаго и остроумнаго способа убійенія крокодила. Одно изъ этихъ огромныхъ животныхъ грѣлось на солнцѣ, на отмели, въ небольшомъ разстояніи отъ нашихъ судовъ, вверхъ по рѣкѣ. Двое изъ туземцевъ, переправившихся черезъ рѣку на челнокъ, замѣтили его, и тотчасъ же, приставъ къ противоположной сторонѣ отмели, подкрались къ нему ползкомъ, съ величайшею осторожностью. — Только что они приблизились на достаточное разстояніе, одинъ изъ нихъ поднялся, и сильнымъ ударомъ копья, длиною около шести футовъ, пригвоздилъ хвостъ звѣря къ землѣ. — Тогда началась самая упорная борьба — человѣкъ съ копьемъ всѣми силами ушпралъ свое оружіе въ песокъ, для того, чтобы не дать крокодилу вывернуться, и съ ловкостью обезьяны безпрестанно перемѣнялъ свое положеніе; товарищъ же его бѣгалъ вокругъ разъяреннаго чудовища, и улучая мгновенія,

съ несобыкновеннымъ проворствомъ вонзалъ ему въ слабѣя мѣста свой широкій ножъ. — Онъ принужденъ былъ отскакивать послѣ каждаго удара, для того, чтобы не попасть въ зияющія челюсти бышенаго животного, которое быстро вертлось вокругъ оси, воткнутой съ такою рѣдкою смѣлостью въ его хвостъ. Бой длился около получаса, и кончился смертью крокодила и торжествомъ его побѣдителей, которые въ нѣсколько минутъ изрѣзали его въ куски, нагрузили свои челноки его мясомъ, и выгрузивъ добычу на берегъ, подылились ею съ своими земляками. Очевидно, что успѣхъ подобной атаки зависитъ болѣе всего отъ силы, ловкости и присутствія духа челоука, пригвоздившаго къ землѣ хвостъ крокодила; кривлянья его, и усилія удержать свою опасную позицію, были въ высшей степени занимательны и забавны.» — (Стр. 126.)

Около тридцати миль выше Атгы, начинается узкая долина, по которой рѣка, сузившись до 700 ярдовъ, пробиваетъ себѣ путь черезъ горы. Эти-то горы называютъ г. Лердъ *Конгскиль хребтоиль*; между прочимъ, онъ не говоритъ откуда онъ взялъ такое названіе, — отъ туземцевъ ли, или, по ошибкѣ, изъ прежнихъ школьныхъ географій. То, что горный хребетъ, пересѣкающій Куорру, есть продолженіе Конгскихъ горъ, идущихъ по землѣ Мандинговъ, на 1000 миль къ западу, не болѣе какъ вѣроятность, которую еще не лзя считать несомнѣннымъ фактомъ. Еще менѣе достовѣрно, чтобы туземцы знали, или даже имѣли какое нибудь понятіе о существованіи горной цѣпи такого протяженія, и неужели горы, идущія на такое разстояніе, могутъ у разноплеменныхъ жителей имѣть одно общее названіе? Горы, заключающія между собою Куорру, выше знаменитой, по своему рынку и армаркѣ, деревни Боккуа (Wocqua), или Гиккори, возвышаются, по видимому, отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ. Всѣ они столообразны, и на

нѣкоторомъ разстояніи кажутся одинаковой высоты, какъ будто вершины ихъ идутъ по одной горизонтальной линіи. Большіе обломки скаль, загромождавшіе фарватеръ рѣки, были болѣею частію гранитные; вершины горъ состоятъ, вѣроятно, изъ песчанстаго камня, лежащаго на гранитномъ основаніи. Плаваніе по этому мѣсту рѣки затруднительно отъ множества спорныхъ теченій и каменистыхъ островковъ, но сіи трудности были щедро вознаграждены превосходнымъ видомъ, которымъ плователи насладились послѣ преодоленія ихъ.

«На слѣдующее утро, говоритъ г. Лердъ, «мы шли опять во всѣ пары, и черезъ нѣсколько минутъ очутились среди видовъ, столь прекрасныхъ, что самое плодотворное воображеніе не можетъ представить себѣ ничего лучше. Большая рѣка, разлившаяся въ этомъ мѣстѣ въ ширину трехъ тысячъ ярдовъ, протягивалась передъ нами такъ далеко, какъ только глазъ могъ видѣть, протекала величественно между разнообразными берегами, постепенно возвышавшимися до значительной высоты. Покатости были покрыты кустарниками и деревьями, такъ, что все походило болѣе на паркъ богатаго Англійскаго вельможи, нежели на обыкновенную природу. Дымъ, клубившійся изъ городовъ, разбросанныхъ по обимъ берегамъ рѣки, и безчисленное множество челноковъ, шырившихъ по широкому разливу, давали этой сценѣ видъ мира и спокойствія, которыхъ нигдѣ въ Африкѣ не видаль я прежде. Впаденіе рѣки Шари (Shary) въ Нигеръ было въ виду, и гряды невысокихъ холмовъ сѣвернаго берега направлялась на ось-пордь-ось тогда, какъ на западной сторонѣ Нигера, двѣ отдѣльныя, столообразныя возвышенности, прекраснаго, романтическаго вида, оканчивали собою картину, которой никакое перо не въ состояніи отдать должной справедливости.» (стр. 138).

Декабря 22-го, экспедиція прибыла къ устью Шари. Здѣсь пароходъ Куорра сталъ на мель. Множество отмелей и рифовъ дѣлали снятіе его не

возможнымъ, такъ, что онъ долженъ былъ оставаться въ этомъ мѣстѣ около четырехъ мѣсяцевъ, до прибытія воды въ рѣкѣ. Албурка бросилъ якорь двумя милями выше. Не смотря на живописность окрестныхъ видовъ, задержка въ пути сдѣлала положеніе экспедиціи весьма тягостнымъ. Суда были покрыты обвѣсами, въ ожиданіи наступленія дождей. Скука отлагательства, и опасеніе неисполненія предположеній, потому, что съ жителями не было еще открыто ни какого торгова, и всѣ попытки оказывались неудачны, все это, вмѣстѣ съ ожиданіемъ нездороваго времени года, угнетало духъ плавателей. Наконецъ, къ довершенію горестей, снова открылась лихорадка. Къ счастью, мирный характеръ туземцевъ нѣсколько уменьшалъ неудовольствіе долговременныхъ задержекъ. Часть припасовъ и груза была свезена съ парохода Куорры на берегъ, для облегченія, и не смотря на то, что вещи были долгое время на берегу, ни въ чемъ не оказалось потомъ ни малѣйшей порчи, ни траты. Ландеръ, сохранившій одинъ изъ всѣхъ полное здоровье, готовился подняться по рѣкѣ Куорры до Раббы (Rabba), или Буссы (Boussa), все еще не теряя надежды открыть гдѣ нибудь выгодный торговъ. Г. Лердъ желалъ его отправленія и по другимъ причинамъ: мнительность дѣлала его слишкомъ склоннымъ вѣрить дурнымъ слухамъ, и показывала ему вездѣ мрачныя замыслы, такъ, что не проходило у него дня безъ ссоръ съ туземцами. Однакожъ Ландеръ не приступалъ къ исполненію своихъ намѣреній, капитанъ Албурки, промѣривалъ рѣку, нашелъ ее столь мелкою, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно было переправляться въ бродъ. Г. Лердъ отвергаетъ рѣшительно справедливость этого показанія, можетъ быть, и не безъ

основаній. Какъ бы то ни было, а намъ его упреки и опроверженія кажутся болѣе рѣзкими, нежели справедливыми.

Берега Куорры, около впаденія въ нее Шари, усыпаны городами и деревнями; семь селеній было видно съ якорнаго мѣста парохода Куорра. Г. Лердъ предполагаетъ, что между городомъ Эбое и устьемъ Шари расположено, по крайней мѣрѣ, сорокъ деревень, изъ которыхъ каждая имѣетъ около тысячи человѣкъ жителей. Туземцы этой части рѣки превосходятъ характеромъ и другими качествами всѣ прочіе народы, попадавшіеся на пути экспедиціи въ низменныхъ странахъ. Они миролюбивы, смѣливы и трудолюбивы, обрабатываютъ землю, занимаются ремеслами, и поддерживаютъ безпрестанный и дѣятельный торговъ съ окрестными странами.

«Рѣка» замѣчаетъ г. Лердъ, «наполнена непостижимымъ множествомъ рыбы, и жители обонхъ береговъ вообще опытные и ловкіе рыбаки. Они дѣлаютъ изъ травы необычайной величины сѣти, и закидываютъ ихъ съ большимъ искусствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они обходятся весьма бережно съ своими сѣтями, и развѣшиваютъ ихъ для просушки на солнцѣ, на шестахъ, какъ и наши Европейскіе рыбаки. Поймавъ рыбу, они пластаютъ ее, и потомъ коптятъ въ дыму костра, на которомъ пылаютъ сухіе листья и хворостъ. Это, и нѣсколько хлѣба, составляетъ ихъ главную пищу. Берега рѣки не изобильны плодами; кромѣ плантановъ, тамариндовъ, и еще плода, похожаго нѣсколько на лимонъ, мы не видали ничего. — Сообщеніе и торговли между туземными городами производятся весьма дѣятельно. Меня удивилъ докторъ Бриггсъ, сказавъ, что здѣсь, по видимому, вдвое больше промышленной дѣятельности, нежели на Рейнѣ. Вообще все народонаселеніе береговъ Нигера имѣетъ меркантильный характеръ: мужчины, женщины, дѣти—всѣ торгуютъ. Торговъ невольниками, тѣлами и слоновьею костью занимаетъ единственно мужчины; остальное предоставлено женщинамъ, съ которыми гораздо труднѣе имѣть дѣло.

«*Бокжуа*, или *Гиккори*, как туземцы ее называют, есть центр торговли; каждые десять дней бывает тут трех-дневный рынок. Тогда собираются торговцы из Эбоэ, Атты, даже с юга из Бошии, а с сѣвера из Эгги, Куттумы-Курафои и Фуиды, не говоря уже о толпахъ, которыя ежедневно приходят и уходят изъ внутреннихъ земель, находящихся по обѣимъ сторонамъ рѣки. Торговцы сѣверныхъ странъ привозятъ съ собою ткани своихъ издѣлій, четки, слоновую кость, сарачинское пшено, соломенные шляпы и пегольничковъ; все это продается за мелкую Африканскую монету, на которую послѣ покупаютъ Европейскія издѣлія, въ особенности Испанскія и Португальскія. Около двадцати огромныхъ лодокъ проходило мимо насъ каждые десять дней, и въ каждой сидѣло отъ сорока до шестидесяти человекъ. — Торгъ производитъ на деньги, а не мѣною; цѣну употребляемой здѣсь монеты можно положить за тысячу штукъ въ одинъ шиллингъ». (Т. I., стр. 165—6).

Тягостно проходило время якорной стоянки близъ Шари; одинъ пароходъ былъ на мели, а другой хотя и на глубинѣ, но все таки не могъ идти далѣе, потому, что множество мелей дѣлали фарватеръ непроходимымъ. Однообразіе жизни прерывалось только по временамъ новыми припадками болѣзни, или смертью какого нибудь несчастнаго товарища. Февраля 28-го скончался докторъ Бриггсъ, медикъ Куорры, человекъ весьма искусный и опытный въ своемъ дѣлѣ. Потери друга и товарища сильно огорчила г. Лерда; не смотря на слабость, онъ рѣшился разсѣять свою грусть перемѣною мѣста. Въ свѣдѣствіе сего началъ онъ подыматься по Шари, къ городу Фундѣ, въ концѣ Марта, на лодкѣ.

Въ продолженіе этого путешествія испыталь онъ множество трудовъ и опасностей, въ замѣнъ единообразія жизни на пароходѣ. Близъ деревни Эммама (*Yemmahah*), туземцы несли его на плечахъ, по тропинкамъ, гдѣ, казалось, нога человѣческая никогда

не ступала. Вошедши на челнокъ въ ущелье, ведущее къ городу Фундѣ, онъ былъ оставленъ лодочниками, и принужденъ провести ночь въ лодкѣ своей, подъ открытымъ небомъ. Слабость не позволяла ему ѣздить верхомъ. Жители отказались его нести, говоря, что они люди, а не лошади.

Г. Лердъ прибылъ въ Фунду въ полночь. Безчисленное множество дикарей всѣхъ возрастовъ давно уже собралось его встрѣтить; хижина, въ которой онъ остановился, была окружена любопытными. Вотъ что разсказываетъ г. Лердъ о владыкѣ Фунды:

«Вскорѣ послѣ полудня посѣтилъ меня король, въ сопровожденіи множества эвуховъ, и конной стражи, состоявшей изъ дюжины всадниковъ. Видѣ его несколько не располагалъ въ его пользу, и въ особенности глаза, грязно-краснаго цвѣта, и мрачнаго, злобщаго выраженія. Я подарилъ ему оправленную бронзою шляпу, зонтикъ богатой отделки, футляръ пистолетовъ, пару пистолетовъ, и еще нѣсколько бездѣлушекъ. Потомъ объявилъ я ему черезъ переводчика, что пришелъ изъ далекихъ странъ, для того, чтобы видѣть его лицо и насладиться его рѣчью; что посланцы его уведомили меня, будто онъ желалъ видѣть благаго человека, и что по этому я, не смотря на свое болѣзненное состояніе, прибылъ къ нему, въ надеждѣ на его великодушіе. Послѣ сего сказала я ему, что привезъ съ собою множество разныхъ товаровъ, которые мнѣ хотѣлось-бы промѣнять на слоновую кость. По окончаніи моей рѣчи, онъ всталъ, и объявилъ мнѣ, что очень радъ видѣть лицо благаго человека; что этого онъ давно желалъ; что у него множество слоновой кости, и что все, что у него есть, къ моимъ услугамъ. Двенадцать старыхъ негровъ, составлявшихъ, вѣроятно, его верховный совѣтъ, кинули своими сѣдыми головами, въ знакъ подтвержденія сказаннаго имъ владыкою.» (Стр. 200).

Вечеромъ послѣ сего свиданія, посѣтилъ г. Лерда какой-то сухопарый, проворный по наружности негръ, котораго лицо показалось ему знакомо. Такъ какъ неизвѣстный посѣтитель сталъ уже слишкомъ

докучать, Круменамъ вельно было его вытолкать вонь изъ хижины. На слѣдующій день г. Лердъ рѣшился отплатить Королю визитъ, и ожидал его выхода во дворъ, увидѣлъ подлѣ себя того самаго негра, съ которымъ было поступлено такъ безцеремонно на канунъ. Послѣ краткаго объясненія, оказалось, что докучливый гость былъ не иной кто какъ самъ король, приходившій инкогнито къ бѣлому. Оставя на нѣсколько минутъ Г. Лерда одного, его черное величество возвратился въ костюмъ своего перваго посѣщенія, надуваясь и пыхтя, для придавнїя себѣ большей важности.

Г. Лердъ, какъ мы уже видѣли, отправился въ Фунду большой; кромѣ этого, злокачественность климата начала въ немъ обнаруживаться какою-то рзкою болью, сопровождаемою струпиями по всему тѣлу. Потому нѣтъ ничего мудренаго, если грубая толпа дикарей, склонная судить о челоуѣкѣ по его физическимъ качествамъ, оказывала ему мало почтенія; къ усугубленію страданій, черные забавлялись его раздражительностію. Конечно, г. Лердъ поступилъ очень смѣло, рѣшась въ болѣзненномъ состояніи отлучаться такъ далеко отъ своихъ, и еще съ множествомъ товаровъ. Мы удивляемся его рѣшительности, и сожалѣемъ только о томъ, что она не была сопровождаема необходимымъ въ подобныхъ случаяхъ терпѣніемъ. Тогда, въ случаѣ неудачи экспедиціи, онъ могъ бы видѣть, сколько она зависла отъ его собственныхъ ошибокъ. Король Фунды не употреблялъ противъ него никакихъ насильственныхъ мѣръ. Можетъ быть, что онъ, подъ разными предлогами, прибралъ большую часть привезенныхъ товаровъ къ своимъ рукамъ, но объ этомъ г. Лердъ говоритъ весьма темно, а съ дру-

гой стороны, горечь его упрековъ отнимаетъ многое у ихъ достовѣрности. Въ одномъ мѣствѣ сказано о королѣ: «онъ не бралъ у меня ничего безъ моего согласія, какъ ни хотѣлось ему имѣть ту, или другую вещь, и товары мои были совершенно въ его произволѣ» и проч. (стр. 238) Потомъ г. Лердъ опять восклицаетъ: «Я не могу выразить, какое отвращеніе внушаетъ мнѣ присутствіе этого челоуѣка. Если бы не пересталъ онъ меня мучить, навѣрно, въ минуту раздраженія, я прострѣлилъ бы ему черепъ» (Ч. 1, стр. 209).

Рѣшимость на пистолетное окончаніе непрїятностей встрѣчаемъ мы часто въ описаніяхъ нашего автора. Если подобныя расправы не терпимы въ образованномъ обществѣ, мы едва ли можемъ вѣрить, чтобы онѣ могли быть безопасны въ толпѣ дикарей. Между тѣмъ, король все еще медлилъ дать г. Лерду лошадей для его отправленія, и потому рѣшился онъ на послѣдее средство; для того, чтобы напугать чернаго властителя. Въ одну ночь, нашъ бѣлый челоуѣкъ сдѣлалъ большой фетишь, на которомъ присутствовалъ король, съ многочисленною толпою своихъ подданныхъ. Сначала пустили множество ракетъ; потомъ сожгли нѣсколько фальшфейеровъ, и наконецъ г. Лердъ показалъ королю въ своемъ карманномъ компасѣ таинственную стрѣлку, которая неизмѣнно указываетъ всегда на сѣверъ. Общій страхъ, или удивленіе, возбуждены были чародѣйствомъ, бѣлыхъ неизвѣстно, но что бы то ни было, а желанная цѣль оказалась доступною, и г. Лерду дозволили отправиться. Онъ возвратился на свой пароходъ послѣ двухмѣсячнаго отсутствія, и узналъ, что Ландеръ, который обѣщаль слѣдовать за нимъ къ Фундѣ, перемѣнилъ на-

мѣреніе, и отправился внизъ по теченію рѣки къ морю.

Фунда считается величайшимъ изъ всѣхъ окружающихъ городовъ, и имѣеть, по мнѣнію г. Лерда, народонаселеніе отъ тридцати, до сорока тысячъ душъ. Городъ расположенъ на прекрасной равнинѣ, находящейся въ разстояніи двѣнадцати географическихъ миль отъ сѣвернаго берега рѣки Шари, и около сорока миль отъ ея устья. Нѣкоторыя изъ наружныхъ укрѣпленій показались г. Лерду остатками просвѣщенія, гораздо высшаго того, въ какомъ находятся теперь туземцы всей здѣшной стороны. Главная улица, гдѣ каждую пятницу бываетъ рынокъ, протягивается на милю въ длину, и на 200 футовъ въ ширину; остальные улицы, большею частью, узки и грязны. Жилище короля не что иное, какъ десять, или двѣнадцать хижинъ, покрывающихъ площадку въ десять акровъ, и окруженныхъ стѣною, около пятнадцати футовъ вышины.

Туземцы занимаютъ болѣе всего выдѣлкою бумажныхъ тканей, и желѣзныхъ и мѣдныхъ, домашнихъ приборовъ; кромѣ того, двѣ обширныя красильни безпрестанно въ работѣ. Вѣтъ, не исключая и самого короля, прядутъ бумагу. Ткань здѣшняя толста и крѣпка, потому, что пряжу, изъ которой ее дѣлаютъ, берутъ изъ бумаги самаго лучшаго качества, которая хорошо крутится. Очевидное преимущество въ крѣпости, прочности и добротѣ Африканской бумаги, передъ Манчестерскою, было не даромъ восхваляемо нашими фабрикантами. Мѣдь, изъ коей въ Фундѣ выработываютъ кубки и курительныя трубки, привозится, какъ говорятъ, съ востока, внизъ по рѣкѣ Шари. Торговля Фунды теперь незначительна, но преданія туземцевъ соглас-

ны, повидимому на одномъ, что она была здѣсь въ прежнія времена гораздо обширнѣе и разнообразнѣе, нежели нынѣ; здѣсь былъ родъ складочнаго мѣста, гдѣ Арабы и Феллаты вымѣнивали Европейскіе товары на невольниковъ. Очевидное и сильное доказательство коммерческой важности Фунды въ срединѣ пятнадцатаго столѣтія, есть, безъ сомнѣнія, и то, что имя этого города встрѣчается уже на картѣ Венеціанскаго географа Фра Мауро.

Г. Лердъ началъ спускаться внизъ по теченію въ началѣ Іюля, но прежде нежели успѣлъ далеко уйти, встрѣтилъ онъ, 10-го числа этого мѣсяца, шлюпку, въ которой были Ландеръ и Олدفилдъ, медикъ брига Колумбины, и Броунъ, уроженецъ мыса Кость Кестль, который, въ качествѣ агента, или фактора, долженъ былъ ждать товаровъ въ какомъ нибудь избранномъ мѣстѣ рѣки. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ, г. Лердъ отправился на Куоррѣ обратно, а Ландеръ, съ своими новыми товарищами сталъ опять подыматься вверхъ по рѣкѣ на пароходѣ Албуркѣ.

Описаніемъ продолженія экспедиціи обязаны мы журналу Олدفилда, и онъ занимаетъ большую часть двухъ томовъ всего путешествія. Журналъ этотъ, по успѣхамъ сочинителя его въ описи рѣкъ, гдѣ онъ забирался довольно высоко, долженъ бы быть гораздо занимательнѣе описаній г. Лерда, но мы, съ сожалѣніемъ, должны сказать противное. Не превосходя г-на Лерда, но и не уступая ему въ наблюдательности, Г. Олدفилдъ менѣе его рѣшителенъ и независимъ въ своихъ мнѣніяхъ, особенно, когда дѣло идетъ о туземцахъ. Тутъ дѣлаетъ онъ работъ предразсудковъ и недоразумѣній.

Августа 2-го Албурка вошла въ Чадду (Tchadda) —

такъ пишетъ названіе этой рѣки г. Олدفильдъ (хотя у Лерда является она подъ именемъ Шари). Ни тотъ, ни другой не знаютъ, почему предпочитаютъ они то или другое названіе. Оба названія эти сливаются въ *Борну* — таково имя большаго озера, называющагося Чадою, въ которое впадаетъ рѣка, извѣстная у туземцевъ подъ именемъ *Шари*. Намъ кажется, что *Чадди* (какъ произносятъ жители Гуссы) и *Шари*, были первоначально одно и то же: различіе произошло отъ того, что рѣка, протекая разныя страны, именуется однимъ народомъ, не имѣющимъ въ своемъ языкѣ звука (*ча*), *Шари*, а другими немѣющими звука (*рр*), *Чадди*. Вода въ рѣкахъ поднялась отъ дождей, такъ, что онѣ безъ затрудненія сдѣлались судоходными. Приближаясь къ Чаддѣ, г. Олدفильдъ замѣчаетъ: «Мы готовились войти въ рѣку, которая (говоря сравнительно) была совершенно неизвѣстна, и на водахъ и берегахъ которой никогда еще не показывалось лицо бѣлаго.» Г. Олدفильдъ долженъ былъ по совѣсти прибавить: «исключая Лерда,» но такъ какъ сей послѣдній проникъ весьма недалеко, то Олدفильдъ дозволилъ себѣ подобное отступленіе отъ буквальной истины. «Намѣреніе наше,» говоритъ онъ, «состояло въ томъ, чтобы проникнуть по рѣкѣ Чаддѣ къ озеру Чадь, если это только будетъ возможно.» Намѣреніе было, безъ сомнѣнія, смѣло, и если туземцы считали его удобоисполнимымъ, то г. Олدفильдъ долженъ былъ замѣтить, что туземцы, по невѣжеству своему, воображаютъ себя вообще, будто Куорра впадаетъ «рукавомъ своимъ,» Чадою, въ озеро, тогда какъ, въ самой вещи, рѣка Чада впадаетъ въ Куорру. Мы видимъ, что г.

Олدفильдъ полагался слишкомъ безотчетно на показанія черныхъ.

Путешественники наши поднимались по рѣкѣ въ продолженіе четырнадцати дней; пройдя въ это время 104 мили, и не получая никакихъ новыхъ свѣдѣній, они очень благоразумно рѣшились возвратиться. Экспедиція страдала отъ недостатка провизіи, потому, что туземцы, по неизвѣстнымъ причинамъ, отказывались входить съ нею въ сношенія. Г. Олدفильдъ замѣчаетъ, что «вопросъ: вытекаютъ ли воды озера Чадь въ рѣку Чаду, или Шари, еще не рѣшенъ. Онъ расположенъ вѣрить скорее показаніямъ туземцевъ, что «рѣка вытекаетъ дѣйствительно изъ озера.» Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что онъ худо понялъ жителей, которые предполагаютъ, будто всѣ рѣки, текущія внутри материка, направляются отъ запада на востокъ. Кромѣ того, слѣдующія замѣчанія Лерда кажутся намъ достаточно сильными рѣшить вопросъ:

«Вода Шари холоднѣе, нежели вода Нигера.

«Прибыль воды въ Шари начинается ранѣе, и дѣлается скорѣе, нежели въ Нигерѣ.

«Торговля по Шари, въ сравненіи съ Нигеромъ, весьма незначуща. Если бы Нигеръ соединился съ Суданскимъ моремъ, торговля эта была бы необъятна.

«Изъ первыхъ двухъ замѣчаній надобно заключить, что Шари вытекаетъ изъ страны гористой, лежащей по близости экватора. Впрочемъ, тѣ-же хребты холмовъ, которые даютъ начало Камерунамъ (Cameroons), Малимбѣ (Mallimba), и другимъ большимъ рѣкамъ, заключаютъ въ противоположащей своей покатости истоки Шари.» (стр. 233).

Албурка, попавши опять въ Куорру, и пользуясь прибывлю воды, обратилась къ сѣверу, и стала подниматься по величественному потоку, Плаваніе шло безъ задержекъ, не считая по временамъ не-

достатка топлива, но эта потребность удовлетворялась контрибуціями, къ которымъ подало поводъ любопытство туземцевъ. Они толпами прїѣзжали смотрѣть пароходъ; позволеніе давалось только тѣмъ, кто привезетъ съ собою положенное количество дровъ, и доставка ихъ была обыкновенно соразмѣрна потребностямъ. Въ Какундѣ (Kacundah), на западномъ берегу рѣки, около пятидесяти миль отъ устья Шари, земледѣліе и духъ ремесленничества находятся въ довольно цвѣтущемъ состояніи, хотя по временамъ спокойствіе сей страны нарушается набѣгами Феллатовъ (Fellatahs). По мѣрѣ возвышенія нашихъ плавателей по рѣкѣ, многолюдство на обоихъ берегахъ, казалось имъ, увеличивается.

Сентября 2-го, болѣе тридцати челноковъ и лодокъ держались на веслахъ кругомъ Албурки; нѣкоторые были длиною около пятидесяти футовъ. Одинадцать большихъ многолюдныхъ городовъ были видны на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Эгга (Egga), находящаяся тридцать миль выше, показала г. Олدفильду городомъ «необъятно многолюднымъ.» Видъ этой части рѣки были чрезвычайны. Куорра расширялась тутъ отъ одной до полутора мили, и величественно изгибалась по разнообразной, роскошной странѣ.

Но мы должны поспѣшить къ городу Раббѣ (Rabbah), находящемуся около 150 миль къ сѣверо-западу отъ устья Шари, куда наши путешественники прибыли 16-го Сентября. Здѣсь они были во владѣніяхъ племени Феллата; толпы всадниковъ ожидали ихъ прибытія. «Подъ стѣнами Раббѣ,» восклицаетъ г. Олدفильдъ, «раздался въ первый разъ громъ Англійской пушки; туземцы увидѣли предметъ, совершенно для нихъ новый: Британскій пароходъ, выстроенный изъ желѣза.» На слѣдующее

утро, Ландеръ и его товарищи съѣхали на берегъ, и сѣвши на нарочно присланныхъ Королемъ коней, отправились ко двору его чернаго величества.

«Улицы города,» говоритъ Олدفильдъ, «весьма тѣсны и зловонны; кучи сору и лужи помоевъ были видны на самыхъ лучшихъ изъ нихъ. Мы проѣхали черезъ дровяной и льняной рынки; потомъ черезъ бойни, невольничій базаръ и сукопный рынокъ; все они расположены отдѣльно одинъ отъ другаго. На лѣво, на небольшой площади, продавались буйволы; около сотни этихъ красивыхъ животныхъ было выставлено на продажу. Въ различныхъ углахъ улицъ продавались сѣмь, четки, сандалии, платья, и другіе товары; индиго и коришы съ Александрійскимъ листомъ (senna) были также разложены для покупателей.» (Ч. II, стр. 56).

Г. Олدفильдъ съ своею всегдашнюю преувеличенностью, увѣряетъ насъ, что народонаселеніе Раббѣ «несмытно» (immense) и что городъ протягивается на «неизмѣримое» разстояніе (immense extent). Прямо противъ города, расположеннаго на восточномъ берегу рѣки, находится островъ Загосіе (Zagoshie), главный мануфактурный пунктъ этой части Африки.

Экспедиція была ласково принята Оссиманомъ (такъ пишетъ нашъ авторъ имя Отмана), султаномъ, или королемъ (можетъ быть, правителемъ) Раббѣ, смѣшленнымъ, и повидимому, свѣдущимъ человекомъ, съ довольно развязными и благородными приемами. Нѣкоторые изъ его женъ приходили во время аудіенціи украдкою смотрѣть на чужеземцевъ, и потомъ, когда ихъ замѣчали, убѣгали назадъ съ громкимъ хохотомъ. Присутствіе нѣсколькихъ братьевъ Арабскихъ мудрецовъ поддерживало важность свиданія. Большое народонаселеніе Раббѣ, меркантильный духъ туземцевъ, множество Арабскихъ купцовъ, собравшихся сюда изъ разныхъ странъ внутренней Африки, все это вмѣстѣ, не говорю

уже о добромъ расположеніи Короля и его сановниковъ, заставляло г. Олдфильда надѣяться на выгодный и дѣятельный торгъ. Къ несчастію, онъ требовалъ точности и скорости, неизвѣстныхъ Африканскимъ негодьянтамъ, и въ особенности, когда передъ ними лежали товары совершенно новые, которыхъ достоинства ими не были еще испытаны; къ тому же туземные торговцы недоувѣрчивы и жадны. Король Раббы весьма проворно забиралъ товары, а платилъ за нихъ весьма медленно; онъ уже успѣлъ задолжать на сумму около десяти фунтовъ стерлинговъ, и былъ расположенъ задолжать еще болѣе. Двѣ недѣли кажутся Африканцу весьма короткимъ промежуткомъ времени, тогда, какъ этого было достаточно вывести изъ терифніи Ландера. Уставши отъ столь невыгоднаго торга, онъ рѣшился отправиться. Намѣреніе его было идти вверхъ противъ теченія, до Буссы, гдѣ каменные пороги препятствуютъ дальнѣйшему судоходству. Онъ долженъ былъ отказаться отъ такого предположенія по весьма непріятной причинѣ. На суднѣ завязалась драка и удары бойцевъ пали на цилиндръ машины, и повредили его. Такое препятствіе сильно огорчило г. Олдфильда, но замѣчательно, что онъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве въ произложеніе своего разсказа.

Октября 2-го, экспедиція начала спускаться внизъ по рѣкѣ. Отойдя на небольшое разстояніе, увидѣли челнокъ, принадлежавшій, какъ сказали, Феллатскимъ сборщикамъ пошлинъ. «Ландеръ полагалъ, что захватить собранную для короля пошлину будетъ самою лучшею отплатою за несоблюденіе имъ уговора, и вознаградитъ отчасги претерпѣнные убытки.» Людей, бывшихъ на челнокѣ, схватили, и нашли въ немъ Африканской монеты

на 26 шиллинговъ; этого было не достаточно, и потому Англичане захватили еще два челнока, не смотря на то, что въ нихъ не было ничего, принадлежащаго королю Раббы. Такъ какъ за королемъ оставалось еще довольно много, экспедиція приняла новую методу контрибуцій, которую Г. Олдфильдъ самъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Вскорѣ послѣ того, когда мы бросили якорь у Эгги, Муса, молодой человѣкъ, котораго приняли мы за королевскаго сына, присталъ къ борту, и вошелъ къ намъ на палубу. Мы велѣли его схватить и заковать въ кандалы. Ландеръ объяснилъ ему причину такого обхожденія, и сказалъ, что его освободить только на томъ условіи, чтобы онъ внесъ сумму, которую намъ его отцѣмъ. Онъ безпрестанно восклицалъ: *Анаби Муса, Анаби Муса!* Мы долго не могли его понять, но наконецъ догадались, что онъ хочетъ выразить, что онъ сынъ одного старика этого имени, живущаго въ Раббѣ.» (Ч. II, стр. 103).

Если сіи восклицанія имѣли, дѣйствительно, то значеніе (выраженіе это было, вѣроятно: *ана бенъ Муса*, я сынъ Мусы), то очевидно, что предлогъ, подъ которымъ задержали этого бѣднаго молодого человѣка, былъ совершенно неоснователенъ, и что его слѣдовало бы освободить въ ту же минуту. Между тѣмъ, его продолжали держать въ кандалахъ, хотя и «обходился съ нимъ весьма кротко и ласково», пока другъ его, правитель Эгги, не заплатилъ долговъ короля Раббы. Поступокъ нашихъ земляковъ неизвинителенъ ни въ какомъ отношеніи; онъ не можетъ быть основанъ на законахъ благоразумія, или необходимости, а еще менѣе на законахъ нравственности. Торговать съ могущественнымъ человѣкомъ, и остави безсильное съ него взыскаііе, собирать его долги съ слабыхъ, посредствомъ насилія — дѣло самаго низкаго притѣвленія. Поступокъ этотъ недостойнъ Англійскаго имени, и

будетъ вездѣ порицаемъ. Не въ одномъ этомъ случаѣ Ландеръ и его товарищи нарушили правила строгой честности. Однажды, приближаясь къ какому-то городу на берегу Шари, узнали они, что тамъ жилъ одинъ изъ ихъ должниковъ, и угрожали сжечь городъ, если онъ не будетъ выданъ. Г. Олдфильдъ даже дозволилъ себѣ сдѣлать такую же угрозу одному начальнику черныхъ, за то, что тотъ не продавалъ ему буйвола. Въ журналъ г. Олдфильда встрѣчаются безпрестанно мѣста, гдѣ онъ постоянно старается доказать, что черные не достойны ни какой довѣренности. Но неужели, послѣ поступковъ съ ними бѣлыхъ, они не имѣли права смотрѣть на пришлецовъ съ ненавистью и недоувѣрчивостью, не взирая на ихъ дурно употребляемое превосходство?

Близъ Атты, или Идды, островъ, названный *Английскимъ* (English Island), былъ купленъ Ландеромъ. Броунъ остался на немъ, съ разными товарами, для торгова съ туземцами. Ноября 1-го, Албурка достигла моря, въ самомъ бѣдственномъ состояніи, и, встрѣтясь вскорѣ послѣ того съ Куоррою, была ею взята на буксиръ и отведена въ Фернандо По.

Начальникъ экспедиціи, Ландеръ, хотя человекъ не всегда справедливый, былъ неутомимъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ. Онъ не долго отдыхалъ въ Фернандо По; 15-го Ноября Албурка была опять готова къ походу, и снявшись съ якоря, пошла вверхъ по Куоррѣ, подъ начальствомъ г. Олдфильда, тогда, какъ самъ Ландеръ поѣхалъ къ мысу Костъ-Кестль, за запасомъ Африканской монеты. Не можетъ быть ничего печальнѣе разсказа г. Олдфильда объ этомъ плаваніи его по рѣкѣ; онъ былъ не морякъ, и время года не благопріятствовало его намѣреніямъ; вода въ рѣкѣ значительно убывала. Чего,

кромѣ неудачъ, должно было ожидать отъ предпріятія, начатаго столь несвоевременно? На порогѣ, находящемся у входа въ рѣку, пароходъ едва не разбился; въ рѣкѣ едва не умеръ съ голоду весь его экипажъ. Машина парохода, отъ долгаго несмазыванія, повредилась, потому, что судно осталось наконецъ безъ малѣйшаго запаса жиру и масла. Г. Олдфильдъ нашелся вынужденнымъ ѣхать на челнокъ изъ Эбое до Идды, за помощью, и для убѣжденія туземцевъ буксировать пароходъ далѣе вверхъ. Труды, усталость и непрерывные неблагоприятные случаи, въ продолженіе двухъ-мѣсячнаго плаванія по нездоровымъ мѣстамъ, были слишкомъ сильны для Европейскаго сложенія; всѣ спутники Олдфильда умерли. Не удивительно, что добродушіе черныхъ, хотя оно и облегчало страданія несчастливцевъ, не могло совершенно успокоить духъ человека, мучимаго такимъ рядомъ бѣдствій. Ландеръ готовъ былъ присоединиться къ своему злополучному товарищу съ набраннымъ запасомъ, но на пути вверхъ по рѣкѣ, на него напали туземцы; онъ былъ тяжело раненъ пулею, и вскорѣ умеръ въ Фернандо По. Такъ кончилъ жизнь свою этотъ знаменитый путешественникъ. Смерть Ландера ускорила дѣятельность отъѣзда г. Олдфильда, и онъ простился съ рѣкою Куоррою въ Іюль мѣсяцѣ 1834 года.

При чтеніи описанія экспедиціи Гг. Лерда и Олдфильда болѣе всего поражаетъ то, что оба они умалчиваютъ объ обстоятельствахъ, которыя болѣе повредили успѣху предпріятія, именно — недостатку согласія между начальниками. Журналъ г. Лерда ясно показываетъ, что между нимъ и г. Олдфильдомъ не существовало взаимной довѣренности. Когда пароходы должны были терпѣливо ждать на якорѣ прибыліи воды, начальники экспедиціи нахо-

длись въ шести мѣсяхъ одинъ отъ другаго. Трудно понять бездѣйствіе Ландера въ это время: онъ, при совершенномъ здоровьѣ, въ дружески расположенной странѣ, и съ готовыми лошадьми, пропустилъ цѣлые четыре мѣсяца, безъ попытки предпринять путешествіе по сухому пути. Неужели мы должны полагать, что сотоварищъ его на Куоррь не зналъ объ его дѣйствіяхъ, или зналъ, не хотѣлъ помѣстить ихъ описанія въ своемъ разсказѣ? Г. Лердъ, не смотря на болѣзнь, имѣлъ смѣлость отправиться сухимъ путемъ въ Фунду; на возвратномъ пути онъ видитъ, что Ландеръ, вмѣсто того, чтобы по уговору слѣдовать за нимъ, пустился по совершенно противоположному направленію. Разумѣется, что и г. Лерду не оставалось ничего болѣе, какъ также идти назадъ, не зная, до какой степени Ландеръ рѣшился дѣйствовать ему наперекоръ. Ландеръ вскорѣ опять показался у него въ виду, возвратясь назадъ, для того, чтобы идти снова вверхъ по рѣкѣ, на одномъ изъ пароходовъ, и для чего? Для того, чтобы исполнить планъ компаніи и доставить Англійскіе товары до Буссы? Нѣтъ! онъ вошелъ въ рѣку Шари, или Чада, «съ намѣреніемъ подняться по ней, если возможно, до озера Чадъ,» и сдѣлать важное географическое открытіе. Но исполняя это, онъ поднялся до Раббы, а почему же не до Буссы? Потому, что въ цилиндрѣ машины оказалось поврежденіе; между тѣмъ, это поврежденіе давно уже исправлено, и съ тѣхъ поръ, какъ судно обратилось по направленію къ морскому берегу, объ немъ уже не говорится ни слова!

Смертность, постигшая сію экспедицію, была ужасна: на пароходъ Куоррь, изъ двадцати девяти человѣкъ, двадцать четыре сдѣлались жертвою климата; на Албуркъ, изъ девятнадцати человѣкъ, у-

мерло пятнадцать. Но подобная смертность не есть неизбежное слѣдствіе путешествія по рѣкамъ центральной Африки. Благоразуміе и умеренность суть самыя лучшія средства противъ зловреднаго вліянія этихъ и другихъ экваторіальныхъ странъ. Многія затрудненія могутъ быть избѣгнуты благоразумнымъ выборомъ времени года, а по минованіи полосу вреднаго климата, должно болѣе всего остерегаться неумѣреннаго употребленія пищи и вообще возбуждающихъ вѣствъ. Возможность плаванія по Куоррь, безъ необычайныхъ потерь человѣческой жизни и времени, ясно доказывается Г. Бекротомъ, купцемъ изъ Фернандо По, который, въ Сентбрь 1835 года, началъ подниматься по рѣкѣ, на пароходъ Куоррь. Въ тридцать семь часовъ достигъ онъ Эбоэ, и завелъ выгодный и дѣятельный торгъ съ туземцами, на рынкахъ выше Идды; потомъ, послѣ трехъ-мѣсячнаго отсутствія, благополучно возвратился онъ въ Фернандо По, потерявъ во все время своего путешествія только одного человѣка. Сношенія его съ жителями имѣли самый удовлетворительный успѣхъ, и, казалось, обѣщали продолжительное распространеніе торговли.

Другое обстоятельство, доказывающее существованіе дурныхъ отношеній между главными начальниками экспедиціи, о которой теперь идетъ рѣчь, можно замѣтить безъ труда: стоитъ только внимательно рассмотреть, какъ рѣзко различествуетъ описаніе г. Лерда съ каргою, составленною капитаномъ королевскаго флота Алленомъ, и изданною издвигеніемъ Адмиралтейства. Г. Лердъ, напримѣръ, говоритъ, что на пятьдесятъ миль выше Эбоэ, Куорра раздѣляется на рукава, текущіе къ Бенину и Бонни. «Мы прошли,» говоритъ онъ, «Бенинскій рукавъ, и нашли его шириною около 800 ярдовъ.»

Онъ явно принялъ небольшой рукавъ, отрѣзанный островомъ, за одинъ изъ главныхъ рукавовъ рѣки, протекающей къ Бонни. Почему не хотѣлъ онъ рассмотреть съ большимъ вниманіемъ изданной Адмиралтействомъ карты, и уничтожить въ своемъ описаніи столь рѣзкой ошибки? Опять, г. Олдфильдъ говоритъ городъ близъ Раббы, называемомъ *Чариге* (Tcharige), и замѣчаетъ мимоходомъ, что «это величайшій изъ всѣхъ городовъ, какіе намъ попадались по выходѣ изъ Англій; онъ отстоитъ только на нѣсколько сотъ ядровъ отъ рѣки.» — Спутникъ его, г. Алленъ, помѣщаетъ этотъ замѣчательный городъ (Шараги, Shāragih), по крайней мѣрѣ, на шесть миль отъ берега рѣки.

Наконецъ, намъ остается только сожалѣть о незначительности вѣрныхъ познаній, доставленныхъ экспедиціею о странѣ, на которую такъ долго направлено было любопытство ученыхъ, странѣ, о которой Арабы доставили весьма темныя извѣстія, и гдѣ наши путешественники имѣли такъ много средствъ собрать все нужныя свѣдѣнія, и уничтожить сомнѣнія недоумѣвающей науки. Два тома, лежащіе теперь передъ нами, проливаютъ весьма недостаточный свѣтъ на счетъ береговъ Куорры, и едва даютъ понятіе о внутренности странѣ, находящейся въ самомъ маломъ разстояніи отъ ея береговъ. Тотъ, кто будетъ читать ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ, въ надеждѣ отыскать, гдѣ находится *Вассана* (Wassanah), или знаменитая *Вангара* (Wangara), ошибется горько. Въ Раббѣ встрѣтился г. Олдфильдъ съ Арабскими купцами, прибывшими изъ Триполя, Борну и Тимбукту; изъ собранныхъ отъ нихъ свѣдѣній узнаемъ мы только то, что Тимбукту отстоитъ отъ Раббы на *десять*, или *пятнадцать дней* перехода. Мы считаемъ лишнимъ у-

трудать читателя разборомъ столь неопредѣлительныхъ выраженій.

Предъидущія замѣчанія были писаны не съ тою цѣлью, чтобы доказать читателю важную истину: можно сдѣлать замѣчательное путешествіе и дурно описать его. Мы только желали изяснить причины неудачъ и несчастій, которыя на всякомъ шагу преслѣдовали экспедицію Куоррскую. Противъ тропическихкихъ лихорадокъ самое лучшее лекарство спокойствіе духа и благоразумная умѣренность во всемъ; въ торговыхъ сношеніяхъ съ необразованными народами, успѣхъ зависитъ болѣе всего отъ кроткаго обращенія, соединеннаго въ тоже время съ самою строгою справедливостію. Мы не слишкомъ вѣримъ совѣту Г. Лерда, что для избѣжанія лихорадки «надобно только безпрестанно курить, и принимать больше опиума;» также не одобряемъ мы прописываемыхъ имъ порцій крѣпкихъ напитковъ. Но если мы только сомнѣваемся въ дѣйствительности лекарственныхъ средствъ, хвалимыхъ начальниками экспедиціи, то уже совершенно увѣрены что если бы между ними не существовало раздоровъ, если бы въ сношеніяхъ съ туземцами, они не обращались съ презрѣніемъ и явною недоувѣрчивостію, то духъ ихъ не былъ бы тревожимъ безпокойствомъ и огорченіями, которыя въ жаркихъ климатахъ страшно изощряютъ жало болѣзни.

Мы ни сколько не отвергаемъ, что послѣдняя экспедиція Ландера вверхъ по Куоррѣ имѣетъ важное достоинство; она показала Британскимъ купцамъ многолюдную страну и обширное поприще ихъ предпріимчивости; она открыла, хотя и горестными происшествіями, стезю, по которой другіе пойдутъ легко и выгодно. Г. Лердъ свидѣтельствуетъ, въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, вѣжливость, до-

бродушіе и честность жителей обоих берегов Куорры; опытъ послѣдовавшихъ путешественниковъ вполне оправдалъ потомъ хорошее мнѣніе, которое г. Лердъ объ нихъ составилъ. Вотъ его собственныя слова.

« Могу сказать, не боясь противорѣчія, сколько мнѣ позволено опытомъ, что Европейскіе торговцы будутъ всегда приняты съ распростертыми объятіями жителями внутренности Африканскаго материка. Никакой неприязненности они не встрѣтятъ, а, напротивъ того, всевозможное радушіе и уваженіе будутъ имъ вездѣ оказаны; собственность и жизнь каждаго (исключая дѣйствій климата) будутъ всегда на Нигерѣ въ такой же безопасности, какъ на Темзѣ. Эбоевъ, и Африканцевъ другихъ племенъ удерживаетъ отъ торга съ Европейцами, живущими на морскомъ берегу, страхъ, который внушаетъ имъ одно имя благаго человека, и страхъ этотъ искусно поддерживается словами племенъ, расположенныхъ по берегу, и разстроенымъ отъ невольничьяго торга состояніемъ страны. » (Ч. II. стр. 407.

Невозможно оцѣнить блага, приобретаемаго человѣчествомъ, отъ сближенія съ Европейскимъ просвѣщеніемъ народовъ, столь долго отдѣленныхъ отъ всякаго сообщества съ бѣлыми. Все человеческое семейство должно радоваться приближающемуся улучшенію своей значительной отрасли. Но полезнѣе всего такія открытія трудолюбивымъ и мануфактурнымъ народамъ, для которыхъ мѣста сбыта издѣлій дороже золотыхъ рудниковъ, а лучшіе и вѣрнѣйшіе союзники — потребители ихъ товаровъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ распространеніе познанія нашей планеты одинаково важно для торговли и для науки, многимъ покажется странно, что просвѣщенный правительствъ не считаютъ въ числѣ своихъ обязанностей географическихъ изслѣдованій. Но на дѣлѣ выходитъ, что весьма трудно дѣйствовать основательно въ такомъ обширномъ и неопредѣленномъ предметѣ; къ тому же, планы открытій, основан-

ныя на смѣлыхъ предположеніяхъ, и имѣющіе въ виду важныя выгоды, бываютъ часто недовольно блистательны, для того, чтобы обратить на себя должное вниманіе. Напротивъ, тѣ, главная дѣль которыхъ есть рѣшеніе географическихъ задачъ, бывшихъ предметомъ долгихъ и шумныхъ споровъ, всегда привѣтствуются публикою съ большою горячностью. Если для исполненія предпріятій сего рода истрачиваются значительныя суммы, и дѣлаются большія приготовленія, то участіе публики становится еще живѣе. Огромныя суммы были истрачены Британскимъ правительствомъ на рѣшеніе географическихъ вопросовъ, не потому, чтобы свѣдѣнія подобныя открытій вели за собою большія выгоды — нѣтъ! правительство дѣйствовало по вліянію нѣсколькихъ значительныхъ людей, которые крѣпко держались за какія нибудь свои любимыя идеи. — Такимъ образомъ, описаніе ледянаго сѣвернаго берега Америки стоило Англій, можетъ быть, во сто разъ болѣе, нежели описъ всего сѣвернаго берега Сибири стоила Россіи. Если бы десятая часть суммъ, брошенныхъ на отысканіе сѣверо-западнаго прохода, была употреблена исподволь на описанія обитаемыхъ странъ земнаго шара, гдѣ пути уже открыты, нѣтъ сомнѣнія, что результаты могли-бы быть величайшей важности. Такимъ же образомъ, большія суммы были издержаны на открытія въ Африкѣ, съ видами болѣе мечтательными, нежели сбыточными; наконецъ, отыскивая Нигеръ, нашли какъ то нечаянно, что Куорра впадаетъ въ Бенинскій заливъ.

Если экспедиціи въ Африку будутъ продолжаться, то представится еще вопросъ: съ чего теперь начать, и куда направить изслѣдованія? На это мы будемъ отвѣчать, что гдѣ есть торговля, тамъ уже

навѣрно есть и пробитая дорога, болѣе или менѣе надежная; предметомъ дѣйствія должно быть слѣдованіе по такому пути, съ терпѣніемъ, и такъ далеко, какъ сохраненіе личной безопасности дозволитъ, въ увѣренности, что увеличеніе сношеній необходимо повлечетъ за собою расширеніе круга торговой дѣятельности. Если Тимбукту продолжаетъ возбуждать любопытство, туда можно легко достигнуть по Куоррѣ, гдѣ Англійскіе купцы будутъ скоро хорошими, радушно принятыми гостями; можно также достигъ этой обѣтованной земли съ мыса Кость-Кестль, черезъ владѣнія Ашантійскаго короля, на дружбу котораго можно теперь смѣло положиться. Въ западной Африкѣ есть нѣкоторыя мѣста, которыхъ подробное описаніе повлечетъ за собою важные результаты. Такова, на примѣръ, рѣка Нурса (Nourse's river) подъ 17°, 40' южной широты. Не смотря на ея пороги, мелкія суда могутъ легко туда входить; природа страны, по которой она протекаетъ, общаесть, что можно далеко подняться по этой рѣкѣ, прежде нежели глубина и ширина ея начнутъ уменьшаться. Вѣроятно, что это *Кумене* (Cunene), или *Большая рѣка* Португальскихъ картъ, которую изображаютъ текущею изъ холмовъ внутренности Бенгуэлы къ югу. Говорятъ, что племена туземцевъ, расположенныя около ея источника, многочисленны, трудолюбивы, и усердно обрабатываютъ землю. До сихъ поръ, они почти вовсе не имѣли сношеній съ Европейцами.

Наблюдательный путешественникъ, приставъ въ Китовомъ Заливѣ (Walvisch bay), можетъ съ малыми издержками собрать много полезныхъ свѣдѣній, но мѣсто, до такой степени сухое и бесплодное, не заслуживаетъ подобной чести. Вся экспедиція вънутрь Африки, начатая съ Мыса Доброй Надежды,

были подвержены одному важному неудобству: должно пройти 1,000, или 1,500 миль степи, или одностороннихъ равнинъ, прежде нежели начнутся мѣста, на которыхъ любопытство можетъ остановиться. Духъ путешественника невольно поникнетъ, и средства его изсякнутъ, пока встрѣтятся настоящія мѣста открытій.

Восточный берегъ Африки представляетъ любознательности гораздо болѣе благоприятное и занимательное поприще. Замѣчательно, что въ семнадцатомъ столѣтіи, Исаакъ Воссюсъ почти дошелъ до того мнѣнія, что самый удобный входъ вънутрь Африканскаго материка, находится на востокѣ. Онъ говоритъ намъ, что Португальцы весьма усердно хлопотали вокругъ этого мѣста. Мы весьма мало знаемъ съ попытками Португальцевъ проникнуть къ сѣверу до камбези, сдѣланными прежде прошедшаго столѣтія; до насъ дошло только путешествіе какого-то Фонсека (Fonseca), который поднялся по рѣкѣ Ози (Ozy) на разстояніе одиннадцати (или, какъ говоритъ Де Барросъ, пяти) дневнаго перехода. Бывшій Султанъ Патты (Patta), живущій на островѣ, находящемся на рѣкѣ, въ пятнадцати миляхъ отъ устья, поднялся, два года тому, на разстояніе двухъ-мѣсячнаго перехода; онъ желалъ соединиться съ какимъ нибудь Англійскимъ офицеромъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы проехать Африку поперекъ. По караванной дорогѣ, ведущей изъ внутренности страны Сомали къ берегамъ Борборы, въ Аденскомъ заливѣ, люди ходили съ тѣхъ поръ, какъ начала существовать исторія. Ненависть черныхъ, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій исключавшая Европейцевъ изъ Африканскихъ портовъ, нѣсколько времени тому значительно уменьшилась присутствіемъ крейсеровъ Остъ-Индской Компаніи около Сомалийскихъ береговъ; сближеніе

началось непріязненными дѣйствіями, а кончилось взаимною дружбою. Въ 1833 году, когда караванъ изъ 6,000 человекъ спустился къ годовой ярмаркѣ на морскомъ берегу, одинъ изъ предводителей Сомалийскихъ братья благополучно доставить внутрь страны волонтера съ Остъ-Индскаго судна Палинура. Такимъ же образомъ, жители Бревы (Breva), и близлежащихъ береговъ, перестали смотрѣть съ презрѣнною ненавистью на бѣлыхъ; они даже приглашали съ собою, въ свои страны, шкиперовъ съ Англійскихъ купеческихъ кораблей.

Не многимъ извѣстно, что обширныя земли на восточномъ берегу Африки были предложены на продажу королю Елисаветѣ Португальскими купцами; они клялись, что берега изобилуютъ золотомъ, и не принадлежатъ никому, кромѣ *муземцевъ*. Португальскій посланникъ вошелъ съ представленіемъ, или скорѣе съ просьбою, и королева великодушно, отклонила соблазнительное предложеніе. Нынѣ Британскіе купцы дѣятельно заняты и хорошо приняты на этихъ берегахъ. Теперь, духъ Елисаветы ульбнулся бы горделиво, глядя на успѣхи ихъ предпріимчивости, и помогъ бы имъ установить прочное сношеніе съ новооткрытыми народами.

Съ Англ. А. БУТАКОВЪ.

СЕНТЯБРЯ 17-Е, 1851 ГОДА,

въ

НАВПЛІИ ИЛИ НАНОМЛ ДИ-РОМАНИ.

(Изъ рукописныхъ неизданныхъ записокъ).

Въ Воскресенье * 27 Сентября 1851 года, въ прекрасный осенній день, около шести часовъ утра, составлявшіе Навплійскій гарнизонъ полки вы-

* Для полнѣня разсказа, необходимо читателю имѣть передъ глазами планъ *Навплии*, или, по крайней мѣрѣ, включить въ слѣдующее топографическое описаніе сего города:

У подошвы отвѣсной, въ 750 ф., высокой горы, на вершинѣ коей стоитъ крѣпость *Паламиди*, находится холмъ, продолговато-круглый, длиною около версты. Отдѣленный отъ Паламиди ровомъ, онъ тянется отъ В. на З., гдѣ кончится мысомъ, образующимъ Навплійскій рейдъ; съ юга омывается моремъ; съ сѣвера покрытъ домами обывателей, равняющимся выотою со стѣнами, кои составляють его ограду. По мнѣнію ученыхъ, на этомъ холмѣ была древняя Навплия; со временемъ наносы образовали плоское побережье, гдѣ жители построили нынѣшній городъ; Венціане же, владѣя Мореею, чтобы укрѣпить Навплию, поставили Паламиди, а холмъ обратили въ крѣпость Ичь-Кале.

Навплию можно раздѣлить на три части: первая, о коей я говорю, на сѣверной сторонѣ Ичь-Кале; остальные двѣ, на мѣстѣ плоскомъ, раздѣлены довольно толстою стѣною, по параллели Ичь-Кале, начинающей отъ батареи *Пяти Братцевъ* (такъ названной по стоявшимъ на оной некогда пяти орудіямъ, и оканчивающей у лѣваго фланга землянаго бастиона). Отъ сего бастиона, коего лѣвый флангъ входитъ въ море, тянется курттина, почти въ 70 сажень, до моста, находящагося внизу, между Паламиди и Ичь-Кале. Эта курттина единственная защита Навплии съ суши. Означенный мостъ у земляныхъ воротъ, кои одни ведутъ изъ города внутрь, защищенъ съ одной стороны изъ Ичь-Кале батареей, въ три ряда орудій, съ другой бастионами землянымъ и морскимъ. Бастионъ морской

ступали, каждый из своих казармъ, къ сборному мѣсту, на площадь Платанову. Въ ожиданіи службы Господней, напередъ прибывшіе * сложили ружья въ

вѣвѣ отъ земляного, составляетъ полумѣсяцъ, построенный въ водѣ; выстрѣлы его образуютъ съ лѣвобю другихъ укрѣпленій перекрестный огонь. Отъ подошвы Ичъ-Кале до стѣны простирается вторая часть города; третья, родъ приморскаго предместья, отъ стѣны до набережной.

По вѣстивъ въ Напайю земляными воротами, грязная уллица, извиваясь по подошвѣ Ичъ-Кале, ведетъ васъ почти прямо къ батарее Пяти Братьевъ. На сей улицѣ церковь Св. Спиридонія, и двери ея обращены въ переулокъ, взирающійся въ часть города, названную нами первою. Не воображайте, чтобы сія церковь имѣла величавую паружность подобно храмамъ Господнимъ во всякомъ другомъ мѣстѣ: это просто прямоугольникъ подъ крышей, не отдѣляющійся отъ прилежащихъ зданій, въ одной съ ними линіи, съ однимъ входомъ и боковой дверью, не болѣе двери обывательскаго дома. У батареи Пяти Братьевъ пространство между моремъ и стѣною невелико, такъ, что море почти ее омываетъ; предместье же приморское занимаетъ на значительное разстояніе ниже. Батарея Пяти Братьевъ имѣетъ ворота, обращенныя на деревянный вѣлъ, къ коему могутъ приставать всякаго рода суда; сія ворота обыкновенно закрыты, отпираютъ ихъ лишь въ нуждѣ.

Идучи отъ батареи назадъ, встрѣчаете отдѣльный казенный домъ, въ которомъ жили начальники регулярныхъ войскъ, ген. Жераръ, и его штабъ. По сію сторону, ближе къ морю, домъ Г. Трикупи, занимаемый Французскимъ резидентомъ Барономъ Руаномъ, а подлѣ онаго черезъ 3 или 4 сажени, на конхъ разведенъ небольшой садъ, домъ маіора Вальяно. Ходъ въ толщѣ стѣны идетъ въ уровень съ окнами перваго этажа сихъ домовъ, и отдѣляется отъ нихъ пространствомъ въ 3 или 4 аршина. Сей тротуаръ выходитъ на водоемъ, образующій родъ террасы, и обращенный на уголъ дома Вальяно.

Самыя замѣчательныя мѣста въ городѣ (замѣчательныя относительно къ нашему повѣствованію) суть, во первыхъ тѣ, о конхъ я упомянулъ, потомъ домъ Барона Рикмана, резидента Россійскаго, лежащій подлѣ земляной куртны, и одною стороною достигающій площади Трехъ Адмираловъ, гдѣ находится домъ Герузии, или сената, и дворецъ Президентовъ. Черезъ сей послѣдній пролетаетъ дорога на улицу, ведущую мимо дома Военной Школы и архіепископскаго, на площадь Платановъ. Площадь Платановъ сборное мѣсто войска; главное ея зданіе казармы, поставлены на аркадахъ: подъ ними военная тюрьма и главная караульня.

* Мы, съ иными обычайми, удивлялись будемъ столь раннему случаю обѣдни. Но въ Греціи литургія бываетъ рано, по необходимости для Христіанъ кончать свое богослуженіе, прежде чѣмъ подымался

козлы, и разбрелись по окрестности. Войско собиралось обыкновенно въ церкви Св. Георгія, почитавшейся соборною. Президентъ Греціи И. А. Каподистрія предпочтительно слушалъ обѣдню въ храмѣ Св. Спиридонія, зданіи печальномъ, темномъ, построенномъ, такъ сказать, въ западнѣ. Рѣдко пропускалъ онъ праздникъ, не побывавъ у литургіи.

Въ тотъ день, нѣсколько минутъ спустя по пробитіи 6-ти часовъ, Графъ отправился въ церковь съ обычнымъ послѣдомъ: слугою Албанцемъ и тѣлохранителемъ Георгіемъ Кандіотомъ *. Давно уже не былъ онъ въ лучшемъ духѣ; глядѣлъ въ лорнетъ на встрѣчныхъ, привѣтливо отвѣтствовалъ на поклонны **; по видимому ни сколько не страшился за жизнь, и не предчувствовалъ ждавшей его гибели.

Артиллерійскіе офицеры, случившіеся въ кофейнѣ *Алекссевской*, почти о-бокъ церкви Св. Спиридонія, явственно слышали три выстрѣла, одинъ вслѣдъ за другимъ. Спустя минуту, нѣкто, бѣжа безъ памяти, кричитъ изо всѣхъ силъ, что Президента убили! Офицеры, подозрѣвая въ семъ поступкѣ умыселъ къ взволнованію умовъ, велѣли схватить бѣжавшаго,

Турки, дабы избѣгнуть оскорбленій, къ какимъ оно могло подать поводъ. Долгій навѣкъ сохранилъ сей обычай, а послѣ изменили оный лишь въ немногомъ.

* Президентъ не любилъ пышнаго послѣда, и едва позволялъ слѣдовать за собою слугѣ Албанцу, присоединялся ли къ послѣдному другою служитель; это случалось иногда даже противъ его приказаній. Одинъ, съ тросточкой въ рукѣ, въ скромномъ нарядѣ простаго гражданина, онъ ежедневно, въ определенное время, прогуливался, ходилъ весьма скоро часъ и два, въ мѣстахъ самыхъ уединенныхъ. Не весьма жаловалъ онъ Георгія Кандіота, который въ тотъ день за нимъ слѣдовалъ. Кандіотъ лишился лѣвой руки въ войнѣ за отчину.

** Президентъ былъ въ духѣ веселомъ, отъ оборота, какой принималъ дѣла. Онъ получилъ благопріятныя вѣсти изъ Лондона. Сверхъ того Кондуриоти, глава недовольныхъ, извѣдывъ ему письмомъ готовность покориться, если Президентъ приложитъ стараніе, чтобы сіе покорство не было въ ущербъ его самолюбію.

но увѣренность въ его лицѣ, и подробности въ разсказѣ, разсѣяли всѣ сомнѣнія объ истинѣ страшнаго событія.

Главный комендантъ крѣпости, полковникъ (потомъ генералъ) Альмеда, приказалъ тотчасъ ударить сборъ, и немедленно отрядилъ къ церкви Св. Спиридонія артиллерійскую роту *. Артиллеристы, по прибытіи, застали тамъ людей, уже возлагавшихъ тѣло Президентова на носилки; одинъ изъ офицеровъ поднялъ съ земли окровавленный пожъ; на лицахъ безмолвныхъ свидѣтелей сего раздирающаго душу зрѣлища изображались страхъ и горестъ. Между тѣмъ, какъ командиръ роты занялся водвореніемъ порядка въ церкви, внезапно послышались въ улицѣ, на высотахъ Инъ-Кале, голоса: «Вотъ онъ! Вотъ убійца! Растерзайте это чудовище! Нѣтъ пощады злодю!» Офицеръ, сержантъ и четверо рядовыхъ бросились въ погоню за бѣжавшимъ. Убійство совершилось слѣдующимъ образомъ.

Президентъ, подходя къ церкви, смутился при видѣ *Константина* и *Георгія Мавромихали*, стоявшихъ на паперти, первый по лѣвую, второй по правую сторону двери. Получивъ передъ тѣмъ намеки объ ихъ свойствахъ и злобномъ замыслѣ **, не могъ

* Греческая артиллерія устроена по образцу Французской, и состоитъ изъ баталіоновъ (быть ихъ всего одинъ), кои раздѣлены на роты; солдаты имѣютъ ружья; хожденіе за орудіями составляетъ особенную службу.

** Президента не разъ извѣщали о злоумышленіяхъ на его жизни, но, въ безстрашіи доброй совѣсти, онъ имъ не вѣрилъ. Не могъ онъ вообразить, чтобы хотѣвшій действительно его извести, предпочелъ опасность убійства гласнаго умерщвленію его въ кабинетѣ, откуда преступникъ могъ свободно убивать, прежде чѣмъ кто-либо свѣдѣлъ о преступленіи. Потому, всегда отвѣтствовалъ онъ на предостереженія: «Согласно еди съ разсудкомъ искать меня, Богъ выдастъ гдѣ, для убійствъ? Да и къ чему это? Всѣмъ извѣстно, что я доступенъ всякому; что передняя «молъ, въ коей всего на все нѣсколько слугъ, отдѣляется отъ приемной «тремя или четырьмя комнатами, гдѣ никого не бываетъ. Вообразите

онъ, встрѣтившись съ ними, не обнаружить изумленія, и на мгновеніе остановился, но словно устыдился сего невольнаго впечатлѣнія, оправился, и проходя мимо, приподнялъ шляпу, чтобы поклониться сперва Константину, а потомъ Георгію. Константинъ, отвѣтствовавшій на поклонъ снятіемъ капюшка лѣвою рукою, схватываетъ мгновеніе, когда Президентъ обратился къ Георгію, вынимаетъ изъ подъ *бурну* * правую, стрѣляетъ изъ пистолета, и тутъ же, замѣтивъ, что даль промахъ, вонзаетъ президенту ножъ въ животъ. При громѣ пистолета, Графъ поворотилъ голову вправо, и въ то же время схватился за рану **. Тогда Георгій, въ свою очередь, вынулъ изъ подъ плаща пистолетъ, выстрѣломъ, раздробилъ ему черепъ ***. Когда убійцы приготовились къ бѣгству, одинъ изъ заговорщиковъ выстрѣлилъ въ третій разъ, для разогнанія толпы и способствованія ихъ уходу.

Албанецъ президентовъ, остолбенѣвъ, не двигался съ мѣста. Георгій Кандіотъ, одною своею рукою, поддерживаетъ падающаго, спускаетъ тѣло до земли, хватается за пистолетъ и цѣлитъ въ Георгія Мавромихали, побѣжавшаго вправо, вдоль церковнаго строенія, по направленію баттарей Пяти Братьевъ. Но пистолетъ осыкъся. Сунувъ оный за кушакъ, вынимаетъ

«же себѣ челоуѣка могучаго, какъ (тутъ онъ называлъ лице); за чѣмъ «ему ятаганъ и пистолеты? Стоитъ меня схватить, задушить въ объятіяхъ, посадить бездыханнаго въ кресла, и спокойно уйти, прежде чѣмъ кому либо прійдетъ на умъ, что я Богу отдалъ душу!»

* *Бурну*, названіе круглаго, легкаго плаща изъ бѣлой шерсти, безъ рукавовъ, съ капшюномъ, наверху котораго шелковая кисть; преимущественно носятъ оный въ Египтѣ, для предохраненія себя отъ вечерней росы.

** Легко вообразить, что описанное здѣсь совершилось скорѣе, чѣмъ сказано: не возможно въ разсказѣ передать быстроту дѣйствія.

*** Пистолеты заряжены были отличнымъ Англійскимъ порохомъ, съ двумя пулями, связанными желѣзной проволокой.

онъ другой, стрѣлеть въ Константина, пробравшагося по переулку, который тянется противъ церкви вверху, и въ 40 шагахъ пробиваетъ ему лѣвый бокъ; потомъ, не теряя ни минуты, бросается въ погоню снова за Георгіемъ, котораго не могъ однако жъ достигнуть. Пока Кандіотъ гнался за нимъ послѣднимъ, прибыло къ церкви войско, и какъ я сказалъ выше, по случаю воплей, отправленъ былъ отрядъ схватить убійцу. Константинъ Мавромихали, сперва бжавшій удивительно быстро, по полученіи раны подвигался впередъ невѣрнымъ шагомъ, исходя кровію и силами. Когда замѣтилъ, оглинувшись, несшихся на него воиновъ, пошатнулся, упалъ и невнятнымъ голосомъ воскликнулъ: «Не лишайте меня жизни; не я причиной, что мы убили Президента!» Тщетно командовавшій отрядомъ офицеръ старался укротить разсвирѣпѣвшихъ воиновъ: они бросились съ прикладами на Константина; народъ къ нимъ присоединился; въ одно мгновеніе тѣло его было ужасно изувѣчено и одежда исгерзана. Между тѣмъ, Кандіотъ, вотще пытавшійся отыскать Георгія Мавромихали и его сообщниковъ, воротившись и свѣдавъ по крику и проклятіямъ народнымъ о мѣстѣ, гдѣ лежалъ Константинъ, пробивается черезъ толпу, и вторично разить его въ правое плечо. Когда остервененіе немного стихло, несчастнаго подняли съ улицы, и бросили подъ своды казармы Платановой, гдѣ, спустя 10 или 20 минутъ, въ ужасныхъ мученіяхъ, при судорогахъ, обнаруживавшихъ страданія нестерпимыя, закиданный проклятіемъ столпившихся жителей, въ знакъ омерзнія плевавшихъ на тѣло, онъ испустилъ духъ*. Комендантъ, и при немъ нѣсколько воинскихъ начальни-

* Сперва не знали въ народѣ, кто убійца; судя по наружности, признали Константина за Турка.

ковъ, понималъ важность событія, занимался раздѣланіемъ зарядовъ и назначеніемъ городскихъ постовъ, какъ вдругъ появился на сборномъ мѣстѣ, съ 4-ми товарищами, рядовой, влача за длинныя волосы, которыми обвилъ себѣ руку, тѣло Мавромихали, почти нагое, оставлявшее за собою по дорогѣ кровавую струю, и изорванные клочья прикрывавшей оное одежды. При семъ зрѣлищѣ, ратники, стоявше всѣ подъ ружьемъ, выпускаютъ бѣшеный крикъ, и начальникамъ стоило трудовъ неимовѣрныхъ укротить равнившихся впередъ на терзаніе несчастнаго убійцы.

Между тѣмъ, заперли всѣ ворота городскія, какъ съ суши, такъ и съ моря; солдаты отправленной къ храму роты перенесли тѣло павшаго начальника въ домъ его, и приняты были мѣры къ благовременному предупрежденію всякаго безпорядка, который отъ остервененія партій, еще болѣе раздраженныхъ событіемъ того дня, вѣроятно, повлекъ бы за собою кровопролитіе и убійство. Съ перваго взгляда легко было измѣрить всю великость грозившей опасности, ибо злодѣйство сего рода никогда не творится безъ увѣренности въ сильной опорѣ. Последнее, правда, была догадка, но догадка, подтверждаемая столькими обстоятельствами, что ей нельзя было не вѣрить.

Непреклонная истина приподниметъ нѣкогда завѣсу, покрывающую злодѣяніе, и безпристрастное потомство произнесетъ приговоръ праведный надъ нечестивцами, породившими преступленіе — позоръ и поношеніе на всѣхъ, кои были къ оному причастны!

Оградивъ общее спокойствіе мѣрами предосторожности, храбрый комендантъ Альмеда, въ товариществѣ съ полковникомъ С. и подполковникомъ Р., отправился на площадь Трехъ Адмираловъ, куда въ то

же время слѣдовалъ начальникъ регулярныхъ войскъ, генералъ Жераръ, со своимъ штабомъ, и гдѣ соби-
рались всѣ власти городскія, гражданскія и воен-
ныя. Подъ сводомъ дворца стояла въ боевомъ по-
рядкѣ рота артиллеристовъ, переносившихъ тѣло
президентова, въ бѣлыхъ панталонахъ, запятнан-
ныхъ кровію, что наводило невольный ужасъ; въ
передней, на ступеняхъ лѣстницы, еще дымилась
кровь. Люди простаго званія, изъ толпы, тѣснив-
шейся у дворцоваго подъѣзда, послѣ усиленныхъ
просьбъ, принимали за особенную милость омочить
въ ней платки, собирая такимъ образомъ съ жадно-
стію драгоценныя останки лучшаго изъ человѣковъ,
когого приобыкли они называть отцемъ. Окна окресъ
лежащихъ домовъ усыяны были скорбѣвшими, кои
выражали бременную ихъ горестъ, не безмолвною
слезою, а стенаніями и воплями. И не поль болѣе
чувствительный, не нѣжный возрастъ платили сію
дань, которой могутъ требовать лишь добродѣтель
и высокія качества сердца и души — платили ее
всѣ безъ различія, и помѣщики, и отецъ семейства,
и престарѣлый воинъ, никогда не колебавшійся отъ
огня и желѣза браннаго, богатые и бѣдные, малые
и великіе, всѣ лили горькія слезы, нарекали другъ
передъ другомъ на постигшее ихъ злополучіе, опла-
кивали трату, въ незамѣнностіи коей были убъ-
ждены.

Горести мужа преклонныхъ лѣтъ нельзя сравнить
ни съ чѣмъ; слезы, льющіяся изъ впалыхъ очей
старца, нисходяція по его маститой, бѣлой боро-
дѣ, истинно терзаютъ душу; надлежитъ самому быть
при семъ ужасномъ зрѣлищѣ, чтобы вполне оцѣ-
нить производимыя имъ ощущенія, особенно ког-
да помыслишь, что сей старецъ крушится не о соб-
ственномъ злосчастіи, что онъ рыдаетъ о бѣд-

ствіяхъ отчизны, коей язвы, едва зажившія, гото-
вы раскрыться, коей каждое потрясеніе будитъ въ
немъ скорбныя, болѣзненныя воспоминанія.

Комендантъ и сопутствовавшіе ему воинскіе на-
чальники явились тотчасъ за приказаніями къ Гра-
фу Августину Каподистрія, признавая его времен-
нымъ главою государства, по званію полномочнаго
правительственнаго намѣстника, титулъ, коимъ онъ
облеченъ былъ еще при жизни брата. Они нашли
Графа Августина убитого скорбію, ни мало од-
нако жъ не измѣнившаго важности правителя. Онъ,
правда, являлъ на лицѣ гнѣздившееся въ душѣ чув-
ство, но въ наружности вполне сохранилъ благо-
родную гордость. Твердымъ голосомъ сказалъ онъ
подошедшимъ къ нему воинамъ, что ввѣряетъ себя
ихъ чести, и поручаетъ имъ одно: блюсти за по-
рядкомъ и общественною тишиною. На площади Ад-
мираловъ, сенаторы и другіе чиновники, старшіе и
младшіе, толпились кругомъ полубаталіона, который
облокотясь на ружья, слушалъ рѣчи генерала Же-
рара, объѣзжавшаго верхомъ рядъ, съ приглашеніемъ
къ воинамъ успокоиться.

Разставшись съ Графомъ Августиномъ, комендантъ,
при выходѣ изъ дворца на означенную площадь,
встрѣтилъ перваго Князя Караджу, одного изъ са-
мыхъ непримиримыхъ враговъ Президента. Князь, съ
блѣднымъ, разстроенымъ лицемъ, на коемъ про-
являлась коварная, съ трудомъ удерживаемая ра-
дость, дрожащимъ, прерывающимся голосомъ спро-
силъ: «И такъ онъ уже не живъ? Его убили? И дѣй-
ствительно умеръ? и нѣтъ уже надежды?» Подпол-
ковникъ Р., негодуя, что лице столь ничтожное яви-
лось въ эту минуту, словно ругаться скорбію об-
щественною, отворотился, промолвивъ: «Такое без-
стыдство непонятно! Не постигаю, какъ нѣкото-

«рые люди дерзають показываться въ подобныхъ «обстоятельствахъ. Почему, полковникъ, вы не прогоните этого негодяя?» Такая рѣчь сильно подѣйствовала, и Князь Караджа тотчасъ поворотился, преслѣдуемый сперва бранью, потомъ криками: «Схватите, убейте, злодѣя!» Вооруженные, конь привлекъ шумъ, зная притомъ Князя лично, кинулись на него, и пистолетъ былъ уже приставленъ къ его груди, когда архіепископъ, подъ окнами коего толпа бушевала, уговорилъ ее не посылать на убійство, а виновнаго, буде онъ таковъ дѣйствительно, предать въ руки властей. Почтенный голосъ первосвященника и усилія нѣсколькихъ мужей добра, случайно тутъ очутившихся, отвратили преступленіе, которое, вѣроятно, было бы знаменіемъ большихъ бѣдствій, ибо въ то время, какъ я сказалъ выше, малѣйшее потрясеніе могло имѣть пагубныя послѣдствія. Князя Караджу отвели и заперли въ темницу главной караульни.

Комендантъ, отправился для обхода постовъ, кои во весь тотъ день оставались подъ ружьемъ.

Во все это время Резиденты Англійскій и Французскій были на совѣщаніи у Барона Рикмана, Резидента Россійскаго. Подполковникъ Пелмонъ, начальникъ штаба регулярныхъ войскъ, потребовалъ у нихъ аудіенціи, и допущенный, объявилъ имъ именемъ своего генерала, «что какъ государство кончиной Президента Іоанна Каподистрія лишилось главы; Греція же пользуется защитой покровительствующихъ ей державъ, то онъ, бывъ убѣжденъ, «что при волненіи, въ какомъ страна сія находится, они, именемъ своихъ Государей, возмутъ на себя управленіе края, прислалъ требовать приказаній «отъ нихъ, какъ единственной власти, которую въ настоящее время можетъ признать законною, и

«просить для себя званія главноначальствующаго, «увѣряя, что»... и проч. и проч. Гг. резиденты, по зрѣломъ сужденіи объявили единогласно, что ни сколько не будутъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе Греціи.

Воротившись на площадь Адмираловъ, комендантъ былъ призванъ Резидентами Французскимъ и Англійскимъ, вышедшими отъ Россійскаго, гдѣ, какъ сказано, происходило совѣщаніе. Они потребовали отъ него распоряженій для свободнаго сообщенія со стоявшими на рейдѣ военными судами. Полковникъ Альмеда приказалъ подполковнику Р. отправиться, съ находившеюся подъ дворцовыми сводами ротой, къ батгареѣ Пяти Братьевъ, и дозволить Гг. резидентамъ безпрепятственныя сношенія съ своими флотами. Р. просилъ Гг. Резидентовъ не поручать сношеній никому, кромѣ особъ, принадлежавшихъ къ посольствамъ, или собственныхъ слугъ, присвокупивъ, что пока убійцы главы государства не въ рукахъ правительства, опасно, чтобы, при неразборчивомъ употребленіи лицъ, не ускользнули виновные, воспользовавшись правами, присвоенными Гг. Резидентамъ; въ такомъ случаѣ онъ, Р., подвергается тяжелой ответственности, да и сами Гг. Резиденты не избѣгутъ несприятныхъ толковъ, неминуемыхъ послѣ подобнаго событія. «И такъ», прервалъ Баронъ Руанъ, «вы, сударь, хотите предписывать намъ условія? Но знайте, что мы не расположины терпѣть ни отъ кого никакихъ ограниченій; если же предполагаете притѣснить насъ, мы оставимъ городъ немедленно.» — «Да», присвокупилъ Англійскій резидентъ Докинсъ, «мы тотчасъ выйдемъ изъ города.»

Полковникъ Альмеда, мужъ правдивый, но вспыльчивый, какъ всякій Португалецъ, отвѣтствовалъ, что

если угодно Гг. Резидентамъ оставить городъ, никто не можетъ въ этомъ помѣшать; впрочемъ, онъ находитъ замѣчаніе г. Р. весьма дѣльнымъ, ибо, по его мнѣнію, никто не въ правѣ стѣснять мѣрѣ законныхъ; воинъ же, радѣющій о чести, не можетъ пренебрегать ими, безъ ущерба доброму своему имени.

Подполковникъ Р., прибывъ съ отрядомъ къ батареѣ Пяти Братевъ, разставилъ часовыхъ, устроилъ обходы, и распорядился, чтобы посредствомъ находившихся въ безпрестанномъ движеніи оберъ и унтеръ-офицеровъ имѣть, чрезъ каждыя 10 минутъ, свѣдѣнія о происходившемъ въ другомъ концѣ города. Не прошло четверти часа, какъ караульный у водоема, обращеннаго на дома Вальяно и Барона Руана, сообщилъ Р. старшему, что черезъ рѣшетчатыхъ окна сихъ зданій переговариваютъ знаками, весьма подозрительными. Свѣдавъ о семъ, предписалъ онъ офицеру, который начальствовалъ отрядомъ въ Ичь-Кале, съ другой стороны господствующемъ надъ сими двумя домами, усугубить надзоръ за происходившими въ оныхъ движеніями, и о послѣдующемъ ему доносить. Вскорѣ офицеръ извѣстилъ его, что изъ одного дома въ другой разныя лица пробраются украдкой, оглядываясь кругомъ, словно боятся быть замѣченными; что видѣли особу, проходившую черезъ садъ въ женскомъ платьѣ, полу косы измѣняли осанку, ростъ и поступь. Р., немедленно сообщившій все это коменданту, спрашивалъ его совѣта, какъ открыть эту тайну, и оба рѣшили ограничиться надзоромъ, избѣгая шума, который, безъ сомнѣнія, взволновалъ бы весь городъ.

Въ 10 часовъ до полудня Баронъ Руанъ прибылъ къ Навплійскому гражданскому губернатору Аксіоти, съ извѣщеніемъ, что убійцы у него, и съ просьбою избавить его отъ ихъ присутствія. Губернаторъ

не хотѣлъ приступить къ дѣлу до обнаруженія рѣшеній Сената, коего засѣданіе тогда еще не кончилось. Едва Сенатъ приговорилъ выдать государствомъ *Правительственной* Коммисіи, состоящей изъ трехъ лицъ: Президента Графа Августина Каподистрія и членовъ Кондуріотти и Колетти *, губернаторъ тотчасъ явился къ нимъ за повелѣніями, и спустя нѣсколько минутъ, когда было 2¹/₂ часа по полудни, комендантъ отправился съ сильнымъ отрядомъ къ дому Французскаго посольства для принятія обвиненныхъ въ умерщвленіи Президента. По прибытіи, комендантъ введенъ къ Резиденту, который сперва потребовалъ отношенія письменнаго; получивъ оное, онъ объявилъ, что обвиненный не мыслить уклоняться отъ дѣйствій правосудія, а боится лишь гнѣва и запальчивости, волновавшихъ умы.

Губернаторъ, извѣщенный о прольвавшихся признакахъ возмущенія, пріѣхалъ самъ къ Барону Руану и объявилъ ему, что не отвѣчаетъ за могущее послѣдовать ночью, если до наступленія оной виновный не будетъ въ рукахъ власти. Г. Резидентъ обѣщалъ выдать Мавромихали, съ тѣмъ, чтобы обязались оградить его отъ оскорбленій на пути въ темницу.

Комендантъ, вторично воротившись къ дому Французскаго посольства, ожидалъ арестанта на улицѣ. Спустя нѣсколько времени, пришелъ полковникъ Пелліонъ, чтобы извлечь Мавромихали изъ его комнаты, и такъ сказать, втолкнуть въ середину конвоя. Мавромихали, блѣдный какъ смерть, дрожа какъ листъ, явно показывалъ, что его влекутъ противъ воли. Была уже ночь.

=

* Кондуріотти находился 27-го Сентября въ Критенѣ, и былъ назначенъ въ отсутствіи.

Остается дать понятие о характерѣ убійцы, и ознакомить читателя съ обстоятельствами, подавшими поводъ къ страшному злодѣянію.

Мавромихали ведутъ родъ свой изъ Майны, древней Спарты (см. сказанное объ ней Байрономъ). Между тѣмъ, какъ Греція томилась въ неволю, Майноты сохраняли первобытную независимость. Населяя страну дикую и бесплодную, они удержали бранный духъ, столь чудный въ исторіи ихъ предковъ, и никогда не несли Оттоманскаго ига, огражденные бѣдностію отъ алчности Турокъ, которые всегда почитали покореніе ихъ несостоящимъ труда. Они добровольно признали право Порты утверждать перваго ихъ сановника, зовомаго беємъ. Члены Дивана этимъ пользовались, чтобы налагать дань на избраннаго, мало заботясь, будетъ ли уваженъ выдаваемый ему фирманъ.

Съ нѣкотораго времени сей первый между Майнотами санъ сдѣлался достоиніемъ рода Мавромихали; народъ уже привыкалъ величать ихъ царями; но въ самомъ ихъ семействѣ званіе бея не разъ причиняло споры. И такъ какъ война всегда по праву этой толпы людей непокойныхъ, алчныхъ, свирѣпыхъ, то рождалась распри, иногда за притязанія на первенство, иногда по другимъ, самымъ ничтожнымъ причинамъ, и междуусобіямъ не было конца.

Вся жизнь Майнотовъ есть родъ охоты за людьми. Жены ихъ исправляютъ тяжелую работу, обо всемъ заботятся, обо всемъ пекутся, сѣютъ, собираютъ. Ячменный хлѣбъ въ небольшомъ количествѣ, лукъ, чеснокъ, нѣсколько маслинъ, молоко, сыръ, и соленья куропатки, изобильно запасаемыя въ передеть сихъ птицъ — такова скудная пища Майнота; его воздержаніе истинно удиви-

тельно. Живетъ онъ въ отдельной башнѣ, съ террасой вмѣсто крыши; верхнее жилище опредѣлено для женщинъ; въ нижнемъ, усѣянномъ стрѣльницами, мужчина, съ мандолиной въ рукахъ, поючи, выжидаетъ врага, сподвижника непріязненной стороны. Горе неосторожному, если пройдетъ подъ его выстрѣломъ! Онъ непременно падетъ отъ руки противника, который, совершивъ ударъ, бросаетъ ружье, и спокойно взявшись опять за мандолину, продолжаетъ прерванную пѣсню. Въ извѣстныхъ эпохи, жены, вообще не вмѣшивающіяся въ распри мужей, съ террасъ сражаются пращами, которыми владѣютъ весьма искусно; во время сихъ перестрѣлокъ мужчины почитаютъ себя въ перемиріи, и спокойно взираютъ на подвиги своихъ половинокъ. Графъ Андрей Метакса, вздвигннй въ Майну въ 1830 году, по приказанію правительства, увѣрялъ, что видѣлъ съдобородыхъ старцевъ, цѣляя сорокъ лѣтъ не переступавшихъ за порогъ своей двери, и занятыхъ день и ночь выжиданіемъ лицъ, коимъ поклялись враждою непримиримою. Во всю войну возрожденія Греціи, Майноты, если не подвизались противъ общаго врага, Турокъ, то бились непрестанно другъ съ другомъ.

Старшая отрасль дома Мавромихали искони была въ распрѣ съ младшею; сторонники той и другой поочередно воевали, грабили, убивали противниковъ, по правилу дикихъ: кровь за кровь. Когда начало водвориться въ Греціи нѣчто похожее на законный порядокъ, ненависть между враждующими не прекратилась, но стихла прежняя запальчивость, взяты мѣры предосторожности. Пользуясь общою безпечностію, Константинь, братъ, и Георгій, сынъ Майнотскаго Бея Петра Мавромихали, обыкновенно называемаго Петро-Беемъ, схватили и зарѣзали од-

ного Мавромихали младшей отрасли. Время возмездий миновалось; притомъ кровные убитаго чувствовали себя слабѣе, а посему прибѣгнули къ мести закона. Они обратились съ жалобой къ Президенту, который повелѣлъ призвать виновныхъ къ отвѣту передъ судъ, въдвѣно коего подмежало ихъ преступленіе.

Здѣсь дѣло историка становится весьма труднымъ, если читатель не знакомъ съ обычаями страны, а чтобы дать ему объ нихъ малѣйшее понятіе, надлежитъ войти въ подробности, коиъ не позволяютъ предѣлы нашей статьи. Надобно знать, что во все время вѣствованія Турокъ, дѣла, касавшіяся Греціи и Греческаго населенія, самаго многочисленнаго въ Турціи, ведены были сословіемъ людей, кои составили родъ аристократіи, и подъ именемъ хаджи-башей, примасовъ, и проч. находились во главѣ управленія, предоставивъ Турецкому наместнику пышность титула, и все, что приводитъ въ ненависть исполнителей власти. Паша только и жаловалъ, только и щадилъ черезъ посредство сей аристократіи, которая творила зло именемъ существовавшаго правительства, милости же ставила себѣ въ заслугу. Сею коварною системою она приобрѣла на народъ вліяніе, коего свергнуть съ себя онъ долго еще будетъ не въ силахъ, а пока оно длится, до тѣхъ поръ спокойствіе не водворится въ Греціи, ибо всякій законный порядокъ, нарушая выгоды сего сословія, долженъ будетъ подвергнуться нападеніямъ клеветы, криводушія и козней, которыя всегда найдутъ подпору и содѣйствіе въ невяжествѣ и предрассудкахъ низшихъ сословій. Вотъ въ короткихъ словахъ вѣрное изображеніе того, что послѣдовало съ Графомъ И. А. Каподистрія. Едва занялся онъ водвореніемъ въ Греціи порядка, всѣ

примасы съ подручниками громко завопили, а положеніе страны не разъ подавало имъ къ тому поводъ.

Учрежденіе судовъ было мѣрою необходимости, но какъ избирать толкователей закона изъ среды народа, столько лѣтъ прозбавшаго подъ гнетомъ варваровъ? Президентъ былъ принужденъ преимущественно вѣрять судейскія мѣста Грекамъ острововъ Іонійскихъ, которые одни имѣли кой-какія свѣдѣнія въ правахъ. Правда и то, что сіи островитяне толпами пріѣзжали въ Грецію, съ увѣренностію, что какъ соотчичи Президента (извѣстно, что онъ родился въ Корфу) будутъ располагать мѣстами. Враги его не упустили сего случая къ изліянію своей неприязни, разглашая, что, по внушенію несправедливаго пристрастія, онъ лишаетъ туземцевъ почетнѣйшихъ званій, для облеченія оными скопища своихъ Іонійскихъ клеветовъ. Надлежитъ знать всю силу предубѣжденій мѣстныхъ, дабы постигнуть, какое дѣйствіе долженствовало произвести позывъ Бей, честимаго Майнотскимъ Царемъ, въ судъ состоявшій изъ лицъ, къ коимъ Греки оказывали величайшее презрѣніе! Чувствую, что мнѣ чрезвычайно трудно сдѣлаться понятнымъ для читателя Европейца, но не менѣе того справедливо, что изъ всѣхъ мѣръ Президента, учрежденіе судовъ въ Греціи, требовавшее всѣми сословіями жителей, возбудило самыя сильныя неудовольствія, и единственно тому причиною были лица судей, которые, въ противность нашимъ понятіямъ, почитаются у Грековъ силой, а не хранителями, не орудіями закона, коему обязаны безусловнымъ покорствомъ. Призывы въ судъ, самыя праведныя, ославлены были, какъ дѣла своевластія, и даже люди съ явнымъ рассудкомъ понимавшіе, что значить дѣйствіе закона, вопили

за одно съ недовольными, если того требовала ихъ выгода, кричали о тираннїи, чернили всѣ поступки власти Президента. Съ своей стороны иноземцы, по видамъ личнымъ, не переставали поселять въ умахъ неуваженіе къ правительству, всякій разъ, когда находили къ тому предлогъ.

Старикъ Петро-Бей, негодуя на своевластіе Президента (такъ величалъ онъ его поступокъ) за указъ его брату и сыну явиться къ суду, поощряемый злобными научниками, образовалъ черезъ своихъ повѣренныхъ возстаніе въ Майнѣ, и дабы самому предводительствовать онымъ, тайно отправился изъ Навплии, въ Январь 1831 года, съ намѣреніемъ достигнуть приморскаго города Лимени, но застигнутый сильною бурей, принужденъ былъ пристать къ берегу у Арширо, въ заливѣ Каламатскомъ, гдѣ мѣстные власти, предупрежденныя циркуляромъ о враждебныхъ замыслахъ стараго Мавромихали, схватили его, и отвезли въ Навплию. Тамъ заперли его въ крѣпость Ичь-Кале.

Пока Петро-Бей содержался за преступленіе политическое, а братъ его и сынъ находились подъ уголовнымъ слѣдствіемъ, въ разныхъ концахъ Греціи вспыхнули возмущенія. Иной заключить изъ сего, что неудовольствіе было всеобщее. Совсѣмъ нѣтъ. Говоря о Грекахъ, надлежитъ ихъ раздѣлять на жителей мирныхъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцевъ, которые, хотя и многочисленнѣе, имѣютъ, какъ и вездѣ, мало вѣсу, въ Греціи же менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, потому, что быть ихъ, отъ переходчиваго, временнаго положенія, въ какомъ доселѣ находилось государство, не упроченъ выгодами существенными, и на толпу людей, собственно принадлежащихъ буйству страстей. Сн состоятъ частью изъ туземцевъ, частью изъ Грековъ-иностранныхъ,

членовъ семейства Греческаго, разсыяннаго по всей поверхности Земнаго Шара. Изъ сихъ послѣднихъ, по большей части, самые негодные послѣдовали за знаменами возрожденія своей отчизны, но увлеченные видами личными, не всторгомъ, достойнымъ столь благороднаго дѣла. Они нашли кой-какія должности, по прихоти служили и нѣтъ, когда же для Греціи просіяла надежда на лучшую будущность, налетѣли на нее какъ хищные вороны, громко разглашая о своихъ правахъ на признательность народную. Послушать каждаго, такъ ему одному отечество обязано было спасеніемъ. Чтобы дать понятіе о несообразности между просителями и средствами, какими могло располагать правительство для удовлетворенія ихъ требованій, достаточно будетъ сказать, что когда Президентъ раздѣлилъ Грецію на 10 или 11 префектуръ (эклатось, эпитрописъ), то явилось 600 кандидатовъ, всѣ съ притязаніями на мѣста префектовъ. Допустивъ то же содержаніе для всѣхъ должностей въ другихъ отрасляхъ управленія, вы составите себѣ слабую идею о трудности для правительства удовлетворить сію тму жаждущихъ, кои всѣ хотѣли кормиться казною государственной, тѣмъ лишь занимаясь, чтобы великаго рода кознями придать себѣ вѣсь. Вы разгадаете послѣ сего и временно возникавшіе мятежи, особенно вспомянувъ, что въ Греціи находилось до 10,000 человекъ нестройнаго, празднаго полчища, получавшаго плату не во время, и предводимаго людьми ненасытными, дѣйствовавшими каждый по видамъ пользы собственной. Прибавьте къ тому время, обильное потрясеніями политическими, недостаточныя денежныя средства въ государствѣ неустроенномъ, нерѣшимость судьбы Греціи, противоположныя выгоды въ политикѣ кабинетовъ, и проч. и проч., и вы получите

общее, хотя все еще неполное понятие о трудном положеніи Президента.

При невозможности употребить сильныя укротительныя мѣры, онъ послѣдовалъ внушеніямъ своихъ совѣтниковъ, утверждавшихъ, что кротость къ семейству Мавромихали будетъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для привлеченія умовъ и смиренія мятежей, и приказалъ освободить двухъ Мавромихали, обвиненныхъ въ уголовномъ преступленіи, назначивъ имъ темницею ограду города, и для надзора приставивъ къ нимъ двухъ полицейскихъ солдатъ. Случайно, или по злоумышленію, выборъ палъ на Анки Караяки и Андрея Патрикоса, давнихъ служителей Беева дома. Разумѣется, подкупить ихъ было не трудно.

Мавромихали, вольные посвятить кого хотѣли, уже запятнанные не однимъ злодѣяніемъ, посему способные къ новому, преимущественно сблизилась съ людьми, трудившимися надъ ниспроверженіемъ существующаго порядка дѣлъ. Сии, овладѣвъ ихъ умомъ, называя злодѣйство великимъ подвигомъ, указывая на него, какъ на единственное средство избѣгнуть мести закона, висѣвшей надъ ними за насильственную смерть родственника, вооружили ихъ на убійство. Мысль о смерти Графа Каподистрія была хорошо принята многими, потому что его правленіе не соответствовало ни обычаямъ, ни видамъ людей, мыслившихъ за одно съ Мавромихали — обстоительство хорошо извѣстное врагамъ Президента. Они, злобнымъ наушничествомъ, распалили на него всѣхъ, кто въ Греціи имѣлъ вѣсть, и наконецъ породили плачевное событіе, которое кончило жизнь, посвященную трудамъ самымъ благороднымъ....

=

ВОСПОМИНАНИЕ О КУЛЬНЕВѢ

въ Финляндіи.

(Изъ военныхъ моихъ записокъ.)

1808-й годъ.

Война въ Финляндіи, во время самаго разгара своего, не обратила на себя взоровъ, ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному огромнѣйшими событіями въ Моравіи и въ Восточной Пруссіи, чтобы заниматься войною, въ коей число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ. Къ тому же, первая половина ея ни чѣмъ другимъ не была ознаменована, какъ вооруженною прогулкою войскъ нашихъ почти до границы Лапландіи, покореніемъ первокласной крѣпости, слабыми канонадами, и наскоками нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Надо согласиться, что и средства, доставившія намъ такія важныя пріобрѣтенія, мало имѣли права на общее вниманіе. За то увѣренность въ незначительномъ завоеваніи края этого такъ усилилась, что когда сосредоточенный непріятель на-

паль на разбросанных по клокамъ войска наши, когда вспыхнула война народная, когда подвозы съ пищею и съ зарядами прекратились отъ набѣговъ жителей, когда пожары разлились по неизмѣрному пространству лѣсовъ, сквозь которые надлежало намъ пробиваться, когда каждый шагъ впередъ и назадъ требовалъ всминутныхъ пожертвованій жизни, тогда мирные соотечественники наши не хотѣли вѣрить слухамъ, до нихъ доходившимъ, и въ заблужденіи своемъ, приглашали насъ письмами на веселіе столицы и семейственныя удовольствія.

А между тѣмъ кровь храбрыхъ орошала тундры Финскія, запекалась на скалахъ, по нимъ разсыпанныхъ! А между тѣмъ лучшую часть жизни мы провозжали подъ инеями сѣвера, средѣ океана въ южныхъ лѣсовъ, на берегахъ озеръ пустынныхъ, гонимыхъ за славою.

По заключеніи мира съ Швеціею, новыя грозы нахлынули, новыя бѣдствія, новыя торжества увлекли, и участія, и объѣты, и усилія въ другую сторону, и Финляндская война, поглотивъ событіями, еще огромнѣйшими предшествовавшихъ, погибла въ неизвестности.

Я пишу не исторію, слѣдственно не беру на себя обязанности вызывать эту войну къ безсмертію. Писатель-наѣздникъ, я и тѣмъ буду доволенъ, если записки мои напоминаютъ товарищамъ моимъ очаровательныя минуты нашей юности, и мечты, и надежды честолюбія, и опасности, на которыя мы бросались, и кочевья и бесѣды Оссіановскія, у пылающихъ пней, подъ пасмурнымъ небомъ.

При первомъ взглядѣ на карту Финляндіи, мы видимъ, что область эта составлена изъ неправильнаго четырехугольника, къ которому плотно приставленъ равнобедренный треугольникъ.

Основаніемъ первому служить сѣверный берегъ Финскаго Залива, боками: восточный берегъ Ботническаго Залива отъ Або до Вазы, и перпендикуляръ, падающій отъ Куопіо на Аборфорсъ; крышею, дорога, лежащая отъ Вазы на Лаппо, Линдулаксъ и Кайвисто въ Куопіо.

Эта крыша четырехугольника составляетъ основаніе треугольника, когда одинъ бокъ образуемъ продолженіемъ восточнаго берега Ботническаго Залива отъ Вазы до Улеборга; другой дорогою, идущею отъ Куопіо чрезъ Индесальми, къ сему же городу.

Непрерывная трясина, усыпанная скалами и осѣренная дремучимъ лѣсомъ, обширныя озера одни въ другія впадающія, и дороги, направляющіяся въ видѣ радіусовъ къ малому числу средоточій, и рѣдко гдѣ имѣющія между собою поперечныя сообщенія, — составляютъ поверхность Финляндіи.

Тавастгусъ есть главное средоточіе дорогъ четырехугольника; сверхъ того, пунктъ этотъ имѣетъ сообщенія со всѣми средоточіями и треугольника, какъ чрезъ Лаппо съ Ни-Карлеби, чрезъ Линдулаксъ съ Гамле-Карлеби, чрезъ Койвисто и Куопіо, или чрезъ Гейнолу, Сентъ-Михель и Куопіо, съ Улеборгомъ. Послѣдній городъ есть, такъ сказать, заставка всѣхъ дорогъ Финляндіи, и единственное сообщеніе съ Швеціею въ лѣтнее время. Зима прибавляетъ еще два сообщенія съ Швеціею: одно чрезъ Аландскіе Острова, близъ Або; другое чрезъ Кваркенскій Пролівъ, близъ Вазы.

Все пространство Финляндіи, такъ какъ и восточный берегъ Ботническаго Залива, не имѣютъ искусственныхъ укрѣпленій. Но сѣверный берегъ Финскаго Залива защищаемъ Свеборгомъ, крѣпостью перваго класса, коей портъ можетъ помѣстить до 60 военныхъ кораблей, крѣпостцею Свартголь-

момъ, и укрѣпленными мысами Перкалаутомъ и Гонгоутомъ, пресѣкающими береговое плаваніе гребными флотиліямъ.

Вся приморская часть этого края много отличается отъ внутренней, относительно благосостоянія, опрятности, кротости нравовъ, и даже просвѣщенія жителей. Можно сказать, что пока ѣдешь отъ Аборфорса до Або, и отъ Або до Улеборга, — ѣдешь еще Европою: торговля, сближая людей, стираетъ съ нихъ кору природы, и однообразигь обычаи и общезитіе; но чѣмъ болѣе погружаешься въ глубину этой области, тѣмъ болѣе видишь, что нравы народа, отгвняясь мало-по малу, сливаются наконецъ съ суровою и мрачною его обителью.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ 1808 году.

Военная сила Финляндіи доходила до 15 тысячъ челоувѣкъ регулярныхъ войскъ, и до 4 тысячъ милиціи, разбросанныхъ по всей области. Изъ числа ихъ до 6 тысячъ находилось въ крѣпостяхъ Свеаборгъ и Свартгольмъ; остальнымъ 13 тысячамъ приказано было немедленно сосредоточиваться у опредѣленныхъ имъ пунктовъ, при первомъ извѣстїи о наступательномъ нашемъ движеніи. Тавастгусъ былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для тѣхъ войскъ, которые обитали въ южной части четвероугольника; Ваза, и оба Карлеби, для находившихся въ сѣверной части онаго, и въ южной части треугольника; Куопіо для живущихъ въ Саволакской провинціи, а Улеборгъ, — сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ частей, собравшихся въ Тавастгусъ, въ Куопіо и въ обоихъ Карлеби.

Сверхъ того настрояйше повелѣно было фельдмаршалу Клингспорю, назначенному главнокомандующимъ Шведской и Финской армій, не принимать сраженія до собранія послѣдней въ Улеборгъ.

Въ концѣ Января, армія наша расположена была между Фридрихстагомъ и Нейшлотомъ. Она состояла изъ трехъ дивизій: 5-й, 17-й и 21-й. Первою командовалъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, 17-ю генераль-лейтенантъ Князь Горчаковъ 1-й (вскорѣ послѣ того генераль-лейтенантъ Гр. Каменскій), послѣднею генераль-лейтенантъ Кн. Багратіонъ.

Къ этимъ дивизіямъ присоединены были три эскадрона Лейбъ-Казаковъ, и полки: Финляндскій драгунскій, Гродненскій (что нынѣ Клястицкій) гусарскій, и одинъ Донской казачій полкъ Лоцилина.

5-я дивизія раздѣлена была на три отдѣленія: два, подъ личнымъ надзоромъ дивизионнаго командира, находились въ окрестностяхъ Нейшлота; одинъ, подъ командою генерала Булатова, въ окрестностяхъ Вильманстранда.

Вся армія заключала въ себѣ до 20 тысячъ челоувѣкъ пѣхоты и конницы, и препоручена была генералу отъ инфантерїи Графу Буксгевдену.

Много было толковъ на счетъ времени, когда удобнѣе начинать дѣйствіе. Нѣкоторые предлагали перейти границу немедленно; другіе совѣтовали отсрочить до весны.

Выгоды зимней кампанїи состояли въ томъ, что Швеція не была еще въ готовности. Финскіе полки, разсыянные по всему пространству Финляндіи, не начинали еще собираться; Шведскіе еще не прибыли на театръ дѣйствія. Финляндская область лишена была тѣхъ естественныхъ преградъ, коими она, освобожденная отъ льдовъ и снѣговъ, изобилуетъ. Свеаборгская крѣпость не была, ни совершенно вооружена для регулярной обороны, ни достаточно снабжена военными и съѣстными потребностями. Сверхъ того, расположенная на островахъ, она достуннѣе зимою, чѣмъ по вскрытіи льдовъ, тѣмъ бо-

лѣе, что пѣкоторые изъ укрѣпленій требовали еще окончательной достройки; да и тѣ, кои были достроены, имѣли предметомъ защиту гавани, слѣдовательно, весь отпоръ ихъ обращенъ былъ къ морю, а не къ твердой землѣ, откуда должны были производиться нами осады, или приступы. Не въ лучшемъ положеніи находились и прочія укрѣпленія сѣвернаго берега Финнскаго Залва.

Безспорно, что отсрочка до весны способствовала намъ дожидаться войскъ, идущихъ изнутри Россіи, и начать дѣйствіе съ большими силами; что весною движеніемъ къ Вааъ, или къ Улеаборгу, мы могли отрѣзать отъ Швеціи Финнскаія войска, лишенные зимнихъ проходовъ черезъ Кваркенъ и Аландъ. Но сравнились ли бы выгоды эти съ выгодами зимней кампаніи, и не потеряли-ли бы онѣ значимости отъ неудобствъ, съ ними сопряженныхъ и ихъ превъшающихъ? Во первыхъ: видя армію нашу, скопляющуюся нѣсколько мѣсяцовъ на границѣ Финляндіи, Шведское правительство могло воспользоваться этимъ временемъ, чтобы собрать Финнскаія войска, усилить ихъ своими, и принять всѣ мѣры къ укрѣпленію важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, какъ то: Тавастгуса, Куопіо, Лаппо, Койвиста и Улеаборга. Обладая Свеаборгомъ, и всѣми укрѣпленными пристанями сѣвернаго берега Финнскаго Залива, тогда долженствующими уже быть въ готовности, правительству этому подручно было предпринимать значительныя высадки и дѣйствія во флангъ и въ тылъ арміи нашей, въ случаѣ углубленія ея въ нѣдра Финляндіи. Наконецъ, вскрытіе рѣкъ и озеръ вжимало войска наши въ дороги, врѣзанныя подобно жолобамъ, въ непроходимую поверхность, и лишило равнинъ и прямыхъ сообщеній, словомъ, того необходимаго простора для наступательной войны, ко-

торый столь удобенъ для предположеній и расчетовъ начальниковъ, оборонительно дѣйствующихъ.

Правительство наше предпочло зимнюю кампанію весенней.

Въ слѣдствіе чего, дивизіи Горчакова назначено было дѣйствовать на Свеаборгъ, дивизіи Багратіона на Тавастгустъ, дивизіи Тучкова, чрезъ Куопіо, на Вау.

Военныя дѣйствія открылись 8 Февраля.

При вступленіи войскъ нашихъ въ предѣлы неприятельскіе, я былъ въ отпуску. Московскія веселости, тогда истинно упоительныя, кружили мнѣ голову. Двадцатитрехлѣтній юноша, и уже Лейбъ-Гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ, и уже съ двумя крестами на шеѣ, и съ двумя на красномъ мундирѣ, горящемъ въ золотѣ, я утопалъ въ наслажденіяхъ, и, какъ въ эти дѣта водится, влюбленъ былъ до безумія.

Первый слухъ о войнѣ съ Швеціею, и о движеніи войскъ нашихъ за границу, выбросилъ меня изъ Московскихъ баловъ и сантиментальностей къ моему долгу и мѣсту, какъ Менторъ Телемака, — и я не замедлилъ догнать армію нашу въ Шведской Финляндіи, на полномъ ходу ея.

На пути къ Гельсингфорсу, на станціи Сибо, я познакомился, съ проѣзжавшимъ, подобно мнѣ, къ генералу своему, Архангелогородскаго пѣхотнаго полка поручикомъ и адыютантомъ Гр. Каменскаго, Закровскимъ. Знакомство памятное для взаимной нашей дружбы, тридцатый годъ искреннѣйшей и ни отъ какихъ обстоятельствъ не измѣнившейся.

Въ Гельсингфорсѣ находились тогда главная квартира Графа Буксегвена, и назначенныя для осады Свеаборга войска, подъ начальствомъ Гр. Каменскаго. Тутъ я впервые увидѣлъ адыютанта Графа Букс-

гендена, Невскаго пѣхотнаго полка Поручика Нейдгарта, что нынѣ генералъ - адъютантъ и командиръ 6 пѣхотнаго корпуса.

Ежедневныя канонады по крѣпости, — канонады тощія, и только что дразнившія непріятеля, и канонады изъ крѣпости по нашимъ баттареямъ, войскамъ и городу, истинно разрушительныя, но болѣе еще приготовленіе фашинь и лѣстницъ, съ разглашеніемъ отъ главнокомандующаго нашего о скоромъ приступѣ, — задержали меня въ Гельсингфорсѣ. Я на это рѣшился какъ потому, что зналъ образъ мыслей и чувствъ начальника моего, который, въ случаѣ приступа, съ радостью узналъ бы о содѣйствіи адъютанта своего въ такомъ отважномъ предпріятіи, такъ и потому, что по направленію 21 дивизіи изъ Тавастгуса къ Або не было непріятеля, слѣдственно, нельзя было и ожидать тамъ ни какого сраженія.

Я недолго оставался въ Гельсингфорсѣ. Едва начались переговоры о сдачѣ Свеаборга, какъ я уже погонялъ лошадей по Абовской дорогѣ.

Въ Абовѣ явился я къ моей должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ попалъ на балы и увеселенія. Князь Багратионъ объявилъ намъ, что 21 дивизіи ничего другаго не оставалось кромѣ веселья, — ибо военныя дѣйствія въ южной Финляндіи прекратились, и врядъ-ли, послѣ покоренія Свеаборга, Свартгольма и мысовъ Ганго-уда и Пергеллута, возобновятся, — по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторой значимостію.

Я разсудилъ, что если уже гоняться за свѣтскими увеселеніями — выподитъ для меня ѣхать обратно въ Москву, гдѣ этого рода увеселенія на Русскую стать: шумны, роскошны, и сверхъ того поэтизированы присутствіемъ моей красавицы, — чѣмъ оставаться въ Абовѣ, съ неловко прыгающими Чучоночками, довольно свѣжими и хорошенькими, но

ни въ какомъ случаѣ не стоицими ружейныхъ выстрѣловъ, для которыхъ пожертвовалъ я радостями моего сердца. Мысль эта рѣшила меня проситься у Князя, на сѣверъ, къ Раевскому и Кульневу, которые преслѣдовали Финскія войска къ Улеабургу. Тамъ еще пахло жженымъ порохомъ — тамъ было и мое мѣсто.

На такого рода просьбы, Князь отвѣчалъ всегда согласіемъ и похвалами. Въ душѣ его былъ отголосокъ на всѣ удалые порывы юношей, жадныхъ къ боевымъ приключеніямъ и случайностямъ.

Послѣ двухъ-суточнаго пребыванія моего въ Абовѣ, длинныя Финскія сани несли уже меня по пустыннымъ и снѣжнымъ озерамъ и холмамъ, между скаль и дремучихъ лѣсовъ Финляндіи. Я скакалъ въ Вазу.

Въ то время народонаселеніе было еще равнодушно и спокойно. Жители не питали къ намъ ни малѣйшей злобы. Провзды курьеровъ и всякаго рода обозовъ производились съ такою же безопасностію, какъ въ среднѣ Россіи. Вскорѣ, отпущенные во сволси главнымъ начальствомъ нашимъ, гарнизоны Свеаборга и Свартгольма, и неудачи войскъ нашихъ на сѣверѣ, все измѣнили.

Въ Вазѣ былъ Раевскій. Я остался бы при этомъ полнымъ дарованій и неустрашимости военачальникъ, при этомъ съ дѣтства моего столь любимомъ мною человѣкѣ, если бы Кульневъ не командовалъ авангардомъ его, и слѣдственно, если бѣ не былъ впереди его, не былъ ближе его къ непріятелю. Я поѣхалъ къ Кульневу, котораго догналъ въ Гамле-Карлеби, и отъ авангарда котораго я не отлучался уже до окончанія завоеванія сѣверной Финляндіи.

О Кульневѣ много и многіе говорили, даже писали и печатали, — всякой по своему, всякой какъ слыхалъ о немъ, или видалъ его мимоходомъ. Нѣкоторые полагали его необыкновеннымъ воиномъ, достойнымъ высшихъ степеней, а потому и командованія большими арміями, — другіе только храбрымъ, но безъ образованія чловѣкомъ, неучемъ и грубымъ гусаромъ.

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о Кульневѣ, я предъвляю права мои на довѣренность читателей къ словамъ моимъ.

Я познакомился съ Кульневымъ въ 1804 году, во время проѣзда моего чрезъ г. Сумы, гдѣ стоялъ тогда Сумской гусарскій полкъ, въ которомъ Кульневъ служилъ майоромъ. Знакомство наше, — хотя онъ былъ меня старѣе ровно 21 годомъ, — знакомство наше превратилось въ пріязнь, въ продолженіе войны 1807 года въ Восточной Пруссіи. Мы тогда были: я, Лейбъ-Гусарскаго полка штабсъ-ротмистромъ; Кульневъ, подполковникомъ Гродненскаго гусарскаго полка, въ который онъ переведенъ былъ изъ Сумскаго. Но въ годахъ 1808 и 1809 въ Финляндіи, и въ 1810 въ Турціи, пріязнь наша достигла истинной, такъ сказать, задушевной дружбы, которая неослабно продолжалась до самой его блистательной и завидной смерти. Въ послѣднихъ двухъ войнахъ, Финляндской и Турецкой, мы были неразлучны: жили всегда вмѣстѣ, то въ одномъ балаганѣ, то у одного курени подъ крышею неба; ѣли изъ одного котла, пили изъ одной фляжки. Вотъ въ какомъ соотношеніи мы были одинъ къ другому.

Кульневъ родился въ 1763 году, и получилъ образованіе въ Кадетскомъ Корпусѣ при знаменитомъ директорѣ Вецкомъ, въ самую блистательную эпоху

этого военнаго училища. Кульневъ зналъ удовлетворительно артиллерійскую науку и основательно полевую фортификацію, теоретически и практически. Онъ порядочно извѣлся на языкахъ Французскомъ и Нѣмецкомъ, хотя писалъ на обоихъ часто ошибочно, но познанія его въ исторіи, особенно въ Русской и Римской, были истинно замѣчательны. — Военный чловѣкъ, и еще гусарь, онъ не хуже всякаго профессора зналъ хронологическій порядокъ событій, и соотношенія между собою одновременныхъ происшествій, выводилъ изъ нихъ собственныя заключенія, полныя здраваго смысла и пронцательности, и любилъ предлагать подвиги нѣкоторыхъ Русскихъ и Римскихъ героевъ въ примѣръ молодымъ офицерамъ, служившимъ подъ его начальствомъ. Слогъ приказовъ, отдаваемыхъ имъ войскамъ своимъ, рапорты начальству, усиленные и быстрые переходы отрядовъ, ему въѣаемыхъ, и притомъ нѣкоторыя странности въ образѣ жизни его, приватныя и явныя, принимаемы были за подражаніе Суворову. Это напрасно. Служа при этомъ великомъ чловѣкѣ во время Польской войны 1794 года, Кульневъ платилъ ему, подобно всемъ Русскимъ воинамъ, дань удивленія; онъ, можно сказать, боготворилъ его, и всегда говаривалъ о немъ со слезами восторга, но никогда не старался подражать ему ни въ какихъ странностяхъ. Онъ одаренъ былъ слишкомъ смѣтливымъ умомъ, чтобы рѣшиться на подражаніе причудамъ, которыя искупаются одними только гениальными качествами и безсмертными подвигами. Кульнева причуды происходили отъ его веселаго нрава, никогда, ни отъ чего не унывавшего и отъ неподдѣльной, самобытной оригинальности его характера. Суровый образъ жизни предпочтенъ имъ былъ роскошному образу

жизни, отъ большаго приличія перваго солдатскому быту. Къ тому же, ему и не изъ чего было роскошествовать. Изъ скуднаго жалованья маіорскаго, а потомъ изъ весьма, въ то время, недостаточныхъ жалованій—полковничьяго и генераль-маіорскаго,— онъ ежегодно и постоянно до конца своей жизни удѣлялъ третью на содержаніе дряхлой и бѣдной своей матери, о чемъ знаетъ весь городъ Люцинъ, гдѣ она жила. Другую третью употреблялъ онъ на необходимыя потребности для военнаго человѣка: на мундиры, содержаніе верховыхъ лошадей, конной сбруи и пр.; наконецъ послѣднюю на пищу себѣ. Эта пища состояла изъ щей, грѣбневой каши, говядины, или ветчины, которую онъ очень любилъ. Всего этого готовилось у него ежедневно въдоволь, на нѣсколько человѣкъ. «Милости просимъ» — говаривалъ онъ густымъ и громкимъ своимъ голосомъ— «милости просимъ, — только каждаго гостя съ своимъ приборомъ, ибо у меня одинъ.» — Питейнымъ, онъ — подобно того времени гусарскимъ чиновникамъ, не пресыщался: стаканъ чаю, съ молокомъ по утру, вечеромъ съ ромомъ; чарка водки передъ завтракомъ, чарка предъ обѣдомъ, для лакомства рюмка наливки, — а для утоленія жажды вода или квасъ: вотъ все питейное, которое употреблялъ Кульневъ въ продолженіе сутокъ. На водку онъ былъ чрезвычайно пристрастенъ, и потому самъ гналъ и подслащивалъ ее весьма искусно. Самъ также заготовлялъ онъ разнаго рода закуски, и былъ большой мастеръ маринировать рыбу, грибы, и пр., что дѣлывалъ онъ даже въ продолженіе войны, въ промежуткахъ битвъ и движеній. «Голь хитра на выдумки» — говаривалъ онъ, подчивая гостей — «я, господа, живу по донкишотъ-ски, странствующимъ рыцаремъ печальнаго образа,

«безъ кола и двора; подчую васъ собственнымъ стрипаньемъ и чѣмъ Богъ пошлетъ.»

Это отчужденіе отъ роскоши, этотъ избранный имъ скромный родъ жизни, давали ему, больше, чѣмъ людямъ богатымъ, но увлеченнымъ прихотями сластолюбія и расточительности, средствъ помогать немилуемымъ. Независимо отъ этого средства, Кульневъ обращалъ самую службу свою на вспоможеніе своимъ родственникамъ. Получа однажды извѣстіе о крайности, въ коей находилась мать его, и видя необходимость послать ей пять тысячъ рублей, онъ, послѣ Куортанской побѣды, въ которой особенно отличился, просилъ Графа Каменскаго замѣнить эту суммой генераль-маіорскій чинъ, назначенный ему въ представленіи объ отличившихся. Графъ согласился. Сумма была прислана Кульневу, и немедленно отослана имъ бѣдной и обожаемой имъ старушкѣ. Въ другой разъ, во время Турецкой войны, получилъ онъ Высочайшее награженіе по 1000 р. ассигн. въ годъ, на двѣнадцать лѣтъ, и передалъ право это малолѣтней, родной племянницѣ, — крестницѣ своей, съ тѣмъ чтобы эти деньги высылаемы были изъ Кабинета въ Опекунскій Совѣтъ, и хранились бы тамъ до ея замужства. Но этого мало. Благодаренія его не ограничивались однимъ кругомъ родственниковъ его. Они простирались далѣе, хотя въ другомъ видѣ. Пльнныя непрітели обрѣтали въ немъ заступника и утѣшителя. Французскій генераль Сенъ-Женъ, взятый имъ въ плѣнъ подъ Друею въ 1812 году, залился слезами, услыша о его смерти. Левенгельмъ, Клерфельдъ, и всѣ офицеры и солдаты Финскіе и Шведскіе, подчавшіе участіе плѣна во время войны въ Финляндіи, отзывались съ восторгомъ объ его рыцарскихъ поступкахъ, и не преставали питать къ нему чув-

Т. III. — Стл. III.

ства живѣйшей благодарности. Жители области, въ коей воевалъ Кульневъ, не подвергались ни оскорбленіямъ, ни разоренію отъ солдатъ его; мало въ чемъ различенъ образъ жизни ихъ во время войны съ образомъ ихъ жизни въ мирное время. Молва объ его великодушій разносилась повсюду. Когда, по завоеваніи сѣверной Финляндіи, онъ прѣхалъ въ Або, и вошелъ на балъ Князя Багратіона, всѣ сидѣвшіе въ залѣ Абовскіе жители обоего пола, узнавъ, что то былъ Кульневъ, встали со своихъ мѣстъ, танцовавшіе оставили танцы, и все общество подошло къ нему, съ изъявленіемъ благодарности за сохраненіе спокойствія и собственности жителей той части Финляндіи, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Всему этому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Но странное дѣло!—Воннъ, до того сочувствовавшій всякому страждущему существу, что крикъ птицы или скота, которыхъ рѣзали на бивачныхъ кухняхъ вблизи куреня его, отворачивалъ его отъ пищи на цѣлыя сутки и болѣе, — этотъ самый воинъ былъ ненасытимъ зрѣніемъ погибающихъ въ сраженіяхъ воиновъ, и неукротимъ въ гнѣвѣ на подчиненныхъ ему офицеровъ, за малѣйшій проступокъ ихъ въ военномъ дѣлѣ. Послѣднимъ не было пощады. Грозные на счетъ ихъ приказы, злые, насмѣшливые имъ выговоры, внушаемые ему умою, склоннымъ къ язвительности и ѣдкости, — дѣлали службу подъ его начальствомъ не всегда пріятною, часто нестерпимою. Но грабительство мирныхъ жителей нижними чинами, доводило его до такого изступленія, что нужны были слова его истинныхъ друзей — и то послѣ перваго взрыва и наединѣ съ нимъ, чтобы воздержать его отъ безчеловѣчной жестокости съ виновными. За то попечительность его о пищѣ и благосостояніи солдата, какъ въ военное, такъ и въ мирное время

простиралась за предѣлы обыкновенной попечительности. «Солдатъ долженъ быть чистъ честью, — говаривалъ онъ — «а чтобы имѣть право воздерживать его отъ похищенія чужаго добра, надо чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался; у голоднаго брюха, «нѣтъ уха.»

Начальствуя всегда авангардами, Кульневъ былъ неусыпнень въ надзорѣ за неприятелемъ, и говаривалъ: «Я не сплю и не отдыхаю для того, чтобы армія «спала и отдыхала.» И подлинно, онъ почти не спалъ и не отдыхалъ. Онъ, можно сказать, надѣвалъ на себя одежду при началіи войны, и снималъ ее съ себя при заключеніи мира. Все разоблаченіе его на ночной сонъ состояло въ снятіи съ себя сабли, которую клалъ у изголовья. Только въ теченіе дня, по возвращеніи дальнихъ разъѣздовъ, съ увѣдомленіемъ о далекомъ разстояніи неприятеля и о бездѣйствіи онаго, — тогда только онъ позволялъ себѣ умыться и переодѣнуть бѣлье. Послѣ того, немедленно и въ ту жъ минуту, опять надѣвалъ на себя одежду, и въ ней провождалъ ночь, имѣя коня ослѣдланнымъ у балагана или куреня своего. При первомъ извѣстіи съ передовой цѣпи о выстрѣлѣ, или о движеніи неприятелъ, — Кульневъ являлся, съ однимъ только ординарцомъ, или вѣстовымъ, къ той части цѣпи, откуда слышенъ былъ выстрѣлъ, или гдѣ примѣченъ былъ неприятель. Тамъ, на самомъ мѣстѣ происшествія и своими собственными глазами, онъ видѣлъ, нужно ли подымать весь авангардъ, или часть онаго, и стоитъ ли тревога эта, чтобы будить и тревожить всю армію, или корпусъ, къ коему принадлежалъ авангардъ, имѣ командуемый. Во время ночи, каждый возвратившійся начальникъ разъѣзда долженъ былъ будить его и доносить, видѣлъ или не видѣлъ, встрѣтилъ или не встрѣтилъ

неприятеля, все равно. Число разбудовъ этихъ дошло иногда до 7 и 8 въ продолженіе ночи, а такъ какъ я жилъ съ нимъ въ одномъ балаганѣ, или у одного куреня, то часто развѣздные, не зная, кто изъ насъ въ которомъ углу спать, будили меня вмѣсто Кульнева, и тѣмъ по цѣлымъ ночамъ не давали мнѣ покоя, — что было истинно невыносимо. Я уже сказалъ о взыскательности Кульнева за грабительство, производимое иногда нижними чинами; взыскательность эта простиралась и на счетъ недостатка стойкости ихъ въ сраженіяхъ. Онъ былъ жестоко строгъ съ тѣми солдатами, которые уклонялись отъ неприятельскихъ выстрѣловъ, и оставляли свои мѣста. Для прекращенія такого зла, онъ бдительно надзиралъ, чтобы застрѣльщики и артиллеристы, первые не оставляли своевольно цѣпи, а вторые не свозили своевольно орудій съ мѣстъ своихъ, подъ предлогомъ недостатка патроновъ и зарядовъ. Тѣ, которые выстрѣляли свои патроны, или заряды, должны были оставаться на своихъ мѣстахъ не стрѣляя, до раздачи запасныхъ патроновъ и зарядовъ, предварительно для сего назначенными командами, коихъ долгъ былъ находиться позади цѣпи, или батареи. Это было необходимо въ Финляндіи, гдѣ всѣ сраженія были огнестрѣльные, и происходили въ лѣсистыхъ мѣстахъ, усыпанныхъ огромными скалами. Это было необходимо въ войнѣ, въ которой полки пашивъ, потерпѣвшіе въ Австріи и въ Восточной Пруссіи, были полны рекрутовъ, непривычныхъ къ бою. Случалось, что нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь мѣстностію, закрывавшего ихъ отъ надзора офицеровъ и старыхъ солдатъ, уходили въ паркъ, для снабженія себя новыми патронами. Распорядокъ Кульнева прекратилъ это неустройство. Онъ приказалъ, чтобы люди до раздачи запасныхъ

патроновъ и зарядовъ оставались на своихъ мѣстахъ, съ пустыми ружьями, сумами и артиллерійскими ящиками, слѣдственно безъ возможности отвѣчать неприятельскимъ выстрѣламъ своими собственными выстрѣлами, принудилъ ихъ быть бережливыми въ растратѣ патроновъ и зарядовъ, и стрѣлять съ большою мѣткостію.

Чтобы окончательно изобразить Кульнева, прибѣгаю къ самому ему, выписывая нѣсколько строкъ изъ его писемъ и приказовъ:

Послѣ 10 лѣтней службы въ маіорскомъ чинѣ, безъ надежды на производство въ слѣдующій чинъ, и уже на 42 году жизни, Кульневъ рѣшился оставить службу. Онъ писалъ къ родному брату своему въ началѣ 1805 года:

« Признаюсь тебѣ, что сія война остается послѣднимъ моментомъ поприщемъ. Я не упушу случая, и буду служить въ ней какъ вѣрный сынъ отечества. Послѣ удалось въ общую нашу деревушку Болдырево *. Мнѣ скучно стало не видать перемѣны въ службѣ моей.»

Но тутъ какъ бы разыграло солдатское сердце. Онъ, опомнясь, продолжаетъ:

« Впрочемъ, la guerre a ses faveurs ainsi que ses disgrâces; надо во всемъ полагаться на волю Божію.»

« Для чести и славы Россіи, равно и для подпоры несчастнаго нашего семейства, я не буду щадить живота моего.»

Того же года, и къ тому же брату:

« Я надѣюсь, что ты не покинешь бѣдную мать нашу, и уверяю тебя съ моей стороны, что гдѣ бы я ни былъ, она будетъ получать опредѣленную мною ей треть. Если же меня убьютъ, то коней и ружьями моей останется ей на три года, ибо все стоитъ болѣе 1000 рублей. Вотъ все мое имѣніе, которосъ нажилъ я въ продолженіе 20 лѣтней моей служ-

* Родовалъ деревушка Кульневыхъ, Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда.

«бы. Прощай. Благослови на одолѣніе враговъ. Заклинаю тебѣ не покидать любезную мать, а паче буде меня не станеть.»

1807-го, къ другому брату:

«Поздравляю тебѣ съ чадомъ. Больше ни о чемъ не прошу Бога, какъ только, чтобъ онъ былъ счастливѣе меня. Да по-служать ему въкогда примѣромъ и поставленіемъ несчастія мои, которыя довольно отличительны. Будучи всеми лю-бимъ, ведя скромную и честную жизнь, я цѣлый вѣкъ го-нимъ судьбой. Сравнивая сіе съ злодѣяніями людей, кото-рые въ этой жизни наслаждаются всеми благами, необхо-димо надо предполагать, что есть будущая жизнь, въ кото-рой отличится зло отъ добра. Вотъ единое утѣшеніе для каждаго христіанина, и оно подкрѣпляетъ духъ мой, кото-рый по сіе время, благодаря Бога, не унывалъ, полагался во всемъ на волю Провидѣнія, и будучи увѣренъ, что все создано къ наилучшему концу.»

Приказъ офицеру, занимавшему постъ близъ Вазы, въ 1808 году.

« Ежели бы у васъ осталось только два человѣка, то честь ваша состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть непріятеля всегда на глазахъ и обо всемъ меня увѣдомлять. Впрочемъ, старайтесь отстаивать пунктъ, который вы защищаете, до самаго нелзя; къ ретирадѣ всегда есть время, къ побѣдѣ рѣдко.»

Приказъ по отряду, того же года.

«Разные пустые бабы слухи отражать духомъ твердости. Мы присланы сюда не для пашни; у Государя есть много крестьянъ на это; честь и слава паша жатва; чѣмъ больше непріятеля, тѣмъ славнѣе. Имѣть всегда на памяти, неоднократно уже повторяемыя мною слова: честная смерть луч-ше безчестной жизни.»

Брату своему, въ томъ же году.

«Будь терпѣливъ и не скучай. За Богомъ молитва, за Го-сударемъ служба не пропадаютъ. Какая служба была не-счастіе моею! Теперь все переменилось, и я довольнѣй-шій изъ смертныхъ своею участіемъ.» (Онъ получилъ тогда чинъ полковничій и крестъ св. Георгія 3 класса) «Лучше быть меньше награждену по заслугамъ, чѣмъ много безъ

«всякихъ заслугъ. Съ какимъ вельможено, посящимъ Влади-мира 1-го класса, поравняю я мой Владиміръ 4-го съ бан-томъ?»

П р и к а з ы.

30-го Января 1808.

«Вчерашній маршъ былъ для всѣхъ равенъ. Въ эскадро-нахъ мнѣ вѣрныхъ и Лейбъ, не позноблено ни одного, а въ эскадронѣ полковаго командира четыре человѣка. Изъ сего должно заключить, что сапоги были тѣсны, не могли вмѣстить теплой обуви, и болѣе способны для лѣтнаго па-рада, чѣмъ для зимняго военнаго похода. Лучше прилежать къ настоящей службѣ, пещись о благѣ подчиненныхъ, чѣмъ ударять тѣло человѣческое пустымъ, и ни къ чему не пуж-нымъ щегольствомъ, а паче въ такое время, когда идешь приобрѣтать новую честь и славу.»

9-го Іюня того же года.

«Быть готову къ движенію. Людей никакуда не отлучать; при-дать силы имъ крутою кашницею. Провіантскихъ много на-скакало; требовать отъ нихъ все что слѣдуетъ, а не да-дуть, — рапортовать мнѣ. Кормленый солдатъ лучше де-сяти тощихъ; предполагать маршу не лзя; поидемъ на трид-цать верстъ, а очутимся за сто.»

1-го Іюня 1809.

«Имѣть неусыпное смотрѣніе за чистотою тѣла солдат-скаго. Государь щедро все отпускаетъ: можно иногда и мле-ца изъ двойнаго жалованья поѣсть. Эти деньги пожалованы не для того, чтобы по рукамъ раздавать, а должны быть въ артели, — а артель есть душа и кормилица солдатская.»

15-го Іюля 1809 года. Письмо въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, котораго Кульневъ назначенъ былъ шефомъ.

«Чистота и опрятность есть источникъ здравія солдатска-го. При доброй пищѣ пещись о нихъ по долгу христіан-скому и обязанности службы; вести въ эскадронахъ еже-дневную записку, что солдаты тѣи, какого роду было ва-

«рево, — а когда кашницы поспѣли, то давать повѣстку къ кашамъ, и тогда все бросаютъ свою работу. О чемъ въ пужденнымъ нахожусь напомнить, ибо замѣчено мною неоднократно, что одни ѣдятъ, а другіе работаютъ, — а начальникъ, глядя на то равнодушно, съ сытымъ желудкомъ, курить трубку, не думая о томъ, что одни съѣдятъ вдвое, а другимъ ничего не достанется.»

Письмо туда же 1810 года.

«Обучать солдатъ, какъ предписано было отъ главнокомандующаго, отнюдь не больше 3 часовъ въ сутки, но знати, чему обучать, на что должно испытывать самихъ господъ офицеровъ, достаточно ли они знаютъ свое дѣло, безъ чего ученье, не есть ученье, а мученье.»

Приказъ при выступленіи на завоеваніе Аландскихъ Острововъ, 1809-го.

«Съ нами Богъ! Я предъ вами. Князь Багратионъ за нами.»

Другой:

«На маршъ быть бодръ и веселу; упніе свойственно одними старымъ бабамъ. — По прибытіи на Кулингенъ чарка водки, кашница съ мясомъ, щить и ложе изъ ельнику. Покойная ночь!»

Третій:

«Серьги солдату носить не прилично. Это предоставлено однимъ женщинамъ. Солдатъ долженъ щеголять опрятностію и чистотою амуниціи. Кто носить серьги, тотъ о званіи солдата не имѣетъ ни какого понятія.»

1812 года, будучи на Двинѣ, слѣдственно не далеко отъ г. Люцина, гдѣ жилъ братъ его (мать его тогда уже скончалась), онъ писалъ къ нему:

«Я повозку мою по сіе время не отыщу; остался въ однопомъ мундиръ; пить и ѣсть нечего. Привези братъ водочки и кусокъ хлѣба, подкѣрпни желудокъ, — ибо съ самаго начала этой войны, я еще не спалъ и порядочно не ѣлъ.»

Тогда же и къ нему же:

«Ежели я паду отъ меча непріятельскаго, то паду славно. Я почию счастлиемъ пожертвовать послѣднею каплею крови моею, защищая отечество.»

Какъ Кульневъ чувствовалъ, какъ говорилъ, такъ онъ и сдѣлалъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого письма, въ сраженіи подъ Клястицами, ядро оторвало ему обѣ ноги; онъ упалъ и сорвавъ съ шеи своей крестъ св. Георгія, бросилъ окружавшимъ его, сказавъ имъ: «Возьмите! Пусть непріятель, когда найдетъ трупъ мой, приметъ его за трупъ простаго, рядоваго солдата, и не тщеславится убиеніемъ Русскаго генерала.»

Кульневъ былъ росту 2 аршинъ и 10 вершковъ. Былъ сухощавымъ, но ширококостнымъ и не много сутуловатымъ мужчиною. Волосы имѣлъ онъ темнорусые, съ сильною просѣдою. Онъ былъ лица продолговатаго, носъ имѣлъ прямой, довольно большой, съ малой горбинкой, и длинныя усы съ огромными бакенбардами. Я недавно гдѣ-то читалъ, что онъ носилъ какой-то чернѣйшій гусарскій ментикъ или долманъ съ черными шароварами. Неправедливо. Въ Финляндіи онъ носилъ Гродненскаго гусарскаго, а въ Турціи Бѣлорусскаго гусарскаго полка ментикъ, или долманъ, смотря по времени года, какъ всѣ гусары; только одежда его была не офицерская, а рядоваго гусара, т. е. сшитая изъ толстаго солдатскаго сукна, съ гарусными шиурками и съ оловянными пуговицами. Рейтузы носилъ онъ форменныя офицерскія, и фуражку также форменную, часто однако уступавшую мѣсто Финскому калпаку, или разнаго рода скуфьямъ и ермолкамъ, что дѣлывалъ онъ изъ балагурства, можетъ быть, и изъ страсти носить что нибудь странное на головѣ, ибо однажды онъ падѣлъ на голову, и носилъ до износа, подаренный ему мною табачный кисетъ, сафьянный, шитый золотомъ.

Таковъ былъ Кульневъ, съ его странностями, съ его причудами, добродѣтелями и подвигами, послѣд-

ми отпечатокъ предприимчивости, рѣшимости и неколебимости. Память о немъ для насъ, современниковъ его, для насъ, друзей и боевыхъ товарищей его, неизгладима!

Во время проѣзда моего изъ Гельсингфорса въ Або и изъ Абова, чрезъ Вазу, въ Гамле-Карлеби, Свеаборгская крѣпость покорила намъ, оружію. Шведскія войска, защищавшія ее, и составлявшія седьмую часть гарнизона, отправлены были плѣнными въ Выборгъ, но около 6000 Финскихъ войскъ распушены были по домамъ съ паспортами. Ошибка, какъ я уже замѣтилъ, причинившая намъ много вреда въ теченіе лѣтней кампаніи, и даже при первомъ отступательномъ шагѣ войскъ нашихъ изъ сѣверной Финляндіи.

Между тѣмъ главнокомандующій, гр. Буксгевденъ, не преставаъ насылать отрядамъ, дѣйствовавшимъ на сѣверѣ, повелѣнія за повелѣніями объ усиленіи преслѣдованія и натисковъ на Клингспора, котораго войска, по мѣрѣ отступленія къ Улеаборгу, болѣе и болѣе сосредоточивались, и притомъ усиливались войсками, приходившими изъ Швеціи. Вся наша 21-я дивизія оставалась въ Абовѣ и въ окрестностяхъ Абова; 17-я дивизія, или войска, облежавшія Свартгольмъ и Свеаборгъ, вступили въ эти крѣпости въ качествѣ гарнизоновъ, а резервы, подошедшіе изъ Россіи, употреблены были на защиты береговъ отъ десантовъ, до коихъ было еще довольно времени. Отъ сего произошло, что между клочкомъ войскъ, дѣйствовавшимъ на сѣверѣ, и главными силами, оставшимися въ южной Финляндіи, было болѣе 600 верстъ пространства нутаго и безъ малѣйшаго резерва.

1-го Апрѣля Кульневъ занялъ Камайоки. 5-го, за два часа до разсвѣта, выступилъ онъ къ атакѣ въ

Импери, въ самый часъ выступленія противу него авангарда непріятельской арміи. Пѣхота наша, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ и 6 орудій, подъ командою подполковника Карпенки и маіоровъ Вреде и Конскаго, пошла большою дорогою, тогда, какъ два эскадрона гусаръ и до двухъ сотъ казаковъ, подъ командою маіора Силина, составлявшіе ея лѣвый флангъ, шли по льду Ботническаго Залива, не далеко отъ берега. Дѣлю завязалось на самомъ разсвѣтѣ, и ружейный огонь пѣхоты загорѣлся на большой дорогѣ, и въ лѣсахъ, сквозь которые она пролегла. Въ это время Шведскіе драгуны Ниландскаго полка, съѣхавъ съ берега, показали на льду противъ нашей конницы, и двинулись на малую часть казаковъ, впереди ея разсыпанныхъ. Казацкіе фланкеры начали отъѣзжать, и заманивать разстроенную уже, отъ единого движенія впередъ, непріятельскую конницу. Увидя это, Кульневъ и я, оставя пѣхоту, поскакали къ нашей конницѣ, но она, не дождавшись насъ, ударила, смела и опрокинула Ниландскихъ драгунъ. Мы только что успѣли насладиться дѣйствіемъ казацкихъ пикъ и погонеею казаковъ за непріятелемъ, по гладкой и снѣжной пустынѣ Ботническаго Залива. Картина оригинальная и прелестная! Много драгунъ было поколото, много взято въ плѣнъ. Но посреди сумятицы этой, намъ бросилась въ глаза группа всадниковъ, около которыхъ болѣе толпилось казаковъ, и которая защищалась. Мы направлялись во весь скакъ въ эту сторону, и услышали слова: Koulneff, Koulneff! sauvez nous la vie! (Кульневъ, Кульневъ! спасите намъ жизнь). Это былъ генераль Левентельмъ, королевскій адъютантъ, только что за нѣсколько дней предъ тѣмъ прибывшій въ армію изъ Стокгольма, для исправленія должности начальника главнаго штаба, и адъютантъ сего

капитанъ Клерфельдъ, молодой человекъ, бывший у насъ накануне парламентаромъ; при нихъ было нѣсколько драгуновъ. Кульневъ остановилъ направленных на нихъ пики, соскочилъ съ лошади, и кинулся обнимать плѣнныхъ чиновниковъ. Кровь Левенгельма заструилась по усамъ и бакенбардамъ Кульнева, ибо Левенгельмъ былъ раненъ пикою въ горло, къ счастью его, не такъ опасно, какъ въ началѣ мы вообразили.

Преслѣдованіе продолжалось до с. Пигаюковъ.

Левенгельмова рана была немедленно перевязана цырюльникомъ отряда нашего. Послѣ чего, какъ онъ, такъ и адъютантъ его, ободренные привѣтствіемъ и ласками Кульнева, отправлены были при конвоѣ къ генералу Раевскому, выступившему уже изъ Вазы, къ намъ на подпору.

Во время перехода къ Пигаюкамъ, я, для смѣху, сочинилъ мысленно стихи, и проговорилъ ихъ, Кульневу. Вотъ все, что изъ нихъ помню:

Повѣдай подвиги усатаго героя,
О муза! — разскажи, какъ Кульневъ воевалъ,
Какъ онъ среди сивговъ въ рубашкѣ кочевалъ,
И въ Финскомъ калпакѣ лаялся среди болъ.
Пускай услышитъ свѣтъ
Причуды Кульнева и громъ его побѣдъ.

Румяный Левенгельмъ на бой притовлялся,
И завязавъ жабо, прическу поправлялъ,
Ниландской полкъ его на кличѣхъ вызывалъ,
За нимъ и корпусъ весь Клингспора пресмыкался.
О храбрые враги! куда стремитесь вы?
Отвага, говорите, ничто безъ головы.

Нашъ Кульневъ до зари, какъ соколъ, встрепенулъ.
Онъ вопишь своихъ ко славы торопилъ:
«Вставайте,» говорилъ, «вставайте,» я проснулъ!
Съ охотниками въ бой! Богъ храбрости и силъ!

По чаркѣ, да на конь, безъ холы и затѣвъ;
Цѣль ближе, тѣль видней *, тѣмъ легче бить злодѣевъ!
Все въ мигъ восприняло, все двинулось впередъ....
О муза, разскажи торжественный походъ!

На другой день мы пошли далѣе. Почти безъ сопротивленія заняли Брагештатъ, но въ Ольюокахъ встрѣтили неожиданный намъ отпоръ, впрочемъ не долго продолжавшійся.

Напрасно было бы напоминать Кульневу о неослабности въ надзоръ его за бдительностью передовой стражи, относительно нечлнннаго нападенія на отрядъ нашъ. Этого было не нужно. Длительность, неусыпность и строгость Кульнева въ семъ отношеніи были неограниченны. Но необходимо было разочаровать его отъ увѣренности, что отступленіе Клингспора продолжится до безконечности, и удостовѣрить его, что отступленіе это происходитъ отъ стратегическихъ видовъ, т. е. отъ соединенія всѣхъ Шведскихъ и Финскихъ войскъ у Улеаборга, а не отъ страха, поселеннаго въ нихъ залетною и опрометчивою погонею нашею. Я взялъ на себя обязанность вывести Кульнева изъ заблужденія, спорилъ съ нимъ до изнеможенія, почти до ссоры, и все тщетно. Онъ забылъ, что по мѣрѣ отлава Финскихъ войскъ къ Улеаборгу, — къ этому узлу, или застѣжкѣ всѣхъ дорогъ Финляндіи, — всѣ Финскія войска, идущія по нимъ, сами собою и единымъ направленіемъ своимъ сосредоточиваются у этого города. Онъ забылъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, клоки войскъ его и Раевского, оторванные отъ нашихъ главныхъ силъ, оставшихся на берегу Финляндскаго залива, подвигаются къ тому же Улеаборгу безъ

* Приказъ Кульнева, накануне нападенія, котораго начало назначено было за два часа до разсвѣта.

опоры и надежды на усиление себя свежими войсками. Не принимая ничего этого въ уваженіе, онъ, въ чаду успѣховъ своихъ, шелъ впередъ безъ оглядки.

6-го Апрѣля, отрядъ нашъ наткнулся снова на непріятеля. Это было у Сигаюкской кирхи. Онъ занималъ позицію, которой, казалось, не хотѣлъ уступить даромъ. Мы атаковали живо. Начальные натиски наши были успѣшны, и Финскій арріергардъ снимался уже съ позиціи, чтобы слѣдовать за отступавшими главными силами. Вдругъ Клингспоръ перемѣняетъ мысль, останавливаетъ отступленіе, и возвращаетъ почти половину арміи своей на подпору арріергарда. Огонь возобновляется съ сильнѣйшею яростію. Финскія войска, подъ огнемъ 10-ти своихъ орудій, строятся въ колонны, наклоняютъ штыки и бросаются намъ на встрѣчу. Кульневъ, и духъ войскъ нашихъ, возвышенный успѣхами, продолжавшимися до этого дня непрерывно, — привѣтствуютъ непріятеля по долгу и чести. Огневое дѣло обращается въ штыковую рѣзню. Финны и Шведы въ этомъ родѣ битвъ достойные состязатели Русскихъ. Схватка была молодецкая, но превосходство числительной силы непріятеля надъ нашею восторжествовало, и должно было восторжествовать. Мы уступили мѣсто сраженія. Уронъ съ обѣихъ сторонъ простирался до 1000 человекъ. Со стороны нашей былъ убитъ, 24 егерскаго полка, майоръ Конской; со стороны непріятеля полковникъ Флемингъ. Кульнева Богъ спасъ: ядро пролетѣло такъ близко къ нему, что импетомъ своимъ обожгло ему ногу.

На другой день Клингспоръ оставилъ пріобрѣтенное имъ мѣсто сраженія, и сосредоточился между Лиминго и Лююки. Мы немедленно вступили въ Сигаюки.

Между тѣмъ генераль Раевскій не преставаля итти велѣдь за нами, и остановился въ Пигаюкахъ, гдѣ соединился съ 5-ю пѣхотною дивизіею, пришедшею изъ Куопіо, и заключавшею въ себѣ не болѣе 3000 человекъ. Одна изъ бригадъ этой дивизіи, подъ командою генерала Булатова, состоявшая изъ 2000 человекъ, оставлена была на пути, лежащемъ изъ Куопіо въ Улеаборгъ, для преслѣдованія, отступавшей къ этому городу, непріятельской бригады Кронштега.

Генераль - лейтенантъ Тучковъ 4-й командовалъ 5-ю дивизіею и, по старшинству надъ Раевскимъ, принялъ начальство надъ всеми войсками, дѣйствовавшими въ сѣверной Финляндіи, конхъ числительная сила не превышала 7000 человекъ.

Кульневъ, наказанный пораженіемъ подъ Сигаюками за опрометчивость свою, обратился къ благоумію. Мы остались въ Сигаюкахъ, соблюдая всевозможную воинскую осторожность, но ничего уже не предпринималъ вооруженною рукою, и поджидая Булатова, коему предписано было отъ Тучкова сойти съ большой Куопіоской дороги у Францила, чтобы итти къ Револаксу, деревнѣ, отстоящей отъ Сигаюковъ не далѣе 8 или 10 верстъ.

Но такъ какъ Кульневъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи, то, 12-го Апрѣля, онъ послалъ меня, съ однимъ эскадрономъ гусаръ и одной сотней казаковъ на островъ Карлоэ. Этотъ островъ лежитъ въ 10, или 15 верстахъ, отъ берега, почти противъ самаго Улеаборга. Миѣ предписано было выгнать оттуда непріятеля, но ничего не предпринимать болѣе, чтобы не навлечь на себя войскъ изъ непріятельскаго авангарда, на флангъ и почти въ тылу котораго находился этотъ островъ. Я пришелъ въ Карлоэ на разсвѣтъ, и засталъ тамъ нѣсколько фуражировъ, съ слабымъ прикрытіемъ. Бой нашъ

продолжался не долго. Нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ было побито; нѣсколько было взято въ плѣнь; остальные спаслись бѣгствомъ. Въ теченіе дня, я благополучно примкнулъ къ отряду нашему въ Сигаіокахъ.

Того же числа, т. е. 12-го Апрѣля, Булатовъ вступилъ въ Револаксъ, и около того же времени войска Тучкова и Раевского подвинулись къ Брагештату.

Непріятельская армія оставалась въ Лиминго и Люмюкахъ. Соеродоточенныя силы ея достигли уже тогда до 14 тысячъ человекъ. Надлежало ожидать скорой развязки, для насъ невыгодной, по удаленію нашему отъ главной арміи, и по несообразности силъ нашихъ съ противными силами, вдвое насъ превъшавшими.

15-го Апрѣля воспослѣдовала эта развязка.

Д. ДАВЫДОВЪ.

НРАВЫ И ПОВѢРЬЯ ЧУВАШЕЙ.

Чуваши, населяющіе Казанскую, Симбирскую, и часть Оренбургской Губерніи, составляютъ отрасль племенъ Финскихъ; языкъ ихъ, смѣшанный отчасти съ Татарскимъ, очень бѣденъ, однако жъ на него переведены многія книги Священнаго Писанія; собственныхъ письменъ они не имѣютъ. Это народъ издревле земледѣльческій, имѣетъ совсѣмъ другой образъ жизни противъ Русскихъ, Татаръ, и одноплеменныхъ ихъ Черемисовъ и Мордвы. Историческій бытъ ихъ извѣстенъ со временъ владычества Монголовъ надъ Россією; они имѣли и князей своихъ, по всей вѣроятности, бывшихъ болѣе старшинами, а не владѣльцами народа, не содставлявшаго никогда и ничего самостоятельнаго, но повластнаго, попеременно, то Русскимъ, то Монголамъ.

Со времянь Екатерины II-й, Чуваши, дотоле бывшіе идолопоклонниками, болѣею частію, обращены въ Христіанскую Вѣру, которая однако жъ не совершенно еще укоренилась между ними, и потому даже между исповѣдующими христіанство остаются еще придерживающіеся древнихъ языческихъ обычаевъ и повѣрьевъ, которыя любопытному наблюдателю открываютъ прежнія понятія сихъ полудикихъ сыновъ природы о будущей жизни, и замѣчательное древнее вѣрованіе ихъ въ два существа, доброе и злое, извѣстныя у нихъ подъ именами

Тора и Шайтана, подобно Оромазду и Ариману древних Персовъ.

Будущую жизнь Чуваши понимали такъ, что она непремѣнный удѣлъ челоуѣка, но будетъ такъ же вѣщественна, какъ и настоящая. Священники ревностно стараются искоренять такіа нелѣпыя понятія, однако жъ у иныхъ Чувашъ-христіанъ водится еще нѣсколько незабытыхъ суевѣрныхъ мнѣній и обрядовъ.

Такъ, напримѣръ, хороня умершаго, кладутъ ему, разумѣется, тайно отъ священника, въ гробъ связку лыкъ, *кочедыкъ* (чѣмъ плетутъ лапти), палку, склянку вина, и нѣсколько денегъ. Лыки съ кочедыкомъ для того, чтобы покойнику сплести лапти, если прежнія износятся въ дальнемъ и невѣдомомъ, лежащемъ ему пути; палку для обороны отъ собакъ, которыя могутъ напасть на странника въ будущей жизни; вино для разлеченія скуки въ дальнемъ пути, а деньги для судей, ибо Чуваши предполагаютъ, что и за гробомъ существуетъ земное взяточничество. Женщинамъ кладутъ въ гробъ принадлежності ихъ занятій, но денегъ не даютъ, потому, что онъ и въ здѣшней жизни податей и повинностей ни какихъ не платятъ.

Щены, оставшіяся отъ обдымки гроба, Чуваши не оставляютъ на дворъ, и не жгутъ въ печахъ, но отвозятъ на кладбище къ могилѣ усопшаго, какъ новому его жилищу, которому должны принадлежать всѣ остатки строенія.

Поминки по усопшихъ совершаются Чуваши въ вечеру наканунѣ семика, слѣдующимъ образомъ. Когда вечеръ наступитъ, и огни по домамъ зажгутъ, каждое семейство собирается въ свою избу. Старшій садится на лавку у двери, подлѣ которой всегда дѣлается *волоковое* окно. Передъ нимъ ставятъ столъ, гдѣ положены, въ разныхъ чашахъ, хлѣбъ, пироги, блины, яйца, сырники, медъ, вареное мя-

со, и другіе съестныя припасы, также въ кувшинъ, или *жбанъ*, пиво домашнее, называемое *сыра*. Тутъ же ставятся двѣ порожнія чаши.

Когда все приготовлено, и домохадцы усѣлись на лавкахъ, по старшинству лѣтъ, хозяинъ, или старшій въ семействѣ, взявши восковую свѣчу, и перекрестясь, зажигаетъ ее, и прильпываетъ къ верхнему косяку волоковаго у двери окна, въ память отца своего, если онъ умершій; потомъ другую свѣчу въ память матери, далѣе дѣда, сестры, или брата, и такимъ образомъ продолжаетъ ставить свѣчи за всѣхъ любимыхъ имъ, покойныхъ сродниковъ. Послѣ того начинаетъ онъ отдѣлать по кусочку, безъ употребленія ножа, отъ хлѣба, блиновъ, сырниковъ, мяса и другихъ припасовъ, и кладетъ все отдѣленное въ пустую чашу, приговаривая, кому что кладетъ, то есть, отцу, матери, дѣду, и прочимъ сродникамъ, каждаго рода пици, и въ томъ порядкѣ, какъ зажигалъ свѣчи. Потомъ наливаетъ онъ въ другую порожнюю чашу, изъ поставленнаго на столъ кувшина, пиво въ память покойниковъ. Послѣ хозяина, и другіе члены семейства, по старшинству, одинъ за другимъ, исполняютъ тотъ же обрядъ, выключая зажигания свѣчъ, что предоставлено только начальнику семейства.

Когда всѣ положатъ пици и отольютъ пива въ память покойниковъ, то смотря на горящія у окна свѣчи, и разсуждаютъ о житьѣ на томъ свѣтѣ любимыхъ людей. Если свѣчи горятъ свѣтло, хозяинъ говоритъ: «Мой отецъ (или другой кто изъ родныхъ) живетъ хорошо, и ему весело» — но если свѣча оплываетъ, горитъ тускло, погасла, или что хуже всего, упала со стѣны, то всѣ сожальютъ о несчастіи покойника, съ которымъ верно случилась *сухая бѣда*—такъ называется ими каждый случай, подвергающей живыхъ какой нибудь ответственности, особенно денежной.

По сгорѣннн свѣчь, хозяйинъ тушить ихъ; двѣ чаши, наполненныя для покойниковъ кусками събѣтныхъ припасовъ и пивомъ, выносятъ, и выкидываютъ изъ нихъ все у избы къ переднему углу.

По возвращеніи въ избу, начинаютъ пированье, которое и продолжается цѣлую недѣлю; въ это время, поселане ходятъ другъ къ другу въ гости, и дѣла по сельскому ихъ быту совершенно останавливаются. Въ такихъ празднествахъ Чувашей участвуютъ и Русскіе крестьяне, особенно охотники поѣсть и попить, потому что въ поминочную недѣлю Чуваши столько же на хлѣбъ-сомъ щедры, сколько въ другое время года скупы.

Свадебные обряды Чувашскіе довольно примѣчательны. Отецъ и мать не выдаютъ у нихъ своихъ дочерей, и не высватываютъ невестъ за своихъ сыновей, предоставляя самимъ сыновьямъ и дочерямъ заводить связи и сватовство; такое послабленіе, по видимому, могло бы имѣть вліяніе на порчу нравственности, однакожь развратъ у Чувашей неслыханное дѣло, съ слѣдующимъ только исключеніемъ, которое, по образу мыслей ихъ, не почитается соблазномъ: молодые люди, осватавшись, иногда до вѣнца успѣваютъ сдѣлаться отцами; впрочемъ, такой обычай начинаетъ выводиться у тѣхъ, которыхъ отцы родились уже въ Христіанствѣ.

Формальная женитьба заключается въ себѣ слѣдующіе обряды: отецъ и мать жениха, поговора и условясь съ родителями невесты объ ихъ согласіи отдать дочь, вносятъ, по древнему обычаю (какъ и у Татаръ), за невесту *калымъ*, отъ 20 и до двухъ сотъ рублей простирающийся. Когда въ *калымъ* сватъ разочлился, отецъ жениха посылаетъ за виномъ, распиваетъ его съ отцемъ и матерью невесты, и такая попойка почитается столь ненарушимымъ контрактомъ, что не было еще примѣра, чтобы послѣ того сватовство разстроилось. По мнѣнію Чу-

вашей, нельзя уже никакъ воротить дѣвки, которую отецъ съ матерью *пропили* будущему своему свату.

Вѣдь день, назначенный для вѣнчанья, женихъ, верхомъ на лошади, одѣтый въ лучшее платье, прѣзжаетъ съ своими пріятелями въ домъ невесты, которая, приготовляясь разстаться съ дѣвическою жизнью, поетъ печальныя пѣсни, какія прійдутъ ей въ голову, и воетъ. По прѣздѣ жениха, братъ или дядя невесты, взваливши ее на плечо, какъ мѣшокъ съ мукою, носятъ къ сосѣдямъ и роднымъ, если послѣдніе близко, прощаются. Обносиши къ кому нужно, приносятъ обратно въ домъ отца, и сдаютъ съ рукъ эту ношу, которая, не рѣдко, бываетъ въ подъемъ и для доброй лошади. Тутъ собираются къ вѣнцу. Первое дѣйствіе власти супружеской начинается тѣмъ, что женихъ, при всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, отвѣшиваетъ своей невестѣ порядочный ударъ плетью, приказываетъ ей садиться на лошадь, и ѣхать въ церковь, куда всѣ родные и знакомые, съ обѣихъ сторонъ, отправляются, большею частью верхомъ, такъ-же какъ и самая невеста, покрытая большою бѣлою простынею. Послѣ вѣнчанья возвращаются домой прежнимъ порядкомъ, и все оканчивается пирушкою, въ продолженіе которой новобрачные идутъ на брачное ложе.

Издревле вѣруя, что есть два существа, доброе и злое, Гора и Шайтанъ, Чуваши не имѣютъ ни какого ихъ изображенія, и какъ нынѣ, такъ, вѣроятно, и въ древности, не строили ни какихъ капищъ, но посвящали первому божеству особыя рощи, донынѣ во многихъ мѣстахъ существующія, и называемыя *креметями*. Въ этихъ рощахъ за грѣхъ почитаютъ сломить вѣтвь или накопить травы. Хотя креметь посвящена доброму существу, но охраняемъ ея Чуваши почитаютъ Шайтана, который наказываетъ болѣзнями и несчастіями нарушителей неприкосновенности священныхъ рощей.

Когда Чуваши молят о здоровьи заболѣвшаго, или дѣлаютъ какіе нибудь обѣты о благополучномъ окончаніи предпринятаго дѣла, то по дупламъ въ кремняхъ кладутъ доброму существу Торъ деньги, мѣдныя и серебряныя; если же въ такихъ рощахъ есть ямы, не руками человеческими ископанныя, то деньги и въ нихъ зарываютъ, сколько возможно глубже, руками, безъ пособія лопаты, или заступы.

Умиловляя доброе существо, Чуваши не забываютъ дѣлать приношеній и Шайтану, прибѣгая для того за совѣтами къ *Юмзѣ*, то есть, колдуну, или знахарю, совѣты и наставленія котораго принимаютъ простодушными полудикарями за великое дѣло. Въ случаѣ болѣзни, родственники приходятъ къ такому Юмзѣ, и спрашиваютъ: «чѣмъ умиловить Шайтана, пославшаго болѣзнь?» хотя бы она произошла и отъ долговременной старости. Приговоръ Юмзы почти всегда бываетъ такого рода, что въ умиловленіе злаго существа надобно сыскать овцу, теленка, и т. п., которые имѣли бы такія-то примѣты, то есть, какія на мыслѣ придутъ Юмзѣ. Желаящій умиловить Шайтана принужденъ искать вездѣ такого рода и вида животнаго, и за какую бы то ни было цѣну купить его. Впрочемъ, Юмза обязанъ назначать примѣты удобонаходимыя и не рѣдкія. Когда ищущій милости Шайтана найдетъ искомое животное, то закалаетъ его; шкуру, а если обреченная жертва была гусь, или какая нибудь другая птица, то перья, относитъ и бросаетъ въ лѣсъ; мясо же съдастъ на пирушкѣ съ своими родными и друзьями, и потомъ ожидаетъ милости отъ существа, пославшаго болѣзнь. Если больному не легче, или онъ умретъ, то почитается это знакомъ, или Шайтанъ очень сердитъ; Тора же въ такомъ случаѣ не обвиняютъ, приписывая ему одни добрыя свойства. Въ этомъ отношеніи Чуваши совершенно от-

личаются отъ другихъ полудикарей, какъ, напримеръ, Камыковъ, которые наказываютъ плетью своихъ боговъ, если они не исполняютъ ихъ желаній.

Божба, или клятва, между Чуваши дѣлается слѣдующимъ образомъ: если, напримеръ, подозрѣвается кто нибудь въ кражѣ, или другой винѣ, и истецъ принуждаетъ его къ клятвѣ въ невинности, то приносить цѣлое ведро воды, и ставить на столъ. Обвиняющій отрываетъ отъ цѣлага хлѣба небольшой кусокъ, и взоткнувши его на ножъ, беретъ въ лѣвую руку *лутышку*, то есть, сухую палку, кладетъ ее на ведро воды, а правою подаетъ черезъ нее обвиваемому, стоящему на другой сторонѣ стола, хлѣбъ. Клянущійся долженъ принять хлѣбъ руками, а прямо съ ножа ртомъ, и съѣсть. Если онъ съѣлъ, то почитается за невиннаго, но если нечистъ въ своей совѣсти, то никогда не рѣшится къ такому страшному обряду, будучи увѣренъ, что можетъ утонуть въ водѣ, иссохнуть, какъ палка, или погибнуть отъ ножа.

При свозѣ сноповъ, на загонахъ, или на гумнѣ, когда вѣтромъ повредитъ коню, и снесетъ съ нея нѣсколько сноповъ, или даже упадутъ они отъ худой кладки, Чуваша не возьметъ ни одного зерна хлѣба изъ такой конны, хотя бы она составляла всю надежду его годоваго пропитанія.

Если мыши повредятъ какое нибудь платье, то Чуваша не надѣнетъ уже его, изъ опасенія смерти, или несчастія, а потому и старается его продать Русскимъ, или Татарамъ, землякъ, Чуваша, никогда такой одежды не купитъ.

Въ Великую субботу, передъ заутренею на Светлое воскресенье, у Чувашей водится обычай очищать дома свои отъ Шайтана, или злаго духа. Для того, часа за два, или за три до заутрени, начинаютъ съ крикомъ бить палками, подъ печью, на печи, и во всѣхъ углахъ дома, въ сняхъ, и на дворѣ, рас-

творяют ворота, и гонять мнимого духа по улицъ, до какого нибудь оврага, вѣз околицы находящагося. Тутъ бросаютъ въ него палки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и лепешки, пироги, хлѣбъ и лица, и возвращаются въ дома праздновать изгнаніе нарушителя общаго спокойствія. Крикъ Чувашей въ это ночное время, и лай собакъ при такомъ случаѣ, составляютъ самую забавную и странную сумятицу, и какъ селенія Чувашей бывають расположены очень часто, то цѣлая волость производитъ страшный шумъ, который удивитъ незнающаго Чувашскихъ суевѣрій. По возвращеніи въ дома начинается пированье, и потомъ уже идутъ къ заутрени, молить бога, чтобы онъ помиловалъ ихъ въ наступающемъ времени (но, повторяемъ, все это уничтожается уже нынѣ стараніемъ достопочтеннаго и благочестиваго духовенства).

Народъ Чувашскій вообще есть самый добродушный изъ всѣхъ своихъ Финскихъ однородцевъ, въ Россіи обитающихъ. Робкій отъ природы, Чуваша кажется дикаремъ, чуждающимся сообщенія съ Русскими. Пріѣзжайте къ Чувашъ въ домъ, переночевать, или покормить лошадей, онъ приметъ васъ съ угрюмымъ видомъ, недоверчивостью, какъ будто съ неудовольствіемъ. На спросъ съѣстныхъ припасовъ, онъ подаетъ вамъ одинъ хлѣбъ, а въ прочемъ во всемъ отказывается неимвнѣемъ. Но обойдитесь съ нимъ ласково, поподчивайте его табакомъ, или виномъ, и увѣрьте, что ему заплатятъ за все деньги, особенно же обласкайте дѣтей его, и дайте имъ по маленькому прянику, тогда вы увидите, что угрюмый дикарь сдѣлается самымъ добродушнымъ хлѣбосоломъ, принесетъ вамъ всего, что у него есть лучшее изъ съѣстныхъ припасовъ, и если нѣтъ своей, то достанетъ у сосѣдей браги — высшій знакъ его расположенія къ пріѣзжему!

Цѣломудріе двницъ и женщинъ Чувашскихъ мо-

жетъ назваться примѣрнымъ; выключалъ описанныхъ выше обычаевъ при женитбѣ, не было примѣровъ, чтобы Чувашская женщина нарушила чистоту брака, а двница забыла свою обязанность.

Почти весь Чувашъ, мужескаго пола, любятъ курить табакъ, но между женщинами это рѣдкость. Пьяницъ чрезвычайно мало; любимый напитокъ Чувашскій брага домашняя, извѣстная у нихъ подъ названіемъ «сыра.» Они дѣлають ее изъ солоду, приготовленнаго изъ ячменя, овса и полбы; видомъ она похожа на мутный бѣлый квасъ, но вкуса пріятнаго, мало имѣетъ хмѣлю, и такъ здорова, что въ лѣтнее время, при ежедневномъ, умѣренномъ употребленіи, производитъ дѣйствіе не хуже кумыса.

Ежедневная пища Чувашей очень проста и неприхотлива, при всей возможности ея улучшенія. Больше всего употребляютъ они яровые хлѣбы, а рожь продають торговцамъ на мельницы, или отвозятъ на Волжскія пристани. Капусты и огурцовъ свѣютъ мало, а о другихъ огородныхъ овощахъ не имѣють почти никакого понятія, хотя и видятъ употребленіе ихъ у Русскихъ поселянъ; они почитаютъ всѣ другіе овощи излишнею прихотью. Капусту многіе изъ нихъ замѣняютъ дикимъ растеніемъ, находимымъ по лугамъ и перельскамъ, и извѣстнымъ у Чувашей подъ названіемъ *будрана*; листья этого растенія походятъ на глухую малолетнюю крапиву; ихъ заготовляютъ и на зиму, высушивая, какъ мяту, или шалфей, пучками.

Простая трудолюбивая жизнь Чувашей причиною, что многіе изъ нихъ богаты; есть имѣющіе отъ десяти до ста тысячъ рублей деньгами, но такого зажиточнаго поселенна трудно различить отъ бѣднаго; одежда и пища его одинаковы съ другими; одна только обширность двора, и лучшее противъ другихъ устройство избъ и разныхъ принадлежностей, показываютъ хорошее состояніе.

Т. III. — Огл. III.

141/4

Чувашей обвиняютъ въ лѣности, но это вовсе несправедливо. Земледѣліе ихъ, безъ всякихъ ученыхъ улучшеній, есть главное занятіе и надобно сказать, что оно въ лучшемъ состояніи, нежели у сосѣдей ихъ Русскихъ поселянъ. Огромное количество хлѣба, привозимаго ими на Волжскія пристани, доказываетъ ихъ трудолюбіе; недостаетъ имъ только необходимаго просвѣщенія и хорошихъ примѣровъ, чтобы состояніе ихъ улучшилось.

Селенія Чувашей совершенно отличаются отъ Русскихъ, и даже Татарскихъ, образомъ построенія. Они суть не что иное, какъ собраніе нѣсколькихъ десятковъ усадебъ, или хуторовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго. Улицъ нѣтъ, а только оставляются небольшіе проулки, въ которыхъ съ трудомъ можно разъѣхаться. Въ лѣсистыхъ округахъ, селенія Чувашей расположены такъ, что вся деревня кажется заросшею лѣсомъ; огромные дубы и липы находятся среди дворовъ, и это способствуетъ чистотѣ воздуха, будучи совершенно сообразно съ образомъ жизни полудикаго народа.

Жилая изба ставится всегда среди двора, и бываетъ съ крыльцомъ, у котораго на одномъ концѣ дѣлается чуланъ, безъ дверей, для лѣтняго отдохновенія. Въ избѣ, на правой сторонѣ, всегда ставится печь, кирпичная, или сбита изъ глины, безъ трубы, съ шесткомъ, выдавшимся отъ устья впередъ. На шесткѣ выбивается круглая впадина, или горнушка, въ которой хранится жаръ изъ печи, всегда выгребаемый. Кругомъ стѣны подыланы широка *пары*, или *саганчи* въ родѣ дивана; на нихъ покоится вся семья, а подъ саганчами кладутся разный домашній скарбъ, и припасы, которые надобно сохранять отъ морозовъ. Избы внутри почти вдвое выше Русскихъ черныхъ избъ; воздухъ всегда чистъ, хотя въ нихъ и впускаются, въ зимнее время, овцы. Не было еще примѣра, чтобы Чуваша поставилъ

въ избѣ печь съ лѣвой стороны. Богатые Чуваши строятъ свѣтлыя Русскія избы, но не живутъ въ нихъ, а принимаютъ только гостей и пируютъ въ лѣтние праздники. Кругомъ дома располагаются, на довольно большомъ разстояніи, все другія строенія, какъ то: амбары для хлѣба, клѣти для домашней одежды и вещей, хлѣва, конюшни, саран, лѣтнія кухни, и нѣрѣдко пчельники, такъ, что хозяинъ, вышедши изъ избы въ сѣни, можетъ видѣть всю свою усадьбу. Гумны съ хлѣбами ставятся близъ усадьбы каждаго поселянина; чистота и опрятность на дворѣ поселянина такая, какую трудно найти у Русскаго поселянина, но за то улицы, овраги и берега рѣчекъ, на которыхъ расположены селенія Чувашскія, вездѣ завалены навозомъ, котораго они не употребляютъ на удобреніе полей. Это причиной, что Чувашей называютъ лѣнливимъ народомъ, но земли, ими занимаемыя, столь тучны, что хлѣба не выдерживаютъ новаго удобренія, ибо во многихъ мѣстахъ земля имѣетъ чернозему болѣ аршина.

Одежда Чувашей совершенно различается отъ крестьянской Русской. Нашъ мужикъ всегда носитъ черныя кафтанъ и бѣлыя онучи, но Чуваша посовѣстится быть такъ одѣтымъ—онъ носитъ бѣлый кафтанъ, особаго покроя, и черныя онучи. Женская одежда Чувашей состоитъ изъ рубахи, вышитой довольно искусно разноцвѣтною шерстью, и нѣрѣдко шелками, въ исподнемъ, какъ у мужчинъ, платье, и передникъ, который, такъ же, какъ и рубаха, вышитъ; сзади, къ поясницѣ, прививаются широкій, шерстяной хвостъ, съ мѣдными бляхами и кистями. У женщинъ на головѣ, сверхъ платка, повязка на манеръ Русскихъ дѣвичьихъ повязокъ, унизанная серебряными деньгами, или оловянными бляхами. У дѣвицъ на головѣ остроконечная, изъ крупнаго бисера, очень искусно низанная *тибейка*, на Китайскій манеръ, увѣшенная по краямъ

серебряными деньгами. Къ косамъ привязываютъ серебряныя рубли и разныя мелкія монеты. На груди, какъ женщины, такъ и дѣвицы, носятъ нагрудникъ, длиною до 6, а шир. до 4 вершковъ, унизанный сплошь серебряными деньгами, а у бѣдныхъ посеребряными бляхами; у зажиточныхъ Чувашей, женскія и дѣвическія украшенія стоятъ иногда не меньше двухъ сотъ рублей.

Увеселенія Чувашей очень просты. Музыкальный инструментъ ихъ есть нѣчто въ родѣ вольнки, пузырь, или телачій мѣхъ, съ придѣланными къ нему нѣсколькими дудками, изъ которыхъ двѣ, или три, пѣщаютъ при надуваніи на разныя тоны, а на главной дудкѣ, съ ладами, разыгрываются разныя ноты рукою музыканта, который пользуется за то во всѣхъ собраніяхъ особеннымъ уваженіемъ.

Пляски Чувашей не выражаютъ ни какихъ страстей, какъ у другихъ народовъ, но вполне изображаютъ мирныя занятія ихъ жизни. Они просто ходятъ, и по тѣлодвиженіямъ мужчины замѣтите, что онъ представляетъ, или кошенье травы, или рубку лѣса, или жатву хлѣба; женщина въ пляскѣ своей показываетъ тѣлодвиженіями разныя домашнія занятія — она мотаетъ пряжу, тчетъ, дѣлаетъ основу, жнетъ хлѣбъ, молотитъ.

Вообще, народъ Чувашскій отъ природы тихъ, добродушенъ, не злопамятенъ, признателевъ за ласки; жизнь его безмятежна и безстрастна; ему недостаетъ только необходимаго просвѣщенія, свойственнаго поселянскому быту, и тогда онъ могъ-бы сдѣлаться примѣрнымъ изъ всѣхъ инопородцевъ, подвластныхъ Монарху Россіи.

П. А. АНОРОВЪ.

IV.

К Р И Т И К А.

Oeuvres d'histoire naturelle de Goethe, etc. (Сочиненія Гете касательно естествознанія, заключающія въ себѣ разныя записки его объ анатоміи сравнительной, ботаникѣ и геологій, переводъ и изданнія, съ примѣчаніями, К. Ф. Мартеномъ, съ атласомъ, гдѣ рисунки составлены самимъ Гете, и тремя рисунками и изъяснительнымъ трактатомъ о метаморфозѣ растений П. Ж. Л. Тюрпена) Парижъ, 1838 г. in-8.

(Статья Э. Литтре.)

Учитель Перикла и Сократа, Анаксагоръ, когда у него спросили: «для чего думаетъ онъ, созданъ человѣкъ на землѣ!» — отвѣчалъ: «удивляться величію небесъ и великолѣпно звѣздъ». Если философъ, почитавшій солнце величиною не болѣе Пелопоннеса, находилъ столько много великаго въ зрѣлищѣ звѣздныхъ высотъ, какими чувствами былъ-бы онъ проникнуть нынѣ, когда предѣлы міра астрономическаго раздвинулись столь безмѣрно! Люди, безсильные прямо наблюдать и проникать тайны природы, что имъ казалось существующимъ, и не только чрезвычайно ошибались, удаляясь отъ дѣйствительности, но выдумками своимъ оставались еще несравненно ниже

Т. III. — Отд. IV.

истиннаго величія и великолѣпія предметовъ. Гомеръ, полный отзывъ върваній своего времени, ставилъ небесныя чертоги на вершинахъ Олимпа, такъ не высоко, что Вулканъ, сброшенный изъ жилища боговъ, летѣлъ только полдня, пока не упалъ въ пещеры Лемноса. Мифологія Востока полагала небеса твердыми, и огромныя запасы воды висящими надъ нашею головою. Осіанъ переносилъ въ области подвижныхъ облаковъ пребываніе боговъ и героевъ. И что-же всѣмъ сіи ничтожныя вымыслы передъ истиною, открытою нами послѣ столькихъ трудовъ? Весь этотъ Олимпъ, откуда нисходила молнія, эти земныя туманы, почтаемые царствомъ эира, это лазурь небесная, гдѣ мечтали видѣть стѣну плотную и неподвижную, все разсыпалось, какъ обманъ, какъ сонъ младенствующаго челоуька. Отверзлось безконечное пространство, если не взору, то мысли нашей. Земля, смиренная планета, взяла свое опредѣленное мѣсто подлѣ величественнаго солнца; самое солнце это, рассматриваемое въ надлежащемъ разстояніи, сдѣлалось звездою, затерянною въ безконечномъ множествѣ другихъ звездъ, и челоуькъ, съ своей маленькой земли, можетъ созерцать міры, летающіе, какъ стая птицъ, неутомимымъ полетомъ, безъ конца и безъ отдыха, распростирая въ пустыняхъ неба свои лучезарныя крылья.

Даже и въ тѣсномъ объемѣ земли, безконечность природы и слабость челоуьческаго воображенія являются разительными не менѣе. Старинныя сказки передали намъ повѣсть о множествѣ странныхъ чудовищъ, сирень, нипогрифовъ, стоголовыхъ гидръ; художники изобразили на камнѣ и полотнѣ сіи мечты баснословныя, и поэты, въ свою очередь изъяснители народныхъ върваній, размножили сіи формы безъ имени, будто-бы населяющія адъ, обитающія въ мрачныхъ преисподнихъ пещерахъ, и вызываемыя волшебнымъ обаяніемъ при совершеніи дѣлъ пагуб-

ныхъ. Но что все это, рядомъ подлѣ множества различныхъ существъ, которыя природа разсыла на землю, въ морь и по воздуху? Обозрите ихъ быстро и мгновенно, заставьте ихъ всѣхъ вдругъ явиться передъ вами, съ огромнаго слона до легкой бѣлки, съ плотояднаго орла до блестящей колибри, съ безтырнаго кита до малыхъ обитателей рѣкъ и озеръ; разсмотрите, какъ они движутся, съ ногами и безъ ногъ, съ крыльями и съ лапами; внемлите смѣшанному жужжанью этихъ безчисленныхъ наскоковыхъ, летающихъ во всѣ стороны; наблюдайте эти невротныя превращенія, которыми изъ гусеницы является прелестная бабочка; вооружите глазъ вашу микроскопомъ, и узнайте безконечное число существъ, малость которыхъ дѣлала ихъ непримѣтно для вашего взора, но не удаляла отъ чудесныхъ законовъ природы. Наконецъ, если недовольно такого множества живыхъ формъ и организацій, вызовите привидѣнія уничтожившихся животныхъ, остатки коней погребены въ развалинахъ нашего земнаго шара; воссоздайте громаднаго *динотеріума*, съ его двумя клыками, которые были у него укрѣплены въ нижней челюсти, направлялись къ низу, и представляли собою анатомическое устройство, подобнаго которому нѣтъ уже между живущими нынѣ породами животныхъ; заставьте летать въ воздухѣ *птеродактиля*, съ его змѣинымъ тѣломъ и птичьими крыльями; пустите въ моря исполинскихъ пресмыкающихся древняго, допотопнаго въька, и — посмотрите послѣ всего: какъ это зрѣлище творящей и живой природы превосходить всѣ выдумки ума челоуьческаго, и самыя смѣлыя идеи челоуьческаго воображенія!

И только подробнымъ и настойчивымъ созерцаніемъ жизни природы достигаемъ мы до того, что видимъ во всей истинѣ, во всемъ величіи, во всей пользѣ дѣйствительное существованіе нашего міра. И

чтобы сіе созерцаніе было поучительно, чтобы мало по малу поднимало оно передъ нами таинственное покрывало Изиды, распространяло передъ нами во вѣки безграничное поприще знанія, надобно, чтобы созерцаніе это было дѣломъ не одного человѣка, не одного народа, не одного вѣка. Все равно споспѣшествуетъ ему, и забвенные труды самыхъ темныхъ временъ, и открытія новыхъ временъ, самыя блестящія, и усилія толпы, наряду съ подвигами самыхъ могущихъ геніевъ. Но мало вѣковыхъ трудовъ всего человѣческаго рода, чтобы сдѣлать понятными хотя нѣкоторыя части этой безмѣрной общности, этого міра, гдѣ живетъ человѣкъ, посимый въ безконечномъ пространствѣ на планетѣ своей, какъ на легкой ладіи, освѣщаемый лучами солнца, общаго центра многихъ другихъ міровъ, окружаемый существами, которыя, подобно ему, попираютъ землю, и наслаждаются жизнью подъ вліяніемъ солнца, сего отца свѣта и теплоты.

Около восьми лѣтъ тому, въ Академіи Наукъ возникло преніе между двумя знаменитыми учеными Франціи, Кювье и Жоффруа-Сентъ-Илеромъ. Оно было обращено на столь высокіе вопросы зоологіи, что обратило на себя вниманіе, даже и среди важныхъ политическихъ событій, волновавшихъ тогда наше общество. Не въ первый разъ предложенъ былъ спорный пунктъ вопроса, но въ первый разъ принялъ онъ такую торжественность, и имена двухъ знаменитыхъ мужей, состязавшихся между собою, немало способствовали въ семь случаевъ къ увлеченію нашего любопытства. Прежде всего надлежало опредѣлить *предметъ* спора. Гете совершенно справедливо сказалъ тогда, что передъ публикою нельзя было говорить объ этомъ предметѣ подробно, но надлежало свести его на главныя основанія. Постараемся исполнить это, сколько возможно вкратцѣ.

Во всѣ времена, анатомики и естествоиспытатели сравнивали различныхъ животныхъ. Превращенія человѣка въ птицу и звѣря, созданныя въ началѣ воображеніемъ поэтовъ, были логически выводимы остроумными естествоиспытателями изъ соображенія частей животнаго организма. «Мы смѣло можемъ утверждать», говоритъ Гете, «что созданія съ совершенною организаціею, именно: рыбы, пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія, включая сюда и человѣка, первоначальника всѣхъ, образованы по однообразнымъ и сходственнымъ формамъ. Постигая сію идею, Камперъ, съ кускомъ мѣлу въ рукѣ, превращалъ на аспидной доскѣ собаку въ лошадь, лошадь въ человѣка, корову въ птицу. Такія остроумныя и смѣлыя сравненія приводили ученыхъ людей къ развитію внутренняго, или умственнаго смысла, который нерѣдко скрывается въ очеркахъ видимой вѣщности».

Дѣйствительно, чѣмъ болѣе сравнительная анатомія дѣлала успѣховъ, и расширяла кругъ своихъ изысканій, тѣмъ болѣе сходство человѣка съ животными дѣлалось явственнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Древніе философы замѣчали уже оное, и Пифагорейцы, вездѣ видѣвшіе гармонію, говорили, что не только у насъ есть общность между нами взаимно и между богами, но общность и съ животными — мысль обширная, которой изслѣдуемъ мы здѣсь только одну сторону — общность нашу съ низшими ступенями творенія.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, подробности сходствъ до того умножились, что *идея* сходства (аналогіи), общіе всѣмъ *очеркъ*, *система* и *единство* организаціи, и наконецъ общій всѣмъ *типъ* (первоначальная форма) были приняты многими возвышенными умами, и Гете былъ въ числѣ ихъ изъ первыхъ. Даже оставили тогда изученіе *различій*, обра-

щаяся только къ *сходствамъ*, и такимъ образомъ родилась философическая анатомія.

Вопросъ, о которомъ спорили въ 1830 году Кювье и Сентъ-Илеръ, и которому Гете посвятилъ весь свои занятія, касательно естествоиспытанія, состоялъ въ томъ: «узнать — есть-ли, и если есть, то какой именно есть законъ общности между животными, включая сюда и человека?» Различныя породы имѣютъ-ли, въ самой своей организаціи, связующую ихъ цѣпь? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, какимъ образомъ можемъ мы понять эту цѣпь, эту связь? Вотъ задачи, или *проблемы* спора, сведенныя къ самому общему ихъ *основанію*, такому, гдѣ всякій можетъ понять и оцѣнить сущность и рѣшеніе ихъ.

Первая часть задачи даже не можетъ быть подвергнута сомнѣнію; по крайней мѣрѣ, для весьма многихъ отдѣленій животнаго царства, напримѣръ, для животныхъ позвоночныхъ, *vertebrés* — упоминаемъ только ихъ, желая поставить вопросъ нашъ въ примѣры совершенно безспорныя. Внутренняя цѣпь соединяетъ здѣсь животныхъ даже самою ихъ организаціею. Примѣры безчисленны, и доказательства неопровержимы. Рассмотрите, въ самомъ дѣлѣ, черепъ человека, четвероногаго, птицы, пресмыкающагося, рыбы, и вы будете поражены сходствомъ основныхъ формъ. Замѣтите кромѣ того, что сіи черепы равно содержатъ въ себѣ мозгъ; что они проткнуты у всѣхъ одинаковыми отверстіями, сквозь которыя проходятъ органы, или нервы органовъ чувствованія; наконецъ, что во всѣхъ, частныхъ и относительныхъ отдѣленіяхъ, расположеніе позвонковъ, которые, подобно имъ, содержатъ въ себѣ нервозную массу, и даютъ мѣсто для прохода нервъ, одинаково.

Вторая часть вопроса: узнать, какое свойство, какой законъ существуетъ въ сей общности между живот-

ными? — эта часть важнѣе и труднѣе. Пересмотримъ здѣсь различныя мнѣнія.

Гете предполагаетъ *одинъ типъ*, по которому все животныя образованы, и отъ котораго все формы животныя суть только частности. «Наблюденіе участвуетъ насъ», говоритъ онъ, «какія части суть общи всѣмъ животнымъ, и въ чемъ сіи части различествуютъ между собою. Умъ долженъ обнять общность того и другаго, и умозрѣніемъ извлечь общій типъ, созданіе коего по праву принадлежитъ ему». — Далѣе: «заключимъ, что всеобщность (универсальность), постоянство, развитіе единства въ непрерывномъ превращеніи (метаморфозѣ) дозволяютъ намъ установить типъ, но многоразличность, или, лучше сказать, гибкость этого типа, на которомъ природа можетъ играть съ полною свободою, съ условіемъ только сохранять для каждой части ея собственный характеръ, изъясняетъ существованіе всѣхъ родовъ (*genus*) и всѣхъ породъ (*species*) животныхъ, какіе намъ известны». — Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ говоритъ онъ: «постройка типа необходимо предполагаетъ, что природа послѣдственна въ самой себѣ, и что въ случаяхъ частныхъ, она производитъ слѣдую некоторымъ предуставленнымъ, общимъ правиламъ. Сія истина неопровержима, ибо самый быстрый взглядъ на царство животное убѣждаетъ насъ, что существуетъ первобытный очеркъ, который находимъ во всѣхъ, столь различныхъ формахъ».

Мы не можемъ принять мнѣнія Гете, и даже не понимаемъ идеи существованія подобнаго типа. Этотъ типъ, который, по его словамъ, мы должны *создать въ умѣ нашемъ*, какимъ образомъ начнемъ мы его создавать? Самою-ли «всеобщію формою», въ которую включатся все существующія животныя частныя формы? Но тогда это будетъ глыба камня, изъ которой художникъ извлекаетъ по своей волѣ форму, какую

ему угодно, и эта глыба не представить ничего достаточно опредѣленного, почему могли-бы мы видѣть въ ней типъ, и образъ его могли употребить для чего нибудь въ нашемъ знаніи. Будетъ-ли сей типъ, напротивъ, собраніе, подъ одною формою, всѣхъ возможныхъ формъ? Тогда можно сказать, что это, дѣйствительно, созданіе ума, но не созданіе природы. Этотъ типъ станетъ походить на тѣхъ многовидныхъ кумировъ, какіе были въ древнихъ капищахъ, и, можетъ быть, подобныя идеи, хоть инстинктивно, не были чужды устройству этихъ уродливыхъ чудовищъ, которые въ древнихъ мифологіяхъ были представлены обожанію человѣческому. Несомнительно, что Гете не могъ понимать типа животности, какъ собранія всяческихъ и всѣхъ формъ. Изъ двухъ одно: или, мы должны оставить идею типа въ неопредѣленномъ смыслѣ, гдѣ она неуловима, или, когда хотимъ опредѣлить ее, найдемъ ошибочною.

Бюффонъ сказалъ за долго до Гете, что онъ создаетъ въ рядахъ животныхъ очеркъ первобытный и всеобщій (*un dessin primitif et général*), за которымъ можно слѣдовать весьма далеко, и по которому, кажется, все образовано. Какую-же идею выведемъ мы изъ этого первобытнаго, всеобщаго очерка? — Какъ? Природа обрисовываетъ всѣхъ животныхъ по одному плану? Какъ-же, на примѣръ, животныя, у которыхъ нѣтъ членовъ, могли быть образованы по одному рисунку съ животными, имѣющими члены? Очевидно: рисунокъ не одинъ, и чтобы ему быть одному и тому-же, надобно, чтобы всѣ животныя были сложены изъ одинакихъ частей, которыя будутъ притомъ только разновидны.

Это-же возраженіе прилагается и къ *единству плана* (*unité de plan*), представляющему также рядъ животныхъ, подъ точкою зрѣнія, которой невозможно схватить опредѣленно и хорошо.

Единство *органическаго сложенія* (*composition organique*) подвергается тѣмъ же возраженіямъ, если подъ нимъ разумѣть единство плана. Когда хотятъ сказать, что въ основаніи своемъ всякое животное есть составъ похожихъ частей, сферъ, примѣрно, и что слѣдственно, всѣ животныя похожи между собою, ибо различествуютъ только числомъ и устройствомъ этихъ первобытныхъ сферъ — согласимся: идея блестяща — можетъ быть, справедлива, можетъ быть — главная въ теоріи, о которой мы теперь говоримъ, но она не принадлежитъ прямо къ нашему предмету.

Теорія сходствъ (*théorie des analogies*) есть другое названіе, придаваемое ученію объ общности всѣхъ животныхъ между собою. Оно вѣрно, но останавливается, если можно такъ выразиться, только на поверхности предметовъ, и утверждаетъ существованіе сходствъ, не стараясь проникнуть закона ихъ.

Надобно, по мнѣнію нашему, оставить формулы: *типъ, единство плана, единство очерка*, какъ дающія понятіе неопредѣленное и ложное, касательно философической анатоміи, въ которой заключается вопросъ.

Вмѣсто сихъ словъ, по мнѣнію нашему, должно употреблять слова: *законъ развитія* (*la loi de développement*). — Объяснимся. — Производила-ли природа непосредственно въ одно время всѣ бытія органическія, производила-ли она ихъ послѣдовательно, правиломъ ея въ твореніи было: переходить отъ простаго къ сложному, то есть, развивать всегда то, что существуетъ, идти отъ одного образованія къ другому переходами (*transitions*), и оставлять на каждой степеніи его слѣды своего прохода. Здѣсь изъясняется видимость плана, рисунка, типа, хотя и невозможно схватить и установить образа ихъ. Видимость находится въ этихъ слѣдахъ, оставшихся на каж-

домъ животномъ, на каждомъ органъ; невозможность схватить ее заключается въ этихъ самыхъ переходахъ, которые придаютъ типу и очерку такое пространство, что въ нихъ ничего уже нѣтъ, кроме неопредѣленнаго и безформеннаго.

Остановимся на сей точкѣ зрѣнія, и перенесемъ къ исчезнувшимъ животнымъ, остатки которыхъ заключаются въ земной корѣ. Ихъ возстановленіе составило славу Кювье и изумило свѣтъ. Кромѣ формъ, особенныхъ, правда, но отличенныхъ общемою печатью, какую носитъ животность на нашей землѣ, это возстановленіе уже-ли не научило насъ ни чему, касательно исторіи и измѣненій (phases) зоологій? Различныя слои заключаютъ различныхъ животныхъ, такъ, что здѣсь порядки и развитіе явно обнаруживаются. Земли древнія, и землі сравнительно новыя, питали прежде виды животныхъ, поставленные на разныхъ ступеняхъ лѣстницы, и зоологическая хронологія благоприятствуетъ идее преобразованія (transformation) и послѣдовательнаго переворота.

Пока анатомія находила древніе обломки животныхъ, навсегда изглаженныхъ изъ книги жизни, физика, съ своей стороны, проникала во внутренность нашего шара, и соображая формы планеты, показывающія въ ней бывшее нѣкогда жидкимъ, а потомъ окрѣпнувшее тѣло, теплоту, которая быстро усиливается отъ поверхности къ внутренности, сжатый холодъ междупланетныхъ пространствъ, гдѣ разливается, какъ будто въ резервуаръ, первобытная теплота земли, и наконецъ, присутствіе пальмъ, и другихъ произведеній жаркихъ климатовъ тамъ, гдѣ сильный холодъ препятствуетъ жизни ихъ, физика рѣшила, что нѣкогда земной шаръ былъ очень горячъ, и охлаждалъ мало-по-малу, такъ, что при сихъ условіяхъ органическія существа могли являть-

ся только послѣдственно и по мѣрѣ сихъ условій на поверхности міра, который дѣлался весьма медленно способнымъ къ обитанію. Съ сей стороны, опять законъ преобразованія и послѣдовательнаго переворота подтверждается и устанавливается.

Скажемъ болѣе: еслибы и не знали мы, по всемъ симъ положительнымъ фактамъ, что жизнь не проявлялась въ началѣ на нашей землѣ подъ тою формою, какую представляетъ теперь, это возможно было-бы заключить изъ умозрительнаго понятія о животномъ порядкѣ. Порядокъ, единожды признанный нисходящимъ (а мы видимъ его такимъ) проявляетъ развитіе, переворотъ и участки времени. Философъ, постигнувшій законъ такого порядка, могъ-бы сказать, что на землѣ были бытія прошедшія, а надтоящія бытія суть наследники ихъ, и открытія будущаго знанія явились-бы оправдать его предположеніе. Такъ, когда возражали Копернику, что если его система истинна, то Венера должна показываться намъ въ разныхъ фазахъ, какъ наша луна, онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно, она показала-бы намъ въ разныхъ фазахъ, если бы мы могли хорошо ее видеть. И телескопы подтвердили, черезъ долгое время потомъ, что Коперникъ правду говорилъ о Венерѣ.

Одинъ изъ самыхъ мудрыхъ и великихъ философовъ Древности, Эпиктетъ, сказалъ: «Зевесъ поставилъ человѣка на землѣ, не только созерцать божественныя творенія, но и быть ихъ изъяснителемъ.» Вотъ одна изъ самыхъ глубокихъ, какія только можно вообразить себѣ, мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, что поразительнѣе этого пламеннаго, быстро любопытства, увлекающаго родъ человѣчскій на попріице вѣдѣній и науки? Человѣкъ не проходитъ, если только проходилъ когда либо прежде, равнодушно мимо предметовъ природы. Онъ хочетъ познать ихъ,

а когда познаетъ, хочетъ изъяснить ихъ, то есть, взойти къ законамъ, коими они управляются. Здѣсь видѣтъ духъ познавательности во всей силѣ его, духъ науки, возбужденный задолго до прекрасныхъ вѣковъ Греціи, но въ ней исшедшій изъ храмовъ и касть, измѣнившій мѣръ, и положившій все зародыши, которые развиваются потомъ изъ вѣка во вѣкъ и изъ будущаго въ будущее. Польза знанія, какъ ни велика она, уступаетъ истинѣ знанія, и занимаетъ уже вторую только степень въ глазахъ умбющаго понимать то, какая безконечная важность принадлежитъ познанію действительности предметовъ.

Гёте отдадимъ честь — быть первымъ изъ тѣхъ, кого поразило сходство существъ, и кто понималъ, что сн сходства доказывали бытіе общаго закона организаціи. Онъ долженъ быть почитаемъ однимъ изъ писателей, способствовавшихъ основанію новѣйшаго и блистательнаго знанія философической анатоміи. Онъ очень хорошо сознавалъ высоту своихъ идей, негодовалъ, видя, что ихъ не понимаютъ другіе, и не понимаютъ потому, что почитаютъ его только великимъ поэтомъ.

«Уже болѣе полувѣка меня знаютъ, какъ поэта, въ моемъ отечествѣ, и даже въ чужихъ земляхъ, и не думаютъ спорить въ моемъ дарованіи. Но чего вообще не знаютъ еще, и чего не принимаютъ въ соображеніе, что прилежно и долго занимался я физическими и физиологическими явленіями природы, наблюдалъ ихъ въ молчаніи, съ тѣмъ упорствомъ, каое можетъ дать намъ только сильная страсть.»

Далѣе, 'исчисливъ затрудненія, какія встрѣчаетъ каждое открытіе, онъ присовокупляетъ:

«Тотъ, кто въ теченіе долгой жизни слѣдовалъ за движеніемъ вѣка и знанія, кто наблюдалъ совершившееся окрестъ его и совѣтовался съ исторіею,

тотъ въдаетъ все сн препятствія. Онъ знаетъ, по чему столь трудно распространиться какою нибудь глубокой истинѣ, и ему прощаютъ, если онъ отказывается отъ быстрога вступленія въ дедалъ противчій.»

Но за то Гёте чувствовалъ живое наслажденіе, когда постепенность современныхъ идей вывела наконецъ мало по малу и утвердила зоологическія понятія, которыхъ однимъ изъ первоначальныхъ образователей былъ онъ самъ. Весьма выразительно изображалъ онъ радость свою объ этомъ въ письмѣ къ Карусу, знаменитому Нѣмецкому естествоиспытателю. «Съ большею, нежели прежде когда либо, довѣренностью пробѣгаю я,» писалъ Гёте, «мои старинныя замѣтки, видя, какъ являются въ свѣтъ, безъ содѣйствія съ моей стороны, все идеи, которыя, въ моемъ уединенномъ созерчаніи, всегда казались мнѣ вѣрными и справедливыми. Для старика не можетъ быть наслажденія живѣе того, какъ видѣть себя, будто оживающимъ въ юныхъ поколѣніяхъ. Достигнувъ того времени жизни, когда большая часть людей можетъ хвалиться только прошедшимъ, съ наслажденіемъ обновляю въ памяти моей тѣ годы, которые надлежало мнѣ посвятить созерчанію тайнъ природы, въ безмолвіи, ибо мысль моя не находила отзыва извнѣ, обновляю ихъ съ наслажденіемъ нынѣ, когда вижу современные мнѣнія приходящими въ согласіе съ моими.»

Но Гёте, кажется, и самъ смѣшивалъ свое качество поэта съ качествами естествоиспытателя, въ слѣдующихъ словахъ (мы передаемъ ихъ по переводу г-на Мартенса—превосходному, ибо переводчикъ старался слѣдовать за изяществомъ подлинника, и вѣрному, ибо онъ самъ весьма опытенъ въ предметъ, которымъ занимался Гёте):

«Никто не хочет согласиться со мною, что можно соединять в себя науку и поэзію; забываютъ, что поэзія есть мать знанія; не соображаютъ, что послѣ періода прошедшихъ вѣковъ, наука и поэзія дружески могутъ встрѣчаться въ возвышенныхъ областяхъ мысли, и заключать святой союзъ, полезный объёмъ.»—Здѣсь, мы не можемъ раздѣлять мнѣнія Гёте. Не какъ поэтъ, но какъ опытный естествоиспытатель, Гёте постигъ великія зоологическія идеи, которыя онъ, одинъ изъ первыхъ, пытался передать другимъ ученымъ. Онъ, какъ видимъ изъ того, что самъ Гёте говоритъ о своихъ изслѣдованіяхъ, много разсѣялъ, размышляя старался изслѣдовать различныя формы организаціи, преслѣдовалъ свои идеи въ областяхъ ботаники, и возводилъ дѣятельныя разысканія въ царство геологіи. Слѣдовательно, не надобно вѣрить, будто поэтической гений внушилъ ему, возвышенныя, но вѣрныя и опредѣленныя замѣчанія, какими обладалъ онъ, касательно естествознанія. Безъ сомнѣнія, въ отдаленной древности, поэзія и наука были соединены, то есть, поэзія служила къ освященію открытій науки, но поэтамъ не дано, безъ предварительныхъ ученій, проникать въ частности человеческихъ вѣдѣній и распространять область ихъ. Еслибы достаточно было поэзіи для познанія *причины вещей* (*la cause des choses*), одинъ изъ великихъ поэтовъ, являвшихся въ древніе вѣка, Виргилій обогатилъ-бы міръ открытіями, онъ, съ такою глубокою искренностью обожавшій великолѣпныя поля, обольщаемый гармоніею лѣсовъ, долинъ и морей, и грустившій, что не можетъ достигнуть высшихъ тайнъ природы, *naturae accedite partes*. Значить: мы будемъ составлять себѣ ложную идею, произведенную существованіемъ древнимъ поэмъ космологическихъ, если будемъ думать, что поэзія сама собою открываетъ основы науки. Она держится

ихъ, безъ сомнѣнія; она также имѣетъ корень свой въ дѣйствительности вещей; у нея есть также своя ученая область, но все это совсѣмъ иначе, нежели какъ вообще думаютъ. Можетъ быть, мы постараемся изяснить когда нибудь, отдѣльно, связь, которая существуетъ, по нашему мнѣнію, между поэзіею и ученіемъ.

Между важными, хотя и частными трудами Гёте по части анатоміи, находится изслѣдованіе о между-челюстной кости (*os intermaxillaire*), чѣмъ доказалъ онъ истину вѣрную, противъ мнѣнія Кампера, хотѣвшаго въ отсутствіи сей кости находить отличительный характеръ человеческой породы. Не должно забывать также изслѣдованій его для доказательства, что черепъ составленъ изъ настоящихъ позвонковъ, измѣненныхъ только въ ихъ формахъ.

Для полного понятія, органической формы представляютъ необходимость изученія ихъ въ животномъ нерожденномъ (*animal foetus*) и въ полномъ животномъ, достигнувшемъ совершеннаго своего развитія. Фужеру, члену Академіи Наукъ, въ прошедшемъ столѣтіи, защищая теорію образованія костей, изложенную Дюгамелемъ, дядею его, открылъ, что кость, именуемая *os de canon*, одинакая въ возрастныхъ животныхъ воловьей породы, оказывается двойственною въ нерожденныхъ сего самаго рода. Вскорѣ послѣ рожденія, сіи раздѣльныя кости соединяются; двѣ стороны, концы соприкасаются онѣ одна другой, превращаются во внутреннюю полосу (*lame*), которая дѣлитъ кость на два углубленія. Въ послѣдствіи, эта полоса исчезаетъ; мѣсто ея занимаетъ часть кости, которую однакожь не у каждаго животного сей породы находимъ, и мы видимъ уже, что двумъ костямъ наследуетъ потомъ одна кость, имѣющая уже одно углубленіе. Кондорсе, приводя сіе замѣчаніе, прибавляетъ: «Различія между живот-

нымъ перожденнымъ и животнымъ возрастнымъ, суть одни изъ тѣхъ явленій природы, связь которыхъ съ всеобщими законами еще неизвѣстна, и въ частныхъ подробности, если онъ сблизеніемъ своимъ могутъ довести насъ со временемъ до разгадки тайны, заслуживаютъ вниманіе физиологовъ-мыслителей.» Такое предвидіе Кондорсе, исполненное довѣренности въ силу и продолжительность науки, достойно того, кто излагая успѣхи ума человѣческаго, одинъ изъ первыхъ замѣтилъ законъ образованія челоѣчества и философіи исторіи. Дѣло въ томъ, что изученіе различій, существующихъ между животнымъ перожденнымъ и животнымъ возрастнымъ, пролило великій свѣтъ на вопросы высшей анатоміи. Оно научило насъ, что каждое животное, для достиженія къ своей окончательной формѣ, испытываетъ рядъ переходовъ, превосходно поясняющихъ затрудненія въ сходствѣ органовъ. Это составляетъ особое отдѣленіе сравнительной анатоміи: оно представляетъ въ простомъ видѣ, что нѣкогда должно явиться въ сложномъ. Такимъ образомъ, кость, о которой мы говорили, соответствуетъ пясти руки челоѣческой (*metacarpe*); одинокая кость являетъ здѣсь пять раздѣловъ; въ перожденномъ теленкѣ она двойная, и мы видимъ уже отношеніе, какое существуетъ между пястью сего четвероногаго и пястью челоѣческой.

Для лучшаго уразумѣнія, во многихъ отношеніяхъ сравнивать можно сходства анатомическія съ сходствами этимологическими. Съ обѣихъ сторонъ, превращенія, самыя странныя, изъясняются помощьюъ переходовъ, связывающихъ формы самыя отдаленныя. Съ обѣихъ сторонъ, изученіе внѣшнихъ характеровъ ведетъ къ познанію внутренняго сродства и находкъ сблизеній, тамъ, гдѣ подозрѣвали только различія. Возьмемъ Французское слово *feu* (огонь), и

послѣдусмъ за нимъ въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ языкахъ. Очевидно, это Нѣмецкое *Feuer*, Англійское *fire*, Греческое *πῦρ*. Это также Италійское *fuoco*, которое держится за Латинское *focus*, отъ котораго происходитъ Французское *foyer*. Сюда надобно присовокупить Испанское *fuego*, а Латинское *focus* относится къ *fervor*, *теплота*, и отсюда происходитъ Французскія *ferveur*, *ser. ent.* И вотъ, въ различныхъ языкахъ, множество словъ, по видимости, различныхъ, но всѣ они сходны, и оживлены, если можно такъ выразиться, общемою идеею — тѣмъ, что всѣ выражаютъ идею теплоты.

Такъ въ сравнительной анатоміи. *Os humerus*, ручная кость челоѣка, дѣлается переднею ногою у животнаго, плавательнымъ ластомъ у кита, крыломъ у птицы, а у ископаемаго ихтиозаура большою куксою (*moignon*), которую рѣшительно можно назвать сліяніемъ *os humerus* и двухъ локтевыхъ костей. Всѣ сии образованія суть различны, но они также и сходны, и всѣ суть оживлены идеею, которую природа хотѣла осуществить, производя въ нихъ переднія части одного изъ членовъ тѣла.

Одинъ изъ положительныхъ выводовъ философической анатоміи составляетъ уничтоженіе ложныхъ мнѣній о причинахъ, которыми думаютъ изъяснить всю организацію частей, по употребленію, къ какому каждая изъ нихъ назначена. Но для природы, безспорно, это уже второстепенное намѣреніе, и она руководствуется чѣмъ нибудь гораздо болѣе высшимъ. Изучавшіе философическую анатомію не имѣютъ надобности въ доказательствахъ истины нашего предположенія, которое всюду доказывается подобіемъ животныхъ, но мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, для тѣхъ, кто не ознакомленъ съ порядкомъ подобныхъ созерцаній.

Въ человѣческомъ родѣ , женщина одарена двумя сосцами , источникомъ жизни и питанія , готовымъ для младенца , который отъ нея рождается . Но что значать два сухіе сосца , которые видны на груди мужчины ? Очевидно , они не служатъ ни къ чему , и по теоріи первоначальныхъ причинъ , они вовсе неизяснимы . Но если вспомнимъ , что въ каждомъ рядѣ животныхъ природа никогда не обходится безъ переходовъ , что повсюду означаетъ она притомъ , что изглажено ею , то легко понять , по чему въ человѣческой породѣ оставленъ ею на мужчинъ знакъ того , что вполне развито у женщины , знакъ легкій , правда , ничтожный въ глазахъ неопытныхъ , но который , если разобрать и понять его , открываетъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ законовъ организаціи , именно тотъ , по которому природа подчинена неизмѣнному сдѣланію формъ одной съ другою , всегда производя то , что *должно быть* , отъ того , что *уже есть* . Конечная причина изгладила сей знакъ , но законъ развитія не могъ не оставить слѣдовъ его существованія .

Идея развитія , высшая идея конечныхъ причинъ , или приспособленія частей къ ихъ употребленію , открывается еще разительнѣе въ китовой породѣ животныхъ . Сіи животныя , хотя и обитающія въ моряхъ съ другими рыбами , тѣмъ не менѣе суть млекопитающія , того-же рода , къ которому принадлежатъ слонъ и волъ . Если бы природа не имѣла въ своихъ высшихъ законахъ чего либо такого , что превосходнѣе , такъ называемыхъ , конечныхъ причинъ , то есть , если бы она занималась устройствомъ органовъ только для извѣстнаго , частнаго употребленія , она дала-бы китовой породѣ лапы , похожіе на рыбы , которыхъ совершенно достаточно для движенія сихъ животныхъ . Но на дѣлѣ выходитъ не такъ . Снимите кожу , покрывающую ласть кита ,

разсыпьте эту часть его тѣла , отдайте себѣ отчетъ въ томъ , что она содержитъ , и вы найдете въ ней плечную , и другія кости , образующія руку у человѣка и переднюю лапу у животныхъ . Явно , что природа не могла не воспроизвести въ млекопитающемъ морскомъ существѣ отличій млекопитающаго земнаго . Очевидно , что законъ такого устройства взять не въ употребленіи , не въ потребности члена , но въ порядкѣ его организма . Для чего скрывать въ плавательномъ ласть ручныя кости , если бы природа не была къ тому принуждена причиною , высшею причины конечныхъ потребностей ? Ласть рыбій , собственно говоря , чуждъ образа построенія переднихъ членовъ млекопитающаго , и по внутреннему устройству не походитъ на ласть китовый . Для чего-же такое различіе устройства въ двухъ органахъ , назначенныхъ для одинаковаго употребленія ? Для того , что рыба принадлежитъ къ стлечному животному устройству , и ласть ея , созданный для плаванія , не можетъ заключать въ себѣ плечной кости , какая находится у кита . Все споспѣшествуетъ одно другому , все согласено въ безмѣрности міра , но есть подраздѣленія въ правилахъ , и только удовлетворивши условію , какое установлено для формы цѣлаго ряда животныхъ , природа удовлетворяетъ потомъ закону окончательной потребности , то есть , приспособленію органа къ его употребленію .

Эмпедокль , говоря , что «*есть разумъ въ устройствѣ каждой кости* , » сказалъ великую и глубокую истину . Дѣйствительно , природа можетъ только то , что слѣдуетъ логически , и порядокъ животныхъ есть одно изъ доказательствъ сей истины , самыхъ явныхъ . Тутъ все производится стезею послѣдовательности . Развитіе , повсюду означенное , сдѣлать организаціи высшія съ организаціями низшими .
*
Первыя пред-

полагають вторыя, и если бы не существовали животныя нисшія, то не могли-бы быть и высшія, такъ-же, какъ человекъ не можетъ быть, если не существовалъ младенецъ.

Гете, предполагая типъ, который былъ-бы посредническимъ между животными, и держался-бы всѣхъ ихъ, не представляя ни какого частно, не предполагаетъ, слѣдственно, чтобы одно животное было типомъ другаго. По нашему мнѣнію, напротивъ, существуетъ типъ, и это прямо слѣдуетъ изъ замѣчаній о развитіи. Типъ, предположенный Гете, не осуществимъ, слѣдственно, онъ и не существуетъ, но предполагаемый нами существуетъ всегда. По нашему мнѣнію, всякая высшая организація есть типъ организаціи нисшей, и слѣдственно, вотъ точка, съ которой, мысленно можно обратиться на степень нисшую. Въ настоящемъ состояніи вещей, человекъ есть высшій типъ мірской животности, и если бы этотъ типъ исчезъ, его представила-бы только вся общность млекопитающихъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что если бы, по недовѣдомымъ намъ причинамъ, человекъ слѣдовало бы нѣкогда замѣненнымъ породю больше нашей совершенною, это новое бытіе должно-бы было перейти черезъ нашу организацію, нося на себѣ слѣды степени, нынѣ занимаемой нами, и развивая далѣе наше бытіе.

Художники (ихъ также должно выслушать, если рѣчь идетъ о вопросѣ, гдѣ формы играютъ столь большую роль) старались придать фигурѣ человеческой характеръ выше того, какой получила она отъ природы. Известно, что Греки идеализировали голову Зевеса. Вдохновеніе художниковъ проникло такъ глубоко въ истину предмета при семъ случай, что если дивимся мы изяществу, вида мраморъ, ими

обдѣланный, то еще болѣе дивимся, проникая въ глубину анатомической мысли, въ немъ сокрытой. Да, есть разумъ въ этомъ мраморѣ, какъ Эмпедоклъ находилъ его въ костяхъ. Высшія существа изображали Греческіе художники съ крыльями на плечахъ. Анатомики изъясняютъ вамъ, что эта идея художниковъ согласна съ анатомическимъ закономъ, по которому такой прибавкъ надобно развиться именно со стороны спины, которая въ животныхъ есть сторона, обращенная къ свѣту.

Такіе опыты развитія органической формы, произведенные художниками, докторъ Керте старался приложить исторически, сравнивая животныхъ ископаемыхъ съ нынѣшними животными, одинаковаго рода. Въ 1819 и 1820 гг. нашли въ Штутгартѣ разныя ископаемыя кости, и между прочимъ костикъ ископаемаго вола, гораздо огромнѣйшаго, нежели нашъ современный волъ. Плечевая кость его имѣла до 102 линій, между тѣмъ, когда у большаго Швейцарскаго вола она только въ 89 линій. Докторъ Керте сравнивалъ голову ископаемаго вола съ головою обыкновеннаго. Такое сравненіе, гдѣ изслѣдователь вышелъ на безконечное поприще выводовъ, показалось Гете достойнымъ вниманія, и мы приведемъ его здѣсь:

«Эти двѣ головы суть для меня двѣ лѣтописи. Черепъ ископаемаго вола есть свидѣтельство того, чего хотѣла природа отъ начала вѣка, а черепъ нынѣшняго вола примѣръ совершенства, до котораго довела она сію животную форму. Замѣтьте безмяртную массу ископаемаго черепа, его огромныя выпуклости, его плоскій лобъ, его мѣста для глазъ, выстѣпавшихся вонъ, его слуховыя полости плоскія и узкія, и глубокія морщины, проложенныя на лбу его жилами. Сравните глазную полость но-

ваго черепа, и вы найдете, что она больше и подалась болѣе впередъ. Лобъ и носовая кость сжатѣе, слуховыя полости шире и красивѣе, морщины на лбу не столь велики, и вообще всѣ части нѣжнѣе и изящнѣе. Новый черепъ показываетъ болѣе размышленія, послушности, доброты, даже разумнѣя. Общность формъ его благороднѣе. Ископаемый черепъ являетъ звѣря болѣе дикаго, болѣе неукротимаго, болѣе грубаго и свирѣпаго. Профиль допотопнаго вола приближается къ свиной головѣ, особливо въ своей лобной части, между тѣмъ, какъ профиль нынѣшняго вола напоминаетъ болѣе лошадь. — Тысячи лѣтъ раздвѣляютъ допотопнаго вола отъ нынѣшняго. Инстинктъ, болѣе и болѣе усиливавшійся, и заставлявшій животное смотреть впередъ, измѣнилъ направленіе глазныхъ полостей, и перемѣнилъ форму ихъ; успѣлъ, какія дѣлало оно, старался легче, отлщительнѣе и далѣе слышать, расширили его слухательныя полости, и сдѣлали ихъ круглѣе внутрь; животный инстинктъ, который стремилъ его искать пищи, и умножать свое благоденствіе, возвысилъ, мало помалу, лобъ его, по мѣрѣ того, какъ впечатлѣнія вѣшняго міра дѣйствовали на его мозгъ. Представьте себѣ допотопнаго быка, среди безконечныхъ пространствъ, покрытыхъ дикими отраслями первобытныхъ прозябній, уступающими только могущей силѣ его. Нынѣшній быкъ, напротивъ, пасется на тучныхъ, мягкихъ пажитяхъ, питаясь нѣжными травами. Понятно, какъ усовершенствоваться должно было его подчиненіе волѣ человѣка, и житье въ человѣческомъ обществѣ, пріучая его глазъ и ухо. Ископаемый быкъ существовалъ прежде человѣка, существовалъ, когда человѣкъ могъ быть только жертвою его. Заботливость, и продолжительное вліяніе ума человѣческаго на судьбу животного довели до совершенства вола ис-

копаемаго. Образованіе принудило этого дикаго чудовища, являя на помощь его потребностямъ, позволить человѣку привязать себя, смиренно вѣсть въ стойлѣ, пастись подъ надзоромъ собаки, слушаться голоса пастуха. Оно облагородило, dokonчило его усовершенствованіе.»

Такое развитіе головы воловьей — неоспоримый фактъ, находимый въ природѣ — можетъ, если угодно, быть сравнимо съ развитіемъ, какое голова Зевеса приняла подъ рукою древняго ваятеля.

Всѣ предшествовавшія соображенія служатъ доказательствомъ, что природа ограничена въ своей творческой силѣ высшимъ закономъ, хотя-бы формы измѣнялись до безконечности, по причинѣ великаго числа частей и ихъ безчисленнаго уравненія. «Въ бюджетъ природы,» говоритъ Гете, «общность утверждена, но ей дана полная свобода употреблять частныя суммы, какъ угодно, и тратя съ одной стороны, она принуждена сберегать ихъ съ другой. Вотъ почему природа никогда не можетъ, ни войти въ долги, ни сдѣлаться банкротомъ.» Слова Гете совершенно справедливы. Ограниченность всюду окружаетъ природу, какъ конечное произведеніе творца безконечнаго и безначальнаго. Ей не позволено творить произвольно и независимо. Все соединено законами въ ея произведеніяхъ. Она не можетъ бросить здѣсь человѣка, тамъ коня, третья организованныхъ различно, и тутъ слона, третью организацію, безъ сходства съ предыдущими. Нѣтъ! се связываетъ подобіе формъ въ одинакихъ классахъ, и необходимость поворота, когда она переходитъ изъ одного класса въ другой.

Въ слѣдствіе физическихъ законовъ, управляющихъ вещественностью, наши чувства, будучи дверьми, открытыми на созерцаніе міра, вводятъ насъ

въ непрерывныя заблужденія, если мы не исправляемъ ихъ взаимною повѣркою съ нашимъ разумомъ, и обратно. Лафонтенъ сказалъ очень умно:

La nature ordonna ces choses sagement;
J'en dirai, quelque jour, les raisons amplement.
J'aperçois le soleil. Quelle en est la figure.
Ici-bas ce grand corps n'a que trois pieds de tour;
Mais, si je le voyais là-haut, dans son séjour,
Que serait-ce à mes yeux que l'oeil de la nature?
Sa distance me fait juger de sa grandeur;
Sur l'angle et les côtés ma main la détermine.
L'ignorant le croit plat; j'épaissis sa rondeur,
Je le rends immobile, et la terre chemine...

Что говорить Лафонтенъ о солнцѣ, то является намъ во всѣхъ предметахъ. Міръ нашъ есть вѣчный *миразъ*, гдѣ предметы непрерывно принимаютъ форму, различную отъ ихъ действительной формы. Жизнь породы, какъ жизнь младенца. Дитя новорожденное, не видитъ самаго яркаго свѣта, не слышитъ самаго сильнаго звука. Потомъ начинается оно видеть и слышать, но безъ опредѣленности, безъ ловкости, безъ знаній, если можно такъ сказать. Наконецъ, продолжительная опытность научаетъ его судить о томъ, что передаютъ ему получаемыя имъ впечатлѣнія. Такъ идетъ и человеческій родъ въ последовательномъ своемъ развитіи. Земля сначала ограничиваетъ его вселенною. Небо его оканчивается ближними горами. Онъ думаетъ, что все, что видитъ и слышитъ онъ, сообразно тому, какъ что онъ видитъ и слышитъ. Научиться *видѣть* и *знать* есть такое же дѣло для человечества, постепенно развивающееся, какъ развитіе младенца въ чело­вѣка.

Анатомія только разсказаетъ, но она доставляетъ разумнѣе множество случаевъ сравнивать жизнь съ смертью, органы отдѣльныя съ органами соедине-

ными, то чего уже нѣтъ, съ тѣмъ чего еще нѣтъ. «Болѣе всякаго другаго ученія,» говоритъ Гете, «позволяетъ она изыскательному взору нашему погружаться въ глубины природы». Действительно, если прямое наблюденіе явленій открываетъ намъ уравненія, формы, бытія, которыхъ никогда мы не воображали; если, какъ выше сказали мы, действительность всегда бесконечно переходитъ за всѣ наши понятія; если самый видъ предметовъ никогда не можетъ быть угаданъ, то сколь сильная видна здѣсь причина убѣдиться, что законы, ими управляющіе, суть выше всѣхъ нашихъ предположеній, сколь сильная причина, заставляющая насъ изучать ихъ посредствомъ изыскательнаго терпѣнія, узнавать силою труда и гения, а не воображеніемъ, и не гипотезами! Но чѣмъ болѣе принимаетъ міръ, въ глазахъ изучающихъ его поколѣній, наружность обширнѣе, великолѣпнѣе, чудеснѣе, тѣмъ болѣе законы, имъ управляющіе, даже въ маломъ, что начинается познавать въ нихъ наука, проявляются съ назначеніемъ всеобщнѣе, могуществомъ обширнѣе, стройностью правильнѣе. Это значить, какъ говоритъ Боссюэтъ— «созерцать вѣчные законы, отъ которыхъ происходятъ наши, терять слѣды нашихъ слабыхъ различій въ простомъ и ясномъ видѣніи, и обожать природу, какъ вѣчную гармонію правилъ».

Въ самомъ началѣ указали мы на великолѣпіе зрѣлища небесъ, сказали объ утѣхѣ взоровъ нашихъ созерцаніемъ безчисленныхъ звѣздъ, сихъ громаднѣхъ шаровъ, разбросанныхъ въ пространствѣ, сихъ «острововъ свѣта,» какъ говоритъ Байронъ, коими украшается ночь. Окончимъ увѣренностью, что передъ взорами разумнѣя, зрѣлище таинственныхъ и непреборимыхъ законовъ, управляющихъ жизнью предметовъ, не менѣе великолѣпно, не менѣе увле-

кательно. Латинскій поэтъ, разсывая темноту, окружавшую его героя, давалъ ему видѣть, среди смятеній погибавшаго города, страшныя божества, предводящія роковымъ паденіемъ. Такъ среди смятенія жизни приходящей и отходящей, среди непрерывныхъ переворотовъ бытія, являются великіе законы міра, которые созерцаетъ умъ человѣческій, съ трепетомъ и съ восторгомъ.

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-й ГОДЪ.

(15 Мая 1838 года).

Прежде всего обратимся мы здѣсь къ началу одного изъ полезныхъ, и много общающихся литературныхъ предпріятій. Мы уже упоминали о «Программѣ» Библиотеки коммерческихъ знаній (С. О. кн. II, Отд. IV, 147); теперь выданъ полный планъ ея. Спѣшимъ передать читателямъ сущность дѣла. Еще въ 1836 году объявлено было объ обществѣ, составившемся для изданія «Коммерческаго Словаря,» главными распорядителями чего были г-да Фишеръ и Небольсинъ. Но общество встрѣтило въ трудъ своемъ соревнователей, не зная, что нѣсколько литераторовъ и ученыхъ людей, отдѣльно, занимались подобнымъ предпріятіемъ, о чемъ и было ими потомъ объявлено. Здѣсь новое предпріятіе получало названіе «Купческаго Словаря,» и предполагаемо

было къ изданію гг. Ридигеромъ, Зейдедемъ, Линденбаумомъ, Рымлевимъ и Ивановимъ. Появленіе двухъ обширныхъ сочиненій по одному предмету не могло имѣть слѣдствіемъ ничего болѣе, кромѣ общаго неуспѣха въ дѣлѣ. Ревнуя общей пользѣ, участники обонхъ Словарей соединили труды свои, и положили издать ихъ обще, подъ именемъ *Библиотеки Коммерческихъ Знаній*. Это соединенное общество издало потомъ программу, и образцы статей, обработкѣ которыхъ, а равно и расположенію, нельзя было не отдать совершенной похвалы. По изданному теперь подробному плану, общество предполагаетъ раздѣлить обширную книгу свою на двѣ половины, обѣ подъ однимъ, упомянутымъ выше, заглавіемъ. Въ первой половинѣ будутъ заключаться: «товаровѣдніе» и «коммерческая статистика.» Произведенія природы (ископаемыя, прозябенія, животныя), издѣлія искусствъ (инструменты, орудія, машины, суда и корабли, оружія, ткани) разсматриваются здѣсь, какъ *товары* — это опредѣляетъ цѣль и сущность статей. Государства, области, народы, города, моря и воды образуютъ исторію, географію и статистику въ *коммерческомъ и промышленномъ* отношеніи. Такимъ образомъ, «Библиотека» представить полный объемъ всѣхъ свѣдѣній, потребныхъ купцу, фабриканту и промышленнику. Къ тому приложится «Указатель», съ краткимъ объясненіемъ всѣхъ, какъ находящихся въ самой книгѣ, такъ и невошедшихъ въ составъ ея, но принадлежащихъ къ предмету словъ — это будетъ справочный техническій реестръ. Повторяемъ, что образчики, представленные въ *программѣ*, какъ «Библиотеки», такъ и «Указателя», показываютъ отдѣлку тщательную и превосходную. Все это отдѣленіе предполагается издать въ *три года*, печатая ежемѣсячно книжками, до 200 стр., и полагая за годовой выпускъ по 40 руб-

лей. За тѣмъ общество приступитъ къ выдачѣ другой половины «Библиотеки» — *торговыхъ постановлений и науки торговли*. Купецъ, какъ гражданинъ, торговля, какъ предметъ законовъ и уставовъ въ разныхъ государствахъ, торговая терминологія — будутъ предметами этой второй половины «Библиотеки.» И, кажется, соображая речательство именъ, и то, какъ приступаютъ почтенные издатели къ своему дѣлу, можно надѣяться, что это будетъ, дѣйствительно, самая полезная *библиотека* для купца, фабриканта, заводчика, промышленника и негоціанта. Надобно-ли намъ говорить о пользѣ такого предпріятія, для просвѣщенія, образованія, и самыхъ занятій многочисленнаго класса гражданъ, который, послѣ дворянства, составляетъ силу и опору государственную произведеніемъ богатствъ и полезными трудами, класса, ознаменовавшаго себя въ исторіи отечества доблестными подвигами народной чести, любви къ престолу, вѣрѣ и общему благоденствію, классу, наконецъ, изъ котораго являлись Минины, Шелиховы, Кулибины, Волосковы, Владиміровы, Строгановы? — Будемъ надѣяться, что усердіе къ добру Русскаго купечества, стремленіе его къ образованности, увѣренность его, что безъ знанія дѣла и науки, и богатство не приобретається, дадутъ средства почтеннымъ издателямъ «Библиотеки» совершить свое прекрасное и полезное предпріятіе. Издатели просятъ cadaго благомыслящаго принимать участіе въ дѣлѣ ихъ, доставленіемъ матеріаловъ и критикою труда ихъ. Не имѣя возможности входить въ частныя подробности, мы осмѣливаемся представить имъ на благосмотрѣніе только два общія замѣчанія. *Первое*, нельзя-ли имъ при изданіи «Библиотеки» обратить особенное вниманіе на употребляемую уже въ Россіи *терминологію*, по фабрикаціи, и вообще терминологіи? У нашихъ фабрикантовъ, за-

водчиковъ, художниковъ, ремесленниковъ есть свой *неписанный* словарь, и этого словаря не найдемъ мы нигдѣ, во всѣхъ до нынѣ изданныхъ Русскихъ лексиконахъ печатныхъ. А между тѣмъ, термины есть, и термины превосходные, по крайней мѣрѣ, уже усвоенные нашими производителями. Отъ незнанія этихъ терминовъ происходитъ у насъ весьма важное неудобство при изданіи техническихъ книгъ: мы переводимъ термины по своему, производимъ этимологически и аналогически, и нашихъ книгъ не понимаютъ тѣ, для кого онѣ пишутся. Пусть къ труду своему, редакторы «Библиотеки» присовокупятъ и собраніе технической терминологіи по нашимъ фабрикамъ, заводамъ, ремесленнымъ заведеніямъ, и они окажутъ этимъ большую услугу, и производителямъ, и языку нашему. Второе, — мы не видимъ въ планѣ ихъ статей по политической экономіи. Неужели они не вводятъ въ Библиотеку сей науки, столь необходимой при нынѣшнемъ состояніи нашего современнаго образованія? Недостатокъ будетъ науки политической экономіи, но она представляетъ уже теорію и практику положительныя, и ихъ введеніе необходимо читателямъ Библиотеки коммерческихъ знаній. Богатство, его произведеніе, потребление, бумажныя деньги, кредитъ, банки, теорія вѣроятностей по застраховкамъ, курсъ, капиталъ, и множество другихъ предметовъ, по незнанію коихъ, самые опытные купцы имѣютъ понятія о важнѣйшихъ предметахъ сбивчивыя и нелпыя — все это должно войти въ «Библиотеку.» Не говорите: не нужно, рано; вспомните одно то, когда шли толки о тарифахъ, лажахъ, курсахъ — что тогда за нелпыя говорили, и убедитесь, что пока здравыя идеи политической экономіи не будутъ у насъ поняты и обобщены, толку во многомъ будетъ мало.

Умѣйте высказать истины науки просто и понятно; удалите излишнюю ученость отъ практики, излишнія умозрѣнія отъ положительности, и это будетъ новая заслуга «Библиотеки.»

Насъ радуешь, что теперь принимаются у насъ за изданія частныхъ словарей по разнымъ предметамъ. *Военный, Математическій, Коммерческій Словари* уже на виду. Авось дождемся еще словарей Историческаго, Географическаго, Художественнаго, Естественнаго. И вотъ почему всегда сохраняемъ мы уваженіе къ началу нашей словарной литературы — *Лексикону Энциклопедическому* г-на Плюшара, положившему зерно идеи полезной, которая сама собою будетъ развиваться. Энциклопедическаго Лексикона вышелъ теперь XIII-й томъ (отъ Гаа, до Гем), первый за отдѣленіе 1838 года; XII-й, послѣдній за 1837 годъ, обещаютъ выдать вскорѣ, и потомъ продолжать изданіе слѣдующихъ томовъ сей полезной книги безостановочно. О перемѣнѣ въ редакціи «Лексикона,» вѣроятно, уже извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ. Новый редакторъ, ревностно принимаясь за свое дѣло, объявляетъ, что «Лексиконъ до-сихъ поръ не имѣлъ ни какой системы;» что Лексиконъ «долженъ быть писанъ популярно;» что онъ, редакторъ, нашелъ вѣрное средство «каждыя сутки изготовлять по листу печати» (?); что буква Г, вмѣсто семи томовъ, по новому плану будетъ заключена въ *двухъ*, и что главное попеченіе его отнынѣ будетъ «о быстротѣ движенія и скоромъ окончаніи всего изданія. Кажется это и достигнуто» (т. е. достигнуто) — говоритъ новый редакторъ, слова котораго выписываемъ мы изъ *Библ. для чтенія* (1838 г. Май, отд. VI, стр. 32—35), присовокупляя къ нимъ только желаніе полного успѣха.

Мы не ошиблись въ предположеніи нашемъ (С. О. кн. II, отд. IV, стр. 150), что попечительное выс-

шее начальство военно-учебныхъ заведеній рѣшилось издавать систематическія сочиненія, или учебныя книги, по всемъ предметамъ, въ нихъ преподаваемымъ. Сосредоточивая такимъ образомъ учение къ одной цѣли, однообразно расположенными учебниками, каждую часть передало начальство военно-учебныхъ заведеній, для составленія по ней руководства, опытнымъ наставникамъ. *Географія* г-на Соколовскаго, изданная въ слѣдствіе такихъ распоряженій, и утвержденная для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, оправдываетъ собою избранныхъ составителей. Теперь вышла ея *вторая* часть, гдѣ излагается географія политическая. Географія Россіи составить отдельную третью часть, по выходу которой, мы поговоримъ подробно о планѣ книги г-на Соколовскаго, и о выполненіи его.

Изданныя въ прошломъ году сочиненія Барона Медема начинаютъ собою также рядъ «учебныхъ руководствъ», для преподаванія въ высшихъ военныхъ училищахъ, и особенно въ Военной Академіи, сообразно плану и цѣли преподаванія предметовъ въ семъ превосходномъ заведеніи. Кажется, сюда должно отнести *Геодезію* г-на Болотова, а теперь издана книга третьяго преподавателя въ Военной Академіи, подполковника Языкова, *Опытъ теоріи Военной Географіи*. Предметъ особенно любопытенъ своею новостью. Безспорно, что географія, смотря по направленію своему, можетъ быть коммерческою, военною, и т. д., но авторъ разсматриваетъ ее *теоретически*, какъ элементъ, *входящій въ періодъ Военной Науки*. Въ семъ отношеніи, нигдѣ не было еще издано отдельнаго и полнаго сочиненія, хотя драгоценныя матеріалы разсыяны были у Наполеона, Жомини, Эрцъ-герцога Карла, и другихъ знаменитыхъ военныхъ писателей. Приложенные къ книгѣ г-на Языкова отзывы удостоверяютъ въ достоинствѣ его

труда. Графъ К. Ѳ. Толь называетъ книгу г-на Языкова «на нашемъ языкѣ совершенно новою, и весьма занимательною для военнаго писателя.» Опредѣляя науку свою, «какъ высшее аналитическое изслѣдованіе элемента географическаго, для соображеній военныхъ,» авторъ приводитъ еще мнѣніе Барона Медема, сказанное объ его сочиненіи: «Извѣстнѣйшія мысли Эрцъ-герцога Карла, Жомини, Клаузевица, и другихъ, о вліяніи мѣстности на дѣйствія, соединены г-мъ Языковымъ въ одно цѣлое, приведены въ связь, и представлены, большею частью, въ отдельномъ своемъ вліяніи на дѣйствія, съ устраненіемъ посторонняго вліянія другихъ элементовъ, и кромѣ того прибавлено для связи нѣсколько собственныхъ, справедливыхъ сужденій автора.»

Упомянемъ еще объ учебномъ сочиненіи, «предназначенномъ для пособія при преподаваніи въ Институтѣ Корпуса Горныхъ Инженеровъ краткаго курса Астрономіи» — «*Задачи практической астрономіи, съ приложеніемъ описанія полярки и употребленій секстанта,*» г-на Дерябина. Здѣсь новаго сказано не много, но старое изложено дѣльно и ясно.

Краткой Всеобщей Географіи, К. И. Арсеньева, извѣстнаго руководства, введеннаго въ ниснія и среднія училища, вышло теперь *тринадцатое* изданіе. Оно отчасти исправлено по новымъ свѣдѣніямъ (особливо описаніе Австраліи, или Океаніи, является въ первый разъ въ Русской учебной географіи сообразно всемъ достовернымъ, новѣйшимъ открытіямъ). Но мы спѣшимъ сказать, что издатель сей необходимой для первоначальнаго ученія книги, А. Ф. Смирдицъ, приступая къ *четырнадцатому* изданію, рѣшился особенно и вполне исправить и дополнить ее, какъ въ планѣ, такъ и въ самомъ изложеніи, и одинъ изъ опытныхъ по сему предмету литерато-

ровъ Русскихъ, взявъ на себя сей трудъ, съ согласія и подъ надзоромъ почтеннаго автора книги, К. И. Арсеньева, который, по другимъ, важнѣйшимъ занятіямъ, не имѣлъ возможности самъ пересмотрѣть и усовершенствовать книги, послѣщей въ заглавіи имя его, хотя и видѣлъ необходимость того и другаго.

Исчислимъ здѣсь еще нѣсколько замѣчательныхъ новыхъ книгъ по разнымъ предметамъ:

Объ устройствѣ Американскихъ мельницъ, и способъ приготовленія на нихъ муки, переводъ книги, изданной Прусскимъ правительствомъ, и напечатанной на Русскомъ языкѣ отъ Министерства Финансовъ. Приготовление муки съ большою выгодною, и особенно для заграничной торговли, для насъ Русскихъ чрезвычайно важно, и свѣдѣнія по сему предмету, прибавленные къ Русскому переводу, драгоценны (замѣчанія о приготовленіи муки, изданныя Прусскимъ Обществомъ морской торговли; о Саксонскихъ мукомольныхъ мельницахъ, соч. Кюльмана; вопросы, предложенные Министромъ финансовъ разнымъ консульствамъ, о способахъ приготовленія прочной муки). Касательно механической части сочиненія, замѣтимъ, что она требовала-бы нѣкоторыхъ пополненій. Механика въ наше время, подобно химіи, и другимъ точнымъ знаніямъ, такъ быстро шагаетъ впередъ, что принимался за переводъ книги, изданной за нѣсколько лѣтъ прежде, надобно порядочно оглядѣться, нѣтъ-ли уже чего либо новаго по этой части? И часто случается, что безъ того, за новостъ будемъ мы говорить уже известное у насъ практически. Здѣсь случилось почти такъ: советуемъ только взглянуть на двѣ мельницы, устроенныя въ Петербургѣ г-мъ Корфомъ (подъ Невскимъ и на пороховыхъ заводахъ)—это верхъ механическаго устройства мельницъ нашего времени, особливо послѣдняя, гдѣ

12 паръ вертикальныхъ жернововъ обдирають шелуху зеренъ, а 24 пары горизонтальныхъ мелютъ ихъ, и все прочее производство работъ дѣлается машинами. Вообразите, напримѣръ, что здѣсь вертикальные жернова могутъ обдирать оболочку льняныхъ сѣмянъ, не разбивая ихъ! Этого не сдѣлаетъ самая нѣжная ручка дамы, и подобнаго совершенства машинъ не представляетъ намъ въ описаніяхъ своихъ книга, о переводѣ которой мы упоминаемъ.

Мы нарочно сберегали до времени переезда на дачи, до времени благодатной, прекрасной весны, извѣстіе о новыхъ тетрадахъ *Рисунковъ С. Петербургской Флоры*, издаваемыхъ, съ описаніями, г-ми Левинымъ и Селезневымъ. Но, увы! весна просрочила и не явилась у насъ въ Петербургъ — настаетъ Іюнь, весны нѣтъ... Безъ весны переходимъ мы прямо къ лѣту, безъ весны плывемъ и ѣдемъ мы зябнуть на дачи, и безъ весны принуждены мы объявить о Флорѣ, которой вышла теперь *шестая* книжка, и которую советуемъ мы взять каждому жителю дачъ, деревень и полей, вмѣстѣ съ другою *комфортабельною* мебелью. За 30 рублей, вы будете имѣть 150 прекрасно раскрашенныхъ рисунковъ, можете практически учиться по нимъ ботаникѣ, и не будете незнакомы съ тѣмъ, что непрерывно будетъ являться вамъ по лѣсамъ, по лугамъ, въ поляхъ и рощахъ, куда замекнутъ васъ мечта и прогулка. Издатели объѣзжаютъ въ слѣдующихъ тетрадахъ дополненія, подробности, болѣе совершенства въ описаніяхъ, и проч. и проч., но и въ настоящемъ видѣ книга ихъ достойна всякаго вниманія незаписныхъ ботаниковъ.

Знаете-ли, какую изъ новыхъ книгъ прочитали мы съ особеннымъ любопытствомъ? Книгу *О чумѣ*, напечатанную въ Варшавѣ докторомъ медицины, г-мъ Четыркинымъ. Авторъ умѣлъ обставить свой пред-

меть такими историческими подробностями, войти въ такія любопытныя физиологическія изслѣдованія, что книга его составляетъ самое завлекательное чтеніе, для всякаго образованнаго читателя. — Мы хотимъ даже поговорить объ этой книгѣ отдѣльно и подробно, хотъ предметъ ея и чуждъ нашего журнала. — Одинъ изъ врачей советовалъ намъ, говоря о новыхъ книгахъ, упомянуть объ изданной въ Москвѣ полезной книгѣ медицинской: *Надежный способъ лѣченія водяной болѣзни*, доктора Х. Л. Мейера (переводъ съ Нѣмецкаго). Исполняемъ его совѣтъ, но, признаемся, сами мы не могли прочесть въ этой книгѣ и двухъ страницъ, боясь занемочь водяною отъ ужаснаго слога....

Въ медицинской книгѣ однакожь, слогъ дело почти послѣднее, хотъ надобно-бы объ немъ думать. Но какъ не подумаютъ объ этомъ бѣдномъ слогѣ переводчики, напримѣръ, учебныхъ книгъ, ибо здѣсь слогъ дѣлается весьма важнымъ обстоятельствомъ?

Вотъ двѣ маленькія новыя книжечки: *Исторія Греціи для юношества* (то есть для дѣтей?), сочиненіе Ламе-Флери. Мы говорили объ изданіи «Древней Исторіи» сего автора (С. О. кн. II, отд. IV, стр. 150). Переводчикъ рѣшился выдать Греческую Римскую, Среднихъ Вѣковъ и Новую Исторію Ламе-Флери. Прекрасное предпріятіе, полезныя книжечки для первоначальнаго дѣтскаго ученія. Но развертываете первую часть «Исторіи Греціи,» видите начало слѣдующею фразою:

«Греція, та прекрасная страна, о которой я уже много говорилъ вамъ въ древней исторіи, заслуживаетъ, чтобы ознакомиться съ главными ея городами, и съ важнѣйшими происшествіями, въ ней случившимися»....

И невольно закрываете книжечку! Вотъ еще, вышедшія въ Москвѣ, 3 и 4 части *Всеобщей Исторіи*

ческой Библіотеки, переводимой съ Нѣмецкаго, и издаваемой г-мъ Погодинымъ (не смотря на великолѣпное названіе *частями*, это собственно маленькія брошюрки, листовъ по семи печатныхъ каждая); въ *третьей* кончена весьма плохая «Исторія Пруссіи», сочиненіе Пеллица, а въ 4-й начата «Исторія Королевства Неаполя (королевство *Неаполь?*) и Сициліи,» сочиненіе какого-то Германа, такой же, какъ Пеллицовъ, плохой сборникъ фактовъ, безъ всякаго порядка и толку. Но толкъ и порядокъ въ сторону. Не угодно-ли прочесть вамъ начало этой Исторіи?

«Подъ *краткимъ*, почти всегда безоблачнымъ *небомъ* (*краткое небо?* не говоря уже о *почти всегда безоблачномъ*, что просто небыллица) *лежитъ полоса Средней* и Нижней Италіи, которую *иначе называютъ* королевствомъ Неаполитанскимъ (пускай какъ *лежитъ подъ небомъ полоса*, но давно-ли *Среднюю Италію* стали называть *Неаполитанскимъ королевствомъ?*) Къ северу оно граничитъ съ Церковною Областью, А съ *прочихъ* (т. е. съ другихъ) сторонъ омывается Адриатическимъ и Средиземнымъ *Моремъ* (т. е. морями). Тамъ (гдѣ же это? въ морь?) богатая почва земли почти сама собою производитъ все, что можетъ *сдѣлать* пріятною и *удобною* жизнь чело-вѣка (*сдѣлать* удобною жизнь — не душно?). Хлѣбъ всякаго рода, *оливъ*, (т. е. маслины) и лозы винограда, гиляндою переплетенныя между собою (*хлѣбъ, маслины, виноградъ* въ одной гилянды — рѣдкость, которая родится только въ книгѣ г-на Германа!) попеременно даютъ *области* (какой-же *области?*), то *печатъ* трудолюбія, то *видъ* веселительнаго сада (какъ вамъ нравятся: «печатъ трудолюбія» и «видъ сада,» которые *даютъ* *области* гилянды изъ хлѣба, винограда и маслины?) Съ *этими* дарами неодоушевленной природы находится въ *соотвѣтственномъ* отношеніи и царство тузем-

ныхъ животныхъ. Съ незапамятныхъ временъ Неаполитанскія лошади и мулы пользуются особенною славою. Въ этой землѣ осель оставляетъ свою природную лѣнность; безчисленныя стада овецъ, козъ, и другаго рогатаго скота, пасутся на тѣнистыхъ долинахъ и равнинахъ; окороки Аbruццо отправляются за границу»... Но довольно для примѣра, и вы согласитесь, конечно, что Исторія г-на Германа и Русскій переводъ ея достойны только такой чудной страны, гдѣ поселялось царство животныхъ въ соответствиию отношеній съ дарами неодушевленной природы (какъ будто животныя одушевлены), лошади и мулы пользуются славою, осель оставляетъ лѣнность, а окороки, какъ будто путешественники, отправляются за границу! Любопытно бы знать: кто отрубываетъ у бѣдной области Аbruццо окороки, и коптитъ ихъ, пока они не отправляются за границу?

Неутѣшительны переводы такихъ книгъ, и такъ притомъ переведенныхъ. Отдохните на другой, новой учебной книгѣ: *Краткая Исторія Франціи*, соч. Мишеле, переводъ г-на Пуговина. Книга эта составлена умно и отчетливо. Мы не можемъ однако жъ не обратиться здѣсь къ «предисловію» переводчика. Вотъ что говоритъ онъ:

«Нашему вѣку суждено произвестъ важную перемену въ области наукъ, и дать уму направление, сколько достойное его, столько и благотворное для человечества. Самъ по себѣ высокій, но, можетъ быть, уже до излишества поэтичскій, идеализмъ долженъ, кажется, сложить Икаровы крылья, и уступить поприще умственной дѣятельности осторожному эмпиризму.»

Желали-бы мы знать: гдѣ и когда, прежде нашего времени, замѣтилъ гнѣ П. въ исторіи преимущественное направленіе идеализма? Кромѣ современнаго идеальнаго воззрѣнія Германскихъ мыслителей,

кромѣ начала ими философіи исторіи, гдѣ находилъ онъ «идеализмъ», хотѣ-бы и съ «Икаровыми крыльями?»

«Но это не тотъ безумный, близорукій эмпиризмъ, которымъ цеголало прошедшее столѣтіе, а эмпиризмъ просвѣщенный, скажемъ даже — эмпиризмъ идеалистическій.»

Однако жъ эмпиризмъ Робертсона, Гиббона, Шлецера, I. Миллера, Карамзина, едва-ли былъ безумный и близорукій. А эмпиризмъ идеалистическій не все-ли равно, что сухая вода и холодный огонь — двѣ идеи, которыхъ соединить нельзя?

«Онъ собираетъ факты, съ жадностью ищетъ ихъ, но не для того, чтобы оставить эти драгоценныя матеріалы безъ пользы, безъ употребленія, а для того, чтобы вдохнуть въ нихъ мысль, и изъ бездушныхъ развалинъ составить живое цѣлое.»

Но какой-же эмпиризмъ не старался объ этомъ? Право, мы не понимаемъ, что такое разумѣть г-нъ Пуговинъ подъ именемъ эмпиризма.

«Признавъ для себя безопаснѣйшимъ путь синтеза, намъ вѣкъ помнить, кажется, правило: чѣмъ шире основаніе, тѣмъ зданіе можетъ быть выше и прочіе.»

Но г-нъ Пуговинъ сей часъ говорилъ намъ, что у насъ теперь идеализмъ замѣненъ эмпиризмомъ; какимъ же образомъ этотъ эмпиризмъ идетъ путемъ синтеза? Опять двѣ несоединяемыя идеи!

«Исслѣдовать человѣка и природу опытными образами (не уже-ли это значить путемъ синтеза?) — вотъ цѣль современной учености, и вотъ почему историческія науки, въ наше время, вмѣстѣ съ естественными, получили столь необыкновенную важность.»

Но когда же наука не стремилась исслѣдовать человека и природу, такъ и слякъ, идеальпо, эмпирически? И если уже надобно найти отличіе науки въ наше время, то мы найдемъ его, именно, въ ве-

ликой мысли высшаго идентитета, отнюдь не заключающаго идеализмъ.

«Извѣстнѣйшіе современные писатели, особенно Франціи (не опечатка-ли это, вмѣсто: *Германіи*³), посвящали себя изученію исторіи, и исторія въ ихъ рукахъ обратилась въ дѣйствительную науку.... *Гизо, Тьеръ, Тьерри*, и нѣкоторые другіе, самымъ удачнымъ образомъ внесли въ область исторіи философію»....

Во-первыхъ, всѣ новѣйшіе Французскіе историки были обязаны Германскимъ мыслителямъ своими идеями; они только повторяли ихъ, и больше неудачно, нежели съ успѣхомъ; во-вторыхъ, Тьеръ (а не Тьеръ) вовсе не принадлежитъ къ новой философской школѣ Французскихъ историковъ: онъ умно и краснорѣчиво описалъ Исторію Революціи, но по духу и изложенію принадлежитъ къ прежнимъ прагматическимъ историкамъ; говоря же о Тьерри (а не Тьерри), котораго разумѣтъ г-нъ Пуговинъ? Ихъ двое — *Амедей*, довольно плохой историкъ, и братъ его *Августинъ*, одинъ изъ великихъ современныхъ историковъ, Французскій Нибуръ, сочинитель *Писемъ объ Исторіи Франціи, Десяти лѣтъ изученій историческихъ*, и *Исторіи завоеванія Англіи Норманнами*. Что касается до Гизо, то ужъ онъ, конечно, менѣе всего можетъ быть названъ философъ самобытнымъ.

Еще менѣе можно согласиться съ г-мъ Пуговинымъ, когда онъ говоритъ о Мишелѣ: «Краткая Исторія Мишеле принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній этой школы. Его взглядъ на исторію Франціи возвышенъ, вѣренъ, и всегда безпристрастенъ.» Едва ли! Мишеле началъ тѣмъ, что издалъ извлеченіе изъ Нибура (*Histoire Romaine*), весьма замѣчательное, но и тутъ замѣтно уже было щегольство фразою, иногда на счетъ мысли. Его *Introduction*, цвѣтистое и фигурное, показало послѣ

того въ немъ просто остроумнаго софиста, а его *Histoire de France* (большая, которой издано три тома) умнаго говоруна Француза. Что касается до «Краткой исторіи Франціи,» переведенной теперь г-мъ Пуговинымъ, то это небольшая, хорошая, учебная книга, и — ничего болѣе.

Мы искренно посоветуемъ г-ну Пуговину, сперва стараться основательнѣе узнавать предметъ, о которомъ хочетъ онъ говорить, а потомъ болѣе заботиться объ изящствѣ и совершенствѣ переводовъ, нежели о прибавкѣ къ нимъ предисловіи. Его переводъ довольно хорошъ, но въ немъ встрѣчаются однако жъ вотъ какія фразы: «*Слѣпша* возвратиться къ своимъ торговымъ занятіямъ, они рѣшились дать здѣсь сраженіе. Какъ при Монъ-анъ-шоэля, они атаковали Французовъ во время самаго объѣда, которые (?) однако жъ успѣли устроить ряды свои. Облекши свою пѣхоту въ тяжелое вооруженіе дворянства, сражавшагося на коняхъ,» и проч. — Г-нъ Пуговинъ пишетъ: *Жорнадесъ*, Катина, *Катишь*, но по-Русски пишется: *Йорнадъ*, и *Catinat* всегда остается несклоняемымъ.

И. И. Давыдовъ издалъ третій томъ своихъ *Чтеній о Словесности*. Мы говорили о двухъ первыхъ частяхъ, и поговоримъ еще разъ вообще объ этой книгѣ, когда выйдетъ *четвертый*, послѣдній томъ. Пренія мысли наши встрѣтили грозное возраженіе въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ». Надобно пояснить спорное дѣло дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ.

Къ учебнымъ книгамъ должно причислить: *Руководство къ Политической Экономіи*, сочиненіе Бланки — небольшое изложеніе обширной, и столь мало еще вѣдомой у насъ науки. Если вы не знаете Французскаго подлинника, мы скажемъ вамъ, что Бланки принадлежитъ къ школѣ Французскихъ экономистовъ, и въ Ж. Б. Сѣв видитъ *nes plus ultra* зна-

нія Послѣ сего понятно, что всѣ ошибки Французско-экономической школы, и особливо ошибки Сея, сами о упрямаго парадоксита Французскаго, повторяются у Бланки. Русскій переводчикъ, во многихъ мѣстахъ, оговорился въ явныхъ ошибкахъ своего автора, но все онъ не могъ исправить кореннаго недостатка книги, слишкомъ легкой и поверхностной.

Въ дополненіе прежде изданнаго извѣстія о методѣ своей для изученія хронологіи, почтенный г-нъ Язвинскій издалъ теперь: *Руководство къ хронологическому обозрѣнію Русской Исторіи*. Съ этою брошюркою, каждый наставникъ можетъ самъ испытать изученіе хронологіи по методу г-на Язвинскаго и, конечно, удивится удивительнымъ успѣхамъ своихъ учениковъ. Получивъ подробныя свѣдѣнія отъ г-на Язвинскаго объ его остроумной методѣ, мы вскорѣ надѣемся изложить ее въ С. О. подробно, отдѣльною статьею.

Обращаемъ вниманіе образованныхъ читателей на «*Донесеніе Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Подполковника Волкова, Е. С. Главноуправляющему Путями Сообщенія и Публичными зданіями, Графу К. О. Толю, о свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ за границею по части строительнаго искусства.*» Здѣсь найдутъ они быглый очеркъ всего, что новаго и замѣчательнаго встрѣтилъ почтенный авторъ, по своей части, въ путешествіи по Германіи, Франціи и Англіи. Новые опыты и усовершенствованія мостовъ, дорогъ, каналовъ, шлюзовъ, и проч. увлекали его тщательныя наблюденія.

Сочиненіе г-на Волкова напечатано отдѣльно брошюркою изъ *Журнала Путей Сообщенія*, который выходитъ теперь въ улучшенномъ видѣ, и содержитъ много превосходныхъ оригинальныхъ статей,

издаваясь, съ половины прошедшаго года, ежемѣсячно.

Кстати о *журналахъ*, издаваемыхъ нынѣ въ Россіи. По свѣдѣнію, недавно обнародованному отъ Министерства Просвѣщенія, число повременныхъ изданій простирается у насъ числомъ за сто, включая сюда, на Французскомъ языкѣ *восемь* изданій, на Нѣмецкомъ *двадцать*, на Польскомъ *два*, на Латышскомъ *четыре*, всего на нѣкихъ языкахъ, кромѣ Русскаго, *тридцать четыре*. Затѣмъ слѣдуетъ исключить изъ нашей журналистики: *Сенатскія Вѣдомости и Объявленія, С. Петербургскія и Московскія Вѣдомости, Русскій Инвалидъ, Одесскій Вѣстникъ, Литовскій Вѣстникъ* (въ Вильнѣ) *Закавказскій Вѣстникъ* (въ Тифлисѣ), и около *тридцати* губернскихъ Вѣдомостей, издаваемыхъ въ разныхъ городахъ. Собственно-журналистика наша ограничится послѣ сего цифрою *меньше тридцати*. Главное отдѣленіе въ ней занимаютъ журналы, издаваемые по разнымъ предметамъ отъ правительства. Таковы: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Горный Журналъ, Журналъ Мануфактуръ и Торговли, Военный Журналъ, Инженерныя Записки, Журналъ Путей Сообщенія, Ученыя Записки Казанскаго Университета*. По части сельскаго и городскаго хозяйства, и промышленности выходитъ девять изданій: *Земледѣльческая Газета, Земледѣльскій Журналъ, Русскій Земледѣлецъ* (М. Г. Павлова), *Листки сельскаго хозяйства* (въ Одессѣ), *Журналъ Овцеводовъ, Два Журнала садоводства, Журналъ Общепользныхъ Свѣдѣній*, и при немъ *Листки Промышленности*. Медицинскихъ изданій три: *Военно-Медицинскій Журналъ, Другъ Здравія и Терапевтическій Журналъ*. Изданій духовнаго содержанія два: *Христіанское Чтеніе и Воскресное Чтеніе* (въ Кіевѣ). По части

изящныхъ художествъ издается *Художественная Газета* (Н. В. Кукольника); для дѣтскаго чтенія *Дѣтскій Журналъ*. Собственно для наукъ и литературы, за всѣми такими исключеніями, издаваемыхъ частными лицами газетъ и журналовъ остается: *четыре* журнала — *Московский Наблюдатель*, *Современникъ*, *Библиотека для Чтенія* и *Сынъ Отечества*, и *дѣв* газеты — *Сѣверная Пчела* и *Литературный Прибавленія*.

Изящная словесность не сказалась въ этомъ мѣсяцѣ ни чѣмъ, кромѣ новаго, миниатюрнаго изданія *Басенъ Хемницера*, въ Москвѣ, и такого-же изданія *Басенъ и апологовъ* Дмитріева въ Петербургѣ. Оставшія послѣ покойнаго Полежаева стихотворенія изданы его друзьями въ Москвѣ (*Арфа. Стихотворенія Александра Полежаева*). Грустно читать ихъ, и думать о несбывшихся надеждахъ, какія подавалъ некогда этотъ юноша съ дарованіемъ. По желанію самого Полежаева, не за-долго передъ смертью его, прислано было для помѣщенія въ С. О. стихотвореніе его *Коріоланъ*. Оно напечатано въ нынѣшней книжкѣ, и это лучшее, что находится въ *Арфѣ* поэта, навсегда умолкнувшаго.

Но что за дѣло настоящему до прошедшаго, будущему до несбывшагося! Жизнь не думаетъ о потеряхъ. Она весело летитъ впередъ, и вотъ — перейдемъ къ веселому — недавно на Петербургской сценѣ могущественно и торжественно совершилась славная и великая побѣда *водевилей* надъ вниманіемъ непокорныхъ зрителей! Давно, давно надобно было расплатиться подобною блестящею битвою съ этими несносными критиками, съ этою зывающею публикою! Разсудите сами: по сдѣланному за прошедшій годъ отчету выходить, что кромѣ немногихъ, попавшихся въ вѣчную милость и неумирающихъ на сценѣ пьесъ, было *возобновлено* на Петербургскомъ театрѣ,

съ 25-го Апрѣля 1837-го по 14 Февраля 1838 года, *тридцать одна* пьеса, и всѣ снова мирно почилы въ репертуарной могилѣ Театра! Положимъ однакожь такъ, что «кто *старое* помянетъ, тому глазъ вонъ,» вообразите, что кромѣ того на сценѣ являлось, въ теченіе года, *новыя* пьесы болѣе *пятидесяти*—*шестнадцати* драмъ и трагедій, *восемь* комедій, *десять* водевилей, *дѣв* оперы. Укорите-ли въ недѣятельности нашихъ писателей и переводчиковъ, когда *оригинальныхъ* пьесъ было въ этомъ числѣ *пятинадцать*, когда иные авторы ставили по *пяти* (П. С. Федоровъ), по *шести* пьесъ (Г-нъ Ленскій)? И что же? Едва четыре, или пять драмъ и трагедій, три, четыре комедіи, и съ дюжиною водевилей уцѣлѣли, и то, если считать хорошенько, то со грѣхомъ по поламъ. . . . Остальное — бухнулось на сценѣ и бухнуло въ Лету! Не благодарная-ли публика? Вы скажете, что на нее ей же можно подавать аппелляцію, печатать свои творенія. . . . Но, Мм. Гг., самими авторамъ что-ли ихъ читать прикажете? Станутъ ли насъ читать другіе, когда и смотрѣть-то насъ не хотѣли? Напечатайте, и вы еще попадетесь подъ перья злыхъ журналистовъ, и вамъ еще *докажутъ*, что васъ читать не стоитъ. . . . расщиплютъ васъ, какъ ястребъ невиннаго голубка. . . .

И вотъ почему, мы славимъ и торжествуемъ теперь битву съ публикою и побѣду надъ публикою водевиля? Да, ему, остряку, шалуни, шуту, проказнику, надобно было заступиться за нашу горемыку драму, за нашу плакунью трагедію, за нашу комедію занку, и за себя самого, потому, что сколько разъ приводилось вѣдь и ему хлопнуться на сценѣ. И водевилъ исполнилъ свое дѣло удивительно: взялъ на прокатъ имя Тальони; публика сбѣжалась смотрѣть Тальони, и что же? Ее тутъ вовсе и не было, но во-

девилъ такъ мило распалился, обрисовалъ такіе портреты *съ натуры*, задѣлъ и маленькихъ чиновниковъ, и купчиковъ, и Нѣмцовъ, вывелъ на сцену и театральную кассу, и капельдинеровъ, и извожиковъ, и франтиковъ—и все что было въ театрѣ расхоталось, и никогда еще, кажется, рѣзвый шалуни не имѣлъ у насъ успѣха столь рѣшительнаго и блестящаго; разъ десять сряду театръ былъ помонъ, и все усердно смѣялось отъ райка до закулисья; и гордый Фейлетонистъ объявилъ потомъ право свое на основную идею водевиля; и журналистамъ приходится теперь морщиться, да хвалить водевилъ, когда онъ явился внѣ сцены и въ видѣ маленькой книжечки, подъ титуломъ: «*Ложа перваго яруса на послѣдній дебютъ Тальони*, анекдотъ водевилъ,» соч. П. Каратыгина. Что имѣло такой шумный успѣхъ, за что автора вызывали и благодарили разъ шесть, то уже не подлежитъ условной критикѣ искусства—смѣйтесь, потому что смѣшно, пойте: «Ахъ! не все намъ рѣки слезныя лить о бѣдствіяхъ существенныхъ», и довольно съ васъ!

=

Въ дополненіе книгъ прошлагоднихъ, о которыхъ мы отдавали отчетъ нашимъ читателямъ, нельзя не сказать о слѣдующихъ, только нынѣ полученныхъ нами изъ Одессы и Кіева, двухъ, замѣчательныхъ, хотя и небольшихъ сочиненіяхъ историческихъ.

Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму (Одесса 1837 г.). Новороссійскій археографъ, г-нъ Мурзакевичъ, собралъ и систематически изложилъ здѣсь матеріалы для этого любопытнаго отрывка Крымскихъ лѣтописей Среднихъ временъ.

О первоначальномъ переводѣ *Св. Писанія на Славянской языкъ* (Кіевъ, 1837 г.). Нынѣшній профессоръ Кіевского университета Св. Владимира, г-нъ По-

вицкій написалъ это изслѣдованіе, по задачѣ покойнаго митрополита Кіевского Евгенія, и Кіевская Духовная Академія издала его на счетъ суммъ, пожертвованныхъ почтеннымъ архипастыремъ, для изданія академическихъ сочиненій по предмету Русскихъ Древностей. Разсужденіе г-на Новицкаго, очень дѣльно составленное, ксати теперь особенно, когда потокъ различныхъ ересей изъ Славянскаго запада прерывается къ намъ, въ область нашей исторической литературы, и всѣ нелѣпости, давно опровергнутыя, о Славянскихъ идолахъ, о рунахъ, о Глаголицкой азбукѣ, и проч., находятъ себѣ голосъ и защитниковъ, Г-нъ Новицкій систематически собралъ въ своей диссертациі доказательства, что первоначальный переводъ Св. Книгъ сдѣланъ былъ Кирилломъ и Меодіемъ, и писанъ буквами, которыя изобрѣли сии святители для Славянъ Моравскихъ. Касательно языка, на который былъ совершенъ переводъ, онъ держится мнѣнія, что основаніемъ нашему *Церковному* языку служило древнее нарѣчіе Булгарское. Любопытны особенно сличенія разновременныхъ текстовъ Св. книгъ Славянскихъ, приводимыя авторомъ въ окончаніи.

Не менѣе важно сочиненіе г-на Новицкаго: *Объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи, въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи* (Кіевъ, 1838 г.). Въ наше время явилась у насъ какаля-то странная *анти-философическая реакція*, въ силу которой все, что только носитъ имя и имѣетъ значеніе философіи, встрѣчается кое-къмъ (именъ не упоминаемъ) съ неприязненною насмѣшкою и ядовитою шуткою. Пусть же увидятъ эти остроумные насмѣшники надъ первымъ, и самымъ высшимъ знаніемъ человеческимъ, что, вопреки ихъ уврєніямъ, не только не всѣ у насъ раздвѣляютъ ихъ жалкія и смѣшныя усилія, но что и мудрое, благотельное правительство наше,

открывая истинной Философii входъ въ высшія училища, видитъ пользу любомудрiя и отдаетъ ему достойную почесть. Сочиненіе г-на Новицкаго, профессора Философii, было читано въ торжественномъ собраніи Кіевскаго Университета, и потомъ помѣщено въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1838 г. Февраль). Нельзя не вспомнить здѣсь съ особенною благодарностью, что въ этомъ же, отъ правительства издаваемомъ, и превосходномъ по содержанію Журналъ помѣщено было нѣкогда опроверженіе насмѣшекъ и перетолкованій, какими вздумалось было осыпать философiю какому-то журналисту (до имени его нѣтъ надобности). Вотъ высокая цѣль повременнаго изданія, предпринятаго для пользы и успѣховъ просвѣщенія благотворнаго и истиннаго!

Въ Москвѣ издають *Нѣмецко-Русскій Словарь*: книгопродавецъ А. В. Глазуновъ перепечатываетъ известный Словарь Шмита, изданный въ Лейпцигѣ, и славный своими уморительными ошибками. Вѣролтно, въ Московской перепечаткѣ исправить, хоть самыя капитальныя ошибки, а сдѣлать изъ плохаго Словаря Словарь хорошій, разумѣется, уже никакъ невозможно. Арапа, какъ ни мойте, онъ все останется чернымъ.

Вотъ еще любопытное предпріятіе лексикографическое: г-нъ Эртель объявляетъ, что не боясь чрезмерности труда, онъ издаетъ *четыре* словаря — *Русско-Французскій, Русско-Нѣмецкій, Французско-Русскій и Нѣмецко-Русскій*. Каждый будетъ состоять изъ двухъ томовъ, въ восьмушку, и всѣ четыре, 16 томовъ, будутъ стоить 25 рублей. Дешево, это правда, но не сбьлась-бы тутъ извѣстная Русская половица?

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-й ГОДЪ.

(15 Юня 1838 года).

Мы предполагали помѣщать въ С. О., не полную роспись всѣхъ литературныхъ новостей, но очеркъ только важныхъ, или по чему либо замѣчательныхъ новыхъ Русскихъ произведеній. Советы многихъ и почти общее требованіе, убѣждаютъ насъ въ противномъ, и потому съ слѣдующей Юльской книжки, мы перемѣняемъ расположеніе нашего библиографическаго очерка. Для чего быть излишне болтливыми, и указывать на то, что безъ журнальной библиографіи знаютъ иногда только авторъ, цензоръ, да корректоръ? Для чего доказывать смертное ничтожество тамъ, гдѣ оно всемогуще является само собою? Для чего удить въ Леть всякій соръ, который несетъ она въ океанъ пыли и тлѣнія? Неужели все это надобно дѣлать для того только, чтобы раскрасить иногда шуткой, или насмѣшкой, библиографическую похоронную метрику? — *Такъ мы ду-маемъ.*

Но, вотъ доказательства, приводяшія къ противоположному: 1-е, указаніемъ только на хорошее и достойное вниманія дадите-ли вы достаточное понятіе о современной литературѣ нашей? А безъ того, къ чему эти мимолетныя библиографическія замѣтки? Въ планъ владѣнія должны входить не одни только сады и поля плодоносныя, но и болота, и

Т. III. — Отд. IV.

4

перелѣски, и тундры, и степи, если они есть; 2-е, указаніе на плохую книгу развѣ *безполезно вовсе?* Развѣ предостерегательное извѣстіе о глупости, сорвавшейся съ типографской цѣпи, не принесетъ пользы, особливо, если вспомнить, что для многихъ добрый совѣтъ во многомъ еще можетъ быть полезенъ, при настоящемъ образованіи нашемъ, и что притомъ едва-ли есть нелѣпость, которая не нашла бы себѣ печатнаго хвалителя? Вы молчите, думая, что не стоитъ говорить, а другой хвалить; скромное молчаніе въ такомъ случаѣ не дѣлаетъ перевѣса громкому возгласу, и дѣлается виновнымъ по литературной совѣсти журналиста. Наконецъ, 3-е, кто поручится за *вашъ выборъ хорошаго*, безъ доказательствъ, поручится, что все то, о чемъ вы не говорите, не стоитъ даже ни одного дѣбраго слова? Укажите, скажите, и тогда осудите, а не отдѣлывайтесь сомнительнымъ молчаніемъ, которое ничего не доказываетъ. Зачѣмъ всегда предполагать необходимою при плохой книгѣ насмѣшку? Большая часть плохихъ книгъ сами надъ собою насмѣшка, точно такъ, какъ стоитъ только сказать имя какой нибудь известной особы, и общій голось говорить: «дуракъ!» или «плутъ!» — Не скрывается-ли здѣсь скорѣе лѣньность библиографа?

Строгіе совѣтчики, при желаніи общаго добра, говорили намъ еще, что наши библиографическія извѣстія о книгахъ вообще слишкомъ коротки. На это были у насъ свои частныя причины, о которыхъ нѣтъ надобности говорить. Повторимъ слова Карамзина: «важное для меня, не важно для читателя.»

По крайней мѣрѣ, смѣемъ увѣрить, что не «духъ праздности и любопытжанія, унынія и страстей» заставилъ насъ избрать планъ библиографическихъ очерковъ, который постоянно вели мы въ пяти вышедшихъ книжкахъ С. О. — На все это были совсемъ

особыя причины. Теперь требуютъ и хотятъ другаго! Исполняемъ требованіе и хотѣніе, и кромѣ *сони* почти книгъ, о которыхъ упоминали мы до сихъ поръ въ нашихъ очеркахъ, переберемъ все оставшее, будемъ говорить обо всемъ вновь выходящемъ, и если ужъ объ иномъ просто будетъ сказать нѣчего — выставимъ хоть заглавіе книги. Такимъ образомъ, публика получитъ полную современную библиографію, для которой богатый магазинъ А. Ф. Смирдина даетъ намъ всѣ средства. Но просимъ не взыскивать, если это не будетъ кому либо нравиться, и если иногда библиографической описи похватать будетъ печью! Tu Pas voulu, George Dandin, tu Pas voulu!

Предоставляя себѣ начать библиографическій очеркъ нашъ въ новомъ видѣ съ Іюльской книжки, мы опять обращаемся теперь здѣсь къ одной изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ современной Русской литературы — Русской Журналистикѣ, предполагая въ нѣсколькихъ статьяхъ отдѣльно изобразить для читателей нашихъ Русскую журнальную дѣятельность въ настоящемъ году. Намъ кажется это любопытно и занимательно. Укажемъ на хорошее, прекрасное, доброе; замѣтимъ.... Нѣтъ! пропустимъ безъ вниманія, что не выдерживаетъ суда строгаго. Ахъ! ММ. ГГ.! Пора научиться молчать, если рѣчь идетъ о Русскихъ журналистахъ! Скажемъ однако жъ и на сей разъ откровенно, съ чѣмъ мы не согласны, отнюдь не осуждая собрата, и притомъ несогласіе наше постараемся обставить такими и столькими изысканіями и оговорками, что развѣ только безсовестность какая нибудь можетъ выпискать что нибудь злое въ нашей кроткой и смиренной правдѣ...

РУССКІЕ ЖУРНАЛЫ

на 1838-й годъ.

(Статья первая.)

Обязанностью считаемъ прежде всего указать здѣсь читателямъ на журналы, издаваемые отъ разныхъ частей государственной администраціи. Вотъ предметъ истинно усладительный, ибо здѣсь ясно видимъ мы мудрое и попечительное правительство наше, идущее впереди нашего просвѣщенія, подающее примѣръ и въ журнальныхъ нашихъ трудахъ. Мы имѣемъ въ виду, говоря о журналахъ, издаваемыхъ отъ разныхъ казенныхъ мѣстъ, и то еще, что вообще читающая публика не знакома съ ними столько, сколько они, по важности и достоинству своему, заслуживаютъ, представляя чтеніе полезное во всѣхъ отношеніяхъ.

Намъ кажется, что едва-ли не первое мѣсто, между всѣми издаваемыми отъ правительственныхъ мѣстъ повременими изданіями, не принадлежитъ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Редакторы его превосходно умѣютъ соединять съ драгоценными офиціальными свѣдѣніями важность ученыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ, статей. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками. Первое отдѣленіе каждой книжки содержитъ *дѣйствія правительства*, по управленію Министерствомъ Просвѣщенія, раздѣляясь на Высочайшія повелѣнія и министерскія распоряженія.

Во *второмъ отдѣленіи* (Словесность и Науки) вышедшихъ *трехъ* книжекъ на сей 1838 годъ, мы находимъ слѣдующія важныя статьи: *Объ историческомъ значеніи Россіи* (переводъ рѣчи Дерптскаго профессора М. П. Розберга), гдѣ хотя не вполне развита, но превосходно представлена идея, поляющая исторію и географію нашего великаго оте-

чества. Говорить о вѣрности сей идеи, принадлежащей къ высшей Философіи исторіи, мы удерживаемся, и именно потому, что нижеподписавшійся сочинитель сей статьи, убѣжденный практическими занятіями и теоретическимъ размышленіемъ, издавна положилъ сію идею въ основу всѣхъ своихъ трудовъ, касательно отечественной исторіи, на ней основалъ начатую имъ *Исторію Русскаго Народа*, и постоянно слѣдовалъ ей въ другихъ историческихъ занятіяхъ. Слѣдственно, мнѣніе наше можетъ показаться не безпристрастнымъ; но пусть другіе, даже отложивъ возвышающую душу любовь къ отечеству, рассмотрятъ сію идею очами философовъ: они, конечно, убѣдятся въ ней, и если только слабому уму чело-веческому позволено углубляться въ умудряющее созерцаніе судебъ Божіихъ, то они увидятъ подтвержденіе главной мысли во всѣхъ подробностяхъ, и укрѣпятъ ею умъ свой противъ всѣхъ кланковъ одрахлавленнаго Запада. — *Объ упрекахъ, дѣлаемыхъ Философіи, въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи* (Рѣчь Кіевскаго профессора О. И. Новицкаго). Мы уже говорили объ этой весьма замѣчательной рѣчи, показывающей, что торжественныя собранія нашихъ ученыхъ заведеній украшаются чтеніемъ сочиненій истинно важныхъ и вполне споспѣшствующихъ просвѣщенію. — *Критическое обозрѣніе Канта въ предѣлахъ одного разума*. Угадывая имя почтеннаго автора (I. C.), посвятившаго труды свои великой *науцѣ наукъ*, отдадимъ справедливость глубокой діалектикѣ, съ какою разбираетъ и опровергаетъ онъ здѣсь известное сочиненіе Канта: *Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft!*. Вотъ истинная точка религіознаго воззрѣнія на Философію, соединеніе которой съ Религіею такъ страшно ужасаетъ умы суевѣрные и близорукіе! — *О древнѣйшемъ существованіи Русскихъ въ Россіи и Византіи, подъ названіями Гот-*

вовъ, Варяговъ, Федератовъ и Руссовъ, до основанія Россійскаго Государства (профессора Фр. Крузе). Это продолженіе ученыхъ изысканій г-на Крузе, касательно древнѣйшей Русской Исторіи, изысканій, основанныхъ на здравой критикѣ, и — повторимъ сказанное уже нами прежде — тѣмъ болѣе полезныхъ, что съ нѣкотораго времени начались и продолжаютъ въ литературѣ нашей историческіе расколы людей пристрастныхъ или полуученыхъ. — *О Литовскомъ Статутѣ* (соч. г-на Д.) — библиографическое сличеніе разныхъ списковъ и изданій сего драгоценнаго памятника юриспруденціи, по которому было сочинено и образовано Уложеніе Царя Алексія Михайловича, и которое проникнуло въ наше древнее законодательство гораздо далѣе, нежели какъ подозрѣвали всѣ, занимавшіеся донынѣ Литовскимъ Статутомъ. — *Издѣждержъ III-й, послѣдній государь Персіи до покоренія ея Аравитянами* (соч. Ѳ. Менцова). Любопытное критическое изслѣдованіе о государѣ, которымъ кончилась въ половинѣ XII-го вѣка древняя Сассанійская династія въ Персіи, подъ мечемъ послѣдователей исламизма, уничтожившаго религію Зороастрову. — *О внутреннемъ устройствѣ Ганзейскихъ конторъ вообще, и преимущественно Бергенской* (Извлеченіе изъ рѣдкой нынѣ Гольберговой книги, Beschreibung der berühmten Haupt-und-Handelstadt Bergen, (напеч. въ Копенгагенѣ въ 1750 г. втор. изд.), и Первоначальное образованіе и распространеніе Нѣмецкаго Двора въ Новгородъ (переводъ изъ Сарторіевой Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse), двѣ статьи гг. Певцова и Строева — матеріалы для Новгородской торговой исторіи. — *О Русскомъ языкѣ* (переводъ статьи І. Могилевскаго, пом. въ Львовскомъ журналѣ Czasopism Naukowy, 1829 г.) — весьма любопытное изслѣдованіе о самобытности и народности Русскаго языка въ Галиціи.

Такимъ образомъ три книжки Ж. М. Н. П. представляютъ намъ по одному отдѣленію *девять* статей, достойныхъ любопытства и вниманія каждаго образованнаго читателя. Присовокупимъ къ тому начало статьи г-на профессора Максимовича о Русскомъ языкѣ, и лекцію г-на профессора Шевырева, имѣющихъ свое относительное достоинство.

Въ *отдѣленіи III-мъ* (извѣстія объ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи) находимъ: отчеты за прошедшій годъ Академіи Наукъ и Академіи Художествъ; протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи съ 29 Ноября 1737-го по Февраль 1838 года; протоколы засѣданій Академіи Наукъ, съ половины Января по Мартъ сего года. Здѣсь надлежало-бы намъ исчислить всѣ факты, какими наполнены упомянутые отчеты и выписки, дабы показать сущность и важность трудовъ нашихъ ученыхъ обществъ. — Не менѣе замѣчательны статистическія выписки изъ отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о состояніи духовно-учебныхъ заведеній въ 1836 году, и изъ отчета статсъ-секретаря Лонгинова, за 1836 годъ, о состояніи учебныхъ заведеній, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ и Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Наконецъ Русское сердце радуется извѣстіемъ, которое украшаетъ лѣтописи нашего просвѣщенія — описаніемъ посвѣщенія, коего удостоился Государь Императоръ С. Петербургскій Университетъ и Академію Наукъ.

Въ *отдѣленіи IV-мъ*, помещаются извѣстія объ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ, извлекаемыя изъ донесеній путешествующихъ за границу нашихъ ученыхъ; здѣсь нашли мы замѣчательное извѣстіе о Парижской палеографической школѣ (Ecole Royale des chartes), сообщенное г-мъ Строевымъ.

Отдѣленіе V-е, новости и смѣсь, представляетъ начало описанія путешествія въ Лапландію и Новую

Землю, совершеннаго г-мъ академикомъ Беромъ; здѣсь изображенъ имъ только очеркъ береговъ Бѣлаго Моря и Лапландіи, въ ботаническомъ, зоологическомъ и геогностическомъ отношеніи. — *Библиографія*. Офиціальнѣйшій характеръ журнала не допускаетъ редакцію входить въ критическія состязанія, почему она принуждена ограничиваться только указаніями на *нѣкоторыя* книги, но тѣмъ любопытнѣе, прилагаемый къ каждой книжкѣ, полный указатель *всѣхъ* вновь выходящихъ въ Россіи книгъ, дающій возможность вполне преслѣдовать ходъ современной нашей литературы, исполнить чего до появленія сего Указателя, извлекаемаго ежемѣсячно изъ отчетовъ Ценсурныхъ Комитетовъ, не было ни какой возможности. — Не говоря о мелкихъ статьяхъ Смѣси, укажемъ въ заключеніе на сравнительную карту народнаго просвѣщенія въ Россіи, соображенную по числу учащихся, и составленную по образцу известной Дюпеновой карты *темной* и *свѣтлой* Франціи. Министерство Народнаго Просвѣщенія издаетъ эту карту, какъ предварительное извѣщеніе о книгѣ, вскорѣ долженствующей выйти, и содержащей въ себѣ подробные вычеты объ ученіи въ Россіи, въ отношеніи числа жителей. Съ нетерпѣніемъ ждемъ сего статистическаго доказательства противъ нелѣпныхъ криковъ Западной болтовни, которой благоугодно закрашивать насъ на картѣ Европейскаго просвѣщенія краскою не свѣтлѣе той, какою красить она Тунгусскія степи и Гуронскія пустыни.

Наше краткое изложеніе превосходнаго содержанія трехъ первыхъ книжекъ, кажется, подтверждаетъ безпристрастное убѣжденіе наше въ достоинствѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, вполнѣ заслуживающаго свое почетное названіе.

Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ вышло донынѣ три книжки. Каждая состоитъ изъ трехъ отдѣленій — *распоряженія*, гдѣ помещаются

въ Высочайше указы, и мѣры Министерства по всѣмъ его управленіямъ. — За симъ слѣдуютъ неофиціальныя статьи, оригинальныя и переводныя, касательно исторіи, статистики, народнаго здоровья, общественнаго порядка, государственнаго хозяйства. Выборъ свидѣтельствуетъ тщательность и систематическую цѣль редакторовъ. Вотъ исчисленіе ихъ: кромѣ выписки изъ отчета Почтоваго Управленія, выписки изъ отчета Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, выписки изъ отчетовъ профессора Нечаева, отпрамлявшагося за границу, для закупки потребныхъ Медико-Хирургической Академіи инструментовъ, помѣщены редакторами подробныя историческо-статистическія описанія городовъ *Смоленска, Вязьмы* и *Ростова на Дону*. — Нельзя не замѣтить полезной статьи: *Описаніе скотской чумы*. Эта гибельная болѣзнь, постоянно свирѣствующая въ юго-западныхъ и южныхъ областяхъ Россіи, и страшно распространяемая безпечностью и невежествомъ жителей, описана здѣсь просто, ясно, подробно, съ повѣркою мѣстными опытами, г-мъ А. Штолге. Авторъ присовокупилъ отдѣльно описаніе падежа рогатаго скота, видѣннаго и наблюдаемаго имъ въ 1828 году, въ Радомысльскомъ и другихъ уѣздахъ Кіевской губерніи, отъ чего въ сей губерніи погибло тогда скотины болѣе 40,000 штукъ. Не менѣе вниманія заслуживаетъ статья г-на Заблоцкаго: *Описаніе рыбныхъ промысловъ въ Россіи* — подробная статистика, и образъ производства рыбной ловли въ Сѣверномъ, Бѣломъ, Балтійскомъ, Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ Моряхъ. Особенно описанія о двухъ первыхъ и послѣднемъ исполнены любопытныхъ подробностей. — Съ особеннымъ удовольствіемъ прочитали мы извѣстіе о предполагаемомъ изданіи «Краткаго обзорнія древнихъ Русскихъ зданій и другихъ отечественныхъ памятниковъ,» изъ свѣдѣній, какія собраны въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ отъ мѣстныхъ начальствъ. И здѣсь ви-

димъ мы всегдашнюю и повсюдную попечительность Правительства : волею его прекращены теперь небреженіе и, такъ сказать, непочтеніе наше къ остаткамъ древности, разсѣяннѣмъ по Русской землѣ. Не только строжайше запрещено разрушать ихъ, но повелѣно прилагать стараніе къ поддержанію ихъ, сдѣлать имъ повсюду немедленные, хотя краткія описанія, и эти-то описанія изданы будутъ на первый разъ, съ приложеніемъ рисунковъ, составя богатый матеріалъ для дальнѣйшей археографіи Русской, могущій послужить ей первоначальнымъ основаніемъ. — Наконецъ, двѣ превосходныя статьи помѣщены въ Ж. М. В. Д. — Одна изъ нихъ (К. В. О.) извѣстіе о трудахъ и сочиненіяхъ замѣчательнаго челоука, *А. Ж. Б. Парана Дюшателе*, Французскаго медика, умершаго въ 1836 г. Говардъ посвятилъ жизнь свою тюрьмамъ и темницамъ; еще труднѣе обязанность принялъ на себя добродѣтельный П. Дюшателе : вся жизнь его была отдана наблюденіямъ и опытамъ по общественной гигиенѣ. Мѣста, откуда бѣжить челоукъ, отребія общества, которыя отвергаетъ онъ; необходимыя, по несчастію, отвратительныя накопленія общественной жизни въ низшихъ ступеняхъ ея, были поприщемъ дѣйствій сего благодѣтельнаго друга челоучества. Страшно читать описанія тѣхъ безднъ погибели, физической и нравственной, которыя посѣтилъ, осмотрѣлъ, изслѣдовалъ онъ, съ благодѣтельною, святою мыслью добра! Съ жизнью и трудами сего-то героя добродѣтели знакомишь насъ статья, о которой мы говоримъ. — Не менѣе драгоценна статья г-на Линка : *Исторія общества умѣренности въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ* — предметъ, почти вовсе у насъ неизвѣстный. Цѣль сихъ обществовъ — уменьшеніе и истребленіе пьянства. Сожалѣемъ, что предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ выписать здѣсь сущности сочиненія г-на Линка, составляюща-

го превосходное извлеченіе изъ книги : *Histoire des Sociétés de Tempérance des Etats-Unis d'Amérique*, par R. Baird (Парижъ, 1836 г.), которую можно посоветовать имѣть и читать каждому просвѣщенному другу челоучества.

Двадцать слишкомъ мелкихъ статей составляютъ *Смѣсь* двухъ книжекъ журнала, и дополняютъ интересъ его своимъ разнообразіемъ, относятся къ статистикѣ, археографіи, географіи Русской, общественному хозяйству, и прочая.

Горный Журналъ (или «собраніе свѣдѣній о горномъ и солиномъ дѣлѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ открытій по наукамъ, къ симъ предметамъ относящимся») не можетъ имѣть столько общей занимательности для читателей, какъ два журнала, о которыхъ мы говорили. Между тѣмъ, онъ наполняется превосходными и полезными статьями, касающимися его прямого назначенія, и большею частью оригинальными сочиненіями и наблюденіями офицеровъ и чиновниковъ Горнаго Корпуса. Исчисленіе ихъ можетъ указать на ихъ достоинство, и пользу, касательно Русской геогнозій и геологій, горнаго и заводскаго дѣла и горной механики въ Россіи. Вотъ собственно-ученія статьи : *Геогностическій обзоръ восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Астрабадскаго залива до мыса Тюкъ-Карагана, въ 1836 году* (г-на Фелькнера). — *Геогностическія наблюденія, произведенныя во время путешествія изъ Дерпта въ Або* (доктора Гофмана), гдѣ особенно подробно описанъ полуостровъ, уединенный островъ Гохландъ, эта громада порфирныхъ утесовъ, которую привѣтствуетъ вниманіемъ каждый, пріѣзжающій съ моря въ Кроуштадтъ. — *Взглядъ на геолого-геогностическій составъ Олонецкаго Горнаго Округа* (г-на Энгельмана) — ученое обозрѣніе горныхъ породъ на С. З. отъ Онежскаго озера. — *Объ Уралѣ и Алтаѣ* (г-на Гельмерсена) — статья драго-

цнная, по обширному взгляду на эти два горные хребта, заключающие въ себя наши ископаемая богатства. — Любопытна еще статья г-на Кованьки — геологическія наблюденія его въ окрестностях Пекина (онъ-же доставилъ въ Г. Ж. описаніе Китайскаго способа жженія угля). — Отдѣленіе дополняется переводомъ обширной статьи изъ Парижскаго Bulletin de la Société géologique, соч. Дюбуа де Монпере (*О геологическихъ явленіяхъ на Кавказѣ и въ Крыму*) — геологической очеркъ Кавказскаго хребта и сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго Моря), и тремя переводными статьями изъ книги Розе: *Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere*, вышедшей въ Берлинѣ въ 1837 году, и содержащей въ себя описаніе путешествія Гумбольдта, Эрценберга и Розе по Россіи и Сибири. Въ первой части содержатся минералогическо-геогностическія свѣдѣнія, приобретенныя на пути до Зюнгорско-Китайской границы, съ прибавленіемъ отдѣльныхъ статей. Это отдѣленіе путешествія принялъ на себя спутникъ Гумбольдта, г-нъ Розе. Второе отдѣленіе путешествія, астрономическо-магнетическія наблюденія, издастъ самъ Гумбольдтъ. Редакторы Г. Ж. заимствовали изъ сочиненія г-на Розе: *Перепѣдь изъ Екатеринбургѣ въ Тобольскѣ; замѣчанія на пути изъ Кенгисберга въ Петербургѣ и замѣчанія о геологій Дерпта*. Въ практическомъ отдѣленіи Журнала помѣщена еще статья изъ книги Розе: *Описаніе Кушвинскаго рудника*. — Другія статьи этого отдѣленія суть: *разложеніе шлага отъ мѣдной плавки древнихъ Сибирскихъ копей* (г-на Иванова); *описаніе Демидовскихъ, Нилъне-Тагильскихъ, серебряныхъ рудниковъ* (г-на Колтовскаго); *выдѣлка полосоваго желѣза въ Швеціи* (г-на Рашета); *о плавкѣ въ Алтайскихъ заводахъ* (г-на Гесса); *объ якорномъ производствѣ въ Гороблагодатскихъ заводахъ* (г-дъ Ковалевскаго и Носкова); *о сравненіи нашихъ Злато-*

устовскихъ косъ съ иностранными; о пробахъ чужуныхъ орудій, отлитыхъ въ Петрозаводскѣ; описаніе Варшавскаго монетнаго двора; о выдѣлкѣ подковъ въ Камско-Воткинскомъ заводѣ (г-на Романова). — Дополненіе изъ переводныхъ статей представляетъ: новый способъ Артезійскаго буренія Итальянца Брея, и статья о водоотливной машинѣ Фощама.

Въ *Библиографіи* находимъ увѣдомленіе о четырехъ замѣчательныхъ книгахъ. — *Смѣсь* содержитъ 26-ть мелкихъ статей, гдѣ собраны отечественныя и иностранныя новости по всемъ предметамъ, входящимъ въ составъ журнала, и по горной статистикѣ.

Журнала Мануфактуръ и Внутренней Торговли издано донинѣ двѣ книжки. Общъ начинаются постановленіями и распоряженіями правительства, по части мануфактурной и торговой. — За тѣмъ слѣдуютъ описанія пяти, выданныхъ въ Россіи, новыхъ привилегій. — Второе и третье отдѣленія заключаютъ не-официальныя статьи. Здѣсь помѣщена краткая систематика фабрикъ и заводовъ. Мы съ удовольствіемъ прочитали вступительную лекцію втораго курса технической химіи, который началъ въ Московскомъ Университетѣ, для Московскихъ фабрикантовъ, г-нъ профессоръ Гейманъ. Яснось и простота изложенія почтеннаго профессора, конечно, произведутъ тѣ успѣхи, которыхъ ожидаетъ правительство отъ его полезнаго труда. По части статистики помѣщено описаніе огромной суконной фабрики г-на Люна, находящейся въ Тамбовской губерніи, занимающей болѣе 3000 человекъ, и 550 станковъ, выдѣлывающихъ до 440,000 аршинъ солдатскаго сукна. По части технологій помѣщено описаніе новаго способа добыванія крахмала изъ пшеничной муки, безъ вреднаго пережиганія, по изобрѣтенію Мартена, съ большими выгодами противъ всѣхъ

прежнихъ способовъ. — Замѣчательны еще статьи: о Обществѣ поощренія промышленности во Франціи (описаніе торжественнаго засѣданія общества въ Юльѣ 1837 года), и большая статья объ Европейской торговлѣ въ Турціи и Персіи, особенно важная при начинающихся нынѣ торговыхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ Россіи съ сими государствами. — Извѣстія о Шуйской Введенской ярмаркѣ 1837 года, и прошлогодней Лейпцигской Михайловской, съ 17-ю мелкими статьями по части статистики, технологіи и торговли, заключаютъ *Смѣсь* книжекъ, тѣмъ болѣе любопытную, что она составляется преимущественно изъ свѣдѣній, получаемыхъ непосредственно Деп. Ман. и Внутр. Торговли отъ заграничныхъ его корреспондентовъ. Особы, которыя по помысламъ въ *Смѣси Журнала* извѣстіямъ, пожелали-бы имѣть дальнѣйшія, подробнѣе свѣдѣнія, могутъ адресоваться въ Департаментъ, прилагающей всѣ возможныя старанія для передачи нашимъ производителямъ повостей изъ-за границы.

Лѣсной Журналъ издается отъ Общества для поощренія лѣснаго хозяйства, и начался съ 1833 года. Содержаніе его составляютъ лѣсоводство, и знанія, къ нему принадлежащія; географія и статистика лѣсовъ; естественная физика, химія, механика, технологія, въ примѣненіи къ лѣсоводству; отчасти охота, садоводство, и проч., что относится какимъ нибудь образомъ къ существеннымъ занятіямъ Общества и цѣли журнала. Цѣль эта, безъ сомнѣнія, полезна и благотворна. Пора намъ остановиться въ губительномъ направленіи, съ какимъ истребляемъ мы драгоценность нашу, наши родные лѣса, пора положить предѣлъ слѣпому корыстолюбію, и грубому невѣжеству, которыя, не помышляя о будущемъ, уничтожаютъ невознаградимо сокровища, столь необходимыя, коими столь щедро одарила насъ природа. Неужели не убѣдимся мы въ

томъ, что мысль, будто наши лѣса во вѣки неистощимы, такъ-же ложна, какъ и та мысль, будто намъ дѣвать некуда хлѣба, и потому не надобно думать о земледѣліи, какъ объ наукѣ? Голыя степи тамъ, гдѣ еще живые старики помнятъ густые лѣса, показываютъ, сколь быстро совершается истребленіе нашихъ лѣсныхъ богатствъ. Нашъ холодный климатъ, требующій усиленнаго и продолжительнаго согреванія нашихъ жилищъ; вредныя слѣдствія отъ истребленія лѣсовъ на атмосферу; даже погубныя географическія измѣненія должны заставить насъ обратить на лѣсоводство вниманіе особенное. Всякое усиліе споспѣшествовать въ семъ отношеніи попеченіямъ правительства, ревностно пекушагося о сей важной части государственной экономіи, должно встрѣчать вниманіе каждаго просвѣщеннаго соотечественника. Потому, изданіе особеннаго журнала по части лѣсоводства кажется намъ однимъ изъ полезнѣйшихъ предпріятій для блага общаго.

Въ вышедшихъ въ нынѣшнемъ году *трехъ* книжкахъ Лѣснаго Журнала, мы нашли изъ оригинальныхъ *три* статьи г-на Гильдемана: о добываніи крахмала и муки изъ лѣсныхъ, деревянистыхъ и травянистыхъ растений; о добываніи и техническомъ употребленіи корьевъ и волокнистаго вещества лѣсныхъ растений, о раздѣленіи лѣсовъ, для вычисленія оныхъ. Далѣе *три* статьи г-на Семенова: обзорніе лѣсовъ Австріи; нѣкоторыя свѣдѣнія о питаніи и питаніи растений, и о спиральныхъ и жизненныхъ сосудахъ растений. Наконецъ, небольшія статьи, г-на Каменовскаго, «о лѣсахъ въ Казанской Губерніи», и г-на Авксентьева, «о садоводствѣ въ слободѣ Владиміровкѣ» (прилежащей г-цу Реброву, и находящейся между Пятигорскомъ, Ставрополемъ и Кизляромъ). — Къ этому прибавлены переводныя статьи изъ Бодрильярова *Dictionnaire des eaux et forêts: uva, земледѣліе*; изъ Неймановой *Naturgeschichte der Vö-*

gel Deutschlands: сивка, турухтанъ, и изъ разныхъ Нѣмецкихъ и Французскихъ журналовъ: «о пользѣ львовъ; о корѣ двусѣмянолистныхъ растений; объ успехахъ растительной химіи въ 1835 году; объ охотѣ на Востокъ; о дикомъ кроликѣ; о красномъ и желтомъ, красильныхъ началахъ въ плодахъ и листьяхъ осенью» — статьи небольшія. — Ихъ заключаетъ Смѣсь, содержащая въ себѣ мелкія извѣстія.

При совершенномъ сознаніи пользы, какъ Общества, такъ и журнала, имъ издаваемого, да позволено будетъ намъ сказать однако жъ, что если это временное сочиненіе будетъ продолжаемо такъ, какъ изданы три нынѣшнія его книжки, то едва-ли достигнута имъ будетъ цѣль, для него предположенная. Думаемъ, что не роскошь ученыхъ изслѣдованій, и не щегольство журнальными статьями должны составлять цѣль его, но положительная польза предмета. Для сего не въ правъ-ли читатели ожидать: 1, вѣрныхъ описаній самаго предмета — географіи и статистики Русскихъ львовъ; 2, указанія на вредныя стороны нынѣшняго обхожденія нашего съ львами; 3, опытнаго приложенія иностранныхъ улучшеній къ отечественному львоводству. По первымъ двумъ отдѣленіямъ, мы не видимъ въ журналѣ почти ничего, а по третьему удовлетворяютъ-ли насъ, если и любопытныя, но — только что любопытныя, статьи о древесномъ крахмалѣ, объ употребленіи корья, или чисто-ученыя статьи о питаніи растений, о сосудахъ растений? Статьи: о пользѣ львовъ, о Восточной охотѣ, о земледѣіи, ничего не сказываютъ намъ положительнаго, а объ турухтанѣ, кроликѣ, сивкѣ принадлежатъ-ли даже къ журналу, будучи поверхностны, и опредѣлены для словаря? Неужели нельзя было собрать ничего самобытнаго, необходимаго, и прямо положительнаго въ отечествѣ нашемъ, по этой части? Журналъ сей назначенъ конечно, не для роскоши литературной, а для чте-

— Дѣянія Петра Великаго, Мудраго Преобразителя Россіи, собранныя изъ достоверныхъ источниковъ, и расположенныя по годамъ. Сочиненіе И. И. Голикова. Томы I, II, III, IV. Изданіе второе. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1837, 1838 гг., въ 8.

Статья первая.

Если каждый предметъ человеческого знанія можетъ быть разсматриваемъ съ различныхъ сторонъ, *Исторія*, предметъ столь обширный и великій по кругу вѣдній человеческихъ, необходимо долженъ быть поводомъ къ воззрѣніямъ чрезвычайно многообразнымъ, и даже противоположнымъ одно другому. Потому въ теченіе многихъ вѣковъ, и въ новѣйшее время особенно, онъ испыталъ столько измѣненій въ цѣли, направленіи и сущности.

Какъ всякій великій предметъ, *Исторія* необходимо объемлетъ собою разныя дѣленія; можетъ быть разсматриваема въ отношеніи пользы; даже, какъ предметъ изящнаго искусства; наконецъ, въ видъ пособія къ познанію великой науки истины. Какой изъ сихъ

взглядъ на Исторію представляется намъ самымъ важнымъ, и наиболее достойнымъ величія ума человѣческаго? Тотъ, который объемлетъ собою весь другія дѣленія, и предполагаетъ самую высшую цѣль, безъ всякихъ постороннихъ, мелкихъ, такъ сказать, корыстныхъ направленій.

Не будемъ говорить объ историческихъ матеріалахъ и пособіяхъ. Исторія имѣетъ ихъ весьма обширныя и разнообразныя. Не будемъ говорить и о томъ, какъ долженъ приготовляться къ труду своему историкъ. Взглянемъ на *Исторію-собственно*.

Симъ именемъ называемъ мы не летописи и записки — простыя замѣтки о событіяхъ, равныя другимъ историческимъ пособіямъ, какъ-то: памятникамъ археографическимъ, памятникамъ письменнымъ и преданіямъ народнымъ. Съ началъ вѣдній человѣческихъ Исторія не существовала; она свивалась съ мифомъ, съ сказкою, съ поэзіею. Такою осталась она навсегда на Востокъ. Такою являлась и въ повѣсти Иродота — перваго историка Эллады.

Съ Фукидидомъ явилась въ Греціи Исторія — собственно — стройное, повѣствованіе о *событіяхъ* и *причинахъ*, приведенное въ систему умомъ человѣческимъ, Латинская литература явила потомъ своихъ Иродотовъ и Фукидидовъ: таковы были Титъ-Ливій и Тацитъ, одинъ превосходный повѣствователь, другой великій мыслитель.

Но Древніе не могли показать полного образа Исторіи, ибо ихъ понятія не были освѣщены великою идеею судебъ Божіихъ. Ихъ міръ оканчивался на землѣ, и предвѣчное Прозидвѣніе являлось имъ только грозною фаталическою богинею. Исторія въ древнемъ мірѣ достигла совершенства односторонняго, какъ предметъ изыскаго искусства.

Въ семъ видѣ составленъ былъ потомъ идеаль Исторіи, когда настала вѣкъ возрожденія искусствъ и

виненіе падаетъ послѣ сего на Петра Великаго, какъ на увлекавшагося ошибочною вѣрностью, и ухищренно стараются намъ доказать, что дѣла его были, такъ сказать, анохронисмомъ, даже нарушили простоты, естественный историческій порядокъ. Сія слога, сіи мѣтнія безотчетно и бессмысленно повторяемъ мы, особливо повторяютъ ихъ нѣкоторые юнцы (хотя и немногіе) соотчичи наши. Въ слѣдствіе сего запутывается и дѣлается непонятною современность наша, и какою-то мрачною тучею лежитъ передъ нами будущее.

Колѣблемые сомнѣніемъ при столѣ важныхъ вопросахъ, уже-ли уступимъ презорливой гордости Запада, согласимся съ нимъ, и смиренно позволимъ ему потемнить славу генія величайшаго? Такая уступка будетъ обида человѣчеству, не однимъ намъ, Русскимъ! — Врять-ли безусловно сомнѣніемъ Запада? Въ чемъ не сомнѣвался этотъ Западъ? Не безумствовалъ-ли онъ, отвергая даже самое бытіе Божіе, и ему-ли представлять намъ нынѣшнее состояніе свое за выводъ умственнаго, высокаго бытія? Въ нынѣшней-ли Вавилонской башнѣ спорить на Западъ слышать намъ голосъ мѣтній и спорить на Русскіе — не уступимъ Западу, и если онъ трепещетъ вещественной силы нашей, не выладимъ ему и умственныхъ нашихъ силъ! Мы имѣли уже некогда случай сказать, что Россіи суждены самобытная философія, самобытное мышленіе. Станемъ же крѣпко — примемъ на щитъ все удары нашего противника; разоблачимъ его хитрыя софизмы; таинственнымъ прошедшимъ развѣшимъ наше великое будущее, и въ жизни Петра Великаго укажемъ на свѣтозарную точку высокаго, неизмѣримаго развитія нашего. Мы не уступаемъ славы Петра и свѣтлаго генія его хитрому смеленію ложныхъ умствованій.

Исчислимъ здѣсь доводы и упреки Запада: Россія не Европа; Россія чужда ей своею исторіею; Россія

есть только громадное явленіе вещественности, въ противоположность духовному явленію Запада; Петръ Великій былъ явленіемъ ошибочнымъ, своенравнымъ, и дикимъ, такимъ, какова является его страна.

Да, скажемъ мы, не боясь: Россія не Европа; она разнородна съ ней своею исторіею и современнымъ бытомъ, но такъ-ли вы понимаете сами себя? Прежде всего, возможно-ли, чтобы такое исполненное проявленіе вещественности совершилось безъ участія духа, а отдѣльность Россіи не есть ли отдѣльность Гималаевъ отъ низменныхъ долинъ и степей Азій, и Петръ Великій не потому-ли непонятенъ вамъ, что вы мѣряете безмѣрную тѣнь его скуднымъ аршиномъ своихъ мелкихъ выводовъ?

Возвысимся надъ исторіею современною, приложимъ прошедшее къ будущему, и постараемся симъ приложеніемъ рѣшить сомнѣнія наши.

Всемогущій Творецъ премудро сочеталъ въ міръ видимомъ свои неисповѣдимыя судьбы съ установленнымъ, неизмѣняемымъ, и между тѣмъ свободнымъ порядкомъ частнаго бытія. Такъ въ природѣ движутся по непрѣмнымъ законамъ міровыя силы и вещества, а между тѣмъ совершается и частное развитіе существъ и бытій; такъ въ человѣкѣ соединена воля съ неизмѣнностью высшихъ судебъ Providentia. Чудное сочетаніе однообразныхъ, одинаковыхъ, и между тѣмъ различныхъ явленій повторяется безпрестанно, составляя единство въ многообразіи, и это естественно должно было вести Древнихъ къ идѣе фатализма, можетъ и нынѣ сбивать слабый умъ, непостигающей всесодержащихъ, высшихъ рѣшеній судебъ Божіихъ, и непрерывно новаго стремленія впередъ природы и человѣка. Сіи соединенныя единство и многообразіе ясны въ маломъ и великомъ. Листья дерева всѣ одинаковы, и между тѣмъ нѣтъ двухъ, совершенно сходныхъ между со-

нїя лѣсоводовъ, и тѣхъ, къ кому прямо это дѣло относится.

Въ семь случаевъ, мы осмѣлимся указать на *Журналъ Садоводства*, который съ Новаго года начало издавать въ Москвѣ, учрежденное тамъ, съ Ноября 1835 года, Общество любителей садоводства. Журнала этого вышло двѣ книжки (всего будетъ шесть). Посвящая небольшую часть общимъ основаніямъ науки, журналъ этотъ представляетъ намъ всего болѣе *практику*, приложеніе науки къ его предмету основному. Исчисленіе статей, которыя собственно не подлежатъ даже теоретическому разбору, ибо заключаютъ въ себѣ чистую практику, докажетъ слова наши. Вотъ статьи втораго отдѣленія журнала: «Изящная сторона садоводства; о частяхъ сада; о содержаніи растеній; о содержаніи тепличныхъ растеній; о мхахъ и пользѣ ихъ; о пристановкѣ плодовыхъ деревъ и земляники; о выборѣ персиковыхъ деревъ; о содержаніи въ грунтъ Голландскихъ луковицъ; о содержаніи розъ, разведеніи поленки (прекрасной, вкусной ягоды, имѣющей вкусъ ананаса, роскоши нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, которой множество родится въ Сибири, гдѣ зовутъ ее *кляжешикой*), разведеніи кліантуса (красиваго пунцоваго цвѣта, недавно вывезеннаго изъ Новой Зеландіи), болѣзняхъ растеній, и проч.— Нельзя еще не упомянуть о статьяхъ: *Опытъ ботаническаго календаря, или время цвѣтенія дикорастущихъ растеній Московской Губерніи*, составленнаго по 9-ти лѣтнимъ опытамъ на мѣстѣ, графомъ М. В. Толстымъ; лекціи теоретической ботаники, И. О. Шаховскаго, и статьи о предныхъ насѣкомыхъ въ садоводствѣ. — Въ *Смѣси* книжекъ находимъ любопытныя мелкія извѣстія, и свидѣнія объ Обществѣ любителей Садоводства. Покровительствуемое Высочайшимъ вниманіемъ Государыни Императрицы, въ два года, при пособіи и трудахъ членовъ и почтенныхъ любителей садоводства, оно

оказало успехи необыкновенные, учредило садоводственную школу, ободряет садоводственную промышленность, производит опыты, наблюдения, улучшения по всем частям этого приятного и полезного занятия, созданного человеком, и украсившего собою природу. Въ распоряженіе Общества поступила собственная дача Государыни Императрицы, именуемая *Студенецъ*, прежде принадлежавшая Графу А. А. Закревскому. Знающіе Москву, конечно, знаютъ, что на этой-то дачѣ находится знаменитый *Трехъ-горный колодець*, вода котораго славится въ Москвѣ самую лучшую и самую здоровую. — Впрочемъ, дѣйствія Общества уже извѣстны изъ статей, помещаемыхъ въ Ведомостяхъ, и остается присовокупить, что *журналъ*, начатый Обществомъ, показываетъ вполне дѣятельность и познаніе предмета почетныхъ членовъ его.

Н. ПОЛЕВОЙ.

II

знаній. Но Исторіи слѣдовало послѣ того подвергнуться еще многимъ различнымъ соображеніямъ. Краснорѣчивое, хотя-бы и систематическое повѣствованіе о судьбѣ царствъ и народовъ, нынѣ уже не удовлетворяетъ насъ, если только «повѣствованіе» составляетъ цѣль историка. Также неудовлетворительно оказывается одно критическое изложеніе историческихъ предметовъ, и даже самая высшая философія исторіи — это собственно только ученая история предмета, какъ исторія учебная составляетъ собою преимущественное направленіе къ пользѣ.

Кажется, безспорно можемъ утвердить, что философическое воззрѣніе, освѣщенное святою вѣрою въ предвѣчную мудрость и неистощимую благость Провидѣнія, пояснило намъ сущность бытія человека. Безчисленныя событія преходящаго міра, сіи торжества и паденія, сіи гибельныя войны и политическія перемѣны царствъ и народовъ, не кажутся уже намъ бессмысленною цѣпью дѣяній, конхъ начало безвѣстно и конецъ незнаемъ. Среди многообразныхъ явленій жизни человѣческихъ обществъ, мы во всемъ видимъ одну великую, основную идею жизни человечества, какъ собранія всѣхъ частныхъ бытій и существованій, и разсматривая каждое общество, каждаго человека, каждое дѣяніе его въ связи съ жизнью всего человечества, открываемъ всему различію надлежащее мѣсто. Здѣсь исчезаетъ убивающій душу фатализмъ; сердце наше улаживается вѣрою, любовью и надеждою; умъ удовлетворяется разгаданною тайною бытія человеческого.

Надобно-ли намъ доказывать здѣсь нашу мысль, и опровергать мнѣнія тѣхъ, которые, какъ будто гордятся слабостью ума человеческого, въ этой слабости находятъ доказательства невозможности проникнуть въ таинственныя судьбы Провидѣнія — да-

6 стр. влево

же почитаютъ самое покушеніе на то дерзкимъ и неприличнымъ челоѣвкѣ?

Если бы дѣло шло объ умѣ одного челоѣвка—такъ, и мы согласны: онъ слабъ и ничтоженъ, какъ слабы и ничтожны физическія силы челоѣвка. Но сколь величественъ и могущъ является намъ умъ нашъ, когда разсматриваемъ его, какъ собраніе всѣхъ умовъ челоѣвческихъ! Подобно тому, какъ физическимъ силамъ челоѣвка покоряется природа, и цѣлый міръ предается его воли, такъ все покорено и предано уму челоѣвческому, руководимому вѣрою, и сознающему ничтожество свое только предъ премудростію Бога, предъ коимъ и мы, и міръ нашъ, и вся постижимая нами вселенная преходящи и ничтожны. Умъ челоѣвка проникаетъ въ глубь морей, въ высоты воздушныя, къ недра земли, измѣряетъ, исчисляетъ, взвѣшиваетъ природу, и могъ-ли онъ не обратиться на изслѣдованіе задачи собственнаго бытія своего? Могъ-ли не увидѣть, что здѣсь въ прошедшемъ заключается повѣрка *настоящаго*, и что прошедшее и настоящее суть двѣ послышки великаго силлогизма истины, разрешаемыя потомствомъ въ томъ, что для предковъ его составляетъ *будущее*? Покушенія на такое изслѣдованіе современны, можетъ быть, первой мысли челоѣвческой, и освѣщенный религіею, неумирающей умъ челоѣвка являлъ донынѣ великіе, прекрасные опыты подобнаго труда. Онъ замѣтилъ однообразіе причинъ и послѣдствій въ судьбахъ царствъ и народовъ; увидѣлъ, что самыя бѣдствія ведутъ къ добру и благу людей; что совершенствованіе челоѣвка, нравственное и физическое, есть выводъ исторіи. И здѣсь то оправдывается мысль Карамзина: «Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижали откровеній и правилъ; заветъ предковъ къ по-

томству; дополненіе, изъясненіе настоящаго, примѣръ будущаго».

Не будемъ говорить, какъ и въ какомъ объемѣ должна быть писана исторія, сообразно изложенной нами мысли. Пусть умъ историка приготовится познаніемъ и критикою матеріаловъ и событій (предварительное, всеобщее приготовленіе богатствами науки и свѣдѣній подразумѣвается уже само собою); пусть потомъ подробности будутъ имъ тщательно изслѣдованы, и сведены къ одной цѣли, одному выводу. Главное — этотъ выводъ, эта цѣль; главное: идея историческаго труда. Какъ, и въ какія формы облечь ее? рышать обстоятельства и частныя соображенія. Скажемъ только, что по нашему мнѣнію, форма изыщнаго повѣствованія, удавленнаго отъ излишнихъ риторическихъ прикрасъ, отъ ненужныхъ украшеній искусства, повѣсть сжатая въ мысль, вѣрная, простая, и потому высокая въ слогѣ, скрывающая критическое и ученое основаніе, и строгую систему изложенія въ живомъ разсказѣ дѣлъ и событій, будетъ составлять самую приличную, изыщную и соответственную внутренней сторонѣ внѣшнюю сторону, или внѣшнюю форму великой идеи, о которой мы говорили. Блестящій рядъ опытовъ подобнаго труда представляетъ намъ цѣль великихъ твореній, начиная съ Фукидида и Тацита, продолжаясь въ сочиненіяхъ Боссюэта, Робертсона, Гиббона, Гердера, I. Миллера, А. Тьерри, которыя, при частныхъ недостаткахъ, всегда останутся безсмертными памятниками трудовъ ума челоѣвческаго.

И нигдѣ, и никогда не чувствуемъ мы потребности и важности такой исторіи, въ которой стройно была-бы развита высшая идея жизни челоѣвчества, какъ обращающа вниманіе на какойнибудь огромный предметъ историческій — рядъ событій великихъ, или жизнь челоѣвка достопамятнаго и великаго, рав-

но выходящая из ряда событий и жизни мира обыкновеннаго. Нашъ умъ поражается здѣсь безотчетнымъ изумленіемъ, или вевольнымъ страхомъ, какъ будто въ гремящую бурями грозу, или при появленіи великолѣпнаго, неслыханнаго явленія природы. Мелкія послышки, частныя поясненія оказываются тогда недостаточными для понятія. Неужели признаемъ здѣсь свое бесиліе, и въ недоумѣніи отступимъ передъ изумляющимъ величіемъ предмета? Нѣтъ! здѣсь - то и открывается человеку поприще высшей его дѣятельности, здѣсь-то и высится громадный Химборазо, на который должно взойти отважному наблюдателю. Великій трудъ его вознаградится великими, новыми открытіями, которыя распространять область вѣдѣній человеческихъ. Если вамъ предлежитъ что либо здѣсь непонятное, значить, что вы не достигли еще главной вершины нашего предмета. Остановитесь только тамъ, гдѣ самыя непреоборимыя для человека преграды скажутъ вамъ: *non plus ultra!*

Возьмемъ примѣромъ грозное, кровавое, великое разрушеніе Римской Имперіи, и послѣдовавшая за тѣмъ нашествія варваровъ и вѣка варварства. Не съ безмолвнымъ ли изумленіемъ смотрѣли на нихъ прежде историки, и не обрекали-ль они какой-то непостижимой тѣмъ, и причины, приведшія сіи событія на сцену міра, и слѣдствія, какія образовались изъ нихъ? Но испытующій умъ человекъ не удовлетворился и проникъ далѣе: онъ увидѣлъ въ мнимомъ безпорядкѣ стройное развитіе, извлекъ выводъ добра изъ міра губительныхъ золъ, и прибавилъ новое поясненіе къ книгѣ судебъ прошедшаго, новое доказательство благодати Божіей, ведущей самымъ зломъ къ добру; рѣшеніе вопроса открыло обширный рядъ истинъ, дало поясненіе будущему, и какой великій урокъ опытной мудрости представило оно, доказы-

вая, что благо не исчезало для человечества и въ гибельное время Среднихъ Вѣковъ, и что сіи вѣка были притомъ переходомъ къ большому благу, къ большому совершенству человеческому!

Какъ-же достигъ столь великой изъяснительной идеи умъ человеческій? Высшимъ взглядомъ философическимъ, высшимъ воззрѣніемъ на географію и исторію. Онъ увидѣлъ, что Римъ былъ послѣднимъ довершеніемъ, самымъ полнымъ развитіемъ древняго міра, и что варвары, въ дикомъ бытѣ своемъ, составляли элементъ для новой общественной жизни. Раздвиженіе Рима расшевелило сей элементъ, произвело сшибку, и старое, дряхлое, должно было пасть, по неизмѣнному закону паденія ветхаго и ослабѣншаго передъ новымъ и сильнымъ. Между тѣмъ, судьбы Божіи явили міру новую, истинную вѣру; смѣшеніе стараго и новаго элемента произвело новый образъ общественности, буйство котораго укротилось потомъ въ формахъ монархіи и Христіанства. Вотъ главныя послышки силлогизма, которыми разрѣшается тма и безуміе Среднихъ Временъ. Сообразите послѣ сего состояніе древняго человека и постепенность перехода его въ Среднія Времена, вы убѣдитесь, что онъ не былъ несчастливѣе въ сіи годы ужасовъ, въ сравненіи съ предками своими. Но сообразите потомъ далѣе, какъ выше явились человекъ и міръ, если сличить міръ Древнихъ прямо съ міромъ новымъ.

Такъ поступаетъ нынѣ Исторія, оправдывая великое свое назначеніе. Говоря о Среднихъ Вѣкахъ, скажемъ, что до сихъ поръ не явилось еще историческаго сочиненія, которое изложило бы намъ въ достойной повѣствовательной формѣ полную ихъ идею. Вопросъ былъ такъ великъ, что мы донынѣ не кончили еще обработки для него матеріаловъ. Труды Монтеסקье, Робертсона, Гиббона, Галлама, Са-

винья, Пертца, Тьерри, и множества другихъ, все еще не восполнили приготовительныхъ работъ, которыя въ будущихъ вѣкахъ представить въ систематическомъ порядкѣ, и обмечетъ въ изящную повѣсть новый Робертсонъ XX-го вѣка, превышающій столько-же Робертсона XVIII-го вѣка, сколько этотъ вѣкъ превзойдетъ своего предшественника.

Отъ сихъ общихъ истинъ, мы перейдемъ на непосредственное приложеніе ихъ къ предмету, о которомъ хотимъ мы говорить нашимъ читателямъ — этотъ предметъ составляетъ для насъ Исторія Петра Великаго, а поводъ къ нему подастъ новое изданіе труда почтеннаго историка нашего Голикова.

Исторія людей великихъ можетъ, должна быть, и бываетъ такъ-же важна и велика, какъ исторія царствъ и народовъ. Тѣмъ труднѣе являютъ ся разгадка и объясненіе, что иногда великій человекъ являетъ собой результатъ многихъ вѣковъ и многочисленныхъ событій предшествовавшихъ, начиная въ будущемъ новыя эпохи и событія, часто жизнью кратковременною, нерѣдко даже мгновеннымъ своимъ появленіемъ. Жизнь толпы сосредоточивается въ жизни избранныхъ посланниковъ Божіихъ на землѣ, и ими движется она и управляется. Каждое великое событіе имѣетъ своего высшаго представителя, и какъ часто онъ является въ міръ на минуту, въ рѣшительный часъ, иногда только погибнуть, и только гибелью своею дать новую жизнь другимъ. Можно вообразить себѣ всю трудность изъяснить появленіе такого человека на землѣ, и какъ еще увеличивается эта трудность, когда созерцаемый нами человекъ выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ нашего мысленія и воображенія! Но изъяснить его, узнать идею бытія его необходимо, ибо безъ того все останется для насъ темно и непонятно въ жиз-

ни и дѣлахъ его, и слѣдственно, въ судьбахъ народа, гдѣ, и судьбахъ вѣка, когда являлся онъ.

Что существуетъ въ мірѣ, то необходимо для его существованія — истина безспорная — и тѣмъ необходимымъ должно быть явленіе великихъ. Но убѣдись въ сей истинѣ, мы еще не приступили къ самому рѣшенію задачи объ нихъ. Здѣсь предлежитъ трудъ огромный: узнать, извѣдать жизнь великаго человека, рассмотреть весь его дѣянія, вывести изъ жизни его одно цѣлое, стройное и систематическое. Далѣе, съ одной стороны должно быть положено изслѣдованіе о томъ, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ; съ другой разрѣшеніе того, что было слѣдствіемъ его жизни и дѣяній. Для того и другаго потребно глубокое познаніе исторіи его народа, и вѣковъ предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ послѣ него. Между тѣмъ не должно еще упускать изъ вида смятеній и бурь собственной жизни его, даже ошибокъ, въ какія иногда впадалъ человекъ великій, какъ человекъ, препятствій, которыя производили косвенность въ жизни его, и въ самыхъ слѣдствіяхъ надобно отдѣлать прямое вліяніе его, какъ вліяніе обширной рѣки въ океанъ неизмѣримый, и соединеніе съ нимъ послѣдовавшихъ потомъ, постороннихъ обстоятельствъ. Какаѣ обширная, сложная, огромная задача!

И можетъ быть, ни одинъ изъ великихъ дѣятелей въ мірѣ не являлъ собою вопроса, столь обширнаго, сложнаго и огромнаго, какъ Петръ Великій. Явленіе Петра, жизнь его, дѣла, слѣдствія дѣлъ его, заставляютъ воображеніе наше невольно изумляться при возвращеніи на сего безмѣрнаго исполина нравственнаго міра!

Мало того, если мы знаемъ, что онъ *былъ великъ* — величіе бываетъ различно. Мало того, что мы видимъ въ немъ законодателя, полководца, завоева-

теля преобразителя; говоримъ, что онъ создалъ у насъ науки, флотъ, войско. — Для чего было все это? Къ чему повело оно? Было-ли явленіе его дѣйствительно столь необходимо въ міръ, и именно, въ известное, данное время? И почему было оно притомъ столь многообразно?

Необходимо все это рѣшить, ибо безъ того, всѣ сужденія наши о Петрѣ будутъ не точны, и жизнь его представится намъ, или въ превратномъ, или неполномъ объемѣ.

Осмѣлимся прибавить, что въ настоящее время намъ особенно, не только любопытно, но даже весьма важно рѣшеніе изложенныхъ здѣсь вопросовъ.

Современное образованіе наше, не полное, не достигнувшее надлежащаго, самобытнаго развитія, неминуемо должно увлекаться голосомъ и мнѣніемъ другихъ народовъ, предупредившихъ насъ развитіемъ, особливо въ поколѣніи юномъ, иногда болѣе прельщаемомъ рядомъ блестящихъ софизмовъ, нежели основательнымъ сужденіемъ. Отдѣльное отъ остальной Европы историческое бытіе наше, отдѣльность нашего современнаго политическаго быта, положеніе наше между Востокомъ и Западомъ, новая, столь недавно начатая нами Европейская жизнь, и соединеніе ея съ элементами прежняго нашего бытія — кого не поразить все это, и можетъ ли все это быть разрѣшено безъ глубокихъ и обширныхъ, предварительныхъ изслѣдованій? И вотъ Западъ Европы, которому мечтаемъ мы какимъ-то грознымъ привидѣніемъ только одной вещественной силы, не понимающей насъ, самолюбивый и гордый, обрекаетъ насъ Востоку, исключаетъ насъ изъ Европейскаго міра, и новое, современное образованіе наше называетъ насильственнымъ произволомъ воли чловека могущаго, который не понималъ однакожъ самъ, куда и къ какой цѣли ведетъ онъ Россію. Тяжкое об-

бою листочковъ. Судьбы всѣхъ царствъ однообразны, и — нѣтъ двухъ чловековъ, двухъ жизней чловеческихъ совершенно похожихъ одна на другую. Что такое царства и народы? Преходящія явленія непреходящей жизни чловечества, которымъ суждено, какъ чловеку, родиться, жить, старѣться и умирать. Каждое изъ нихъ одинаково и разнообразно исполняетъ свое развитіе. Такое развитіе всегда является въ четырехъ видахъ — религіи, философіи, политикѣ и искусствѣ. Кромѣ однообразія частныхъ не видимъ-ли однообразія и въ самыхъ великихъ объемахъ этихъ частныхъ? Одинаково состоятъ они изъ взаимной борьбы двухъ стихій, двухъ сторонъ — Востока и Запада, одного громаднаго, обширнаго, другаго мелкаго, раздробляющаго; одного, въ которомъ, такъ сказать, вещественность составляетъ наружность скрытаго внутри духа, и другаго, у котораго духъ составляетъ наружность и скрытой внутри вещественности. Начало всего на Востокъ, конецъ всего на Западъ — даже и вечеръ дня нашего. Востокъ налегаетъ громадною вещественностью, гдѣ всегда скрыты новыя сѣмена духа; Западъ отбиваетъ вещественность силою прежняго образованія, всегда уступаетъ, беретъ себѣ новыя сѣмена жизни, и оживаетъ въ борьбѣ для новаго развитія. Въ этомъ заключалась исторія чловечества съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Повѣримъ идеи наши фактами, замѣтивъ здѣсь предварительно еще одинъ неизмѣнный законъ, состоящій въ томъ, что всѣ и каждая идея частнаго началась съ общимъ, или лучше сказать, что все началось со всѣмъ, но каждой идее слѣдуетъ итти чрезъ борьбу, быть поглощенной вещественностью, и потомъ развиться въ высшемъ, лучшемъ духѣ. Одно другому даетъ жизнь, одно другое поглощаетъ, одно другому передаетъ притомъ запасъ для новаго бытія, и для новыхъ

явлений. Такъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ. Разсмотрите географію Востока и Запада, и вы увидите тождество идей географической и физической. Сообразите даже самую высокую, божественную идею религіи въ міръ человечества. Начавшись съ началомъ міра, она погрузилась во мракъ мифовъ, заблуждений, идолопоклонства, хотя мысль о Богѣ никогда и нигдѣ не изглаживалась. И какъ солнце, засіяла потомъ истина во мракъ — засіяла на Востокъ, но проявилась она на Западъ, или въ Европѣ, оставляя свое неполное, первоначальное развитіе Востоку. Отъ великаго возьмемъ малый примѣръ: Востокъ зналъ компасъ, книгопечатаніе и порохъ, но только Западъ провелъ сіи идеи до развитія полного.

Послѣдуемъ теперь за исторію человечества собственно. Оно началось на Востокъ, и громадными грубыми массами двигалось во всѣ стороны, но главное стремленіе было въ Европу. Сюда двинулось оно тремя элементами — какимъ-то раздробляющимъ и обобщающимъ, *Пелазгами*, какимъ-то тяжелымъ, скрѣпляющимъ, *Славянами*, и наконецъ сильнымъ, живительнымъ, *Германцами*. Первое раздвинулось на западъ и югъ; второе улеглось за нимъ къ востоку и на сѣверъ; далье между востокомъ, западомъ и въ сѣверъ разлилось третье.

Первое (Пелазги) развило изъ себя *Древній Европейскій міръ*, явило его въ поэтической мифологіи, практической философіи, мелкой общественности и изящныхъ искусствахъ. — Въ Азіи совершались между тѣмъ свои громадные перевороты, создавались свои символическія мифологіи, была своя политика въ массахъ Индіи и Персіи, воздвигались чудовищные города и храмы. — Міръ Европейскій почувалъ наконецъ сознаніе своей силы, и скрѣпленный въ массы великія, двинулся онъ на Востокъ обратно, въ лицѣ Александра Македонскаго и Римлянъ. — На

время побѣжденный, Востокъ возсталъ и совершилъ свое второе, обратное движеніе на Западъ; движеніе это было страшнѣе и могучеѣе прежняго; это была явная борьба Востока и Запада, и истощенный Западъ и Древній міръ его погибли подъ тяготой неравной битвы, продолжавшейся отъ перваго движенія варваровъ на Римъ до Монголовъ, которые воздвигли между тѣмъ власть свою на развалинахъ прежняго древняго Востока.

Сообразите слѣдствія: мѣста дѣйствія перемѣняются — въ Азіи, уже не изъ Индіи и Персіи движется Востокъ, но изъ средины Азійской. Упадая на Западъ, новый переворотъ поглощаетъ Грецію и Римъ, и переноситъ далье свое преобразование, въ Иберію, Галлію, Британію, Германію. Но тамъ, гдѣ процвѣтала древній міръ, въ Италіи и Греціи, остаются главныя мѣста преобразования, въ слѣдствіе коихъ явилась въ міръ новая, истинная религія, новая философія схоластическая, новое искусство, новая политика въ системѣ феодализма, и образовались новыя западныя царства.

И едва кончился переворотъ — новое движеніе повлекло человечество съ запада на востокъ, для образованія новаго міра, между которымъ и древнимъ, пролегла періодъ времени, столь справедливо названный *Средними Вѣками*.

Второе движеніе Запада на Востокъ составили *Крестовыя походы*. Надобно было въ нихъ уравниваться стихіямъ новой Европейской общественности, феодализму погибнуть, государствамъ слиться въ крѣпкія монархическія тѣла, власти религіозной и политической возвыситься, народамъ получить новый порывъ дѣятельности въ ученіи и искусствахъ. — Востокъ встрѣтился съ Западомъ, въ свою очередь волнуемый своеобразными современными измѣненіями; тамъ была уже новая религія, исламизмъ, вмѣсто грубаго

баснословія, Индійскаго и Перскаго; было новое образованіе, Аравійское, и новое цвѣтистое искусство, вмѣсто громаднаго Персидскаго и Индѣйскаго. — Отраженіе Востока слѣдовало за ударомъ Запада — орды Турецкія вторглись въ Европу, и завоеваніе Царяграда кончило періодъ, начатой Крестовыми походами.

Но гдѣ-же между тѣмъ скрывалась, и откуда явилась въ западный міръ живительная стихія, подобная вторженію варваровъ въ міръ Древній? Эту стихію составили собою *Нордманы*, поколѣніе Германское, закаленное въ снѣгахъ Скандинавіи.

Еще разъ сообразите слѣдствія: мѣсто дѣйствія въ Европѣ и въ Азіи раздвинулось еще далѣе, нежели прежде; оно обняло уже Азію отъ предѣловъ Китая и Сибири до Индѣйскаго Океана, и если сосредоточивалось оно опять на западъ Азіи, какъ точкѣ соединенія съ Европою, то слѣды его отозвались и въ Монголіи, и въ Китаѣ, и въ Сибири. Въ Европѣ раздвинулось оно до самыхъ сѣверныхъ краевъ ея; этого мало — Европейцы двинулись на востокъ, и открыли Новый Свѣтъ, и обошли новымъ путемъ въ Азію, обрѣли земли неслыханныя на Австралійскихъ моряхъ. И какая дивная драма представляется потомъ въ Европѣ въ теченіе трехъ столѣтій, начиная съ завоеванія Царяграда и открытія Америки, до 1812 года, когда Западу въ первый разъ было указано его безсиліе политическое! — Какое разнообразіе и обиліе въ искусствахъ, наукахъ, позрѣтеніяхъ! Сколько паденій, начиная съ паденія Папы до паденія Наполеона! Подумаете, соображая событія съ XV-го вѣка, что человѣчество истощило все силы свои, перебрало все мѣтнія, все идеи, познало весь міръ вещественный и испытало весь міръ духовный. Въ какихъ обширнѣйшихъ формахъ являютя философія, политика, искусство! И диво-ли, что многимъ

мыслителямъ западнымъ приходило въ голову, будто міръ прожилъ свой вѣкъ, что онъ состарѣлся, и будто нынѣшній западъ есть послѣднее, высшее и окончательное явленіе человечества!

Но они ошиблись. Міръ и человечество точно имѣютъ свои возрасты, но еще далеко не наступила старость его, и боязнъ современной дряхлости западныхъ философовъ, есть то же, чѣмъ было суевѣрное ожиданіе кончины міра въ X и XV вѣкахъ. Человѣчество совершило въ нашихъ глазахъ только новый временный кругъ, заключило *Исторію новую*, которая длится съ XV вѣка. Теперь наступаетъ только опять новый періодъ, который, если угодно, назовите *Исторію новѣйшею*.

Приступая къ разсмотрѣнію сего *современнаго* періода, будемъ соображаться съ выводами прежняго.

Необходимо, что нынѣ мѣсто дѣйствія будетъ еще обширнѣе всехъ прежнихъ. Дѣйствіе это будетъ сложнѣе, ибо обойметъ не только политическое завоеваніе, не только религіозную борьбу, но весь бытъ Востока и Запада, все идеи человечества. Оно должно начаться движеніемъ съ Востока, но движеніе это не будетъ подобно первобытнымъ переселеніямъ народовъ, не будетъ только воинственно и разрушительно, какъ было въ началѣ Среднихъ Вѣковъ, не будетъ только воинственно и религіозно, какъ было въ концѣ ихъ. Оно заключитъ въ себя власть духа и вещества, идеи и вещественности.

Сообразите современное положеніе міра, и вы убѣдитесь въ вѣрности выводовъ.

Касаемо всообъемлемости дѣйствій, не видите ли, какъ нынѣшній объемъ превосходитъ все, что было видимо въ Древнихъ и Среднихъ Вѣкахъ? Географически обхвачена человѣкомъ вся земля; нѣтъ на ней мѣста, неизвѣстнаго человѣку! Европейецъ дошелъ до крайняго леднаго предѣла сѣвера Амери-

ки; перешелъ за стѣну Китая, проникъ въ палатія стени Африки, вдвинулъ въ политическій бытъ свой Азію и Америку. — Далѣе, это завоеваніе чловѣка не только вещественно — оно движеть столько-же умственно, сколько и вещественно. Европейецъ узналъ тайны древняго Востока, и пынѣшнее свое образованіе ведетъ туда наряду съ политическимъ завоеваніемъ: онъ покоряеть и преобразуетъ Египеть, Турцію, Индію, созидаетъ новый политическій бытъ въ Океаніи, и обратно въ свое многостороннее образованіе включаетъ всѣ формы, всѣ виды философіи, всѣ политики, всѣ искусства.

Но что время новой исторіи совершило свой періодъ—это очевидно. Быстрыя измѣненія въ политикѣ; исполненіе въ годы того, что прежде дѣлалось вѣками; выходящее изъ всякой мѣры движеніе и раздвиженіе общественной жизни; гибель всякихъ положительныхъ основаній въ искусствѣ; какое-то неопредѣленное, само себя непонимающее стремленіе къ чему-то новому и неизвѣстному во всемъ, доказываютъ, что Западъ состарѣлся и одряхлѣлъ. Напрасно будутъ говорить тамошніе мыслители, что онъ сталъ теперь на высшей стени образованія, просвѣщенія, общественной силы. Образованіе его упало въ послѣднюю крайность анализа, если смѣемъ такъ сказать; просвѣщеніе его потеряло всякую теорію; общественныя силы его безсознательно борются, и изъ всего этого не можетъ создаться ни что общее, ни что для новой, положительной, синтетической, такъ сказать, жизни чловѣчества. Западу надобенъ новый элементъ, нужно новое начало жизни.

Откуда можетъ оно явиться! Неизбѣжно съ Востока. Но гдѣ же сей Востокъ? Страны Древняго и Средняго образованія, Индія, Аравія, средняя Азія не имѣютъ уже нетронутыхъ рудниковъ жизни; они сами подвергаются западному вліянію. Кромѣ того—

необходимое условіе: преобразователь въ будущемъ, оживляющее начало жизни должно заключить въ себя всѣ элементы, силы завоевательной, религіозной, искусственной, уравниваться съ западомъ, и превысить его мощью внутренней духовной и внѣшней вещественной силы. — Дикаго переселенія варваровъ, меча Аттилы, реформы исламизма было бы теперь недостаточно. И притомъ, кромѣ таинственнаго Китая, Азія не представляетъ намъ ничего общаго въ огромной массѣ. Пусть-же дадутъ намъ отвѣтъ западные мыслители, откуда должно явиться начало новѣйшей исторіи, элементъ новой, живительной силы общества?

Мы предупредимъ ихъ нашимъ отвѣтомъ: онъ явится съ сѣвернаго Востока; онъ будетъ проявленъ Россією, нашимъ великимъ отечествомъ, которому Божіе Провидѣніе готовитъ въ будущемъ судьбу вѣковую и міровую.

Если вы признали справедливость нашего обозрѣнія Древней, Средней и Новой Всеобщей Исторіи, если вникнули въ смыслъ неизмѣнныхъ законовъ исторіи, если вѣщаніе прошедшаго пояснило для васъ судьбу будущаго, если наконецъ не ослѣпляетъ васъ гордый эгоизмъ и чуждое умствованіе, взгляните съ сей точки зрѣнія, вы разгадаете сущность настоящаго состоянія Россіи, ея географію и исторію. Тогда поймете вы ея громадность, ея положеніе на сѣверѣ, между Западомъ и Востокомъ, равно причастное тому и другому, и съ тѣмъ вмѣстѣ отдѣльное и самобытное. Вы поймете, почему Россіи надлежало не быть въ Европѣ, и не участвовать въ новой исторіи Запада, и между тѣмъ не быть дѣйствителемъ и въ прежней исторіи Азіи, отдѣлиться и отъ географіи Азіатской. Вамъ понятны будутъ ея географическая величина, ея историческая и нравственная отдѣльность, ея самобытное, духовное и этнографическое разнообразіе.

Но если еще встречаете вы недоуміе, то пройдите мыслью исторію Россіи, и она убѣдитъ васъ, что Россія до нынѣ только готовилась для будущаго, что только теперь начинается она свою полную жизнь. А между тѣмъ, она прошла школу вѣковъ, подобно Западу, и жизнь ея совершалась въ тождественныхъ съ западною исторіею явленіяхъ, представляя только исполинскіе размѣзы событій въ началахъ, которыя потомъ развиваются въ изумительныхъ подробностяхъ послѣдствій. Это судьба всего міроваго, вѣковаго, восточнаго. Взглянемъ на факты.

До начала Исторіи Среднихъ Вѣковъ, земли, гдѣ суждено было литься Россіи, остаются пустынею, мѣстомъ разгульнаго перехода изъ Азіи въ Европу, и движеніе народовъ втѣсняетъ въ нихъ одинъ изъ древнѣйшихъ элементовъ европееннаго Востока, элементъ тяжелый, мирный и самобытный, равно отличный отъ восточныхъ остатковъ, заселившихся около него въ Россіи, и отъ Германскаго и Скандинавскаго міра. Это *Славяне*. Та сила, которая, какъ гальваническая искра сливалась западъ въ единство, Норманны проникаютъ въ грубыя, мирныя массы Славянъ, и образуютъ отдѣльное, самобытное бытіе. Земледѣльчeskій, религіозный Славянинъ задерживаетъ собою быстрыя ладьи Варяга, и вмѣстѣ съ нимъ даетъ начало государству, съ особенною феодальною системою, которая просвѣщается свѣтомъ истинной религіи прямо отъ Византійца, съ установленіемъ особенной церковной іерархіи, особеннаго права княжескаго, но по тождественнымъ съ Европою, хотя и не западнымъ, но и не восточнымъ основаніямъ.

Европа опредѣлила между тѣмъ политическія свои формы, начинается и совершаетъ Крестовые походы. Періодъ ихъ, какъ равно періодъ насильственныхъ переселеній съ Востока народовъ оканчиваются. Рус-

ское государство становится оплотомъ Европѣ противъ послѣднихъ Азійскихъ варваровъ, и борьба его съ этими варварами, и образованіе монархіи Русской, царства Россійскаго, не соответствуютъ-ли совершенно Европейскимъ періодамъ Крестовыхъ походовъ и установленію въ Европѣ монархизма?

Западъ начинается свою внутреннюю жизнь; расчетъ его съ Востокомъ и Средними Вѣками оконченъ. Кто остановить теперь стремленіе остатковъ Скандинавской силы въ Европу, уже не нужнаго? Кто уничтожить влившуюся въ Европу обратнымъ отраженіемъ силу Востока, въ лицѣ Оттомановъ? Россія готова на подвигъ. Она укрѣпилась въ идеѣ единовластія, въ крестовой брани съ Монголами, въ битвахъ съ сосѣдями. Она благословена Богомъ въ лицѣ Іоанна III-го и въ лицѣ Михаила Романова. Напрасно тревожатъ ее съ сѣвера и съ запада сосѣднія государства. Она стоитъ крѣпко, но какъ выдержать ей борьбу съ превышающими формами образованія непріятелей, и съ вещественными силами Оттоманскими? Ей надобно самой принять эти формы, это образованіе. Иначе нельзя. Только двѣ формы существуютъ въ мірѣ — восточная и западная. Но исторія Россіи доказала, что Россіи не суждены формы Востока и исторія Востока. Третья форма скрывается въ будущемъ, но для образованія ея, Россіи надлежитъ, такъ сказать, поглотить, совмѣстить въ себѣ обѣ прежнія формы. Уже принимавшая формы Востока, и измѣнившая ихъ, Россія кажется чуждою, враждебною Западу, отъ котораго отдѣляется, по видимому, вѣками. Да, что такое вѣка въ судьбахъ Божіихъ? «Тысяща лѣтъ предъ Тобою, яко день единъ» — говорилъ вѣчноносный пѣвецъ, и Богъ посылаетъ Россіи преобразителя, мужа судьбы — это Петръ.

О, какъ велика судьба его, какъ невыносимъ его подвигъ — пересоздать Россію, двинуть ее на вели-

кій, настоящий путь, изгладить въка, раздвляющие ее отъ Запада, и все это совершить въ краткій въкъ чловѣка, докончить *лѣтопись*, начать *исторію* Русскую! Ведомый Богомъ, онъ все совершить.

И онъ все совершаетъ! И Россія съ новою жизнью, Россія развила въ себѣ западный элементъ. Она побѣждаетъ Польшу, Швецію, Турцію, соединяетъ собою разорванную систему исторіи Востока и Запада, вливаетъ новое звѣно въ цѣпь событій, которымъ будущее связывается съ прошедшимъ.

Не бойтесь, если преобразование Петра кажется вамъ касающимся только внѣшности — все такъ создано въ міръ, что внутренняго достигнуть можетъ только чрезъ внѣшнее. Дождь, проливаетъ потоки свои на поверхность земли, чтобы проникнуть имъ въ нѣдра ея. — Не бойтесь, что преувеличенный потокъ измѣненій хлынетъ разрушительно съ Запада; восточные элементы Россіи такъ велики, такъ самобытны, что все западное послужитъ только къ проявленію новой формы ихъ. Не бойтесь и того, что испуганный величіемъ явленія и самобытностью его, Западъ устремится на востокъ, и захочетъ разрушить Россію. Теперь не его чреда, и сила его не достанетъ сломить исполна. Пусть во главу двадцати народовъ станетъ самый смѣлый геній Запада и двинется на Русь — какъ отъ твердаго утеса волны, отхлынетъ брызгами его разбитая сила!

Теперь сообщите настоящую Россію. Географическое пространство, непрístupное Западу, сдвинутое съ Азією, и раскинувшееся въ Америку. Физическія богатства, готовыя проявиться въ столь многообразныхъ климатахъ государства, ископаемыми, прозябаніями, торговыми удобствами, изумительною способностью нашихъ промышленниковъ все принять, все употребить. Характеръ народа, съ восточнымъ

основаніемъ въ западныхъ формахъ, и съ важностью съвера, чудесною изыскательностью ума, готовностью, смѣлостью, крѣпкими тѣлесными формами. Религія святая, чистая, первобытная, не испытывавшая соблазновъ Запада, не думавшая о политической власти, истинная дщерь неба въ земной одеждѣ. Языкъ звучный, богатый, не рабъ запада, и чуждый восточнаго, но способный все принять, могущій все выразить, при удивительной свободѣ въ своемъ развитіи. Политическое, глубокое основаніе въ великой идѣ самодержавія и единовластія, которую можно назвать общественною религією нашею въ общности и политикѣ. Вотъ элементы, вотъ основанія Русской земли, Русскаго народа, и неужели вы видите въ нихъ признаки только вещественной громадности?

Насъ упрекають, что до сихъ поръ являли мы только величіе силы. Но не такъ-ли все начинается въ міръ? Не силою-ли вещественною сперва долженъ укрѣпиться чловѣкъ для перехода въ бытіе духовное?

Насъ упрекають, что мы все готовы принять и перенять, и ни на чемъ не останавливаемся. Но такъо свойство Океана, объемлющаго всю землю. Намъ именно должно все принимать, все усвоивать и ничему не подчиняться, ибо мы должны явить свои самобытныя явленія. И все, что мы принимаемъ, не пролетаетъ въ насъ, какъ лучъ солнца сквозь плоское стекло — нѣтъ! все скопляется въ зажигательные фокусы, стапливаетъ и уравниваетъ нашъ самобытный элементъ. Невозможно отдать отчета въ дѣйствіи каждой отдѣльной идеи, но возьмите въ подтвержденіе исторію нашихъ художествъ, нашей Словесности. Мы учились у схоластиковъ, у классиковъ, у романтиковъ, и не подчинились никому. III. — Отд. IV.

му; и въ краткій періодъ столѣтія, мы видали уже у себя Ломоносова, Державина, Крылова, Пушкина—явленія совершенно самородныя.

И самый этотъ вопль досады, самое опасеніе, какимъ встрѣчаетъ насъ теперь Западъ, не признавали они тайнаго чувства, предвѣщающаго нашу побѣду надъ нимъ въ будущемъ? Дряхлое и старое уступаетъ крѣпкому и юному — законъ неизмѣняемый! Повторимъ здѣсь слова одного изъ новѣйшихъ Французскихъ писателей: *Il ne nous appartient pas à nous, peuples usés de civilisation, de désespérer de ceux qui font le premier pas dans la route que nous venons de parcourir.* (Не намъ, народамъ износившимъ свое образованіе, отчаяваться за тѣхъ, кто только что ступилъ на дорогу, уже пройденную нами).

Но, да успокоится робкій Западъ, да не воображаетъ онъ себя, чтобы новыи періодъ исторіи былъ возобновленіемъ кровавыхъ явленій нашествія варваровъ, новою великою ночью Среднихъ Вѣковъ! Явленія прежнія всегда повторяются въ прежнихъ идеяхъ, но никогда въ прежнихъ формахъ. Войны и политическія потрясенія всегда будутъ въ исторіи чело-вѣчества, но не нашествіемъ нашимъ на Западъ совершится начало новаго періода исторіи. Какое будетъ это новое, вѣковое событіе, когда и скоро-ли будетъ оно, въ какихъ формахъ? Мы не знаемъ, но знаемъ мы, что ему должно быть, и вѣри тому, что чело-вѣчество совершенствуется, вѣримъ, что будетъ оно столь-же благотельно, сколь и велико. Россіи спасеть, оживитъ Западъ, преображая его, а не погубитъ. Она спасла уже Западъ отъ потомковъ Чингисъ-Хана; она очистила Европу отъ неумѣстной силы, которая грозила ей въ сынахъ Скандинавіи и потомкахъ Оттомановъ; она изломала желѣзныи скипетръ самовластія, и разбила кандалы, которые самъ

себя сковалъ Западъ. И въ будущемъ, не дикаго, не губительнаго, но *правственнаго* и *благотельнаго* вліянія Русской земли должна ожидать Европа.... Здѣсь умолкаетъ голосъ нашъ, чтобы изъ созерцанія историческаго не увлечся въ порывъ святаго чувства любви, вѣры и надежды въ гений Того, Кому суждено быть въ наше время Великимъ Избранникомъ среди царей и владыкъ.

Счастливыми почтемъ мы себя, если истины, изложенныя нами, покажутъ, хотя намъ самимъ, какую именно задачу составляетъ Россія въ исторіи чело-вѣчества. Рѣшивъ сію задачу, мы поймемъ все свое величіе, поймемъ и мимолетныи недоразумѣнія нашей современности, и смѣло и гордо отразимъ послѣ сего софизмы западныи увѣренностью въ великую нашу судьбу. Съ тѣмъ вмѣстѣ, мы должны устыдиться той ложной идеи, какую нѣкоторые изъ насъ имѣли о Петрѣ Великомъ, ибо мы видимъ его теперь въ истинномъ его величіи.

При имени его оживлена восторгомъ Русская душа; мы привыкли благоговѣть передъ нимъ, и совершенно оправдывается философическимъ воззрѣніемъ наше безсознательное благоговѣніе къ Петру Великому.

Видите-ли, что нашъ Петръ Великій не былъ Та-меама въ Европѣ, какъ игрушку, любившій западное образованіе, прихотливый самовластитель, которому съ чего-то вздумалось обрить бороды и обрѣзывать длинныи наши кафтаны. Нѣтъ! Онъ былъ посланникъ Божій, жизнью котораго воспользовалась исторія вѣковъ, дѣлами коего началась новѣйшая исторія Европы, въ чемъ безмолвно созналась послѣ него сама Европа, подъ стѣнами Парижа въ 1812-мъ и на берегахъ Босфора въ 1833 году. Только здѣсь

найдете вы настоящую точку зрѣнія на дѣла его, и только съ сей точки зрѣнія жизнь его представить вамъ полное, стройное, систематическое согласіе съ исторією Россіи, и исторіи Россіи съ исторіей чело-
вѣчества.

Н. ПОЛЕВОЙ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

за Апрель 1838 года.

Россія.

Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, 26 Апрѣля изволили отправиться изъ С. Петербурга въ Берлинъ.

Ея Императорское Величество, Государыня Императрица Александра Феодоровна, и Ея Императорское Высочество, Великая Княжна Александра Николаевна, 28-го Апрѣля также изволили отправиться изъ С. Петербурга въ Берлинъ.

О путешествіи Ея Императорскаго Величества были потомъ получены слѣдующія извѣстія: *Изъ Дармшта, отъ 30-го Апрѣля.* «По прибытіи Ея Величества Государыни Императрицы и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Александры Ни-
Т. III. — Отд. V.

КОЛАЕВНЫ въ Дерптѣ, 29 Апрель, вечеромъ, въ 8 часу, Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа, генераль-лейтенантъ *Крафстрель* удостоился счастія представить Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшій рапортъ объ Учебномъ Округѣ и имѣлъ честь поднести, чрезъ генераль-адыютанта Графа А. Х. *Бенкендорфа*, рѣчь, произнесенную профессоромъ *Фолькманомъ* въ торжественномъ собраніи Университета, которое происходило 21 Апрель, по случаю всерадостнѣйшаго тезоименитства Ея Величества. Ея Императорскому Высочеству Великой Княжиз Александры Николаевны угодно было посѣтить Домскую гору и обсерваторію, на которой Ея Высочество изволила осматривать рефракторъ, и другіе астрономическіе инструменты; къ сожалѣнію, наблюденій нелзя было дѣлать, по причинѣ мрачности неба. Потомъ Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа имѣлъ счастіе представить Государынѣ Императрицѣ ректора Университета, профессора *Нейе*, и профессора Астрономіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Струве*, которые и удостоены всемилостивѣйшаго приглашенія къ ужину Ея Величества. — На другой день, 30 числа, Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа, генераль-лейтенантъ *Крафстрель*, равно и ректоръ университета профессоръ *Нейе* и профессоръ *Струве*, имѣли счастіе откланиваться Ея Императорскому Величеству. Вниманіе, которымъ Государыня Императрица, пріятливо и милостиво, осчастливила учебное начальство Дерптскаго Университета, и юношество, въ немъ образующееся, исполнило всѣхъ чувствами сердечнаго умиленія и благоговѣйной любви.» — *Изъ Кенигсберга, отъ 4 Мая.* «Ея Величество Государыня Императрица, съ Ея Императорскимъ Высочествомъ, Великою Княжною Александрою Николаевною, изволила при-

быть, 3-го числа, въ Кенигсбергѣ, въ вождѣльномъ здравіи. Здѣсь, равно какъ въ Тильзитѣ, и на всемъ пути, народъ окружаетъ карету Государыни, и съ восторгомъ спѣшитъ на встрѣчу Августѣйшей Дщери добродѣтельнаго Короля Прусскаго. Громкое Ура встрѣчаетъ и сопровождаетъ Императрицу, какъ будто бы Она была еще посреди своихъ подданныхъ. Въ Кенигсбергѣ, Государыня остановилась въ древнемъ дворцѣ, колыбели монархіи Прусской, и тогда же посѣтила и въ подробности осматрѣла тѣ комнаты, въ которыхъ провела Свое дѣтство, съ незабвенною Своею Родительницею. Сіе благоговѣйное воспоминаніе о бывшихъ годахъ до глубины души растрогало жителей Кенигсберга; они, до самой ночи, тѣснились вокругъ дворца, и при всякомъ случаѣ единодушными восклицаніями выражали чувства искренняго усердія и преданности.»

О дальнѣйшемъ путешествіи Государыни Императрицы, прибытіи въ Берлинъ и пребываніи тамъ, какъ Ея Императорскаго Величества, такъ Государя Императора, Государя Цесаревича Наслѣдника, и другихъ Августѣйшихъ Особъ Императорскаго Дома, мы помѣщаемъ радостныя извѣстія, подъ статьею Пруссія.

Высочайшимъ указомъ, 23-го Марта, повелѣно упразднить уѣздный городъ Курской губерніи Хотмыжскъ, и перенести изъ него уѣздное управленіе въ слободу Грайворонъ, которал отнынѣ получаетъ названіе города Грайворона, и уѣздъ по имени его переименовывается *Грайворонскимъ*.

Высочайшимъ указомъ, въ тотъ-же 23-й день Марта, повелѣно: отдѣлить въ Таврической губерніи часть уѣзда Симферопольскаго, простирающуюся по берегу Чернаго моря, гдѣ находится мѣстечко *Алта*, и наименовать ее *Ялтинскимъ* уѣздомъ, съ

дарованіемъ мѣстечку Ялтѣ названіа, правъ и учрежденій уѣзднаго города.

Высочайше повелѣно, 31-го Марта: наложить акцизъ на привозимый изъ-за границы и выдѣлываемый въ Россіи, курительный и нюхательный табакъ. Акцизъ сей опредѣляется сортами табаку, коихъ назначено пять. Онъ простирается, для нюхательнаго отъ 16 коп. до 1 рубля, для курительнаго отъ 8-ми до 60 коп. за фунтъ, а для сигаръ отъ 40 коп. до 1 руб. 60 коп. за сотню. Взиманіе акциза начнется съ 1-го Января будущаго года.

Съ второй половины Мая открываются въ С. Петербургѣ торги на питейный откупъ будущаго четьрехъ-лѣтіа.

Оберъ-шенкѣ, Графъ Строгановъ Высочайше назначенъ чрезвычайнымъ посломъ при коронованіи Королевы Великобританской.

По изданнымъ отъ Святѣйшаго Синода свѣдѣніямъ, число родившихся въ 1836 году, въ 43-хъ епархіяхъ, Православнаго Исповѣданія жителей, простиралось до 2,046,608 душъ (1,047,030 мужск. и 999,578 женск. пола), умершихъ до 1,364,800 (687,464 муж. и 677,336 женск. п.); следовательно, число родившихся въ 1836 году *превышало* число умершихъ 681,808 душами. Бракомъ сочеталось 429,473 пары.

Пруссія.

Давно уже столица Пруссіи не видала въ стѣнахъ своихъ столь блестящаго и знаменитаго собранія Августѣйшихъ Особъ, какое видитъ нынѣ. Престарѣлый Монархъ Пруссіи имѣлъ наслажденіе увидѣть въ нѣдрахъ семейства своего великую Монархиню Русской земли, Августѣйшую Дщерь Свою, Супруга ея и дѣтей, и это семейное торжество возвеличилось присутствіемъ многихъ Государей Европы и семействъ ихъ. Теперь находятся въ Берлинѣ: Его

Величество Императоръ Всероссійскій; Ея Величество Императрица; Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ; Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ; Его Величество Король Виртембергскій; Ихъ Величества Король и Королева Ганноверскіе; Его Высочество Великій Герцогъ Саксенъ-Веймарскій; Супруга его, Великая Княгиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна; Его Высочество Наслѣдный Принцъ Саксенъ-Веймарскій; Его Высочество Принцъ Августъ Виртембергскій; Ихъ Высочества Герцогъ и Герцогиня Ангальтъ-Дессаускіе; Ихъ Высочества, Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою; Ихъ Высочества, Великій Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, съ супругою; Его Высочество Герцогъ Брауншвейгскій; Ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій Людвигъ Вильгельмъ; Принцъ Георгъ Гессенъ-Дармштатскій, Принцъ Фридрихъ Нидерландскій, съ супругою, сестрою Императрицы Всероссійской; Наслѣдный Принцъ Оранскій; Великій Герцогъ Ольденбургскій.

Вотъ что пашутъ изъ Берлина о прибытіи въ сію столицу Государя Императора, Государыни Императрицы, и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ:

Отъ 9-го Мал. «Государь Императоръ изволилъ съѣхаться съ Государынею Императрицею 6-го Мал, въ обѣденное время, не въ дальнемъ разстояніи отъ Ландсберга, и оставивъ Ея Величество тамъ на ночлегъ, изволилъ продолжать путешествіе и имѣлъ ночлегъ въ Фогельсдорфѣ. На слѣдующее утро, 7-го числа, Ихъ Величества, съѣхавшись вновь, продолжали дорогу вмѣстѣ до Фридрихсфельда, куда выѣхали на встрѣчу Ихъ Императорскимъ Величествамъ, Его Величество Король Пруссійскій и главнѣйшіе члены его Августѣйшей фамиліи. Въ половинѣ

шестяго часа вечеромъ, Ихъ Величества въѣхали въ Берлинъ, и остановились въ Королевскомъ дворцѣ, гдѣ Ихъ ожидалъ весь Дворъ. Безчисленная толпа жителей всѣхъ сословій наполняла всѣ улицы, ведущія ко Дворцу, и при проѣздѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ оглашала воздухъ радостными восклицаніями. Генералы, полковые командиры, офицеры, музыканты и барабанщики всего гарнизона были собраны на площади, передъ Дворцомъ. Не смотря на неблагоприятную погоду и дождь, продолжавшійся почти безпрестанно, народъ толпился на площади волнами; во взорахъ каждаго блистала радость, и восторженные клики толпы выражали искреннее участіе, принимаемое всѣми въ счастье Монарха, свидѣшагося съ возлюбленною Дочерью и Августѣйшимъ Зятемъ. Восклицанія усилились въ особенности, когда, по просьбѣ Короля, Государь Императоръ и Государыня Императрица вышли на балконъ, и держа за руки Ихъ Императорскія Высочества, Великую Княжну Александру Николаевну и юныхъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, показали восторженной толпѣ внуковъ достопочтеннаго Монарха.

Отъ 11-го Мая. «Берлинъ, одушевленный присутствіемъ Высокихъ Особъ, каждый день являетъ новое зрѣлище праздниковъ, веселья и пышности.

На другой день прибытія въ Берлинъ, $\frac{8}{20}$ Мая, Государь Императоръ, Императрица и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ слушали божественную литургію въ Греко-Россійской церкви Стараго замка (das alte Schloss), и въ тотъ же день былъ великолѣпный обѣдъ у Его Величества Короля, въ картинной галлерей.

Вечеромъ, того же числа, Ихъ Императорскія Величе-

ства изволили быть въ театрѣ (Opernhaus). Стеченіе публики было невѣроятное, и трудно вообразить что либо блистательнѣе той минуты, когда Русскій Царь и Царница явились въ ложѣ съ Августѣйшимъ Своимъ Родителемъ и двумя его юными внуками, Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ.

Мая 9-го числа, происходилъ въ окрестностяхъ Берлина большой смотръ и парадъ войскамъ. Его Величество Король Прусскій ожидалъ Его Императорское Величество Государя Императора на правомъ флангѣ войскъ, построенныхъ въ колоннахъ, въ двѣ линіи, и самъ предводительствовалъ ими, когда они пошли церемоніальнымъ маршемъ. При приближеніи Кирасирскаго полка, послѣдующаго имя Государя Императора, Его Императорское Величество принялъ команду онаго, и лично провелъ полкъ передъ Своимъ Августѣйшимъ Тестемъ. Притму Его Величества послѣдовалъ Король Ганноверскій, при приближеніи гусарскаго полка, коего онъ шефъ. При проѣздѣ Его Императорскаго Величества съ Королемъ Прусскимъ по линіямъ войскъ, полковая музыка играла народный Русскій гимнъ: «Боже, Царя храни!» — Прекраснѣйшая погода благопріятствовала сему военному празднеству, и блистательное солнце, отражаясь на оружій и мундирахъ, возвышало еще болѣе блескъ сего зрѣлища. Смотръ происходилъ недалеко отъ того мѣста, на которомъ случилось знаменитое Гросъ-Беренское сраженіе. Европа, представляемая здѣсь особами многихъ изъ Государей, и офицерами всѣхъ націй и оружій, какъ бы во второй разъ находилась на позорищѣ своей побѣды, и, казалось, торжествовала, въ присутствіи Монарха Пруссіи, воспоминаніе битвы, успѣхомъ

кой преимущественно обязана мужеству Его воинствъ.

Послѣ парада, всѣ паходящіеся здѣсь Высокіе Посѣтители, съ ихъ свитами, приглашены были къ обѣденному столу къ Его Королевскому Высочеству, Наслѣдному Принцу Прусскому.

Мая 19/22 по утру въ 9 часовъ, на мѣстѣ парада, за заставою Hallisches Thor, были маневры всѣмъ войскамъ. Ея Императорское Величество Императрица, Ея Величество Королева Ганноверская, Ея Высочество Великая Княгиня Марія Павловна Саксен-Веймарская, и другія Принцессы, съ придворными дамами, присутствовали на маневрахъ въ экипажахъ.

По окончаніи маневра, Его Величество Король, обнявъ шпагу, провозгласилъ Ура! въ честь своего Августѣйшаго Зятя, и толпы народа послѣдовали его примѣру. — Въ окончаніе кавалерія и конная артиллерія прошли мимо Ихъ Величествъ церемоніальнымъ маршемъ, рысью.

Въ тотъ же день былъ обѣдъ у Его Королевскаго Высочества Принца Вильгельма Прусскаго, въ новомъ его дворцѣ (Unter den Linden).

Сегодня 11/23 на томъ же мѣстѣ Tempelhofer Feld, какъ и вчера маневрировали 16 т. пѣхоты и 6 т. кавалеріи, съ 12-ю баттарейми конной артиллеріи.

Маневры кончились взятіемъ деревни Tempelhof, лежащей въ полумилѣ отъ столицы.

За сегодняшнимъ военнымъ праздникомъ послѣдовалъ, какъ и въ первые дни, пышный обѣдъ у Его Высочества Принца Августа Прусскаго, въ Bellevue.

Кажется, что съ желаніемъ Августѣйшаго Хозяина, доставить Высокимъ Гостямъ Своимъ цѣлый рядъ блестящихъ праздниковъ, согласуется и природа: не смотря на холодный нынѣшній Май, небо

дарить по нѣскольку часовъ на день теплой и безоблачной погоды.

Отъ 18-го Мая. «Сегодня положено основаніе госпиталю, назначенному пристанищемъ для честныхъ, престарѣлыхъ и нуждающихся въ помощи мѣщанъ здѣшняго города. Госпиталь сей названъ именемъ Его Величества Императора Всероссийскаго. Члены Магистрата и городского собранія купили для сего обширное мѣсто, по большой Франкфуртской улицѣ. Епископъ Берлинскій, Президентъ Полиціи, многіе члены Дирекціи Общественнаго Призрѣнія и прочихъ городскихъ обществъ, равно какъ множество чиновниковъ, гражданъ и другихъ жителей столицы, собрались здѣсь и были приняты городою стронительною депутаціею, которая распорядилась симъ празднествомъ. Все пространство предполагаемаго зданія украшено было цвѣтами. Зданіе будетъ имѣть 132 $\frac{2}{5}$ фута длины и три этажа вышины, съ двумя отдѣльными корпусами на улицу и въ садъ. По обѣимъ сторонамъ будетъ оставлено значительное пустое пространство, а позади дома разведенъ будетъ обширный садъ, гдѣ также останется довольно порожняго мѣста для увеличенія зданія, если бы встрѣтилась въ томъ надобность, и доходы госпиталя позволили. По прибытіи всѣхъ приглашенныхъ особъ, Оберъ-Бюргермейстеръ Краусникъ открылъ торжество рѣчью, въ которой изложилъ поводъ къ основанію этого госпиталя, и воздалъ должную хвалу знаменитымъ виновникамъ сего благотворительнаго заведенія. Потомъ прочтаны были письма отъ принимавшихъ участіе въ основаніи госпиталя, равно какъ бумаги, заключающія въ себя свѣдѣнія историческія, и касающіяся до настоящаго положенія благотворительныхъ заведеній въ столицѣ. Въ основаніе положенъ былъ пер-

гаментный листъ, на коемъ изображено: «Въ досто-славное и благополучное царствованіе Фридриха Вильгельма III, Короля Пруссаго, Императоръ Всероссійскій Николай I, 6/18 Декабря 1837 года, благоволилъ принять поднесенное Его Величеству право гражданства города Берлина, и обратилъ Всемило-стивѣйшее вниманіе на положеніе бѣдныхъ жителей сей столицы. По тому Магистратъ и городскія начальства положили выстроить, для честныхъ, престарѣлыхъ и требующихъ помощи гражданъ, Николаевскій гражданскій госпиталь. Основаніе сего положено торжественно 18-го Мая, MDCCCXXXVIII. Да будетъ госпиталь сей, при благословеніи Божіемъ, подъ покровительствомъ Монарховъ, и при попечительности гражданъ, приносить страждущимъ спасеніе и отраду, и да перейдетъ въ вѣка позднѣйшіе.» Сверхъ того положены были въ основаніе: экземпляръ Городоваго положенія 1808 года, копія съ Рескрипта Его Величества Императора Всероссійскаго къ почетнымъ гражданамъ столицы, Положеніе 23 Января 1838 года, объ основаніи Николаевскаго гражданскаго госпиталя, нѣсколько древнихъ и новыхъ монетъ, и т. п., всего 22 предмета. По совершеніи обряда закладки обычнымъ порядкомъ, епископъ Неандеръ взоспѣлъ на возвышеніе подлѣ основанія, и пронзесъ краснорѣчивое слово, возбуждавшее въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ чувство искренней благодарности къ учредителямъ сего благотворнаго заведенія.»

Король назначилъ 40,000 талеровъ изъ собственныхъ суммъ въ пособіе разорившимся отъ наводненій нынѣшнюю весною жителямъ, и два милліона определено для сего-же предмета изъ государственнаго казначейства.

Англія.

Главное вниманіе всѣхъ обращено теперь на предстоящее коронованіе Королевы. Большіе споры происходятъ о рѣшительномъ назначеніи дня коронованія, хотя онъ и определенъ уже въ концѣ Іюня, а также о разныхъ торжествахъ и обрядахъ, въ которыхъ предполагаютъ сдѣлать многія противъ прежняго отмінны, и о должностяхъ, которыя должны занимать по званіямъ своимъ разныя знатнѣйшіе особы, званія и сословія. Множество жалобъ и требованій представляется по сему случаю.

Апрѣля 25-го начались снова засѣданія Парламентовъ, закрытыя 11-го Апрѣля, по случаю праздника Пасхи. Парламенты открылись въ прошломъ году съ 15-го Нолбря, и кромѣ послѣднихъ пасхальныхъ вакацій, были закрыты только о святкахъ, съ 25-го Декабря по 16-е Января. Но во все пятимѣсячное время рѣшены окончательно Парламентами, и утверждены Королевою, только четыре новыя постановленія: о суммахъ на расходы Королевы; объ уничтоженіи прежняго образа управленія въ Канадѣ; объ улучшеніяхъ въ судьбѣ невольниковъ негровъ; о годовыхъ расходахъ по арміи и флоту. Билль о парламентскихъ выборахъ, утвержденный Нижнимъ Парламентомъ, отвергнуть Верхнимъ; билль о лучшемъ устройствѣ округовъ взять обратно представившимъ его, послѣ сильныхъ преній. Полагаютъ, что въ краткое время, остающееся до закрытія Парламентовъ, имъ придется рѣшить еще болѣе 27 биллей. Многіе весьма важны, и вотъ общій очеркъ ихъ: объ Ирландскихъ нищихъ; объ Ирландскихъ общинахъ; о рѣшеніи спорныхъ выборовъ; о подкупахъ избирателей; о правахъ сочинителей на изданіе книгъ; о пребываніи духовныхъ въ ихъ епархіяхъ и приходахъ; о строгомъ соблюденіи воскрес-

ныхъ дней; о частныхъ налогахъ и мѣстныхъ судахъ по разнымъ областямъ; о Шотландской системѣ взысканія долговъ; объ исправительныхъ заведеніяхъ для дѣтей; о Шотландскихъ школахъ; о судопроизводствѣ въ Ирландіи; о пустошахъ въ Ирландіи; объ отдачѣ на откупъ церковныхъ земель; объ Ирландской десятинѣ; о доходахъ Шотландскаго духовенства; объ управленіи Новымъ Южнымъ Валлисомъ; о бюджетѣ по министерству финансовъ и по управленію фельдцейхмейстера.

Лордъ Дургамъ выѣхалъ изъ Лондона 23-го Апрѣля, и 24-го отправился изъ Портсмута въ Канаду, на линейномъ кораблѣ Гастингсъ, въ сопровожденіи фрегата Ди и бригантины Харибда.

Сиръ Франсисъ Гидъ, бывшій Канадскій губернаторъ, прибылъ въ Лондонъ, и немедленно былъ призванъ для совѣщаній съ министромъ колоній.

Мал 10-го, у Королевы былъ придворный большой балъ, первый со времени ея вступленія на престолъ. Около 600 особъ было приглашено.

Франція.

Два важныя и неожиданныя обстоятельства заняли въ началѣ Мал общее вниманіе: это были два рѣшенія Палаты Депутатовъ, показавшія упорную непріязнь большей части членовъ ея къ нынѣшнимъ Министрамъ. Однимъ изъ рѣшеній Палата утвердила, 5-го Мал, представленный, вопреки желаніямъ Министровъ, и бывшій предметомъ продолжительныхъ преній, проектъ одного изъ Депутатовъ своихъ, о пониженіи процентовъ государственнаго долга. Большинство голосовъ оказалось здѣсь 251, противъ 145. — Мал 10-го послѣдовало противоположное событіе: большинство голосовъ, 196 противъ 69, отвергнуло предложенный Министрами проектъ объ общей системѣ и казенномъ управленіи

железныхъ дорогъ во Франціи (онъ помѣщенъ въ сей книжкѣ С. О.), обѣщавшій столь много выгодъ государству. Министерскія газеты наполнены были послѣ того справедливыми упреками за странную оппозицію Палаты. Слѣдовательно, она не хочетъ мира и спокойствія, не думаетъ о благѣ общему? говорили сіи газеты. Полагали даже, что Министры подадутъ просьбы объ отставкѣ, но они надѣются побѣды въ Палагѣ Перовъ. Вотъ что сказано по сему случаю въ одной изъ Парижскихъ Газетъ, «Отъ безпристрастнаго наблюдателя, конечно, не можетъ скрыться, что между различными властями, участвующими въ государственномъ управленіи: не только въ настоящемъ случаѣ, но и съ самаго начала нынѣшняго собранія Палатъ, безпрестанно обнаруживается странное недоразумѣніе. Палата Депутатовъ предлагаетъ законы и заставляетъ Министерство принимать ихъ; Министерство съ своей стороны также предлагаетъ законы, но Палата отвергаетъ ихъ, и не соглашается ни на какія уступки. Различныя власти явно помѣшались своими ролями. Мы сомнѣваемся, чтобы такое положеніе дѣлъ могло продолжаться. По всему видно, что минута, въ которую, или Министерство, или Палата должны быть распущены, все болѣе и болѣе приближается. Первое, вѣроятно, давно бы уже случилось, если бы не представлялось затрудненія составить такое Министерство, которое могло бы согласоваться съ видами Короля, и въ то же время удовлетворить требованіямъ Палаты. Почти все лица, на которыхъ правительство желало бы возложить важнѣйшія государственныя должности, находятся въ явной разномыслии съ Палатою. — До сихъ поръ нельзя сказать навѣрное, будетъ ли въ нынѣшнемъ году что нибудь сдѣлано въ пользу министерскаго

закона о построении желѣзныхъ дорогъ, который объявлялъ величайшую пользу промышленности и торговымъ сношеніямъ въ Государствѣ. Если Министерство согласится безусловно на требованіе Палаты, и предоставитъ постройку всѣхъ желѣзныхъ дорогъ исключительно частнымъ компаніямъ, то оппозиція будетъ, конечно, нѣкоторое время хвалить его уступчивость, но это ни сколько не увеличитъ вліянія министерства на Палату, и послужитъ только новымъ доказательствомъ его безсилія.»

По соображенію бюджетовъ и дѣйствительныхъ доходовъ Франціи, выходитъ, что съ 1830-го по 1838 годъ, бюджеты опредѣляли доходы въ 8,896 милліоновъ фр., а дѣйствительно составили они только 8022 милліона. Слѣдственно, 874 милліона были дополнены экстраординарными суммами. Впрочемъ, дефициты происходили въ первые годы царствованія Лудовика Филиппа. Вотъ расчетъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ:

	Предполож. доходы.	Дѣйствит. доходы.	Излишекъ доходовъ.
1834 г. милл. фр. . .	962	1000	38
1835 » » » . .	976	1015	39
1836 » » » . .	990	1046	56
1837 » » » . .	1051	1086	55
	3959	4147	188

Ежегодныя передержки противъ бюджетовъ составляли въ 1834 г. 51 милліонъ, въ 1835 г. 12, въ 1836 г. 48, въ 1837 г. 74, всего 185 милл. фр. — Бюджетъ 1838 г. опредѣленъ въ 1057 милл., а прибавочный кредитъ къ нему въ 35 милліоновъ.

Обвинительный актъ Гюбера напечатанъ, и съ 7-го Мал должно было начаться суду надъ нимъ и другими, обвиняемыми въ покушеніи на жизнь Короля. Кромѣ Лепру, судьи Вервенскаго, и Воклена,

помѣщика, всѣ другіе обвиняемые принадлежать къ самымъ низшимъ званіямъ общества. Гюберъ — молодой сапожникъ, 23-хъ лѣтъ; Лаура Грувель, отчаянная республиканка, любовница его, какал-то побродяга; Стейбель, Швейцарскій механикъ, которому заказывали они орудіе, въ родѣ адской машины Фіески, бѣднякъ, 22-хъ лѣтъ, наконецъ, Жиро, купеческій прикащикъ, Анна, сапожница, и Волантенъ, студентъ, дополняютъ число заговорщиковъ. Кромѣ Стейбеля, никто изъ нихъ не сознается въ обвиненіяхъ, которыя утверждаются на бумагахъ, найденныхъ у Гюбера. По нему видно, что это нѣсколько полоумныхъ, напитанныхъ гнусными правдами революціи головъ. Дѣло Гюбера возбуждаетъ общее презрѣніе, и невольное негодованіе, при мысли, что ужасное злодѣйство могло быть слѣдствіемъ безумія этихъ ничтожныхъ фанатиковъ безначалія.

Маршалъ Сульть назначенъ посломъ Французскимъ при коронованіи Англійской Королевы, а Маркизь Сентъ-Олеръ посломъ при коронованіи Австрійскаго Императора

Посланникъ Абдъ-Эль-Кадера, Бенъ-Аррашъ привѣтствовалъ Короля на аудіенціи рѣчью. Вотъ переводъ ея:

«Великому изъ королей, Королю Французскому, имя котораго стижало у всѣхъ народовъ справедливую славу храбрости, мудрости и правосудія, и который въ правленіи своемъ показалъ умъ возвышенный и сердце великодушное! извѣщаю вамъ высокое величество, что эмиръ правовѣрныхъ, Сиди-Эль-Гаджи Абдъ-Эль-Кадеръ прислалъ меня представить вамъ его искреннее и почтительное привѣтствіе. Онъ хотѣлъ этимъ опровергнуть рѣчи враговъ, и подтвердить рѣчи друзей, постоянно утверждавшихъ, что эмиръ совершенно расположенъ сохранить прочный и полный миръ, и поддержать согласіе съ Вашимъ Величествомъ, украшеніемъ нашего вѣ-

ка. Измѣна, вероломство, нарушение договоровъ никогда не произойдутъ отъ эмира. Таковы истинныя мысли его, и въ свидѣтельство ихъ беретъ отъ Господа Сердцевидца. Эмиръ далъ мнѣ грамоту къ Вашему Величеству, и вельзъ представить подарки, конечно, ничтожныя для такого, какъ вы, великаго государя, по примите ихъ, какъ свидѣтельство преданности и почтенія эмира къ особѣ вашей, и да благословитъ васъ Богъ на многія лѣта!»

Король отвѣчалъ Бень-Аррашу весьма ласково, увѣряя въ желаніи мира и дружбы, и въ томъ, что онъ всегда будетъ соотвѣтствовать желаніямъ эмира, готовый даже передавать ему всѣ пособія для уничтоженія его неприятелей, которые тщетно стараются поселить раздоры между нимъ и Франціею.

Исчислено, что съ открытія пеньншнихъ засѣданій Палаты Депутатовъ, было назначено 60 комитетовъ, для разсмотрѣнія представленныхъ ей проектовъ разныхъ законовъ; въ каждый Комитетъ выбирается до девяти членовъ, не считая 18-ти, занятыхъ контролемъ 1835 и 1836 гг., и 18-ти занятыхъ разборкомъ проектовъ по части желѣзныхъ дорогъ и Алжирской колоніи; всѣхъ Депутатовъ считается въ Палатѣ на лицо не болѣе 400. Каждому приходится такимъ образомъ почти по два комитета; комитеты собираются въ 12 часовъ; въ часъ открываются засѣданія Палаты. Когда-же разсмотрѣть проекты, обдумать ихъ, дать объ нихъ отчетъ? А потомъ надобно еще объ нихъ спорить, кричать, мирить личности, улаживать партіи.—Для помѣщенія засѣданій разныхъ комитетовъ не достаетъ свободнаго мѣста, а наконецъ, остается важный вопросъ, много-ли депутатовъ, способныхъ судить и знать дѣла?

Фрегатъ Нерейда возвратился въ Брестъ изъ Португалии; на немъ находятся суммы, уплаченныя Гантянами за сей годъ по договору, и два комис-

цевъ съ Наполеономъ былъ простымъ солдатомъ; въ 1821 г. служилъ онъ поручикомъ въ Африкѣ; сражаясь потомъ въ Америкѣ, подъ начальствомъ Морильо, онъ воротился въ Испанію въ 1824 г., съ чиномъ полковника. Въ 1828 году, бывши коммендантомъ въ Севильѣ, Гарсія передался Донъ Карлосу. Ему теперь 57 лѣтъ отъ роду; онъ ростомъ великанъ и весьма силенъ, но грубъ, и не имѣетъ ни какого образованія, отличаясь только изумительною отвагою.

Важнѣйшія новыя событія въ нескончаемыхъ Испанскихъ междоусобіяхъ составляютъ теперь раздоры, начавшіеся въ войскахъ донъ Карлоса. Въ Наваррѣ явно возсталъ противъ него богатый тамошній помѣщикъ Муньялгорри, доселѣ ревностный карлистъ. Онъ провозгласилъ независимость Наварры и Гвипускои, учредилъ юнту, но быстрый походъ войска, посланнаго донъ Карлосомъ, разсѣялъ всѣ начинанія, и Муньялгорри бѣжалъ во Францію, но онъ не оставляетъ однако жъ своихъ намѣреній. Такія-же возстанія оказываются въ другихъ мѣстахъ Испаніи, занятыхъ войсками Дона Карлоса. Всего важнѣе извѣстіе, что даже въ главной квартирѣ Дона Карлоса открылось явное возстаніе, которымъ предводительствуютъ инфантъ Донъ Себастьянъ и Графъ Вилла-Реаль. Впрочемъ, послѣднее требуетъ еще подтвержденія. — Донъ Карлосъ предполагалъ составить общее вооруженіе, изъ всѣхъ могущихъ носить оружіе въ занятыхъ имъ областяхъ, объявляя, что это будетъ послѣдній походъ, долженствующій покорить ему Мадридъ. Новѣйшія событія разрушили сіе предпріятіе. — Приверженцы Дона Карлоса разглашаютъ повсюду слухи, что чудная кака-то птица прилетала въ Эстелью, и пѣла тамъ. По суевѣрному повѣрью Испанцевъ, появле-

ніе сей рѣдкой птицы предвѣщаетъ побѣду той сторонѣ, гдѣ она явится.

Апрѣля 21-го, инфантъ Донъ Францискъ де Пауло выѣхалъ изъ Мадрита, со всѣмъ своимъ семействомъ, супругою, тремя сыновьями и пятью дочерьми. Онъ проведетъ лѣто на Пиренейскихъ водахъ во Франціи. Генераль Кирого и сильный отрядъ сопровождали принца до Французскихъ границъ. Полагаютъ, что Испанское правительство съ удовольствіемъ видитъ отбѣгіе Дона Франциска, ибо въ последнее время радикалы Испанскіе находили въ немъ сильнаго защитника.

Мендисабаль начекалъ въ Есо del Comercio нѣсколько тайныхъ государственныхъ актовъ. Его обязали послѣ сего подпискою не выѣзжать изъ Мадрита, отдала подъ надзоръ полиціи, и будутъ судить за несоблюденіе государственныхъ тайнъ.

Португалія.

Начало Апрѣля ознаменовалось достопамятными событіями въ Лиссабонѣ. Первымъ изъ нихъ было закрытіе засѣданій кортесовъ, послѣ чего Королева, Апрѣля 4-го, торжественно явилась среди ихъ собранія, и утвердила новый, составленный ими, кодексъ государственныхъ уставовъ. Рѣчь, произнесенная Королевою, была принята съ изъявленіями радости. — Велѣдъ за тѣмъ, Апрѣля 6-го, объявлено полное и общее прощеніе всѣмъ, замѣшаннымъ въ политическія смятенія, донинѣ происходившія въ Португаліи; заключенные въ тюрьмы политическіе преступники выпущены, и бѣжавшимъ за границу позволено возвратиться въ Португалію, съ обязанностию безусловно повиноваться власти законнаго правительства.

Марта 22-го Лиссабонъ объявленъ порто-франко.

Всѣ различія въ пошлинахъ между Португальскими и иностранными кораблями уничтожены.

Королева велѣла заняться строжайшею реформою въ воинской дисциплинѣ по Португальской арміи.

Герцогъ Пальмелла назначенъ Португальскимъ посломъ при коронованіи Англійской Королевы.

Шайки Ремешидо, и другихъ мигуалистовъ, бродятъ и грабятъ почти по всѣмъ областямъ.

Турція.

Никогда еще Султанъ не оказывалъ такой быстроты и дѣятельности въ самыхъ важнѣйшихъ государственныхъ реформахъ. Вотъ двѣ новости, о важности которыхъ можно судить потому, что онѣ преобразуютъ самые закоренѣлые уставы Оттоманской монархіи: Марта 24-го обнародовано учрежденіе Государственнаго Совѣта, который раздѣляется на два отдѣла: Совѣтъ Правосудія, председателемъ котораго назначенъ прежній сераскиръ Хозревъ-Паша, и Совѣтъ Порты, председателемъ коего будетъ Даудъ-Паша. Съ учрежденіемъ сихъ Совѣтовъ званіе Великаго Визиря теряетъ все прежнее значеніе. — Затѣмъ, въ началѣ Апрѣля, Султанъ объявилъ уничтоженіе губельной финансовой мѣры, по которой доходы съ областей и городовъ отдавались на откупъ пашамъ. Отнынѣ будутъ ихъ распределять и собирать городовые совѣты, и паша останется только блюстителемъ правосудія и порядка, а не будетъ гнусными мытарями, которые мыслили только о вымучиваніи доходовъ изъ народа, отданнаго имъ въ полную и безусловную власть.

Еще важная государственная мѣра — учрежденіе карантинныхъ въ Турціи, принята и утверждена Султаномъ. Распоряженія по сей части предоставлены

известному доктору Бюлару, и на первоначальные расходы велѣно отпустить 12 миллионъ пиастровъ.

Въ Царѣградѣ открыто, по повелѣнію Султана, училище Французскаго языка; оно помѣщается во дворцѣ Сераскира. Полковникъ Нури-бей назначенъ его директоромъ.

Англичане учредили новыя консульства въ Македоніи, Далмаціи и Албаніи. Князь Везовичъ опредѣленъ главнымъ Англійскимъ консуломъ въ Новомъ Базарѣ.

Въ Бугаріи опять явилось много разбойничьихъ шаекъ. Главная изъ нихъ свирѣпствуетъ подъ начальствомъ стараго атамана Шейтанъ-Каплана. Она разграбила мѣстечко Карамать. Силистрійскій Паша отправилъ противъ грабителей сильный отрядъ войска.

А Ф Р И К А.

Въ Александріи получены извѣстія о побѣдахъ Ибрагима-Пашы въ Сиріи. Полчища Друзовъ опять бѣгутъ въ горы, и большое, выигранное ими сраженіе, послужило только къ усиленію свирѣпости Египетскихъ войскъ.

Въ концѣ Марта, Мегеметъ-Али отправился въ путешествіе, которое давно предполагалъ совершить по Верхнему Египту.

Абдъ-эль-Кадеръ и Ахметъ-Бей сходятся на отчаянную битву. Ахметъ, съ 2000 войска, стоитъ въ 20-ти льѣ южнѣ Константины; всѣ Мавры притаются къ нему. Войскомъ Абдъ-эль-Кадера начальствуетъ Бей Медсагскій, Эль-Бараканъ. Племя Бени-абессовъ встрѣтило его и уступило поле сраженія только послѣ жестокой битвы. Но свирѣпый вождь другаго племени, Эль Фарратъ, известный подъ именемъ Великаго Змѣя, подкрѣпляетъ Аравитянь.

Алжиръ и Африканскія колоніи Французовъ составляютъ особую епархію, по договору, заключенному между Папою и Франціею. Въ Алжирѣ будетъ епископъ, и подъ его начальствомъ миссія, для распространенія между жителями Христіанской Вѣры.

Между Англіею и Франціею начались переговоры, касательно споровъ за убытки, причиненныя Англійскимъ торговцамъ каучукомъ въ Сенегамбіи, и насильственнаго вторженія Французовъ въ Португальскій заливъ, который, хотя въ 1783 г. уступленъ Франціи, но съ предоставленіемъ права торговли Англичанамъ. Дѣло въ томъ, что воюя съ 1833 года съ Тразарскими Маврами, Французы захватили здѣсь два Англійскіе корабли, и блокадою пресѣкли торговлю Англичанъ, въ 1835 году, по всему Португальскому берегу. Франція утверждаетъ, что Англичане оказывали пособіе Тразарамъ, а Англичане спорятъ, что самая война Французовъ была начата несправедливо, и имѣла цѣлью овладѣніе каучуковыми лѣсами, отъ чего долженъ былъ последовать явный вредъ Англійскому торгу симъ веществомъ, которое сдѣлалось нынѣ столь важно и драгоцѣнно.

А з і я.

Принцъ Гейнрихъ Нидерландскій совершилъ путешествіе во многія внутреннія мѣста Индіи, возвратился въ Калькутту 3-го Февраля, и 14-го намѣревался отплыть въ Мадрасъ.

Бирманскій Царь объявилъ, что не хочетъ вести переговоры съ Индійскимъ генераль-губернаторомъ, но приступить къ нимъ, если Англійскій Король пришлетъ къ нему нарочнаго посла.

Еменскій Султанъ Махаланъ продалъ Англичанамъ, прежде столь знаменитый торговлею, но нынѣ упавшій, городъ Адень. Приобрѣтеніе этого ключа

ча къ Абиссинской торговлѣ и Чермному морю чрезвычайно важно для Англичанъ. Они поспѣшаютъ занять и укрѣпить Аденъ и заливъ его.

О КЕАНИИ.

Корветта Актеонъ, отплывшая отъ Таити 20 Декабря 1836 года въ Чили, открыла, въ Январѣ прошлаго года, новую купу острововъ, которую и назвали *купою Актеона*. Она состоитъ изъ трехъ острововъ, которые наименованы: *Мелбурнъ* (самый восточный изъ трехъ; сѣв. край его подъ 21°28'30", и 136°26'46" з. д. отъ Гренвича), *Минто* (средній, 21°23' ш. ю., 136°32' д. з.) и *Бедфордъ*, самый западный (21°18'30" ш. ю., 136°37'46" д. з., сѣв. зап. край). Всѣ они низки, поросли деревьями, и море разбивается объ нихъ съ жестокою силою. Якорныхъ мѣстъ не замѣчено. На Бедфордъ есть внутренней лагуны, и подводныя каменья простираются отъ него на три четверти мили, отъ сѣв. вост. и сѣв. зап.

Въ Новой Зеландіи населилось уже столько Европейцевъ, что они составили колонію около 500 человекъ, и предлагаютъ теперь Англійскому правительству построить крѣпость, прислать гарнизонъ, и объявить Новую Зеландію принадлежащею Великобританніи. Посланный для разсмотрѣнія на мѣстѣ, агентъ Англійскаго правительства, г-нъ Буслей, прислалъ донесеніе, что такую мѣру находить онъ весьма удобною и выгодною. Парламентъ займется немедленно рѣшеніемъ дѣла, которое представляеть, новые способы для Англійскаго преобладанія въ Австраліи.

А МЕРИКА.

Марта 24-го Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ утвердилъ важное постановленіе, касательно билетовъ казначейства. Президентъ уполномочивается на выпускъ ихъ, въ случаѣ надобности, не болѣе одна-

кожъ суммы 10-ти милліоновъ долларовъ. Правительство платитъ 6 проц. по билетамъ, и выкупаетъ треть каждаго выпуска черезъ годъ, треть черезъ полтора года, и остальную треть черезъ два года. Каждый мѣсяць публикуется вѣдомость о количествѣ выпуска, и Президентъ даетъ Конгрессу годовой отчетъ объ употребленіи суммы билетовъ.

Конгрессъ опредѣлялъ продолжать войну съ Семи-нольскими дикарями, и рѣшительно уничтожить это племя отважныхъ и непримиримыхъ грабителей. Для покрытія издержекъ, сверхъ бюджета прошлаго года по сему отношенію, для дѣйствій въ 1838 г. положено отпустить генералу Джессу-пу 4,083,233 доллара.

Замѣшательство по торговымъ дѣламъ въ Нью-Йоркѣ такъ велико, что до 40,000 человекъ жителей принуждены были прибѣгнуть къ состраданію общественному и пытаются подаишемъ.

Жители уѣздовъ Лафаетта и Миллера, въ области Аркансасъ, отреклись отъ повиновенія правительству, признали власть Техасской республики, и выслали депутатовъ своихъ на Техасскій конгрессъ. Это неожиданное событіе еще болѣе запутываетъ отношенія между Мексикою, Техасомъ и Соединенными Штатами.

Заразительная болѣзнь свирѣпствуетъ теперь между дикарями, обитающими на западныхъ и южныхъ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ. Это собственно - оспа, но принявшая гибельный характеръ, такъ, что лѣса завалены трупами умершихъ дикарей; они гибнутъ сотнями; другіе бѣгутъ, куда пошло; многіе заболѣваютъ и умираютъ въ два часа. Изъ племени Асси-небои погибло болѣе 10,000; не менѣе пострадало племя Мандансъ. Дикари Меноморрискіе, живущіе около озера Мичигана, умира-

ли, не смотря на 30° мороза. Холодъ не останавливаетъ болѣзни. Вообще полагаютъ число умершихъ донынѣ дикарей до 40,000.

Вотъ извѣстія объ участи главныхъ зачинщиковъ Канадскаго возмущенія: первый изъ нихъ, адвокатъ *Папино* пропалъ безъ вѣсти; четыре мѣсяца объ немъ нѣтъ слуха. Другой, *Маккензій*, природный Шотландецъ, 42 лѣтъ, красавецъ и силачъ необыкновенный, находится теперь въ Нью-Йоркѣ. Онъ хочетъ тамъ издавать газету, и какъ писали, посаженъ за долги въ тюрьму. Еще одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ возмущенія, Французъ *Жиро* былъ преслѣдованъ въ бѣгствѣ. Сани, въ которыхъ онъ ѣхалъ, окружили Англійскіе солдаты. *Жиро* бросился въ лѣсъ; его догнали; вида неминуемую гибель, *Жиро* застрѣлился, и трупъ его привезли въ Монреаль. Но между тѣмъ битвы съ небольшими шайками возмутителей все еще продолжаютъ: 24 Февраля прогнали ихъ съ островка Детруа, гдѣ укрѣпилось ихъ до 150 человекъ, а 25 съ островка Фепгинга, при чемъ отбили у нихъ пушку; въ началѣ Марта, Англичане напали на островокъ Пила, на озерѣ Эріо, и жестокая битва была тамъ между ними и 500 бунтовщиковъ. Къ несчастію, ненависть жителей пограничныхъ съ Канадою Американскихъ областей подкрѣпляетъ возмутителей, которые достаютъ у Американцевъ оружіе и порохъ. Во многихъ Американскихъ мѣстечкахъ, жители разрабили запасы оружія, и передали ихъ въ Канаду. Плаваніе по рѣкѣ Св. Лаврентія подвергается большой опасности отъ бродящихъ шаякъ, которыя грозятъ жечь и истреблять всѣ Англійскія суда.

Чрезвычайно любопытныя извѣстія получены о путешествіи къ сѣвернымъ берегамъ Америки, гдѣ Симпсона и Диза. Отправленные Гудзонскою компаніею

сара Гаитскіе. По причинѣ заразительной горлочки, свирѣпствующей въ Гаити, фрегатъ подвергнутъ 20-ти дневному карантину.

Кокриль представилъ Французскому правительству проектъ, по которому беретъ онъ устроить, посредствомъ компаній, три желѣзныя дороги въ сѣверной Франціи. Одну предполагаетъ онъ отъ Парижа къ Лилю до Бельгійской границы; другую къ Бельгіи отъ Моидиде, черезъ Гамъ, Сень-Кентенъ и Валансеннъ; третью отъ Кале и Дюнкирхена, также къ Бельгіи.

Миссіонеръ Каре, столь успѣшно обратившій дикарей Гамбійскаго архипелага въ христіанство, отправляется въ Валпарайзо въ Чили, гдѣ учреждена теперь главная католическая миссія Океаніи. Восемь монаховъ и 12-ть монахинь отправляются съ нимъ. Папа принялъ благочестиваго Каре въ Римѣ съ великою почестію.

Съ 1-го Марта по 8 Апрелья, число отплывшихъ изъ Франціи въ Алжиръ простиралось до 5725 человекъ.

Право на изданіе журнала *Messenger*, въ Парижѣ, куплено однимъ изъ прежнихъ участниковъ сего, Теодоромъ Буле, за 75,000 франковъ.

Франconi основалъ особенный циркъ въ Сень-Жерменѣ, а компанія пароходовъ обязалась отвозить зрителей изъ Сень-Жермена въ Парижъ, сколько-бы ихъ ни было, немедленно по окончаніи вечерняго представленія, по желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ, житель Парижа можетъ возвратиться домой изъ новаго цирка загорѣднаго такъ-же скоро, какъ съ бульварнаго театра.

Нидерланды.

Ночью, 17-го Мая, жители Нидерландской столицы Гаги были встревожены внезапнымъ пожаромъ
Т. III. -- Отд. V.

въ обширномъ, загородномъ королевскомъ дворцѣ, гдѣ находились тогда Его Величество Король, и дочь его, супруга Принца Алберта Прусскаго, съ дѣтьми. Пожарныя команды, и народъ, сбѣжавшійся толпами, и ревностно тушившій пожаръ, успѣли спасти дворецъ отъ совершеннаго истребленія, но онъ весьма много потерпѣлъ. Король переѣхалъ послѣ сего въ городъ, и встрѣченъ народомъ съ изъявленіями восторга. Пожаръ произошелъ отъ камина, который неосторожно затопили, по причинѣ холодной погоды.

Нидерландское правительство рѣшительно приступаетъ къ изсушенію, такъ называемаго, «Гарлемскаго моря», и по его повелѣнію начались теперь новыя опыты работъ для сего обширнаго предпріятія.

ГЕРМАНІЯ.

Саксонскій Король отправился въ путешествіе по Далмаціи, подъ именемъ Графа Гогенштейнскаго. Маршрутъ Его Величества назначенъ на Прагу.

Графъ Мюнхъ-Беллингсгаузенъ, президентъ Германскаго сейма, прибылъ изъ Вѣны во Франкфуртъ.

Турецкій посланникъ Рифатъ-Бей прибылъ въ Вѣну, вмѣстѣ съ Кіамиль-Пашею. Съ ними находятсѣ 25 молодыхъ Турковъ, которые посланы учиться въ разныхъ Европейскихъ городахъ. Кіамиль-Паша немедленно отправился по назначенію въ Берлинъ.

Жидамъ позволено селиться въ Офенъ, съ полнымъ правомъ гражданства, покупки недвижимыхъ имѣній и всякаго рода торговли.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ Базелѣ мѣстныя несогласія дошли до большихъ раздоровъ. Часть областей сего кантона хочетъ присоединиться къ Солотуру, другая къ Арау;

ныя требуютъ засѣданій Швейцарскаго сейма не въ одномъ Базелѣ. Финансовыя неустройства умножаютъ беспорядокъ.

По завѣщанію генерала Лагарпа, портретъ Императора Александра, который хранился у него, какъ величайшая драгоценность, будетъ поставленъ въ залъ Ваатскаго совѣта.

ИТАЛІЯ.

Марта 28-го, Неаполитанскій Король возвратился въ Неаполь, послѣ посѣщенія нѣкоторыхъ мѣстъ Сициліи. Народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ, выпрягъ лошадей изъ его кареты, и везъ ее на себѣ до дворца.

Неаполитанскій принцъ Францъ де Паула, графъ Трапанскій, назначаемый въ духовное званіе, прибылъ въ Римъ, для начатія ученія въ Collegio dei Nobili, подъ руководствомъ Іезуитовъ. Ему теперь десять лѣтъ отъ роду. Другой братъ Короля, принцъ Лудовикъ, Графъ Аквилскій, род. въ 1824 г., предназначенъ въ морскую службу, и будетъ Неаполитанскимъ генераль-адмираломъ.

Въ великій четвертокъ, Папа, въ полномъ облаченіи, присутствовалъ на торжественной мессѣ, которую отправлялъ Кардиналъ Грегорио, въ Сикстинской часовнѣ. Послѣ сего послѣдовалъ обрядъ перепесенія Св. Таинъ въ Паолинскую часовню. Папа явился въ главныхъ вратахъ Ватикана, и благословилъ народъ, а за тѣмъ отправлено умовеніе ногъ, и было угощеніе въ Клементинской залѣ. Въ пятницу, Папа совершилъ приобщеніе Св. Таинъ въ Сикстинской часовнѣ, и заключилъ обряды страстной недѣли поклоненіемъ кресту и копью, въ патриаршей часовнѣ Ватикана.

Графъ Сень-Ле (Лудовикъ Бонапарте) сосватался

на молодой, 17-ти лѣтней дочери Флорентійскаго маркиза Стіоззи.

Въ Сорренто, близъ Неаполя, спустили со штапелей трехъ-мачтовый корабль; киперъ, матрозы и хозяинъ отправились на него вечеромъ; внезапно поднялся вѣтеръ, превратился въ жестокую бурю, и ночью корабль, безъ снастки, безъ балласта, безъ всякихъ припасовъ, унесло въ открытое море. Съ тѣхъ поръ, участь его неизвѣстна.

Отъ проливныхъ дождей въ Сициліи, около Палермо, земля во многихъ мѣстахъ осѣла, и причинила большія разоренія. Въ Мезоджозо развалилось болѣе 120 хижинъ; въ Санто-Джузеппе-делле-Мостеллесъ (въ 18 миляхъ отъ Палермо) осѣданіе продолжалось три часа; жители успѣли убѣжать, но четыре пятыхъ изъ числа всѣхъ строеній въ семь мѣстечкѣ разрушилось; одного запаснаго вина въ погребахъ погибло до 20 тысячъ боченковъ и бочекъ.

Испанія.

Легучіе отряды Карлистовъ не имѣли дальнѣйшихъ успѣховъ. Негри являлся въ Сеговіи, Бургосѣ, Валладолидѣ, но былъ наконецъ разбитъ генераломъ Иріарте. Гарсіа являлся въ 10-ги миляхъ отъ Мадрита, и разорилъ рудники въ Алмаденѣ, но потомъ также разбитъ и разсѣянъ. Не болѣе успѣха имѣли Мерино и товарищи его. Но умноженіе Карлистскихъ партизановъ произвело однако жъ большія опасенія въ Мадритѣ, и правительство усиливаетъ мѣры къ прекращенію ихъ отчаянныхъ набѣговъ, тѣмъ болѣе, что разсѣваясь въ одномъ мѣстѣ, они успѣваютъ собирать шайки свои въ десяти другихъ, и всюду слѣды ихъ оказываются разореніемъ жителей и контрибуціями. Отважнѣйшій изъ партизановъ, Гарсіа, во время войны Испан-

въ 1836 г., они прошли берегомъ до мыса Баррова, и такимъ образомъ соединили своимъ обзорніемъ прежнія открытія, отъ того мѣста, гдѣ остановился Франклинъ, до того, куда достигъ Бичи. Нынешнимъ лѣтомъ, они намѣрены отправиться по рѣкѣ Мѣдной, и обзорѣтъ пространство, которое не вполне еще извѣстно, раздѣляя открытія Бека отъ Франклиновыхъ. Такимъ образомъ, весь сѣверный Американскій берегъ будетъ вполне обзорѣтъ, и то, чего не могли исполнить столь многія экспедиціи, ученія и дорогія, будетъ совершено простыми купеческими прикащиками!

Толпы дикарей, изъ внутреннихъ лѣсовъ Южной Америки, вторглись въ Буэносъ-Айресскую область. Маіоръ Буртонъ сражался съ ними 16 Декабри; дикари разсѣялись отъ картечныхъ выстрѣловъ; болѣе 150 ихъ убито, и болѣе 300 женщинъ и дѣтей захвачено въ плѣнъ.

Марта 16, Бразильскія войска осадили Бахію, и послѣ трехъ-дневнаго бою взяли сей городъ, захватили главныхъ возмутителей, и разогнали, а отчасти истребили войско ихъ. Бунтъ Бахійцевъ можно почитать послѣ сего прекращеннымъ.

Декабря 7 страшное землетрясеніе было въ Валдивіи, Чилийскомъ городѣ; оно продолжалось безпрерывно десять минутъ, и совершенно разрушило сей многолюдный и обширный городъ. Никогда еще не запомнятъ землетрясенія столь страшнаго. Жители едва могли стоять на ногахъ отъ жестокаго колебанія земли, но успѣли выбѣжать изъ домовъ, и ни одинъ не погибъ. Странно еще казалось, что море, отхлынувшее отъ береговъ, не возвратилось съ усиленною яростью, но оставалось въ такомъ прератномъ положеніи, какъ будто во время больша-

го отлива, нѣсколько дней, и вступило потомъ постепенно въ прежніе предѣлы.

Французскій линейный корабль, и 5 бригговъ, 18 Марта явились предъ Вера-Крусомъ, требуя уплаты 800,000 долларомъ, за убытки, причиненные въ Мексикѣ Французскимъ подданнымъ. Объ этомъ идутъ рѣшительные переговоры. — Въ Буэнос-Айресѣ Французскій консулъ также объявилъ требованія на вознагражденіе убытковъ.

Разныя извѣстія.

Въ числѣ возраженій, которыми опровергали во Франціи проектъ объ уменьшеніи процентовъ съ государственнаго внутренняго займа, было и то, что билеты сего долга, раздѣленные на множество мелкихъ участковъ, находятся въ рукахъ множества небогатыхъ людей, и что слѣдственно, уменьшая проценты, лишаютъ небогатыхъ хозяевъ билетовъ дохода, на который они надѣялись, который почитали прочнымъ и постояннымъ. Возраженіе нелпое, доказывающее совершенное незнаніе финансовой науки и сущности дѣла! Но любопытно, что при семъ случаѣ выведенъ расчетъ, кому и какіе участки долга принадлежатъ. Выходитъ, что 96,215,956 фр. госуд. долга, за который платится по 5 проц., принадлежатъ 120,262 человекамъ, изъ коихъ въ Парижѣ живетъ 104,083. Въ семь числѣ, имѣющихъ билеты на сумму не болѣе 100 фр. считается 44,712, не болѣе 500 фр. 42,121, не болѣе 1000 фр. 13,912, до 2000 фр. 9410, до 5000 фр. 6511, болѣе 5000 фр. 3346 (сумма 38,095,861 фр.).

Сравнивая земледѣліе Французское съ Англійскимъ, находятъ слѣдующіе выводы, доказывающіе превосходство Англійскаго земледѣлія: во Франціи, гектаръ земли даетъ, среднимъ числомъ, 13 и 14 гектолитровъ пшеницы, и 14 ячменю, а въ Англій-

пшеницы и ячменю получаютъ съ него по 20 гектолитровъ. Урожай картофеля, овса, и прочаго, относится, какъ 12 и 14 къ 20 и 22. Пространство Франціи и Англійи содержится взаимно, какъ 5-ть къ 3-мъ, а между тѣмъ Французское земледѣліе производитъ въ годъ на 4500 милліоновъ фр., а Англійское почти на 5500.

По случаю споровъ о распредѣленіи доходовъ Англійскаго духовенства, сообразно равенству между всеми членами Англиканской церкви, съ отдѣленіемъ части на училища духовныя, исчислено, что Англійскіе архіепископін и епископін получаютъ 181,631 ф. ст., соборные коллегіальные капитулы 75,854, а мѣстныя бенифиціи 3,197,225 ф. ст., всего до 3,728,951 ф. ст. — Приходится архіепископу и епископу по 3000, членамъ капитуловъ болѣе 650, но архіепископы Кантербурійскій и Дургамскій получаютъ по 20,000 ф. ст.

Золотую и серебряную посуду, принадлежащую Англійской Королевѣ, и хранящуюся въ Вилдзорѣ, цѣнять въ 1,750,000 ф. ст. — Тутъ находятся: павлинь изъ драгоценныхъ камней, въ 300,000 ф. ст., драгоценная Типпо-Самбова скамейка, въ видѣ тигровой головы, древніе золотые щиты, посуда, взятая на Испанской Армадѣ, сервизы Индійскіе, Китайскіе, Бирманскіе, сервизъ Георга IV-го, на 130 особъ, золотой, чаша Карла XII-го, и проч.

Кромѣ особъ Королевскаго Дома, и иностранныхъ Государей и Принцовъ, орденъ Подвязки имѣютъ теперь 25 особъ высшаго Англійскаго дворянства. Самый старшій изъ сихъ кавалеровъ Графъ Лонсдаль (которому 81 годъ отъ роду), самый младшій Герцогъ Буклей, 32-хъ лѣтъ. Герцогъ Веллингтонъ по счету лѣтъ приходится 12-й.

Англійская внутренняя милиція (yeomanry), объ

уничтоженіи которой идетъ теперь споръ въ Парламентѣ, составляетъ изъ 18,144 человекъ солдатъ, и 1114 офицеровъ. Она ежегодно стоитъ Англии до 2½ миллионъ рублей.

Почтамты въ Швеціи разослали въ прошломъ году три миллиона писемъ (160,000 больше, противъ 1836 г.), и на излишекъ почтового дохода построены почтовой пароходы. Почтовые дороги въ Швеціи составляютъ теперь до 263,000 миль, изъ коихъ 82,650 миль отдѣлено въ послѣднія десять лѣтъ.

Королевская типографія въ Парижѣ есть первое заведеніе сего рода въ цѣломъ свѣтѣ: въ ней печатаются книги на 45-хъ языкахъ, подвижными буквами. Она основана была въ 1528 году, и донныи издавала около 1,400 рѣдкихъ и драгоценныхъ книгъ.

Нынѣшній президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Мартинъ ванъ-Буренъ, есть *восьмой*, съ начесаго Федеральнаго государства, и избранъ ровно черезъ *сорокъ лѣтъ* послѣ Вашингтона (въ 1837 году), ибо Вашингтонъ былъ первымъ президентомъ Штатовъ, съ 1789-го по 1797 годъ. Потомъ слѣдовали: Адамсъ, Джефферсонъ, Медисонъ, Монрое, Адамсъ и Джексонъ.

Иностранную торговлю въ С.Петербургѣ, въ прошломъ году, производили 162 торговые дома; итогъ годового привоза товаровъ составилъ 198,043,195 рублей, а вывозъ 126,375,835 рублей, такъ, что весь оборотъ привоза и вывоза простирался до 324,419,030 рублей. Кромъ того, шкиперами и пассажирами привезено на 884,737 р., вывезено на 534,025 р. Изъ числа 162 домовъ купеческихъ, производившихъ торговлю, Штиглицъ и К. имѣли оборотъ на 53 миллионъ, Голфордъ и К. на 18½, Томсонъ Бонаръ и К. на 16, Дж. Томасъ и К. на 14¼, Лодеръ и К.

на 12, Клеменць, Тундеръ и К. на 11; остальные негоціанты произвели обороты слѣд. капиталовъ: 1 до 10-ги миллионъ, 1 до 9, 2 до 8, 4 до 7, 3 до 6, 6 до 5, 6 до 4, 17 до 3, 24 до 2, и 82 меньше миллионъ рублей.

Число иностранныхъ кораблей, прибывшихъ въ Ревель въ прошедшемъ году, было 77, отбывшихъ изъ Ревеля 67. Изъ Русскихъ и Финляндскихъ портовъ приходило 374, а вышло въ нихъ 395 судовъ. Вся сумма привоза въ Ревель товара составила 1,185,716 рублей (меньше 822,954 р. противъ 1836 г.), а вывоза 579,042 рубля (меньше 142,212 рубл. противъ 1836 года).

Плаваніе черезъ Зундскій проливъ въ 1837 г., превзошло плаваніе 1836 года весьма значительнымъ числомъ кораблей, а именно 1180-ю. Вотъ сравнительная вѣдомость за оба года:

	1836	—	1837
Кораблей: Англійскихъ	3194	—	3432
Прусскихъ	2392	—	2315
Норвежскихъ	1447	—	1843
Датскихъ	920	—	1112
Шведскихъ	963	—	1043
Голландскихъ	663	—	845
Мекленбургскихъ	740	—	766
Галловекскихъ	416	—	471
Французскихъ	105	—	133
	11,921	—	13,101

Съ 1831 года завелись въ Гельсингфорсѣ морскія бани и купальни. Теперь къ нимъ присовокуплены искусственныя минеральныя воды, и всякія удобства, какъ то: ванны, купальни, бани холодныя и теплыя, ароматическія, сѣрныя, зала для плаванья, зала для гимнастики, и проч. Все это расположено въ 2-хъ верстахъ отъ города, на берегу прекраснаго

залива. Средства сообщенія, квартиры, пища дешева и удобны. Перезьезды въ Або, Стокгольмъ, Ревель и Петербургъ будутъ производиться изъ Гельсингфорса пароходами. Доктора Борнсдорфъ и Гартвальмъ распоряжаются заведеніемъ. Легкость переѣзда, видъ моря, живописныя окрестности, дешевизна, лекарство — все соединяется здѣсь, и посѣтителѣмъ нельзя не обратить вниманія на прекрасное Гельсингфорское заведеніе.

Вотъ титулъ Португальской Королевы, какъ означенъ онъ въ заглавіи новыхъ государственныхъ постановленій Португалліи: «Донна Марія, Божіею милостию, и по уставу государства, Королева Португаліи и Алгарбій, Синьора Гвинеи, Африканскихъ земель, и областей въ Эіопіи, Аравіи, Персіи, Іудей, и проч. и проч.»

Первый Католическій епископъ въ Сосдиненныхъ Штатахъ былъ поставленъ въ 1790 году. Теперь, считается тамъ 12 Католическихъ епархій, одинъ архіепископъ, 13 епископовъ, 300 церквей, 380 священниковъ, 12 семинарій, 23 женскіе монастыря, 37 женскихъ духовныхъ училищъ, 37 благотворительныхъ заведеній духовныхъ, и издается семь журналовъ духовнаго содержанія въ защиту католицизма.

Въ Мадридѣ выходитъ теперь 11 ежедневныхъ журналовъ и газетъ, не считая еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданій. Вновь предпринимаютъ изданіе трехъ журналовъ; въ томъ числѣ будетъ одинъ военный листокъ (Военное Обзоріе). Издатель его генераль Эваристъ Санъ-Мигель.

Въ Цюрихѣ, по обыкновенію, праздновали открытіе весны торжественнымъ ходомъ, гдѣ жители переряжаются во всѣ платья, какія только употреблялись когда либо въ Швейцаріи.

По извѣстіямъ доктора Бюллара, чума, съ 1800-го по 1837 годъ, свирѣпствовала 9 разъ въ Требизондѣ, 6 разъ въ Царьградѣ и Смирнѣ. Въ Царьградѣ, въ 1812 г. погибло отъ нея 150,000; а въ 1834 г. въ Александріи 12,000, въ Каирѣ 80,000, и въ 1837 г. въ Смирнѣ 15,000.

Молнія ударила въ мачту Бостонскаго купеческаго судна, Рутелія, которое, съ грузомъ 1531 кипы хлопчатой бумаги плыло въ Европу. Оказался пожаръ. Несчастные мореплаватели не видѣли средства спасенія, находясь на открытомъ морѣ. Къ счастью, ихъ замѣтилъ издали Англійскій бригъ Джонеттъ, и поспѣшилъ на помощь. Экипажъ былъ спасенъ; корабль сгорѣлъ до основанія.

Во время великаго поста, толпы Парижанъ сходились въ церкви Notre-Dame, St. Roc. St. Louis d'Antin, St. Thomas d'Aquin, слушать проповѣдниковъ Равиньяна, Серта и Деппаса; особливо первый привлекалъ множество народа жестокою войною, какую объявлялъ онъ безбожникамъ и философамъ.

Корабль Сюффренъ, попавшій на мель близъ Кадикса во время жестокой бури, успѣли ввести въ Кадикскую гавань, гдѣ будутъ исправлены всѣ его поврежденія.

Въ Плимутъ возвратилась Англійская бригантина Buzzard, послѣ трехлѣтняго крейсированія близъ западныхъ береговъ Африки. Дѣйствіе убійственнаго тамошняго климата было таково, что въ это время корабль перемѣнилъ восемь капитановъ, и изъ 58-ми чловѣкъ его первоначальнаго экипажа осталось только 16 чловѣкъ.

Смертныя останки добродѣтельнаго Монтіона перенесены съ кладбища Вожирарскаго въ часовню Hôtel-Dieu, гдѣ погребены въ склепѣ, надъ кото-

рымъ воздвигнуть памятникъ сему другу человечества.

Смерть Бернара Раймонда, который пятьдесятъ два года считался гроссмейстеромъ Храмовыхъ Рыцарей, или Тамплиеровъ, напомнила, что тѣнь этого, вѣкогда столь знаменитаго духовнаго ордена, еще существуетъ въ Европѣ. Во Франціи, отъ самаго Иакова Молая непрерывно продолжался рядъ гроссмейстеровъ, въ числѣ коихъ былъ одинъ изъ Орлеанскихъ Герцоговъ. Графъ Монталиве, Герцогъ Монтебелло и Бартъ считаются Тамплиерами. Разумѣется, что все отличіе состоитъ въ титулѣ, и маленькомъ крестикѣ, который носятъ мнимые Тамплиеры. Гроссмейстеръ Раймонъ назначилъ преемникомъ своимъ Сира Сиднея Смита.

Таліони пріѣхала въ Парижъ благополучно.

Садовые фабриканты въ Марсели были преданы суду, за умышленную стачку для возвышенія цѣны на свой товаръ. Судъ опредѣлилъ взыскать съ нихъ 10,000 фр. штрафа, а главнаго и общаго маклера ихъ осудилъ на мѣсячное заключеніе въ тюрьму, и 3,000 фр. пени.

Компанія знаменитаго *физионотипа* въ Парижѣ близка къ банкротству. Она соединяется съ *Обществомъ здоровья* (Société sanitaire). Бюсты физионотипическіе далеко не столь превосходны, какъ объ нихъ накричали сначала. Мы могли въ этомъ удостовѣриться, разсматривая физионотипы, и его произведенія, въ Петербургѣ находящіеся.

Сѣверо-Американскіе Штаты опредѣлили выдать 100,000 долларовъ бѣднымъ потомкамъ Фультона. Вы не знаете, кто былъ Фультонъ? Онъ первый изобрѣлъ и образовалъ пароходы. Милліоны пріобрѣли потомъ тѣ, кто устраивалъ пароходы въ разныхъ

мѣстахъ, и во всѣхъ странахъ свѣта, а потомки Фультона умирали съ голоду.

Число путешественниковъ изъ Европы въ Индію, и обратно, черезъ Суэзскій перешеекъ, безпрестанно умножается.

По изслѣдованіямъ въ Лондонѣ открывається, что причиною свирѣпствующей тамъ заразительной болѣзни были испаренія газовыл, происходящія отъ газометровъ, устроенныхъ для провода газа въ разные мѣста Лондона; они заражали воду въ колодцахъ, и дѣлали ее вредною для питья.

Въ Бельгіи, крестьянка Каролина Филеръ родила живыхъ близнецовъ, сросшихся вмѣстѣ, подобно знаменитымъ Сіамцамъ. У нихъ также двѣ головы и четыре руки, но ногъ не четыре, а три; средняя нога съ десятью пальцами.

Огромнѣйшій аэростатъ будетъ спущенъ въ Лондонѣ въ Маѣ мѣсяцѣ. Окружность его 200, высота 130 футовъ.

Вотъ рѣдкое явленіе: въ Сентъ-Омерѣ, близъ Дюнкирхена, явился въ морѣ подлѣ береговъ — *блѣдный ледоглыбъ*. Его убили и отдали въ музей. Какъ этотъ житель Ледовитаго моря добрался до Французскимъ береговъ — непостижимо!

Теперь, когда отъ Ратисбона ходитъ по Дунаю Баварскій пароходъ, изъ Баваріи въ Царьградъ можно достигнуть на пароходѣ въ двѣ недѣли.

Въ половинѣ Апрѣля, въ Лондонѣ продавали землинку и зеленый горохъ, привезенные изъ Франціи. То и другое продавалось на аптекарскій вѣсъ: за унцію землинки и за литру гороху платили по 18 шиллинговъ (болѣе 20 рублей).

Въ пользу разоренныхъ наводненіемъ въ Венгріи, въ Франкфуртѣ на Майнѣ давали духовный концертъ,

въ церкви Св. Екатерины. Любители и музыканты исполнили превосходно Гайденово *Сотвореніе Міра* и *Аллилуйя*. Софія Лоу, проездомъ изъ Берлина, участвовала въ концертъ, но всеобщій восторгъ произвела голосъ Графини Росси — славной *Зонитгагъ*. До 4,000 чловѣкъ слушателей находилось въ концертъ. За входъ положено было по талеру.

Мейерберовыхъ *Гугенотовъ* готовятся дать на Минхенскомъ театрѣ, подъ именемъ *Англикановъ*. Настоящій текстъ замѣненъ другимъ, для котораго сюжетъ взятъ изъ Англійской исторіи, время Кромвелл.

Апрѣля 9-го открыта желѣзная дорога отъ Лондона въ Бирмингамъ, оконченная на протяженіи 70 миль. Остается окончить се еще около 37 миль. Тогда можно будетъ пріѣхать изъ Лондона въ Бирмингамъ въ 6, а въ Ливерпуль въ 10 часовъ.

Все протяженіе желѣзныхъ дорогъ, въ последнее время предпринятыхъ въ Англии, по совершенномъ окончаніи ихъ, составитъ около 1,050 миль, и потребуетъ для полной отдѣлки не менѣе 24-хъ милліоновъ, ф. с. (около 625 милліоновъ).

Надѣются будущею весною кончить желѣзную дорогу изъ Неаполя въ Португию. Переездъ по ней, будетъ продолжаться не болѣе *восьми* минутъ.

Великій Герцогъ Баденскій опредѣлилъ постройку желѣзной дороги, отъ Мангейма до Базельскихъ границъ, черезъ Гейдельбергъ, Карлсруэ, Рапштадтъ, Оффенбургъ и Диллингенъ, съ отраслью на Кель. Расходы на постройку полагаютъ въ 32 милліона франковъ (13 милл. флоринновъ). Къ работѣ приступятъ немедленно.

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ проводятъ желѣзную

дорогу на 200 миль, отъ Сиднея къ Моррумбиджи.

Вильменъ выдалъ еще два тома своего *Cours de Littérature française*, гдѣ помѣщено обзорніе литературы XVIII-го столѣтія.

Въ Парижѣ скоро выйдетъ Французскій переводъ Шпллеровыхъ романовъ. Имъ занимается Петръ Шевалье.

Апрѣля 1-го вышла въ Минхенѣ первая книжка новаго журнала, издаваемаго Герресомъ и Филиппсомъ, въ защиту Папы и католицизма, подъ названіемъ: *Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland*. Каждый мѣсяцъ будетъ издаваема книжка, листа въ три печатныхъ.

А. Сепъ-Просперъ и Гузе издадутъ въ Парижѣ собраніе раздѣльныхъ исторій и географій всѣхъ народовъ (*Le Monde, Histoire de tous les peuples*), со ста картами, и 500 картинками, гравированными на стали. Книга выходитъ тетрадами, и каждая тетрадка стоитъ менѣе 20 коп. (20 сантим.), Исторія Франціи составитъ 65 тетрадокъ, Англии 40, Палестины 35-ть. На первыи тетрадки оказалось уже 5,000 подписчиковъ.

Англійскій книгопродавецъ Муррай издаетъ, подъ именемъ: *The Tribut*, собраніе неизвѣстныхъ донынѣ стихотвореній знаменитыхъ особъ Англии. Тутъ помѣстится, между прочимъ, переводъ съ Греческаго пятой пѣсни Одиссея, Лорда Джона Русселя, нынѣшняго статсъ-секретаря Британскаго, по управленію внутреннихъ дѣлъ. По поводу сего замѣчаютъ, что въ числѣ нынѣшнихъ Англійскихъ министровъ находятся девятеро, писавшихъ стихи и прозу: Лорды Мельбурнъ, Мулгравъ, Голландъ, Гленельгъ, Пальмерстонъ, Морпетъ, Сиръ Г. Гобгоуъ и г-нъ

Спрингъ-Рейсъ, Мульгравъ писалъ повѣсти; Мельбурнъ сочинилъ комедію; Голландъ переводилъ Лопе де-Вегу.

Въ Нирембергъ привезли бронзовую статую Алберта Дюрера, изваянную по заказу Нирембергцовъ ваятелемъ Раухомъ. Ее поставятъ противъ дома, гдѣ жилъ некогда славный художникъ, и гдѣ сохраняются еще его комнаты, мебели и вещи.

Жители Вашингтона заказали Неаполитанскому ваятелю Персико колоссальную статую Колумба, которая поставится на главной Вашингтонской городской площади. Колумбъ представленъ будетъ въ ту минуту, когда отправляется въ Европу доведеніе о своемъ великомъ открытіи.

Генералу Лагарпу воздвигаютъ памятникъ на Леманъ, противъ мѣстечка Роля, родины его. Онъ будетъ состоятъ изъ огромной пирамиды, на небольшомъ островкѣ, не вдалекѣ отъ берега.

Герцогиня Кастані, производя разрытіе въ Маринеллѣ, около Чивита-Веккин, нашла двѣ Этрусскія гробницы, гдѣ открыли много древнихъ Этрусскихъ вазъ, статуекъ и украшеній, весьма драгоценныхъ. Кроме того отыскавъ здѣсь превосходный мраморный *торсъ*.

Въ Антверпенѣ учреждается выставка картинъ, которыя находятся въ семь городъ у разныхъ частныхъ людей. Множество превосходныхъ произведеній, особенно Фламандской школы, оставались тамъ донынѣ почти неизвѣстными, погребенными въ частныхъ галерейхъ. Имъ сдѣлаютъ потомъ систематическое описаніе.

Въ 1790 г. какой-то мѣдникъ купилъ старую мѣдь въ аббатствѣ Клервосскомъ. Въ ней нашли теперь печать Св. Бернарда, на которой изображенъ

онъ самъ, съ надписью: Sigillum: Bernardi: abattis Claervall. Драгоценность эту отдали въ Руанскій музей.

Пишутъ изъ Бомбей, что тамъ найдены переводы на Санскритскій языкъ Эвклида, сдѣланный нѣкогда по повелѣнію Джейннга, царя Джейпурскаго.

Новый родъ минерала открытъ г-мъ Дуттономъ въ Коннектикутѣ, близъ Уатеръ-тоуна, и названъ *эремитъ*, по отдаленности мѣста, гдѣ онъ находится. Онъ найденъ въ гранитѣ, вмѣстѣ съ кристаллами чернаго турмалина. Форма его прямая призма, съ облическими углами; цвѣтъ полупрозрачный, темно-желтый; удѣльный вѣсъ 3,714.

Минхенская Академія наукъ торжествовала 79-й годъ со времени своего основанія, публичнымъ заведеніемъ. Шеллингъ произнесъ рѣчь въ память Сильвестра де-Саси, который былъ иностраннымъ членомъ сей Академіи.

Славный Гершель возвратился съ Мыса Доброй Надежды. Онъ подробно обозрѣлъ звѣздное южное небо. Въ числѣ драгоценныхъ извѣстій, коими обогатилъ онъ астрономію, весьма любопытно новое наблюденіе его надъ неожиданнымъ явленіемъ съ неподвижною звѣздою въ созвѣздіи Аргоса. Въ декабрѣ 1837 года, сія звѣзда, вдругъ, изъ звѣзды второй степени, явилась звѣздою первой величины, увеличивалась быстро, и 20 Января была уже равна звѣздѣ Центавру, которал, по блеску своему, считается 4-ю звѣздою на югѣ. Со времени Тихо-Браге, когда подобное явленіе замѣчено въ 1572 г., оно было неслыханнымъ до нашего времени.

Рауль-Рошеттъ, съ молодымъ архитекторомъ Моремъ (Morey), получилъ повелѣніе Французскаго

правительства отправиться въ ученую, археографическую поѣздку по Греціи и Малой Азіи.

Э. Дюлорье отправляется отъ Французскаго правительства въ Англію, для осмотра Египетскаго Музея и Коптекскихъ рукописей, въ Лондонъ и Оксфордъ.

Италіанскій египтологъ Росселлини получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Гизо избранъ членомъ Стокгольмской Академіи.

На корабль *Бонита* доставлено для Парижскаго Музея Египетскихъ пѣсковокъ рѣдкихъ звѣрей, которые донинѣ не были привозимы въ Европу живыми: чернорожалъ макака, обезьяна съ свиннымъ хвостомъ, Индійская циветта, Яванскій олень, Китайскія собаки, и проч. — Изъ числа подарковъ Абдъ-эль-Кадера переданы въ Музей три газели и три строфокамила.

Мы упоминали о метеорологическомъ календарѣ Ирландца Мурфи, который изумилъ вѣрностью своихъ предсказаній, и предсказалъ прошедшую жестокою зиму. Теперь вышелъ опять его календарь, на Англійскомъ (*Weather Almanac*) и на Французскомъ языкѣ (*Calendrier météorologique*) на 1838 годъ. Мурфи рѣшительно увѣренъ, что онъ привелъ метеорологію въ правила науки.

Эдъ-Делоншанъ представилъ Линнееву Нормандскому Обществу описаніе курицы-гермафродита. Она жила совершеннымъ отшельникомъ въ курятникѣ; пѣтухи не приближались къ ней, а курицы она гоняла отъ себя; спереди, по большому гребню и перьямъ на шеѣ, походила она на пѣтуха, а по хвосту на курицу; иногда пѣла она, какъ молодые пѣтухи, а иногда садилась въ гнѣздо, клохча, какъ

насѣдка, но тотчасъ вскакивала, разбивала лица и съѣдала ихъ.

Опытъ надъ печами новаго устройства, для наполненія монгольфьеровъ, произведенъ въ Англіи; въ 8 минутъ огромный шаръ наполнился, и ни малѣйшей опасности не оказалось, хотя степень жара въ шарѣ простирался до 75° Р.

Самая высочайшая въ мірѣ печная труба устроена теперь на бумагопрядильнѣ Биксоновъ, въ Карлейль, въ Англіи. Она возвышается на 305 футовъ отъ земли — высота, равная шпицу купола инвалидовъ въ Парижѣ и высотѣ Миланскаго собора.

Въ Баранвиллѣ спустили на воду пароходъ, назначенный для плаванія по рѣкѣ св. Магдалины. Онъ въ 140 футовъ длиною, и построенъ изъ кедроваго лѣса.

Въ Лондонѣ показываютъ новую дорожную карету; это цѣлый домъ, на четырехъ огромныхъ колесахъ; ширина кареты 9, длина 25 футовъ. Въ ней находятся комнаты, съ столами, диванами, каминомъ и всеми удобствами.

Францезъ, житель Нью-Йорка, построилъ ботъ, съ двойными стѣнами, между которыми пропущены трубы съ водородомъ, такъ, что ботъ этотъ какъ пузырь наполненный воздухомъ, не можетъ потонуть въ водѣ; особенною трубою вливался вода сама стремится вонъ изъ внутренности бота, а по бокамъ его приделаны веревочныя петли, на которыхъ можно удерживаться тонущимъ людямъ. Всѣ, видѣвшіе опыты, производимые изобрѣтателемъ, соглашаются, что ботъ его превосходитъ все, что было подобнаго изобрѣтено для спасенія отъ гибели въ морѣ.

Фишеръ, Фробургскій композиторъ, предлагаетъ

замѣнить мѣдныя и желѣзныя струны платиновыми, и сдѣланными изъ желѣза и платины. По его опытамъ, звукъ такихъ струнъ нѣжнѣе и лучше, и притомъ онѣ не ржавѣютъ и не ломаются.

Въ Брисселѣ основалось общество, для выдѣлки мебели машинною. Общество купило у Парижскаго механика Гремпра, за 600,000 фр., машину, которую сначала изобрѣлъ онъ только для выдѣлки ружейныхъ ложей, но теперь приспособилъ вообще къ мебели.

Садовникъ Леруа, въ Анжерѣ, уже нѣсколько лѣтъ разводитъ удачно чайныя деревца на открытомъ воздухѣ. Онъ садитъ ихъ на высокихъ холмахъ, съ западной стороны, между другими кустарниками.

Во Франціи съ большимъ успѣхомъ разводятъ теперь, для выдѣлки индиго, растеніе, извѣстное подъ именемъ *polygonum tinctorium*.

Нидерландское правительство раздастъ шелководнымъ деревья всѣмъ желающимъ заняться шелководствомъ, ибо опыты удостовѣрили, что въ климатѣ Голландскомъ шелковые черви разводятся успѣшно.

Апрѣля 22-го Парижское королевское агрономическое Общество раздавало награды, за лучшее руководство къ изученію агрономіи въ первоначальныхъ школахъ. Сорокъ шесть рукописей представлено было Обществу. Лучшими сочиненіями признаны г-дъ Викторъ Рандю (*V. Rendu*), Штольца (*Stoltz*) и Госсена сына (*Gossin fils*). Каждому изъ сихъ сочинителей выдано по 1000 франковъ. Кроме того, золотыя медали даны за сочиненія г-дъ Перро-де-Жотама (*Perrault de Jotems*) и Руайе (*Royer*).

Домбаль издастъ 9-й томъ своихъ *Mélanges d'économie rurale*, служащихъ продолженіемъ «Земледѣльче-

скимъ Ровильскимъ лѣтописямъ», и пятое изданіе своего извѣстнаго *Calendrier du bon cultivateur*.

Въ Португаліи выпало нѣнѣшнюю зимою множество снѣгу. Жители смотрѣли съ изумленіемъ на такую неслыханную диковинку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молились въ церквахъ, объ избавленіи отъ неслыханнаго бѣдствія; индѣ собирали снѣгъ, какъ удивительную рѣдкость. Лошадей и скотины не могли выгнать изъ конюшенъ и хлѣбовъ — такъ пукала ихъ невиданная близизна снѣга, покрывавшаго улицы и дворы.

Изъ Сентъ-Жанъ-Пье-де-Поръ (въ южной Франціи) пишутъ: «До Апрѣля у насъ не было зимы; теперь выпалъ снѣгъ, на футъ покрывшій полд. Бѣда нашимъ виноградникамъ!»

Въ концѣ Апрѣля, въ Римѣ и Неаполѣ начались холода, выпалъ снѣгъ, и пошли холодные дожди, съ градомъ и сильными вѣтрами.

Въ половинѣ Апрѣля, въ Абердинѣ и другихъ мѣстахъ Шотландіи была жестокая буря, съ снѣгомъ.

Въ концѣ Апрѣля, Англійскія газеты наполнены были описаніями бурь, дождей, градовъ, вьюговъ и урагановъ, которые свирѣпствовали въ это время по Англійскимъ берегамъ, и причинили большія опустошенія.

Въ половинѣ Апрѣля, въ Артуа замѣтили около солнца парелин; онъ составили два блѣдныя солнца по сторонамъ настоящаго. Зимою видѣли тамъ подобное явленіе, но еще великолѣпнѣе, ибо три солнца видны были треугольникомъ около настоящаго. Почти въ то же время въ Шербургѣ замѣчено было сѣверное сіяніе.

Нева вскрылась 16-го Апрель, и обыкновенный обрядъ, переѣздъ комманданта изъ крѣпости, означилъ начало плаванія сего года. Полагая самымъ *раннимъ* временемъ вскрытія Марта 22-е (какъ въ 1723 г.), а самымъ *позднимъ* Апрель 30-е (какъ въ 1810 г.), нынѣшнее вскрытіе должно почесть *среднимъ*. Кромѣ необыкновеннаго случая въ 1822 году, когда Нева вскрылась 6-го Марта, съ 20-хъ числа Марта, Нева вскрывалась, въ теченіе 119 лѣтъ, 19 разъ, съ 1-го Апрель 13, съ 6-го 30, съ 11-го 30, съ 16-го 10, съ 21-го 9, съ 26-го до 1 Мая 4 раза. Но нынѣшній годъ, жестокая зима оказала свое дѣйствіе въ нѣсколько - кратномъ прохожденіи льду изъ Ладожскаго Озера послѣ вскрытія. Огромныя глыбы неслись по Невѣ, распространяли холодъ въ атмосферѣ, и прерывали сообщенія въ столицѣ. — Рѣка Нарова очистилась въ Нарвѣ отъ льдовъ 14-го Апрель. Вскрытіе Западной Двины началось въ Ригѣ 10-го Апрель, и 12-го рѣка очистилась отъ льдовъ; прибыль воды началась 8-го, и достигала до 12 футовъ выше обыкновеннаго фарватера, но 14-го рѣка сбыла. — Рижская навигація открылась 17-го. Первый корабль пришелъ 27 Апрель; до 5 Мая пришло уже около 220 кораблей, не считая 300 барокъ, приплывшихъ по Двинѣ изъ внутреннихъ областей Россіи. — Въ Таганрогъ навигація началась 27 Марта. — Вскрытіе рѣки Аа, въ Митавѣ, было на 7-е Апрель. — Апрель 24-го пришли въ Ревель четыре Датскіе корабля изъ Мессины, съ фруктами, а потомъ два изъ Фленсбурга, съ устрицами, и два Англійскіе съ товаромъ. — Мая 3-го пришелъ въ Кронштадтъ первый пароходъ изъ Петербурга, а Мая 7-го два парохода изъ Любека, задержанные льдами въ пути 9 и 7 дней. До 10-го

Мая приходившихъ въ Кронштадтъ кораблей было уже 77. — Въ Архангельскѣ ледъ тронулся на Двинѣ 21-го, а на Онегѣ 22 числа Апрель.

Въ началѣ Апрель, два корабля съ фруктами, изъ Мессины, вошли уже въ Балтійскій Портъ; въ десятыхъ числахъ Апрель прибыли въ Либаву шесть купеческихъ кораблей.

Страсть къ компаніямъ доходитъ во Франціи до совершеннаго безумія. Ажіотажъ дѣлается истинною лзвою общества, и потому неудивительно, что правительство хочетъ остановить песчаное легковѣріе однихъ и жадное безстыдство обмана другихъ. Въ Январѣ и Февралѣ учредилось въ Парижѣ 67 компаній, съ номинальнымъ капиталомъ въ 118,022,000 фр., раздѣленнымъ на 210,219 акцій. Въ Маргѣ число новыхъ компаній явилось еще болѣе, и они выдали 399,635 акцій, на капиталъ 274,572,000 фр. Изъ числа 1106 компаній, объявленныхъ съ 1826 года, 401 имѣли предметомъ журналы и книжныя предпріятія, 95 фабрики и мануфактуры, 93 дилижансы и транспорты, 60 кузницы, желѣзные заводы, добываніе каменнаго угля, 52 внутреннее и внѣшнее судоходство, 40 банки и учетныя конторы, 27 застрахованія, 25 разныхъ осушенія и обработки земель, 24 театры, 260 разнородныя предпріятія.

Страсть къ биржевымъ ажіотажамъ и спекуляціямъ дошла въ Англии до такого же сумасшествія, какъ и въ Парижѣ. Одинъ изъ извѣстныхъ торговыхъ домовъ въ Лондонѣ объявилъ о составленіи новой компаніи, началъ выдавать только объявленія объ акціяхъ, и толпы народа хватили эти объявленія, давали задатки, продавали взятые объявленія на биржѣ, довели цѣну ихъ до 300 на 100 настоя-

щей суммы, а между тѣмъ до сихъ поръ неизвѣстно, въ чемъ состоитъ компанія, великъ-ли капиталъ ея, и кто директоры? Ажіотажъ дѣйствовалъ на мечту какою-то.

Безуміе спекуляцій ни въ чемъ тамъ не оказывалось теперь, какъ въ желѣзныхъ дорогахъ. «Желѣзная дорога!» волшебное слово въ Европѣ. Не спрашиваютъ — куда, какъ, зачѣмъ пролагается она — бѣгутъ, хватаютъ акціи, дерутся за нихъ, и недавно Вина, благоразумная египтистка, представила разительный примѣръ уметвенной заразы спекуляцій. Едва только объявили, что будутъ раздавать акціи на желѣзную дорогу, предполагаемую отъ Вины къ Рабу, сбѣжалось болѣе 30,000 человекъ. Не смотря на то, что раздача производилась въ лѣтнемъ, обширномъ дворцѣ Шварценберга, не достало мѣсто для стеченія народа; заперли ворота и двери; поставили стражу. Народъ полѣзъ черезъ стѣну, ворота вышибли, изувѣчили стражу, переломали руки, ноги другъ другу. Кто успѣвалъ взять билеты, тотъ продавалъ ихъ другому съ барышнемъ. На площади открылась биржа, и безпорядки едва утишили.

Славная Англіійская пѣвица Миссъ Стеффенъ вышла замужъ, за одного изъ Англіійскихъ богатѣй и знатнѣйшихъ людей, Лорда Эссекса. Онъ подарилъ ей передъ свадьбою 5,000 ф. ст. годового дохода (около 125,000 рублей). Графиня теперь уже не молода: ей около 44 лѣтъ; она дебютировала въ 1813 году на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, и уже семь лѣтъ тому отказалась отъ сцены. Графъ однако жъ немножко постарше ея: онъ родился въ 1757 г., слѣдовательно, ему теперь 82 года.

Въ Миддлсексѣ, въ приходѣ Руйслипскомъ, жи-

вуть двое почтенныхъ супруговъ: мужу 103, а жень 101 годъ.

Какой-то скупецъ въ Вожскомъ департаментѣ, во Франціи, рѣшился не платить пошлыны съ дверей и оконъ, задѣлалъ ихъ, и лазить въ домъ свой принималъ часть крыши. У него 2000 фр. дохода, но онъ едва съѣдастъ въ день кусокъ хлѣба.

Какой-то плутъ выдумалъ въ Лондонѣ новый родъ промышленности: въ платѣ почтальона, онъ разносилъ по домамъ письма, будто-бы съ городской почты, и бралъ съ получателей слѣдующую за нихъ плату, наживая иногда такую выдумкою по четыре гинеи въ день.

Во время представленія оперы *Assedio di Corintho* въ Кронштадтскомъ театрѣ, въ Венгріи, раздался пистолетный выстрѣлъ, и одна несчастная женщина, сидѣвшая въ ложѣ, упала, пораженная пулею. Открылось, что ревнивый мужъ увидѣлъ въ ложѣ жены своей мужчину, котораго давно подозрѣвалъ въ связи съ нею, и въ безуміи ревности выстрѣлилъ въ невѣрную. Онъ бился потомъ съ стражею, пришедшею взять его, такъ жестоко, что принуждены были его связать. Раненая жена безумца однако жъ жива.

И въ Англіи были свои *бурши*. Новыя и строгія постановленія изданы теперь въ Оксфордскомъ университетѣ, для укрощенія буйства и шалостей тамошнихъ студентовъ. Прежде 4-хъ лѣтъ ученія, не позволяется ни одному студенту имѣть ни верховой лошади, ни слуги, и потомъ долженъ онъ требовать на это позволенія начальства. Запрещается студентамъ имѣть у себя кошекъ и собакъ, участвовать въ лошадиныхъ скачкахъ, дуэляхъ, стрѣляннѣ въ
Т. III. — Отд. V.

цѣль, и нанимать экипажъ, безъ позволенія начальства.

Весь Парижъ сбѣгался смотрѣть волка, который *замерзъ* нынѣшнею зимою на льду Сены. Открылось, что это была шутка. Замерзшій волкъ оказался чучелой, которую унесли изъ мастерской живописца Ле-Камюса, и поставили на льду Сены.

Гасконецъ Лажуссадъ пріѣхалъ въ Парижъ, и отправился осматривать Парижскія диковинки. Въ Jardin des Plantes ему указали на знаменитаго посланника Абдъ-эль-Кадера, который кидаль лудоры каждому, кто ему кланялся, или оказывалъ маленькія услуги. Лажуссада отрекомендовали его Африканскому превосходительству, который чрезвычайно полюбилъ Лажуссада, пригласилъ его въ ресторацію, и вдругъ предложилъ промѣнять *сто маленькихъ золотыхъ кружковъ на двести большихъ серебряныхъ*. Глупый Африканецъ не зналъ, что онъ мѣняеть 2000 франковъ на 1000! Но такова была его прихоть, и Лажуссадъ побѣжалъ на свою квартиру за 200-ми серебряныхъ большихъ кружковъ. Когда онъ воротился съ деньгами, посольствъ Абдъ-эль-Кадера, свита его, и нѣсколько служивыхъ посредниковъ были уже въ рукахъ полицейскихъ, которые замѣтили плутовство. Открылось, что это были мошенники, нарочно переодѣвшіеся, и хотѣвшіе воспользоваться простотою бѣднаго Гасконца.

НЕКРОЛОГЪ

Графъ Рудгардтъ, бывшій первый министръ Греческаго Королевства, по возвращеніи изъ Царяграда, умеръ въ Триестѣ.

Фовель, бывшій много лѣтъ Французскимъ консуломъ въ Афинахъ, скончался, въ Смирнѣ, 13-го Мар-

та, на 85 году. Имя его памятно всѣмъ путешественникамъ посѣщавшимъ прежде Грецію.

Герцогъ Аршалбо де Талейранъ, братъ знаменитаго дипломата, сконч. въ Сень-Жермень-анъ-лей, на 76 году.

Марколини Арриано, знаменитый врачъ Италіанскій, скончался въ Удино, на 59 году.

Адель Крешини, извѣстная прошлагодними блестящими концертами въ СПбургѣ, умерла въ Черниговской губ., Марта 26-го.

Ридугай, старшій изъ всѣхъ Лондонскихъ книгопродавцевъ, умеръ въ Лондонѣ, на 85 году отъ роду.

Кирило Тимоосевичъ Хлѣбниковъ, директоръ въ Главномъ Правленіи Россійско-Американской Компаніи, Кунгурскій купецъ, ордена Св. Анны кавалеръ, Членъ-корреспондентъ С. Петербургской Академіи Наукъ, скончался въ С. Петербургѣ, 14 Апрѣля.

=

Послѣднія извѣстія изъ Парижа извѣщаютъ насъ о кончинѣ одного изъ достопамятныхъ людей нашего времени: Мая 16-го скончался, отъ кратковременной, одни сутки продолжавшейся, и казавшейся вовсе неопасною болѣзни — *Карль Маэрицій де-Перигоръ*, Князь *Талейранъ*, на 85 году жизни, и — какой жизни! — Рожденный въ 1754 году, епископъ при самомъ началѣ, потомъ оставившій духовное званіе, и *пятьдесятъ лѣтъ* бывшій однимъ изъ первыхъ политическихъ лицъ, однимъ изъ первыхъ дѣятелей всемирныхъ событій, чего не видалъ, чего не испыталъ этотъ человекъ! Исполнитель духовнаго завѣщанія Мирабо, главный министръ Напо-

*

леона при Люневильскомъ, Амьенскомъ, Тильзитскомъ мирѣ, правитель Франціи въ 1814 году, рѣшитель судьбы Наполеона въ 1815 году, дѣятельный участникъ въ событіяхъ Франціи 1830 года, онъ тихо склонился въ могилу, унося въ нее тайны столько дѣлъ, пережившій столько царствованій и царствъ. Свидѣтель неслыханныхъ происшествій въ мірѣ, столь близко извѣстный Лудовику XVI-му, Мирабо, Питту, Фоксу, Вашингтону, Наполеону, Лудовику XVIII, Карлу X, Императору Александру, Лудовику Филиппу, онъ проводилъ вѣкъ прошедшій, и встрѣтилъ новый.

ПРОЕКТЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ,
КАСАТЕЛЬНО УЧРЕЖДЕНІЯ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ
ВО ФРАНЦІИ.

Перевозка товаровъ во Франціи, на обыкновенныхъ дорогахъ, производится лошадьми, скорость которыхъ равна лье (4 верстамъ) въ часъ; пространство, пробѣгаемое въ одинъ день, равно восьми лье, при обыкновенной, и двадцати при ускоренной перевозкѣ.

Средняя цѣна обыкновенной перевозки 80 сант. за тонну, или тысячу килограммовъ товара на каждую лье, или 4000 метровъ, и 1 франкъ 50 сант. за тонну и лье при ускоренной перевозкѣ.

Если перевозка производится рысью, скорость вдвое болѣе, то есть, 2 лье въ часъ. Въ такомъ случаѣ, средняя цѣнность перевозки превышаетъ 4 франка за тонну и лье. Столь большая разница въ цѣнѣ между перевозкою обыкновенною и перевозкою рысью, происходитъ отъ того, что послѣдняя требуетъ прочнѣйшихъ фургоновъ, и производитъ большую усталость въ лошадяхъ.

Средняя скорость двухъ лье въ часъ для diligencovъ, рѣдко употребляется во Франціи. Въ Англии, она часто бываетъ еще болѣе, потому что тяжести на экипажъ нагружаютъ менѣе, и дороги Англійскія находятся въ лучшемъ состояніи. Во Франціи, правда, дороги ежедневно улучшаются, и промышленность публичными экипажами дѣлаетъ боль-

ніе успѣхи, но при всемъ томъ можно показать скорость 4-хъ лье въ часъ предѣломъ, котораго имъ превзойти невозможно, пока употребляются для перевоза только лошади, хотя для достиженія и сего предѣла скорости надобны большія издержки.

На каналахъ и рѣкахъ, бичевая тяга производится обыкновенно людьми, или лошадьми, съ трудомъ проходящими $\frac{1}{2}$ лье въ часъ. Сверхъ того, на каналахъ она останавливается еще шлюзами, а на рѣкахъ неправильностію ложа рѣкъ, и несовершенствомъ бичевниковъ — препятствіями, которыхъ невозможно уничтожить.

Цѣна перевозки на каналахъ и рѣкахъ довольно непостоянна. Средняя цѣнность, не считая пошлыны, будетъ около 8-ми сант. за тонну и лье, то есть, *адельтеро левие* цѣнности сухопутной перевозки. Замѣтимъ впрочемъ, что пошлына возвышается издержки промышленниковъ до 25 сант. на тонну и лье; иногда они достигаютъ даже 40 и 48 сант., то есть половины, и даже болѣе, цѣнности перевозки сухимъ путемъ. Впрочемъ, сіи издержки непостоянны; онѣ возвышаются сообразно количеству перевозимыхъ товаровъ. Часто во время паводка, когда бываетъ нужно въ весьма короткое время перевезти большое количество товаровъ, издержки увеличиваются, и разрушаютъ предположенія и вычисления торговцевъ и промышленниковъ.

На желѣзной дорогѣ перевозка будетъ производиться вообще паровозами. Издержка перевозки, независимо отъ пошлыны для вознагражденія процентовъ и погашенія употребленнаго капитала, не включая въ нее ремонтъ на дорогу и двигателя, можетъ быть положена, для скорости 4-хъ лье въ часъ (конечно достаточной для товаровъ), равною 28 и даже 30 сант. за тонну и лье, то есть, немного болѣе $\frac{1}{2}$ цѣны перевозки обыкновенной, $\frac{1}{2}$ цѣны ускоренной перевозки, и $\frac{1}{13}$ цѣны взимаемой транспортомъ. Одно это сближеніе показываетъ выгоды, которыя должны произойти отъ учрежденія большихъ линій желѣзныхъ дорогъ, если только не принимать въ соображеніе той части платежа, которая представляется проценты капитала; но крайней мѣрѣ, видно однако же, что разница съ издержками пѣнѣйшей сухопутной перевозки будетъ столь значительна, что правительство можетъ, помо-

щю платежа, выгоднѣйшаго для торговли, составить доходъ, который вознаграждаетъ его со временемъ.

На каналахъ, расходы перевоза всегда будутъ менѣе, и это средство перевозки будетъ предпочитаться для товаровъ, доставленіе которыхъ не требуетъ большой скорости, по всѣмъ вещи, которыя перевозятся сухимъ путемъ, по имѣющей нужду въ скорости, сообразуясь съ тяжестью, приобретають облегченіе съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ.

Наконецъ, въ политическомъ отношеніи, желѣзныя дороги будутъ имѣть большое вліяніе на отношенія Франціи съ сосѣдними странами. Кто исчислитъ, какіе перевороты произведутъ сіи сообщенія въ военныхъ системахъ государствъ твердой земли, когда будетъ можно въ нѣсколько минутъ перевезти съ одного конца государства на другой, цѣлыя арміи, со всеми военными снарядами, для нихъ нужными? Конечно, опытовъ еще не было, и мы должны ограничиться только предположеніями, но можно уже и теперь видѣть слѣдствіе для стратегическихъ соображеній, и для безопасности страны, отъ такого быстрого механическаго движенія, какое даютъ желѣзныя дороги, предполагая возможность перевезти въ нѣсколько часовъ многочисленныя силы на тѣ точки, которыя могутъ быть въ опасности.

Прежде всего, желѣзныя дороги предназначаются для перевозки людей, дабы соединить Парижъ, центръ правительства, съ другими центрами народонаселенія.

Во-вторыхъ, желѣзныя дороги должны служить у насъ для большой транзитной торговли съ Океаномъ и Средиземнымъ моремъ, и для перевозки между Океаномъ и Средиземнымъ моремъ съ одной, и Германією, Швейцарією и Италією съ другой стороны. Необходимо, чтобы линія этихъ двухъ огромныхъ транзитовъ входила въ сѣть сообщеній, устройство которыхъ должно быть тѣсно связано съ величайшими соображеніями для общественной пользы. Въ слѣдствіе сихъ двухъ соображеній, мы назначаемъ слѣдующія направленія:

- 1) линія отъ Парижа на Руанъ и Гавръ, съ вѣтвями на Диеппъ, Эльбефъ и Лувье.
- 2) линія отъ Парижа къ Бельгійской границѣ, чрезъ Лилль, съ одной стороны и чрезъ Валансенъ съ другой, съ вѣтвями чрезъ Сомскую долину, на Аббевиль, Булонь, Каме, и Дюнкирхень.

3) линия отъ Парижа до границы Германіи, чрезъ Нанси и Страсбургъ, съ вѣтвью на Майнцъ.

4) линия изъ Парижа на Лионъ и Марсель, съ вѣтвью на Гренобль.

5) линия изъ Парижа въ Нантъ, и на морскую западную границу, чрезъ Орлеанъ и Туръ.

6) линия отъ Парижа къ границѣ Испаніи, чрезъ Орлеанъ, Туръ, Бордо и Байонну.

7) центральная линия отъ Парижа въ Тулузу, чрезъ Орлеанъ и Буржъ.

8) линия отъ Бордо до Марсели, чрезъ Тулузу, съ вѣтвью на Тарбъ и Перпиньяль.

9) линия отъ Марсели до восточной границы, чрезъ Лионъ Безансонъ и Базель.

Линія отъ Парижа на Руанъ и Гавръ, съ вѣтвями, соединить порты, находящіяся въ наибольшихъ сношеніяхъ съ столицей, и доставляющіе заморскіе, необходимыя для насъ товары. По ней негоднѣе, котораго дѣла заставляютъ жить постоянно въ Парижѣ, можетъ въ нѣсколько часовъ пріѣхать въ Руанъ, или Гавръ, чтобы самому присмотрѣть за снаряженіемъ судовъ, отправляемыхъ имъ въ далекія страны; такимъ образомъ онъ можетъ распространить кругъ своихъ дѣйствій, и это распространеніе, въ свою очередь, будетъ дѣйствовать на коммерческую дѣятельность королевства.

Одна изъ важнѣйшихъ причинъ огромнаго распространенія морской торговли Англіи происходитъ отъ того, что столица Англійская есть вмѣстѣ съ тѣмъ и морской портъ. Капиталы, стекающіеся со всѣхъ сторонъ въ столицу, столь многочисленную, гдѣ живутъ все главныя лица, изливаются въ морскія предпріятія и дальнія экспедиціи; соединеніе Гавра съ Парижемъ новымъ путемъ, который, такъ сказать, уничтожитъ разстояніе между этими торговыми городами, произведетъ подобныя же результаты для насъ, и замѣнитъ оборотъ капиталовъ предпріятіями полезными для производительности и размѣна произведеній нашей почвы и промышленности. Линіею отъ Парижа до Лиля, на границу Бельгіи, съ множествомъ вѣтвей, оживится весь сѣверъ Франціи. Чрезъ нее, уже столь важная, торговля съ Бельгіею еще болѣе усилится. Замѣьте, что дорога отъ Парижа къ Бельгійской

границъ произведетъ двойной и счастливый результатъ — снабдитъ Францію важнымъ сообщеніемъ въ ея предѣлахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ ей случай разделить все выгоды, которыя будутъ имѣть Бельгія отъ подобныхъ сообщеній, уже открытыхъ, или проектированныхъ ею. Неусиѣтъ линія наша дойти до границы, какъ доставитъ насъ въ Гентъ, Бриссель, Антверпенъ, Литтихъ, Э. Устроишь 60 лье желѣзной дороги, мы приобретемъ болѣе чѣмъ вдвое пространства дороги, устроеннаго на счетъ соседей.

Чрезъ вѣтви отъ главной линіи на Аміенъ, Булонь, Кале и Дюнкирхенъ, вѣрное и быстрое сообщеніе откроется между Англіею и Франціею. Безчисленныя связи соединяютъ насъ съ этимъ государствомъ; онъ безпрестанно увеличивается, но каково-же будетъ это увеличеніе, когда Лондонъ и Парижъ будутъ отстоять на нѣсколько часовъ ѣзды! Чрезъ Францію заморскіе сосѣди наши ѣздятъ теперь въ Швейцарію и Италію. Надобно опасаться, что мы лишимся этой выгоды. Желѣзная дорога отъ Парижа въ Булонь и Кале, сохранить намъ ее неминуемо. Важнѣйшія выгоды соединяютъ еще Францію съ Англіею. Превосходя насъ, надобно признаться, въ полезныхъ искусствахъ, Англія признаетъ наше преимущество въ произведеніяхъ вкуса и изящныхъ художествахъ, и между тѣмъ, какъ мы разсматриваемъ ее фабрики и заводы, совѣтуемся съ ея строителями машинъ, она въ свою очередь лобзуется нашими памятниками, театрами, музеями, библиотеками. Устройство желѣзной дороги увеличитъ бы такія полезныя сношенія и счастливья заимствованія умственныхъ произведеній; оно еще болѣе свяжетъ узлы, соединяющія теперь Францію съ Англіею, и утвердитъ болѣе и болѣе союзъ, отъ котораго можетъ зависѣть спокойствіе цѣлой Европы.

Линіею отъ Парижа до Страсбурга дополнится транзитная линія изъ Гавра въ Германію и Швейцарію, и откроется южнымъ Дешартаментамъ быстрое сообщеніе съ центромъ Франціи.

Линіею отъ Парижа до Лиона и Марсели устроится транзитная торговля чрезъ всю Францію, отъ сѣвера и запада на югъ, и съ юга на сѣверъ и востокъ.

Линіею отъ Парижа къ Нанту откроется истокъ произведеній запада, котораго они давно желаютъ, и весьма спра-

ведливо; кромѣ того, расширится торговля Нанта, которая теперь въ упадкѣ; улучшится доставка необработанныхъ веществъ, и тѣмъ дана будетъ пища его промышленности.

Линія отъ Парижа до Бордо должна сдѣлать для торговли сего города тоже, что линія отъ Парижа до Нанта сдѣлаетъ для сего послѣдняго. Продолженна до Байонны, она прорѣжетъ Гасконію, и тѣмъ оживитъ страну, столь близкую къ варварству. Просвѣщеніе здѣсь распространится, и сообщеніе доставитъ, такъ сказать, Франціи новую область.

Линія отъ Бордо до Марсели соединитъ Океанъ съ Средиземнымъ моремъ. Сверхъ того соединитъ она два приморскіе города, и возвратитъ первому изъ нихъ его прежнее благосостояніе.

Кромѣ того, эта линія можетъ откинуть вѣтви на Тарбъ и Перпиньянъ, которые соединятъ Францію съ Испаніею, съ великою пользою для обоихъ государствъ, и доставятъ во внутреннее употребленіе богатства, погребенныя природою въ мѣстахъ, еще невостановленныхъ человѣкомъ.

Наконецъ, линія отъ Марсели на восточную границу будетъ транзитною между Средиземнымъ моремъ, Германіею и Швейцаріею, сохраненіе которой необходимо для Франціи.

Вотъ основанія и удобства обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которую полезно устроить во Франціи, въ болѣе или менѣе скоромъ времени.

Эта сѣть обниметъ около 1100 миль; издержки на нее не могутъ быть менѣе тысячи милліоновъ.

Не благоразумно было бы ввести государство въ такую огромную издержку, если бы пужно было предпринять ее въ одно время, и если бы все надобно было немедленно окончить. Государственное казначейство, обязанное выполнять множество расходовъ, не можетъ доставитъ вдругъ капитала для столь огромныхъ работъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ производится работы для улучшенія судоходства, надобно повременить устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, и вниманіе правительства должно быть обращено на тѣ области, чрезъ которыя пролегаютъ *только сухопутныя сообщенія*.

Такое соображеніе даетъ намъ поводъ отсрочить устройство нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, исчисленныхъ выше, или части ихъ.

Полезно было бы начать теперь желѣзныя дороги отъ Парижа въ Бельгію, по направленію съ общею дорогою въ Англію и въ Ламанскіе порты; далѣе отъ Парижа на Руанъ, по направленію болѣе подходящему къ Гавру и Диеппу; кромѣ того отъ Парижа на Бордо, черезъ Орлеанъ и Туръ, и изъ Ліона въ Марсель.

Общая сложность сихъ дорогъ составитъ 375 миль, а устройство потребуетъ не болѣе 550 милліоновъ. Послѣднее начато уже дорога въ Бордо, то мы предполагаемъ обратитъ вниманіе на немедленное открытіе дальнѣйшихъ работъ этой дороги, направляя ее между Парижемъ и Орлеаномъ, что и будетъ общее дорогамъ въ Бордо, Нантъ и Тулузу.

Можно начать часть дороги отъ Ліона въ Марсель, именно между послѣднимъ городомъ и Авиньономъ. Этимъ способомъ Марсель вскорѣ сблизится съ Роною.

Должно ли правительство дать сумму, или предоставитъ работы частнымъ предпріятіямъ? Разсмотрѣвъ тщательно, мы находимъ первое болѣе удобнымъ, и думаемъ, что благосостояніе и будущность предпріятія требуютъ сей мѣры.

Всякое государство должно сообразиться съ обстоятельствами, въ которыхъ помѣстна его мѣстность. Пространства Франціи обширно. Съ одной до другой границы проѣздъ весьма продолжителенъ. Если пужно, и польза Франціи, ея промышленность и просвѣщеніе того требуютъ, чтобы крайнія точки паша были соединены, то необходимо также, чтобы переѣздъ черезъ эти огромныя пространства обходился дешево. Сія цель будетъ потеряна, и Франція вѣчно останется раздѣленною на области, которыя будутъ въ самыхъ рѣдкихъ сношеніяхъ между собою. Единство государственное, столь необходимое, будетъ не возможно, если проѣздъ останется дорогъ между границами королевства.

На рѣкахъ, плата теперь весьма незначительна, и въ пять разъ менѣе той, которую наложитъ частная промышленность, если бы ей пужно было совершенствовать рѣки, а между тѣмъ извѣстно, какъ промышленность желаетъ этого усовершенствованія.

На каналахъ, застроенныхъ на правительственный счетъ, безпрестанно просили объ уменьшеніи пошлинъ, что было исполнено, да и на тѣхъ, въ которыхъ правительство соединено съ частными компаніями, общее мнѣніе требуетъ мѣръ, которыя

предоставили бы ему право постановлять и понижать пошлины, соотносясь съ потребностями промышленности.

Почему уменьшеніе, или даже уничтоженіе вовсе пошлины, безпрестанно требуется на желѣзныхъ дорогахъ, рѣкахъ и каналахъ? Потому что сіи сообщенія не могутъ быть съ выгодою пройдены съ одного пути до другаго, если перевозъ производится не въ огромномъ количествѣ.

Съ такою мыслію предполагается огромная сѣтъ большихъ сухоходныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ на государственныи счетъ предоставляя частной промышленности только второстепенныя линіи и вѣтви.

На сихъ линіяхъ, умѣренная пошлина, основанная на точныхъ вычисленіяхъ, не будетъ препятствовать ихъ пользѣ. Даже нѣсколько высокая пошлина можетъ быть платима на маломъ пространствѣ, но при большихъ разстояніяхъ она дѣлается обременительною.

Надобно, чтобы пошлина была не только мала, но и могла перемѣняться, сообразно потребностямъ промышленности. Но какъ до этого достигнуть, если огромныя водныя и желѣзные пути не будутъ государственною собственностію, и если государство не будетъ имѣть на нихъ права на болѣе или менше короткое время? Примѣры прошедшаго пояснятъ намъ сіе обстоятельство.

Если бы Орлеанскій и Луанскій каналы принадлежали правительству, то центральныя области давно получили бы тѣ облегченія, которыхъ онѣ столь справедливо требуютъ.

Если бы Южный каналъ принадлежалъ правительству, то пошлина, лежащая на немъ, и препятствующая возвращенію прежняго благосостоянія Бордо, давно бы уменьшилась.

Если бы не было участія частныхъ компаній для каналовъ, предпринятыхъ въ слѣдствіе опредѣленій 1821 и 1822 годовъ, то пошлины, лежащія на нихъ, расположились бы на другихъ основаніяхъ, и измѣненія ихъ доставили бы Франціи новыя богатства и новое удобство. Когда какой нибудь государственный вопросъ представляеть много неопредѣлительныхъ данныхъ, тогда только одно правительство можетъ принять на себя разрѣшеніе его съ нѣкоторою увѣренностію. Кто можетъ предвидѣть дѣйствіе открытій большихъ желѣзныхъ дорогъ на будущность Франціи, ея политику, образованность, сношенія жителей между собою и съ правительствомъ? Все

неопредѣленно въ семь случаевъ, все предположительно, все убѣгаетъ отъ наблюденій, но самая неизвѣстность не велитъ ли удержатъ въ рукахъ правительства предпріятіе, котораго слѣдствій мы не можемъ предвидѣть?

Впрочемъ, если силы частной промышленности оказались слабы въ предпріятіяхъ, заключающихся въ тѣсныхъ границахъ, то не менѣе вѣроятно, что онѣ не удержатся въ предпріятіи, требующемъ большихъ капиталовъ.

Были примѣры, когда предпріятія превышали извѣстную сумму, и для исполненія ихъ не доставало капиталовъ. И не часто ли компаніи и общества, принимаясь за предпріятія, производить ихъ на такомъ основаніи, которое должно невременно ихъ разрушить? Выпускають въ публику акціи, и онѣ въ началѣ продаются съ успѣхомъ, но вскорѣ совершенно лишаются довѣренности. Отъ того происходятъ только разореніе и безконечныя несчастья. Должно ли правительство поддерживать барышничество, эту язву нашего вѣка, и тѣмъ увеличивать его силу, способствуя его распространенію? Здѣсь не говорится о совершенномъ исключеніи частныхъ компаній, и о томъ, что онѣ никогда не могутъ быть полезны обществу. Мы относимъ слова наши только къ учрежденію большихъ желѣзныхъ путей, и утверждаемъ, что если правительство не предоставитъ ихъ себѣ исключительно, то обществу не произвести столь огромныя работы, и если частная промышленность за нихъ возметсѣ, то никогда не будетъ имѣть конца, и выгоды, которыхъ всѣ жаждутъ и ожидаютъ, по крайней мѣрѣ, отсрочатся на долго.

Нельзя не приять изложенной здѣсь причины. Мы не сомнѣваемся, что можно многое приобрести дѣятельностію частной промышленности, но не хотимъ слышать упрека въ бездѣйственности правительства. Мы спросимъ: гдѣ тѣ огромныя предпріятія, которыя счастливо были кончены у насъ частными компаніями?

Когда предпріятіе не велико, сумма не огромна, и предполагасмыя работы находятсѣ, такъ сказать, передъ глазами компаньоновъ, тогда соединеніе капиталовъ производится быстро, и можно ожидать скораго окончанія работъ. Но когда предпріятіе обширно, не можетъ быть выполнено безъ предварительныхъ издержекъ, обнимаетъ большое простран-

ство, бываютъ ли тѣ же самые результаты? Нужно ли считать здѣсь огромныя предпріятія, уже нѣсколько лѣтъ переданныя дѣятельности спекулянтѣмъ, и которыя до сихъ поръ даже еще и не начинались.

Взгляните внимательно на Францію, и вы увидите, что всѣ большія работы, всѣ предпріятія, требовавшія большихъ усилій и капиталовъ, были исполнены правительствомъ. Больше 300 лье дороги, открытыя на западъ Франціи въ теченіе 4-хъ лѣтъ, не показываютъ ли, что можетъ сдѣлать Правительство? Не имѣетъ ли оно огромнѣйшихъ средствъ для своихъ дѣйствій, и особенно при настоящемъ дѣлѣ двухъ корпусовъ инженеровъ, которыхъ можетъ употребить на исполненіе своего огромнаго предпріятія, касательно желѣзныхъ дорогъ?

Большею частию, работы останавливались у насъ за недостаткомъ капитала. Нынѣ состояніе финансовъ Франціи можетъ ручаться за вѣрный кредитъ, и такая остановка исчезаетъ.

Есть еще для правительства другія причины остановки работъ; онѣ заключаются въ довольно сложной формѣ, которая употребляется для управленія производствомъ работъ. Но развѣ нельзя иначе устроить этой формы? Если отмѣненія формъ допускаются, то не теперь ли именно должно это сдѣлать, когда отъ того зависитъ благосостояніе государства?

Впрочемъ, власть правительства надъ большими желѣзными дорогами не должна отвергать частныхъ капиталовъ для производства работъ; можно испытать и ихъ участіе, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи распространить предпріятія, вмѣстѣ съ частными людьми, даже и для большихъ желѣзныхъ путей. Подобное соединеніе, будучи производимо открыто и съ соревнованіемъ, можетъ быть, произвести счастливое соединеніе дѣйствій правительства съ дѣйствіемъ частной промышленности.

Конечно, не всѣ части большой сѣти дорогъ представляютъ выгоды, которыя мы приписали большимъ желѣзнымъ линіямъ. Если линія отъ Гавра въ Страсбургъ черезъ Парижъ, изъ Лиля въ Марсель черезъ Парижъ и Лионъ, изъ Парижа къ Ширинеямъ, черезъ Бордо и Байонну, вмѣстѣ пути торговые и политическіе, исполненія которыхъ правительство не можетъ передать частнымъ людямъ, не подвер-

галъ нѣкоторой опасности будущности Франціи, не представляя имъ свободнаго управленія, но другія линіи между выше упомянутыми не подходятъ къ сему высшему разряду путей.

Заключая ихъ въ сѣть большихъ желѣзныхъ дорогъ, мы дали замѣтить нашу мысль о важности ихъ, но какъ для пользы Франціи, которая много выиграетъ отъ быстрого устройства сихъ сообщеній, такъ и для ободренія духа торговца, котораго благотворныя слѣдствія признаемъ мы первые, если онъ дѣйствуетъ въ приличныхъ ему границахъ, ничто не мѣшаетъ правительству уступить часть второстепенныхъ дорогъ частнымъ обществамъ, если бы достаточно предложенія были сдѣланы финансовыми компаниями, но главное, что должно здѣсь наблюдать, это нравственная цель и вѣрность обязательствъ. Въ такомъ случаѣ, правительство можетъ дѣйствовать на полную систему путей, отъ главнѣйшихъ центровъ народонаселенія. Она предполагаетъ въ такомъ размѣрѣ, что можетъ быть кажется даже слишкомъ обширною, и слѣдовательно, ее легко уменьшить. Будетъ ли правительство слѣдовать примѣру Бельгіи? Будетъ ли оно само строить желѣзныя дороги? Учредить ли оно для сего присутственное мѣсто, подобное почтовому управленію? Или отдастъ въ аренду право открывать новыя дороги? Невозможно теперь рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ, ибо мы не имѣемъ еще, ни вѣрныхъ примѣровъ, ни надлежащей опытности. Неблагодарно нынѣ же представить проектъ закона, который на дѣлѣ показалъ бы потомъ неудобства, нынѣ неизвѣстныя. Надобны испытанія и практическія заключенія. Да, позволено будетъ начать ихъ. Но когда устройство одной желѣзной линіи, съ одного конца Франціи на другой, покажетъ средства для производства и мѣру пошлинны, тогда отдѣльный законъ утвердитъ положительно, и образъ управленія, и пошлину, и тогда правительству можно будетъ отдавать въ аренду право устройствія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, но всегда только на известное и короткое время, для того, чтобы по истеченіи срока имѣть право уменьшать пошлину, соображая ее съ новыми потребностями, могущими открыться со временемъ.

Проектъ закона предполагаетъ, что временныя пошлинны будутъ не болѣе $7\frac{1}{2}$ сантим. за километръ съ пассажира, и не

болѣе 12-ти сант. съ тонны или 1000 килогр. товара. Можетъ быть, сіи цѣны покажутся высокими, но изъ соображеній, выше приведенныхъ, видно, что на большихъ только сообщеніяхъ цѣны должны быть особенно низки. Пока дорога не кончена, то она не составляетъ еще большой дороги, или транзитной дороги; она есть только дорога для дохода, и по ней ѣздятъ только на малыхъ пространствахъ; но если она вся будетъ открыта, и по ней начнется транзитная торговля съ одного конца государства на другой, тогда откроется необходимость низкой пошлины, сообразной съ потребностями страны, и наступитъ время закона, который постановить ее сообразно опытамъ и собраннымъ на дѣлѣ свидѣніямъ. Пусть лучше правительство будетъ всегда въ состояніи *понижать*, нежели въ необходимости *повышать* пошлину. Съ увеличеніемъ доходовъ государственнаго казначейства уменьшить пошлины открывается всяческая возможность.

СУЛТАНЪ МАХМУТЪ

и

МИНИСТРЫ ЕГО *.

=

Многія старинныя, ошибочныя понятія, которыя имѣли довѣріе въ Европѣ на счетъ Турокъ и Тур-

* Въ то время, какъ многіе политики обрекаютъ Опшоманскую Монархію на позорную смерть, другіе видятъ въ пышномъ сословіи Турціи начало новой эпохи, которая необходимо должна имѣть величайшія послѣдствія для всего Мугамеданскаго Воспока. Кто правъ—рѣшить трудно, но крайней мѣрѣ, въ настоящее время. При новыхъ отношеніяхъ Турціи къ Египту, Европѣ и Россіи, при безпрерывно усиливающейся гражданской реформѣ Турціи, при любопытныхъ подробностяхъ, какими безпрестанно сопровождаются дѣйствія Султана, мы начинаемъ замѣчательнымъ предлагаемое здѣсь изложеніе жизни Махмута, очеркъ главныхъ измѣненій его въ военномъ и гражданскомъ положеніи Турціи, и исчисленіе замѣчательнѣйшихъ сановниковъ двора его. Спашья эпа составлена, въ половинѣ прошедшаго года, Альфонсомъ Руае. Мы передаемъ ее безъ перемѣнъ, не прибавляя къ ней ничего о томъ, что послѣдовало въ Турціи съ Іюля 1857 года донынѣ. Эпо сосланивъ предметъ особой статьи. Замѣтимъ, что авторъ принадлежитъ къ партизанамъ Махмута и реформъ его, смотришь на все, можетъ быть, уже слѣшкомъ пристрастно, съ лучшей стороны, но отличая извѣстнее, надобно отдать справедливость его умнымъ, дальнымъ замѣчаніямъ, и знанію предмета, о которомъ онъ говоритъ. *Прим. Переводника.*

ціи, укоренили владычество свое въ легковѣрїи общественномъ. Какъ образованности Китайцевъ многіе судятъ по ихъ фарфоровымъ кукламъ и разрисованнымъ экранамъ, такъ многіе думаютъ еще и теперь въ Европѣ, что кромѣ чалмы, длинной, шитой золотомъ одежды, бороды, трубки и фанатизма музьюльманскаго, ничего не могутъ представить намъ замѣчательнаго, ни Турки, ни Турція. До такой степени пристрастились мы къ какому-то театральному понятію о Туркахъ, что даже журналисты наши, политики, люди слывущіе важными и умными въ своей странѣ, повѣщаютъ насъ о непремѣнной смерти Державы Оттоманской, съ того времени, когда въ Царьградѣ начата Махмутомъ современная намъ реформа, началомъ которой было то, что отмѣнена пышная Турецкая одежда, коей такъ долго удивлялись мы на сценѣ оперы и трагедіи.

Въ самомъ-ли дѣлѣ, такое начало было противно и разрушительно кореннымъ основаніямъ Турецкаго государства? О выгодахъ реформы въ одеждѣ спору нѣтъ. Платье временъ Солимана такъ же не совмѣстно было-бы съ занятіями и обязанностями новыхъ Турокъ, какъ странни и неловки были-бы для нынѣшнихъ Парижанъ бархатные полукафтаны и тафтяные плащи вѣка Франциска I-го. Но сущность такого нововведенія важный вопросъ. — Никто не порицаетъ Петра Великаго за то, что Русскіе обрили бороды, и подрзали длинные кафтаны, чтобы сдѣлаться Европейцами. Шутливый обѣдъ, за которымъ, вмѣсто разныхъ напитковъ, подчивали гостей однимъ медомъ, такой обѣдъ, предложенный героемъ свѣршымъ, въ видѣ поучительнаго аполога, упрямымъ старовѣрамъ Русскимъ, возбуждаетъ улыбку остроумною выдумкою, даже у тѣхъ политиковъ, которые стоятъ за непри-

косновенность чалмы и бороды музьюльманской. Но почему-же взгромоздили въ Европѣ тысячу нелѣпыхъ обвиненій за перемѣну одежды на отважнаго преобразователя Востока? Возражать, что тутъ нѣтъ ни какого сходства, и что Петръ, обривши бороды и обрзавши кафтаны Русскихъ, не колебалъ тѣмъ, подобно Махмуту, вѣры своего народа. Но здѣсь-то и открывается незнаніе дѣла.

Покрой одежды, предписанный Махмутомъ съ полезною цѣлью, опирается, напротивъ того, на буквальность и на духъ исламизма. «Не носите, шелковой одежды,» говоритъ Мугаммедъ, «ибо облекающійся оною въ семь міръ, не облечется ею въ вѣчности.» Халифъ Омаръ приговорилъ къ адскому огню тѣхъ, которые употребляли роскошныя ткани, предоставленныя только женщинамъ. Сообразуясь съ предписаніемъ своего пророка, совѣтовавшаго носить одѣянія изодранныя, Омаръ самъ выказывалъ въ одеждѣ строжайшую простоту. Однажды царедворцы упрекали его, что онъ не поддерживаетъ приличною внѣшностью въ присутствіи иноземцевъ своей верховной чреды. Онъ отвѣчалъ имъ, наморщивъ брови: «Исламизмъ есть великолѣпнѣйшее наше одѣяніе.» Если въ отношеніи одежды не уважено было потомъ мнѣніе двухъ первыхъ халифовъ, если Османъ и Солиманъ ввели потомъ роскошь въ наряды музьюльманскіе, то они непомѣрнымъ соблазномъ оскорбили вѣру свою. Махмутъ II, давая уставы, уменьшающіе роскошь, даже и тѣмъ насиліемъ помрачилъ своей вѣрой. Еще до него, Баязеть II-й, султанъ набожный и знаменитый, смирялъ строгимъ запрещеніемъ роскошь своихъ современниковъ. Правда, такіе наказы, хотя возобновлялись и другими султанами, всегда подвергались въ послѣдствіи забвенію, но они показываютъ, что въ отно-

шеніи къ вѣрѣ, преобразование, учиненное Махмутомъ въ одеждѣ отнюдь не подлежитъ нападкамъ, а напротивъ того, истинная цѣль этого предпріятія, политическая, совершенно согласна съ догматами ислама. Роскошь до того было усилилась въ Турціи, что каждый простолюдинъ истрачивалъ наконецъ скудные деньги, собранныя имъ, на одежду и оружіе, ласкавшій его тщеславію и суетности. Турокъ шагу не могъ сдѣлать изъ дома безъ того, чтобы кафтанъ (*антери*) его и ермолка (*элекъ*) не были обшиты золотымъ позументомъ. Ему надобна была шаль на чалму, другая на поясъ; ему нужны были при этомъ поясъ пистолеты въ серебряной оправѣ, *ханджаръ* и *ятаганъ*, обложенные въ драгоценный металлъ; даже и сабля и ружье на такой же образецъ, если только денежные способы допускали хоть не много такой добавокъ щегольства.

Отсюда происходила нищенская жизнь, необходимо постигавшая семейство Турка; отсюда, болшего частию, происходило оставленіе земледѣлія и разнообразной промышленности, требовавшихъ какого нибудь задатка капитала; отсюда звѣрскіе поступки, ибо люди, всегда вооруженные, безъ зазрѣнія совѣсти отваживались при первой ссорѣ расправляться кинжаломъ; отсюда были нечистота и болѣзнь, ибо дорогія одежды переходили отъ отца къ сыну, черезъ нѣсколько поколѣній; отсюда, наконецъ, безчисленные бѣдствія, которыхъ надлежало истребить однимъ ударомъ.

Необходимость поддерживать домъ роскошью, служившею мѣрою уваженія, особенна была губительна для чиновниковъ, болшего частию взятыхъ изъ среды мѣщанства, а иногда изъ среды самаго бѣднаго народа. Далеко не достаточно было жалованья на ихъ издержки, а потому лихоимство и

взятки всюду находили себѣ злокозненное убѣжище и продажную подпору. Сверхъ того, надлежало удовлетворять взыскательныхъ начальниковъ, которые награждали благосклонностью своею только за обмѣнъ подарковъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, получаемыхъ отъ каждаго подчиненнаго чиновника. Такія издержки уплачивали люди, находившіеся подъ управленіемъ своевольныхъ грабителей. Все это тяготѣло на народѣ. Можно-ли вообразить, что между другими расходами для великаго визиря, одинъ запасъ трубокъ, назначаемыхъ въ силу обычая для посѣтителей, означался предположительнымъ числомъ 200,000 франковъ! Укрощеніе такихъ злоупотребленій было причиною мудрыхъ законовъ Махмута противъ роскоши, непостижимыхъ тѣмъ, кто ихъ осуждалъ, и относившихся къ болѣе важнымъ обстоятельствамъ, о чемъ будемъ мы имѣть случай говорить далѣе. Не станемъ утверждать, будто простой нарядъ, предписанный нынѣ отъ Махмута его подданнымъ, надобно почитать условіемъ приличія и вкуса. Напротивъ думаемъ, что костюмъ въ Турціи подвергнется скорѣй новымъ и необходимымъ измѣненіямъ. Но чтобы вразумить понятіемъ ленивымъ и точнымъ умы народа, надлежало быстро перейти отъ одной крайности къ другой. А когда вполне довершится дѣло политическое, безъ сомнѣнія, въ Турціи займется тѣмъ, чтобы опять доставить одежду народной все, что утратила она въ великолѣпіи и удобствѣ.

Мы предварили нашимъ отступленіемъ біографію и сужденіе наше о султанѣ Махмутѣ. Но приступъ нашъ достигнетъ цѣли своей, если расположить читателя воздерживаться отъ обвиненій безъ изслѣдованія, даже повидимому и въ самыхъ мелочныхъ вещахъ, ибо онѣ часто пріобрѣтають большую важ-

ность относительную, соразмерно чредѣ, занимаемой ими въ ходѣ другихъ событій. Прежде очерка, въ настоящемъ и будущемъ, преобразованія музельманскаго, прежде представленія взгляда на нынѣшнюю современную Турцію, мы припомнимъ здѣсь вкратцѣ различныя событія историческія, о знаменовавшій царствование султана Махмута. Мы покажемъ притомъ и тѣсную связь, соединяющую ихъ, и подкрѣпляя ее неразрывною цѣпью отношеній, къ нимъ прикосновенныхъ, предложимъ наконецъ сужденіе наше о нынѣшнемъ влѣстителѣ Турціи, необыкновенномъ, и многими ошибочно понимаемомъ челоувѣкъ.

Въ срединѣ треугольнаго отдѣленія султанской столицы, называемаго *Сералемъ*, и составляющаго безконечный садъ, тамъ и здѣсь перерѣзанный дворцами, кіосками и казармами, и населенный полчищемъ служителей и разнородныхъ стражей, принадлежащихъ личной службѣ Оттоманскаго влѣстелина, не подалеку отъ *Гарема*, жилища *кадыи* и *одалийки* султанскихъ, находится двѣнадцать павильоновъ, одинаковаго размѣра и вида. Эти павильоны, получившіе названіе *чилирлыкъ*, отъ буквоныхъ рощей, ихъ окружающихъ, обнесены высокою стѣною, простирающеюся около садиковъ, прилежащихъ къ каждому изъ нихъ. Въ сихъ великолѣпныхъ жилищахъ, раззолоченныхъ, какъ дворцы, и запертыхъ желѣзными затворами, подобно темницамъ, никогда не нарушается пустынное безмолвіе; едва раздаются здѣсь голоса нѣкоторыхъ чиновниковъ, и слышны только шаги робкихъ отроковъ, въ одеждѣ пажей его высочества. Эти двѣнадцать дворцовъ, или, если хотите, двѣнадцать темницъ, играютъ важную роль въ исторіи Оттоманской. Въ долгіе промежутки времени, шумъ голосовъ и звукъ оружія пробуждаютъ

уснувшее эхо сихъ золотыхъ могилъ. Начальникъ черныхъ звнуховъ, муфтій, великій адмиралъ, начальникъ эмировъ, истамбуль-кадисси, и два кази-аскера, или начальники правосудія въ Европѣ и Азій, внезапно являются у дверей котораго нибудь изъ павильоновъ. Присутствіе ихъ возвѣщаетъ смерть влѣстителя Турціи, и то, что сіи двѣнадцать темницъ должны представить наслѣдника всемогуществу Халифовъ.

Среди прокладныхъ буквоныхъ рощей, въ одномъ изъ этихъ двѣнадцати павильоновъ, называемомъ *кафессъ*, или *кльтка*, протекла юность Махмута II-го.

Нѣсколько пажей и нѣсколько юныхъ невольницъ для прислугъ; вмѣсто совѣта и ученія — ограниченное число книгъ; престарѣлый звнухъ Африканецъ, вмѣсто наставника; строжайшее запрещеніе сообщаться, какимъ бы то ни было образомъ, съ другими серальскими узниками, родственниками, даже съ братьями; смертная казнь тому, кто бы дерзнулъ принять и передать записку; вмѣсто всякаго развлеченія, нѣсколько садовыхъ, или ремесленныхъ орудій; какъ будто украдкою, въ великія празднества и богослуженія, позволеніе посѣщать султана дядю, или отца, который, по чрезвычайной милости, протягиваетъ для цѣлованія руку — вотъ жизнь и общество всѣхъ *шахъ-заде*, или принцевъ султанской крови, какими установилъ ихъ мрачный и подозрительный этикетъ двора Оттоманскаго.

До 23-хъ лѣтъ жизни своей, тотъ, кому предначалось быть *Султаномъ Махмутомъ II-мъ* (онъ родился 20-го Юля 1785 года), не зналъ другаго существованія. Едва достигнувъ 4-хъ-лѣтняго возраста, лишился онъ знаменитаго отца своего, Абдуль-Гамидъ-Хана, завѣщавшаго престолъ Селиму III-му, ✓

племяннику своему, и не смѣвшаго возвести на царство сына, слишкомъ юнаго. Махмутъ былъ преданъ только одному себѣ, въ нѣдрахъ ужаснаго отчужденія отъ свѣта; взорамъ его представлялись только стѣны его темницы, а развитію ума его предстала одна только подобострастная бесѣда съ чернымъ наставникомъ. Чтобы вовсе не упасть подъ бременемъ безмысленнаго однообразія, надлежало душѣ юнаго узника быть обремененною въ силу необычайную; надлежало, чтобы Провидѣніе, избравшее его для исполненія намѣренныхъ своихъ, послало въ немъ предчувствіе великихъ событій, для которыхъ его предназначало. Уединеніе убиваетъ души слабыя, но оно возвышаетъ души могучія.

Повинуясь священному предписанію, которое повелѣваетъ каждому князю Османлисовъ заниматься какимъ нибудь ремесломъ, по примѣру патриарховъ, князь Махмутъ выбралъ себѣ ремесло, подобное его понятіямъ и склонностямъ. Не хотѣлъ онъ, по примѣру многихъ своихъ предшественниковъ, губить долгіе дни скуки въ выдѣлкѣ коробокъ и сундуковъ, изъ слоновой кости, черепахи и чернаго дерева, вышиваніи золотомъ арабесковъ по сафьяну, или рисованіи по кисеѣ, подобно двоюродному брату своему Селиму III. Окруженный книгами, заключавшими въ себѣ поэзію, исторію, законодательство, онъ занимался переписываніемъ и изученіемъ ихъ. Абдуль-Гамидъ-Ханъ, отецъ его, упражнялся въ искусствѣ писанія, столь уважаемомъ на Востоку. Въ умственномъ занятіи своемъ Махмутъ почерпнулъ глубокое познаніе Восточной словесности, не мало послужившее къ распространенію предѣловъ его воображенія, и учинившее его однимъ изъ ученѣйшихъ людей въ Державѣ Оттоманской.

Въ такомъ состояніи, страшный переворотъ въ

Мая 1807 года, постигъ юнаго, царственнаго жителя *клетки*. Въ продолженіе двухъ дней и двухъ ночей, узникъ, встревоженный въ ученіи своемъ, облокотясь на книги, слушалъ и старался узнать причину непривычнаго шума, страшнаго рева человѣческаго, смѣшававшагося со стонами, выстрѣлами и дымомъ, обтекавшими воздухъ въ разныхъ направленіяхъ. Дверь *клетки* наконецъ отворилась, и онъ увидѣлъ человѣка, пришедшаго къ нему просить убѣжища. Блѣдное лицо высказывало, что принцъ недавно еще ознакомился съ злополучіемъ. Черная, гладкая, раздушенная борода, руки бѣлыя и нѣжныя, были признаками, возвыщавшими человѣка высшаго сословія. Махмутъ старался распознать черты товарища своего несчастія.

«Ты хочешь знать мое имя?» сказалъ ему незнакомецъ, съ горькою улыбкою, — «сегодня я бѣдный узникъ, а вчера величали меня султаномъ Селимъ-Ханомъ!»

Махмутъ устремился въ объятія своего несчастнаго двоюроднаго брата, котораго распозналъ теперь. Долго оставались они, обнявши другъ друга, въ скорбномъ безмолвіи, которое Селимъ прервалъ словами: «Богъ даетъ и отнимаетъ престолы!» Такъ сказалъ онъ и преклонилъ голову. «Теперь братъ твой Мустафа, властелинъ твой, мой, и всей Оттоманской Державы. Безъ сомнѣнія, Япычары исполнили волю небесъ, низложивъ меня съ престола!»

Около года жили въ одномъ заточеніи Селимъ и Махмутъ, два свѣтила славы Оттоманской, изъ которыхъ одно закатывалось въ облако крови и опустошенія, а другое готовилось взойти на небо-склонъ чести. Никто не можетъ сказать намъ, какія истины были высказаны между такимъ наставникомъ и такимъ ученикомъ, никто не можетъ

знать, какіе уроки были тогда предложены и выслушаны. Душа юноши, почва дѣвственная, долженствовавшая украситься столь могущественною жатвою, разверзла бразды свои плодотворному слову падшаго владыки. Заблужденія и погрѣшности, по которымъ скользила судьба слабаго и добраго Селима, напечатлѣлись огненными буквами въ памяти его преемника. Быстрымъ взглядомъ могъ онъ обнять, какія опасности угрожали ему, и какія долженъ онъ былъ преодолѣть преграды, если судьба когда нибудь передастъ ему тронъ Османа. Пагубное имя Янычаръ слышалось ему, будто припѣвъ, послѣ повѣствованія о каждомъ бѣдствіи, о каждой неправотѣ, о каждомъ богопротивномъ покушеніи, и безъ сомнѣнія, тогда еще рѣшило оно мысль Махмута, указало ему, гдѣ было врачеваніе, открывши ему, гдѣ была гибельная бользнь.

Между тѣмъ, на крайнемъ рубежѣ Булгарин, въ столицѣ пашалыка Рущукскаго, судьба приготовляла судію непреклоннаго безмысленному Мустафѣ IV-му. Извѣстно, какъ Байрактаръ, не вѣря никому намѣренія своего возстановить на престолѣ Селима, ввелъ въ самыя стѣны Серала 8000-ю дружину, провозгласившую низверженіе Мустафы. Конечно, не забыли еще и превратности, сопровождавшей такое отважное покушеніе. Двери серала захлопнулись въ очажъ Байрактара, и пока воины его разрушали ихъ, стремясь на помощь Селима, начальникъ черныхъ эвнуховъ, съ ватагою убійць, вторгся въ кѣтку, гдѣ заключены были Селимъ и его юный родственникъ. Они умертвили развѣнчаннаго монарха, достойнаго лучшей участи. Мустафа, для отклоненія опасности, угрожавшей его жизни, далъ кровавый приказъ — и Селимъ былъ убитъ въ глазахъ Махмута, который могъ думать, что въ

эту минуту настала и его послѣдній часъ. Байрактаръ ворвался въ кѣтку, но передъ нимъ былъ только бездыханный трупъ властелина, столь имъ любимаго.

Обрызганный кровью единственнаго своего друга, Махмутъ вышелъ изъ кѣтки для того, чтобы облечься въ державную порфиру. Въ одно мгновеніе, перешелъ онъ изъ темницы на золотой престолъ, воздвигнутый предъ *Вратами Благоденствія*, въ одно мгновеніе узрѣлъ онъ пресмыкающимся у ногъ своихъ звѣрскихъ Янычаръ, которые и ему отрубали-бы голову, если бы Байрактаръ замедлил нѣсколькими минутами. И тѣ же самыя голоса, которые за минуту требовали его смерти, возвышались народу славное восшествіе на престолъ, *великодушнѣйшаго, могущественнѣйшаго, страшнаго Государя Махмута-Хана, котораго славное царствованіе доставитъ миръ вселенной.*

Едва *муззинны* провозгласили пѣснь *салы*, на башняхъ минаретовъ, въ четырехъ императорскихъ мечетяхъ, новый *падишахъ* созвалъ диванъ, и освѣдомлялся о дѣлахъ имперіи, желая самъ производить ихъ. Запутанность дѣлъ не устрашала его. Онъ ограничивался только указаніемъ опасности, тамъ, гдѣ она существовала.

Надежало, чтобы неопытность его, подверженная кознямъ предательства, а равномерно и неограниченной довѣренности къ собственному просвѣщенію, умѣла въ одно время и ксати допускать руководство совѣтниковъ, и выбирать предлагаемыя ими мнѣнія. Къ поддержанію чести наслѣдства, оставленнаго Мустафою, гений Селима едва ли былъ достаточно. Очевидно, Имперія Турецкая клонилась къ паденію. Извѣвъ война съ Россіей, война бѣдственная, непрерывная, начавшаяся со времени

Петра Великаго. Внутри истощеніе доходовъ государственныхъ; необходимость укротить взбунтовавшихся пашей; корыстолюбивые министры и войско неустроенное, неспособное противоборствовать тактикѣ Европейской, всегда недовольное, всегда готовое обратить оружіе на страну и на государя, которыхъ должно было защищать. И къ восторжествованію надъ всѣми сими преградами, на престолѣ былъ властитель, никогда не воевавшій, дотолѣ начальствовавшій только надъ пашами и женщинами, заключенными съ нимъ въ кляткѣ шахъ-заде....

Надобно хорошо понять и означить, съ чего надлежало начинать, дабы вполне оцѣнить потомъ высокій умъ Махмута. Воспитанному въ предрассудкахъ своей страны, своей вѣры, своей *касты*, своего положенія исключительнаго, какой силы душевной не было потребно ему обсудить съ перваго взгляда прошедшее и будущее, и сообразить гибельное общественное образованіе государства! Превосходный умъ его уравнивается съ высокою облачностію. Не взирая на ужасный примѣръ смерти своего предѣстника, не взирая на грозное положеніе Янычарь, готовыхъ возстать съ оружіемъ въ рукахъ противъ всякаго нововведенія, къ какому бы принятому обычаю оно не относилось, передъ лицомъ крамолы, могущественной и готовящей заговоръ къ возстановленію брата его Мустафы, задержаннаго въ заточеніи, Махмутъ, съ непоколебимою дѣятельностью начинать совершать мысль преобразования. Онъ вполне измѣрилъ рапу, снѣдавшую державу его, и не считаетъ ее смертельною. Опасеніе за жизнь ничто для него, въ сравненіи съ судьбою его народовъ. Между нимъ и Янычарами прежде всего долженъ рѣшиться споръ. *Султанъ* и *Оджаки* выглядываютъ другъ друга, и извѣдываютъ

силы свои. Сойдясь однажды, оба противника поняли, что это былъ бой на смерть. Махмутъ, съ величайшею осторожностію, выказывалъ свои намеренія. Онъ не говорилъ, подобно Селиму, о составленіи новаго войска. Напротивъ того, Янычары провозглашены были твердѣйшею опорой вѣры и государства. Новый султанъ, казалось, намеренъ былъ возродить для нихъ времена славы Оттоманской. Для достиженія сей цѣли, предложилъ онъ не измѣненіе коренныхъ правилъ знаменитаго ополченія, но отмѣненіе только вкравшихся въ нихъ злоупотребленій. Предписанія Селимана Великаго приведены въ первобытную силу. Продажа мѣстъ чиновниковъ уничтожена въ Оджаки. Неженатые воякы должны были жить въ казармахъ, если желали получать плату. Возбранено было торговать свѣдѣтельствами на жалованье, и пересмотрѣнь списокъ о пенсіяхъ. Рядовые должны были ходить на ученье.

Байрактаръ, новый визирь, человекъ отважный, но ограниченный въ свѣдѣніяхъ и благоразуміи, оказалъ, къ несчастію, излишнюю ненависть и пристрастіе въ поведеніи своемъ, и какъ будто нарочно замышлялъ подвергнуть неудачѣ намеренія Махмута. Вспыхнуло возстаніе. Байрактаръ погибъ въ пожарномъ пламени дворца своего, гдѣ заперся съ женами и сокровищами. Даже и сераль, осажденный мятежниками, готовился узрѣть новое убійство султана. Мустафа въ темницѣ своей льстился обратно завоевать престолъ, на который призывается былъ отъ приверженцовъ своихъ крикомъ громогласнымъ.

Среди сего смятенія, Мустафа окончилъ жизнь, подобно Селиму, а Махмутъ, оставшись послѣднею отраслью отъ поколѣнія своего, предсталъ очамъ

Янычарь, которые принуждены были оставить его въ живыхъ, и снова признать власть его, не имѣлъ въ виду, кого бы другаго могли призвать на его мѣсто. Все вошло въ порядокъ первобытный, то есть, въ оковы невѣжественнаго самоуправства и бунта. Янычарамъ казалось, что султанъ навсегда отклонилъ мимолетную свою прихоть на измѣненіи, и уснулъ въ древнемъ безсиліи державной своей власти. Но какое дивное пробужденіе готовилъ онъ для нихъ!

Смерть Мустафы была событіемъ слишкомъ обыкновеннымъ въ Турціи, и за нее нельзя было опасаться покушеній на мщеніе. И въ самомъ дѣлѣ, память его и приверженцы его угасли съ нимъ вмѣстѣ. Смерть Мустафы подала однако жъ поводъ къ громкимъ возгласамъ въ Европѣ. Безъ сомнѣній, не взирая на вины и преступленія сего жестокосердаго челоуѣка, ужаснымъ долженствовало быть для его роднаго брата то мгновеніе, когда онъ подписалъ смертный приговоръ! Безъ сомнѣній, душа благородная и величественная, пощадившая Мустафу, обогрѣннаго кровью Селима, страдала отъ необходимости, требовавшей рѣшительнаго правосудія въ виду торжествующей крамолы, но нужда самосохраненія, по выгоды страны, по судьба юной образованности, вѣтренной ему небомъ, запрещали султану внимать гласу милосердія.

Отъ 1808 до 1812 г., мы видимъ юнаго монарха Османовъ старающимся вновь захватить обломки власти своей, раздробленной возмущеніями, предшествовавшими и послѣдовавшими смерти Байрактара. Верховный визирь Ахмедъ паша, предводительствуя войскомъ на Дунай, противостоитъ Русскимъ. Послѣдствія его ошибочныхъ распоряженій, неповиновеніе войска, крамолы начальниковъ, показали новую необходимость быстраго преобразованія. Пор-

та, располагавшая войскомъ, превосходившимъ по числу Русскихъ, принуждена была подписать миръ въ Бухарестѣ. Махмутъ, отдавая въ теченіе восьми мѣсяцевъ скрѣпленіе договора, подчинился необходимому условію, которое, по крайней мѣрѣ, дозволяло ему сосредоточить усилія свои въ предпріятіяхъ внутренняго преобразованія.

Упрекають его въ томъ, что онъ договаривался съ Россіей, когда могъ имѣть союзникомъ Наполеона. Но здѣсь не замѣчаютъ, какъ необходимо было султану снѣзнить исцѣленіемъ зла, снѣдавшаго его державу. Отправить новое войско на битвы съ Русскими, значило предать Турцію вооруженной крамолѣ, раздиравшей ее во всемъ составѣ. Къ чему были побѣды, даже завоеванія извѣстны, когда собственные подданные могли со дня на день, осадить его вторично въ стѣнахъ серала? Не долженъ ли онъ былъ, напротивъ, радоваться, что война съ Франціей лишитъ Россію средствъ, по крайней мѣрѣ, къ покушенію на завоеваніе областей Турціи?

Но бездѣйствовала ли потомъ Махмутъ? Нѣтъ! Въ продолженіе двухъ лѣтъ алны Румелійскіе приведены были въ послушаніе; беи Египта и правитель Саталіи, покорились власти султана; Боснія усмирена, Вехабиты изгнаны изъ священныхъ земель Мекки и Медины, а верховный визирь обратно завоевалъ Сербію. Вскорѣ, Махмутъ, ободренный первыми успѣхами, уничтожилъ привилегіи *дербеевъ*, или главныхъ вотчинниковъ Азіійскихъ. Лучшая часть земли была въ рукахъ сикъ мелкихъ тирановъ, которые передавали потомкамъ своимъ по прямой линіи всѣ права дѣйствительнаго владѣтельства, поглощая для своей пользы доходы страны, и увольняя себя отъ споспѣшествованія ей выгодамъ. Султанъ постепенно дѣйствовалъ для

искорененія ихъ. Большая часть изъ нихъ были назначены для управленія областями въ Европѣ, и такимъ образомъ лишены были своего влѣднн въ Азш. Нѣкоторые истреблены силою, и въ числѣ ихъ дере-бей Смирискій *Kiamibъ - Заде*, котораго *Хузревъ* наша захватилъ во время объѣда, на палубѣ его корабля. *Юсуфъ*, наша Серескшй, оставался послѣднимъ изъ сихъ страшныхъ вождей. Махмутъ пощадилъ его, изъ уваженія къ его заслугамъ во время войны въ Морѣ.

Уничтоженіе дере-беевъ было первымъ ударомъ, который новое преобразованіе нанесло вреднымъ постановленіямъ древней Турецкой монархіи. Деревей были, вмѣстѣ съ Али-Тепеделели, нашимъ Янинскимъ, и Мегеметомъ-Али, нашимъ Египетскимъ, главною подпорою Восточнаго феодализма. Деревей и наши Янинскаго уже нѣтъ. Престарѣлый Мегемедъ-Али одинъ остается теперь противъ властителя своего, въ томъ положеніи, въ какомъ былъ Герцогъ Бургундскій противъ Лудовика XI-го.

Запутанность Греческой революціи постигла Махмута на попрнцѣ его предпріятій. Головы знатнѣйшихъ изъ отпавшихъ данниковъ, оспоривавшихъ у него владычество, были срублены или преклонены. Онъ надѣялся уравнять остатки крамольныхъ подданныхъ, и скрѣпить въ длани своей расторгшіяся нити халифской власти. Безначальственный сонмъ Янычарь, сія неприступная твердыня мятежа, предъ которою разрушались усилія многихъ султановъ, исподоволь былъ подрываемъ, и оставалось сдѣлать одинъ только отважный, послѣдній шагъ, чтобы довершить освобожденіе престола и державы. Казалось, что глубокий миръ Европы охранялъ Порту Оттоманскую отъ войны внѣшней. Но, по ходу событій, Махмутъ разсудилъ, что чрезъ нѣсколько

лѣтъ, можетъ быть, нужда вызоветъ его снова защищать державу Оттоманскую. Необходимость создать, какъ можно скорѣе, силу военную, соответственную потребностямъ и опасностямъ государства, а равномерно и желаніе утвердить навсегда власть свою, столь доселѣ колеблемую, подвигли наконецъ Махмута нанести рѣшительный ударъ, давно имъ замышляемый, и который, по справедливости, почиталъ онъ опаснѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ подвиговъ. Мятежные Янычары были истреблены, по волѣ его, мечемъ и огнемъ, извѣстно какъ, и среди какихъ восторженныхъ кликовъ, провозглашаемыхъ народомъ, сбѣжавшимся на призывъ имановъ, подъ священное знамя Мугаммеда. *Одѣжакъ* уничтоженъ былъ безвозвратно, запрещено навсегда даже произносить это пагубное имя.

Этотъ политическій подвигъ, освободившій Турцію отъ ига ея внутреннихъ тирановъ, достаточенъ, чтобы возвести Махмута II-го на первую чреду людей государственныхъ, но удивительная настойчивость, съ которою слѣдилъ онъ исполненіе предпріятія своего восемнадцать лѣтъ, идя сквозь безчисленные ряды всякаго рода опасностей, показываетъ только самую малую часть ума глубокаго, и постоянно занятаго судьбою своего народа. Имя Янычарь начертано было кровавыми буквами въ исторіи его поколѣнія. Когда преполсался онъ державнымъ мечемъ Османовъ, когда въ первый разъ наложили длань на кинжалъ султанскій, первое клятвою его долженствовало быть: *мищеніе за Селими и за Байрактара*. Онъ сдержалъ слово, не только Селиму и Байрактару, не только праху всѣхъ султановъ, предковъ своихъ, убитыхъ скопищемъ мятежныхъ разбойниковъ, но сдержалъ его и человекъ.

ству, и правосудию, столь много оскорбленному Янычарами.

Искоренение Янычаръ, и отмѣненіе конныхъ полковъ, называвшихся *сипагали*, *селидарали* и *улуфеджилми*, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее, дозволили наконецъ Махмуту явно вступить на поприще преобразованія. Войско сильное и покорное должно было быть основаніемъ всѣхъ его дальнѣйшихъ дѣйствій, и для сохраненія порядка внутри, и для отраженія нападений внѣшнихъ. Стража султанская составлена была въ замѣну уничтоженнаго войска, а чтобы впредь можно было положиться на ея приверженность, ее набрали изъ молодыхъ людей, у которыхъ предрасудки и воспитаніе не исказили еще понятій. Это юное войско обучалось, подъ руководствомъ наставниковъ Европейскихъ, всѣмъ движеніямъ новой тактики и показало быстрые успѣхи. Оно распределено было, по примѣру Французской арміи, на бригады и дивизіи, подъ начальствомъ генераль-лейтенантовъ и генераль-маіоровъ. Султанъ не щадилъ для него ободреній и наградъ, и вмѣнялъ себѣ въ долгъ присутствовать на воинскихъ ученыхъ. Нѣсколько лѣтъ мира и спокойствія, безъ сомнѣній, дали бы время распространиться новому воинскому обученію по областямъ Турціи, а правительству Оттоманскому доставили бы возможность набирать новые полки. Здѣсь судьба противоположила неожиданныя препятствія волю Махмута.

Онъ могъ почитать возстаніе Грековъ почти оконченнымъ, когда 12-го Іюля 1827 года, черезъ годъ послѣ составленія перваго строеваго полка Турецкаго, подписанъ былъ въ Лондонѣ, въ слѣдствіе договора 6-го Іюля того же года, протоколъ совѣщанія — великая страница исторіи современной, страшная для Турціи болѣе мятежа Янычаръ. Первые протоколы трехъ державъ объявляли, что го-

судари ихъ предлагаютъ посредничество свое Портѣ Оттоманской, а Грекамъ перемиріе. Въ случаѣ же отказа на посредничество и перемиріе, флоты трехъ державъ должны были соединиться, съ тѣмъ, чтобы препятствовать всякой помощи Греціи и островамъ Архипелага. Мѣсячный срокъ предоставленъ былъ Портѣ Оттоманской, для объявленія положительнаго ея рѣшенія.

Но посредничество, превратилось въ блокаду, и вскорѣ потомъ безразсудное нарушеніе Турціею блокады было причиною гибели Турецкаго флота въ пристани Наваринской.

Можно представить себѣ отчаяніе Махмута, при вѣсти о такомъ бѣдствіи! Плоды безчисленныхъ трудовъ, и сокровищъ, издержанныхъ имъ, его флотъ, его матросы, сгорѣвшіе, убитые, поглощенные моремъ въ одну битву — какую страшную будущность раскрывало это для него!

Но бѣдствія тѣмъ не кончились. Порты и Европейскіе послы спорили о независимости Морей, которую бой Наваринскій выставилъ на поприще дипломатики. Перугевъ-Эфенди, бывший тогда рейсъ эфенди, или первый министръ дѣлъ иностранныхъ, показалъ чрезвычайное искусство въ совѣщаніяхъ.

Но что могъ онъ сдѣлать? Министры Европейскіе требовали межеванія земли, предназначенной ими для государства Эллинскаго, которое, подъ покровительствомъ союзниковъ, должно было на поприщѣ ума разцвѣсть всѣми классическими лаврами и на поляхъ своихъ всѣми дарами природы очаровательной.

Четыре мѣсяца спустя по отбытіи пословъ и разрывѣ переговоровъ, Россія обнародовала грозное объявленіе войны Портѣ; флотъ Турецкій былъ уничтоженъ, и теперь, едва успѣлъ Махмутъ занять

сл обученіемъ новаго войска своего на основаніи тактики Европейской, должно было выдержать двѣ кампаніи противъ Россіи, когда бѣдствію Турокъ споспѣшествовалъ духъ митежей во Фракіи и Булгаріи, не вполне еще уничтоженный. Договоръ Адрианопольскій былъ опять тяжкою необходимостью пожертвовать многимъ, для спасенія всего.

Но едва только настала возможность отдохнуть, жить спокойно, и заниматься развитіемъ идей своихъ въ преобразованіи и образованіи, Махмутъ могъ думать, что настало для него время вѣшняго мира, какъ возбужденный коварными совѣтами, Мегеметь-Али возсталъ противъ Порты, захватилъ Сирію, и двинулъ войско свое на путь къ Константинополю.

Таковы были событія, ознаменовавшія царствованіе Махмута, бѣдствія, труды, преграды, досель стѣснявшія его благодѣтельное преобразование поставленій Оттоманскихъ. Едва ли гдѣ еще исторія представляетъ стеченіе столь великихъ препонъ, преодолѣнныхъ постылиствомъ непоколебимѣйшимъ. Люди, измѣряющіе достоинство чловѣка государственнаго успѣхами, ни во что вмѣняющіе ниву, съ которой колосы дадутъ со временемъ богатую жатву, укоряютъ преобразователя, что онъ мыслитъ только объ истребленіи, а не о созиданіи. Они не рассуждаютъ, что для Махмута, равно какъ и для Лудовика XI-го, истреблять значило созидать, и что одно погмощеніе всѣхъ непріязненныхъ властей, прогивоборствовавшихъ главной власти, составило бы уже подвигъ политическій, о которомъ исторія общества и правительство должна сохранить память.

Но, обозрѣвая жизнь и дѣла Махмута, точно ли видимъ только разрушеніе? Въ самомъ началѣ, первымъ слѣдствіемъ преобразованія было нанесеніе

смертельнаго удара безпокойному феодализму *деребеевъ*, а потомъ уничтоженіе стариннаго и вреднаго образованія военной Турціи, съ неустроеннымъ *оджакомъ* Янычаръ, уступившимъ мѣсто юному войску, воспламененному рвеніемъ и усердіемъ. За тѣмъ въ очередь свою льются законы, укрощающіе роскошь, и не только стѣняющіе безумную расточительность, требуемую тщеславіемъ и этикетомъ должностей общественныхъ, но однимъ ударомъ уничтожающіе первую причину хищеній, какими каждый чиновникъ почиталъ себя вправѣ обременять подчиненныхъ своихъ, чтобы поддерживать развратъ и праздность. Вотъ дѣла уже *совершенныя*, и они такъ важны, что и одного изъ нихъ достаточно для славы Махмута.

Но мысль преобразовательную и образовательную, Махмутъ слилъ во всѣ жилы обширнаго тѣла, которому служить онъ мыслящего головою. Это переливъ, подобный производству хирурговъ, оживляющихъ тѣло старика кровью юноши. Въ управленіи Турецкой державы, сѣкира правосудія была необходима. Вертепы, въ которыхъ наши таили плоды грабительства своего, были открыты ею. Сн откупщики чловѣчества не покупаютъ болѣе областей, какъ будто стада животныхъ, съ такою наглостью, высасывал изъ нихъ жизнь до послѣдней капли. Если правительство должно положить подать въ тысячу шастровъ, бѣдные подданные не отдаютъ теперь двухъ тысячъ въ мѣшокъ сборщика, дѣлая такимъ образомъ участокъ собирателя столь же важнымъ, какъ и участокъ властелина. Махмутъ благоразумно распредѣлилъ власти и должности каждому. Министры Порты, наместники, паши, аяны, мутзелімы, получаютъ жалованье узаконенное, и приходы и расходы ихъ ограничены. Каждому чи-

сло служителей определено соразмерно важности звания. Исчезли скопища тунелдцовъ, составлявшія челядь областныхъ чиновниковъ, которая естественно должна была увеличивать бремя, падавшее на начальниковъ и на подчиненныхъ.

Мукахах, или земли, принадлежащія казны, составляющія одну изъ вѣтвей доходовъ общественныхъ, отданы въ пожизненные владѣнія, за сумму, однажды уплаченную откупщикомъ податей, выгода котораго состоитъ въ мелочномъ наймѣ, работниковъ бѣдныхъ, получая изъ первыхъ рукъ право, уступаемое правительствомъ. Пользовавшіеся *мукахахами*, прежде возвышали цѣны на отдачу ихъ до того, что всѣ труды плодовъ къ нимъ переходили. Отъ того происходило непомерное стѣсненіе для сословій, занимавшихся обработываніемъ земли. Махмутъ уничтожилъ монополіи, назначивъ указомъ законную мѣру наймамъ.

Приступая къ изслѣдованію преобразованій нравственныхъ, и ограничиваясь указаніемъ на дѣла только оконченныя, мы увидимъ въ султана монарха, дающаго примѣръ самоотреченія и забвенія обидѣ. Свойства мусульмановъ, имѣющія свои недостатки и свою хорошую сторону, чтобы уравниваться подь обычай наши, особенно должны утратить нѣсколько той упругости времени старинныхъ, которую можно называть оставшимся дониндѣ варварствомъ.

Страсти остались столь же полны жизни, столь же суровы въ душѣ Османлиса 1837 гда, сколько были они таковыми при Орханѣ и Баязетѣ, сохраняясь подь ржавчиною невѣжества и гаремнаго затворничества. Аравійскій законъ возмездія, требующій головы за голову, руки за руку, существуетъ еще въ нравахъ, хотя и утратилъ уже свое примѣненіе положительное. Вслѣдъ за обидою спѣшить

наказаніе, и оно усугубляется по мѣрѣ важности лица обидчика. Малѣйшій проступокъ противъ священнѣйшей особы государя подвергался во всѣ времена въ Турціи строжайшимъ наказаніямъ и смерти. Надлежало Махмуту прибавить и здѣсь новое преобразование ко множеству другихъ. Каждый разъ, когда могъ прощать, онъ освѣялъ виновныхъ покровомъ снисхожденія своего. Прощеніе знаменитаго вождя Курдскаго Равендуза-бея, такъ еще свѣжо, что не можетъ быть забыто. Мустафа-паша, правитель Оскодры, или Скутари, въ Албаніи, захваченный великимъ визиремъ послѣ упорнаго сопротивленія, вмѣсто того, чтобы понести голову на роковое серебряное блюдо, живетъ теперь въ Константинополѣ, среди женъ и дѣтей своихъ, получая отъ Махмута столовыхъ пятнадцать тысячъ піастровъ. Этотъ Мустафа, впрочемъ человекъ удивительно твердаго характера и испытаннаго мужества, можетъ быть, со временемъ найдетъ случай достойно отблагодарить своего властелина за его милосердіе.

Подъ Равендуза-бея и Мустафы-паши, можно указать на свободно ходящаго по улицамъ Константинопольскимъ восьмидесятилѣтняго старика, также одолженнаго жизнию милосердію султана. Это прежній паша Багдадскій, который по внушенію Мегмедъ-Али бунтовалъ, противъ власти падишаха, и отрубилъ голову Садикъ-Эффенди, прежнему рейсу и кайюбею, посланному для низложенія его. Побѣжденный Ахметъ-пашею Алепскимъ, получившемъ потомъ его область, онъ отосланъ былъ въ столицу, гдѣ долженъ былъ претерпѣть наказаніе, соразмерное его преступленію. Султанъ Махмутъ простилъ, его и поручилъ ему одинъ изъ пашалыковъ Европейскихъ, откуда онъ былъ потомъ отозванъ, по причинѣ не-

способности его. Старый паша живетъ теперь спокойно въ отставку, съ пенсіею.

Къ упомянутымъ именамъ прибавимъ еще имя Алибел, Соййскаго, другаго мятежнаго намѣстника, котораго, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ битвъ съ Портою, скрылся въ Австрію, откуда правительство Турецкое-испросило его выдачи, не для наказанія, но для прощенія, подобно другимъ, давъ ему темницею Константинополь и Босфоръ.

Синъ событія достаточны, безъ сомнѣнія, засвидѣтельствовать важность преобразованія султана Махмута, и оправдать высокое удивленіе, внушаемое этимъ человекомъ, столь необычайнымъ, обязаннымъ одному своему гению изобрѣтеніемъ предначертаній обширныхъ, и исполненіемъ ихъ, еще превосходнѣйшимъ; но если изъ плодовъ познается древо, то можно предвидѣть, чѣмъ будетъ держава Оттоманская, такимъ образомъ пересозданная во всѣхъ частяхъ своихъ, когда подвигъ исполненскій воленъ совершится.

Успѣхъ преобразованія Турціи столь упроченъ теперь, что не подлежитъ сомнѣнію. Согласится, думаю, что вскорѣ области Турецкія будутъ управляемы подобно Европейскимъ, чиновниками, находящимися въ непосредственномъ и постоянномъ сношеніи съ совѣтомъ султана, и съ совершенною покорностію его повелѣніямъ. Справедливое распределеніе податей, и строгое исполненіе предписаній о земляхъ, облегчать жребій подданныхъ, и ободрять усилія и надежды земледѣльцевъ и рабочихъ людей всякаго рода, которые умножатъ богатство народное. Подъ щитомъ законнаго покровительства, торговля будетъ уменьшать часть отъ часу болѣе потребленіе избытковъ иноземныхъ. Благопріятствуй симъ развитіямъ, правительство удерживаетъ еще въ

запасъ мыслей о дорогахъ, которыя приведутъ въ соприкосновеніе отдаленнѣйшія части державы. Дорога Адрианопольская къ Бѣлграду уже близка къ исполненію, и паровыя суда, плавая отъ Дуная до Моря Средиземнаго, будутъ скрѣплять узы, соединяющія главныя мѣста Оттоманскихъ областей.

Войско и флотъ возрастаютъ и обучаются въ Турціи отличными образомъ. Уже изглажены теперь слѣды бѣдствій Коніега и Наварина.

КрамOLA Пашей есть уголь погаснѣй, или угасающій. Старообрядцы уступаютъ мѣсто поколѣнію, устремляющему взоръ свой въ будущность. Власть монарха упрочилась въ могущественной его длани, подобно колчану, полному стрѣль, переставъ быть по прежнему разломанною и раскиданною. Сирія, прекрасная и мужественная дщерь Имперіи, часъ отъ часу болѣе отторгается отъ своего Египетскаго похитителя. Мегемедъ-Али можетъ быть прожить еще столько, что увидитъ Феллаховъ Арабскихъ, вопіющихъ открыто противъ его захватовъ, которые оставляютъ ихъ въ наготѣ, злыбнуть на солому, единственномъ участкѣ, которой удѣляется имъ отъ жатвъ.

Ибрагимъ, ненавидимый Сиріей и Египтомъ, никогда не утвердитъ ни тамъ, ни здѣсь владычества своего. Притомъ же Аббасъ-Паша, внукъ Мегемета-Али, не уступитъ ему власти безъ состязательства. Онъ не будетъ чуждымъ въ содѣйствіи видамъ Порты, если она предложитъ ему награду, достойную его рода и доблестей.

Не нужно пускаться въ длинное разысканіе для доказательства, что Турки обладаютъ ногами и руками, подобно другимъ людямъ, и что они еще не умерли. Никогда, напротивъ того, Турецкое поколѣніе не было животворителемъ и способителемъ къ поприщу долгодѣиному.

Ихъ разсудокъ, ихъ здравый смыслъ, ихъ честность, природныя преимущества, составляющія жизнь, или, если угодно, ткань народа, безъ сомнѣнй, превосходятъ многого западнаго, что могли бы имъ противоположить.

Вопросъ весьма важный для преобразованія Махмутова, одинъ, разрѣшеніе котораго не вписано еще въ дѣйствія уже оконченныя, состоитъ въ томъ, какую чреду предоставляетъ новое преобразование христіанамъ, подданнымъ и данникамъ. Подданные христіане, составляющіе болѣе двухъ третей жителей Турціи Европейской, разсыянные въ областяхъ и важнѣйшихъ городахъ Азіи, гдѣ они держатъ въ рукахъ своихъ почти всю промышленность и внутреннюю торговлю, не освобождены еще законнымъ порядкомъ отъ управленія завоевательнаго. Извѣстно, что по учрежденіямъ Мугаммеда II, и его наследниковъ, *райя*, или *зилли*, ибо такое имя присвоиваетъ ему законъ, не можетъ получить наследства отъ мусульманина. Свидѣтельство его въ судѣ ничтожно. Въмѣсто того, чтобы платить подать поземельную, и десятину, подобно подданнымъ мугамеданскимъ, онъ отдаетъ четвертую часть, или половину своего дохода; на немъ одномъ тяготеетъ *харачъ*, поборъ уничтожительной; онъ подверженъ ежеминутно оскорбленіямъ неправосудія и наглѣмъ поступкамъ правителей. Онъ не вправѣ владѣть оружіемъ, даже и для службы отчизнѣ своей, никогда не призываетъ его въ ряды ополченій своихъ. Благодаря Махмуту, это несчастное состояніе улучшено. Подданные данники, неизмѣнныя права ѣздить верхомъ, ни заводить нѣкотораго рода животныхъ, ни носить одежды нѣкоторыхъ цвѣтовъ, ни выкрашивать домовъ своихъ по произволу, теперь свободны во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, на-

ряду съ мусульманами. Султанъ предоставилъ даже почетные знаки и именность нѣкоторымъ изъ подданныхъ своихъ христіанъ, чего прежде вовсе не бывало. Законы о роскоши стремятся изгладить всѣ отличія внѣшнія въ различныхъ племенахъ Порты. Также нововведеніе будетъ вести постепенно къ выгодамъ положительнѣйшимъ. Первымъ его шагомъ, конечно, будетъ наборъ христіанъ въ полки Оттоманскіе. Войско Мустафы, паши Оскодрскаго, состояло отчасти изъ Албанцевъ Католиковъ, и это войско почиталось храбрѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ. Какую силу присокупилъ-бы Махмутъ къ той, которою уже располагаетъ, если бы повѣстилъ военную службу *зиллиовъ*, не только доступною, но и непрѣмнною! Учрежденіе единообразное утвердить повышеніе чинами, безъ различія вѣроисповѣданія. Можетъ быть, надлежало бы, чтобы цѣлыя полки состояли, одни изъ мусульманъ, другіе изъ христіанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто столкновенія ненависти; возбуждалось бы только благопріятное совмѣстничество. Это благодѣяніе принесетъ плоды соразмѣрно сопровождающему его узаконенію, распределяющему положительно и по всей справедливости состояніе гражданское и политическое христіанскихъ данниковъ. Не возможно, чтобы султанъ Махмутъ не измѣрилъ проницательнымъ взоромъ своимъ глубины сего вопроса. Безъ всякаго сомнѣнй, послѣдняя цѣль его преобразованія состоитъ въ сліяніи всѣхъ различныхъ поколѣній, разсыянныхъ во его областяхъ.

Разумѣется, что подъ словомъ *слияніе*, мы разумѣемъ только сліяніе политическое. Сліяніе семейное есть дѣло невозможное, ибо вѣра воспрещаетъ мусульманкѣ соединяться съ иноплеменникомъ. Но многія страны являютъ намъ возможность совершенна-

го согласія и одинакой политики между поколѣніями разныхъ вѣроисповѣданій. Не выходя изъ областей падишаха, мы видимъ радушный союзъ, царствующій между Маронитами Ливанскими и Ансаріями, Матуалами, Друзами, Коптами, Греками Католическими и разноисповѣдующими, Армянами и даже Мугаммеданами. Надобно предоставлять времени притупленіе ненависти такого рода. Давно-ли во Франціи, католики и протестанты ненавидѣли другъ друга, можетъ быть, болѣе нежели Греки Турокъ?

Неизмѣримая и непосредственная выгода, которую правительство извлекло бы изъ мудраго и постепеннаго разсмотрѣнія законодательства политическаго, послужило бы навсегда упроченіемъ обладанія Порты въ Европейскихъ ея областяхъ. Съ того дня, когда Булгары, Румелійцы, Босняки, жители Македоніи и Фракіи нашли бы въ управленіи, вмѣсто алчнаго хищенія и гоненія изувѣрнаго, покровительство отъ притязанія неправды, и злокозненности, какое ни было бы обеспеченіе ихъ правъ, сколь бы оно ни было ограничено, они сблизилась бы съ престоломъ своего государя.

Путешествіе султана по областямъ Европейской Турціи возымѣетъ сильное вліяніе на будущность сей части государственнаго преобразованія. Махмутъ радушнымъ пріемомъ уравнилъ различныя посольства Турковъ и раевъ, отдавая всѣмъ справедливость, и доказавъ, что честолюбіе его домогается не той славы, которою кадилъная лѣсть царедворцевъ одымляетъ могущество. Журналы, извѣстившіе объ этомъ достопамятномъ путешествіи, жестоко погрѣшили, искажал ложными вѣстями своими событіе историческое, и уцѣпясь за шутку Morning-Chronicle выдумали подробности мнимаго заговора,

въ слѣдствіе котораго будто бы плавало потомъ множество труповъ на водахъ Босфора. Точнѣйшія извѣстія изобличили нелѣпность этой небывалой мелодрамы. Ни какого заговора, ни какого покушенія на жизнь султана не было тогда въ Константинополь, и воды Босфора были окровавлены только въ столбцахъ Англійскихъ и Французскихъ журналовъ.

Повторяю: перерожденіе Турціи должно опираться на улучшеніе состоянія гражданскаго и политическаго *залисовъ*, чтобы сдѣлать перевѣсъ силы, и увѣковѣчить бытіе народа. Доколь будетъ жить Махмутъ, мы съ довѣренностью будемъ ожидать того времени, когда сія плодотворная мысль проявится въ полномъ свѣтѣ. Но если смерть похититъ султана до окончанія его подвига, держава Оттоманская, подобно кораблю безъ кормчаго, не должна ли опасаться сокрушенія о скалы, окружающія ее? Пслѣдникъ нынѣшняго властителя слишкомъ молодъ, и не можетъ понять намѣреній своего отца. Кто поможетъ ему, или замѣнитъ его? Здѣсь мѣсто разсмотрѣть людей, поставленныхъ Махмутомъ на высшую чреду управленія государственнаго, людей, которымъ ввѣрилъ онъ великую и трудную обязанность споспѣшествовать ему въ его усиліяхъ, и нѣтъ сомнѣній, что они будутъ призваны въ исполнители политическаго завѣщанія Махмута.

Извѣстно, что *верховный визирь* и *шеикъ-иль-исламъ* или великій муфтіи, суть два первыя политическія лица въ Турціи. Они идутъ подлѣ султана, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону. Первый предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ; другой есть изяснитель вѣры и закона.

Нынѣшній верховный визирь, *Реуфъ-паша*, вторично возведенъ въ высокій санъ, занимаемый имъ. Главное его достоинство состоитъ въ соединеніи

двухъ качествъ, рѣдко встрѣчающихся вмѣстѣ: онъ воинъ и человекъ письменной. Война Персидская доставляла ему случай вполне ознаменовать мужество свое, а довѣренность государя, присоединенная къ дружбѣ сотоварищей, доказываютъ, что онъ поддерживаетъ славу, завоеванную имъ на поляхъ битвъ.

Шейхъ-уль-исламъ, или муфти Константинопольскій, обязанъ своимъ возвышеніемъ не одному только своему достоинству; его быстрое возвышеніе на поприщѣ улемовъ приписываютъ отчасти вліянію его рода, одного изъ знаменитѣйшихъ въ столицѣ, и который въ продолженіе многихъ лѣтъ обладалъ постепенно должностями судопроизводства. Имя его *Гассиль-Эфенди*. Необычайныя милости, изливаемые на него, оправдываются заслугами, оказанными имъ преобразованію, которому доставлялъ онъ въ своихъ *фетвахъ* подпоры вѣры и суда. Словіе улемовъ могло поколебать Махмута на престолѣ, если-бы благопріятствовало возстанію янычаръ. Оуждая единогласно мятежъ ихъ, оно увлекло народъ подъ знамя пророка, водруженное въ сіи дни ужаса на мечети султана Ахмеда.

Солнце дивана, безъ всякаго прекословія есть *Пертевъ-Паши*, имя котораго пользуется теперь въ Европѣ заслуженною знаменитостію. Въ цвѣтущей юности, онъ призванъ былъ къ производству переписки верховнаго визиря, въ войнѣ съ Русскими 1808 г. По возвращеніи въ Царьградъ, ему поручено было составленіе политическихъ актовъ Порты, и многія произведенія, отличающіяся превосходствомъ слога и умомъ, вышли изъ-подъ пера его. Занимающіеся изученіемъ Турецкой дипломатики не забыли еще перенести Турецкаго султана съ Европейскими дворами въ 1821 году, относящейся къ первымъ со-

битіямъ возстанія Грековъ. Пертевъ былъ сочинителемъ сихъ достопамятныхъ актовъ. Вскорѣ достигъ онъ чреды министра иностранныхъ дѣлъ. Теоретъ онъ *каіал-бей*, или министръ внутреннихъ дѣлъ. Когда дѣла Греческія запутались, Пертевъ оказалъ въ совѣщаніяхъ обширный даръ человека политическаго. Онъ основатель и глава юной дипломатической Турецкой школы, внезапно возникшей въ Константинополь въ царствованіе Махмута.

Въ департаментѣ морскихъ дѣлъ, служить теперь министромъ *луширъ* (то есть, генералъ-лейтенантъ) *Ахмедъ-паши* молодой человекъ, съ небольшимъ тридцати лѣтъ, который въ дѣлахъ важныхъ былъ нѣкогда посредникомъ между Султаномъ и министрами. Извѣстно, что падишахи сами не привыкли засѣдать въ совѣтѣ. Ахмедъ владелъ нѣсколько времени преимуществомъ получать изустныя приказанія отъ своего владыки. Находившійся въ рядахъ пажей султанскихъ, онъ отправлялъ сперва должность чиновника серальскаго. Преобразование военное нашло въ немъ при первомъ шагѣ ревностнаго приверженца. Обративъ на себя вниманіе въ войнѣ Албанской, онъ возвратился въ Константинополь, замѣнить въ морскомъ министерствѣ *Галиль-пашу*, назначеннаго тогда сераскиромъ въ Румелию.

Галиль-паши усыновленъ былъ прежнимъ сераскиромъ *Хузревомъ*. Онъ молодой человекъ, отличнаго ума, пріятнаго обхожденія, и хорошо говорить по-Французки. Не бывъ еще облеченъ въ званіе капитанъ-паши, онъ отправленъ былъ посломъ въ С. Петербургъ.

Между отставными министрами, опытность которыхъ призывается диваномъ въ совѣты, должно сказать прежде всего имя *Хузреа-паши*, какъ искус-

нѣйшаго изъ всѣхъ. Два Французскіе путешественника, назвавшіе себя исторіографами паши Египетскаго, думали, что къ возвеличенію имени ихъ героя непременно надобно представить Хузрева въ самыхъ черныхъ краскахъ. Если изъ вѣрить, то онъ безобразнѣйшій, насмѣшливый и грубѣйшій варваръ, опривѣнный отпечатокъ обиды и уродства, соображающій съ поколѣніемъ Оттоманскихъ великихъ первобытныхъ его постановлений. Обвинители укоряютъ его даже и въ томъ, что онъ хромъ, что у него густыя брови, и лицо Татарское, отличное отъ всѣхъ цѣлѣмъ.

Не берусь оправдывать безчисленныхъ происковъ, которые помогли хитрому Хузреву укрѣпиться въ милости властелина, въ продолженіе долговременнаго своего поприща. Безъ сомнѣнія, неутомимая жажда власти, зависть и мелочное совѣстничество очевидно доказываютъ, что благо государства не всегда проявлялось въ расчетахъ его честолюбія, но не должно также забывать заслугъ, оказанныхъ имъ преобразованію. Сдѣлавшись главнымъ орудіемъ разстройства *дере-беве*, и образовавъ, какъ будто на полетѣ, съ такимъ вѣрнымъ взглядомъ, и съ такою удивительною быстротою новое войско, замѣнившее Янычарь, Хузревъ-Паша, разсматриваемый, какъ распорядитель и государственный министръ, есть одинъ изъ замѣчательныхъ людей, явившихся когда либо на политическомъ поприщѣ Востока. Ненависть, съ какою преслѣдуетъ его Мегеметь - Али, относится, какъ извѣстно, къ тому времени, когда Хузревъ, облеченный въ званіе паши Каирскаго, былъ изгнанъ изъ области своей противникомъ, хитрѣйшимъ его, который сперва смиренно принялъ на себя надзоръ надъ его охотою. Этотъ надзиратель охоты Хузрева былъ Мегеметь-Али. Есть боль-

шое сходство между нимъ и Хузревомъ. Одно различіе, разделяющее ихъ, состоитъ въ степени той чреды, которой каждый изъ нихъ домогался достигнуть.

Чаушъ-баши, Неджибъ - Эфенди, отправляющій въ Константинополь званіе начальника судопроизводства уголовнаго, былъ прежде, въ продолженіе многихъ лѣтъ, *капи-каиа*, или повѣреннымъ въ дѣлахъ паши Египетскаго при дворѣ Порты. Въ царствованіе Селима, онъ споспѣшествовалъ первымъ попыткамъ преобразованія военнаго, стоявшимъ престолу и головы сему султану. Мятежные Янычары окружили однажды казарму, узнавъ, что Неджибъ въ ней находится, и рѣшились убить его, какъ одного изъ опаснѣйшихъ враговъ своихъ. Онъ велѣлъ слугамъ своимъ настѣжь распахнуть двери, и устремился на конѣ, держа въ рукѣ саблю, и стрѣля изъ двухъ пистолетовъ въ убійцъ, которые, остолбенѣвъ отъ такого быстрого нападенія, дали ему время ускользнуть отъ ихъ мщенія, хотя и осыпали его вслѣдъ изъ ружей и пистолетовъ дождемъ пуль, изъ которыхъ, къ счастью, ни одна не долетѣла до бѣглеца. Неджибъ-Эфенди отмстилъ врагамъ своимъ въ событіяхъ 1826 года, и въ послѣдствіи находился въ числѣ ревностнѣйшихъ распространителей преобразованія.

Саидъ-паша, одинъ изъ злѣтѣвъ султана, и второй усыновленный сынъ Хузрева паши, служилъ *касса-муширомъ*, или главнымъ начальникомъ гвардіи, онъ же и сераскиръ Анатолиі. Этому сугубаго сана достигъ онъ вліяніемъ отца своего.

Подъ его начальствомъ, въ званіи генерала султанскихъ войскъ, принадлежавшихъ къ морскому вѣдомству, находится образованный молодой чловѣкъ, который, нѣсколько лѣтъ тому, удивлялъ въ гостинныхъ Лондона блестящимъ умомъ и рѣдкимъ

познаніемъ Французскаго языка. Это *Намикъ-паша*. Въ Парижѣ, гдѣ пробылъ онъ нѣсколько дней, отправляясь посломъ въ Англію, многіе могли судить, видя его, о дѣйстви Европейскаго воспитанія на Турокъ. Намикъ-паша происходитъ изъ почетнаго гражданства Константинопольскаго. Онъ выучился по-Французски въ то время, когда Порта перестала употреблять Грековъ по дѣламъ дипломатическимъ. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ уединеніи, въ чтеніи лучшихъ Французскихъ сочиненій о военномъ искусствѣ, которое вскорѣ понималъ, благодаря ловкому разуму и прилежанію къ труду. Онъ устроилъ одинъ изъ первыхъ полковъ новыхъ войскъ, и достигъ потомъ генералъ-маюрскаго чина. Въ послѣдствіи исполнялъ онъ различныя препорученія въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ; наконецъ наименованъ пашею, и назначенъ посломъ въ Лондонъ. Намикъ-паша много способствовалъ примѣромъ своимъ къ распространенію въ юношествѣ Турецкомъ желанія изучаться Французскому языку и Западнымъ наукамъ. Быстрые его успѣхи подали мысль правительству отправить въ Парижъ молодыхъ офицеровъ, превосходное ученіе которыхъ общается Портѣ отличныхъ людей. Между ними можно привести въ примѣръ Мехметъ Эфенди, возвратившагося во Францію послѣ перваго путешествія, чтобы умножить свои познанія стратегическія. Училища Парижа и Меца отзывались объ немъ съ особенною похвалою.

Нынешній посолъ Порты при дворѣ Французскомъ, называемый *Нури Эфенди*, занималъ до посольства своего въ Лондонъ мѣсто *бейлика*, или начальника торговаго отдѣленія, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Константинополь. Сказываютъ, что онъ человѣкъ съ свѣдѣніями, и отличается личными своими качествами. Ему около пяти-

десяти лѣтъ, и онъ учится Французскому языку, который начинаетъ понимать, но на которомъ еще не говорить. Письмоводитель у него *Талаатъ Эфенди*, молодой человекъ, замѣчательный столько же по дарованію своему, сколько и по скромности, а переводчикъ юный *Вогоридесъ*, сынъ Князя Самосскаго. Этотъ Князь Самосскій, одно изъ именитѣйшихъ лицъ Греціи, остался вѣрнымъ султану, и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Турціи.

Нури-Эфенди смѣнилъ прежняго посла въ Парижѣ, человека рѣдкихъ достоинствъ, оставившаго свое мѣсто для посольства въ Лондонъ. *Решидъ-бей*, подобно преемнику своему, вышедшій изъ отдѣленія *рейсовъ*, славился въ Константинополь изложеніемъ бумагъ. Онъ началъ поприще свое произведеніями словесности, которыя были замѣчены султаномъ. Многія изъ стихотвореній его посвящены были прославленію героевъ преобразования. Литературныя опыты открыли ему поприще политическое по части иностранныхъ дѣлъ. Онъ опредѣленъ былъ начальникомъ отдѣленія (амечи), въ награду за успѣхи, доставленные ему многими порученіями въ Греціи, гдѣ юный поэтъ оказалъ притомъ и неустранимость война. Послѣ сраженія Коніесскаго, Решидъ-бей былъ въ особенномъ посольствѣ въ станъ Ибрагима, и при дворѣ Паши Егинетскаго. Въ 1836 году прибылъ онъ въ Парижъ чрезвычайнымъ посломъ. Вполнѣ оказалъ онъ въ бытность свою во Французской столицѣ умъ правильный просвѣщенный и особенно стремительный къ познаніямъ. Оставляя Парижъ, онъ читалъ и писалъ по Французски свободно. Решидъ-Бей теперь тридцать четыре года, и онъ одинъ изъ замѣчательныхъ питомцевъ училища дипломатическаго, основаннаго Пертевъ-пашею. Это человекъ ума выперннго,

чуждаго изуверства и предрасудковъ, хотя и чрезвычайнао привязанъ онъ къ вѣрѣ мусульманской и обязанностямъ, налагаемымъ ею. Прибытіе его въ Парижъ пришлось въ самый рамазанъ. Известно, что этотъ постъ мусульманскій строго запрещаетъ употреблять пищу до заката солнечнаго. Решидъ-бей присутствовалъ на званныхъ обѣдахъ, и принималъ у себя, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ не отвлекался отъ обязанностей вѣры, и при занятіи ими ли мало ни упускалъ изъ вида другихъ обязанностей, требуемыхъ отъ него общежитіемъ. Достоинства и усердіе Решиды непременно должныствовали обратити на него вниманіе султана, учредившаго для него мѣсто втораго государственнаго секретаря, въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ. Вѣстникъ Оттоманскій недавно извѣщаль о назначеніи Решидъ-бея въ званіе министра сношеній высшихъ, упразднившееся смертію Кулусу-Пашы. Ему предоставлено вмѣстѣ съ тѣмъ и имя пашы.

Посоль Порту въ Вѣнѣ также молодой человѣкъ. Его зовутъ *Ахмедъ-паша*. Онъ состоитъ въ чинѣ генераль-маіора (ферика), и въ особенной службѣ при Султанѣ. Ахмедъ-паша хорошо понимаетъ, и поприлично объясняется по-Французски.

Хотя не облеченный никакою властію очевидно, даже и именемъ бей, *Вассафа-Эффенди*, зять Пертевь-пашы и письмоводитель Падинаша, состоитъ въ числѣ людей, владычествующихъ въ диванѣ. Избраніе его султаномъ въ повѣренныя сокровеннѣйшихъ мыслей, довольно громко говоритъ въ его пользу. Узы родства, скрѣпляющія жребій Пертевь-пашы и Ваассафа Эффенди, а еще болѣе неоспоримое превосходство, соединяющее сихъ государственныхъ людей, содѣлали ихъ, такъ сказать, *дуэлла огали ала-стителя*, и слѣдственно, двумя важнѣйшими дѣй-

ствителями въ Оттоманской державѣ. ничто не исполняется безъ ихъ предварительнаго согласія. Звѣзда Хузрева совершенно померкла съ того времени, когда они приобрѣли милость Султана и доверенность сочленовъ своихъ по дивану.

Знаменитый *Гуссейнъ-паша*, принимавшій столь блистательное участіе въ уничтоженіи Янычаръ въ Константинополь, теперь находится въ пашалькѣ Виддинскомъ. Султанъ, не забывающій прежнихъ заслугъ, не взираетъ на скудость дарованій военныхъ, оказавшую симъ визиремъ въ войнѣ противъ Ибрагима, награждаетъ его вниманіемъ, но не считаетъ приличнымъ призвать его въ нынѣшній свой совѣтъ. Гуссейнъ можетъ похвастаться однимъ изъ храбрѣйшихъ полководцевъ Турецкихъ. Но немалодни его лѣта, когда началось преобразование, препятствовали ему перемѣнить закоренѣлыя понятія, что и объясняетъ его неудачи на войнѣ. Онъ воображалъ, что разсѣетъ однимъ усиліемъ храбрости, устроенное по-Европейски, войско Египтянъ. Древній обычай серали снлъ бы голову съ этого неосторожнаго полководца, казни котораго требовали собственные его полки, но вмѣсто того Махмутъ далъ ему убожищемъ два большіе города, и двѣ области въ управленіе, Адрианополь и Виддинъ.

Акифъ-Эффенди, прежній рейсъ, отставленный въ слѣдствіе неприятнаго дѣла съ Чорчиллемъ, живетъ теперь уединенно, съ десятио тысячами піастровъ ежемѣсячной пенсіи.

Хотя еще много достойныхъ вниманія именъ тѣснитъ въ моей памяти, но мы ограничимъ здѣсь нашъ списокъ, къ которому прибавимъ только имя *Асадъ-Эффенди*, литератора отличнаго. Превосходную книгу его, названную *Усси-Заферъ*, ориенталистъ Коссенъ перевелъ и выдалъ подъ Европейскимъ заглавіемъ:

Очеркъ историческій уничтоженіи Янычаръ. Ассадъ Эзенди, недавно возвратившійся изъ посольства Персидскаго, нынѣ исторіографъ султана Махмута.

Соображая имена и достоинства всѣхъ сихъ людей, не должно-ли сказать, что если смерть и похитить султана Махмута, то судьба преобразованія Турціи уцѣлеть? Преобразователь оставитъ послѣ себя умныхъ продолжателей его творенія, которые, усилясь сочувствіемъ новаго поколѣнія, къ коему принадлежатъ, будутъ покровительствовать будущности отечества, вѣренной охраненію ихъ совѣсти и чести.

Махмутъ, сверхъ того, воспитываетъ трехъ сыновей своихъ въ тѣхъ понятіяхъ, которыя отстраняютъ всякое опасеніе. Старшій изъ нихъ достигъ четырнадцати лѣтъ. Имя его *Абдуль-Меджидъ*, или, по смыслу слова, *рабъ знаменитаго*. Имя средняго его брата *Абдуль-гафизъ*, то есть, *рабъ любилѣйшаго*; ему восемь лѣтъ. Младшій пяти лѣтъ; имя его *Низаль-Уддинъ*, то есть, *преобразователь отъры*.

Раззолоченныя стѣны серальской кѣтки не воздвигаются между ними и любовью отцовскою, и не изъ послѣднихъ преимуществъ преобразованія должно поставить пріобрѣтеніе нѣжнѣйшихъ чувствованій природы султаномъ и дѣтьми его. Абдуль-Меджидъ сопровождаетъ родителя въ его прогулкахъ, присутствуетъ съ нимъ на смотрахъ войскъ, и на празднествахъ придворныхъ. Двѣ султанши, дочери Махмута, въ супружествѣ, одна за Галильпашею, другая за Саидъпашею, сераскиромъ Анатоліи.

Частная жизнь Махмута уклоняется отъ наблюденія, ибо этикетъ, касательно серальскаго уединенія султана, ни сколько не измѣнился. Известно только, что онъ раздѣляетъ время свое между ученіемъ

и забавами. Глубокая его ученость, поставляющая его главою литераторовъ отечественныхъ, не отмѣляетъ у него изящной любезности и ума тонкаго. Его прекрасное и мужественное лицо дышитъ какою-то нѣжностью и величавостью. Я встрѣтилъ его однажды близъ Скутари, въ Азіи, возвращаясь послѣ обозрѣнія военнаго стана, учрежденнаго между симъ городомъ и Халкидоніей. Остановя лошадь мою, устремилъ я взглядъ на его величественное чело, и привѣтствовалъ не сіяніе вѣнца, но знаменіе генія. Махмутъ былъ въ простомъ офицерскомъ мундирѣ своей гвардіи; не было на немъ прежней шубы, великолѣпной, подбитой мѣхомъ черныхъ лисиць, ни чалмы, ни пера, ни брилліантовыхъ застежекъ. Въмѣсто эвнуховъ, вмѣсто великихъ чиновниковъ, и стражей съ пернатыми шапками, окружавшихъ нѣкогда пышнаго монарха Османлисовъ,—его сопровождали только три человѣка, такъ же просто одѣтые, какъ и онъ самъ...

Обширность и глубина суть отличительныя черты свойствъ Махмута. Онъ никогда не объемлетъ мысли вполонину. Онъ предается ей весь, и тѣломъ и душою; въ юности его, конская скачка, этотъ особенный родъ ристалища, называемый *джеридъ*, занимала все его досужное время. Потомъ пристрастился онъ къ военнымъ ученіямъ всякаго рода, что заставило остроумцовъ Перы говорить, будто онъ нрава вѣтренаго и легкомысленнаго. Но обративъ на общественныя дѣйствія его жизни, замѣтивъ, съ какою непоколебимостью преслѣдуетъ онъ двадцать девять лѣтъ, не прерывая и не отдыхая, единственную мысль, которой обрекъ свое существованіе, невозможно ограничить сужденія своего вѣдшими поступками, непричастными никакому положительному значенію. И кто притомъ знаетъ,

чтобы эта переменная холодность и любовь къ занятіямъ, не были одною личиною, подъ которою скрывается онъ отъ враговъ своихъ могущественное вдохновеніе, впечатлѣнное огненными чертами на высокому его чель? Можетъ быть, нужно для его политики, чтобы площадное мнѣніе распространялось въ толкахъ о покровъ его одежды, и объ выпитомъ за обѣдомъ бокаль шампанскаго, между тѣмъ, какъ ночи его проходить въ обезуживаніи какого нибудь новаго предпріятія, опредѣленнаго къ дополненію творенія обширнаго — преобразования Востока?

Слѣдующій анекдотъ доказываетъ, что даже и министрамъ не всегда сказываетъ онъ мысль свою, и что нѣкоторыми дѣлами управляетъ онъ самъ, въ стѣнахъ своего серала, гдѣ полагають его часто ни чѣмъ не занятымъ.

Каймаканъ получилъ однажды письмо отъ пашы Акрескаго, въ которомъ сей намѣстникъ извѣщаетъ, что въ силу полученнаго повелѣнія, ему удалось захватить пашу Дамасскаго, и овладѣть женами и сокровищами его. Онъ испрашивалъ новаго приказа, какъ поступать съ узниками и другою добычею. Каймаканъ, не знавшій ничего объ отданномъ султаномъ повелѣніи, передалъ письмо рейсъ-эффенди, который, столь же удивленный этою вѣстью, показалъ его верховному визирю, также невѣдавшему о приговорѣ надъ пашею Дамасскимъ. При общемъ недоумѣніи, каймаканъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ самому Махмуту. Султанъ встрѣтилъ его съ улыбкою. «Я понимаю — сказалъ онъ — причину твоего прихода. Но то, о чемъ хочешь ты спрашивать, мое дѣло. Не думай объ немъ болѣе. Если Богъ со- благоволитъ, оно скорѣе будетъ счастливо окончано.»

Есть что-то похожее на Лудовика XI-го и Петра I-го, въ умственномъ образованіи султа-

на Махмута. Онъ предпринялъ подвигъ исполни- скій, подобный подвигамъ двухъ упомянутыхъ мною великихъ мужей. Правая его рука уравнивала м- тежи, а между тѣмъ лѣвая рука возвышала держа- ву его изъ глубокихъ безднъ невѣжества и вар- варства къ лучезарнымъ свѣтиламъ образованія. Уни- чтоженіе Янычаръ, въ причинахъ и дѣйствіяхъ своихъ, находится въ ближайшемъ сродствѣ съ уни- чтоженіемъ Русскихъ стрѣльцовъ, а казнь пашы Яннинскаго и дере-бея Смирнскаго напоминаетъ казнь Герцога Немурскаго и Графа Мелѣна, изъ ко- торыхъ первый, такъ же какъ и престарѣлый Али-па- ша, названъ былъ Сардапаломъ своего времени.

Султанъ Махмутъ и знаменитое его преобразова- ніе, безъ сомнѣнія, стоить полнѣйшей, и болѣе по- дробной оцѣнки. Надѣюсь пополнить со временемъ мои разбросанныя замѣтки, предлагаемая здѣсь чи- тателямъ для того только, чтобы предостеречь ихъ отъ безчисленныхъ ошибочныхъ мнѣній, укоренив- шихся въ Европѣ объ этомъ важномъ предметѣ. Рѣ- шительнаго сужденія о преобразователѣ Турціи не изречетъ Исторія, доколѣ событія не довершатъ своего хода. Она не провозгласила бы Лудови- ка XI-го великимъ послѣ свиданія въ Пероннѣ, ни Петра I-го гениемъ послѣ сраженія подъ Нарвою. Для полученія признанія общенароднаго, трудъ ге- нія долженъ быть увѣнчанъ успѣхомъ. Будущее въ десницѣ Бога, но въ судьбѣ царствъ и народовъ есть своя логика. Образованіе Востока не для того вышло изъ могилы, гдѣ столько вѣковъ объято было сномъ, чтобы опять позорно низвергнуться въ свой могильный склепъ, не произведши ничего, кромѣ какаго-то неопредѣленнаго привидѣнія безъ всякой истинной сущности.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

за Май 1838 года.

Россія.

Юня 3-го жители Петербурга были обрадованы неожиданнымъ извѣстiemъ, о благополучномъ возвращеніи въ Петергофъ Государя Императора, куда Его Императорское Величество благополучно прибылъ изъ Стокгольма, съ И. И. В. Великими Князьми Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ. — О путешествіи возлюбленнаго Монарха нашего, а какъ равно о пребываніи Его и Государыни Императрицы въ Пруссіи, и о дальнѣйшемъ путешествіи Е. И. В. Цесаревича Наслѣдника по Швеціи, мы сообщаемъ радостныя извѣстія подъ статьями: Пруссія и Швеція.

Юня 4-го, въ С. Петербургской Академіи Наукъ было торжественное собраніе, гдѣ объявлены имена сочинителей и названія сочиненій, которымъ на сей седьмой годъ присуждены разныя награды изъ учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ премій. Вотъ имена авторовъ увѣнчанныхъ твореній, и заглавія ихъ книгъ, по порядку присужденныхъ имъ наградъ:

Выдается полная премія въ 5000 рублей:
Барону Шодуару за книгу его «Обозрѣніе Русскихъ денегъ.»

Удостоены полной преміи, съ выдачею второстепенной:

Профессоръ Московскаго Университета Брашманъ за «Статику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.»

Профессоръ Казанскаго Университета Ковалевскій за «Монгольскую Хрестоматию.»

Профессоръ Дерптскаго Университета Гебель за «Путешествіе по южнымъ степямъ Россійской Имперіи.»

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Фишеръ фонъ Валдгейль за «Ориктографію Московской губерніи.»

Удостоены второстепенной преміи въ 2500 рублей:
Дѣвица Александра Ишимова за «Россійскую Исторію въ разказахъ для дѣтей.»

Генеральнаго Штаба подполковникъ Болотовъ за «Руководство къ Геодезіи.»

Кандидатъ Московскаго Университета Соловъ за «Теорію опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней.»

Подполковникъ Бурачекъ и лейтенантъ Зеленый за «Лекціи алгебраическаго анализа.»

Каммергеръ Крузенштеръ за «Обозрѣніе системы успѣховъ и состоянія народнаго просвѣщенія въ Россіи.»

Коллежскій ассессоръ Дихтъ за усовершенствованіе Русской печи.

Удостоены почетнаго отзыва:

Полковникъ Чертковъ за «Воспоминанія о Сициліи.»
Архимандритъ Досиосъ за «Описаніе Соловецкаго монастыря.»

Г. Терещенко за «Обозрѣніе жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи.»

Ея Святость, супруга Принца Петра Ольденбургскаго, Принцесса Терезія Вильгельмина Шарлотта, 21-го Мая разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Высочайше повелѣно, въ 30-й день Апрѣля, городъ *Умань*, находящійся среди военныхъ поселеній Кіевской и Подольской губерній, съ сохраненіемъ всѣхъ городскихъ правъ и преимуществъ, отчислѣть въ вѣдомство начальства упомянутыхъ поселеній.

Число кораблей, по 2-е Іюня пришедшихъ въ *Кронштадтъ*, простиралось до 254, а вышедшихъ до 59. — Въ *Ригу*, по 1-е Іюня пришло кораблей 484, а вышло изъ тамошняго порта 286. — Въ *Архангельскъ*, по 2-е Іюня пришло 47, а вышло оттуда 18.

Изъ числа умершихъ въ 1836 году въ Россіи жителей православнаго исповѣданія, мужскаго пола, не старѣе 5-ти лѣтъ отъ рожденія было *болѣе половины* (изъ 687,464—557,710), не старѣе 10-ти 42,050. За тѣмъ, до 15, 20, 25, 30 и 35-ти число умершихъ не превышало, на каждый изъ сихъ возрастовъ, 18,000. Здѣсь является увеличеніе: до 40 лѣтъ умерло около 19,000, до 45-ти болѣе 20,000, до 50-ти болѣе 20,000, до 55-ти болѣе 22,000, до 60-ти болѣе 22,000, до 65-ти болѣе 25,000; за тѣмъ до 70-ти около 20,000, до 75-ти около 20,000, до 80-ти болѣе 15,000, до 85-ти болѣе 10,000. — Примѣры долголѣтія въ 1836 году были весьма замѣчательныя: 4715 человекъ умерло 90-ти лѣтнихъ, 2855 человекъ до 95 лѣтъ, 1467 человекъ до 100 лѣтъ, 558 человекъ до 105 лѣтъ; 100 человекъ до 110 лѣтъ, 75 до 115-ти, 30 до 120, 31 до 125; наконецъ — *платеро* дожили до 130, *платеро* до 135, *одинъ* — 140, *трое* — 145, *одинъ* прожилъ болѣе 150, и *одинъ* — болѣе 165 лѣтъ! Слѣдственно, сей примѣчательный старецъ родился

въ царствованіе Царя Алексія Михайловича. Онъ жилъ въ Томской губерніи.

По отчету Общества Царскосельской желѣзной дороги, въ дополненіе своихъ капиталовъ, Общество заняло еще изъ Государственнаго Казначейства, на 36 лѣтъ, 1½ милліона рублей. Всѣ издержки общества простирались по 30 Апрѣля до 4.133,700 рублей, а въ наличности капитала оставалось 266,300 рублей, не считая 110,000 рублей полученнаго уже по то время дохода. — Поѣздки на первыхъ пяти верстахъ отъ Петербурга начались съ 25-го Сентября, до Царскаго Села съ 30-го Октября, и съ 4-го Апрѣля начали употребляться исключительно только паровозы. Съ сего числа по 1-е Мая проѣхало до 14,000 пассажировъ, и доходъ ежедневно составлялъ до 965 рублей, среднимъ числомъ. Въ первые девять дней Мая проѣхало 7356 пассажировъ, и доходъ составлялъ ежедневно по 1578 рублей. Съ 22-го Мая открыта дорога до Павловска, и до 1-го Іюня проѣхало по ней изъ Царскаго Села 9350 пассажировъ, а всего въ Мая отъ Петербурга до Царскаго Села проѣхало 50,820, и сборъ составилъ 92,462 р. 50 коп.

Вотъ любопытное исчисленіе всѣхъ пользовавшихся минеральными водами, цѣлебными грязями и морскими купаньями въ Россіи, въ 1837 году (не считая Московскихъ искусственныхъ минеральныхъ водъ и купаньевъ въ Финляндіи):

При Кавказскихъ минеральныхъ водахъ	1057
— Сергіевскихъ, Оренбургской губерніи	379
— Друскенинскихъ, Гродненской	299
— Липецкихъ, Тамбовской	46
— Шенетовскихъ, Вольнской	152
— Казановскихъ, Кіевской	22
— Андреапольскихъ, Тверской	2

При Сакскихъ грязяхъ, Таврической	109
--- Соляныхъ грязяхъ, Астраханской	6
--- Морскихъ ваннахъ : въ Ревель	168
--- Гапсаль	351
--- Морскихъ и Лиманскихъ купальняхъ въ Одессѣ	34
При искусственныхъ минеральныхъ водахъ :	
Въ С. Петербургѣ	261
--- Кіевѣ	59
--- Одессѣ	67
<hr/>	
Итого	3012

Мал 13-го происходило публичное испытаніе, въ состоящемъ подъ вѣдѣніемъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, *С. Петербургскомъ училищѣ Торговаго Мореплаванія*. Посѣтители отдали полную справедливость попененіямъ начальства, и особенно почтеннаго директора училища, опытнаго моряка, П. М. Муравьева. Основанное въ 1830 году, сіе полезное училище выпустило уже 44 челоуѣка отличныхъ учениковъ для купеческаго мореплаванія. Многіе изъ нихъ успѣли сдѣлаться шкиперами, въ нашей Америкѣ, Архангельскѣ и Ригѣ. — Число штатныхъ воспитанниковъ въ училищѣ полагается 32, кромѣ 14 пансіонеровъ, съ умѣренной платою по 500 рублей въ годъ, и приходящихъ бѣдныхъ учениковъ, обучаемыхъ безденежно, которые, по выдержаніи экзамена, пользуются всѣми правами воспитанниковъ. Какихъ польвъ нельзя ожидать въ будущемъ отъ этого рассадника для купеческаго мореходства нашего, если Богъ благословитъ дальнѣйшіе успѣхи его!

Еще праздникъ науки и добродѣтели прибавился къ ознаменованнѣмъ въ Россіи нынѣшній годъ : Мая 26-го, многіе почетные и знатные особы, врачи С. Петербургскіе и друзья *И. О. Буша*, академика,

заслуженнаго профессора, дѣйств. статскаго совѣтника и кавалера, праздновали торжество 50-ти лѣтняго юбилея его полезнаго, и ознаменованнаго столькими трудами и подвигами поприца служенія, начиная съ лекарскаго званія, полученнаго имъ въ 1788 году. Государь Императоръ благоволилъ ошастливитъ въ сей день почтеннаго старца Монаршею наградою : г-нѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вручилъ ему отъ имени Государя орденъ Св. Станислава 1-й степени. Товарищи поднесли г-ну Бушу золотую медаль, съ его портретомъ, и надписью : *Patriae omnia debens, patriae soli vivens*, и богатую серебряную чашу, въ $1\frac{1}{4}$ аршинъ вышины, и въ 39 ф. 74 з. вѣсомъ. Положено учредить также премію, подобно той, какаѣ была учреждена при юбилеѣ академика Загорскаго. Кромѣ того Комитетъ Московскаго Медико - Фармацевтическаго Попечительства внесъ на вѣчныя времена 10,000 рублей, подъ названіемъ «Благотворительнаго капитала академика Буша,» съ тѣмъ, чтобы проценты съ сей суммы выдавать дѣтямъ бѣдныхъ врачей, отличающимся ученіемъ и прилежаніемъ къ наукѣ.

Мал 26-го получено въ Петербургѣ неожиданное извѣстіе о бѣдствіи, постигшемъ превосходный пароходъ *Николай I-й*, во время плаванія изъ Кронштадта въ Любекъ. Вотъ подробности сего несчастнаго событія, описанныя въ Гамбургской Биржевой Газетѣ : «Пароходъ Николай I, шкиперъ Сталь, со 132 пассажирами и 33 челоуѣками экипажа, загорѣлся на пути изъ С. Петербурга въ Травемюнде, въ ночь съ 30 на 31 (съ 18 на 19) Мая, въ двѣнадцатомъ часу, пониже Гроссъ-Клюхта, въ одной милѣ отъ Травемюндскаго рейда. Прекраснѣйшая погода благопріятствовала плаванію парохода; 30 Мая утра отдали на островъ Рюгенъ почту. Вечеромъ, часовъ около

одинадцати, все дамы и дѣти отправились спать, а мужчины еще сидѣли за ужиномъ и за карточными столами; вдругъ раздался ужасный крикъ: *пожаръ!* Вскоръ изъ камеры, въ которой производится топка, показались дымъ и искры. Шкиперъ парохода Сталь, сохранивъ все присутствіе духа, воспользовался еще дѣйствовавшею силою машины, направилъ путь къ берегу, и приказалъ дѣйствовать только ручными насосами, потому, что если бы остановить машину, и употребить въ дѣло паровые наносы, то по недостатку шлюпокъ, и по беспорядкамъ, неизбежнымъ въ подобномъ случаѣ, легко могло случиться, что все бывшіе на пароходѣ погибли бы, въ волнахъ, или огнѣ. Пожаръ распространился такъ скоро, что успѣли только посадить пароходъ на мель, шагахъ во ста отъ берега. Кромѣ экипажа, состоявшаго изъ 33 чел., на пароходѣ было, какъ мы уже говорили, 152 пассажира, и сверхъ того 11 экипажей. Страхъ и смятеніе достигли высочайшей степени; каждый хотѣлъ спастись прежде другихъ. Многие пассажиры бросились въ воду; другіе хотѣли насильно отвязать шлюпку, которая и разбилась. Между тѣмъ все были спасены, за исключеніемъ только трехъ пассажировъ, именно: г-на Головкина, слуги г. Маркелова (говорятъ, что трупы ихъ уже найдены) и г. Мейера, сахаровара съ завода г. Берда, и двухъ матросовъ. Изъ 11 экипажей, два были сброшены въ море, остальные сгорѣли, съ большою частію пассажирскихъ вещей. Почта и депеши трехъ курьеровъ не могли быть спасены. Изъ денегъ на пароходѣ было, какъ говорятъ, одинъ только боченокъ золота, который еще надѣются найти. Шкиперъ Сталь, забывая только о спасеніи пассажировъ, не могъ спасти ни вещей, ни бумагъ своихъ. Пассажиры прибыли въ Травермонде большою, ча-

стію, безъ обуви и съ непокрытыми головами. Пароходъ сгорѣлъ до водной линіи, и теперь принимаютъ мѣры, чтобы извлечь изъ него все, что можно. Судно было застраховано въ Лондонѣ.

« О причинахъ этого ужаснаго происшествія нельзя сказать ничего достовернаго; одни полагаютъ, что каменный уголь былъ положенъ на пароходъ еще сырой, смѣшанный съ свѣгомъ и льдомъ, и потому отдѣлалъ изъ себя горючій воздухъ; другіе говорятъ, что пожаръ произошелъ отъ машины.»

П р у с с і я.

Изъ Берлина получены дальнѣйшія свѣдѣнія о пребываніи тамъ Государя Императора, Его Августѣйшаго семейства, и другихъ высокыхъ посѣтителей.

Отъ 15 *Мая.* «Мая 11 и въ слѣдующій день были здѣсь большіе маневры, на которыхъ войска, раздѣленные на два противоположные корпуса, восточный и западный, начали дѣйствія въ полу-миль отъ столицы, отъ мѣстечка Шарлоттенбурга.

Въ первый день, маневры съ 9-го часа утра продолжались до половины 2-го часа пополудни, до деревни Пихельсдорфъ, гдѣ данъ былъ войскамъ краткій отдыхъ, во время котораго Государь Императоръ изволилъ кушать, со всеми находившимися при томъ особами и свитою, у Его Королевскаго Высочества Принца Вильгельма и его супруги, въ палаткахъ, въ зелени.

Тотчасъ послѣ стола начались снова выстрѣлы, и вторымъ актомъ маневра было наведеніе понтоннаго моста черезъ рукавъ рѣки Гавель.

На второй день, съ утра продолжались маневры отъ деревни Пихельсдорфъ, и кончились въ полдень, весьма красиво произведеннымъ штурмомъ крѣпости Шпаандау.

Въ тотъ день, Государь Императоръ и все Высот. III. — Отд. V.

кіе Посѣтители изволили быть за обѣденнымъ столомъ у Его Королевскаго Высочества Принца Карла Прусскаго.

Ея Величество Императрица не изволила присутствовать на послѣднихъ обѣдахъ и маневрахъ, по случаю небольшой простуды.

Государь Императоръ и Его Высочество Наслѣдникъ, равно какъ и Великая Княжна Александра Николаевна, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, паходятся въ вожделѣнномъ здравіи.»

Отъ ¹⁸/₃₀ Мал. «Праздники продолжаются здѣсь по прежнему. Вчерашній день, въ мѣстечкѣ Шарлоттенбургъ, въ лѣтнемъ дворцѣ Его Величества Короля, данъ былъ блестящій *déjeuner dansant*, на коемъ изволили находиться всѣ Высочія Особы, съ Ихъ свитами. — Ея Величество Императрица, получивъ облегченіе отъ небольшой простуды, изволила также украсить праздникъ Своимъ присутствіемъ. Послѣ стола, съ половины третьяго часа, танцы продолжались до шести часовъ вечера.

Потомъ Государь Императоръ и Императрица, возвратясь въ городъ, посѣтили театръ, гдѣ представлена была опера Норма.

Число знаменитыхъ посѣтителей Берлина, въ прошедшіе два дня, умножилось еще прибытіемъ сюда Герцога Ангальтъ-Кетенскаго, и Князя Шварцбургъ-Зондерсгаузенскаго.

Отъ ²²/₃ Мал. ²²/₃ Июл. «Вчерашній день, Государь Императоръ, получивъ извѣстіе о гибели близъ Травемюнде парохода Николай I, въ тотъ же часъ изволилъ послать туда изъ Берлина флигель-адъютанта Своего, полковника Васильчикова, снабдивъ его деньгами, для помощи тѣмъ пассажирамъ изъ Русскихъ,

которые могли потерять свои имущества, или пострадать при семъ несчастномъ случаѣ.

Въ четвертокъ ¹⁹/₃₁ Мал, Государь Императоръ, Императрица, Наслѣдникъ и Великая Княжна Александра Николаевна, изволили присутствовать на балѣ у Принца Вильгельма Прусскаго, куда приглашены были всѣ знаменитые гости, находящіеся въ Берлинѣ. Въ первомъ часу былъ пышный ужинъ, послѣ котораго танцы продолжались еще до третьяго часа ночи.

Мая 21 (Іюня 2-го) Государь Императоръ, Императрица, Его Величество Король Прусскій, Ихъ Величества Короли Виртембергскій и Ганноверскій, съ Членами Ихъ Императорской и Королевскихъ Семействъ, удостоили присутствіемъ своимъ *déjeuner dansant*, данный Россійскимъ посланникомъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ *Рибоньеромъ*, въ домѣ польсольства.

Этотъ праздникъ, одушевленный Державными Особами, былъ чрезвычайно красивъ и блистателенъ. — Входъ украшенъ былъ зеленою и свѣжими цвѣтами, а для главнаго стола пристроена была во дворѣ временная, обширная зала, драпированная съ особеннымъ вкусомъ. — За завтракомъ находилось болѣе трехъ сотъ особъ. Танцы кончились въ седьмомъ часу пополудни.

Передъ вечеромъ, въ тотъ же день, Государь Императоръ и Императрица изволили благополучно перѣхать изъ Берлина въ Потсдамъ.»

Мая 25-го послѣдовалъ Высочайшій отъѣздъ Государя Императора для путешествія въ Швецію, вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами, Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ, и В. К. Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ.

Извѣстія о пребываніи въ Берлинѣ Государыни Императрицы: *отъ 30-го Мая (11-го Іюня)*. «По отъѣздѣ Его Императорскаго Величества, Государыня Императрица изволила отправиться, 28-го Мая (9-го Іюня) на Павліній островъ, гдѣ провела весь тотъ день. Вчера, 29-го Мая (10-го Іюня), Ея Императорское Величество присутствовала при Божественной Литургіи въ Потсдамѣ, и имѣла обѣденный столъ въ Парецѣ, съ Своимъ Августѣйшимъ Родителемъ. Сегодня, Государыня Императрица изволила возвратиться въ Берлинъ, и намѣревается отправиться завтра поутру въ Фюрстенштейнъ. Ея Императорское Величество, равно какъ и Великая Княжна Александра Николаевна, находятся въ вождѣльномъ здравіи.

Отъ 3-го Іюня. Государыня Императрица, съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Александрою Николаевною, выѣхавъ 31-го Мая (12-го Іюня), поутру, изъ Берлина, по благополучномъ путешествіи изволила прибыть $\frac{1}{13}$ Іюня, вечеромъ, въ Фишбахъ, и остановиться для ночлега въ замкѣ Принца Вильгельма, брата Его Величества Короля Прусскаго. На другой день, въ два часа по полудни, Ея Императорское Величество предпринять изволила дальнѣйшее путешествіе, а около восьми часовъ вечера прибыть въ замокъ Фюрстенштейнъ, принадлежащій графу Гогбергу, и отличающійся пріятнымъ мѣстоположеніемъ при хорошемъ воздухѣ, гдѣ и расположилась со всею свитою.

Фюрстенштейнъ, $\frac{6}{13}$ Іюня. «Сего $\frac{4}{13}$ Іюня Государыня Императрица изволила начать пользованіе Оберъ-Зальцбрунскаго минеральной водою. Отправившись рано поутру изъ Фюрстенштейна къ источнику, Ея Императорское Величество встрѣчена была всѣми по-

сѣтителями Зальцбруна, которые и удостоились милостиваго привѣтствія Монархини.

На другой день, въ Воскресенье, въ присутствіи Ея Величества и Государыни Великою Княжны Александры Николаевны, отправлена была Божественная Литургія въ Греко-Россійской церкви, устроенной въ замкѣ Фюрстенштейнъ.

Здоровье Ея Величества, благодаря Бога, весьма удовлетворительно, равно и Ея Высочество находится въ вождѣльномъ здравіи.»

Отъ 5-го Іюня пишутъ изъ Берлина объ отъѣздѣ разныхъ Высокихъ посѣтителей:

Отсюда выѣхали: *Король и Королева Ганноверскіе*, въ Ганноверъ; *Король Виртембергскій* (подъ именемъ Графа Текъ) съ Принцессами Маріею и Софіею, въ Штутгартъ; Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, съ Герцогинею Луизой, въ Лудвигс-лустъ; Великій Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій съ супругою, и Герцогинями Луизою и Каролиною, въ Новый Стрелицъ; Великій Герцогъ Саксенъ-Веймарскій, съ супругою, въ Веймаръ; Владѣтельный Герцогъ Ангальтъ-Кетенскій, въ Кетенъ; Владѣтельный Герцогъ Брауншвейгскій, въ Брауншвейгъ.

Высочайшимъ приказомъ, 23-го Мая (4-го Іюня), даннымъ въ Потсдамѣ, Король Ганноверскій назначенъ Шефомъ Лубенскаго гусарскаго полка, коему и именоваться *Гусарскимъ Его Величества Короля Ганноверскаго полкомъ*.

Высочайшимъ приказомъ, даннымъ $\frac{10}{13}$ Мая, братъ Е. В. Короля Прусскаго, Е. К. В., генералъ отъ кавалеріи, Принцъ Вильгельмъ Прусскій назначенъ Шефомъ Астраханскаго кирасирскаго полка, коему повелѣно именоваться *Кирасирскимъ Принца Вильгельма Прусскаго полкомъ*.

Е. В. Король Прусскій пожаловалъ орденъ Черна-

го Орла: Великому Князю Константину Николаевичу, Наслѣдному Принцу Ганноверскому, Принцу Августу Виртембергскому, и Наслѣдному Принцу Саксенъ-Веймарскому.

Ш в е ц и я .

О путешествіи Государя Императора изъ Пруссіи въ Швецію обнародованы слѣдующія извѣстія:

«Въ ночи съ 25-го на 26-е число Мая, Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Берлина въ Штетинъ, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ прибыли въ Штетинъ наканунѣ.

26-го числа, въ первомъ часу по полудни, Государь Императоръ, съ Ихъ Высочествами, отправился моремъ на пароходъ Геркулесъ въ Стокгольмъ, въ сопровожденіи люгера Ораніенбаумъ, который взять былъ на буксиръ.

На пути семь разставлены были наши военныя суда, а именно: фрегатовъ 9, бриговъ 5, шкуна и люгеръ, мимо которыхъ проходилъ пароходъ Геркулесъ у назначенныхъ симъ судамъ станцій, а въ 20-ти миляхъ, не доходя мыса Гоборга, составляющаго западную оконечность острова Готланда, Его Величество встрѣтилъ, сверхъ того, 3-ю флотскую дивизию. Государь Императоръ, найдя всѣ суда сіи въ надлежащемъ порядкѣ и устройствѣ, изволилъ объявить сигналомъ Монаршее Свое благоволеніе, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ вина на человѣка.

29-го Мал, въ воскресенье, рано утромъ, берега Швеціи начали быть видными, и Шведскій генералъ графъ Мернеръ, посланный отъ Короля на пароходъ Гельфъ, для встрѣчи Его Высочества, получивъ свѣдѣніе о приближеніи парохода Геркулесъ къ малку Ландеортъ, въ 135-ти верстахъ отъ Сток-

гольма, снялся съ якоря и пошелъ къ нему на встрѣчу; подошедъ, Графъ Мернеръ просилъ позволенія перейти на Геркулесъ, и представился Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, вмѣстѣ съ Россійскимъ Посланникомъ при Шведскомъ Дворѣ, и нѣкоторыми лицами, въ ихъ свитѣ состоявшими.

Доплывъ къ крѣпости Далеръ-Э, Государь Императоръ приказалъ отсалтовать оной, и потомъ поднять кейзеръ-флагъ Наслѣдника Цесаревича. Крѣпость салтовала оному 28-ю выстрѣлами, на что пароходъ Геркулесъ отвѣтствовалъ 26-ю.

Предъ крѣпостію Ваксгольмъ стояли на якорѣ два Россійскіе парохода, Александрія и Надежда, которые послѣдовали за Геркулесомъ; потомъ, крѣпость Ваксгольмъ, и наконецъ, по приближеніи къ Стокгольму, двѣ дивизіи канонерскихъ іолъ, и крѣпости Кастельгольмъ и Шепсгольмъ также салтовали, и получили отвѣтъ.

Тутъ, главный командиръ порта, вице-адмиралъ Коетъ, подъѣхавъ къ пароходу, явился Наслѣднику Цесаревичу, и по Его соизволенію, перевезъ Его Высочество на берегъ, на Королевскомъ катерѣ, подъ Россійскимъ флагомъ. Отъ берега до самаго дворца, было многочисленное стеченіе народа, и Его Высочество, бывъ встрѣченъ придворными чинами Королевскаго Двора, вошелъ въ ихъ сопровожденіи въ комнаты, приготовленныя для Его Высочества, гдѣ и былъ принятъ Кронъ-Принцемъ.

Между тѣмъ, Государь Императоръ перенравился на берегъ особо, съ однимъ генералъ-майоромъ графомъ Сухтеленемъ, на своемъ катерѣ, не бывъ ни къмъ узнавъ, и вошелъ прямо въ половину дворца, занимаемую Королемъ. Прибытіе Царя Русскаго было Королю Шведскому тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ менше было оно ожидаемо.

Въ тотъ же вечеръ у Ея Величества Королевы былъ великолѣпный ужинъ.

На другой день, 50-го числа, Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи Кронъ-Принца, отправились, въ 10 часовъ утра, осматривать казармы двухъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ и конной гвардіи, и потомъ военный госпиталь.

Обѣдъ былъ у Короля.

Вечеромъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили прогуливаться въ паркѣ, со всею Королевскою Фамиліею.

31-го Мая, поутру, Его Величество Король изволилъ показывать Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу войска, составляющія гарнизонъ Стокгольма, подъ предводительствомъ Кронъ-Принца. — Войско это состояло изъ перваго и втораго пѣхотныхъ полковъ гвардіи, полка конной гвардіи гусарскаго, одного баталіона поселенныхъ войскъ 10-го линейнаго Зюдерманландскаго полка, коннаго Упландскаго лейбъ-драгунскаго полка, и полка артиллеріи (Svda).

Въ пять часовъ, Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и свиты Ихъ обѣдали у Кронъ-Принца, гдѣ присутствовала вся Королевская Фамилія.

Вечеромъ, у Ея Величества Королевы былъ балъ, къ которому приглашено было до шести сотъ особъ.

Около двѣнадцати часовъ вечера, Государь Императоръ отправился на пароходъ Геркулесъ, для продолженія пути въ С. Петербургъ. — Его Величество Король, желая проводить Государя Императора, вмѣстѣ съ Кронъ-Принцемъ, былъ принятъ на пароходѣ со всеми почестями, принадлежащими Его Величеству, и тутъ Король, съ изъясненіемъ тѣхъ чувствъ, которыя возбудило въ немъ сіе неожиданное посѣщеніе Государя Императора, простился съ Его Величествомъ, и возвратился во Дворецъ.

Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, прибывъ на пароходъ вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ, по отъѣздѣ Короля простился съ Августѣйшимъ своимъ Родителемъ, и отправился обратно въ Стокгольмъ, гдѣ имѣлъ намѣреніе пробыть еще нѣскольکو дней, по назначенному Его Императорскому Высочеству маршруту, до переѣзда въ Данию.

Въ первомъ часу ночи, при пушечныхъ выстрѣлахъ крѣпостей и пароходовъ, Геркулесъ снялся съ якоря, и Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, отправился въ вожделенномъ здравіи къ Петербургу.

О путешествіи Его Императорскаго Высочества Цесаревича Наслѣдника Престола, получены здѣсь слѣдующія извѣстія:

«1-го Іюня, на другой день по отбытіи Государя Императора изъ Стокгольма, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи Его Королевскаго Высочества Наслѣдника Принца Шведскаго, и всей Своей свиты, изволили посѣтить, въ двѣнадцатомъ часу утра, Академію Наукъ. Президентъ ея, знаменитый Берцеліусъ, и многіе члены Академіи встрѣтили Ихъ Высочества у крыльца. Обозрѣвъ музей натуральной исторіи, особенно примѣчательный полнымъ собраніемъ естественныхъ произведеній Скандинавіи, Его Императорскому Высочеству угодно было посѣтить комнаты и лабораторію Берцеліуса.

«Послѣ сего, Ихъ Высочества изволили осматривать Военное Училище близъ города въ Карбергъ; откуда возвратясь во дворецъ, были въ придворной церкви, въ которой хранится хоругвь королевства, и осматривали залу засѣданія государственныхъ сословій.

«Въ пять часовъ пополудни, Государь Цесаревичъ былъ на обѣденномъ столѣ у Его Величества Коро-

ля, къ которому были приглашены только свита Его Императорскаго Высочества, и нѣкоторые изъ придворныхъ чиновъ, а въ десять часовъ вечера на концертъ у Наслѣдной Принцессы.

«2-го Юня. Въ одинадцать часовъ утра, Государь Цесаревичъ посѣтилъ Наслѣднаго Принца, и по желанію Ихъ Королевскихъ Высочествъ Принца и Принцессы, отправился съ ними на Русскій пароходъ Александрію. У пристани передъ дворцемъ былъ въ готовности Русскій катеръ, въ который сѣли Ихъ Высочества съ свитою. Государь Цесаревичъ изволилъ самъ править рулемъ. Высокіе посѣтители, найдя отличную чистоту и красоту отдѣлки парохода, изъявили полное свое удовольствіе, и при обыкновенномъ салютѣ изъ орудій, изволили съѣхать на берегъ.

«За симъ Государь Цесаревичъ съ Наслѣднымъ Принцемъ изволили ѣздить въ паркъ, гдѣ, въ присутствіи Ихъ Высочествъ, производима была нѣсколькими унтеръ офицерами пѣшихъ и гвардейскихъ полковъ глазомѣрная съемка мѣстности, съ необыкновеннымъ проворствомъ и точностію. Отсюда, по приглашенію Наслѣднаго Принца, Государь Цесаревичъ посѣтилъ мызу Лидо, принадлежащую Графинѣ *Шперъ*, гдѣ были приготовлены завтракъ, къ коему прибыли также Ея Величество Королева и Наслѣдная Принцесса.

«Обѣденный столъ Государь Цесаревичъ имѣлъ у Наслѣднаго Принца. Послѣ обѣда хоры военной музыки всѣхъ гвардейскихъ полковъ, поставленные на террасѣ передъ дворцемъ, играли марши, изъ коихъ одинъ особенно замѣчательнъ, какъ по музыкальному своему достоинству, такъ и потому, что сочиненъ Наслѣднымъ Принцемъ на случай пріѣзда Его Императорскаго Высочества.

«Въ девять часовъ вечера, Государь Наслѣдникъ отправился на балъ, данный посланникомъ нашимъ, графомъ Потоцкимъ, на которомъ Его Императорское Высочество изволило принимать Ихъ Величества Короля и Королеву и Наслѣднаго Принца съ Принцессото. Блистательный праздникъ сей, на коемъ находились до 300 особъ и дипломатическій корпусъ, окончился богатымъ ужиномъ. Государь Цесаревичъ, проводя Ихъ Величества Короля и Королеву, и Ихъ Королевскія Высочества, возвратился во дворецъ въ часъ по полуночи.

«3-го Юня. Въ одинадцать часовъ, Его Императорское Высочество съ Наслѣднымъ Принцемъ, въ сопровожденіи свиты, отправились на Шведскомъ пароходѣ *Комета*, по озеру Меларъ, на чугунный заводъ *Океръ*, извѣстный по отличнымъ своимъ издѣліямъ, принадлежащій барону *Варендорфу*. Послѣ четырехъ часовъ плаванія вдоль живописныхъ береговъ озера, Ихъ Высочества вышли на берегъ, на пристань, гдѣ находилось нѣсколько готовыхъ къ отправленію орудій, вылитыхъ на семъ заводѣ. Въ *Окерѣ* Ихъ Высочества изволили принять приготовленный хозяиномъ завода завтракъ, во время коего мастеровые заводскіе пѣли на голосъ Русскаго національнаго гимна: «Боже, Царя храни» — стихи, сочиненные на случай прібытія Государя Цесаревича. При осмотрѣ завода во всей подробности, между прочими предметами, вниманіе Государя Цесаревича обращено было на модель готическаго чугуннаго шпила, отливаемаго здѣсь для новой колонны Ридергольмской церкви въ Стокгольмѣ, по рисунку извѣстнаго скульптора *Гёте* (*Göthe*). Въ присутствіи Ихъ Высочествъ отлито было изъ чугуна основаніе сего шпиля. На возвратномъ пути изъ *Окера*, Ихъ Высочества посѣтили находящуюся при заводѣ

ланкастерскую школу. Питомцы оной также пропѣли стихи въ честь Его Императорскаго Высочества.

«Въ девять часовъ вечера, Ихъ Высочества прибыли въ замокъ Грисгольмъ, и остановились въ ономъ для ночлега.

«Утро 4-го Юня посвящено было для осмотра Грисгольмскаго замка, одного изъ древнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ въ Швеціи, — знаменитаго по историческимъ событіямъ, въ ономъ происшедшимъ, и по богатому, и можно сказать, единственному собранію портретовъ Королей Швеціи, владѣтелей разныхъ Европейскихъ государствъ и знаменитыхъ въ исторіи Шведской лицъ. Его Королевское Высочество самъ изволилъ показывать Государю Наслѣднику все достопримѣчательное въ замкѣ.

«Изъ Грисгольма, Ихъ Высочества выѣхали въ одиннадцать часовъ утра на Шведскомъ пароходѣ (Fręja), и въ три часа по полудни прибыли въ Дротнинггольмъ, великолѣпный дворецъ, лѣтнее мѣстопрѣбываніе Наслѣднаго Принца, — лежащій на живописномъ берегу озера Мелара. Государь Цесаревичъ, осмотрѣвъ богато убранные покои дворца, былъ угощенъ здѣсь Его Королевскимъ Высочествомъ обѣденнымъ столомъ, послѣ коего Ихъ Высочества отправились сухимъ путемъ въ Королевскій дворецъ Розенбергъ, въ четырехъ миляхъ отъ столицы, куда прибыли въ девять часовъ вечера. Ихъ Величества Король и Королева, и Наслѣдная Принцесса, прибывшіе сегодня въ Розенбергъ, ожидали прѣзда Его Императорскаго Высочества.

5-е Юня, Его Императорское Высочество провелъ въ Розенбергъ, въ семействѣ Его Величества Короля.

А н г л і я.

Брумъ возвратился въ Лондонъ, и 18-го Мая въ первый разъ явился въ Парламентъ.

Вотъ имена иностранныхъ пословъ, которые будутъ присутствовать при коронаваніи Королевы: Австрійскій, Князь Шварценбергъ; Россійскій, Графъ Строгановъ; Французскій Маршалъ Сультъ; Прусскій, Князь Путбусъ; Испанскій Маркизь Мирафлорестъ; Нидерландскій ванъ-денъ-Капелленъ; Шведскій Графъ Левенгелмъ; Сардинскій Маркизь Бриньоль-Саль; Датскій Принцъ Христіанъ Голштейнскій; Бельгійскій Князь де-Линъ.

Бывшій Канадскій генералъ-губернаторъ, Графъ Госфордъ прибылъ въ Лондонъ, и 8 Юня поднесъ Королевы адресы жителей Квебека, и епископа и духовенства Квебекскаго и Монреальскаго, гдѣ просятъ Королеву не наказывать жителей Нижней Канады за участіе немногихъ обитателей ея въ гibelномъ бунтѣ, и соединеніи съ жителями мятежной Верхней Канады, долженствующими лишиться правъ своихъ за преступное возстаніе.

Племянникъ Удскаго царя прибылъ въ Лондонъ. Ему около 30-ти лѣтъ, и обхожденіе его показываетъ чelовѣка знакомаго съ Еропейскою образованностью. — На большемъ выходѣ Королевы, 22 Мая представлялся ей первый посолъ Перуанской республики въ Англій, потомокъ Инковъ, Донъ Винцентъ Папо.

Май 26-го Россійскій посолъ давалъ въ Лондонѣ блистательный обѣдъ, гдѣ находились Герцогъ, Герцогиня и Принцъ Кембрижскіе, и герцогиня Глостерская. Вечеромъ былъ балъ у племянницы Графа Поццо ди Борго. — На другой день былъ большой обѣдъ у Герцога Суссекскаго, гдѣ присутствовали Королева, всѣ члены Королевской фамиліи, министры и многіе перы. Двадцать комнатъ Кенсингтонскаго дворца были великолѣпно убраны для сего праздника. За столомъ Короле ва сидѣла между Гер-

ногомъ Суссекскимъ и Графомъ Мельбурномъ. На балъ, которымъ вечеромъ кончился праздникъ, находилось до тысячи человекъ приглашенныхъ гостей.

Странное событіе возмутило спокойствіе въ области Канторбери. Какой-то сумасшедшій фанатикъ, Джонъ Николай Томъ, называвшій себя Королемъ Иерусалимскимъ, графомъ Ротшильдомъ, сиромъ Томпсономъ, сиромъ Вилліамомъ Куртенеємъ, и проч., уже въ 1833 году возмущалъ жителей, и былъ заключенъ въ домъ ума лишенныхъ. Потомъ выпустили его; иногда являлся онъ въ Восточной одеждѣ, давалъ деньги, и наконецъ восторженными своими рѣчами собралъ шайку отчаянныхъ бѣдняковъ, числомъ до ста человекъ, выставилъ знамя, и принуждалъ жителей разныхъ деревень пристать къ нему, порицая правительство, объявляя свободу вѣры, богатство и гражданскую независимость. Онъ застрѣлилъ посланнаго къ нему констабля. Принуждены были отправить противъ бунтовщиковъ отрядъ войска; начался отчаянный бой; два офицера и 11 солдатъ были убиты; начальникъ—мятежа палъ въ битвѣ, а увлеченные имъ сообщники отчасти взяты въ плѣнъ, отчасти разбѣжались и были переранены.

Офицеры и солдаты бывшаго Британскаго легіона подали въ Парламентъ прошеніе, гдѣ просятъ заступленія правительства въ неплатежъ Испанію слѣдующаго имъ жалованья, считая недоданную по условію сумму въ 300,000 ф. ст. — Лордъ Мельбурнъ замѣтилъ при семъ случаѣ, что Англія не можетъ подкрѣпить ихъ требованія ничѣмъ, кромѣ дипломатическаго сношенія съ Испанскимъ правительствомъ.

Множество знатныхъ особъ, и болѣе 7000 зрите-

лей, находились при спускѣ, 24 Мая, величайшаго изъ всѣхъ въ мірѣ пароходовъ, на верфи Лимегойской. Его назвали *Англійская Королева*. Длина его составляетъ 275 футовъ, и превосходитъ 35 ф. длину самыхъ огромныхъ кораблей Англійскихъ; ширина 64 фута; грузъ 1863 тонны; сила паровой машины равняется 500 лошадинымъ силамъ.

Франція.

Юня 7-го, посланникъ Абдъ-эль-Кадера отправился изъ Парижа. Посольство его, какъ говорятъ, не имѣло успѣха. — Въ Парижъ прибылъ генералъ Пинкней Гендерсонъ, посланный отъ Техаской республики, для испрашиванія утвержденія Европейскими Государями независимости сей новой республики. Но Французское правительство не изъявило согласія на офиціальное признаніе его въ качествѣ посла. — Еще замѣчательный посѣтитель явился во Франціи — Испанскій инфантъ Донъ Францискъ Паула; онъ прибылъ въ Тулузу 18-го Мая.

Дѣло Гюбера рѣшено 25 Мая въ Сенскомъ уголовномъ судѣ. Гюберъ осужденъ въ ссылку; дѣвица Грувель, и заговорщики Стейбель и Анна на пятилѣтнее, а Жиро на трехлѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ.

Французскія газеты наполнены подробностями о смерти Талейрана, и сужденіями объ немъ, объ его духовной, его запискахъ, которыя завѣщалъ онъ издать по прошествіи тридцати лѣтъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ подписалъ приготовленные прежде письма къ Папѣ и Архіепископу Парижскому, гдѣ отрывается онъ отъ участія въ революціонной обвѣднѣ на Марсовомъ полѣ, въ день Федераций и признаетъ власть Папы и неприкосновенность Католической религіи. Онъ благоговѣнно исполнилъ всѣ духовные обряды передъ смертью, и указывая на молодую родственницу, которая въ тотъ день со-

вершила первое свое причащеніе, сказалъ: *Voyez ce que c'est que le monde --- là le début, ici la fin.....* (Посмотрите, что такое свѣтъ — тамъ начало — здѣсь конецъ). — Мал 22-го совершены великолѣпные похороны Талейрана, въ церкви Успенія. Катафалкъ украшенъ былъ гербомъ, и орденами Почетнаго Легіона и Золотога Руна, съ фамильнымъ девизомъ покойника: *Re que Dieu* (Ничто кромѣ Бога) — Гробъ поставленъ послѣ сего въ церковный погребъ, до отправленія въ Валансейское помѣстье Талейрана, гдѣ онъ назначилъ себѣ могилу.

По отчету Исторической Коммисіи, въ Парижской Королевской библіотекѣ перебрано и приведено въ порядокъ по сіе время Коммисією древнихъ актовъ 162,521. Всего полагаютъ ихъ болѣе милліона. Изъ перебранныхъ, ранѣе XII вѣка оказалось 507.

Д а н і я .

Мая 19-го совершенно бракосочетаніе Принцессы Вильгельмины Маріи съ Герцогомъ Карломъ Шлезвигъ-Гольштинскимъ-Зондербургъ-Гликсбургскимъ.

Г е р м а н і я .

Саксонскій Король, 18-го Мая, прибылъ въ Триестъ, и немедленно отправился въ путешествіе къ Далматскимъ берегамъ, на пароходѣ Графъ Миттровскій.

Эрцъ-Герцогиня Марія Луиза прибыла въ Вѣну.

Отъ Баварскаго Принца Максимилиана получены извѣстія изъ Каира. Онъ благополучно совершилъ путешествіе въ Верхній Египетъ, достигнувъ тамъ втораго Нильскаго водопада, и вскорѣ хочетъ отправиться черезъ Сирію въ Иерусалимъ, Смирну и Царьградъ. Обозъ его составитъ 50 верблюдовъ.

Герцогиня Браганскаая, вдовствующая Бразильская Императрица, прибыла въ Минхенъ.

Россійскій вице-канцлеръ, Графъ Нессельроде находится въ Гамбургѣ.

Императоръ Австрійскій боленъ корью, но опасности ни какой нѣтъ.

Въ Дрезденѣ собрались уполномоченные отъ всѣхъ Германскихъ государствъ, для совѣщаній объ установленіи во всей Германіи постоянной и однообразной монетной системы. Такаа мѣра была необходима, при безчисленномъ разнообразіи монеты, затруднявшемъ всѣ торговля сношенія въ Германіи безконечными вычетами.

Ш в е й ц а р я .

Общества, составившіяся для минералогическихъ изслѣдованій, открыли въ Люцернѣ богатые рудники каменнаго угля, близъ Базеля копи каменной соли, а близъ Нейенбурга приски асфальтовыхъ породъ.

И т а л і я .

Папа велѣлъ собрать безчисленное множество эстамповъ, которые донинѣ находились въ разныхъ папскихъ библіотекахъ и отдѣльныхъ собраніяхъ. Всѣ рѣдкости сего рода будутъ приведены въ порядокъ и открыты для публики. Особенная коммиссія граверовъ займется дѣломъ, подъ названіемъ *Calcoграфия camerale*, и множество замѣчательныхъ рисунковъ опредѣлено гравировать вновь на счетъ правительства.

Въ Римѣ ожидаютъ Турецкаго посла Решидъ-Паши. Папа повелѣлъ принять его со всѣми почестями, какія отдаются посламъ христіанскихъ державъ.

Король Неаполитанскій, найдя совершенное спокойствіе между жителями въ Сициліи, при личномъ обозрѣніи, обнаружилъ всепрощеніе всѣмъ, участвовавшимъ въ послѣднихъ Сицилійскихъ смятеніяхъ. Самыя наказанія виновнымъ будутъ смягчены.

И с п а н і я .

Эспартеро получилъ званіе Испанскаго генералъ-капитана. Донинѣ въ сіе высшее отличіе былъ воз-

ведены только семь особъ: инфантъ Донъ-Францискъ де-Паула, Герцогъ Байленскій (Кастаньосъ), Герцогъ Саррагосскій (Палаfoxъ), Герцогъ Веллингтонъ, маршалъ Бересфордъ, Герцогъ Инфантадо, и Герцогъ Алагонскій.

Близъ рѣки Гадахосъ, на мѣстѣ древняго Сальсума, открыты богатые рудники ртути.

Мы повторили бы все то, что повторяли уже столько разъ, если бы стали передавать содержаніе послѣднихъ извѣстій о войнѣ Христиносовъ и Карлистовъ: ничего рѣшительнаго; небольшія сшибки; безпрерывныя извѣстія о побѣдахъ и сраженіяхъ, которыя не выиграны и не даны; даже слухи о смерти извѣстныхъ людей, которые оказываются потомъ живы, и о занятыхъ городахъ, которыхъ не брали вовсе. Одно кажется несомнительнымъ: раздоры усиливаются между приверженцами Донъ-Карлоса, и причиняютъ ему болѣе вреда, нежели оружіе Христиносовъ.

ПОРТУГАЛЛІЯ.

Между тѣмъ, какъ спокойствіе возстановляется въ столицѣ, правительство не имѣетъ возможности оградить жителей областей отъ набѣговъ шаекъ Ремешидо, и другихъ Мигуэлистскихъ начальниковъ. Укрѣпясь въ гористыхъ областяхъ Алгарви, Ремешидо дѣлаетъ отчаянные поиски во всѣ стороны, грабятъ, и удаляется снова въ горы. По новѣйшимъ извѣстіямъ, онъ нечаянно напалъ на городокъ Мессину, въ области Алентежо, обезоружилъ гарнизонъ, захватилъ что могъ, и увелъ съ собою главныхъ жителей и городскихъ начальниковъ, требуя за нихъ выкупа.

ГРЕЦІЯ.

На островѣ Идрѣ происходили беспорядки, по поводу новаго закона о рекрутской повинности, но они

укрощены благоразумными мѣрами правительства, безъ всякаго кровопролитія, и Идріоты согласились повиноваться общему распоряженію.

ТУРЦІЯ.

Тосканскій пароходъ *il Genetoso*, назначенный для постояннаго и безпрерывнаго сношенія между Царемъградомъ и Александрією, прибылъ 4-го Мая въ Царьградъ, и 9-го отправился въ первую поѣздку въ Египетъ.

Бельгійскій посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, баронъ Осулливанъ де-Гроссъ, прибылъ въ Царьградъ 15 Мая, на Австрійскомъ пароходѣ Фердинандъ I-й, для заключенія съ Турцією торговаго трактата.

Въ Смирну привезли грузъ каменнаго угля, недавно открытаго въ Далматіи, и доброта Далматскаго угля оказывается по опыту неуступающею добротѣ Англійскаго.

Награды, данныя Султаномъ нѣкоторымъ изъ Европейскихъ ученыхъ, приславшихъ ему книги, сдѣлали то, что множество всякаго книжнаго вздора стали присылать отвсюду, для поднесенія Султану. Готовый награждать истинное достоинство, Султанъ понялъ безстыдное шарлатанство, и издалъ теперь повелѣніе, чтобы каждый, желающій поднести ему что либо, предварительно просилъ на то позволенія.

Величайшая дѣятельность замѣтна теперь по флоту и въ войскѣ. Между тѣмъ Султанъ неуслышно работаетъ и о новыхъ гражданскихъ постановленіяхъ. Издавалъ законы о податяхъ и прекращеніи лихоимства, онъ трогательно увѣщаваетъ подчиненныхъ думать объ общемъ благѣ. Составлены росписи о жалованьяхъ, которыя положены такъ роскошно, что обезпечиваютъ каждого изъ служащихъ. Такъ, на примѣръ, три главные министра будутъ получать отнынѣ 75 тысячъ піастровъ, а первый министръ

по 90 тысячъ пиастровъ, въ мѣсяцъ. Вотъ султанскій гаттишерифъ, изданный по сему случаю, и обнародованный въ Турецкой газетѣ, издаваемой въ Царьградѣ:

«Цѣль, руководствовавшая нами при назначеніи пристойнаго содержанія всемъ чиновникамъ Порты, состоитъ въ томъ, чтобы совершенно истребить постыдное и вредное лихоимство, запрещаемое религіею, законами, разумомъ и политиккою, и давъ средства чиновникамъ поступать безкорыстно и безпристрастно въ отправленіи государственныхъ и частныхъ дѣлъ, возвести тѣмъ нашу имперію на высшую степень благоденствія. Въ слѣдствіе сего, мы недавно признали за благо повелѣть, чтобы вмѣстѣ съ необходимыми инструкціями, въ которыхъ были бы изложены все обязанности чиновниковъ, составленъ былъ особенный сводъ различныхъ степеней проступковъ и уиущений, въ коиъ можетъ провиниться чиновникъ, и мѣры наказанія за оныя. Какъ лихоимство принадлежитъ теперь къ порокамъ, достойнымъ строжайшаго взысканія, то и должно оное, по надлежащемъ совѣщаніи, внести въ списокъ преступленій. Если по приведеніи въ дѣйствіе сихъ инструкцій и свода, кто либо изъ чиновниковъ уличенъ будетъ въ лихоимствѣ, то, не смотря ни на лицо, ни на званіе, будетъ онъ подвергнутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ кого получилъ взятку, или приношеніе, самому тяжкому наказанію. Для сей цѣли правительство не преминетъ дѣлать явные и тайные розыски. И такъ, да не позволитъ Господь никому свратиться съ пути спасенія!»

А Ф Р И К А.

Если въ Турціи попеченія Султана обращаются на все предметы государственнаго управленія, Мегеметь-Али, неутомимый соперникъ его, не менѣе оказываетъ разнообразной заботливости; войско и флотъ Египетскіе умножаются, въ и арсеналахъ работаютъ непрерывно. — Смятенія въ Сиріи не только не привели въ уныніе стараго Пашу, но какъ будто дали ему новую жизнь. Онъ бодръ, и самъ являлся всюду. При возвращеніи въ Каиръ, лодка его, летѣвшая по Нилу на всехъ парусахъ, разбилась о

подводные каменья; Паша спасся изъ воды безъ всякой помощи, и не думалъ испугаться. — Онъ распустилъ свой гаремъ, и дозволилъ Англичанкѣ миссъ Голлидей, присланной отъ миссіонеровъ, давать уроки въ рукодѣльяхъ и рисованьи дочерямъ его.

Пишутъ, что въ Сеннаарѣ открыты золотые рудники.

Важнымъ укрѣпленіемъ власти Мегемета-Али въ Азіи послужить успѣхи, одержанныя имъ въ Аравіи. Касательно побѣдъ въ Сиріи, уничтоженія союза Друзовъ и покорности ихъ Ибрагиму - Пашѣ, не остается никакого сомнѣнія.

Апрѣля 28-го, Мегеметь-Али прибылъ въ Александрію, и немедленно отправился въ арсеналь.

Британское Правительство позволило полковнику Консадину принять начальство надъ Тунискою арміею; съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ получилъ чинъ Англійскаго генераль-маіора.

Съ Мыса Доброй Надежды снова пишутъ, отъ 10-го Апрѣля, о грабежахъ, какіе производятъ въ тамошнихъ колоніяхъ толпы дикихъ Кафровъ. Генераль Напьеръ отправилъ войско противъ свирѣпыхъ Кафрскихъ предводителей Таку и Каппаи.

А з і я.

По извѣстіямъ отъ послѣднихъ чиселъ Марта, въ Индіи свирѣпствуетъ голодъ — явленіе, впрочемъ, обыкновенное въ этой, обремененной народонаселеніемъ, и подвергнутой монополіямъ странѣ. Жители гибнутъ тысячами, и окрестъ многихъ городовъ воздухъ зараженъ гніеніемъ непогребенныхъ труповъ. Въ Агрѣ прекращены жителями по сему случаю вечернія прогулки.

А м е р и к а.

Общее вниманіе обращаетъ теперь несогласіе Франціи съ Мексикою, которое можетъ имѣть весь-

ма важныя слѣдствія. — Мы упоминали о требованіи Франціею съ Мексики убытковъ, причиненныхъ ея подданнымъ, и о повлеченіи Французскихъ кораблей передъ Вера-Крусомъ. При первомъ несоглашеніи, Французы объявили въ блокадѣ все Мексиканскіе берега, и тутъ открылся весьма обширный планъ дѣйствій. Флотъ Французскій началъ усиливаться, требованіе увеличилось — напрасно Мексиканское Правительство согласилось наконецъ на денежное вознагражденіе; требовали смѣны чиновниковъ, перемѣны важныхъ лицъ, ручательства за будущее, и крѣпость С. Жуанъ д'Уллоа, защищающую Вера-Крусъ, стали угрожать осадою. Мексика послѣдила послѣ сего согласиться на миръ съ Техасомъ и на выборъ посредника въ несогласіяхъ, а также на выборъ посредника въ несогласіяхъ съ Соединенными Штатами. Кажется, Англія вмѣшается въ это запутанное дѣло. Правительство Британское изъявляетъ полный нейтралитетъ, но Англійскіе журналы наполнены жаркими статьями противъ Франціи, гдѣ кричатъ о самоволіи Французовъ въ дѣлахъ Америки и беззащитности Мексики. Въ самомъ дѣлѣ, Правительство Мексиканское не имѣетъ средствъ, ни защищаться, ни противостать даже внутреннимъ смутеніямъ. При первомъ извѣстии о блокадѣ, народъ взволновался, и многіе изъ Французовъ, между прочимъ Директоръ рудниковъ Реаль дель Монте, были убиты. Легко можетъ быть, что взятіе Вера-Круса поведетъ къ раздробленію Мексики, началу новыхъ мятежей, и Франція захочетъ имѣть въ Мексикѣ такую-же охранительную колонію, какую имѣетъ теперь въ Алжирѣ. Северо-Американскія газеты также вопіюгъ противъ честолюбія Французскаго.

Удалил подозрѣнія газетныхъ крикуновъ, можно

сказать однакожь, что удача рѣшительныхъ мѣръ въ дѣлахъ съ Ганти, какъ будто показала Франціи вѣрное средство на окончаніе всехъ подобныхъ споровъ. Предпринявъ блокаду Мексиканскихъ береговъ, Франція въ то же время открыла блокаду Буэнос-Айреса, куда явилась эскадра конгръ-адмирала Леблана, требуя удовлетворенія Французовъ въ обидахъ и убыткахъ.

Война между Перу и Чили началась снова. Чилийскій флотъ захватилъ Перуанскіе корабли, и овладѣлъ крѣпостью Арекипа. Бывшій начальникъ Чилийцевъ, генераль Бланко, былъ судимъ за своевольное заключеніе мира съ Перу, и осужденъ на смерть, но спасся бѣгствомъ. Между тѣмъ, Англійская эскадра явилась подлѣ Чилийскихъ береговъ, требуя удовлетворенія за убійство Чилийцами одного Англійскаго шкипера. Полагаютъ, что это только предлогъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Принцъ Жуанвильскій, проживши семь недѣль въ Ріо-Жанейро, отправился отсюда 25 Февраля, посѣтилъ Мартинику, Гваделупу, и 1-го Апрѣля прибылъ въ Кайенну, гдѣ осматривалъ селенія дикарей Гвианскихъ. Онъ съ кораблемъ Геркулесомъ присоединится къ блокадной эскадрѣ у Мексиканскихъ береговъ, состоящей подъ начальствомъ опытнаго и храбраго командора Базоша.

Кораблю Тритону, бывшему въ Средиземномъ Морѣ, бригамъ Волтижеру, Бадину и Пети-Туару, а также корветтамъ Индіанка и Жемчужина, находившимся въ Тулонѣ, велѣно послѣдно отправиться въ Мексиканскій заливъ. Это не доказываетъ ли, что подозрѣнія Англійскихъ газетчиковъ не безъ основанія?

Изъ Гватималы пишутъ отъ 20-го Февраля, что тамъ начался мятежь. Начальникъ бунтовщиковъ

Каррера производит жестокия опустошенія: Президиентъ республики бѣжалъ.

О Канадѣ ничего не слышно. Апрѣля 12-го разстрѣляли въ Торонто двухъ бунтовщиковъ — Самуила Лаунта и Петра Матью. Участъ Монтгоммери, Андерсона, Мардена, Теллера и Моррисона представлена рѣшенію Королевы.

Городъ Чарлстоунъ опустошенъ срашнымъ пожаромъ, въ которомъ сгорѣло 1158 домовъ. — Шайка разбойниковъ подожгла городъ Викбургъ, въ Миссисипскомъ штатѣ, 19-го Апрѣля, ночью, и онъ весь выгорѣлъ. Главный зажигатель жестоко былъ обожженъ, найденъ умирающимъ, и признался въ своемъ злодѣйствѣ.

Разныя извѣстія.

Съ 1830 года, Остъ-Индская Компанія перевезла въ Индію мериносовъ изъ Германіи и Новой Голландіи. Въ 1833 году вывозъ туземной Индѣйской шерсти, отъ смѣси привозныхъ мериносовъ съ Бомбейскими, составилъ уже 69,944 ф., а въ 1837 году вывезено изъ Индіи мериносовой шерсти — 2,444,010 ф.

По прошлагодней ревизіи, число жителей въ Веймарскомъ Герцогствѣ составило 244,174 человека, изъ коихъ въ 30-ти городахъ и мѣстечкахъ находится 71,938.

Исчислено, что изъ Лондона отправляется въ разныя мѣста Англій и окрестности сей столицы ежедневно — 1476 дилижансовъ!

Въ Баваріи, въ прошломъ году, число жителей, по исчисленію, простиралось до 4,315,469.

Посаженіе и потребленіе картофеля усиливается непрерывно во Франціи; съ 1815 года, въ теченіе 20-ти лѣтъ, оно почти *утвердилось*, а именно: въ 1815 г. собрано его было 21,597,945 гектолитровъ;

въ 1820 г. болѣе 40 милліоновъ; въ 1830-мъ болѣе 56-ти, а въ 1835-мъ 71,982,811 гектолитровъ.

Вотъ полный счетъ всѣмъ компаніямъ, или обществамъ на акціяхъ, которыя составились во Франціи съ 1826 года. Его вывели теперь со всевозможною точностію, по поводу предстоящихъ измѣненій въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ. Всѣхъ обществъ считается нынѣ во Франціи 1116; число акцій, ими выданныхъ; 1,736,416; сумма номинальнаго капитала акцій 1,117,691,740 франковъ.

Важная новость по пароходству — въ Англій учредилось Общество, для постояннаго сношенія пароходами между Англією и Сѣвѣрною Америкою. Пароходство черезъ Атлантической океанъ совсѣмъ не новость, но страсть къ ажіотажу, страсть къ компаніямъ, жадность къ новому движенію капиталовъ, взволновали и Англійю и Америку при удачѣ предпріятія. Одинъ изъ пароходовъ общества, *Cyrus*, въ 800 тоннъ, совершилъ обратный путь изъ Нью-Йорка въ Фалмутъ въ 18 дней. На берегахъ Америки приходъ его встрѣченъ былъ кликомъ многихъ тысячъ зрителей, усыпавшихъ весь берегъ. Другой пароходъ, *Great Western*, въ 1,800 тоннъ, приплылъ въ Бристоль изъ Нью-Йорка въ 15 дней. Его встрѣтили пушечными выстрѣлами, и громкою пѣснью: «Да здравствуетъ старая Англія!» Въ Нью-Йоркѣ и въ Англій уже составляются общества для постройки пароходовъ, и установленія ими сношеній съ Сѣвѣрною и Южною Америкою.

Кстати о пароходахъ: въ 1819 году, во Франціи паровыхъ машинъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ было только 65, съ силою, равною 1106 лошадинымъ силамъ; въ 1835 году считалось ихъ 1,448, съ силою 19,126 лошадей. Филатуры употребляли изъ сего числа 404 машины, рудники 266, сахарные за-

воды 112, кузницы и плавильни 83, подъемка воды 76, суконныя фабрики 72, мельницы 52, маслобойни 29, и т. д., — Пароходовъ во Франціи въ 1835 году было 144. — Въ Англіи, въ 1835 году, одни филатуры занимали, въ пяти только областяхъ Англіискихъ, 998 машинъ, съ силою 27,318 лошадей, и въ одномъ Ливерпулѣ считалось въ дѣйствиіи до 100 пароходовъ. Послѣ 1835 года, число машинъ и пароходовъ во Франціи чрезвычайно умножилось, а въ Англіи оно превосходитъ нынѣ всякое вѣроятіе.

Пароходство изъ Гавра прямо въ Петербургъ предполагаютъ начать съ 1-го Іюля сего года. Для сего назначается пароходъ *Таго* (*le Tage*); переездъ изъ Гавра, съ остановкою въ Копенгагенъ, полагается совершать въ шесть дней, такъ что въ недѣлю можно будетъ переехать изъ Петербурга въ Парижъ.

Наконецъ, еще пароходная новость: докторъ Левески, Аѳинскій уроженецъ, придумалъ замѣнять пары сжатіемъ воздуха, и теперь строитъ въ Римѣ *воздухоходъ*, надѣясь вскорѣ торжественно воспѣнить имъ волны Тибра, безъ огня, безъ угольевъ и безъ горячей воды.

Нѣкто житель Ямайки, Маркеръ, открылъ, что одно изъ тамошнихъ деревъ въ, именуемое *рапунъ*, совершенно замѣняетъ шелковицу для шелковыхъ червей.

Сѣверная Французская экспедиція, подъ начальствомъ Гемара, совсѣмъ готова къ отбытію. Для нея назначенъ корабль *Изысканіе*, уже совершавшій путешествія въ Исландію и Гренландію. Мая 29-го Гемаръ былъ на послѣдней аудіенціи у Короля. Шведскій Король, для большей безопасности экспедиціи, присоединяетъ къ ней двухъ Норвежскихъ офицеровъ, Мейера и Дуэ, опытныхъ въ плаваніи по сѣвернымъ морямъ и около сѣверныхъ береговъ Швеціи и Норвегіи.

Общество, основавшееся въ Парижѣ, для разрытія развалинъ Карфагенскихъ, увидѣло неожиданные успѣхи въ трудахъ своихъ. На мѣстѣ древней Пунической столицы отрыли между прочимъ прекрасную приморскую виллу, гдѣ сохранились превосходныя фрески и мозаики. Пятнадцать ящиковъ съ этими драгоценностями привезены уже въ Тулонъ. Въ Тунисѣ издается теперь отъ Общества журналъ, подъ названіемъ *Тунисскаго и Карфагенскаго*, на Итальянскомъ языкѣ (*Giornale di Tunis e Carthagine*). Кромѣ извѣстій о древностяхъ и открытіяхъ въ сѣверной Африкѣ, въ немъ помѣщаются торговыя и промышленныя извѣстія.

Съ 1835 года, въ первоначальныхъ Парижскихъ школахъ введено ученіе простаго и церковнаго пѣнія, по методу Вильгельма; десять тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ заняты теперь уроками пѣнія въ Парижскихъ школахъ; имъ показываютъ ноты и главные основанія музыки. Отличающіеся дарованіемъ переходятъ въ высшее отдѣленіе, и такихъ учениковъ считается теперь въ Парижѣ до 2500. Они сходятся въ музыкальныя собранія, названныя Орееонами, гдѣ занимаются особенно церковнымъ пѣніемъ.

По вѣрнымъ исчисленіямъ, въ Германіи насчитываютъ теперь до 18,000 разныхъ писателей, писакъ и писачекъ. Вотъ нѣкоторыя подробности: 27 изъ 18,000 напечатали уже свои подвѣсныя сочиненія; 183 издали отъ 20-ти до 100 книгъ, большихъ и маленькихъ; 6,940 напечатали по одной книжкѣ. Самое большое число оказывается издавшихъ ученыхъ книги — 4501; самое малое число — поэтовъ..... только 1,526 человекъ! Переводчиковъ насчитываютъ 3810, писателей благочестивыхъ книгъ и назидательныхъ книжекъ — 2074. Изъ 18-ти -- 10,000 участвуютъ въ журналахъ и газетахъ.

Кромѣ семи извѣстныхъ минеральныхъ источниковъ, въ Карлсбадѣ открылся теперь еще восьмой; вода въ немъ похожа на Мюльбрунскую, но гораздо солонѣе ея на вкусъ.

Прусское Правительство положило докончить знаменитый Кельнскій соборъ, этотъ великій памятникъ готическаго зодчества, начатой въ 1248 году, и столько вѣковъ остававшейся недостроеннымъ. Въ окончательной работѣ положено точно слѣдовать древнему плану, а надзоръ надъ постройкою поручаютъ знаменитому Берлинскому архитектору Шинкелю.

Въ память заслугъ Андрея Гофера, Императоръ Австрійскій повелѣлъ купить помѣстье его въ Пассеирѣ, обратить въ государственное имѣніе, и опять подарилъ внуку Гофера, съ дворянскимъ титуломъ и переименованіемъ Пассеира Гоферовымъ помѣстьемъ.

Извѣстное собраніе Египетскихъ древностей Дроветти куплено для Берлинскаго музея.

Бротскій кварталъ въ Лионѣ выгорѣлъ ночью на 13-е Мал, при чемъ сгорѣли большіе запасы лѣсу и досокъ. — Пишутъ еще о большомъ пожарѣ въ Бордо. — Въ Греноблѣ, Мал 22-го было сильное землетрясеніе, отъ котораго повредилось много домовъ.

По поводу споровъ о бюджетѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ Палатѣ Депутатовъ жестоко напали на многосложную форму, по какой ведется письменная канцелярская часть во Франціи; время деньги, бумага, трудъ, дѣло гибнуть въ бесполезной и не нужной перепискѣ, которая бываетъ полезна только канцелярскимъ тунелдцямъ. Вотъ, для примѣра, порядокъ приказнаго письмоводства во Франціи. Нѣкто проситъ позволить ему завести на рѣкѣ лодку. Препятствій нѣтъ, но между тѣмъ дѣло не-

премѣнно протянется шесть, восемь мѣсяцевъ, и перейдетъ *двадцать восемь* присутственныхъ мѣстъ! Сначала прошеніе подается префекту, отсылается къ подъ-префекту, переходитъ къ меру, и опять отъ него идетъ къ подъ-префекту и префекту. Потомъ посылается оно къ главному инженеру, переходитъ къ ординарному инженеру, отдается мѣстному контролеру, и обратно переходитъ черезъ всѣ сіи мѣста къ префекту. Отъ него отношеніе идетъ къ директору косвенныхъ налоговъ въ департаментъ. Онъ посылаетъ къ окружному сборщику; бумага возвращается передается къ префекту. Слѣдуетъ посылка отъ префекта къ главному директору мостовъ и дорогъ—переходъ къ министру финансовъ — къ директору управленія косвенными налогами, обратно къ министру, и отъ него къ директору мостовъ и дорогъ—новый переходъ отсюда къ префекту, пересылка къ подъ-префекту, меру, и наконецъ объявленіе просителю, а между тѣмъ префектъ отдѣльно даетъ знать главному инженеру, а тотъ ординарному инженеру, и опять отдѣльно префектъ даетъ знать директору косвенныхъ налоговъ департамента, и этотъ увѣдомляетъ окружнаго директора. — Въ самомъ дѣлѣ — производство дѣла, при такомъ порядкѣ, не будетъ поспѣшно, а сколько траты денегъ и бумаги, и чего стоятъ писакки, которыхъ кормить вся эта бесполезная форма канцелярская!

Въ Швейцаріи, въ Гризонскомъ кантонѣ, близъ деревни Медельсъ, поселился горный орелъ, величавыи необыкновенной. Онъ утащилъ прекраснаго ягненка, и съѣлъ его, сидя на исполинской соснѣ, гдѣ устроилъ онъ себѣ жилище, въ лѣсу, на краю пропасти. Хозяинъ ягненка, смелый и отважный охотникъ, приготовилъ на соснѣ силокъ, и когда увидѣлъ, что орелъ попался въ силокъ, полѣзъ на

дерево съ топоромъ. Орель ждалъ врага, и страшными когтями, съ бѣшенствомъ, обхватилъ его, а клювомъ началъ терзать ему голову. Битва была смертельная, надъ бездною, паденіе куда значило вѣрную гибель! Но охотникъ справился, успѣлъ нанести орлу ударъ топоромъ лѣвою рукою, оглушилъ его, связалъ, и торжественно притащилъ, еще живаго, въ жилище свое, гдѣ всѣ сосѣди встрѣтили его крикомъ изумленія, слыша рассказъ о страшной опасности битвы съ царемъ пернатыхъ. Орель отданъ былъ послѣ того въ Цюрихскій музей, гдѣ сдѣлали изъ него славную чучелу.

Что еще новаго? — Тальони не выходила на сцену въ Парижѣ, и отправилась въ Лондонъ, танцевала въ присутствіи Королевы, и осыпана рукоплесканіями и деньгами. — Апрѣля 29-го, въ Манчестерѣ умерла повивальная бабушка, мистриссъ Бриерли, на 89 году; съ мужемъ, умершимъ въ 1827 году, жила она въ супружествѣ 60 лѣтъ, и оставила послѣ себя 22 человѣка сыновей и дочерей, 74 внуковъ и внучекъ, 69 правнучатъ и правнучекъ, и 5 праправнуковъ, а всего 170 человѣкъ. Восприемницей была она при 2000 родивъ. — Изъ Стокгольма, отъ 31-го Мая, пишутъ, что туда прибылъ Ольбуллъ, и хочетъ давать концерты. — Изъ Вѣны уведомляютъ, что тамъ явилось чудо игры на фортепиано, какая-то молодая дѣвушка, 17-ти лѣтъ, предестинала, прекрасна, и такая мастерица, что Листъ, Тальбергъ и Калькбреннеръ передъ ней ничто. Имя этого музыкальнаго чуда *Клара Викъ*. Послѣ нѣсколькихъ концертовъ, ее назвали артисткой Императорской капеллы. Ректоръ университета торжественно возложилъ на голову ея лавровый вѣнецъ, когда она играла въ концертъ для бѣдныхъ, а поэтъ и сочинитель нѣсколькихъ плохихъ трагедій Гриль-

парцеръ воспѣлъ прелестную Клару въ превыспреннихъ стихахъ.

Заключимъ извѣстіемъ о жестокой войнѣ, которая начинается между *Русскими* и *Французами*... Но не дивитесь и не пугайтесь — война будетъ не кровопролитная, а любопытная только. Наши Петербургскіе любители шахматовъ, предводимые нашимъ наслѣдникомъ славы Филидоровъ, г-мъ Петровымъ, вызвали на бой клубъ Парижскихъ шахматныхъ игроковъ, которыми предводитъ, никѣмъ не побѣжденный до нынѣ, великій Лабурдонне. Игра будетъ производится перепискою, и каждый ходъ публиковаться въ *Монитеръ*. Закладъ не болѣе 10,000 Франковъ, но, вѣроятно, будутъ большіе пари. Признаться — мы готовы держать пари, какое угодно за г-на Петрова, и напередъ увѣрены въ побѣдѣ, хотя знаемъ чудное искусство Лабурдонне. Во всякомъ случаѣ, бой занимателенъ въ высшей степени, и мы будемъ передавать читателямъ извѣстія объ немъ.

Некрологъ.

І. В. Янсенъ, замѣчательное лицо въ новѣйшей исторіи Нидерландской, сконч. въ Гагъ, 22 Мая, на 79 году. Онъ былъ родомъ изъ Норвегіи, вступилъ въ Голландскую службу, и былъ генераль-коммиссаромъ Батавской республики въ 1797 году; потомъ генераль-губернаторомъ на Мысъ Доброй Надежды, до завоеванія сей колоніи Англичанами; военнымъ министромъ въ 1806 году; посланникомъ въ Парижѣ въ 1810 году; генераль-губернаторомъ Нидерландскихъ колоній въ Азіи, въ 1813 году; опять военнымъ министромъ въ 1815 году, а при концѣ жизни канцлеромъ королевскаго ордена Вильгельма.

Маркизь Ормондъ, перъ Великобританіи и Ирландіи, сконч. въ концѣ Мая, въ Лондонѣ. Имяніе и титулъ его наслѣдуетъ Графъ Оссори.

К. К. Родофиникинъ, членъ Государственнаго Совѣта, Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и управлявшій Азіатскимъ департаментомъ при семь министерствъ, кавалеръ орденовъ Св. Александра Невскаго, съ алмазами, Св. Анны 1 степ., съ алмазами, Св. Владимира 2-й степ., Греческаго ордена Спасителя, и Персидскаго Льва и Солнца, имѣвшій знакъ отличія за 45-ти-лѣтнюю службу, сконч. въ Спб., Мая 30-го, на 74 году отъ рожденія.

Герцогиня Абрантесъ, извѣстная писательница Французская, вдова Наполеонова маршала Жюно, сконч. въ Парижѣ, 7-го Іюня.

Рене Кайлье, первый изъ Европейцевъ, достигнувшихъ въ неприступный Томбукту, умеръ въ Парижѣ.

Докторъ Антомарки, бывшій послѣднимъ медикомъ Наполеона, присутствовавшій при его кончинѣ, и оставившій любопытныя записки о пребываніи своемъ на островѣ Св. Елены, скончался въ Санъ-Яго, на Кубѣ, Апрѣля 3-го дня.

В. С. Смирновъ, профессоръ Демидовскаго Лицея, поступившій на кафедру Физики, Химіи и Технологіи въ 1833 году, сконч. въ Ярославлѣ, 27-го Января. Онъ род. въ 1811 году, обучался въ Московскомъ университетѣ, и въ 1829 году получилъ званіе кандидата физ. матем. наукъ. Ранняя смерть его лишила насъ ревностнаго ученаго, подававшаго надежды въ будущемъ своею дѣятельностью и знаніями.

Потье, безсмертный Потье, умеръ нешутя въ Фонтене-су-боа, на 65 году отъ роду.

==

VI.

СМѢСЬ И НУЧГО.

I.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРАМЪ СЫНА ОТЕЧЕСТВА.

Мм. Гг. Имѣя удовольствіе быть однимъ изъ вашихъ подписчиковъ, съ особеннымъ вниманіемъ читалъ я, помѣщенный въ 3-мъ и 4-мъ нумерахъ вашего журнала статьи о *Геодезіи* г-на Болотова. Это сочиненіе тѣмъ болѣе занимательно въ нынѣшнее время, что математическія науки уже стали приносить полезныя плоды свои въ нашемъ отечествѣ, и въ особенности теперь, когда попеченіе самаго правительства показало необходимость математическихъ свѣдѣній, и когда Геодезія сдѣлалась одною изъ отраслей науки земледѣльца. Все это дѣлаетъ непонятнымъ: какимъ образомъ книга, принадлежащая по содержанію своему къ *популярнымъ наукамъ*, могла послужить поводомъ къ совершенно противоположнымъ толкамъ? На счетъ литературныхъ произведеній, мы уже привыкли ко всякимъ сужденіямъ. Весьма часто, авторъ романа, или драмы, срываетъ незаслуженныя лавры, либо подвергается напрасному порицанію, смотря по тому, *какого онъ прихода*. *De gustibus non disputandum*, но математическія книги, по самой опредѣлительности своей, не должны бы подвергаться безотчетнымъ наѣздамъ критическихъ *партизановъ*.

Всѣ эти мысли невольно явятся каждому, при чтеніи *отроной* изъ рецензій на *Геодезію* г. Болотова, помѣщенныхъ въ вашемъ журналѣ. Г. Рецензентъ, по видимому, хотѣлъ отдать должную справедливость полезному труду нашего соотечественника, и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать что либо поное. Къ со-
Т. III. — Отд. VI. 4 1/4

жалѣнно, такая цѣль заставила г-на А. К. противорѣчить *первой* рецензій. По мнѣнію моему, лучший способъ оцѣнки дидактическихъ книгъ состоитъ: 1) въ эскизѣ (идеальнаго) сочиненія, которое удовлетворило бы требованіямъ самой взыскательной критики; 2) въ разборѣ содержащія подобныя книги, изданныхъ, какъ на отечественномъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ; 3) въ сравненіи съ ними разбираемаго сочиненія.

Г. Рецензентъ употребилъ легчайшій способъ, объявляя, что Высшая Геодезія г. подп. Болотова кажется ему (противно первой рецензій) весьма полною, а топографія (такъ же противно первой рецензій) не совсѣмъ удовлетворительною. Погломъ замѣтилъ, что главнымъ изъ недостатковъ послѣдней части Геодезій, по его мнѣнію, есть пропускъ описанія инструментовъ и приемовъ, употребляемыхъ при инженерной съемкѣ. На такое замѣчаніе можно отвѣчать, что авторъ Геодезій обязанъ былъ показать своимъ читателямъ *какъ должно производить съемку*, не забываясь о томъ, *какимъ образомъ она производится у инженировъ*. Въ противномъ случаѣ, оны напелся бы въ необходимости написать обширное сочиненіе, которое, безъ всякаго сомнѣнія, было бы полезно, но не соотвѣствовало бы предположенной авторомъ цѣли.

Дальше г. Рецензентъ, съ необыкновенною снисходительностью, принимаетъ на себя трудъ оправдывать автора Геодезій, въ томъ, что оны не помѣстили въ своей книгѣ описанія мензулы г. Роде. Съ нашей стороны, полагаемъ, что г. Болотовъ имѣлъ довольно времени и способовъ узнать эту мензулу до выхода въ свѣтъ своего сочиненія, а умолчалъ о ней единственно по той причинѣ, что инструментъ, выставлемый г-мъ А. К. за *non plus ultra* всѣхъ мензулъ въ подлунной, кромѣ шаткости и непрочности своей, имѣеть еще весьма важное неудобство, а именно: въ мензулѣ г. Роде, ось вращенія доски наклонена къ верхней ея поверхности, тогда какъ эта ось должна быть къ ней перпендикулярна. Отъ сего происходитъ, что если, привелъ доску въ горизонтальное положеніе, станемъ ее ориентировать, то она неминуемо приметъ наклонное положеніе; если же сперва станемъ ее ориентировать, и послѣ того приводить въ горизонтальное положеніе, то она сойдетъ съ ориентированнаго. Такое неудобство мензулы г. Роде столь важно, что вѣроятно, ни одинъ опыт-

ный съемщикъ не рѣшится употребить ее въ дѣло. Напротивъ того мензула г. Стефана не имѣеть никакого недостатка, и всѣ, употреблявшіе сей инструментъ на съемкѣ, единогласно отдають ему преимущество предъ всѣми другими мензулами.

М. Б. ВИЧЪ.

II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІА НА СЛОВАРЬ РУССКИХЪ СВЯТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ИЗД. Г-МЪ СНЕГИРЕВЫМЪ (МОСКВА, 1838 Г. Т. I).

Стр. 11 и 12.

Антоновскій, *Михаилъ Ивановичъ*. Статья объ немъ, вопреки азбучному порядку, помѣщена прежде статьи объ *Ашикову*. Не показаны ни годъ рожденія, ни годъ кончины. Его переводъ книги:

Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ, напечатанъ, не въ 1805 году, а въ 1802, въ типографіи Академіи Наукъ.

Эта ошибка сдѣлана также *Шторхольмъ* (*Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи*, съ 1801 по 1805 годъ, часть I, 1810 года, № 768); въ *Росписи* г. Смирдина, 1828, № 2,626, и въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, часть XI 1838, стран. 417. Такія ошибки доказываютъ, что гг. библиографы не справляются съ самыми книгами.

У *Сопикова* (*Опытъ Россійской Библиографіи*, № 2580), и въ *Росписи Плавильщикова*, 1820, подъ № 6342, показанъ, какъ слѣдуетъ, 1802 годъ. Сопиковъ, подъ № 2581, упоминаеть о другомъ изданіи перевода *Антоновскаго* (Петербургъ, 1802, въ типографіи Вейтбрехта, въ 8) и говоритъ, что «буквы, чистота оттиска и бумага сего изданія, предъ другими, имѣють преимущество.»

Странно, что о семь изданіи не упомянуто: ни въ *Систематическомъ Обозрѣніи Шторха*, 1810 года, часть I, ни въ *Росписи Плавильщикова*, 1820 г., ни въ *Росписяхъ* г. Смирдина 1828-1832, ни въ *Словарѣ* г. Снегирева 1838 г., ни въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, томъ XI, 1838 г.

Раждается библиографическій вопросъ: какъ ускользнуло отъ всѣхъ, кромѣ *Сопикова*, это изданіе, напечатанное въ типографіи Вейтбрехта, 1802 года, и существуетъ ли оно?

На концѣ 2 части перевода *Антоновскаго* находится списокъ, на четырехъ страницахъ, подписчиковъ на его переводъ.

Любопытно видѣть, что нѣкоторые любители, *не изъ книгопродавцевъ*, коихъ тутъ *нѣтъ ни одного*, подписывались на 5, на 6, на 10, на 15, на 20, на 25, и даже на 50 экземпляровъ.

Всего было подписчиковъ на 395 экземпляровъ.

50 экземпляровъ взято Его Высокоблагородіемъ Антономъ Антоновичемъ Прокоповичемъ-Антонскимъ.

20 экземпляровъ Княземъ Петромъ Егоровичемъ Рагевымъ. Въ началѣ списка видно, что переводчикъ былъ въ 1802 году бібліотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, и это свидѣніе было бы не лишнимъ въ *Словарь Русскихъ писателей г. Сивирева*, равно какъ и пышное объявленіе переводчика, которое здѣсь приводится:

«Переведши книгу сію за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, нынѣшній Библіотекаръ Императорской Публичной Библіотеки, Михаилъ Антоновскій долгомъ своимъ почитаетъ, какъ «во изъявленіе своей чувствительнѣйшей признательности особамъ, споспѣшествовавшимъ ему въ отпечатаніи, такъ и въ засвидѣтельствованіе предъ цѣлымъ свѣтомъ въ потомственныя времена о благородномъ уваженіи ихъ къ изображенію «въ оной книгѣ *духа и сердца* толь Великой Императрицы «Екатерины II, почивающей въ Бозѣ, объявить объ нихъ «черезъ припечатаніе здѣсь чиновъ, именъ, отечества и прозваній ихъ нижеподлежащихъ.»

Вотъ полное заманіе перевода *Антоновскаго*:

Переписка Россійской Императрицы Екатерины Вторгя съ г. Волтеромъ съ 1763 по 1778 годъ. Перевелъ Михаилъ Антоновскій. Съ дозволенія С. Петербургской Ценсуръ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1802 года (2 части въ 8 доло. Въ 1-й, 2 и 245 страницъ; во 2-й, 2, 218 и 4 стран. При 1-й части гравированная виньетка, представляющая солнце, а въ срединѣ онаго вензловое имя Екатерины II.

с. п — й.

Москва.
21 Апрель
1838.

==

ВОСПОМИНАНІЯ О КРЫМѢ.

ЧАТЫРЬ-ДАГЪ. ВАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА. ИСТОКЪ КАРАСУ.

Крымъ, страна памяти блага и прелести настоящаго, страна пѣги и роскоши — сколько представляешь ты предметовъ для наблюдений путешественника и изслѣдованій историка! Въ нѣдрахъ твоихъ, минералогъ, найдеть драгоценные и неизвѣстные минералы и неисчерпаемая богатства въ горахъ Чатырдага и Аюдага; археологъ, въ остаткахъ Корсуля, развалинахъ крѣпостей, и во множествѣ холмовъ получить свидѣнія о той странѣ, гдѣ Владиміръ принялъ Христіанскую Вѣру и освятилъ свой народъ великимъ свѣтомъ истинны; историкъ въ оставшихся архивахъ узнаеть о предприимчивыхъ Генуэзцахъ и Венеціанцахъ, корыстолюбивыхъ Грекахъ и хищныхъ и воинственныхъ Татарахъ. Дикая и величественная природа южнаго берега Крыма приводитъ въ восторгъ поэта, а любопытство путешественника вполне удовлетворяется разнообразіемъ и прелестью местоположеній. О Крымъ! кто узнаеть тебя и не полюбитъ? Климать и небо Италіи, природа Швейцарии, зеленящіе сады, пышный и сочный виноградъ, кого не приведутъ въ восхищеніе?

Волшебный край, оней отрада!
Все живо тамъ — холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинь привѣтная краса,
И струй и тополей прохлада,
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленящая влага,
Предъ нимъ и плещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аюдага!

Помню, какъ плѣненные разсказами, мы рѣшились осмотрѣть нѣкоторые части южнаго Крымскаго берега, и утромъ
Т. III. — Отд. VI. 2 1/2

(1832 года, 15 Марта) лошади были готовы для поезда в Чоргунь. Иные птицы приветствовали нас по дороге; привели стада овец рыво бьжали на паству, оглашая воздух своим бляением; длиною вереницю тянулись ряды садовъ, по обимъ сторонамъ пути; широколищяе дубы, словно сторожевые нваланды, съ гордостью озирались кругомъ; фруктовые деревья, какъ колошны пагодовъ, стояли обремененные плодами, и между нихъ высокие ранцы, то увиты листьями, какъ виноградъ, то возникая стройными столпами, казались мусульманскими минаретами; сочныя виноградныя лсы, спбались отъ тяжести гроздовъ, просили подпоръ у чловька, и найди ихъ, игриво свивались, и въ благодарность передавали людямъ щедрые дары; тополи и кипарисы, силотившись купами, окруженные кустарниками, какъ дтьми, казались готовыми откочевать въ горы, убгая отъ лтнихъ жаровъ; воздухъ струился благоуханиемъ, соловьи не умолкали въ земныхъ сумракахъ рошей — все было прекрасно и обворожительно! Наконецъ явился передъ нами цль горъ, съ ихъ дикими скалами и утесами, съ ихъ водопадами, долинами и неприступными вершинами, и между ними видна была *гора-штеръ*, исполнивъ *Чатырь-дагъ*. Гордо стоялъ онъ, выставляя свою плоскую вершину. Съ приближенемъ къ нему, дорога становилась болъе и болъе затруднительною; оборванныя части скалъ, огромныя деревья, или рукою времени, или небеснымъ громомъ низложенныя, преграждая дорогу, останавливали насъ. Мы принуждены были перебъзжать черезъ узкй, не болъе десяти сажень длиною проходъ. Какое великое, и вмьстъ ужасное зрльище! Съ одной стороны, первобытныя дикя скалы, съ другой — пропасть, и между ними, не болъе аршина шириною, тронника, по которой едва проходитъ лошадь, опираясь бокомъ о скалы. Не смотрите въ низъ! Бойтесь упасть — пропасть разверзла свою пасть, и готова пожрать путника! Но что это? Въ безднахъ ея вьется дымъ изъ трубъ, зеленыютъ прекрасныя сады — видна жизнь и дятельность, тамъ, гдъ должны быть смерть и бдствие! Въ жилище пресмыкающихся гадовъ и угрюмыхъ совь, для удовлетвореня своихъ прихотей и нуждъ, въ страну мрака и смерти, чловькъ перенесъ свтъ и жизнь, напелъ средства чрезъ каютность проникнуть въ глубь, изгнать первобытныхъ дикихъ обитателей, и узнать плодovitость почвы, замънить дикя кустарники и деревья прекраснымъ садомъ, плоды котораго могутъ пресытить самаго изысненнаго гастронома южнаго. Этотъ богатый садъ заведенъ г-мъ Ч...мъ; вкусныя и сочныя плоды развозятся изъ него по всему Крыму, для удовлетворе-

ня прихотей утонченнаго вкуса. Съ невольнымъ трепетомъ пробъжали мы черезъ Крымскй Чортовъ Мостъ. Оступилъ лошадь — и пропасть на вьки приметъ свою жертву! Далье дорога становится легче. Чатырь-дагъ приближался къ намъ, окруженный, какъ будто дтьми, цъпью горъ. Все было тихо, словно жизнь праведника; лишь изрѣдка слышь Татарскй арбъ и слова проводника прерывали молчанье природы. Наконецъ Чатырь-дагъ явился весь передъ нами; голова его, увьичанная плоскостью, возносилась къ облакамъ, а у ногъ видна была деревня, и зеленыя прекрасныя виноградныя сады.

Отдохнувъ немного, мы пустились на вершину горы. Дорога сначала была хороша, но постепенно становилась хуже и труднйе; скалы болъе и болъе высывались отвсюду. Возбравшись на вершину, мы увидели себя на плоскомъ возвышеннй, между небомъ и землею, и какая разительная противоположность это небо и эта земля! Огонь и вода, жизнь и смерть, добро и зло, переходъ изъ мйра дйствительнаго въ новый, высшй, совершенный — на землю, все движется, дятельно старается жить, но, подобно болотной водъ, стоитъ и не выходитъ изъ предъловъ, назначенныхъ всеобщимъ уровнемъ, совершенствуется, суетится, но хладно, принужденно, безжизненно, и что эта земля въ сравненн съ свтълою жизнью неба, оживленной, чистою, великою, совершенною! Возпелся къ небу, мы видели безпредельность и вьчность. Но и прелесть земли увлекала насъ. Кругомъ горы разстилается прекрасный ландшафтъ, вереть на 40. — Посмотрите глазами орла вдаль: вотъ, одетый туманомъ, бляеть *Синифрополь*, и слышется южный край Чернаго Моря, на которомъ, какъ Оссиановы признаки, мелькаютъ и исчезаютъ паруса судовъ; по берегу, какъ едва замътныя блялы точки, показываются Алушка, Алушта. Вотъ и *Севастополь* раздвигаетъ амфитеатромъ свои дома у залива, гдъ виднется львъ мачты, а новый Ахмечеть гордо стоитъ не подальку, съ своею усльбно судами рейдою. У ногъ горнаго великана зеленыетъ *Байдарская Долина*, проръзываемая голубою лентою Салгира — поле, усльнное разноцвътными цвтами, какъ богатый коверъ, разстланаея кругомъ; виноградныя сады, съ своими разнообразными кустарниками, ограничиваютъ обзоръ, гдъ люди, подобно мухамъ, движутся у ногъ нашихъ, и хижины, словно карточныя домки, стоятъ, выставя оборваныя трубы. Горы, одетыя лсами и кустарниками, видны, какъ великаны, и при порывъ вьтра шевелятъ, кажется, огромными туловищами отъ его дйствй. Небо сливается съ землею, солнце от-

ражается въ волнахъ моря тысячами блестящихъ точекъ.... Но глаза утомились, силы наши истощались отъ долгаго путешествія, и мы спѣшили возвратиться въ Байдарскую долину. Прямо съ вершинъ нельзя переѣхать въ нее, по крутости подъема; доступъ къ вершинѣ горы возможенъ только съ одной стороны.

Отдохнувъ, мы отправились по тропинкѣ, выходящей по ребрамъ испинна; кони наши съ трудомъ двигали ноги между каменьями, то карабкались на колѣяхъ по уступамъ скалъ, то скользя по крутизнамъ, и съ шумомъ отторгая за собою камни. Мы рады были, когда добрались до мшистой долины. Мало по малу, кудрявые растенія начали разстилать свою зеленую пелену, то въ изъ трещинъ опахалами, то спускались съ вершинъ длинными плетеницами, на подобіе лентъ и флаговъ. Скоро въѣхали мы въ обширную Байдарскую долину, представляющую густой лѣсъ оръшиниковъ, винограда, дуба, черешней; между ними виднѣются хижинныя поселенія, увеселительныя домики владѣльцевъ, прекрасныя сады. Разнообразіе и богатство прозябаній, величавое безмолвіе свѣсистыхъ дубовъ, вселиютъ какое-то невольное благоговѣніе къ дикой силѣ природы. Порой, изъ мрака деревьевъ, какъ утро, разцвѣтаетъ поляна, украшенная благоуханнымъ ковромъ цвѣтовъ, то скрывалась въ чащѣ, то выходила на край утеса, и подъ нею въ глубинѣ сверкаетъ и шумитъ ручей, пѣясь между камнями, дремля на каменномъ днѣ водомета, подъ тѣнью кипариса и шиповника, когда между тѣмъ стада дикихъ голубей вылетъ пасть скалами, то стѣной, то столбомъ, восходящими къ небу, и закатъ солнца разливаєтъ на все воздушный пурпуръ свой, и тонкіе туманы тихо поднимаются въ ущельяхъ; все дышитъ прохладою, не знакомою жителямъ городовъ, а Салгирь, среди долины, вѣсь голубою лентою, довершаетъ красоту природы, одѣтый вечернимъ сумракомъ. Байдарская долина раздѣлена между многими владѣльцами; поля ее покрыты виноградомъ и фруктовыми деревьями, которыя составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ полей и долинъ Крыма.

Воспользовавшись патриархальнымъ гостепрѣимствомъ мурзы Х...., и переночевавъ у него, пустились мы далѣе. Утро застало насъ въ дорогѣ. Игривыя вѣтры вѣвали намъ прохладою въ лицо. Востокъ, одѣтый пурпуромъ, заливалъ фантастическій свѣтъ на природу; скалы блестяи еще дождевою влагою; ключи и горныя потоки пѣшали пѣною, летѣли сквозь туманъ съ крутизны, и самыя туманы, то катились внизъ по ущелью, подобно потоку, то вились

улиткою, будто дымокъ съ хижинны, и обвивали, какъ будто чалмою, одинокую, разрушенную Гепузескую башню. Наконецъ, солнце явилось во всемъ своемъ блескѣ. Въ тысячахъ мѣстахъ отразились лучи его, въ капляхъ свѣтлой росы, и все загорѣлось чуднымъ, невыразимымъ свѣтомъ; природа встала носѣть почнаго сна; все радовалось и прѣвѣтствовало царю свѣтлѣ. Прѣвѣхавши довольно значительное пространство, мы услышали невнятный, глухой, отдаленный гулъ, который, увеличиваясь постепенно, превратился въ рѣзкій, ошущающій шумъ: это ревъ истока рѣки *Карасу*, ревъ льва, вырвавшася на свободу, ревъ воды, съ силою стремящейся все пожрать, все истребить и низвергнуть. Приближаемся и видимъ шумный водопадъ, извергаемый утесомъ; вода, запертая въ скалѣ, съ громомъ и ревомъ прорвала здѣсь квадратное отверстіе, не болѣе аршина шириною, превратилась въ сильный, оглушающій гуломъ каскадъ, съ силою стремящейся внизъ. Воды его, встрѣчая препятствія, вырываютъ и съ грохотомъ катятъ за собою камни; бѣлая, какъ снѣгъ, пѣна вздымается въ верхъ, бьетъ клубомъ, и водная пыль взвивается радужнымъ, огненнымъ столбомъ, въ тысячахъ переливовъ отражая лучи солнца, образуя разноцвѣтные фантастическія радуги, которыя извиваются змѣйками и исчезаютъ, оставляя мѣста другимъ, болѣе разнообразнымъ. Все представляеть здѣсь великолѣпную и изумительную картину. Когда волны каскада, съ силою подняты въ верхъ, съ шумомъ низвергаются, падаютъ, и какъ пораженные мечомъ архангела адскіе духи, скачутъ, придаютъ, мечутся по извивистому, неровному грунту, и увидѣвши наконецъ тщетную борьбу, обезсилевши, устали, съ любовью принимаются низменностью, и тихо катятъ воды свои голубою лентою, наполя и плодотворя окрестности — сколько мыслей возникаетъ въ душѣ наблюдателя...

Долго любовались мы, долго смотрѣли на шумный каскадъ, и прекрасную природу, окружающую его. Здѣсь все неизмѣнно отъ сотворенія міра. Скалы, прихотливо, но такъ правильно, дико и великолѣпно брошены, что составляютъ зрѣлище дивное, котораго нельзя представить на бездушномъ холмѣ...

Преклонилъ колѣни предъ Тобою, Всемогущій Создатель прекрасной и благоустроенной природы! Благоговѣно, разсматривалъ этотъ благословенный край земли, край, въ которомъ въ первые умѣлъ я понять великое и прекрасное въ природѣ! Удаленный отъ отчуждающаго дома, грустно вспоминаю теперь беззаботныя и прекрасныя дни, тамъ проведенныя...

П. С.ИЙ.

**РЪЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ТАЛЕЙРАНОМЪ ВЪ ЗАСЪДАНІИ
ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ,**

МАРТА 3-го дня, 1838 г. *

Мм. Гг.

Я былъ въ Америкѣ, когда удостоился снисходительнаго выбора въ члены Института, по отдѣленію знаній нравственныхъ и политическихъ, къ которому имѣю честь принадлежать такимъ образомъ съ самаго его основанія.

Первое стараніе мое, по возвращеніи во Францію, было явиться въ засѣданія, и свидѣтельствовать особамъ, тогда составлявшимъ ихъ, изъ коихъ многіе оставили по себѣ справедливое сожалѣніе, то удовольствіе, какое чувствовалъ я, видя себя ихъ товарищемъ. Дѣло, которымъ занялся я тогда тщательно, цѣлые полгода, можетъ быть, уже слишкомъ показывало мое усердіе, потому, что мнѣ преноручили дать отчетъ о сочиненіи, предметъ коего былъ мнѣ вовсе чуждъ. Сочиненіе это, безъ сомнѣній, стоившее многихъ изысканій и продолжительнаго дѣланія одному изъ самыхъ ученѣйшихъ со товарищей нашихъ, имѣло названіемъ: «Изысканія о законахъ Рипуаріевъ». Въ тоже время, въ публичныхъ засѣданіяхъ нашихъ, я читывалъ иногда небольшія статьи, которыя, по снисходительности, какой я удостоивался тогда, были напечатаны въ запискахъ Института. Съ сей эпохи протекло сорокъ лѣтъ, въ теченіе коихъ здѣшняя каедедра была мнѣ заграждена, во первыхъ непрерывными отсутствіями, во вторыхъ должностями, которымъ отдавать себя вполнѣ считалъ я долгомъ моимъ, и, я долженъ прибавить, скромностью, какой трудныя времена требуютъ отъ человека, преданнаго дѣламъ общественнымъ, а наконецъ, позднѣе, недугами, которые старость обыкновенно ведетъ за собою, или по крайней мѣрѣ, которые всегда дѣлаютъ она тягостнѣе.

Но теперь испытываю я необходимость, почитаю долгомъ предстать здѣсь въ *последній* разъ, дабы память человека,

* Это небольшое сочиненіе имѣеть для насъ теперь двойную замѣательность: оно содержитъ *последнія* мысли, *последнія* слова замѣательнаго человека, сказанныя имъ публично, и какъ будто нарочно, эти слова и мысли касаются сущности того, чему посвящать онъ жизнь свою — характеристикѣ дипломата, сущности политическаго дѣйствительнаго. Правъ-ли Талеяранъ? Искренно-ли онъ говорилъ? — По крайней мѣрѣ умно и ловко, какъ дипломатъ опытный. *Прии. Пер.*

вѣдомаго всей Европѣ, человека, котораго я любилъ, и который, съ самаго основанія Института былъ нашимъ сочленомъ, получила здѣсь публичное свидѣтельство нашего почтенія и нашихъ сѣтованій. Его и мое положеніе поставили меня въ возможность узнать многія изъ его достоинствъ. Его главный — не скажу единственный — участокъ на славу состоитъ въ сороколѣтней перепискѣ, по необходимости неизвѣстной публикѣ, которая, вѣроятно, никогда ее не узнаетъ. Я сказалъ самому себѣ: кто объ этомъ скажетъ здѣсь? Кто будетъ особливо въ обязанности объ этомъ говорить, если не я, которому принадлежитъ большая часть переписки, которому всегда бывала она такъ усладительна, и часто такъ полезна въ должностяхъ министра, какія отправлять я при трехъ царствованіяхъ . . . весьма различныхъ!

Графу Рейнгарду было 30 лѣтъ, а мнѣ 37, когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Онъ вступилъ въ дѣла съ большимъ запасомъ приобретенныхъ имъ познаній. Онъ хорошо зналъ пять или шесть языковъ, литературы которыхъ были ему знакомы. Онъ могъ-бы сдѣлаться знаменитъ, какъ поэтъ, какъ историкъ, какъ географъ, и въ семь-то послѣднемъ качествѣ былъ онъ членомъ Института, едва только Институтъ былъ учрежденъ.

Онъ былъ уже тогда членомъ Геттингенской Академіи наукъ. Рожденный и воспитанный въ Германіи, онъ издалъ въ юности своей нѣсколько стихотвореній, по которымъ замѣтили его Геснеръ, Виландъ, Шиллеръ. Позднѣе, принужденный для своего здоровья брата Карлсбадскія воды, онъ имѣлъ счастье встрѣтить тамъ, и часто видѣть славнаго Гёте, который такъ оцѣнилъ его вкусъ и познанія, что пожелалъ быть отъ него уведомляемъ обо всемъ, что производило какое нибудь движеніе въ литературу Французской. Рейнгардъ обѣщавъ, и обѣщанія сего рода между людьми высшей степени суть всегда взаимны; они скоро дѣлаются узлами дружбы; взаимное обѣщаніе между Рейнгардомъ и Гёте подало поводъ къ перепискѣ, которая печатается теперь въ Германіи.

Въ ней увидѣть, что достигнувъ той эпохи жизни, когда окончательно надобно избирать званіе, къ коему почитаемъ мы себя болѣе способными, Рейнгардъ обратился на самого себя, свой вкусъ, свое положеніе, и положеніе своего семейства, взглядъ глубокой, предшествовавшей его рѣшенію. И тогда, замѣчательное по времени дѣло, поприщамъ, гдѣ могъ быть совершенно независимымъ, предпочелъ онъ такое, на которомъ это было рѣшительно невозможно. Дипломатическому поприщу отдалъ онъ преимущество, и поступилъ хорошо: способный

на всё должноти по сему призываю, онъ выполнялъ ихъ все послѣдовательно, и всегда съ отличіемъ.

Осмѣлось сказать здѣсь, что его первоначальное учене счастливо приготовило его къ тому. Особенно Теология, по которой онъ былъ замѣненъ въ Денкердофской семинаріи, и въ Тибингенскомъ протестантскомъ факультетѣ, придали ему силу, и въ то же время гибкость сужденія, какую находимъ во всемъ, что только выходило изъ-подъ пера его. Давы отнять у самого себя опасеніе, что утверждаю идею, которая можетъ показаться парадоксомъ, я принужденъ напомнить здѣсь имена многихъ изъ нашихъ неогціаторовъ, которые все были теологи, и все замѣнены исторіею, какъ предводившіе политическими, важнѣйшими дѣлами своего времени: кардинала канцлера Дюпра, столько-же опытнаго въ правахъ церковномъ, сколько и въ гражданскомъ, установившаго со Львомъ X начала конкордата, многие части коего остаются донынѣ; кардинала Д'Осса, который, несмотря на усилія многихъ сильныхъ державъ, достигъ до примиренія Генриха IV съ Римскимъ Дворомъ. Собраніе писемъ, послѣ него оставшееся, и донынѣ предписывается для чтенія молодымъ людямъ, посвящающихъ себя поприщу политическому. Кардиналъ Польнякъ, теологъ, поэтъ, неогціаторъ, послѣ долгихъ, несчастныхъ войнъ, умѣлъ сохранить Франціи, Утрехтскимъ миромъ, завоёванія Лудовика XIV.

Также теологическими книгами начато было родителемъ бывшимъ въ послѣдствіи епископомъ Гапскимъ, воспитаніе Лионна, имя котораго получило новый блескъ отъ недавно изданныхъ, важныхъ его сочиненій.

Имею, мною упомянутыхъ, кажется, достаточно оправдать вліяніе, которое, по мнѣнію моему, имѣло на привычки г-на Рейнгардта, первоначальное учене, къ какому направилъ его родительское воспитаніе.

Прочія, и въ то же время различныя познанія, пріобрѣтенныя Рейнгардтомъ, были поводомъ призыва его въ Бордо, для пріятія на себя почетныхъ, хотя и скромныхъ обязанностей учителя, въ одномъ протестантскомъ семействѣ сего города.

Тамъ естественно находилъ онъ въ сношеніяхъ со многими людьми, заблужденій, дарованія и смерти которыхъ бросили такой блескъ на наше первое Законодательное Собраніе. Они легко могли увлечь Рейнгардта въ службу Франціи.

Не буду слѣдовать шагъ за шагомъ черезъ измѣненія, какими исполнено было продолжительное его поприще. Въ многочисленныхъ должностяхъ, которыя были ему вѣрены, то

въ высшемъ, то въ нижнемъ разрядѣ, было что-то несвязное, было какое-то отсутствіе іерархическаго порядка, которое намъ теперь трудно понять. Въ ту эпоху не было предубѣжденій, ни касательно мѣсть, ни касательно людей. Въ другое время, покровительство и различіе призываютъ къ важнымъ занятіямъ. Во время, о которомъ говорю, худо-ли это, или хорошо, отношенія побуждаются обстоятельствами, и такой порядокъ дѣлъ ведетъ къ смѣшенно лишь и заваній.

Такъ видимъ мы Рейнгардта первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ — занимающимъ такую же должность въ Неаполѣ — полномочнымъ министромъ при Ганзеатическихкихъ городахъ, Гамбургѣ, Бременѣ и Любекѣ — начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ — полномочнымъ министромъ во Флоренціи — министромъ высшихъ сношеній — полномочнымъ министромъ въ Гельвеціи — главнымъ консуломъ въ Миланѣ — полномочнымъ министромъ въ Нижне-Саксонскомъ округѣ — резидентомъ въ задунайскихъ Турецкихъ областяхъ, и главнымъ торговымъ комиссаромъ въ Молдавіи — полномочнымъ министромъ при дворѣ Виртембергскомъ — директоромъ канцеляріи департамента иностранныхъ дѣлъ — полномочнымъ министромъ при Германскомъ Сеймѣ и вольномъ городѣ Франкфуртѣ, и наконецъ полномочнымъ министромъ въ Дрезденѣ.

Сколько мѣсть, сколько должностей, и въ такое время, когда дарованіе, казалось, меньше всего могло быть оцѣнено, ибо одна только война казалась управляющею всѣми дѣлами!

Не ожидайте отъ меня Мн. Гг., чтобы я отдалъ вамъ отчетъ подробный, о каждомъ занятіи Рейнгардта, въ различныхъ, исчисленныхъ мною должностяхъ его. Для этого надобно-бы написать книгу.

Мнѣ должно только сказать вамъ, какъ понималъ онъ обязанность, ему предоставленную, бывши начальникомъ отдѣленія, министромъ, консуломъ.

Хотя Рейнгардтъ не имѣлъ выгоды, которую могъ воспользоваться поздне — превосходными образцами другихъ, но онъ зналъ, сколько качествъ, и качествъ различныхъ, должны отличать начальника отдѣленія иностранныхъ дѣлъ. Вѣрное сознаніе вразумило его, что права такого чиновника должны быть просты, правильны, уединены; что чуждый волеиніемъ свѣта, онъ долженъ жить только для дѣлъ, храня въ нихъ глубокую тайну; что всегда готовый отвѣчать на вопросы о людяхъ и событіяхъ, онъ долженъ безпрерывно имѣть въ памяти своей все трактаты, исторически вѣдать время каждаго, справедливо оцѣнять ихъ выгодныя и невыгод-

ныя стороны, предшествовавшее имъ, послѣдовавшее за ними; что употребляя такимъ образомъ свои познанія, онъ долженъ притомъ не беспокоить пронципальнаго самолюбія старшихъ, и что даже увлекая ихъ къ своему мнѣнію, надобно оставлять успѣхъ свой въ тѣни, и помнить, что низшему чиновнику позволено блистать только отраженіемъ отъ другихъ, хотя жизнь чистая и скромная естественно должна обращать на него большое вниманіе.

Наблюдательный умъ Рейнгардта здѣсь не останавливался. Онъ довелъ его къ сознанию того, какъ рѣдко бываетъ соединеніе качествъ, необходимыхъ для министра иностранныхъ дѣлъ. Дѣйствительно, такому министру надобно быть одарену какимъ-то инстинктомъ, который предувѣдомлялъ-бы его мпвонно о каждомъ спорѣ, который можетъ быть неудаченъ. Ему надобна способность показываться открытымъ, оставаясь непроницаемымъ; быть осторожнымъ подъ формою безвѣщности; быть ловкимъ, даже на выборъ своихъ забавъ; надобно, чтобы его бесѣда была проста, разнообразна, неожиданна, всегда естественна, иногда добродушна — словомъ: онъ не долженъ переставать во все 24 часа дня быть министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ, все сіи качества, какъ-бы рѣдки они ни были, могутъ остаться недостаточны, если добросовѣстность не придастъ ручательства, почти всегда имъ потребнаго. Я долженъ упомянуть объ этомъ, желая уничтожить предубѣжденіе, почти повсемѣстно распространенное. Нѣтъ, Мм. Гг, дипломатія не есть наука лукавства и двоедушія. Если добросовѣстность потребна гдѣ-либо, то, конечно, въ политическихъ сношеніяхъ, ибо она дѣлаетъ ихъ прочными и продолжительными. Напрасно смѣшнваютъ осторожность съ лукавствомъ. Добросовѣстность никогда не даетъ права на лукавство, но допускаетъ только осторожность, а въ осторожности заключается то особенное, что она умножаетъ довѣренность.

Управляемый честью и выгодами своей страны, честью и выгодами своего государя, любовью къ свободѣ, основанной на порядкѣ и общихъ правахъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, когда умѣетъ онъ быть имъ, находится въ самомъ прекрасномъ положеніи, на которое умъ возвышенный можетъ объявить права свои.

Но бывши искуснымъ министромъ, сколько надобно еще знать, чтобы быть хорошимъ консуломъ! Принадлежности консульства разнообразны до безконечности: они отличны отъ всякаго другаго рода занятій чиновника по министерству иностранныхъ дѣлъ. Они требуютъ множества практи-

ческихъ свѣдѣній, для которыхъ необходимо особенное воспитаніе. Консулы обязаны, въ объемъ своего управленія, исправлять для своихъ соотечественниковъ должности судей, посредниковъ, примирителей; часто они гражданскіе чиновники, исполняютъ обязанность нотаріусовъ и управляющихъ мореходствомъ; соблюдаютъ и утверждаютъ состояніе здоровья, и только они, своими прывычными занятіями, могутъ дать полное и вѣрное понятіе о положеніи торговли, мореплаванія и частной промышленности той земли, гдѣ находятся.

Такъ Рейнгардтъ, непренебрегавшій ничѣмъ для вѣрности свѣдѣній, которыя приходилось ему передавать правительству своему, и для рѣшеній, какія надлежало ему исполнять, какъ консульскому агенту и управителю мореплаваніемъ, глубоко изучалъ права общественныя и права морскія. Это изученіе привело его къ увѣренности, что наступитъ время, когда управленіями, искусно приготовленными, установится общая система торговли и мореплаванія, въ которой пользы всѣхъ націй будутъ уважаемы, и въ которой основанія будутъ таковы, что самая война не будетъ колебать ихъ, если бы она и должна была останавливать нѣкоторые изъ ихъ выводовъ.

Такъ достигъ онъ до вѣрнаго и быстро разрѣшенія всѣхъ вопросовъ о курсахъ, арбитражѣ, переходѣ монетъ, мѣръ и вѣсовъ, въ такой степени, что никогда не возникало противорѣчій противъ осведомленія, имъ переданнаго, и сужденія, имъ изреченнаго. Правда и то, что личное уваженіе, которое слѣдовало за нимъ на всемъ его поприщѣ, давало вѣсъ его мнѣнію во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ онъ вмѣшивался, и во всякомъ посредничествѣ, гдѣ ему надлежало рѣшать.

Но какъ ни обширны были свѣдѣнія этого человѣка, какъ ни велика казалось его способность быть дипломатомъ полнымъ и рѣднымъ, Рейнгардтъ не былъ имъ вполне — ему не доставало еще одного качества. Онъ все видѣлъ и понималъ превосходно; съ перомъ въ рукахъ, онъ отдавалъ удивительный отчетъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Его письменное слово было легко, обильно, умно, вкрадчиво; потому, изъ всѣхъ дипломатическихъ сношеній моего времени, императоръ Наполеонъ, имѣвшій право и потребность быть взыскательнымъ, ни кому не отдавалъ преимуществъ передъ Рейнгардтовымъ. Но этотъ самый человѣкъ, писавшій превосходно, словесно выражался съ трудомъ. Для изложенія своихъ дѣйствій, разумъ его требовалъ времени болѣе, нежели сколько даетъ разговоръ. Чтобы внутреннее его слово могло легко выразиться, ему надлежало быть одному и безъ свидѣтелей.

Не смотря на такое существенное неудобство, Рейнгардтъ всегда успѣвалъ дѣлать, и хорошо дѣлать, все, что ему препоручали. Гдѣ же находилъ онъ средства успѣвать? Гдѣ бралъ онъ свои вдохновенія?

Онъ бралъ ихъ, Мм. Гг., въ истинномъ и глубокомъ чувствѣ, управлявшемъ всѣми его дѣйствіями — въ чувствѣ долга. Недовольно еще понимаютъ все то, что есть могущаго въ этомъ великомъ чувствѣ. Жизнь, вполне отданная долгу, легко освобождается отъ честолюбія. Жизнь Рейнгардта была употреблена единственно на должности, какія онъ исполнялъ, такъ, что никогда не было видно въ немъ слѣда личнаго расчѣта, ни требованій на какое нибудь посѣпшное возвышеніе.

Эта религія долга, которой Рейнгардтъ былъ вѣренъ всю жизнь свою, состояла въ точномъ повиновеніи наставленіямъ и приказаніямъ начальниковъ; въ непрерывной дѣятельности, которая, соединилась съ большою пронницательностью, никогда не оставляла его въ невѣдѣніи о томъ, что ему надлежало знать; въ строгой справедливости всѣхъ донесеній, были-ли они пріятны, или непріятны; въ непроницаемой скромности, правильности жизни, внушавшей довѣренность и почтеніе, въ тонкости обращенія, и наконецъ, въ постоянной заботѣ — придать дѣламъ правительства тотъ цвѣтъ и то изыясненіе, какихъ требовала польза дѣлъ, ему порученныхъ.

Хотя лѣта означали для Рейнгардта время отдыха, онъ никогда не попросилъ бы объ увольненіи — такъ страшился онъ показать малѣйшую неохоту служить на томъ поприщѣ, которому посвящалъ всю жизнь свою. Надлежало королевской благосклонности, всегда внимательной, быть для него предупредительною, и поставить этого знаменитаго служителя Франціи въ почетное положеніе, призвавъ его въ Палату Перовъ.

Графъ Рейнгардтъ не долго наслаждался сею почестью, и скончался почти скоропостижно, 25 Декабря 1837 года.

Онъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака оставилъ онъ сына, находящагося теперь на политическомъ поприщѣ. Все чего можно пожелать сыну подобнаго отца — да будетъ онъ ему подобенъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е ТРЕТЬЕГО ТОМА.

(Май и Іюль 1838 года).

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стр.
<i>Ганникова А.</i> Небесный сводъ	5
<i>Льбова А.</i> Петръ I-й на берегахъ Невы	85
<i>О. В. И.</i> — Сцены изъ комедіи: Чинчобсіе	88
<i>Полжеяева А.</i> Коріоланъ (отрывокъ)	16
<i>Розена Б. Е. Ѳ.</i> Римскіе вѣнцы	21
<i>Стромилова С.</i> Кипарисъ	26
<i>Струговицкова А.</i> Отрывокъ изъ Фауста Гете	7
<i>Сушкова Д. П.</i> Отрипнутый поэтъ	23
— — Раздумье	101
<i>Трауля.</i> — Утѣшеніе	104
<i>Филимонова В. С.</i> Туда!	26
<i>Шаховой Е.</i> — А-ъ Л-ъ Б-ъ	103

ПРОЗА.

Византійскія легенды. Отрывокъ. <i>Н. А. Полеваго.</i>	27 ✓
Три главы изъ романа Г-жи М.	105

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	Стр.
Мастерская Рембрандта. Повесть Г. Берту.	1
Злая мысль. Повесть П. Мюссе.	57
Сакунтала. Индйская трагедія, Дѣйствіе 1, 2, 3 и 4-е.	105

III.

НАУКИ и ИСКУССТВА.

О коралловыхъ островахъ и меляхъ въ Черномъ морѣ. Соч. Эренберга	1
Эстетическое чувство. Соч. И. М. Ястребцова.	44
Железныя дороги, въ сравненіи съ водными сообщеніями. Соч. М. Шваале.	56
Путешествіе по Нигеру (изъ Edinburgh Review).	89
Сентября 17-е, 1831 года, въ Навилин (отрывокъ изъ рукописи)	145
Воспоминанія о Кульневѣ. Д. В. Давыдова.	165
Нравы и повѣрья Чувашей. П. А. Анорова.	193

IV.

КРИТИКА.

Oeuvres d'histoire naturelle de Goethe, etc. (Сочиненій Гёте, касательно Естественнаго, перев. Мартенсомъ). Парижъ, 1838 г. статья Э. Литтре	1
Очеркъ Русской литературы за 1838 годъ, статья Н. А. Полеваго	27-49
Дѣянія Петра Великаго. Соч. И. И. Голикова. Изданіе второе. М. 1837, 1838 гг. — статья Н. А. Полеваго.	67

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

	Стр.
Проектъ, касательно учрежденія желѣзныхъ дорогъ во Франціи	53
Султанъ Махмутъ и министры его	65
Лѣтопись событій за Апрель и Май, 1838 года	1-107

VI.

СМѢСЬ и НѢЧТО.

Письмо къ Издателямъ С. О. (о Геодезіи г-на Болотова), М. Б-га	1
Библиографическія замѣчанія на Словарь свѣтскихъ Русскихъ писателей, изд. г-мъ Снегиревымъ (С. П.)	3
Воспоминанія о Крымѣ (С. С.)	5
Рѣчь Талейрана во Французской Академіи, 3-го Марта 1838 г.	10

=